TARTU ÜLIKOOL · UNIVERSITAS TARTUENSIS · 1632

nim. 2
D. 181

Tartu Ülikool

Politiline ökonoomia. Prof. M. J. Tugan-Baranowsky käsiraamat, 1917. a., parandatud ja täiendatud väljaande järele koostanud programmile vastavalt Tartu ülikooli juura- ja kaubandusüliõpilastele. Rotaatorpaljundus.

1923.
173 l.

P O L I I T I L I N E

Ô K O N O O M I A.

PROF. M. I. TUGAN-Baranowsky NELJANDA, 1917 a., PARANDATUD JA TAIENDATUD WALjaande järele kokkuseatud programmile wastawalt TARTU ülikooli juura ja kaubanduse üliõpilastele.

Tartus, 1923.
OHR. JÜRGENSI PALJUNDAMISE BÜROO TARTUS, MAARJAMÕISA tän. 11.

F55
S.80

P O L I I T I L I N E

Ô K O N O O M I A.

PROF. M. I. TUGAN-Baranowsky NELJANDA, 1917 a., PARANDATUD JA TAIENDATUD WALjaande järele kokkuseatud programmile wastawalt TARTU ülikooli juura ja kaubandus üliõpilastele.

Tartus, 1923.
CHR. JÜRGENSI PALJUNDAMISE BÜROO TARTUS, MAARJAÕISA tän. 11.

О Т Д Ѣ Л I.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О НАРОДНОМ ХОЗЯЙСТВѢ.

Г Л А В А II.

Предмет политической экономіи.

I. О б щ а я х а р а к т е р и с т и к а п о л и т и ч е с к о й э к о н о м і и. Политическая экономія изучает народное хозяйство в каких отношеніях, в каком смыслѣ и с какими цѣлями, это выяснится из дальнѣйшаго изложенія.

Положеніе политической экономіи среди других общественных наук чрезвычайно своеобразно в том отношеніи, что никакая другая общественная наука не вызывает к себѣ такого живого интереса среди людей нашего времени и в то же время не отрицается столь часто в своем научном авторитетѣ, не встрѣчает людей враждебнай критики с самых различных сторонъ. И то и другое до извѣстной степени, вызывается, общей причиной. Изучая отношенія хозяйства, политическая экономія вторгается в область хозяйственных интересов, являющихся наиболѣе мощными и доминирующими интересами современности. Но при наличности глубокаго и неустранимаго противорѣчія хозяйственных интересов, характернаго для существующаго строя хозяйства, выводы политической экономіи не могут не вступать в столкновеніе с хозяйственными интересами тѣх или иных групп населенія. Благодаря этому, положеніям нашей науки всего труднѣе завоевать общее признаніе- извѣстно, какое сопротивленіе оказывает враждебный интерес даже самым ясным и, казалось бы, непререкаемым доводам. Вот почему авторитет политической экономіи так шаток и неустойчив в общественном мнѣніи, -чѣм глубже захватывает эта наука природу общественно-экономических отношеній, тѣм упорнѣе отвергаются ея выводы тѣми, интересамъ которых эти выводы противорѣчат.

Другая причина и силы и слабости политической экономіи заключается в том, что она является единственной среди всѣх общественных наук, ставящей себѣ верховною цѣлью не описаніе конкретных явленій и даже не причинное объясненіе каждаго из них в отдѣльности, но установленіе общих закономѣрностей причинных соотношеній соотвѣтствующих явленій. Достигает ли политическая экономія этих цѣлей или нѣт, - во всяком случаѣ она их себѣ ставит и этим существенно отличается как от наук права, содержаніе которых слагается, главным образом, из описанія дѣйствующаго права, исторіи развитія его и критики с точки зрѣнія цѣлесообразности, так и от общей науки исторіи, которая описывает и объясняет историческую смѣну общественных явленій, но не доводит своих обобщеній до установленія общих закономѣрностей общественных явленій. Послѣдняя задача выпадала бы на долю соціологіи- но таковой научной дисциплины пока, в строгом смыслѣ, не существует, и мы все еще не вышли из малоуспѣшных попыток создать эту отсутствующую науку.

По своим цѣлям политическая экономія приближается, таким образом, к тому точному абстрактному познанію, образцом котораго может служить абстрактное естествознаніе. Но, конечно, современная экономическая наука по точности и обще-обязательному значенію своих выводов стоит далеко позади естествознанія. И потому, ставя себѣ болѣе высокія и трудно достижимыя цѣли, она становится и болѣе уязвимой для критики, чѣм друг. общественныя науки, в большей или меньшей степени сводящіяся к простому описанію конкретных фактов.

Открытіе законов причинных или функціональных зависимостей есть высшая задача науки. Но задача эта далеко не всегда, не при всяком уровнѣ знанія разрѣшима. В частности, в политической экономіи долгое время преобладало увленіе общими формулами, в которых современники видѣли выраженіе неизмѣнных и вѣчных законов хозяйства; впослѣдствіи, однако, многіе из этих, якобы, законов оказались поверхностными, -а иногда и неправильными- обобщеніями частных и преходящих явленій. Чрезмѣрная склонность к широким обобщеніям и абстракціи имѣла своим послѣдствіем то, что экономическая теорія мало-по малу потеряла связь с реальной жизнью. Многія построенія экономической теоріи пріобрѣли схоластическій характер-

чисто словесных опредѣленій, которыя вращались в кругу условных терминов, не обогащая ни на іоту нашего знанія дѣйствительности.

Такое положеніе дѣла не могло не вызвать реакціи. И вот мы видимъ, что удушливому увлеченіе теоріей смѣняется увлеченіем фактами. Разочаровавшись в достижимости болѣе высоких цѣлей научнаго познанія, многіе экономисты проникаются презрѣніем к теоріи. Мѣсто прежней отвлеченной теоріи занимают обстоятельнѣйшія описанія фактов конкретной экономической дѣйствительности и исторіи хозяйства- и экономическая наука, в трудах ученых этого направленія, превращается в простое скопленіе огромной массы эмпирическаго матеріала с крайне скудным теоретическим освѣщеніем.

Палка была перегнута в другую сторону. Нострах поклонников фактов перед теоріей также не соотвѣтствует духу истинной науки, как и чрезмѣрное увлеченіе теоріей болѣе ранних экономистов. Если теорія, оторванная от фактов, пуста, то и факты, не освѣщенные теоріей, слѣпы.

Научный курс в политической экономіи должен избѣжать обѣих указанных крайностей. Он должен быть проникнут с начала до конца стройной теоріей, которая должна укладывать к систему и ставить на свое мѣсто каждый отдѣльный факт, находящій себѣ в нем мѣсто; но сама теорія должна излагатьсч в непосредственной связи с фактами. И теорія и факты должны быть органическим цѣлым, в котором одна часть предполагает другую.

Теорія, вытекающая из фактов, и факты, как основа теоріи- таково должно быть содержаніе курса, стоящаго на высотѣ современной науки.

II. О п р е д ѣ л е н і е х о з я й с т в е н н о й д ѣ я т е л ь н о с т и . Политическая экономія изучает народное хозяйство. Но этим еще сказано очень мало. Прежде всего, нужно точно опредѣлить самое понятіе народнаго хозяйства. Затѣм нужно установить, в каком смыслѣ, в каких отношеніях, с какой точки зрѣнія экономическая наука изслѣдует народное хозяйство- ибо хозяйственная дѣятельность человѣка является предметом изученія многих других наук, кромѣ политической экономіи.

Центральным понятіем нашей науки является понятіе хозяйства. Болѣе ста лѣт тому назад великій Кант иронически замѣтил относительно науки права, что юристы все еще спорят о том, что такое право. Споры эти продолжаются и до днеѣ. Экономисты мало спорят или вовсе не спорят относительно понятія хозяйства, но не потому, чтобы относительно него господствовало между ними полное согласіе. Большинство экономистов просто не чувствует потребности в точном опредѣленіи центральнаго понятія своей науки. Между тѣм, неясность в этом исходном пунктѣ должна внести неясность во все послѣдующее. Чтобы точно установить предмет изученія политической экономіи и этим сдѣлать невозможным вторженіе в ея область других научных дисциплин, равно как и безплодную охоту экономиста на чужих полях, нужно самым строгим образом очертить границя той научной территоріи, которую экономист может и должен считать своим законным владѣніем. Только это может обезпечить плодотворное мирное сотрудничество отдѣльных наук, вмѣсто господствующей нынѣ между ними междуусобной брани, вызываемой неясностью их взаимных границ.

Наибольшей популярностью среди экономистов пользуются двѣ группы опредѣленій понятія хозяйства. Первая группа исходит из конечных цѣлей хозяйственной дѣятельности, из р о д а п о т р е б н о с т и, которой эта дѣятельность служит; вторая из х а р а к т е р а х о з я й с т в е н н о й д ѣ я т е л ь н о с т и, из внутренних ея свойств.

Опредѣленіе хозяйства перваго рода имѣет, повидимому, всего болѣе сторонников среди экономистов. Представители этого воззрѣнія на природу хозяйства (Шмоллер, Энгелье, А.И.Чупров) различают два рода потребностей- низшія, необходимыя, физіологическія потребности поддержанія жизни нашего организма (обычно называемыя м а т е р і а л ь н ы м и или внѣшними потребностями) и высшія потребности духовнаго или культурнаго характера. Хозяйством является по этому взгляду такая дѣятельность, которая направлена на удовлетвореніе первой группы потребностей.

Такое пониманіе сущности хозяйственной дѣятельности наталкивается, однако, на непреодолимыя трудности при его примѣненіи к дѣлу. Прежде всего совершенно невозможно точно разграничить так называемыя низшія,

физіологическія, и высшія, культурныя потребности. Куда отнести, напр. потребности в красивой одеждѣ, драгоцѣнностях и т.п.? Несомнѣнно, это- не необходимыя потребности. Однако, приготовленіе одежды относится всѣми экономистами к хозяйству. Далѣе, если бы и можно было разграничить "хозяйственныя потребности" от "нехозяйственных", это еще не дало бы нам точнаго критерія для различенія хозяйства от дѣятельности другого рода. Дѣло в том, что почти каждый предмет может служить самым разнообразным потребностям, и, слѣдовательно, стоя на разсматриваемой точкѣ зрѣнія, совершенно невозможно установить, является ли данная дѣятельность хозяйственной или нѣт. Из кирпичей можно выстроить и фабрику, (служащую цѣлям хозяйства) и храм (не служащій хозяйственным цѣлям); из полотна дѣлают мѣшки для хлѣба, но на полотнѣ пишут и картины. Граница между хозяйством и не-хозяйством, таким образом, совершенно стирается.

В виду невозможности опредѣлить хозяйственную дѣятельность по ея конечным цѣлям, многіе экономисты стали искать отличительных признаков хозяйства в характерѣ этой самой дѣятельности- не в том, что дѣлается, а в том, как дѣлается.

Хозяйством, согласно этому опредѣленію, (Рошер, Вагнер, Исаев) является всякая дѣятельность, соотвѣтствующая хозяйственному принципу, под каковым слѣдует понимать стремленіе достигать с наименьшими затратами наибольшаго полезнаго результата.

Такое опредѣленіе хозяйства кажется гораздо научнѣе и гораздо глубже проникающим в природу хозяйственной дѣятельности, чѣм опредѣленія предыдущей группы. Оно совершенно отказывается от мысли, что хозяйственная дѣятельность удовлетворяет только одной группѣ потребностей. Какова бы ни была потребность человѣка, низшая или высшая, дѣятельность, направленная на ея удовлетвореніе, должна быть признана хозяйственной, если только она совершается в согласіи с хозяйственным принципом. Самый же хозяйственный принцип есть не что иное, как требованіе возможно болѣе бережливаго расходованія сил.

В центрѣ этого опредѣленія хозяйства лежит понятіе хозяйственнаго принципа, играющее вообще очень большую роль в экономической теоріи нашего времени. Не подлежит ли малѣйшему сомнѣнію, что принцип этот, дѣйствительно, свойственен хозяйственной дѣятельности, и что хозяйственная дѣятельность тѣм полнѣе достигает своих цѣлей, чѣм болѣе она ему слѣдует. Мы называем хозяйство хорошим или дурным в зависимости от того, насколько оно построено в соотвѣтствіи с этим принципом.

Однако, и хозяйственный принцип столь же мало пригоден для выдѣленія специфически хозяйственной дѣятельности из ряда других, как и род потребности, которой эта дѣятельность служит. Всякая разумная ц̈елесообразная (потребность) дѣятельность должна слѣдовать этому принципу. Мы мыслим согласно хозяйственному принципу, стремясь с наименьшей хатратой своих умственных сил разрѣшить интересующій нас вопрос, и тѣм же принципом опредѣляем цѣнность продукта нашего умственнаго творчества. Отвлеченное понятіе, закрѣпляющее в общей формулѣ неограниченное число отдѣльных конкретных впечатлѣній, потому является таким необходимым орудіем нашего мышленія, что, благодаря ему, экономизируются силы нашего ума; эстетическая цѣнность произведеній искусства точно также зависит от способности их с наименьшей затратой внѣшних средств достигать наибольшей суммы эстетическаго впечатлѣнія и т.д., и т.д. Наши потребности далеко превосходят средства их удовлетворенія, находящіяся в нашем распоряженіи. Поэтому мы должны экономизировать свои силы и всякія иныя средства удовлетворенія наших потребностей, чтобы обезпечить себѣ максимум удовлетворенія послѣдних.

Итак, желая установить отличительный признак хозяйства, экономисты натолкнулись на принцип гораздо болѣе широкаго значенія- на основной принцип всякой разумной дѣятельности вообще. Но именно этому принципу этот не может быть опредѣляющим признаком понятія хозяйства. Хозяйство, не удовлетворяющее требованіям названнаго принципа, есть, конечно, плохое хозяйство: но плохое хозяйство все же хозяйство. С другой стороны, творческая дѣятельность истиннаго художника, совершающагося с волю-

чайшим соблюденіем принципа экономіи сил, не принимает в силу этого характера хозяйства.

Итак, и то и другое опредѣленіе хозяйства должны быть признанн не устанавливающими конститутивных признаков хозяйственной дѣятельности. Разсмотрѣнныя опредѣленія ищут отличительныя признаки хозяйства лишь в субъективной формѣ переживаній хозяйствующаго лица; опредѣленія первой группы- в сферѣ потребностей индивида, опредѣленія второй группы- в характерѣ дѣятельности индивида. Но хозяйство есть двусторонній акт, акт взаимодѣйствія между человѣком и внѣшней природой. Именно в этом и заключается объективный признак, самым рѣзким образом отличающій хозяйственную дѣятельность от всякой иной. Всякая цѣлесообразная дѣятельность должна имѣть какой-либо предмет, на который она направлена. Предметом этим может быть либо человѣк, либо внѣшняя природа. Дѣятельность непосредственным предметом которой служит человѣк, никогда не включается нами в понятіе хозяйства. Хозяйственная же дѣятельность непосредственно направлена на внѣшнюю природу. В этом заключается первый объективный признак хозяйства.

Так, напр., врач не занимается хозяйством, когда он лечит больного, как не является хозяином и учитель, занятий обученіем, музыкант, исполняющій музыкальную пьесу, или судьи в судебном засѣданіи. Напротив, обработка поля, результатом которой является полученіе пищи, приготовленіе одежды или жилища всѣми включается в сферу хозяйства. Во всѣх этих случаях непосредственным объектом дѣятельности человѣка является внѣшняя природа, видоизмѣненіе ея и приспособленіе к нашим цѣлям.

Но не нужно думать, что мы воздѣйствуем на природу только для удовлетворенія наших необходимых физіологических потребностей. Самыя высшія наши потребности, точно также как и низшія, требуют для своего удовлетворенія предварительнаго видоизмѣненія природы нашим трудом. Религіозная потребность ведет к постройкѣ храмов, и даже вся первоначальная архитектура возникла из постройки храмов. Эстетическія потребности вызывают самые разнообразныя роды хозяйственной дѣятельности- приспособленія внѣшней природы к нашим потребностям. Одежда служит не только для защиты нашего тѣла от холода, но и предметом украшенія, а производство одежды есть одна из важнѣйших отраслей хозяйственнаго труда. Удовлетвореніе музыкальной потребности требует производства музыкальных инструментов. Для скульптуры нужны мрамор и бронза, для живописи- полотно и краски. Быстро растущія в современном обществѣ потребности познанія приводят к тому, что все увеличивающаяся доля общественнаго труда затрачивается на производство книг, бумаги, чернил, перьев, научных инструментов и т.д. и т.д. Стремленіе к власти и господству над себѣ подобными есть один из существенных стимулов милитаризма, приводящаго к тому, что сотни тысяч и милліоны людей заняты приготовленіем разнаго рода предметов вооруженія, одежды и продовольствія солдат. Словом, не существует ни одной общественной потребности, от самой высшей до самой низшей, которая не требовала бы для своего удовлетворенія воздѣйствія человѣка на внѣшнюю природу. приспособленіе ея к нашим цѣлям.

Однако, хозяйственная дѣятельность не всегда стоит в измѣненіи внѣшней природы. Обмѣн, торговля всѣми относятся к области хозяйства. В этом случаѣ, однако, переходит от одного лица к другому лишь владѣніе предметами внѣшняго міра,- самые же предметы не испытывают перемѣн. При обмѣнѣ измѣняется отношеніе человѣка к внѣшней природѣ,- пріобрѣтая нужный ему материальный предмет, вступающій в обмѣн человѣк создает для себя материальную возможность удовлетворенія своих потребностей. Значит, и в случаѣ обмѣна хозяйственная дѣятельность направляется на созданіе материальной обстановки, необходимой для удовлетворенія потребностей хозяйствующаго лица, направляется на внѣшнюю природу- но не на видоизмѣненіе ея, а на завладѣніе ею в интересах даннаго лица.

Итак, первый отличительный признак хозяйственной дѣятельности- это то, что непосредственным предметом ея является внѣшняя природа, а не человѣк. Это-внѣшній объективный признак хозяйства. Но одного этого признака мало. Хозяйственная дѣятельность самым рѣзким образом отличается от игры, художественнаго творчества и, вообще от всякой дѣятельности, которая является не средством для чего-либо иного, а цѣлью в себѣ.

Если даже внѣшніе результаты дѣятельности одни и тѣ же, дѣятельность является хозяйственной или нѣт в зависимости от того, есть ли она средство или цѣль. Хозяйственная дѣятельность никогда не есть самоцѣль, но всегда средство к достиженію иной цѣли. В этом заключается второй субъективный признак хозяйства.

Охотник-спортсмен, рыболов-любитель не занят хозяйством, хотя они также убивают дичь и ловят рыбу, как и охотник-промышленник или обыкновенный рыбак, несомнѣнно занятые хозяйственным трудом. Живописец вывѣсок занят хозяйственным трудом, как и любой маляр, но творчество истиннаго художника никогда не относится нами к хозяйству. Почему же? Потому что эстетическое творчество есть самоцѣль; художник творит, повинуясь внутреннему влеченію к этой дѣятельности, доставляющей ему высшее наслажденіе, а вовсе не ради увеличенія своего или чужого комфорта. И потому крайним осужденіем труда художника является в наших глазах сближеніе его с хозяйственным трудом: назвать поэта или живописца ремесленником-значит признать отсутствіе в нем истиннаго художественнаго таланта.

По той же причинѣ вся область потребленія выключается нами из сферы хозяйственнаго труда, ибо потребленіе есть цѣль нашей дѣятельности, а не средство для чего либо иного.

Приготовленіе пищи есть хозяйство, но ѣда не есть хозяйство, заканчивающееся в тот момент, когда мы приступаем к потребленію. Задача хозяйства в том именно, чѣ заключается, чтобы сдѣлать возможным потребленіе, которое есть конечная цѣль хозяйства, а не само хозяйство. Если же бы стали включать и потребленіе в сферу хозяйства, то хозяйство охватило бы всю нашу жизнедѣятельность, которая сводится к удовлетворенію наших потребностей- иначе говоря, к употребленію.

Итак хозяйственная дѣятельность характеризуется двумя отличительными признаками: объективным, заключающимся в том, что непосредственным внѣшним объектом хозяйственной дѣятельности всегда является не человѣк, а внѣшняя природа и субъективным, состоящим в том, что хозяйственная дѣятельность всегда является средством, а не цѣлью в себѣ. Соединяя в одно оба эти признака, мы получаем слѣдующее опредѣленіе хозяйства, как дѣятельность: х о з я й с т в о е с т ь с о в о к у п н о с т ь д ѣ й с т в і й ч е л о в ѣ к а, направленных на в н ѣ ш н ю ю п р и р о д у и имѣющих своею цѣлью не н а с л а ж д е н і е с а м о й д ѣ я т е л ь н о с т ь ю, но созданіе материальной обстановки, необходимой для удовлетворенія наших потребностей.

III. П о л и т и ч е с к а я э к о н о м і я и е с т е с т в о з н а н і е. Опредѣлив, что такое хозяйство, мы сдѣлали первый шаг к установленію предмета изученія прилотической экономіи. Но только первый. Дѣло в том, что хозяйство изслѣдуется далеко не одной экономической наукой, но и значительной частью прикладного естествознанія. Промышленная технологія, инженерное искусство, агрономія, зоотехнія,- все это естественныя науки, близко соприкасающіяся по своему предмету изученія с экономической наукой. И техник и экономист изслѣдуют ту же область хозяйственнаго производства, но с совершенно различных точек зрѣнія.

Это различіе точек зрѣнія экономіи и техники было впервые отмѣчено Германом. Техника, по мнѣнію этого выдающагося теоретика, сосредоточивает вниманіе на качественных измѣненіях обрабатываемаго материала. Техника указывает, каким образом придать материалу тѣ свойства, которыя дѣлают его пригодным для человѣческаго употребленія. Напротив, экономія есть количественный контроль производства, подведеніе баланса между величиною затраты и получки. Хозяйственный расчет опредѣляет, сколько требуется изготовить продуктов, качество которых устанавливается техникой. Итак, точка зрѣнія техники есть точка зрѣнія качества, экономіи-количества.

Разграниченіе экономіи и техники у Германа, в сущности, воспроизводит идею хозяйственнаго принципа, как отличительнаго признака хозяйства, Но именно потому оно и должно быть признано несостоятельным. На самом дѣлѣ, техника немыслима внѣ количественнаго учета. При устройствѣ машины техник не может не принимать в соображеніе затрат механических сил при работѣ этой машины и полезнаго дѣйствія ея. Техника, которая не исходи-

ла бы в своих расчетах из принципа экономіи сил, иначе говоря, из хозяйственнаго расчета; была бы непригодна ни для каких практических цѣлей, и, конечно, реальная технологія не характеризуется тѣми чертами, которыя ей приписывает Герман. Точка зрѣнія экономіи дѣйствительно глубоко отличается от точки зрѣнія техники, но различіе это коренится не там, гдѣ указывает Герман, который лишь сознал соотвѣтствующую теоретическую проблему, но отнюдь не разрѣшил ея. Между тѣм, разрѣшеніе ея не представляет никаких затрудненій.

Хозяйственный процесс, как выше указано, имѣет двусторонній характер: он совершается между 2-мя полюсами- человѣком и природой. Отсюда и вытекает двойственный характер наук о хозяйствѣ: поскольку наше вниманіе сосредоточивается на одном полюсѣ хозяйственнаго процесса- на человѣкѣ-мы стоим на точкѣ зрѣнія экономиста; поскольку же мы обращаемся к другому полюсу хозяйства- к природѣ, мы не переходим на точку зрѣнія техника. Для техники процесс хозяйственнаго производства есть не что иное, как ряд послѣдовательных физикохимических измѣненій в опредѣленном матеріальном субстратѣ под вліяніем воздѣйствія опредѣленных физикохимических сил. Сам человѣк для техники есть не что иное, как механическая сила, ничѣм не отличающаяся принципіально от других механических сил, участвующих в процессѣ производства. Напротив, экономиста матеріальные процессы производства сами по себѣ нисколько не интересуют; они пріобрѣтают для него значеніе лишь постольку, поскольку они вліяют на благополучіе человѣка, представляющаго для экономиста единственный предмет интереса.

С точки зрѣнія агронома, поле, на котором плуг проводит борозду, самый этот плуг, лошадь, которая его тащит, и рабочій, который ведет лошадь- в равной мѣрѣ механическія силы, результатом видоизмѣненія которых является процесс вспашки. Напротив, для экономиста и поле, и плуг, и лошадь суть только средства, при помощи которых человѣк достигает своих цѣлей. Человѣк- не средство производства, как поле, плуг и лошадь, а цѣль всего процесса, получающаго свое значеніе лишь по отношенію к интересам человѣка.

Итак, точка зрѣнія экономиста- это точка зрѣнія интересов человѣка, расцѣнка происходящих во внѣшней природѣ объективных процессов со стороны их вліянія на благополучіе человѣка. Этим политическая экономія вполнѣ опредѣленно отграничивается от технологіи, для которой человѣк не противостоит природѣ, а есть ея составная часть, одна из многих сил, вліющих на физикохимическіе и біологическіе процессы, изучаемые техническими науками.

Но не только экономическая наука изучает человѣка в процессѣ хозяйственнаго труда. Человѣка же изучает медицина; фабричная и, вообще, промышленная гигіена изслѣдует вліяніе на человѣка именно условій хозяйственнаго труда. Различіе точек зрѣнія хозяйственной теоріи и гигіены заключается, однако, в том, что гигіена, подобно технологіи, есть отрасль естествознанія. Для этой науки человѣк есть животный организм, подобно другим животным организмам. Вниманіе медицины и гигіены обращено исключительно на біологическіе процессы человѣческаго организма. Напротив, экономическая наука также мало интересуется этими послѣдними, как и физикохимическими процессами внѣшней природы; и то и другое для нея пріобрѣтает значеніе лишь в связи с вліяніем этих процессов на благополучіе человѣка, на его психическія переживанія. Для экономической науки важен только человѣк, но, притом, не как животный организм, а как субъект психических переживаній. Хозяйственный процесс, изучаемый экономической наукой, сводится, таким образом, к психическим переживаніям человѣка- вот та точка зрѣнія, с которой политическая экономія изслѣдует хозяйственный процесс, и вот каким образом политическая экономія может быть отграничена от технологіи и гигіены.

IУ. Е д и н и ч н о е и н а р о д н о е х о з я й с т в о. Итак, экономическая наука изучает хозяйственную дѣятельность человѣка с точки зрѣнія ея вліянія на благополучіе человѣка, как субъекта психическ. переживаній. Однако, удаливши из сферы экономической науки всю область техники и гигіены, мы оставили для нашей науки, повидимому, нѣчто весьма скудное. Возьмем изолированное единичное хозяйство-напр., хозяйство крестьянской семьи, которая ничего не продает и не покупает, а существует исключительно продуктами собственнаго труда. Успѣх такого хозяйства са-

мым существенным образом зависит от того, насколько раціонально в техническом отношеніи вдутся в нем оррраціи производства и насколько раціонально, в отношеніи медицины и гигіены, исполняется труд. Что может, однако, прибавить к этому существенно цѣннаго экономист? Иначе говоря, есть ли в предѣлах изолированнаго единичнаго хозяйства мѣсто для особой экономической научной дисциплины? Весь хозяйственный процесс, поскольку он выражается в психических переживаніях человѣка, в этом случаѣ в высшей степени несложен. Потребности хозяина опредѣляют направленіе хозяйственнаго труда; успѣшность этого труда зависит от внѣшних условій производства и от уровня техническаго знанія. Причинныя соотношенія хозяйства в этом случаѣ относятся преимущественно к сферѣ внѣшней природы и жизнедѣятельности организма-и, слѣдовательно, могут быть предметом изученія лишь естествознанія. Что же касается до хозяйственнаго процесса в сферѣ психических переживаній, то психическіе процессы, как таковые, являются предметом спеціальной науки- психологіи.

Весь хозяйственный процесс опредѣляется в том случаѣ сознательной волей и мыслью человѣка. Хозяйство требует опредѣленнаго плана, опредѣленнаго распредѣленія хозяйственнаго труда между различными сферами его примѣненія. План этот может бнть установлен только на основаніи расчета полезности каждаго отдѣльнаго продукта и трудовой стоимости их производства. Составленіе такого плана необходимо для каждаго хозяйства, но это- область не теоретической науки, а практическаго искусства. Поскольку же дѣло идет о теоретическом изученіи психических процессов хозяйствующаго лица, изученіе это составляет законную область психологіи, в прикладной ея части.

Таким образом, для особой теоретической научной дисциплины, выходящей за предѣлы психологіи, мѣста в этом случаѣ нѣт. Мы приходим, слѣдовательно, к странному результату. устраняя из сферы экономической науки послѣдовательно, одно за другим все, что является областью других наук, мы как будто ничего не оставили для нашей науки и, таким образом, ее упразднили.

И, дѣйствительно, на основѣ изолированнаго единичнаго хозяйства не может возникнуть особой хозяйственной науки,-матеріал для этого слишком скуден. Но сравним с изолированным единичным хозяйством группу единичных хозяйств, обладающих свободой своих хозяйственных дѣйствій и юридически независимых друг от друга, но связанных между собой обмѣном. В этом случаѣ каждый отдѣльный хозяин, в большей или меньшей степени, работает на другія хозяйства; хотя каждый формальной вполнѣ свободен, на дѣлѣ всѣ зависят друг от друга. Каждый производит что хочет, но рынок принимает не всякій продукт и не во всяком количествѣ, и если производитель желает найти сбыт для своего продукта он должен подчиняться указаніям рынка. От цѣны продукта зависит хозяйственное благополучіе производителч, цѣна же опредѣляется не усмотрѣніем производителя, а законами рынка. Она есть результат взаимодѣйствія всѣх хозяев, вступающих между собою в мѣновыя сношенія, и, притом, результат, создаваемый не планомѣрными соглашеніями их, а возникающій сам собой, стихійно, как сама собой опредѣляется равнодѣйствующая нѣсколькихмеханических сил, прилагаемых к одной и той же точкѣ. Цѣна возникает, как результат столкновенія множества интересов противоположнаго характера, благодаря чему каждый отдѣльный интерес безсилен опредѣлить цѣну.

Перед нами своеобразное явленіе в сферѣ общественной жизни, которое Вундт назвал "гетерогеніей цѣлей" и заключающееся в том, что в результатѣ взаимнаго вліянія цѣлесообразных дѣйствій многих людей, послѣдующих независимо друг от друга свои особыя цѣли, возникают результаты, совершенно независимые от воли каждаго отдѣльнаго человѣка и не входящіе в область его цѣлей. Весь ход историческаго процесса есть один из примѣров такой гетерогеніи цѣлей.

Благодаря взаимной зависимости единичных хозяйств, формальной свободных в своих хозяйственных дѣйствіях, но фактически связанных друг с другом узами обмѣна, результат хозяйственной дѣятельности начинаетъ опредѣляться не только хозяйственными расчетами каждаго отдѣльнаго хозяина и не только физикохимическими и біологическими условіями хозяйственнаго труда, но и условіями о б щ е с т в е н н а г о порядка. Эти послѣднія условія суть нѣчто, выходящее за предѣлы как психических переживаній отдѣльных хозяев, так и матеріальных условій хозяйственнаго

труда. На почвѣ этих о б щ е с т в е н н ы х условій свободнаго мѣнового хозяйства возникают причинныя и функціональныя соотношенія своего особаго порядка, возникает своя закономѣрность, имѣющая по отношенію к единичному хозяйству, входящему в состав данной мѣновой группы, такой же принудительный характер, как и законы внѣшней природы.

Хочет или не хочет отдѣльный хозяин, но он принужден подчиняться тѣм цѣнам, которыя диктуются ему рынком. Цѣны эти могут быть прямо трансцендентны для отдѣльнаго хозяина– и даже для их совокупности– и все же онѣ не могут быть измѣнены, пока не измѣнится экономическія условія, вызывающія их, как гн. могут быть измѣнены явленія природы, если дѣйствуют созидающія их силы.

Эта специфическая закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства и есть новая теоретическая проблема, требующая для своего разрѣшенія соответствующей особой науки. Ни естествознаніе, ни психологія не могут открыть законов взаимодѣйствія единичных хозяйств, связанных между собой узлом обмѣна. Благодаря наличности этих невидимых но вполнѣ реальных уз, единичныя хозяйства данной мѣновой группы становятся в своей совокупности связным цѣлым, общественным организмом, в котором каждое единичное хозяйство играет роль опредѣляющаго и в то же время опредѣляемаго элемента. Эта с о в о к у п н о с т ь юридически с в о б о д н ы х, но связанных обмѣном единичных хозяйств о б р а з у е т с о б о ю т о, что называют н а р о д н ы м х о з я й с т в о м.

Народное хозяйство тѣм существенно отличается от единичнаго хозяйства, что единичное хозяйство регулируется волей и сознаніем отдѣльнаго хозяина. Напротив, народное хозяйство не имѣет хозяина, оно есть стихійный и безсознательный продукт взаимодѣйствія всего множества регулируемых индивидуальными сознаніями единичных хозяйств. Народное хозяйство не подчиняется в своей жизнедѣятельности какому-либо сознательному плану –и, тѣм не менѣе, оно функціонирует так, как будто бы такой план был. Изслѣдованіе этой-то внутренней закономѣрности народнаго хозяйства, этого невидимаго механизма, который поддерживает связь между всѣми единичными хозяйствами, опред ляет их взаимодѣйствіе, и есть важнѣйшая задача политической экономіи.

Во всяком реальном народном хозяйствѣ дѣйствуют силы двоякаго рода: во первых, безсознательныя, стихійныя силы взаимодѣйствія единичных хозяйств, которыя, как сказано, и составляют важнѣйшій предмет изученія политической экономіи; во-вторых, сознательное, цѣлесообразное регулированіе хозяйственных процессов общественной властью. Народное хозяйство есть не только стихійный комплекс единичных хозяйств: в нем дѣйствует т регулирующая сила органов общественной власти– прежде всего, го – сударства. Государство в большей или меньшей степени ограничивает свободу дѣйствій единичных хозяйств, подчиняя их дѣятельность опредѣленному плану, привносимому самим государством. Тѣм не менѣе, наука политической экономіи возникла на основѣ изученія не этих сознательных регулирующих сил народнаго хозяйства, а именно безсознательной закономѣрности свободнаго обмѣна.

Поскольку государство регулирует народно-хозяйственные процессы, оно уподобляется единичному хозяину. В основѣ государственнаго регулированія народнаго хозяйства лежит сознательная воля, сознательный расчет, каковые дѣйствуют и в единичном хозяйствѣ. На основѣ этого сознательнаго регулированія государством народно-хозяйственных процессов возникает наука экономической политики, имѣющая, однако, совершенно иной гносеологическій характер, чѣм теоретическая политическая экономія. И подобно тому, как из государственной политики в других областях народной жизни– уголовной политики, цивильной, международной и т.д.– не возникло особых наук о независящих от воли человѣка причинно-функціональных зависимостях соотвѣтствующих явленій, точно также и из экономической политики не могла бы возникнуть наука о независящих от человѣческой воли причинно-функціональных соотношеніях экономических членій.

Политическая экономія складывается в особую науку сравнительно оч. недавно– с половины XVIII вѣка– вмѣстѣ с развитіем предмета ея изученія, свободнаго мѣнового хозяйства, между тѣм как государство с его вмѣшательством в экономическія отношенія существует уже нѣсколько тысяче-

лѣтій. Но пока свободный обмѣн был мало развит, для политической экономіи почвы не было.

Сравним, напр., строеніе цѣн при господствѣ общественной регламентаціи цѣн (такс на продукты, как в эпоху цехов) и при свободном обмѣнѣ. В первом случаѣ цѣна продукта, поскольку она зависит от произвола общественной власти, устанавливается в соотвѣтствіи с тѣми интересами, которые желает охранять общественная власть. Цѣна не возникает сама собой, помимо воли заинтересованных лиц. Она есть созданіе сознательной дѣятельности человѣка, как и всякое правило или закон, устанавливаемые общественной властью. Напротив, цѣна, создающаяся в результатѣ свободнаго обмѣна, не установлена никакой отдѣльной волей, а возникла так же естественно и неизбѣжно, как естественно и неизбѣжно выпадает дождь при извѣстном состояніи атмосферы. На почвѣ таксированія продуктов должно было выработаться соотвѣтствующее практическое искусство, как отрасль экономической политики. На почвѣ свободнаго строенія цѣн должна была возникнуть наука о независящих от воли человѣка причинных законах, управляющих образованіем цѣн.

Таким образом политическая экономія изучает стихійную закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства не только потому, что эта система хозяйства господствует в наше время. Существуют глубокія, гносеологическія причины, почему политическая экономія должна была возникнуть на основѣ изученія именно этой хозяйственной системы.

Но так как мѣновое хозяйство отнюдь не представляет собой застывшей и неизмѣнной хозяйственной системы, а находится в процессѣ непрерывнаго развитія, то, изучая мѣновое хозяйство, экономическая наука изучает и эти процессы развитія. Стихійныя же силы народнаго хозяйства суть не что иное, как общественныя отношенія людей, участвующих в мѣновом хозяйствѣ. Благодаря условіям этого хозяйства, каждый участник его, достигая своих цѣлей, вступает во взаимодѣйствіе с другими участниками; эта взаимная зависимость одних членов мѣнового хозяйства от других и образует собой общественныя отношенія мѣнового хозяйства. Таким образом, мы можем опредѣлить политическую экономію, в широком смыслѣ, как науку об общественных отношеніях людей, в предѣлах их хозяйственной дѣятельности, и, в болѣе узком смыслѣ,– современную политическую экономію– как науку об общественных отношеніях людей в предѣлахѣих хозяйственной дѣятельности, совершающейся в средѣ исторически развивающагося свободнаго мѣнового хозяйства.

Англійскіе экономисты обычно исходят не из понятія хозяйства, а богатства, опредѣляя политическую экономію как "науку о богатствѣ". Французы в большинствѣ случаев слѣдуют примѣру англичан, и только нѣмцы выдвигают на первый план понятіе хозяйства. Но понятіе богатства уже потому непригодно для такой центральной роли в экономической наукѣ, что под ним подразумѣвают внѣшній результат хозяйственной дѣятельности– совокупность имѣющих цѣнность (хозяйственных) предметов –между тѣм как политическая экономія изучает самую эту дѣятельность и возникающія в ея предѣлах общественныя отношенія. Спредѣляя политическую экономію, как науку о богатствѣ (иначе говоря, как науку о вещах), мы затушевываем различіе этой науки от технических наук и не выдвигаем на первый план общественнаго характера нашей науки. Вот почему слѣдует признать существенным улучшеніем точку зрѣнія нѣмецких экономистов, имѣющую всѣ шансы стать господствующей.

Однако, хотя почти у всѣх нѣмецких теоретиков можно найти то или другое опредѣленіе хозяйства, нельзя сказать, чтобы задача дать научное опредѣленіе центральному понятію экономической науки была удачно разрѣшена нѣмцами. Кромѣ разнообразных выше опредѣленій, в нѣмецкой литературѣ мы встрѣчаем очень много и других. Весьма распространенный типъ представляет опредѣленіе Дитцеля. "Хозяйство,– говорит этот выдающійся теоретик,– есть совокупность дѣйствій, при помощи которых субъект покрывает свою потребность в матеріальных благах." Сводныя опредѣленія мы находим у Филиповича Платтера, В.Я. Желѣзнова. Достоинством этого опредѣленія является подчеркиваніе объективнаго признака хозяйства– того, что хозяйственная дѣятельность направлена на внѣшній матеріальный мір. Недостаток его в упущеніи субъективнаго признака хозяйственной дѣя-

тельности-того,что хозяйство всегда есть средство и никогда цѣль.Согласно этого опредѣленію потребленіе есть хозяйство- и, дѣйствительно, Дитцель называет даже дыханіе хозяйственным актом. При таком понима - ніи хозяйства вся жизнедѣятельность человѣка превращается в хозяйство. Безусловно прав Визер,утверждая,что "процесси удовлетворенія потребностей,во всѣх своих видах,от самых грубых до самых возвышенных,также как и всякая дѣятельность,которую мы предпринимаем не как хозяйственную работу,с расчетом на ея внѣшній результат,но в которой развивается и открывается сама человѣческая личность,не имѣют хозяйственнаго характера."

Опредѣленіе хозяйства,данное в текстѣ,относится к хозяйству,как дѣятельности,а не к хозяйству,как к культурному единству. В этом послѣднем смыслѣ мы можем опредѣлить хозяйство,как с о в о к у п н о с т ь приспособленій и учрежденій,служащих хозяйственной дѣятельности,вмѣстѣ с результатами послѣдней. В этом смыслѣ мы говорим о хозяйствѣ,того или иного лица,как об извѣстном культурном единствѣ и внѣшнем ц ѣлом,независимом от личности своего хозяина. Хозяин умирает,но его хозяйство,как культурная организація,остается. В том же смыслѣ мы говорим о народном хозяйствѣ.

Интересныя соображенія о сущности хозяйственнаго духа мы находимъ у Мюнстерберга. Мюнстерберг настаивает на том, что хозяйство имѣет свою самостоятельную цѣнность"несводимую к чувству удовлетворенія,которое мы получаем от потребленія предметов хозяйства." Современный капиталистическій предприниматель руководствуется в своей неутомимой дѣятельности не только жаждой матеріальных наслажденій,сколько чувством удовлетворенія,которое ему доставляет сознаніе создаваемаго богатства.По мнѣнію Мюнстерберга,хозяйство имѣет свой пафос,свою идеальную сторону, которая особенно рельефно выступает в современном гигантском капиталистическом хозяйствѣ. Этот пафос вытекает из сознанія тѣх грандіозных объективных измѣненій в природѣ в смыслѣ все большаго приспособленія ея к потребностям человѣка,которыя создаются хозяйством.При этом пафос хозяйственнаго успѣха слѣдует строго отличать от того чувства гордости,которым преисполняется современный человѣк,когда он оцѣнивает промышленный процесс нашего времени с чисто технической точки зрѣнія. В послѣднем случаѣ восторженное чувство вызывается порабощеніем природы человѣку. Хозяйственный пафос другого характера,- в нем природа является не порабощенной,а как бы развертывающейся во всем богатствѣ своих неисчислимых сил. Человѣк является не повелителем природы,а ея слугой,помощником,ея наиболѣе могущественной силой. Благодаря хозяйству, природа достигает как бы своего собственнаго завершенія,и в этом заключается самостоятельная цѣнность хозяйства.

Нельзя не согласиться с Мюнстербергом,что хозяйство,как и всякое иное культурное дѣло,имѣет свой пафос. Но и в этом случаѣ хозяйственная дѣятельность остается средством,а не цѣлью в себѣ- цѣлью же в себѣ являются внѣшніе результаты хозяйственной дѣятельности,создаваемое этой дѣятельностью богатство,хотя бы этим богатством сам хозяин и не пользовался. Таким образом,и при наличности охарактеризованнаго Мюнстербергом хозяйственнаго пафоса (котораго можеи и не быть и обычно не бывает,-Мюнстерберг рисует психологію не обычнаго хозяина,а так сказать, артиста хозяйства) хозяйственная дѣятельность сохраняет тѣ типическія черты, которыя указаны в текстѣ.

С другой стороны, именно вникнув в сущность зозяйственнаго пафоса мы поймем глубокое принципіальное различіе хозяйства и искусства.В хозяйствѣ как бы раскрывается природа, в искусствѣ - человѣк.-

Единичное хозяйство противополагается народному,как часть цѣлому.- Это понятіе народнаго хозяйства,как "компликаціи единичных хозяйств", было введено в науку,главным образом Карлом Менгером. "Явленія народнаго хозяйства,-говорит он,-отнюдь не суть непосредственныя жизненныя проявленія даннаго народа,непосредственные результаты хозяйствующаго народа,но результирующая (Результанте)всѣх безчисленных единично-хозяйственных стремленій в народѣ."Единичныя хозяйства Адольф Вагнер дѣлит: I) по личности хозяйствующаго субъекта и 2) по цѣлям хозяйства.В первом отношеніи единичныя хозяйства дѣлятся на: I) хозяйства физических лиц, 2) хозяйства юридических лиц и 3) хозяйства промежуточнаго

типа.По цѣлям хозяйства,единичныя хозяйства дѣлятся на: I) ч а с т н ы я хозяйства,преслѣдующія только выгоды хозяйствующаго лица, и 2) о б щ е с т в е н н ы я хозяйства,преслѣдующіе общественные интересы. Эти послѣднія хозяйства дѣлятся,в свою очередь,на:I) д о б р о в о л ь н ы я хозяйства (напр.потребительное общество,кредитное товарищество,рабочій союз) и 2) П р и н у д и т е л ь н ы я,среди которых важнѣйшим является государственное хозяйство.

Народное (свободное мѣновое)хозяйство есть только одна из многихъ историческихъ бывших хозяйственных систем. Какая же хозяйственная система должна лечь в основу экономической теоріи.? Вопрос этот был поставлен в методологической ясной формѣ только в новѣйшее время Дитцелем.

Менгер,обсуждая этот же вопрос,рѣшает его в том смыслѣ,что экономист теоретик должен остановиться на изученіи какого либо одного хозяйственнаго строя,и именно современнаго,по соображеніям практическаго интереса,-причем для объясненія явленій других типов хозяйственнаго устройства должны вводиться в общую теорію соотвѣтствующія поправки и ограниченія. Рѣшеніе Менгера совершенно неудовлетворительно; с этой точки зрѣнія теоретически возможно только же различных экономических наук,сколько типов хозяйственнаго строя знала исторія,а между тѣм политическая экономія сложилась в науку только на основѣ изученія современнаго мѣноваго хозяйства.Для этого должны были быть свои глубокія гносеологическія причины,совершенно не отмѣченныя Менгером. Уже Фурье,однако,почувствовал, что имѣются гносеологическія основанія для изученія именно мѣноваго хозяйства. Вначалѣ ясно этот вопрос,однако,был поставлен и блестяще разрѣшен лишь в новѣйшее время Дитцелем в его работѣ "Beitrage zur Methodik der Wirtschaftswissenschaft ",в которой автор пришел к тому выводу,что,по гносеологическим соображеніям, экономическая наука должна изучать не какое либо иное,а именно свободное мѣновое хозяйство. Цѣлым рядом соображеній Дитцель доказывает" невозможность(для экономической науки) устанавливать общіе законы иначе, как при предположеніи свободы обмѣна (Verkehrsfreiheit)".

Впослѣдствіи,однако,Дитцель нѣсколько изменил свою точку зрѣнія в том отношеніи,что допустил возможность существованія двух различных экономических теорій- одной,изучающей "систему коллективности",и другой,изучающей "систему конкуренціи",причем однако,он продолжал настаивать на том, что с гносеологической точки зрѣнія наибольшій интерес представляет именно эта послѣдняя система,как заключающая всего болѣе трудностей для своего пониманія.

Трудно понять,почему Дитцель счел нужным ввести ограниченіе в свою предшествующую точку зрѣнія,сводившуюся к признанію гносеологической невозможности возникновенія экономической науки каузальнаго типа на основѣ какой-либо другой хозяйственной системы,кромѣ системы конкуренціи.Вѣдь,если и возможна экономическая теорія на основѣ"системы коллективности"- системы подчиненія хозяйственных процессов регулирующей власти общества- то теорія эта будет имѣть совершенно иной характер, чѣм теорія стихійных процессов свободнаго мѣноваго хозяйства. В высшей степени сомнительно, чтобы экономическая теорія,изучающая "систему коллективности",могла достигнуть существенно высшаго научнаго уровня,чѣм какая нибудь другая отрасль теоріи политики. То, что отличает экономическую науку от других общественных наук- установленіе ею системы причинно-функціональных зависимостей экономических явленій- вызвается именно характерными особенностями ея современнаго предмета изученія- свободнаго мѣноваго хозяйства,как явствует из взглядов самого Дитцеля. Слѣдовательно,экономическая теорія,изучающая "систему коллективностей", не может сложиться в точную науку о причинно-функціональных соотношеніях хозяйства,как современная политическая экономія. И потому есть полное основаніе признавать судьбу политической экономіи,как своеобразной науки о причинно-функціональных соотношеніях хозяйственных явленій,тѣсно связанной с современных народным хозяйством.Вмѣстѣ с ним она возникла и развилась и вмѣстѣ с ним должна сойти со сцены. В соціалистическом строѣ для этой науки мѣста не будет,хотя именно в этом строѣ практическія знанія,относящіяся в области экономической политички,и всѣ необходимыя для этго вспомогательныя научныя дисциплины-

напр., статистика должны получить чрезвычайное развитіе. Политическая же экономія частью превратится в теорію экономической политики, а частью войдет в состав болѣе общей науки об обществѣ-соціологіи.

ГЛАВА II.

МЕТОДОЛОГІЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

I. Характер научнаго описанія вообще. Научное познаніе міра явленій, в его различных видах, сводится к двум задачам– о п и с а н і я явленій и о б ъ я с н е н і я их.

Описаніе есть первая ступень научнаго познанія; сущность описанія заключается в закрѣпленіи в научном познаніи всѣх тѣх фактических особенностей изучаемаго круга явленій, которыя признаются имѣющими существенное значеніе для цѣлей даннаго познанія. Объясненіе явленій есть второй шаг познанія,– ибо раньше чѣм приступить к объясненію их, самыя эти явленія, в их существенных чертах, должны быть фиксированы сознаніем, в чем и состоит цѣль описанія. Раньше чѣм объяснить что либо, нужно знать, что именно подлежит объясненію.

Для обычнаго не критическаго мышленія описаніе явленій представляется дѣлом весьма нетрудным: нужно только возможно полнѣе воспроизвести в нашем сознаніи изучаемыя явленія, в их конкретной сложности, и передать словами полученное нами впечатлѣніе от этих явленій, чтобы достигнуть полнаго описанія их. Научное описаніе міра явленій должно с этой точки зрѣнія, дать как бы слѣпок внѣшняго, объективнаго міра. Ч ѣ м точнѣе этот слѣпок воспроизводит всю сложность міра, тѣм совершеннѣе научное описаніе, идеал котораго будет достигнут тогда, когда мы фиксируем в нашем познаніи все эмпирическое богатство міра, во всей его сложности и всем его разнообразіи.

Однако, если бы научное познаніе дѣйствительно стремилось познать природу таким образом, то совершенно ясно, что оно всегда оставалось бы чрезвычайно далеко от своей цѣли. Ибо природа безконечно разнообразна и, притом, в двояком смыслѣ: во-первых, она безконечно разнообразна, как цѣлое, в безконечном пространствѣ и времени и, во-вторых, она безконечно разнообразна в каждом отдѣльном своем проявленіи.

Риккерт называет первое разнообразіе э к с т е н с и в н ы м, второе– и н т е н с и в н ы м разнообразіем. Что касается до экстенсивнаго разнообразія, то оно не требует доказательств; интенсивное разнообразіе менѣе очевидно, но, тѣм не менѣе, ему присущ такой же характер безконечности, как и разнообразію перваго рода. Пространство и время не только безконечны по своему протяженію, но и безконечно дѣлимы на [illegible]. Каждая частица матеріи заключает в себѣ цѣлую безконечность разнообразных свойств,–каждая самая малая частица матеріи отличается в безконечном множествѣ отношеній от другой частицы–микрокосм также не может быть нами исчерпан в своей конкретной полнотѣ, как и макрокосм. Слѣдовательно, если бы научное описаніе стремилось дать слѣпок внѣшняго міра, то оно не было бы в состояніи исполнить этого не только по отношенію к природѣ в ея цѣлом– в силу ея экстенсивнаго разнообразія– но и по отношенію к каждому отдѣльному конкретному явленію, в силу его интенсивнаго разнообразія. Значит, стремленіе познать природу путем отраженія ея в нашем сознаніи в таком видѣ, в каком она нам является, заключает в себѣ внутреннюю невозможность.

Каким же образом преодолѣвает наше познаніе эту трудность–безконечное разнообразіе природы? Путем отбора из этого неисчерпаемаго разнообразія немногих признаков, при игнорированіи всего неисчислимаго множества других, для построенія общих понятій, классов или типов явленій, которые охватывают собой не только немногочисленную группу реально наблюденных явленій, но и потенціально неограниченное множество других, которыя не были предметом наблюденія, но принадлежат к тому же типу.

Путем игнорированія безконечнаго разнообразія признаков изучаемаго явленія и сосредоточенія вниманія на немногих, болѣе важных, мы преодолѣваем интенсивное разнообразіе явленій; путем установленія, на основаніи этих признаков, общих типов явленій мы преодолѣваем экстенсивное разнообразіе их.

Таким образом упрощая задачу познанія міра, мы достигаем возможности разрѣшенія ея. Отказываясь от недостижимаго познанія природы в ея конкретном безконечном разнообразіи, мы, при помощи указанных пріемов, достигаем значенія, правда, кране ограниченнаго, но твердаго и опредѣленнаго достаточно для наших цѣлей.

Итак, описаніе явленій, с котораго начинается всякое изученіе их, отнюдь не есть внутренне невозможная попытка закрѣпленія в нашем познаніи всѣх безчисленных признаков их. Только нѣкоторые признаки, считаемые нами с у щ е с т в е н н ы м и, удерживаются нашим познаніем, прочіе же совершенно игнорируются.

Научное описаніе явленій распадается на два процесса, тѣсно связанных между собою. Во-первых, на установленіе–какими признаками и свойствами, из числа признаваемых нами существенно важными, обладают описываемыя явленія; во-вторых, на подведеніе описываемых явленій под извѣстную логическую систему общих и частных классов и подклассов, в зависимости от обладанія тѣми или иными признаками. Эта вторая операція составляет то, что называют к л а с с и ф и к а ц і е й явленій, которой и заканчивается научное описаніе. Благодаря классификаціи становится возможным разсматривать потенціально безконечное множество изучаемых явленій, как нѣчто цѣлое, в котором каждое конкретное явленіе находит свое должное мѣсто, ибо каждое частное явленіе есть в такой системѣ только частный случай общаго правила.

Однако, не нужно думать, что первый шаг описанія–установленіе признаков даннаго явленія– может быть исполнен независимо от второго–классификаціи явленій. Конечно, когда явленія извѣстнаго рода уже классифицированы, то отнесеніе новаго еще не изученнаго явленія, к тому или иному классу, отведеніе ему мѣста в общей системѣ, есть второй шаг, слѣдующій за первым шагом–установленіем признаков этого явленія. Таким образом, ботаник сначала устанавливает признаки новаго, неизвѣстнаго ему растенія, и затѣм, на основаніи этих признаков, отводит ему то или иное мѣсто в ботанической системѣ, классифицирует его. Но для такой раздѣльности обоих актов научнаго описанія требуется, чтобы самая та система классификаціи имѣлась уже в готовом видѣ. Если же ея нѣт, то первый акт описанія не может не предполагать классификаціи. Ибо первым актом описанія является установленіе того, какіе признаки заслуживают закрѣпленія их описаніем и какіе должны быть просто игнорированы, как несущественные; но отнесеніе признаков к числу существенных или несущественных есть уже акт классификаціи. Таким образом, всякое описаніе, даже в самой своей грубой, примитивной формѣ, неизбѣжно является и классификаціей, которая сопутствует каждому шагу описанія и только логически может быть отдѣлена от установленія признаков описываемаго явленія.

Итак, самым важным и рѣшающим актом всякаго научнаго описанія является рѣшеніе вопроса о том, с какой точки зрѣнія, мы будем описывать данное явленіе, какіе признаки его мы разсматриваем, как с у щ е с т в е н н ы е, и какіе– как н е с у щ е с т в е н н ы е. Как бы ни было объективно наше описаніе–а оно должно быть возможно болѣе объективным в том смыслѣ, что задачей его должно быть возможно точное воспроизведеніе признаков самого явленія, а отнюдь не описывающаго судъекта–все же этот-то первый шаг описанія не может не опредѣляться цѣлями нашего познанія. Ибо в самом явленіи нѣт ничего болѣе или менѣе важнаго и существеннаго,– все в нем одинаково важно и существенно в том отношеніи, что все в нем одинаково необходимо, все в равной мѣрѣ есть неустранимый результат мірового порядка. И только для нас, в виду ограниченности наших познавательных способностей, повелительно предписывающей нам ограничить свое познаніе ничтожной частью всего неисчислимаго богатства реальнаго міра, возникает необходимость различать существенное от несущественнаго. Чѣм же мы руководствуемся в этом разграниченіи, предопредѣляющем собою все реальное содержаніе нашего научнаго познанія.

Конечно, прежде всего, цѣлями нашего познанія. Но эти цѣли могутъ быть двоякаго рода. В одних случаях наш интерес коренится только в нашей потребности познанія, имѣет всецѣло теоретическій характер; в других случаях наша познавательная дѣятельность преслѣдует цѣли практическаго характера, является слугой нашей воли. Соотвѣтственно этому и раз-

личныя науки дѣлятся на теоретическія и практическія научныя дисциплины.

Что касается до теоретическаго познанія, то таковое не имѣет вполнѣ опредѣленнаго критерія для разграниченія существеннаго от несущественнаго, ибо, строго, говоря, все объективно существующее оно должно признавать одинаково существенным. Но за нквозможностью познать все разнообразіе внѣшняго міра, теоретическое познаніе останавливается, как на существенном, на тѣх признаках и свойствах изучаемых явленій, которые дают болѣе матеріала для научных обобщеній, для открытія общих закономѣрностей природы. Объясняется это тѣм, что верховная цѣль научнаго познанія явленій природы заключается в сведеніи их к общим законам природы. Поэтому совершенно правильно критеріем для разграниченія существеннаго и несущественнаго избрать именно богатство научных выводов, вытекающих из сосредоточенія вниманія на тѣх или иных признаках. Но повторяем, критерій этот при чисто теоретическом познаніи очень шаток и относителен.

Совсѣм иное положеніе научнаго познанія, вызываемаго опредѣленными практическими интересами. В этом случаѣ именно эти интересы и опредѣляют, что слѣдует считать существенным и что несущественным. Практический интерес играет в этом случаѣ рѣшающую роль- не в том, конечно, смыслѣ, чтобы интерес этот вліял на логическую конструкцію наших сужденій о внѣшнем мірѣ, но в смыслѣ указанія направленія, цѣлей, задач нашего теоретическаго познанія.

Біологія, напр., не имѣет никакого основанія предпочитать изученіе одної групны организмов другой; например, медицина имѣет вполнѣ ясный критерій для рѣшенія труднаго вопроса, какое знаніе важно и какое неважно. Бактеріологія, например, признается медициной чрезвычайно важной отраслью знанія потому, что бактеріи- один из важнѣйших источников болѣзней человѣка, и именно по этой причинѣ данная отрасль біологической науки получила в наше время большее развитіе, чѣм многіе другіе отдѣлы біологіи, изучающіе организмы, стоящіе в органической лѣстницѣ гораздо выше бактерій. И при этом бактеріологія изучает бактеріи с весьма своеобразной точки зрѣнія- с точки зрѣнія измѣненій, вызываемых ими в той средѣ, в которой онѣ живут и развиваются. Эта точка зрѣнія, до извѣстной степени, опредѣляет и классификацію бактерій- так, бактеріологія говорит о бациллах туберкулеза, холеры и т.д. Всякій организм вызываетъ измѣненія в окружающей средѣ-однако, другіе организмы, кромѣ вызывающих болѣзни и процессы броженія, с этой точки зрѣнія, не изучаются-очевидно, потому, что измѣненія перваго рода не имѣют значенія с точки зрѣнія практических интересов. Практическій интерес опредѣляет, таким образом, по отношенію к бактеріям не только самый предмет изученія, но и точку зрѣнія, с которой явленія изучаются, и, до извѣстной степени, и классификаціи послѣдних.

Науки, тѣсно связанныя с практическими интересами человѣка, и в своих теоретических изслѣдованіях исходят из этих интересов.

Медицина, напр., исходит из понятія нормальнаго и болѣзненнаго состоянія человѣческаго организма и с этой точки зрѣнія изучает не только процессы, происходящіе в организмѣ человѣка, но и вліяніе на его жизнедѣятельность внѣшних условій. Агрономія, зоотехнія и другія практическія біологическія науки исходят из практических интересов человѣческаго хозяйства и т.д.

Опредѣленный практическій интерес дает руководящую нить этим наукам для такого классифицированія изучаемых ими явленій, которое не имѣет ничего общаго с классифицированіем тѣх же явленій чисто-теоретическими науками.

Так, напр., энтомологія-теоретическая наука-дѣлит насѣкомых на семейства бабочек, жуков, прямокрылых, перепончатокрылых, двукрылых и т.д. и ничего не знает о дѣленіи их на вредных, безвредных и полезных в хозяйствѣ человѣка, из чего исходит практическая энтомологія, как отрасль практической науки о сельском хозяйствѣ.

Практическій интерес кладется в этом послѣднем случаѣ в основаніе описанія и классификаціи изучаемых явленій. Этим нисколько не подрывается объективность классификаціи, ибо в основу классификаціи могут быть положены самые различные признаки. Одно и то же явленіе может быть предметом самых различных классификацій в зависимости от точки зрѣнія изслѣдователя.

Один и тот же минерал классифицируется кристаллографіей с точки зрѣнія его геометрической формы, химиком-химическаго состава, физиком-физических свойств, геологом-происхожденія в земной корѣ, экономистом-полезных свойств его в хозяйствѣ человѣка и т.д. и т.д. Всѣ эти классификаціи одинаково законны, хотя каждая из них исключает другую; все дѣло в точкѣ зрѣнія, в интересѣ, который является побудительным стимулом к классификаціи того или другого рода.

Дѣленіе наук на теоретическія и практическія очень важно и ведет свое начало еще от Аристотеля. Практическими науками, по его классификаціи, были этика, политика, поэтика, риторика, а теоретическими-логика, метафизика, физика, математика, психологія. Для эпохи Аристотеля весьма характерно, что в числѣ практических наук отсутствует прикладное естествознаніе. В основаніи дѣленія наук на теоретическія и практическія лежит различіе цѣлей познанія.

Познаніе может довлѣствоваться только описаніем и объясненіем, явленій, и, в таком случаѣ, оно является теоретическим познаніем; или же оно может прибавлять к этому еще третью задачу-воздѣйствія на познанныя явленія в желаемом направленіи- и в таком случаѣ пріобрѣтает характер практическаго познанія. При чисто теоретическом познаніи мы разсматриваем явленія, как не измѣняемыя нашей волей; но, если явленія разсматриваются нами, как могущія и долженствующія быть измѣненными нашей волей, то наше познаніе пріобрѣтает практическій характер. А так как далѣе, практическим интересам принадлежит в жизни примат над теоретическими, то практическій интерес указывает цѣли и теоретическому познанію. Разум служит волѣ, а не воля служит разуму.

Само собою разумѣется, из этого вовсе не слѣдует, что практическія науки не обязаны считаться с объективными отношеніями вещей. Только на основѣ правильнаго пониманія объективных фактов возможно использованіе в опредѣленных практических интересах даннаго соотношенія сил природы- и потому практическое познаніе заинтересовано в объективной истинѣ нисколько не менѣе теоретическаго. Разница между тѣм и другим заключается лишь в том, что для практической науки познаніе объективной истины есть средство для практических цѣлей, а для теоретической науки в открытіи объективной истины заключается конечная цѣль.

Прикладное естествознаніе, являющееся типом практическаго познанія, не менѣе точная наука, опирающаяся на объективные факты, чѣм и теоретическое естествознаніе. Что касается до самой совершенной науки-математики,- то в ней элементы чистой теоріи и практическаго искусства так тѣсно переплетени между собой, что образуют одно цѣлое и только логически могут быть отдѣлены друг от друга. То же нужно сказать о логикѣ.

Общественныя науки, по самому существу дѣла, заключают в себѣ не только теоретическіе, но и практическіе элементы. Человѣческая воля является фактором общественных явленій, и, изучая их, человѣк не может не имѣть в виду практических интересов. Вліяніе этих практических инт.р.сов выражается, прежде всего, в выборѣ самаго предмета изученія, в преимущественном вниманіи к тѣм или иным сторонам изучаемаго круга явленій. Но, конечно, практическій интерес ни в каком случаѣ не должен мѣшать объективной правильности познанія.

II. С п и с а н і е в о б л а с т и о б щ е с т в е н н ы х н а у к ъ. Однако, несмотря на извѣстную произвольность, присущую всякой классификаціи, обстоятельство это не вызывает существенных затрудненій в области естествознанія как в том случаѣ, когда классификація основана на теоретическом интересѣ, так и в том, когда в основу ея положен интерес практическій. В том послѣднем случаѣ потому, что этот практическій интерес настолько ясен и раздѣляем всѣми изслѣдователями, что никаких споров и недоразумѣній вызывать не может.

Всѣ медики согласны в том, что практическая цѣль медицины заключается в возможнѣйшем уменьшеніи болѣзненности человѣческаго организма, агрономы и технологи согласни, что их науки стремятся к максимальному использованію в цѣлях человѣческаго хозяйства сил природы и т.д.

Поскольку человѣку противостоит внѣшняя природа, не может возникнуть

ни малѣйшаго сомнѣнія, что слѣдует считать цѣлью и высшим практиче - ским интересом.

Совсѣм иным представляется дѣло в области общественных наук. Эти науки имѣют дѣло с чрезвычайно важными практическими интересами челов вѣка; но интересы эти не только не безспорны и не одинаковы для всѣх, а,наоборот, в существующем общественном строѣ по необходимости проти- воположны для различных групп населенія. В частности политическая эко- номія,по гносеологическим основаніям,имѣет своим предметом изученія свободно развивающееся мѣновое хозяйство.Но такое хозяйство неизбѣж- но приводит,как показывает экономическая наука,к столкновенію интере- сов различных общественных групп. С точки зрѣнія какого же практиче- скаго интереса должна изучать политическая экономія свой предмет? С точки зрѣнія интересов всего общества,как цѣлаго? Но таковых,в боль- шинствѣ случаев,нѣт,ибо современное общество распадается на группы с противоположными интересами. С точки зрѣнія какой-либо из этих групп? Но в таком случаѣ,какой именно? И не исчезнет ли всякое единство в на- укѣ,если каждая общественная группа будет заявлять требованіе постро- енія науки с точки зрѣнія ея интересов. Не возникнет ли в таком случаѣ столько же различных наук,сколько различных интересов в современном обществѣ.

Все это- чрезвычайно важные гносеологическіе вопросы,совершенно не возникающіе в сферѣ естествознанія(как теоретическаго,так и прикладно- го)по той причинѣ,что только в сферѣ общественной жизни наука имѣетъ дѣло не с внѣшней природой и не с человѣком вообще,как организмом или даже субъектом хозяйства,а с общественными группами,имѣющими противо- положные интересы. При этом нужно имѣть в виду,что эта противополож- ность интересов имѣет значеніе не только для практической части обще- ственных наук,но и для теоретической их части,которая не может быть отдѣлена от практической,подобно тому,как терапія-практическая часть медицины-логически связана с фармакалогіей,наукой о вліяніи лекарств на человѣческій организм-теоретической частью медицины,-и, притом,не только так,что фармакалогія опредѣляет терапію,но и, наоборот,терапія опредѣляет фармакологію; терапія есть конечная цѣль медицины,а, знач- чит, и фармакологіи, которой она указывает задачи изслѣдованія. Не - смотря на свой теоретическій характер,фармакалогія создана практиче- скими интересами терапіи.

Точно также практическіе интересы,в защиту которых выступает эконо- мическая наука,опредѣляют собою и задачи теоретическаго изслѣдованія, а, значит, в большей или меньшей мѣрѣ,и классификацію описываемых ею явленій. Так,напр.,стоя на точкѣ зрѣнія интересов капиталиста,нанима" теля,рабочаго,экономист должен относить заработную плату к категоріи расхода,ибо, дѣйствительно,заработная плата есть для капиталиста рас- ход капитала; наоборот с точки зрѣнія интересов рабочаго заработная плата есть доход. Куда же экономист должен относить заработную плату- к категоріи общественнаго дохода или расхода. Все зависит от тѣх прак- тических интересов,на почву которых становится экономист- с одинако - вым правом он может классифицировать заработную плату и как доход, и как расход.

Экономист,стоящій на точкѣ зрѣнія трудящихся классов,должен выд- вигать на первый план совершенно иные признаки явленій,чѣм экономист, стоящій на точкѣ зрѣнія нетрудящихся классов. Возьмем,напр.,самый факт трудовой затраты. Для рабочаго это- факт самостоятельнаго и первен - ствующаго значенія,совершенно независимо от других его его экономиче- ских послѣдствій.Увеличеніе затраты труда знаменует для рабочаго ухуд- шеніе его экономическаго положенія,ибо для рабочаго затрата труда есть расходованіе его сил. Напротив,наниматель непосредственно совершенно не ощущает трудовой затраты рабочаго,ибо труд исполняется не им,а дру- гим лицом- нанятым им рабочим,затрата труда выступает для нанимателя в видѣ затраты его имущества на оплату нанятаго рабочаго. И если уве- личеніе затраты труда не сопровождается увеличеніем расходов по опла- тѣ рабочаго,то добавочное бремя труда совершенно не замѣчается нани- мателем. Поэтому политическая экономія,стоящая на точкѣ зрѣнія трудя- щихся,не может не придавать существеннаго значенія категоріи трудовой

затраты,как совершенно самостоятельной хозяйственной категоріи; напро- тив,политическая экономія,разсматривающая экономическіе процесы под углом зрѣнія нанимателей рабочих,должна видѣть в трудовой затратѣ не самостоятельную экономическую категорію,а один из видов затраты иму- щества нанимателя. Затрата труда человѣка,с этой точки зрѣнія,ничѣмъ не отличается от затраты труда лошади или работы машины.

Приходится,повидимому,признать невозможность единой экономической науки-приходится признать необходимость распаденія ея на столько же различных теоретических построеній,сколько различных хозяйственных ин- тересов имѣется в современном обществѣ. Не может быть политической эко- номіи вообще,а должна быть политическая экономія с точки зрѣнія инте- ресов рабочаго класса,землевладѣльческаго,капиталистическаго,крестьян и т.д.

Однако,этот послѣдній вывод слишком поспѣшен. Правда,интересы раз- личных общественных классов различны и,стоя на точкѣ зрѣнія каждаго из этих общественных интересов,приходится выдвигать на первый план раз- личныя задачи теоретическаго изслѣдованія. Но есть возможность возвы- ситься над этим различіем интересов,найти такую точку зрѣнія,с которой практическіе выводы науки должны быть обязательны для всѣх обществен- ных групп,независимо от их частных интересов.

Дѣйствительно,в сферѣ практической жизни есть точка зрѣнія,погашаю- щая различія частных интересов и смѣло выставляющая требованіе своей общеобязательности. Это-точка зрѣнія этики. То,чтомы признаем в нрав- ственном отношеніи хорошим или дурным,признается нами таковым независи- мо от какого либо частнаго интереса.

У каждаго общественнаго класса есть свои особые экономическіе инте- ресы,не совпадающіе с интересами других классов. Но нравственное соз- наніе далеко не равнозначущее сознанію своих классовых интересов. Сущ- ность нравственнаго одобренія или порицанія в том именно и заключа- ется,что извѣстный волевой акт признается хорошим или дурным ради не- го самого, независимо от связанных с ним выгод или невыгод для дѣйст- вующаго лица. И как бы мы ни смотрѣли на происхожденіе морали, самый факт указанный ея природы не может никѣм отвергаться.

Становясь на точку зрѣнія этики,мы получаем,слѣдовательно, возмож- ность возвыситься над противоположностью интересов и находим практи - ческій интерес,общеобязательный для всѣх людей с нормальным нравствен- ным сознаніем. Центральной идеей современнаго этическаго сознанія яв- ляется формулированная Кантом идея верховной цѣнности и,как вывод от- сюда,равноцѣнности человѣческой личности. Всякая человѣческая личность есть верховная цѣль в себѣ,почему всѣ люди равны,как носители святы- ни человѣческой личности. Это и опредѣляет верховный практическій ин- терес,с точки зрѣнія котораго может быть построена единая политическая экономія: интерес не рабочаго,капиталиста,или землевладѣльца,а человѣ- ка вообще,независимо от принадлежности его к тому или иному классу.

С этой точки зрѣнія мы скажем,что заработная плата есть не расход, а доход общества-ибо рабочій есть человѣк,и,значит,не средство произ- водства в руках капиталиста,но цѣль в себѣ; мы скажем,что затрата тру- да есть самостоятельная и основная хозяйственная категорія,ибо,опять- таки,рабочій есть человѣк,и все, что касается интересов его личности, касается и того верховнаго интереса,из котораго исходит политическая экономія.Наоборот,мы рѣшительно отвергаем правомѣрность точки зрѣнія капиталиста,усматривающаго в рабочем простое средство производства.Ва- обще,мы признаем единственно законной и пріемлемой точку зрѣнія тру - дящагося человѣка-не потому,что мы сходим с почвы общеобязательной эти- ки и становимся на почву опредѣленнаго частнаго интереса,а потому,что интерес трудящагося человѣка совершенно совпадает с верховной этиче - ской идеей-верховной цѣнности человѣческой личности. Доход нетрудяща- гося человѣка основывается на том,что кто-либо другой трудится в его пользу; слѣдорательно частный интерес нетрудящагося человѣка расходит- ся с этическим принципом,провозглашающим,что никто не должен быть сред- ством в руках другого. Напротив,трудящійся человѣк никого не обращает в средство для своих цѣлей и,значит,его поведеніе согласуется с прин- ципом равноцѣнности человѣческой личности.

Неустранимость этической точки зрѣнія,как отправного пункта практи-

ческих построеній политической экономіи, объясняется тѣм, что, кромѣ этических мотивов, наше поведеніе может управляться только личными эгоистическими мотивами. Но личный интерес не может быть отправным пунктом построеній, претендующих на обязательность для других лиц, ибо интерес одного лица не есть интерес другого. Только моральное значеніе может быть противопоставлено эгоистическим интересам человѣка-и больше ничего. Если я защищаю личный интерес другого человѣка, то я становлюсь на этическую почву, так как личный интерес другого не есть мой личный интерес. Так, напр., классовая солидарность есть также один из видов этическаго сознанія, ибо интерес классвойо группы не совпадает м интересом отдѣльнаго ея представителя.

Апеллируя к классовой солидарности, мы становимся, несомнѣнно, н а этическую точку зрѣнія. Но так как классовая солидарность не есть высшее правило морали, и, в лучшем случаѣ, лишь одно из производных и подчиненных правил морали, то оно само должно быть оправдано и обоснова - но высшими правилами морали. И, конечно, только по чистому недоразумѣ - нію можно думать, что создатели ученія о классовой борьбѣ- Маркс и Энгельс- не стояли на почвѣ этики. Только этическія побужденія привели их к защитѣ классовых интересов пролетаріата- вѣдь сами то они к классу пролетаріата отнюдь не принадлежали. Но этого мало- не только лично творцы матеріалистическаго пониманія исторіи исходили из этических мотивов, но, безсознательно для себя, они обосновывали этически и свой соціальный идеал. Призывая к классовой борьбѣ, они совершенно недвусмысленно признавали эту борьбу злом с точки зрѣнія высшаго идеа - ла. Если бы классовая борьба была этическим благом, то для чего был бы нужен соціализм? Вѣдь основным преимуществом соціалистическаго строя перед капиталистическим является, с точки зрѣнія марксизма, именно ис - чезновеніе классов, классового эгоизма и классовой борьбы. Значит, с точки зрѣнія марксизма-как бы ни чуждался марксизм этики-есть нѣчто высшее чѣм классовая солидарность и классовый эгоизм- и этим высшим является полное исчезновеніе классовой солидарности и классового эгоизма за исчезновеніем самих классов. Мѣсто классовой солидарности должна занять общечеловѣческая солидарность, иначе говоря, этическое при - знаніе равноцѣнности и самоцѣльности каждой человѣческой личности.

III. П о с т р о е н і е с и с т е м ы э к о н о м и ч е с к и х п о н я т і й. Описаніе экономических явленій завершается построеніем системы общих экономических понятій. Обычный разговорный язык об - ладает обширным запасов экономических понятій и наука не может не считаться с этим. Попытка создать научную экономическую терминологію, совершенно независимую от разговорнаго языка была бы и нецѣлесообразна, и неосуществима.

Нецѣлесообразна потому, что, как справедливо указывает Визер, в обычном словоупотребленіи закрѣпляется весьма разнообразное экономическое познаніе, которым было бы весьма нерасчетливо пренебрегать. Так как общественный хозяйственный процесс есть компликація разумной сознательной дѣятельности человѣка, то каждый обладает знаніем весьма многих общественно-хозяйственных соотношеній, -без этого знанія был бы невозможен успѣх хозяйственной дѣятельности. Разговорный язык представляет собою в сферѣ хозяйственных познаній закрѣпленный хозяйственный опыт многих поколѣній, который имѣет свою цѣнность, почему экономисты поступают совершенно правильно, придавая большое значеніе объясненію и точному установленію смысла обычнаго разговорнаго языка в области хозяйственных понятій. Поэтому нужно не отвергать экономическія понятія обычнаго языка, а стараться использовать в научных цѣлях эту богатую сокровищницу экономическаго знанія, открытую каждому. Но, кромѣ того, научная экономическая терминологія уже и потому не может не опираться на разговорный язык, что экономическая наука слишком тѣсно соприкасается с общественной жизнью, чтобы отгораживать себя от нея новой терминологіей, понятной лишь спеціалистам. Экономист имѣет дѣло с широкой публикой, стремится вліять на народныя массы, а для этого должен говорить языком, по возможности, всѣм понятным. Поэтому всякая терминологія, значительно расходящаяся с обычным словоупотребленіем, совершенно законно не встрѣчает сочувствія у большинства экономистов, не говоря уже о широкой публикѣ.

Однако, отсюда не слѣдует, что экономическая наука должна просто заимствовать свои общія понятія у разговорнаго языка. Правда, она может, в большинствѣ случаев, пользоваться ими, но лишь послѣ предварительной переработки их. Термины разговорнаго языка обычно страдают неясностью и спутанностью своего содержанія. Задача науки по отношенію к ним должна, слѣдовательно, заключаться: I) в устраненіи могущих заключаться в них внутренних противорѣчій, 2) в установленіи точных границ понятій, точном опредѣленіи их, и 3) в установленіи логических соотношеній эт. понятій.

Подвергая такой переработкѣ понятія разговорнаго языка наука иногда расширяет их, иногда суживает и иногда констатирует новыя понятія.

Так, напр., в обычном словоупотребленіи под капиталом понимается преимущественно деженыя суммы, приносящія нетрудовой доход; наука значительно расширяет это понятіе, понимая под капиталом, как историческ. категоріей хозяйства, всякій, созданный трудом человѣка, запас хозяйств. предметов, являющійся для своего владѣльца источником нетрудового дохода. В других случаях экономическая наука суживает обычныя понятія- так, напр., рабочим союзом экономист называет не всякій союз рабочих, а только такой союз, который ставит своей цѣлью защиту интересов рабочих, как продавцов рабочей силы; под общинным землевладѣніем-не всякое землевладѣніе общины, а лишь такое, при котором земля находится въ трудовом пользованіи членов общины и т.д и т.д. Иногда наукѣ приходится конструировать новыя понятія, совершенно чуждыя обычному экономическому сознанію; так, напр., понятіе земельной ренты, которую Рикардо опредѣляет, как плату за пользованіе первоначальными и неистощимыми свойствами почвы." Обычное понятіе арендной платы не совпадает с понятіем земельной ренты, так как в арендную плату может входить плата не только за неистощимыя свойства земли. Таким же новым экономическим понятіем было построенное Марксом понятіе прибавочной цѣнности, как избытка цѣнности, остающагося за покрытіем цѣнности возстановленнаго в своей цѣнности капитала.

Построеніе системы общих экономических понятій отнюдь не есть маловажное дѣло. Такіе выдающіеся методологи, как Вундт, видят в этом даже верховную цѣль всей экономической науки, относясь отрицательно к стремленію экономистов устанавливать причинные законы экономистических явленій.

Однако, как ни важно созданіе логически построенной системы общихъ понятій, политическая экономія может претендовать на нѣчто большее. Нельзя не согласиться со Шмоллером, что "хорошія опредѣленія можно сравнить с острыми клинками; их нужно всегда острить, ковать из новаго металла новые клинки. Но постоянно перековывать старые клинки, ковать клинки, когда нечего ими рубить, нечего ими раздѣлять, опредѣлять слова, которыя не находят себѣ в наукѣ достаточнаго примѣненія-безплодное занятіе."

IУ. О б ъ я с н е н і е э к о н о м и ч е с к и х я в л е н і й. Построеніе системы общих понятій есть только логическое завершеніе I-й стадіи научнаго изученія явленій хозяйства- о п и с а н і я явленій. Но своей конечной цѣли теоретическое познаніе достигает лишь тогда, когда ему удается о б ъ я с н и т ь описанныя классифицированныя и подчиненныя общим понятіям явленія. В чем же заключается сущность научнаго о б ъ я с н е н і я явленій? Под объясненіем явленій можно понимать очень различные логическіе процессы. Но в строгом смыслѣ под объясненіем явленія современная наука понимает только одно- сведеніе этого явленія к общим и неизмѣнным законам природы. И политическая экономія тѣм именно отличается от других общественных наук, что она с большим или меньшим успѣхом дает общія причинно-функціональныя объясненія изучаемаго ею круга явленій.

Как выше указано, политическая экономія изучает по преимуществу стихійную закономѣрность свободнаго мѣнового хозяйства. Закономѣрность эта есть результат взаимодѣйствія единичных хозяйств, связанных между собою узами обмѣна; на почвѣ этого взаимодѣйствія возникают причинно-функціональныя зависимости, и задачей политической экономіи является установленіе общих формул этих зависимостей.

Поскольку дѣло идет об объясненіи явленій в указанном смыслѣ, привнесеніе сюда каких бы то ни было этических или субъективных элементов совершенно недопустимо. Устанавливая причинно-функціональныя зависимости, экономист не может исходить из своих общественных симпатій, - в противном случаѣ получилась бы не наука, а ея фальсификація, подмѣна сущаго должным. Самое установленіе названных зависимостей в области хозяйственных явленій происходит при помощи тѣх же двух основных методов изслѣдованія, как и в других областях знанія-индукціи (восхожденія от частнаго к общему, анализа фактов) и дедукціи (объясненія частных случаев на основѣ общей теоріи). Но индуктивное изслѣдованіе в области соціальной жизни уже потому не может имѣть такого значенія, как в области естествознанія, что изслѣдователь соціальных явленій не может пользоваться самым могущественным орудіем индукціи-опытом. Одно же наблюденіе, как это показано, между прочим, Миллем, благодаря множественности причин, большею частью недостаточно для установленія причин наблюдаемаго явленія. В частности, по отношенію к экономическим явленіям, совершенно ясно, что причины их почти никогда не могут быть открыты путем одной индукціи. Благодаря крайней сложности и измѣнчивости этих явленій, дѣйствіе каждаго изучаемаго фактора маскируется дѣйствіем одновременно существующаго множества других факторов и индукція оказывается не в силах отдѣлить дѣйствіе одного фактора от другого.

Так, напр., всѣ экономисты согласны в том, что на цѣну продукта оказывает вліяніе количество труда, требующагося для производства этого продукта, однако индуктивно установить функціональную зависимость между трудовой затратой и цѣной совершенно невозможно, потому, что на цѣны вліяет цѣлый ряд других факторов, помимо труда, и мы сплошь и рядом наблюдаем, что предметы, на которые затрачено меньше труда, расцѣниваются на рынкѣ выше, чѣм предметы с высшей трудовой стоимостью (напр. с случаѣ большого спроса на предметы перваго рода, болѣе высокой оплаты труда рабочих, производящих эти предметы, и т.п.), Таким образом функціональная зависимость между трудовой затратой и цѣнами никоим образом не могла бы быть открыта индукціей.

И дѣйствительно, господствующим методом политической экономіи при открытіи ею функціональных зависимостей изучаемаго ею круга явленій является противоположной метод-дедукція. Экономист знаком с тѣми силами, столкновеніе которых обусловливает явленія народнаго хозяйства: в основѣ явленій народнаго хозяйства лежит взаимодѣйствіе людей, независимый от их воли результат их дѣятельности, совершающегося по опредѣленным мотивам.. Психическая природа человѣка не составляет собой предмета изученія экономиста: послѣдній предполагает ее извѣстной, пользуясь частью непосредственным знаніем ея, которым обладает каждый путем самонаблюденія, частью данными спеціальной науки, изучающей психическую жизнь человѣка-психологіи. Соціальная среда, в которой дѣйствуют люди- господствующія соціальныя учрежденія, политическія формы общежитія, дѣйствующее право-также не входит в область изученія экономиста (будучи предметом изслѣдованія других соціальных наук) и предполагается экономистом извѣстной. Наконец, матеріальная среда-внѣшняя природа-изслѣдуется естествознаніем, выводами котораго пользуется экономист. Таким образом задача экономиста сводится к опредѣленію, какова будет равнодѣйствующая при взаимодѣйствіи многих сил, законы дѣйствія каждой из которых ему извѣстны- задача очень трудная, благодаря сложности этого взаимодѣйствія, но вполнѣ разрѣшимая при извѣстном упрощеніи задачи.

Упрощеніе это заключается в том, что экономист отказывается от совершенно безнадежной попытки изучать народно-хозяйственныя явленія во всей их сложности, как они наблюдаются в эмпирической дѣйствительности. Вмѣсто этого, он ставит себѣ болѣе скромную задачу. Он конструирует упрощеннаго человѣка, дѣйствующаго в упрощенной соціальной средѣ. Таким образом создаются основныя посылки политической экономіи, исходя из которых экономист приходит к своим выводам.

В центрѣ всѣх экономических построеній лежит опредѣленное представленіе о мотивах, управляющих человѣческим поведеніем. Экономист предполагает в полном согласіи с дѣйствительностью, что средній человѣкъ стремится к возможному увеличенію своего богатства, имѣя при этом в виду не только себя лично, но и свою семью (дѣйствуют, как bonus pater familias, говоря языком римскаго права). Хозяйственная мотивація человѣка признается находящейся в согласіи с господствующим в современном обществѣ гражданским правом, покоящимся на началах частной собственности и правѣ наслѣдованія. К этому присоединяется предположеніе, что дѣятельность человѣка находится в полном согласіи с хозяйственным принципом и основывается на полном знаніи всѣх обстоятельств дѣла.

Таким образом экономист изслѣдует повеченіе не абстрактнаго хозяина, внѣ условій исторической соціальной среды, но хозяина в условіях существующаго свободнаго мѣноваго хозяйства, в рамках дѣйствующаго гражданскаго права.

Обычное мнѣніе, что основной посылкой экономической жизни является посылка эгоизма- предположеніе, что хозяйственной дѣятельностью человѣка руководят исключительно эгоистическіе мотивы- было подвергнуто сильной и убѣдительной критикѣ Л.І.Петражицким. Если бы люди в своей хозяйственной дѣятельности думали только о себѣ, руководствовались принципом "apres nous le deluge ", то накопленіе общественнаго богатства стало бы невозможно, и послѣдовали бы голод и нищета. Экономист, конечно, не исходит в своих построеніях из предположенія такого расточительнаго поведенія и, слѣдовательно, не исходит из посылки эгоизма.

Предполагая человѣка дѣйствующим под вліяніем только опредѣленных мотивов, в согласіи с хозяйственным принципом и при полном знаніи всѣх обстоятельств дѣла, экономист, конечно, упрощает дѣйствительность. Но без такого упрощенія задачи экономическая теорія обойтись не может. Теоретическая дедукція возможна только от строго опредѣленных посылок и никакая точная наука не может обходиться без упрощенія дѣйствительности.

Политическая экономія в этом отношеніи лишь раздѣляет общую слабость всѣх точных наук. Физика и химія всѣми признаются образцом точнаго изученія явленій природы. Изслѣдуют ли, однако, эти науки, конкретныя явленія или же извѣстные упрощенные абстрактные типы явленія? Несомнѣнно послѣднее. Законы газообразных тѣл-напр., закон Бойля и Мар[illegible]отта- не примѣнимы в полной мѣрѣ ни к одному реальному газу и характеризуют лишь нѣкоторыя идеальныя, представляемыя состоянія, к которым реальныя явленія приближаются в большей или меньшей степени. Точно также химія трактует об элементах, но абсолютно чистых элементов, абсолютно чистаго кислорода, водорода, золота не существует в природѣ- всякое реальное тѣло есть смѣсь или соединеніе нѣсколькихъ элементов. Абстракція, отвлеченіе от усложняющихся обстоятельств, есть метод всѣх точных наук, выводы которых абстрактно, в примѣненіи к представляемым явленіям, совершенно точны, но конкретно, в примѣненіи к реальным фактам природы, точны лишь приблизительно.

К своим выводам экономист теоретик приходит путем построенія силлогизмов, в которых роль больших посылок играют указанныя предпосылки, а меньших- частные случаи, подлежащіе изученію. Вывод получается путем обычной дедукціи.

Для разрѣшенія разнообразных проблем народнаго хозяйства экономисту приходится строить цѣпи таких силлогизмов; главная трудность таких дедуктивных умозаключеній заключается в установленіи связи между частным случаем, подлежащим объясненію, и общими посылками. Общія посылки могут считаться извѣстными; вывод также не может представлять затрудненій. Но установленіе меньшей посылки, при помощи которой общіе принципы экономической науки получают частное примѣненіе и устанавливается опредѣленная причинная зависимость между тѣми и другими хозяйственными явленіями, представляет собой наиболѣе уязвимое мѣсто всего этого логическаго процесса.

Здѣсь нерѣдко дѣлаются ошибки, которыми изобилует исторія экономических ученій. Возьмем, напр., слѣдующій силлогизм, который казался неотразимым цѣлым поколѣніям экономистов. Б о л ь ш а я п о с ы л к а: все то, что не оказывает вліянія на общую сумму національнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату и на число рабочих в странѣ, не может оказывать вліянія и на среднюю заработную плату в странѣ. М е н ь ш а я п о с ы л к а: союзы рабочих не оказывают вліянія на общую сумму національнаго капитала, затрачиваемаго на заработную плату и на число рабочих в странѣ. В ы в о д: союзы рабочих не могут оказывать вліянія на среднюю заработную плату в странѣ.

В этом силлогизмѣ большая посылка совершенно несомнѣнна:конечно,частное (средняя заработная плата) не может быть измѣнено без измѣненія дѣлимаго (національнаго капитала,затрачиваемаго на заработную плату) или дѣлителя (числа рабочих в странѣ). Вывод также неизбѣжно вытекает из посылок. Но меньшая посылка ошибочна; хотя рабочіе союзы новаго богатства и не создают,они могут,путем давленія на предпринимателей,увеличивать ту долю общественнаго богатства, которая переходит к рабочим в вид заработной платы. Таким образом рабочіе союзы могут оказывать вліяніе на общую сумму національнаго капитала,затрачиваемаго на заработную плату,а,значит могут вліять и на среднюю заработную плату в странѣ. Силлогихм не вѣрен в том отношеніи,что его меньшая посылка не соотвѣтствует истинѣ,почему не соотвѣтствует истинѣ и вывод.

Как бы ни были правильно в формальном отношеніи построены силлогизмы экономиста,выводы из них могут быть невѣрны благодаря неправильности посылок. Вот почему нельзя согласиться с Кэрнсом,не придающим значенія опытной повѣркѣ выводов экономической теоріи. Конечно,единственным доказательством неправильности этих выводов может быть обнаруженная неправильность самого силлогизма,сам по себѣ вывод абстрактной теоріи не может быть опровергнут указаніем на несоотвѣтствіе его эмпирической дѣйствительности, ибо несоотвѣтствіе это может быть обусловлено вліяніем факторов,не учитываемых экономистом. Поэтому обычный пріем плохих экономистов-вмѣсто логическаго опроверженія той или иной теоріи возражать на нее простой ссылкой на факты- является доказательством лишь убожества теоретической мысли этих экономистов. Однако,хотя доказать невѣрность опредѣленной экономической теоріи можно лишь обнаружив неправильность ея логических построеній,сам по себѣ факт несоотвѣтствія теоріи дѣйствительности никоим образом не может считаться обстоятельством,безразличным для науки. Если бы экономисты стали на такую точку зрѣнія,то их теоріи совершенно оторвались бы от жизни и лишились бы практическаго значенія,даже если бы онѣ и были правильны.Поэтому выводы абстрактной экономической теоріи всегда должны быть повѣряемы фактами; и если несовпаденіе теоріи с фактами значительнѣе,чѣм можно было бы ожидать в силу абстрактнаго характера самой теоріи,то должно быть указано,какіе факторы вызывают отклоненіе конкретных результатов от предвидимых на основаніи теоріи. Экономист не может считать свое дѣло законченным до тѣх пор,пока им не показано,почему дѣйствительность не соотвѣтствует теоретическим предложеніям. В этом и заключается опытная повѣрка теоріи.

Итак,экономическая теорія,подобно другим точным наукам,устанавливая причинно-функціональныя зависимости,имѣет всегда дѣло с нѣкоторой абстракціей. Тѣм не менѣе по своей научной цѣнности и обязательной силѣ, выводы экономической теоріи,конечно,не могут быть сравниваемы с выводами естествознанія. Главнѣйшія основанія меньшей обязательности выводов экономической науки заключаются в слѣдующем:

I) Механическія силы природы всегда оказывают свое дѣйствіе,и если оно не проявляется благодаря тому,что какая нибудь другая сила дѣйствует в противоположном направленіи,то этим не уничтожается реальный характер первой силы.Так,напр.,хотя камень,имѣющій опору,и не падает, и дѣйствіе силы тяжести не имѣет внѣшняго проявленія,-тѣм не менѣе сила тяжести оказывает свое дѣйствіе и выражается в давленіи камня на точку опоры. Напротив в области общественной жизни тѣ силы, из предположеній которых исходит экономист,могут совершенно не дѣйствовать. Так,наприм., человѣк может подчинять свою хозяйственную дѣятельность вліянію мотивов,не принимаемых в расчет экономистом,и в этом случаѣ выводы экономической теоріи не будут имѣть никакого примѣненія к реальной дѣйствительности. Выводы естествознанія имѣют, слѣдовательно,безусловно реальный характер,выводы экономической теоріи- предположительный:они могут имѣть реальное значеніе поскольку реально осуществляются тѣ предположенія, из которых исходит экономист.

2) Силы, противодѣйствующія проявленію в чистом видѣ результатов дѣйствія изучаемых естествознаніем сил, всегда относятся к той же категоріи механических сил,как и силы перваго рода. Напримѣр,пуля из ружья никогда не будет описывать при полетѣ той правильной кривой,какая выводится механикой из изученія взаимодѣйствія силы полета пули и земного тяготѣнія. Сопротивленіе воздуха,вѣтер и множество других причин вызовут отклоненія от этой идеальной кривой. Но всѣ эти отклоняющія силы подчинены тѣм же законам механики. Напротив,силы,вызывающія отклоненія дѣйствительных экономических фактов от теоретически выводимых, относятся к совершенно иной категоріи,чѣм изучаемыя экономистом. Экономист наталкивается в данном случаѣ на границы своего знанія и должен признать свое безсиліе.

В исторіи экономической науки долгое время шел спор о том,какой метод-дедукція,носящая абстрактный характер,или индукція,исходящія из конкретных фактов-должен быть положен в основу науки. Представители так называемой исторической школы в политической экономіи расчитывали преобразовать науку путем отказа от абстрактной теоріи и замѣны ея эмпиризмом. Однако,никакого преобразованія экономической теоріи сторонники новаго направленія не произвели; первоначально ожесточенный спор о преимуществах дедукціи и индукціи мало по малу затих и теперь уже не возбуждает интереса. Точка зрѣнія Менгера,признавшаго равноправность обих методов,каждаго в своей сферѣ,стала болѣе или менѣе общепринятой,как показывает хотя бы глава о методологіи политической экономіи в новѣйшем курсѣ признаннаго главы исторической школы Шмоллера. Дѣло в том, что наука политической экономіи охватывает собой нѣсколько научных дисциплин,глубоко отличающихся друг от друга по своим методологическим пріемам.

Политическая экономія распадается,прежде всего,на т е о р е т и ч е с к у ю и п р а к т и ч е с к у ю экономическую науку. Теоретическая политическая экономія,в свою очередь,подраздѣляется на: I) а б с т р а к т н у ю и 2) к о н к р е т н у ю. А б с т р а к т н а я политическая экономія,устанавливающая общія причинно-функціональныя зависимости народнаго хозяйства,не не может не пользоваться по преимуществу выше охарактеризованным дедуктивным методом. Напротив,если конкрѣтная политическая экономія,ставящая себѣ цѣлью описаніе,классификацію и объясненіе конкретных типов народно-хозяйственных явленій,носит по необходимости индуктивный характер. Этот этдѣл экономической науки, пользуясь абстрактной теоріей хозяйства,изслѣдует как существующіе типы хозяйственных явленій,так и, в особенности, историческое развитіе их. Установленіе направленій историческаго развитія хозяйства является одной из важнѣйших задач этого отдѣла науки.

Т е о р е т и ч е с к о й политической экономіи противостоит практическая политическая экономія,иначе говоря,экономическая политика. Чтобы стать дѣйствительно научной,экономическая политика должна вступить в тѣсную связь с этикой. Только этика может дать политикѣ ея руководящія идеи; в частности,центральной идеей политики должна стать этическая идея верховной цѣнности человѣческой личности. Общественный строй,при котором для каждой человѣческой личности осуществляется наиболѣе широкая возможность развитія всѣх ея сил и способностей,образует для нас с о ц і а л ь н ы й идеал, с точки зрѣнія котораго должны быть оцѣниваемы отдѣльныя нормы положительнаго права. Поэтому нельзя не привѣтствовать замѣчающагося в новѣйшее время среди юристов стремленія к возсозданію естественнаго права (конечно в новых формах.

Не нужно,однако, думать,что названные отдѣлы политической экономіи могут быть строго раздѣлены и разграничены друг от друга. Абстрактная и конкретныя части экономической науки проникают друг друга и практически неотдѣлемы. В большей мѣрѣ может быть разграничена теоретическая политическая экономія от практической,ибо изслѣдованіе с у щ а г о и д о л ж н а г о представляют собой логически совершенно разныя проблемы. Однако, и туту полное раздѣленіе невозможно. Выше уже было указано,что первый шаг теоретическаго изслѣдованія-описаніе и классификація экономических явленій- не может не испытывать вліянія практических задач изслѣдованія. Поэтому и экономическая теорія не может быть изучаема совершенно независимо от экономической политики.

Привлеченіе этическаго элемента не подрывает объективнаго значенія экономической теоріи,ибо этот элемент занимает в экономической теоріи лишь строго опредѣленное мѣсто. В области о б ъ я с н е н і я экономических явленій,сведенія их к причинно-функціональным зависимостям, для

этого элемента, конечно, нѣт мѣста. В общем, этика, соціальный идеал не вредят научности экономической теоріи, но лишь в том случаѣ, если в научном разсужденіи строго различаются области сущаго и должнаго. Идеальные и объективные элементы могут идти рядом в экономической теоріи, но, однако, так, чтобы всегда было ясно различіе природы тѣх и других—подобно тому, как вода и масло в одном сосудѣ не смѣшиваются друг с другом, хотя и находятся в непосредственном сосѣдствѣ.

В русской литературѣ шел долгій спор о роли этическаго элемента в соціальной наукѣ. Лавров и Михайловскій высказали мысль, что соціальная наука должна прибѣгнуть в другому методу изслѣдованія, чѣм естествознаніе, в силу того, что соціальная наука изучает соціальныя явленія с точки зрѣнія интересов и цѣлей человѣка, почему и чисто объективное изслѣдованіе этих явленій становится невозможным. Так, субъективно-телеологическій характер имѣет центральное понятіе исторической науки—понятіе прогресса. Исходя из этих соображеній, Михайловскій развил теорію субъективнаго метода в соціологіи. Однако, несмотря на неоднократное возвращеніе к этому вопросу, Михайловскій не пришел, повидимому, к окончательному рѣшенію, в чем именно должен заключаться это метод, и в разное время давал послѣднему разное истолкованіе. Теорія Михайловскаго встрѣтила рѣзкій отпор со стороны цѣлаго ряда писателей и особенно высмѣивалась лѣт двадцать тому назад, в эпоху расцвѣта русскаго марксизма. В концѣ-концов, приходится, однако, признать, что, несмотря на незаконченность ученія Михайловскаго и на свои слабыя стороны, оно заключало в себѣ кое-что вѣрнаго. Школа Виндельбанда-Гиккерта имѣет, несомнѣнно, извѣстные пункты соприкосновенія со взглядами, высказывавшимися русской соціологической школой.

Методологическія воззрѣнія, развитыя в текстѣ, также имѣют в частностях нѣчто общее с ученіем Риккерта. Однако, я не могу себя, без оговорок, причислить к послѣдователями Риккерта. Риккерт, как и многіе другіе современные методологи, усматривает глубочайшее принципіальное различіе между исторической и естественно-научной точками зрѣнія, настаивая на том, что историк интересуется только индивидуальным. Риккерть склонен ослаблять значеніе естественно-научных элементов в общественных науках. С моей же точки зрѣнія, теоретическая политическая экономія принадлежит к тому же научному типу, как и естествознаніе. Я думаю, что и в естествознаніи практическіе интересы устанавливают направленіе теоретической мысли, дают задачи теоріи и этим опредѣляют ея содержаніе. Политическая экономія, по моему представленію, вовсе не ставит себѣ задачей описаніе индивидуальных явленій, а имѣет в виду общее и, значит, в смыслѣ Риккерта, является не исторической, а естественной наукой. И если в общественных науках, в практической их части, этическая категорія получает особое значеніе, то лишь в силу того, что практическое естествознаніе имѣет дѣло с очень ограниченным, опредѣленным и равно признаваемым всѣми кругом внѣшних интересов человѣка, а общественныя науки—с верховными интересами человѣческой личности, со всей совокупностью ея психических переживаній. Естественно-научная точка зрѣнія кажется мнѣ совершенно законной в политической экономіи, и подчиненіе практических интересов в этой сферѣ этикѣ не заключает в себѣ, по моему мнѣнію, ничего несогласнаго с духом естествознанія.

Стремленіе марксистов к чисто объективному построенію соціальной науки находится в очевидном противорѣчіи с их представленіем о господствѣ классовых интересов в области научнаго познанія. С их точки зрѣнія, соціальная наука не может не отражать классовых интересов; но в таком случаѣ, она не может быть и чисто объективной наукой. Примиреніем этого противорѣчія является обоснованіе телеологическихъ элементов соціальной науки, поскольку дѣло идет о сталкивающихся и противоположных классовых интересах, на общеобязательных этических нормах. В этом смыслѣ правильно, что практическая политическая экономія есть этическ. наука. Вообще, по справедливому замѣчанію Дитцеля, только как слуга этики, политика может стать наукой. "Без норм, даваемых этикой, политика становится собраніем рецептов для осуществленія всевозможных интересов, дѣйствующих в соціальной жизни."

14

ГЛАВА III.

ЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРІЯ ХОЗЯЙСТВА. ЦѢННОСТЬ И СТОИМОСТЬ.

I. О б щ е е у ч е н і е о ц ѣ н н о с т и. Один из самых выдающихся экономистов заканчивающагося вѣка— Ротбертус— предложил чрезвычайно важное дѣленіе экономических понятій на л о г и ч е с к і я и и с т о р и ч е с к і я понятія (или категоріи). Под л о г и ч е с к и м и понятіями хозяйства нужно понимать в этом смыслѣ такія, которыя присущи всякому хозяйственному строю, каковы бы ни были его историческія особенности. Напротив, историческія категоріи хозяйства характеризуют собой только опредѣленныя, преходящія, историческія формы хозяйства.

Основными логическими категоріями хозяйства являются ц ѣ н н о с т ь и с т о и м о с т ь. Обѣ эти категоріи вытекают из самой природы хозяйственнаго процесса, который, с одной стороны, всегда преслѣдует внѣшнюю ц ѣ л ь— приспособленіе внѣшней природы к нашим потребностям, с другой же стороны— достигает этой цѣли лишь путем нѣкоторых затрат, составляющих средство для достиженія цѣли. Итак, с р е д с т в о и цѣль, затрата и получка являются тѣми двумя полюсами, между которыми заключена хозяйственная дѣятельность. Соотвѣтственно этому и так называемый хозяйственный принцип имѣет двусторонній характер: при наименьшей затратѣ достигнуть наибольшей суммы хозяйственной пользы. Всякая хозяйственная дѣятельность стремится согласоваться с обоими требованіями хозяйственнаго принципа, в котором находят себѣ выраженіе двѣ основных логических категоріи хозяйства—стоимости (затраты) и цѣнности (получки). Вся хозяйственная жизнь, несмотря на ея чрезвычайную сложность, укладывается в эти двѣ основныя категоріи хозяйства, подобно тому, как операціи любого хозяйственнаго предпріятія, каковы бы онѣ ни были, укладываются бухгалтеріей в двѣ рубки— пассива и актива.

Разсмотрѣніе этих категорій удобнѣе начать с категоріи цѣнности, потому что цѣнность располагается на том полюсѣ хозяйства, гдѣ лежит цѣль послѣдняго, стоимость же является всегда только средством. А в процессѣ разумной дѣятнльность примат, естественно, принадлежит цѣли, опредѣляющей все направленіе дѣятельности, а также и средства, которыя оказывается возможным затратить для достиженія цѣли.

При построеніи теоріи хозяйственной цѣнности нельзя упускать из виду, что категорія цѣнности имѣет значеніе не только в примѣненіи к хозяйству. Для новѣйшаго направленія философскаго мышленія характерно стремленіе все больше и больше раздвигать рамки понятія цѣнности, которое становится одним из основных философских понятій. Это находится в связи с волюнтаристическим направленіем современной психологіи. Воля признается большинством современных психологов основным и опредѣляющим элементом психической жизни человѣка.

Но категорія цѣнности и есть не что иное, как одна из форм категоріи воли. Как можем мы отличать цѣнное от нецѣннаго? только пореакціи нашей воли. Воля всегда к чему либо стремится и от чего либо отталкивается, чего либо избѣгает; то к чему она стремится, признается нами положительной цѣнностью, чено она избѣгает, отрицательной цѣнностью. Внѣ воли нѣт цѣнности и внѣ цѣнности нѣт воли. И поэтому с обще-философской точки зрѣнія слѣдует признать вполнѣ правильным опредѣленіе цѣнности, формулированное Эренфельсом: "Цѣнные предметы суть тѣ, которых мы жедаем."

При этом можно желать предмета или как цѣль или как средство к какой либо другой цѣли. Соотвѣтственно этому, можно дѣлить цѣнности на: 1) о с н о в н ы я, самостоятельныя и 2) п р о и з в о д н ы я, несамостоятельныя. Первыя желательны сами ради себя—напр., счастье, красота, добродѣтель, слава и т.п. Вторыя же являются средствами для достиженія какой-либо основной цѣнности.

Хозяйство имѣет дѣло лишь с производными цѣнностями, ибо хозяйство не самоцѣль, а средство. Продукты хозяйства цѣнны не сами по себѣ, а потому, что при их помощи мы обезпечиваем себѣ полученіе каких-либо основных цѣнностей. Хозяйственная цѣнность есть з н а ч е н і е, кото-

рое мы придаем данному предмету, в силу нашего сознанія, что от обладанія им зависит большая или меньшая степнь нашего хозяйственнаго благополучія.

Мы говорим о: I) С у б ъ е к т и в н о й хозяйственной цѣнности в том случаѣ, когда мы относим цѣнность к какому либо отдѣльному лицу и 2) о б ъ е к т и в н о й, когда мы отвлекаемся от психологіи отдѣльнаго лица и разсматриваем цѣнность с точки зрѣнія ея объективных результатов.

Для экономиста, изучающаго мѣновое хозяйство, особенно важен один вид объективной цѣнности-мѣновая цѣнность предмета, его покупательная сила, цѣна. Объективная цѣнность возникает на основѣ субъективной, ибо, в концѣ концов, единственным дѣятелем хозяйства является человѣк и из взаимодѣйствія отдѣльных людей возникают всѣ процессы народнаго хозяйства. Поэтому, чтобы познать законы строенія объективной цѣнности, цѣны (теорія цѣны будет дана в этом курсѣ позже, в отдѣлѣ обмѣна) необходимо раньше изучить механизм строенія субъективной цѣнности. Субъективная цѣнность является вмѣстѣ с тѣм логической категоріей хозяйства, так как хозяйство немыслимо внѣ субъективной цѣнности, между тѣм, как объективная мѣновая цѣнность характеризует лишь одну исторически преходящую форму хозяйства- мѣновое хозяйство, -и, слѣдовательно, является историческо категоріей хозяйства.

Уже из самаго существа цѣнности слѣдует, что категорія эта имѣет непосредственное отношеніе к способности предметов удовлетворять нашим потребностям, иначе говоря к полезности предметов. Неудивительно, что уже издавна многіе экономисты стремились вывести понятіе цѣнности из понятія полезности. Однако, попытки эти долгое время оставались безуспѣшными. Общеизвѣстные факты находились, повидимому, в непримиримом противорѣчіи с теоріей, признающей основой ц нности хозяйственнаго предмета его полезность: наиболѣе полезные предметы, напр., вода и воздух, не обладают никакой цѣнностью и, наоборот, предметы, имѣющіе, повидимому, незначительную полезность-напр., драгоцѣнные камни или золото-цѣнятся высоко. Хлѣб полезнѣе алмаза, и желѣзо полезнѣе золота- однако, хлѣб и желѣзо цѣнятся несравненно ниже, чѣм золото и алмаз. Эти факты доказывают, повидимому, что цѣнность не только не пропорціональна полезности хозяйственных предметов, а скорѣе, измѣняется в обратном отношеніи к послѣдней.

В виду трудности объяснить цѣнность с точки зрѣнія полезности, в наукѣ утвердилась на долгое время так называемая трудовая теорія цѣнности, в том видѣ, как она была развита Рикардо. С точки зрѣнія этой теоріи, всѣ хозяйственные предметы могут быть раздѣлены по отношенію к условіям образованія их цѣнности на двѣ группы- свободно воспроизводимых и не воспроизводимых вообще свободно. Цѣнность первых опредѣляется главным образом, средним трудом, затраченным на их производство, а цѣнность вторых-напр. рѣдких статуй, картин и т.п.- их относительной рѣдкостью.

Таким образом, трудовая теорія цѣнности (в том видѣ, как ее развил Рикардо) не в силах объяснить из одного принципа всѣ явленія цѣнности, во всем их объемѣ, и принуждена признавать на ряду с трудом дѣйствіе совершенно иного начала, чѣм труд- относительной рѣдкости. Между тѣм процесс оцѣнки воспроизводимых и невоспроизводимых предметов по существу один и тот же.

С 70ых годов закончившагося столѣтія начинает быстро пріобрѣтать сторонников новая теорія цѣнности, которая в настоящее время может считаться, если не общепринятой, то безусловно господствующей.

Основателем этой теоріи- так. назыв. теоріи предѣльной полезности- должен считаться нѣмецкій экономист Госсен, книга котораго "Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs ", вышедшая в 1853 г., прошла совершенно незамѣченной современниками. Только много времени спустя, нѣсколько экономистов разных стран (Менгер, Джевонс и Вальрас) пришли, независимо друг от друга, к тому же объясненію цѣнности, которое дал и Госсен.

Великая заслуга новой теоріи заключается в том, что она обѣщает навсегда покончить споры о цѣнности, дав полное исчерпывающее объясненіе

в с ѣ м явленіям процесса оцѣнки, исходя из одного основного принципа.

Отправным пунктом новой теоріи является точное опредѣленіе понятія полезности хозяйственнаго предмета. Неудача предшествовавших попыток установить зависимость цѣнности от полезности проистекала из того, что не различали общей, абстрактной полезности того или иного рода вещей от дѣйствительной пользы, приномисой данным конкретным предметом. Вода, напр., нам полезна, она обладает а б с т р а к т н о й полезностью, но не каждый стакан воды нам полезен, обладает конкретной полезностью, - конкретно полезна только небольшая часть воды. Если вопрос возникает об абстрактной полезности воды или о полезности всего запаса воды, то мы должны признать воду полезной; но если дѣло идет о полезности той или иной конкретной части общаго запаса воды, то не подлежит сомнѣнію, что большая часть воды нам совершенно не нужна и для нас безполезна.

Всѣ предметы даннаго рода обладают одинаковой абстрактной полезностью. Но конкретная полезность каждой единицы запаса этих предметов различна. Пусть я располагаю 4-мя кувшинами воды. Без перваго я умру от жажды- полезность перваго кувшина максимальна. Второй служит мнѣ для умыванія- полезность его уже несравненно меньше. Третій я, может быть употреблю на поливку цвѣтов: полезность его еще меньше. Наконец 4-ый мнѣ, может быть, совершенно не нужен. И это-свеобщій экономическій закон. Какой бы продукты мы ни взяли, всегда мы увидим, что, при увеличеніи запаса этих продуктов в нашем рарпоряженіи, они начинают удовлетворять менѣе важным потребностям, полезность их падает. Так, первая пара сапог есть предмет, необходимости, вторая пара уже менѣе нужна, третья еще менѣе. Первый экземпляр книги мнѣ может быть необходим, во втором я могу совершенно не нуждаться. Первое золотое кольцо мнѣ болѣе нужно чѣм второе, второе нужнѣе третьяго и т.д. и т.д.

Всякая послѣдующая единица хозяйственных предметов доставляет нам все менѣе значительное удовлетвореніе-конкретная полезность каждой единицы даннаго предмета убывает по мѣрѣ увеличенія запаса предметов этого рода в нашем распоряженіи. Это соотношеніе было впервые установлено в математической формѣ Бернулли еще в I8 вѣкѣ, а затѣм было положено Госсеном в основаніе новой теоріи цѣнности.

Чѣм же будет опредѣляться цѣнность предмета- наибольшей его полезностью, наименьшей или средней? Разберем это на примѣрѣ. Человѣк, утратив один кувшин воды из 3-х которыми располагает, откажется в вышеприведенном примѣрѣ от поливки цвѣтов, но не от питья: слѣдовательно останется неудовлетворенной наименьшая потребность. Противоположный образ дѣйствій был бы экономически безсмысленным, противорѣчил бы хозяйственному принципу, требующему, чтобы мы извлекали м а к с и м у м наслажденія из имѣющихся у нас хозяйственных средств. Итак, значит, не наибольшая и не средняя полезность, но наименьшая, п р е д ѣ л ь н а я полезность единицы даннаго предмета опредѣляет важность потребности, остающейся неудовлетворенной в случаѣ утраты единицы этого предмета. А так как мы оцѣниваем предмет с точки зрѣнія удовлетворенія наших потребностей, то, слѣдовательно, цѣнность предмета должна опредѣляться его п р е д ѣ л ь н о й п о л е з н о с т ь ю, понимая под предѣльной полезностью предмета, наименѣе важную потребность из числа всѣх удовлетворяемых при помощи запаса предметов этого рода в нашем распоряженіи.

Разсужденіе это представляет собой единственно возможный логическ. вывод из слѣдующих посылок. Большей посылкой является тезис, что степень благополучія, связаннаго с обладаніем единицей предметов извѣстнаго рода, опредѣляется наименьшей потребностью, из числа всѣх удовлетворяемых при помощи запаса предметов этого рода в нашем распоряженіи. Этот тезис вытекает с одной стороны, из хозяйственнаго принципа, с другой- из упомянутаго закона насыщаемости наших потребностей. Меньшей посылкой является тезис, что наша оцѣнка хозяйственнаго предмета опредѣляется тѣм, в какой мѣрѣ наше благополучіе зависит от обладанія оцѣниваемым предметом. Этот тезис есть естественный вывод из самаго понятія оцѣнки. (Цѣнить что либо-значит признавать желаемым, иначе говоря, содѣйствующим нашему благополучію). Вывод из большей и меньшей посылки: наша оцѣнка хозяйственнаго предмета опредѣляется наименьшей потребностью из числа всѣх, удовлетворяемых при помощи запаса предметов этого рода в нашем распоряженіи- иначе говоря, предѣльной полезностью предмета.

Чтобы уяснить значеніе конкретных полезностей различных предметов

при установленіи их цѣнностей, Менгер дал слѣдующую схему общественных потребностей и степени их удовлетворенія

I	II	III	IУ	У	УI	УII	УIII	IX	X
I0	9	8	7	6	5	4	3	2	I
9	8	7	6	5	4	3	2	I	0
8	7	6	5	4	3	2	I	0	
7	6	5	4	3	2	I	0		
6	5	4	3	2	I	0			
5.	4	3	2	I	0				
4	3	2	I	0					
3	2	I	0						
2	I	0							
I	0								
0									

В этой схемѣ римскія цифры обозначают различныя абстрактныя общественныя потребности, расположенныя по их относительной важности, а арабскія-степени удовлетворенія каждой из этих потребностей. Под цифрой I можно понимать, напр., потребность в питаніи, под цифрой II-потребн. в жилищѣ, под цифрой III-потребность в одеждѣ и т.д. Каждая из этих потребностей может быть удовлетворяема в большей или меньшей степени, и арабскія цифры показывают как падает конкретная полежность предметов каждаго рода по мѣрѣ увеличенія их запаса в нашем распоряженіи. Предѣльныя полезности предметов, удовлетворяющих менѣе важным абстрактным потребностям, могут быть выше предѣльных полезностей предметов, удовлетворяющих болѣе важным абстрактным потребностям-если болѣе важныя абстрактныя потребности удовлетворяются полнѣе. Если, напр., предметов, удовлетворяющих потребность под римской цифрой I, имѣется в нашем распоряженіи I0 единиц, то предѣльная полезность их равна I; если же предметов, удовлетворяющих потребность под цифрой У, имѣется 2, то предѣльная полезность их равна 5. Если мы предположим, что потребность под рубрикой I есть потребность в хлѣбѣ, а потребность под рубрикой У есть потребность в золотѣ, то без труда поймем, почему золото цѣнится выше хлѣба: правда, абстрактная потребность в золотѣ меньше чѣм в хлѣбѣ, но вѣдь и общій запас холота еще гораздо меньше общаго хлѣбнаго запаса. Значит хотя абстрактная полезность хлѣба гораздо выше, чѣм золота, предѣльная полезность золота (т.е. конкретная полезность послѣдней единицы золота) выше, чѣм хлѣба. Потребность в хлѣбѣ насыщается для большинства населенія очень полно- большинство населенія не голодает- но потребность в золотых украшеніях чрезвычайно далека отполнаго насыщенія: очень мало найдется людей, которые отказались бы от лишняго золотого украшенія.

Если запас хлѣба сократится с I0 единиц до 5 (т.е. вдвое, то предѣльная полезность его, согласно схемѣ, повысится с I- до 6, т.е. в 6 раз. Если же запас золота сократится с 2-х единиц до одной единицы, то предѣльная полезность золота повысится с 5 до 6, т.е. только на I/5. Это объясняет, почему цѣнность предметов необходимости колеблется сильнѣе кобѣ потому, что потребность в предметах необходимости насыщена гораздо болѣе, чѣм потребность в предметах роскоши, и всякое колебаніе в предложеніи предметов необходимости вызывает очень рѣзкія колебанія их предѣльной полезности.

Процессы оцѣнки играют роль не только в хозяйствѣ, но и во всей нашей психической жизни. В основѣ всѣх наших сознательных волевых дѣйствій лежат оцѣнки тѣх ощущеній, которыя побуждают наск дѣйствіям. Но и этого мало. Процессы оцѣнки захватывают еще болѣе широкую область нашей психики. Согласно, так называемому "основному психофизическому закону" Вебера и Фехнера для одинаковаго абсолютнаго увеличенія наших ощущеній требуется увеличеніе раздоженій в одинаковом отношеніи-или, что то же, сила раздраженія должна увеличиваться в геометрической прогрессіи для того, чтобы сила ощущеній росла в арифметической прогрессіи; при одинаковом отношеніи раздраженій абсолютное различіе ощущеній одинаково. О законѣ этом, впервые установленном опытом путем Вебером и положенном Фехнером в основаніе психофизики, существует огромная

литература. В общем этот закон оказался, в извѣстных предѣлах и для извѣстных ощущеній вѣрным. Всякій из нас знаком с ним из повседневнаго опыта, показывающаго, что, напр., тѣнь от свѣчи незамѣтна, при свѣтѣ солнца, при сильном звукѣ не слышны слабые звуки и т.т. Всякій знает, что если мы будем равномѣрно увеличивать извѣстное раздраженіе, то ощущеніе будет возрастать в болѣе слабой степени- так, напр., если мы будем постепенно увеличивать на одну свѣчу силу свѣта в комнатѣ, то свѣтовое ощущеніе будет возрастать в падающей степени и т.д. и т.д.

Чѣм же объясняется такая своеобразная зависимость между внѣшними раздраженіями и ощущеніями? По этому вопросу между физіологами существуют значительныя разногласія. По мнѣнію Вундта, Веберовскій закон коренится в характерѣ нашего сознанія. Наше сознаніе независимо от нашей воли производить сравнительную оцѣнку испытываемых нами ощущеній- при наличности болѣе сильных ощущеній болѣе слабыя не замѣчаются, не учитываются нашим сознаніем благодаря тому, что наше вниманіе уже поглощено ощущеніями перваго рода. Таким образом, процессы оцѣнки, по мнѣнію Вундта лежат в основѣ самых элементарных явленій нашей психическ. жизни

Но, если признать объясненіе Вундта, то возникает дальнѣйшій вопрос- почему наше сознаніе учитывает лишь относительныя, а не абсолютныя различія внѣшних раздраженій. Я объясняю это естественным подбором. Наше сознаніе выработалось на основѣ борьбы за существованіе, как самое могучее орудіе самозащиты организма. Если бы наше сознаніе замѣчало всякое раздраженіе, независимо от его относительной силы, то это не соотвѣтствовало бы практическим интересам организма. В наших интересах замѣчать лишь практически важное-то, что может так или иначе содѣйствовать нашему благополучію. Относительно слабыя раздраженія потому не замѣчаются нашим сознаніем, что, если бы мы их замѣчали, то это было бы совершенно безполезной тратой нашей нервной силы. Для каких практических цѣлей могла бы нам, напр., послужить способность видѣть свѣт звѣзд днем, при наличности солнечнаго свѣта? Но способность видѣть свѣт звѣзд ночью существенно улучшает условія нашей борьбы за существованіе. И потому наше сознаніе, учитывая внѣшнія раздраженія не по их абсолютной, а лишь по их относительной силѣ, дѣйствуют в полном согласіи с нашими практическими интересами.

Если же это так, то естественный подбор мог выработать такой строй нашего сознанія (на основѣ соотвѣтствующей физіологической организаціи), при котором мы замѣчаем лишь относительныя, а не абсолютныя различія.

Итак, в основѣ всей нашей психической жизни лежат опредѣленныя оцѣнки внѣшних раздраженій-оцѣнки, правда, в настоящее время безсознательныя и закрѣпленныя соотвѣтствующей физіологической организаціей, но которыя в историческом развитіи создали эту организацію. Оцѣнки эти слѣдовали тому же правилу, какому мы слѣдуем и в настоящее время при оцѣнкѣ хозяйственных предметов. Дѣйствительно, вѣдь оцѣнка по предѣльной полезности и есть оцѣнка по относительному значенію предмета для нашего благополучія.

В падающей полезности хозяйственных предметов, по мѣрѣ увеличенія их количества, нерѣдко видят проявленіе основного психофизическаго закона Вебера. С большим правом можно утверждать обратное-что закон Вебера есть не что иное, как частный случай всеобщаго процесса оцѣнки. Таким образом экономическая наука в теоріи предѣльной полезности дала ученіе, значеніе котораго далеко выходит за предѣлы часто хозяйственной сферы: экономическая оцѣнка есть лишь частный случай общих процессов оцѣнки, слѣдующих тому же правилу предѣльной полезности, а эти общіе процессы оцѣнки лежат в основаніи всей нашей психической жизни.

II. Т р у д и п р е д ѣ л ь н а я п о л е з н о с т ь, как факторы ц ѣ н н о с т и. Изложенныя соображенія объясняют цѣнность предметов потребленія. Что касается до соотношенія между цѣнностью предметов потребленія и средств производства, то вопрос этот разрѣшается теоріей предѣльной полезности слѣдующим образом.

Средства производства имѣют для нас цѣнность лишь в силу того, что при помощи их мы можем получить предметы потребленія. Поэтому между

цѣнностью предметов потребленія и цѣнностью средств производства, необходимых для полученія данных предметов потребленія, должно существовать строгое соотвѣтствіе: цѣнность предметов потребленія опредѣляет собой цѣнность средств производства. Так, напр., цѣнность виноградника опредѣляется цѣнностью вина, цѣнность желѣза опредѣляется цѣнностью тѣх продуктов, которые выдѣлываются из желѣза и т.д.

Но, как общее правило, при помощи одних и тѣх же средств производства можно произвести предметы потребленія самаго различнаго рода. Так, напр., из желѣза можно устроить печку, полезность которой в холодное время может считаться максимальной, так как без печки человѣк в холодное время существовать не может; но из этого же желѣза изготовляются и тысячи предметов другого рода-напр., разнаго рода машины, орудія, инструмѣнты, служащіе для приготовленія разнообразных предметов потребленія, удовлетворяющих не только таким необходимым потребностям, какъ потребность в теплѣ. Спрашивается как же высоко я должен цѣнить желѣзо, из котораго изготовлена печка. Если из желѣза я изготовляю печку и другіе предметы, удовлетворяющіе менѣе важным потребностям, то в случаѣ утраты опредѣленнаго количества желѣза, я не откажусь от устройства печки, а перестану изготовлять менѣе необходимыя для меня желѣзныя издѣлія. Значит, от обладанія данным средством производства, служащим для изготовленія предметов различной полезности, зависит возможность изготовленія наименѣе полезнаго предмета из числа всѣх изготовляемых при помощи этого средства производства. Отсюда слѣдует, что цѣнность средства производства опредѣляется предѣльной полезностью того предмета из числа всѣх изготовляемых при помощи даннаго средства производства, предѣльная полезность котораго является наименьшей.

Благодаря тому, что одни и тѣ же средства производства служат для изготовленія предметов различнаго рода и различной полезности, между цѣнностями всѣх их устанавливается тѣсная связь. Вернемся к прежнему примѣру желѣзной печки. Первая печка в зимнее время нобходима мнѣ для жизни. Вторая же печка может быть мнѣ совсѣм не нужна. К тому же я должен цѣнить первую печку, предѣльная полеэность которой максимальна?

Отвѣт дается тѣм же методом разсмотрѣнія, какая потребность остается неудовлетворенной, в случаѣ утраты оцѣниваемаго хозяйственнаго предмета. Если я утрачу печку, имѣя запас желѣза для устройства новой, тоя, очевидно, откажусь от изготовленія из своего желѣза менѣе несбходимых для меня предметов и затрачу желѣзо на печку. Но желѣзо имѣет свою цѣнность, опредѣляемую цѣнностью наименѣе полезнаго предмета, изготовляемаго из желѣза. Значит, в случаѣ утраты печки, я утрачу лишь цѣнность желѣза, но отнюдь не цѣнность, равную полезности самой печки- в случаѣ утраты печки, я не рискую замерзнуть, так как устрою из желѣза себѣ новую. Итак, значит, цѣнность свободно воспроизводимаго предмета опредѣляется не его собственной предѣльной полезностью, а цѣнностью средств производства, опредѣляемой, согласно сказанному, в свою очередь, предѣльной полезностью тѣх из числа изготовляемых из этих средств производства предметов, которые обладают наименьшей предѣльной полезностью.

Переходя к оцѣнкѣ научнаго заченія теоріи предѣльной пслезности, слѣдует признать, что она впервые дала исчерпывающее объясненіе механизму оцѣнки, вынсила психическіе процессы, результатом которых являет ся экономическая цѣнность, цѣна. Все свое вниманіе теорія эта сосредоточивает на анализѣ оцѣнки. Анализ этот можно признать в цѣлом, вполнѣ правильным; но слѣдует ли отсюда, что только этой задачей и ограничивается сфера изслѣдованія экономической науки по отношенію к явленіям цѣнности?

Конечно, нѣт? Для того, чтобы изслѣдованіе проблемы цѣнности было доведено до конца, необходимо выяснить, какіе объективные факторы регулируют производство хозяйственных предметов, почему один предмет производится мало, а других много. Можно согласиться, что цѣнность хозяйственных предметов зависит от потребности в них и их количества. Но отчего же зависит это послѣднее?

Вопрос этот с точки зрѣнія объективных факторов цѣнности, нельзя не считать самым важным. Однако, читатель напрасно стал бы искать у теоретиков предѣльной полезности яснаго отвѣта на него. В большинствѣ случаев указанный вопрос совершенно обходится ими или же получает рѣшеніе далеко неудовлетворительное.

Правда, теоретики предѣльной полезности признают вліяніе условій производства на цѣнность продуктов. Но и тут изслѣдованіе не доводится ими до конца. Остается все неясным какой объективный момент, в концѣ концов регулирует количество воспроизводимых продуктов, а, значит, и их цѣнность. Дѣло запутывается еще болѣе рѣзко отрицательным отношеніем представителей новой школы к господствовавшей раньше трудовой теоріи цѣнности. С точки зрѣнія теоретиков предѣльной полезности их теорія совершенно опрокидывает воззрѣніе, по которому основным объективным фактором цѣнности является труд производства. Нужно выбирать между обѣими теоріями-и, признавши одну, отвергнуть другую. Так понимают дѣло представители новой школы.

Однако, туту коренится крупное недоразумѣніе. Теоріи предѣльной полезности и трудовая, несомнѣнно, противоположны, но отнюдь не противорѣчивы. Рикардо и Менгер сосредоточивают свое вниманіе на различных сторонах одного и того же процесса. Теорія Рикардо подчеркивает объективные факторы цѣнности; теорія Менгера- субъективные моменты оцѣнки. Но подобно тому, как объективное физіологическое наблюденіе, в извѣстном смыслѣ противоположное субъективному, психологическому, отнюдь не исключает послѣдняго, а лишь дополняет его, точно тѣже теорія Рикардо не исключает, а лишь дополняет теорію предѣльной полезности.

Теорія предѣльной полезности не указала никакого новаго объективнаго фактора цѣнности, да и не могла указать, так как эти факторы давно извѣстны. Что же это за факторы? Рикардо признает труд производства важнѣйшим объективным фактором регулирующим цѣнность свободно воспроизводимых продуктов. Попробуем же испытать правильность этого положенія ъ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности.

Производство есть цѣлесообразный хозяйственный процесс, руководимый основным хозяйственным принципом- стремленіем к достиженію с наименьшей затратой наибольшей суммы хозяйственной пользы. При составленіи общаго плана хозяйства первым дѣлом является вынсненіе того, что именно, какого рода продукты должны быть произведены. Человѣческія потребности крайне разнообразны. Удовлетворяются онѣ при помощи продуктов, требующих самой различной затраты человѣческой рабочей силы. Трудовая стоимость продукта не может не быть одним из условій, опредѣляющих хозяйственный план- распредѣленіе человѣческаго труда между различными отраслями производства. И легко понять, что трудовая стоимость играет рѣшающую роль в составленіи хозяйственнаго плана.

Будем исходить из теоріи предѣльной полезности, объяснившей процесс оцѣнки. Мы знаем, что конкретная полезность хозяйственнаго предмета падает, по мѣрѣ увеличенія его производства. Для удовлетворенія наших потребностей мы нуждаемся в продуктах различной трудовой стоимости. В какой пропорціи должны мы распредѣлять труд между производством этих продуктов для достиженія максимума пользы?

Предѣльная полезность- полезность послѣдних единиц каждаго рода продуктов- измѣняется в зависимости от размѣра производства. Мы можем понижать и повышать предѣльную полезность путем расширенія или сокращечія производства. Напротив, трудовая стоимость единицы продукта есть нѣчто объективно данное, не зависящее от нашей воли. Отсюда слѣдует, что при составленіи хозяйственнаго плана опредѣляющим моментом должна быть трудовая стоимость, а опредѣляемым- предѣльная полезность. Говоря математическим языком, предѣльная полезность должна быть функціей трудовой стоимости.

Если мы одновременно производим нѣсколько продуктов с различной трудовой стоимостью, то хозяйственный принцип требует, чтобы польза, извлекаемая нами из труда в послѣднюю единицу времени, была в предѣлѣ для каждаго рода производства равна. Ибо, если этого нѣт, если послѣдняя единица труда в производствѣ А даёт больше пользы, чѣм в производствѣ В, то выгоднѣе расширить производство А и сократить производство В. Наибольшая сѣма пользы будет достигнута тогда, когда послѣдняя единица труда в производствѣ каждаго рода продуктов будет давать в предѣлѣ равную пользу.

Мы знаем, что трудовая стоимость продуктов различна. Иными словами, в единицу времени производится различное количество продуктов разнаго рода; но польза, извлекаемая в послѣднюю единицу рабочаго времени, должна быть, как мы видѣли, одна и та же во всѣх родах производства. Отсюда слѣдует, что полезность послѣдних единиц свободно воспроизводимыхъ продуктов каждаго рода- их предѣльная полезность- должна быть обратно пропорціональна относительному количеству этих продуктов, производимому в единицу рабочаго времени, иначе говоря, должна быть прямо-пропорціональна трудовой стоимости тѣх же продуктов. Только при соблюденіи этого условія распредѣленіе производства будет соотвѣтствовать хозяйственному принципу наибольшей пользы.

Эта теорема может быть математически точно доказана в общей формѣ лишь при помощи высшаго математическаго анализа. Мы ограничимся простой арифметической иллюстраціей, которая достаточно разъяснит разсматриваемое экономическое отношеніе.

Пусть мы имѣем дѣло с 2-мя продуктами: А и В, из которых А требует для своего производства вдвое больше рабочаго времени, чѣм В. Потребность в продуктах обоего рода мы принимаем одинаково сильной, причемъ понижающійся ряд цифр 10,9,8,7,6,5,4,3 и т.д. выражает собой паденіе конкретных полезностей продуктов каждаго рода по мѣрѣ увеличенія ихъ производства.

Если мы располагаем только 2-мя часами рабочаго времени, то хозяйственный принцип требует, чтобы мы совсѣм отказались от изготовленія труднѣе производимаго продукта А, ибо в 2 часа мы изготовим только одну единицу А, полезность которой равна 10, между тѣм как за то же время мы могли бы изготовить двѣ единицы В с полезностью 10÷ 9=19. Наша выгода требует затратить все рабочее время на производство В.

Но чѣм больше рабочаго времени в нашем распоряженіи и чѣм больше мы производим В, тѣм ниже падает полезность послѣдних единиц продуктов этого рода. Допустим, что мы располагаем 6-ю часами рабочаго времени и произвели 6 единиц В, В таком случаѣ, конкретная полезность 2-х послѣдних 5-ой и 6-ой единиц В выразится цифрами 6 и 5 (весь ряд В в том случаѣ соотвѣтствует цифрам 10,9,8,7,6,5). За то же время, за которую мы производим 5-ую и 6-ую единицы В, полезность которых в суммѣ равна 11, мы могли бы изготовить 1-ую единицу продукта А с полезностью 10. Производство продуктов В все еще оказывается выгоднѣе.

Но пусть мы имѣем возможность еще болѣе расширить производство: пусть мы располагаем еще 2-мя часами рабочаго времени,-на производство каких продуктов мы должны их употребить? Если мы приложим их к дальнѣйшему расширенію производства В, то в два новых часа времени мы изготовим седтмую, восьмую единицы В с полезностью 4 и 3 (весь ряд В выразится цифрами: 10,9,8,7,6,5,4,3) За тѣ же два часа мы могли бы произвести первую единицу А с полезностью 10. Производя продукты В, мы извлекаем из 2-х послѣдних часов работы пользу, выражаемую цифрой 7(4÷3); производя же единицу А, мы извлекаем пользу 10. Производство единицы А оказывается выгоднѣе.

Итак самым выгодным распредѣленіем труда при этих условіях слѣдует признать такое, при котором изготовляется 6 единиц В и одна единица А. Всякое иное распредѣленіе труда дает меньшую сумму хозяйственной пользы.

Какова же, при этом распредѣленіи труда, предѣльная полезность продуктов А и В? Продуктов перваго рода произведена одна единица с полезностью 10; продуктов второго рода произведено 6 единиц, с предѣльной полезностью 5 (напомним, что весь ряд В выражается цифрами 10,9,8,7,6,5). Предѣльная полезность А=10; предѣльная полезность В=5. В то же время А требует для своего производства 2-х часов труда, а В-одного часа труда. **Предѣльныя полезности** произведенных продуктов пропорціональны их трудовым стоимостям.

Исходя из теоріи предѣльной полезности, мы пришли к выводу, что хозяйственный принцип достиженія наибольшей пользы требует так распредѣлять производство, чтобы предѣльныя полезности свободно воспроизводимых продуктов относились между собой, как трудовыя стоимости послѣдних. Трудовыя стоимости продуктов играют р шающую роль в установленіи

хозяйственнаго плана-распредѣленіи производства между различными отраслями. При раціональном распредѣленіи производства предѣльныя полезности продуктов должны быть пропорціональны трудовым стоимостям послѣдних.

Предѣльная полезность опредѣляет, в первой инстанціи, расцѣнку хозяйственнаго предмета. Но сама предѣльная полезность-по отношенію к свободно воспроизводимым продуктам-опредѣляется, во второй инстанціи, трудовой стоимостью послѣдних. Поэтому, расцѣнка трудовых продуктов по предѣльной полезности должна совпадать, при раціональном, т.е. соотвѣтствующем хозяйственному принципу, распредѣленіи производства, с расцѣнкой их по стоимости производства и труду. Но так как такое распредѣленіе производства есть лишь хозяйственный идеал, к которому стремится, но котораго никогда не может достигнуть хозяйство, то и полное совпаденіе трудовой расцѣнки по предѣльной полезности возможно лишь в идеалѣ.

Во всяком случаѣ, оказывается, что обѣ теоріи цѣнности, по обычному мнѣнію взаимно исключающія друг друга, находятся в дѣйствительности в извѣстной гармоніи друг с другом. Обѣ теоріи изслѣдуют различныя стороны одного и тогоже хозяйственнаго процесса оцѣнки. Теорія предѣльной полезности выяснила субъективные, трудовая теорія-объективные факторы хозяйственной цѣнности.

Трудовую теорію, как объективную теорію цѣнности, обычно противопоставляют теоріи предѣльной полезности, как субъективной теоріи-и на этом основаніи считают их взаимно исключающими. На самом же дѣлѣ именно отсюда и слѣдует, что одна теорія предполагает другую. Хозяйственный процесс не исключительно объективен и не исключительно субъективен но имѣет и ту и другую стороны, ибо он есть не что иное, как взаимодѣйствіе субъекта(хозяина) и объекта (внѣшней природы). Всякое экономическое построеніе, которое только субъективистично или только объективистично, тѣм самым является односторонним и, значит, неполным. Теорія предѣльной полезности только субъективистична, теорія трудовая только объективистична. Истинная теорія цѣнности должна от субъективных элементов хозяйства возвыситься до объективных элементов-исходя из субъективной предѣльной полезности, перейти к труду, как объективному фактору цѣнности.

Усвоивши все это, мы без труда разрѣшим спор между сторонниками теоріи предѣльной полезности и старой теоріей цѣнности по вопросу о роли цѣнности средств производства при установленіи цѣнности продукта. Рикардо утверждал, что цѣнность продукта опредѣляется общею цѣнностью затрат производства, которая, в свою очередь, опредѣляется трудом, затраченным на производство; напротив, представители новой школы говорят, что цѣнность средств производства, а, значит и общая цѣнность затрат производства, опредѣляется цѣнностью произведеннаго продукта. С перваго взгляда одно утвержденіе кажется находящимся в самом непримиримом противорѣчіи со вторым. На самом же дѣлѣ оба они легко приводятся к ограниченному синтезу. Рикардо имѣл въ виду объективные факторы цѣнности, теоретики предѣльной полезности- субъективные. Если имѣть в виду только психическіе факторы цѣнности, то точка зрѣнія теоретиков предѣльной полезности должна быть признана совершенно правильной. Конечно, средства производства лишь потому цѣнятся нами, что при их помощи мы получаем нужные нам предметы потребленія; виноградниц цѣнится нами лишь постольку, поскольку мы цѣним добываемое на нем вино, молотильная машина лишь постольку, поскольку имѣет для нас цѣнность вымолачиваемый хлѣб и т.д. Все это совершенно безспорно. Но совершенно безспорно и то, что количество производимых продуктов находится в зависимости от трудовой стоимости их производства. Как только что показано, трудовая стоимость производства регулирует предѣльную полезность свободно воспроизводимыхъ продуктов; величина же трудовой стоимости производства даннаго продукта зависит не от нашей воли, а опредѣляется объективными условіями производства. А так как общая цѣнность затраченных средств производства даннво продукта не может не зависѣть от количества затраченных средств производства, количество же это опредѣляется объективными условіями, а не нашими субъективными расцѣнками, а то в концѣ концов, объективныя условія производства опредѣляют хозяйственную расцѣнку производимых про-

дуктов, как предметов потребленія, так и средств производства.

Теорія предѣльной полезности есть общая теорія оцѣнки, охватывающая не только сферу экономических явленій, но и всю область нашего сознанія, поскольку оно заключает в себѣ элементы воли. Напротив, трудовая оцѣнка свойственна именно экономической сферѣ, так как именно в сферѣ хозяйства человѣческая воля направляется на внѣшній мір, матеріальную природу. Поэтому, с извѣстной точки зрѣнія, можно согласиться, что трудовая теорія оцѣнки есть экономическая теорія цѣнности по преимуществу, между тѣм как теорія предѣльной полезности есть обще-психологическая, а не спеціально-экономическая теорія оцѣнки. Вот почему в пристрастіи экономистов прежняго времени к трудовой теоріи цѣнности сказывался извѣстный правильный инстинкт, правильное пониманіе того, что для экономической теоріи особенно важна именно трудовая цѣнность.

III. О б щ е е у ч е н і е о с т о и м о с т и . Другой основной логической категоріей хозяйства ярляется, наряду с цѣнностью, стоимость. "Цѣнность есть человѣческій интерес, мыслимый как состояніе внѣшняго предмета", - удачно опредѣляет цѣнность Визер. Стоимость же есть сам человѣк, мыслимый как дѣятельный элемент хозяйства. Обѣ категоріи не только не тождественны, но, в извѣстном смыслѣ, противоположны, как получка противоположна затратѣ.

Под стоимостью какого либо хозяйственнаго предмета нужно понимать хозяйственную затрату, совершенную для пріобрѣтенія этого хозяйственнаго предмета. Под трудовой стоимостью нужно понимать труд, затраченный на производство хозяйственнаго предмета. И именно трудовая стоимость есть, наряду с цѣнностью, основная логическая категорія хозяйства, почему трудовую стоимость нужно признать абсолютной стоимостью.

Хозяйственный процесс есть человѣческая дѣятельность, направленная на пріобрѣтеніе матеріальных средств для удовлетворенія наших потребностей. Категорія хозяйственной цѣнности имѣет отношеніе к этим послѣдним; но сама хозяйственная дѣятельность человѣка не захватывается категоріей цѣнности. Поэтому научное пониманіе хозяйственнаго процесса предполагает, рядом с категоріей цѣнности, также и самостоятельную категорію трудовой затраты, абсолютной стоимости. Обѣ категоріи взаимно восполняют друг друга и образуют собой двѣ основныя категоріи экономической науки.

Однако, в процессѣ производства участвует не только человѣк, но и силы природы. Работа лошади, напр., также необходима для земледѣльца, как и его собственный труд. Почему же не признавать абсолютной стоимостью также и лошадиную работу? Потому, что субъектом хозяйства в человѣческом хозяйствѣ является человѣк, а не лошадь- наша собственная работа есть трата сил нашего организма, затрата нас самих, свою работу мы чувствуем, как усиліе или даже положительное страданіе, а работа лошади не есть затрата нашего организма и столь же мало ощущается нами, как и паденіе воды, двигающей мельничныя колеса. В обществѣ лошадей единств. стоимостью была бы работа лошадей, а человѣческій труд не был бы стоимостью. Точно также в обществѣ людей единственной абсолютной стоимостью можно считать человѣческій труд- и ничего больше.

Против этой точки зрѣнія можно сдѣлать слѣдующее возраженіе. Человѣк должен относится хозяйственным образом не только к своему труду и продуктам своего труда, но и ко многим предметам, которые не стоили ему никакого труда. Возьмем, напр., землю-там, гдѣ ея мало. Земля может пріобрѣтать в этом случаѣ очень высокую цѣну, и хозяин принужден очень бережливо расходовать естественныя производительныя силы земли, хотя бы в созданіи их его труд не принимал ровно никакого участія. Или, напр., возьмем дико растущій лѣс. Развѣ при пользованіи им (если лѣса мало) человѣк не соблюдает такой же экономіи как и при пользованіи лѣсом, выращенным его собственным трудом? Родбертус признает "хозяйственными" предметами только предметы, созданные человѣческим трудом. Но развѣ дикій лѣс в нашем примѣрѣ не есть хозяйственный предмет (т.е. предмет, к которому мы относимся хозяйственным образом) совершенно в такой же мѣрѣ, как и лѣс, искусственно разведенный? Конечно, Родбертус неправ, и хозяйственными предметами являются далеко не одни продукты нашего труда.

Хозяйственными предметами являются всѣ предметы, имѣющіе хозяйственную цѣнность. Для того, чтобы предмет имѣл такую цѣнность, требуется,

чтобы он обладал относительной рѣдкостью. Поэтому предметы, не созданные трудом (как лѣс и земля), могут быть хозяйственными предметами. Но такіе предметы, обладая цѣнностью, не имѣют никакой абсолютной стоимости, - они являются дарами природы и этим существенно отличаются от предметов, имѣющих не только цѣнность, но и стоимость.

Сравнима, напр., в экономическом отношеніи метеорит, упавшій из небесных пространств и заключающій в себѣ желѣзо, и желѣзную руду, добытую в шахтѣ. Метеорит есть дар природы, - его стоимость равна нулю. Желѣзная же руда стоила труда человѣка, - она обладает абсолютной трудовой стоимостью. Метеорит только с одной стороны входит в состав нашего хозяйства - он есть хозяйственный предмет и, слѣдовательно увеличивает сумму хозяйственных предметов в нашем распоряженіи, увеличивает сумму пользы, извлекаемой нами из хозяйства. Желѣзная же руда, кромѣ этого, входит в состав нашего хозяйства и с совершенно иной стороны: она выражает собой извѣстное лишеніе, пожертвованіе своими силами, своим благосостояніем и досугом, которое требуется от работника для того, чтобы своим трудом добыть из рудника руду. Метеорит обладает только цѣнностью, а желѣзная руда - как цѣнностью, так и стоимостью. Точно также дѣвственная почва обладает только цѣнностью, а хлѣб кромѣ того и стоимостью.

Хозяйственные (цѣнные) предметы распадаются, таким образом, на двѣ группы: имѣющіе стоимость (продукты человѣческаго труда) и не имѣющіе ея - дары природы (предметы, не произведенные трудом человѣках.

Человѣческій труд является, таким образом, единственной субстанціей абсолютной стоимости. Но от этой абсолютной стоимости нужно отличать относительную стоимость. А б с о л ю т н а я стоимость есть экономическая категорія, противоположная цѣнности, подобно тому как человѣк, как субъект хозяйства, противоположен объектам хозяйства. Напротив, о т н о с и т е л ь н о й стоимостью является всякая цѣнность, разсматриваемая не как цѣль, а как средство для пріобрѣтенія другой цѣнности. Возьмем, напр., процесс производства. В чем заключается для общества абсолютная стоимость произведеннаго продукта (т.е., какого абсолютнаго пожертвованія дачное производство требует от общества)? Из предыдущаго видно, что только затраченный на производство общественный труд образует искомую абсолютную стоимость продукта. Но относительная стоимость продукта может выражаться также и в матеріалах, затраченных на изготовленіе продукта. Так, мы можем расчитывать (и, дѣйствительно, расчитываем), сколько пудов руды, каменнаго угля, вспомогательных матеріалов необходимо израсходовать для выплавки одного пуда желѣза. Стоимость пуда желѣза может быть выражена в пудах руды, каменнаго угля и пр. Но, очевидно, категорія стоимости имѣет в этом слкчаѣ совершенно иной смысл, чѣм тогда, когда он выражает собой затрату рабочей силы человѣка. Затрата труда есть абсолютное пожертвованіе силами человѣческаго организма; человѣческая работа - это расходованіе самого человѣка, т.е. субъекта хозяйства. Напротив, расходованіе руды, каменнаго угля и пр. (поскольку мы отвлекаемая от того, что все это - продукты человѣческаго труда) отнюдь не составляет само по себѣ, расходованія человѣческих сил. Каменный уголь или руда, это - объекты, а не субъект хозяйства. Правда, уголь и руда обладают цѣнностью, и, слѣдовательно, непроизводительное уничтоженіе этих полезных предметов должно уменьшить благосостояніе общества. Именно по этой причинѣ мы относимся бережливо к объективным средствам производства. Но все же средства производства не представляют собой части человѣка, и, расходуя их, человѣк не расходует самого себя.

Мы выражаем стоимость продукта в средствах производства лишь постольку, поскольку послѣднія обладают цѣнностью. Водаили воздух не обладают цѣнностью, и потому они игнорируются при расчетѣ стоимости продукта. Слѣдовательно, при выраженіи стоимости одного продукта в других продуктах понятіе стоимости разсматривается нами не как самостоятельная экономическая категорія, противоположная категоріи цѣнности, а как производная категорія цѣнности. Относительная стоимость (т.е. стоимость, выражаемая в продуктах, а не в человѣческой рабочей силѣ) есть, таким образом, не что иное, как та же категорія цѣнности, разсматриваемой не как цѣль, а как средство.

Напротив, при выраженіи стоимости продукта в трудѣ мы совершенно отвлекаемся от категоріи цѣнности. Продукт труда может не имѣть никакой цѣн-

ности-напр. вода,добытая путем химическаго синтеза из водорода и кислорода- но трудовую стоимость он все же будет имѣть,он с т о и л нам труда и усилій,фактъ трудовой затраты остается. Выстрѣл из пушки не создает никакой новой цѣнности;однако,мы расчитываем его трудовую стоимость. Мы цѣним свой трудъ не потому (или не только потому), что при его помощи мы можем пріобрѣсти хозяйственные предметы. Нѣт,нашъ трудъ это мы сами; наша бережливость по отношенію к своему труду имѣет такой же первичный,а не производный характер,как и наша бережливость по отношенію к предметам нашего удовольствія и удобства. Трудовая стоимость есть такой же важный и самостоятельный моментъ нашего хозяйства, как и цѣнность.

Поэтому необходимо строго различать абсолютную (трудовую) стоимость от относительной стоимости (выраженія стоимости одного цѣннаго предмета в цѣнности других цѣнных предметов). Различіе этих обѣих категорій выступает особенно ярко в современном мѣновом хозяйствѣ. При господствѣ обмѣна всякая цѣнность может быть средством для пріобрѣтенія другой цѣнности. На деньги можно все купить,и мы видим,что в современном хозяйствѣ стоимость любого предмета обычно выражается в деньгах,которыя расходуются при покупкѣ этого предмета.

Дико растущій лѣс или двѣственная почва не заключают в себѣ нѣт атома человѣческаго труда. Человѣчество и то и другое получает от природы даром. Но и земля и лѣс могут имѣть цѣнность- слѣдовательно,могутъ быть и проданы за опредѣленную цѣну. Для лица,купившаго лѣс или землю, эти цѣнные объекты отнюдь не являются дарами природы: он заплатил за них деньги,пожертвовал для их пріобрѣтенія вполнѣ реальными цѣнностями. Денежная сумма заплаченная за землю,есть с т о и м о с т ь пос - лѣдней в глазах пріобрѣтателя земли. Таким образом,с частно-хозяйственной точки зрѣнія,дары природы пріобрѣтают в мѣновом оборотѣ стоимость,подобно предметам,созданным трудом. Но эта стоимость есть относительная,частно-хозяйственная,а не абсолютная,общественная стоимость; она имѣет условный и производный характер,представляя собою лишь иное выраженіе категоріи цѣнности. С точки зрѣнія всего общества,земля остается и в мѣновом хозяйствѣ даром природы,лишенным стоимости, ибо общество,как цѣлое,ничего не затратило на пріобрѣтеніе земли. И только с частно-хозяйственной точки зрѣнія можно приписывать стоимость землѣ, как только с частно-хозяйственной точки зрѣнія вексель есть богатство.

В господствующей политической экономіи категорія трудовой стоимости совершенно игнорируется в своем чистом видѣ. Однако,и современная наука знает эту категорію под названіем категоріи производительности труда. Если мы обозначим через а количество труда,а через б количество вырабатываемаго при помощи этой затраты труда продукта,то трудовая стоимость будет выражаться $\frac{а}{б}$, и производительность труда - $\frac{б}{а}$. Иными словами,производительность труда и трудовая стоимость суть одно и то же экономическое понятіе,выражаемое различным образом: в первом понятіи выражается отношеніе количества произведеннаго продукта к затраченному труду,во втором- отношеніе затраченнаго труда к количеству произведеннаго продукта.

Стоя на точкѣ зрѣнія интересов трудящагося человѣка нельзя подвергать сомнѣнію важность расцѣнки всего хозяйственнаго процесса,а частностях и в цѣлом,по затраченному в процессѣ хозяйства труду.Наоборот, стоя на точкѣ зрѣнія человѣка не работающаго,но получающаго доход,вытекающій из владѣнія имуществом,можно приравнивать труд человѣка к дѣятельностисил внѣшней природы. Этим и объясняется,почему то направленіе политической экономіи,которое стоит на сторонѣ трудящихся классов, выдвигает на первый план трудовую расцѣнку,а противоположное направленіе- игнорирует эту расцѣнку и отрицает ея самостоятельное значеніе.

Признавши труд единственной субстанціей абсолютной стоимости,мы тѣм самым признали труд единственным актичным дѣятелем производства, признали,что весь продукт производства является созданіем только труда. Конечно,с точки зрѣнія технической,с точки зрѣнія матеріальных перемѣн в процессѣ производства,человѣк есть такая же маханическая сила, как и всякая другая; с этой точки зрѣнія, нѣт никакого различія между человѣческим трудом и трудом животнаго или работой машины. Но для экономиста,разсматривающаго хозяйственный процесс с точки зрѣнія интересов человѣка,человѣческій трудъ не может быть приравнен к другим механическим процессам,ибо только затрата человѣческаго труда есть затрата личности человѣка. Поэтому,с этой точки зрѣнія,мы должны признавать производительным только трудъ человѣка,иными словами,относить полезное дѣйствіе всѣх других факторов производства на счет единственнаго активнаго фактора производства- человѣческаго труда.

Понятіе трудовой стоимости тѣм существенно отличается от понятія цѣнности,что в нем фигурирует не предмет дѣятельности человѣка,а сам человѣк,своей собственной личностью, со своим трудом и своими страданіями,со своей борьбой с природой и своими общественными отношеніями, возникающими на фонѣ этой борьбы. Поэтому категорія трудовой стоимости есть соціальная категорія по преимуществу- она образует собой мост, связывающій политическую экономію с соціальной наукой вообще,ибо соціальный прогресс совершается на основѣ роста производительности общественнаго труда.

Но несмотря на свое огромное значеніе для чисто объективнаго построенія науки, в построеніи особой категоріи трудовой стоимости играютъ опредѣленную роль и чисто этическія соображенія. В процессѣ производства принимает участіе не только человѣк,но и средства производства. Почему же мы разсматриваем весь продукт,как созданіе только человѣческаго труда? Почему мы признаем только трудъ человѣка активным дѣятелем производства? И почему с другой стороны,мы приравниваем в этом отношеніи между собой всѣ видѣ человѣческаго труда без различія? Почему мы считаем всѣ видѣ труда человѣка сравнимыми между собой и соединяем их в одну общую массу, в одно общее понятіе общественнаго труда?

Без сомнѣнія потому, что мы молчаливо исходимъ из руководящей этической идеи политической экономіи- верховной цѣнности и,потому,равноцѣнности человѣческой личности. Только эта идея дает нам право,с одной стороны,отрицать производительность работы лошади или паровой машины, а,с другой стороны,разсматривать всѣ виды человѣческаго труда,как одно цѣлое общественнаго труда. Стоя на почвѣ античнаго міровоззерцанія, чуждаго идеѣ равноцѣнности человѣческой личности,нельзя было бы проводить никакого различія между работой раба или лошади и слѣдовало бы с другой стороны,принципіально отличать трудъ свободнаго человѣка,эллина,господина,и трудъ раба или варвара. Этическая основа понятія трудовой стоимости нисколько не подрывает научнаго значенія этого понятія,но доказывает, в то же время,как тѣсно переплетаются в политической экономіи категоріи сущаго и должнаго.

В своем извѣстном курсѣ политической экономіи Д.С.Милль сдѣлала замѣчаніе,что в области теоріи цѣнности наука сказала свое послѣднее слово,и будущим ученым не придется прибавить ничего существенно новаго к уже сказанному. Как извѣстно,Милль оказался плохим пророком, и именно ученіе о цѣнности было совершенно преобразовано позднѣйшими изслѣдователями. Теперь можно, однако,повторить пророчество Миля с большей надеждой на успѣх. Теорія предѣльной полезности навсегда останется основаніем ученія о цѣнности- она может быть дополнена и измѣнена в частностях,в будущем,но основныя идеи ея составляют (вѣчное сокровище) экономической науки. В сущности эта теорія уже и теперь пользуется почти общим признаніем- на дѣлѣ,если не на словах. "В настоящее время,-справедливо замѣчает один из наиболѣе авторитетных представителей германской экономической науки,Луйо Брентано- во всѣх странах свѣта ученіе Бернулли образует исходный пінкт всѣх научных разсужденій о цѣнности,-все равно сознают это или не сознают отдѣльные экономисты". 2) Попытки критики этой теоріи в большинствѣ случаев так слабы,что не заслуживают серьезнаго опроверженія. Главное возраженіе против нея- утвержденіе,что величина удовлетвореія,получаемаго нами от хозяйственных предметов,не допускает количественнаго сравненія- опровергнуто еще Кантом: "Как бы ни были разнообразны наши представленія о предметах,говорит он,- чувство удовольствія.....по существу одинаковаго рода...Ибо, в противном случаѣ,как было бы возможно количественное сравненіе мотивов,совершенно различных по представленіям,лежащим в их основаніи, и предпочтеніе того мотива,который сильнѣе дѣйствует на нашу волю. Че-

ловѣк может вернуть непрочтенной поучительную книгу, которая попала ему в руки, чтобы не пропустить охоты, может уйти во время интересной рѣчи, чтобы не опоздать к обѣду, оставить пріятный разговор, который вообще он очень цѣнит, чтобы засѣсть за игорный стол, даже оставить безподдержки бѣдняка, которому в другом случаѣ помог бы от чистаго сердца, потому что у него едва хватает денег, чтобы заплатить за театральный билет". Кант совершенно правильно указал, каким образом совершается количественное сравненіе наших влеченій различнаго рода: мы слѣдуем всегда сильнѣйшему мотиву и, значит, сравниваем между собой различные мотивы по их относительной силѣ. Иными словами, возможность количественнаго сравненія различных наших влеченій вытекает из самой природы нашей воли.

Быть может успѣху новой теоріи вначалѣ всего болѣе помѣшали ея собственные сторонники, почему она и завоевала так нескоро общее признаніе. А именно, они рѣзко противопоставили ее теоріи цѣнности Рикардо, что было совершенно неосновательно. Благодаря такой постановкѣ вопроса, сторонники теоріи Рикардо высказались против новой теоріи цѣнности, а только в новѣйшее время стало распространяться сознаніе, что споръ старой и новой теоріи основан на чистом недоразумѣніи. Сторонники теоріи предѣльной полезности нападают, собственно, говоря, не на теорію цѣнности Рикардо, а на совсѣм иную теорію Родбертуса и Маркса. Эта послѣдняя теорія, дѣйствительно, непримирима с теоріей предѣльной полезности, так как цѣнность не может быть в одно и то же время "кристаллом труда" и предѣльной полезностью. Иное слѣдует сказать о теоріи Рикардо. Ученіе о предѣльной полезности не только не находится в противорѣчіи с этой теоріей, но, наоборот, обѣ теоріи, как указано в текстѣ, дополняют друг друга и образуют собой логическіе коррелаты.

К числу экономистов, не усматривающих противорѣчія между теоріей Рикардо и теоріей предѣльной полезности, принадлежит на западѣ между прочим, Маршаль и Дитцель. Напротив, Диль в новѣйшее время пытался противопоставить одну теорію другой, как логически исключающія друг друга конструкціи. Аргументаля Диля сводилась к указанію на субъективистическій характер теоріи предѣльной полезности и объективистическій-трудовой теоріи. Однако, как указано в текстѣ, из этого не только не слѣдует, что обѣ теоріи взаимно исключают друг друга, а слѣдует как раз противоположное- что обѣ теоріи друг друга дополняют. Изложенная в текстѣ точка зрѣнія была развита мною в моей первой печатной работѣ- в в статьѣ "Ученіе о предѣльной полезности хозяйственных благ." ("Юридическій вѣстник", 1890 г.) Сходные взгляды высказывали впослѣдствіи П.Б.Струве (в нѣмецком журналѣ(Архив для спеціальных законов) и Дмитріев в своей интересной книгѣ " Экономическіе очерки".

Но если пониманіе категоріи цѣнности, благодаря трудам, главным образом, школы Менгера, значительно подвинуто вперед, то этого отнюдь нельзя сказать о другой основной категоріи хозяйства-стоимости. Русскому экономисту приходится даже доказывать- как это ни комично-самое логическое право такого понятія на существованіе. Наш раговорный язык обладает двумя словами " цѣнность" и "стоимость" с существенно различным значеніем. Я могу, напр., сказать: "эта картина стоила мне очень мало, но цѣню я ее очень высоко"- и всякій поймет о чем идет рѣчь. Но благодаря низкому уровню у нас теоретическаго знанія, произошла поистинѣ курбезная вещь: научная экономическая терминологія не только не усовершенствовала терминологіи разговорнаго языка, а существенно ухудшила ее и внесла в нее путаницу, которой разговорный язык лишен. Среди многих русских экономистов(особенно среди марксистов) вошло в обычай употреблять термины "стоимость"и "цѣнность" не как противоположныя, а как тождественныя понятія, минонимы, Эта пагубная привычка была, повидимому, введена и закрѣплена, главным образом, первым русским переводом"Капитала" Маркса, гдѣ нѣмецкое слово " Верт" было ошибочно переведено словом стоимость" , а не "цѣнность" Между тѣм нѣмецкій язык знает на ряду с термином"Верт" (цѣнность) другой термин "Костен(стоимость), точно также, как и по англійски слово "валюе"(цѣнность) никоим образом не может быть смѣшиваемо со словом " кост" (стоимость). Благодаря указанной неправильности русской ученой терминологіи, нѣкоторыя нѣмецкія и англійскія фразы совсѣм не могли быть с сохраніем смысла оригинала, по

реведены на русскій язык- напр. фраза Маркса в началѣ III-го тома"Капитала": " [illegible] ", которая теряет всякій смысл, если слово " [illegible] " переводить тѣм же термином, что и слово " [illegible] ". Точно также получилась безсмыслица в извѣстном упрекѣ Мальтуса Рикардо, заключавшемся в том, что Рикардо якобы не принял в о вниманіе " [illegible] important distinction [illegible] cost and value (очень важное различіе между стоимостью и цѣнностью" как нужно правильно перевести на русскій язык; по распространенной же терминологіи нужно перевести "очень важное различіе между стоимостью и стоимостью"- т.е. построить фразу без всякаго смысла). По всѣм этим причинам, русскій теоретик, развивающій теорію стоимости, должен употреблять большія усилія, чтобы его читатели понимали, о каком экономическом явленіи идет рѣчь, и чтобы послѣдніе не смѣшивали " стоимости" с "цѣнностью".

Изложенная в текстѣ теорія трудовой стоимости есть только иное выраженіе так называемой трудовой теоріи богатства-теоріи, смысл которой заключается в признаніи исключительной производительности человѣческаго труда, отнесеніи всего продукта производства на счет труда, затраченнаго на производство. Теорія эта очень стара, высказывалась задолго до Адама Смита разными авторами, но была особенно отчетливо формулирована автором"Богатства народов". Затѣм это ученіе было отодвинуто на задній план столь популярной в настоящее время теоріей трех факторов производства- земли, труда и капитала (формулированной впервые Ж.Б.Сэ). Большаго распространенія трудовая теорія богатства не получила отчасти потому, что оставалось неясным методологическое основаніе этой теоріи- было неясно, почему экономист должен разсматривать продукт производства, как продукт только труда, хотя в производствѣ участвуют, кромѣ труда, земля и средства производства. В текстѣ сдѣлана попытка дать такое методологическое обоснованіе указанной теоріи.

Другой причинной неразработанности теоріи трудовой стоимости явилось то, что Маркс совершенно неправильно связал в одно цѣлое ученіе об исключительной производительности труда с ученіем об исключительной способности труда создавать цѣнность. Вместо теоріи абсолютной трудовой стоимости, Маркс дал теорію абсолютной трудовой цѣнности. Получилось методологически совершенно незаконное смѣшеніе двух различных теорій: к вѣрной мысли, что продукт можно разматривать, как произведеніе только труда человѣка, была присоединена совершенно невѣрная мысль, что только труд создает цѣнность продукта. Разбор этой теоріи абсолютной трудовой цѣнности дан в слѣдующей главѣ.

Очень немногіе экономисты понимают самостоятельное право на существованіе в экономической наукѣ категоріи трудовой стоимости. К числу таковых нужно отнести Ал. Вагнера. Он дает тщательно разработанную теорію стоимости с трех различных точек зрѣнія: I) человѣчества, 2) народнаго хозяйства и 3) единичнаго хозяйства. С точки зрѣнія человѣчества, стоимость ([illegible])есть "исключительно количество человѣческаго труда всякаго рода, затрачиваемаго на пріобрѣтеніе благ"; с точки зрѣнія народнаго хозяйства, стоимостью являются цѣнности, затрачиваемыя на пріодолѣніе сопротивленія природы, и, наконец, с точки зрѣнія единичнаго хозяйства, в состав стоимости вводит, кромѣ стоимости с народно-хозяйственной точки зрѣнія, также и оплата разнаго рода услуг третьих лиц (заработная плата, наемная, арендная плата, ссудный процент и т.п.) Таким образом то, что мною названо "абсолютной стоимостью" совпадает со стоимостью с точки зрѣнія человѣчества" в смыслѣ Вагнера, а "относительная стоимость" совпадает со стоимостью с точки зрѣнія народнаго и единичнаго хозяйства в смыслѣ Вагнера. Вагнер, таким образом, вполнѣ признает, что с общественной точки зрѣнія, единственной стоимостью является человѣческій труд, а что категорія стоимости имѣет свое самостоятельное значеніе рядом с категоріей цѣнности (которая, по его представленію, опредѣляется моментами другого порядка)

Точно также и Лексис, не раздѣляя трудовой теоріи цѣнности, является сторонником трудовой теоріи стоимости." Земля и капитал- говорит он- не могут быть координированы труду, как факторы производства, ибо они подчинены ему. Труд есть единственный активный фактор производства, природа же доставляет только матеріалы для приложенія труда или перво-

начально свободныя силы,использованіе которых становится возможнымъ только благодаря труду. Капитал же вообще не может быть первичным фактором производства,так как он сам является продуктом".

Что касается до Дитцеля,то он вполнѣ признает важность построенія наряду с теоріей цѣнности также и теоріи стоимости,отводит очень много мѣста этой послѣдней теоріи,но разрѣшает задачу построенія ея крайне неудачно. А именно,он признает только одну категорію стоимости-ту, которую я называю "относительной стоимостью". "Понятіе стоимости,-говорит он,- равнозначущее с понятіем пожертвованія цѣнностью; только то стоит,ст существованія чего зависит какая либо польза,с потерей чего утрачивается какая-либо полезность."

Трудовая затрата,по мнѣнію Дитцеля,есть основной элемент стоимости лишь в силу того,что труд, будучи всеобщим средством производства, в то же время,как и всякое другое средство производства,спрос на которое превышает предложеніе,обладает цѣнностью. Никакого принципіальнаго различія в этом отношеніи между трудом человѣка и трудом лошади нѣт.

С точки зрѣнія неработающаго предпринимателя это,конечно, так. Для капиталиста нѣт никакого различія между рабочим и любым орудіем производства. Но с точки зрѣнія рабочаго,между его трудом и работой лошади как будто бы и существует нѣкоторое различіе. Как это выяснено в текстѣ,рабочій цѣнит свой труд совершенно независимо от внѣшняго результата труда,ибо затрата его труда есть затрата его личности. Точка зрѣнія Дитцеля есть отрицаніе верховной цѣнности человѣческой цѣнности человѣческой личности,ибо Дитцель разсматривает человѣка,как простое средство производства,а не как самоцѣль. Эта основная ошибка лишает значенія и всѣ послѣдующія разсужденія Дитцеля о соотношеніи между цѣнностью и стоимостью.

ГЛАВА IУ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ КАТЕГОРІИ ПРОСТОГО ТОВАРНАГО И КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

I. **Т о в а р и м ѣ н о в а я ц ѣ н н о с т ь.** По вышеуказанным гносеологическим основаніям политическая экономія изучает по преимуществу мѣновое хозяйство. В мѣновом хозяйствѣ отдѣльные хозяева работают друг на друга, производя продукты,которые поступают в обмѣн.Продукт, изготовляемый для сбыта и достигающій потребителя лишь через посредство обмѣна,называется товаром. Хозяйство,в котором главная масса продуктов является товарами,называется **т о в а р н ы м** хозяйством.В товарном хозяйствѣ,как и в хозяйствѣ,не знающем мѣновых отношеній,одни производители работают на других.

Если мы возьмем,напримѣр,первобытную индусскую общину,то мы увидим в ней извѣстное раздѣленіе труда: община слагается не из одних земледѣльцев,но в состав ея входит также цѣлый ряд должностных лиц общины, занятых трудом другого рода-напр.,кузнец,гончар,плотник,пастух и др.. Если мы представим себѣ соціалистическій строй общественнаго хозяйства,то мы точно также будем имѣть перед собой группы рабочих,занятыхъ разнообразным трудом и работающих друг на друга. Но в товарном хозяйствѣ связь между отдѣльными производителями устанавливается при посредствѣ обмѣна,почему факт общественнаго сотрудничества выступает под видом купли-продажи продуктов труда- товаров.

Отношеніе,в котором один товар обмѣнивается на другой,опредѣляется **м ѣ н о в о й ц ѣ н н о с т ь ю** товара, под которой нужно понимать абстрактную возможность получить в обмѣн на данный товар опредѣленное количество других товаров. Конкретным выраженіем мѣновой цѣнности является цѣна товара- опредѣленное количество какого либо другого товара,требующагося (или дѣйствительно отданнаго) для пріобрѣтенія опредѣленнаго количества даннаго товара. Так,напр., мѣновая цѣнность пуда хлѣба есть абстрактная возможность получить за пуд хлѣба опредѣленное количество ситца,чугуна,серебра,мяса,молока и т.д. Цѣной же пуда хлѣба являются,напр.5 аршин ситца (если 5 аршин ситца отдано для пріобрѣтенія пуда хлѣба) или пуд чугуна (если хлѣб пріобрѣтен в обмѣн на это

количество чугуна) и т.д.,и т.д. Обычно обозначают цѣну товара в том товарѣ,который является господствующим орудіем обмѣна- в деньгах. Таким образом,мы получаем обычную формулу- **ц ѣ н а т о в а р а е с т ь д е н е ж н о е в ы р а ж е н і е е г о м ѣ н о в о й ц ѣ н н о с т и.**

При господствѣ товарнаго хозяйства общественныя отношенія хозяйства,работа одних производителей на других,скрываются отношеніями обмѣна,иначе говоря, отношеніями товаров. На этой почвѣ возникает то явленіе товарохозяйственнаго строя,которое Маркс объяснил и назвал **ф е т и ш и з м о м** товарнаго хозяйства. Фетишизм товарнаго хозяйства заключается в том,что при этом строѣ в хозяйствѣ создается обманчивая видимость,будто не люди управляют отношеніями товаров,а товары управляют отношеніями людей. Эта иллюзія настолько сильна,что весь нашь разговорный язык- нерѣдко и мышленіе экономиста теоретика- проникнуты ею. Мы постоянно говорим о товарѣ,как о живом существѣ; мы говорим напр., о товарных цѣнах,что онѣ растут,падают,колеблются,-как будто их измѣненія суть результат дѣйствія каких-то внутренних сил самого товара. И это-не только простая неточность терминологіи. Нѣт, в самой природѣ товарной цѣны имѣются такія особенности,которыя неизбѣжно вызывают иллюзію независимости товарной цѣны от человѣка.

Дѣло в том,что движеніе цѣны товара не зависит от воли отдѣльнаго товаропроизводителя. Цѣна устанавливается на рынкѣ по своим особым законам,совершенно не считаясь с интересами товаропроизводителей или иных групп населенія. Нерѣдко бывает,что,в силу тѣх или иных причин, цѣна устанавливается на уровнѣ,крайне невыгодном для всей данной группы товаропроизводителей- и все же она не может быть изменена их усиліями. Так,напр., наблюдающееся у нас уже много лѣт паденіе цѣн продуктов кустарнаго производства является источником тяжелых лишеній для кустарей. Но ни они,ни какая другая общественная группа или общественная власть не в силах помѣшать этому паденію или хотя замедлить его темп.

В подобных случаях выступает с полной очевидностью неспособность современнаго общества управлять движеніем товарной цѣны. Отсюда и возникает представленіе,что товар сам по себѣ заключает силы,опредѣляющія его цѣну.

Но,конечно,такое представленіе-не что иное,как обманчивая иллюзія. Товар сам по себѣ никакой цѣны не имѣет. Вещи самой по себѣ также чужда цѣна?как чужды божескія свойства сдѣланному дикарем деревянному идолу. И если для товаропроизводителя вещь является цѣнностью,а деревянный идол для дикаря богом,то это лишь потому, что в средѣ самих товаропроизводителей (а откуда не иначе) существуют отношенія,выражаемыя категоріей цѣнности,а среди дикарей (а не деревянных идолов)имѣются условія,заставляющія их сбоготворять деревянные чурбаны. Именно это сходство одухотворенія товара сознаніем товаропроизводителя с одухотвореніем мертвой матеріи дикарем и побудило Маркса говорить о фетишизмѣ товарнаго хозяйства.

Цѣна товара складывается на основѣ общественных отношеній товарнаго хозяйства. Но так как эти отношенія являются результатом не сознательнаго,планомѣрнаго регулированія общественнаго хозяйства общественной властью,а стихійнаго и безсознательнаго взаимодѣйствія единичных хозяйств,то и фетишизм товарнаго хозяйства отражает в себѣ глубочайшую особенность этой системы хозяйства- а именно,независимость товарохозяйственных явленій от воли отдѣльных товаропроизводителей и всѣх их в совокупности. Так при товарном хозяйствѣ общество теряет власть над хозяйственными процессами,происходящими в нем самом; одухотворяя товар,общество совершенно правильно характеризует свою слабость и безпомощность управлять движеніем товаров. Поэтому товарный фетишизм хотя и является иллюзіей,но необходимой иллюзіей товарнаго хозяйства.

Экономическая наука вскрывает тайну товара, как фетиша,показывает иллюзію,которая лежит в его основаніи,но самой иллюзіи убить не может. Так,луна на горизонтѣ кажется нам большаго діаметра,чѣм посреди неба. Мы знаем,что это иллюзія,не поддаемся обману чувств,но все наше знаніе безсильно разсѣять иллюзію и измѣнить обманчивыя зрительныя впечатлѣнія. Подобным образом,даже понявши природу товара, мы продолжаем говорить о движеніи товарной цѣны,как о самостоятельном процессѣ, независимом от нас.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товарѣ товарнаго міра- в деньгах. Золото- телец кажется истинным владыкой товарнаго міра. Неудивительно,что первые теоретики товарнаго хозяйства- меркантилисты признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана цѣнность денег? Это кажется рѣшительной загадкой,но факт возможности пріобрѣсть на деньги все, что угодно, стоит у всѣх перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жадда денег,характеризующая психологію товаропроизводителя." Загадка денежнаго фетиша есть та же загадка товарнаго фетиша,которая лишь стала вполнѣ видимой и ослѣпляет взор своим металлическим блеском."

Итак,товарный фетишизм неизбѣжен,пока сохраняются тѣ формы общественных отношеній, которыя его порождают. "Общественный процесс жизни, т.е. матеріальный процесс производства,лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало,когда он,как продукт свободно соединившихся людей,станет под их сознательный и планомѣрный контроль. Но для этого требуется такая матеріальная основа общества или такой ряд матеріальных условій его существованія,которое, в свою очередь,являются лишь естественным продуктом долгаго и мучительнаго историческаго развитія."

II. К а п и т а л и п р и б а в о ч н а я ц ѣ н н о с т ь. Завершеніем товарнаго хозяйства является капиталистическое хозяйство. При простом товарном хозяйствѣ товарами являются разнаго рода хозяйственные предметы. При капиталистическом хозяйствѣ товаром становится рабочая сила самого человѣка. Характерными категоріями этого хозяйственнаго строя являются категорій к а п и т а л а и п р и б а в о ч н о й ц ѣ н н о с т и.

Понятіе капитала принадлежит к числу тѣх многочисленных понятій политической экономіи,которыя употребляются в нѣсколькихъ различных смыслах. В одном смыслѣ под капиталом понимают нѣкоторую логическую, в другом- историческую категорію хозяйства. Капиталом, в первом смыслѣ, называют с о з д а н н ы е т р у д о м продукты,служащіе для дальнѣйшаго производства. Продукты эти частью цѣликом перерабатываются в каждом процессѣ производства,образуя собой то, что называют оборотным капиталом (напр.,поступающій в обработку сырой матеріал,вспомогательные матеріалы,как-то: топливо,смазочныя масла,краски,и, вообще, всѣ предметы,которые могут быть только однажды использованы в процессѣ производства), частью снашиваются в процессѣ производства лишь по частям,в цѣлом рядѣ отдѣльных актов производства и образуют в этом случаѣ так наз. о с н о в н о й капитал (постройки,машины инструменты, рабочій скот и т.п. предметы,полезность которых не уничтожается цѣликом в одном актѣ производства).

Как историческая категорія хозяйства,капитал характеризует собой лишь опредѣленныя,исторически преходящія системы хозяйства. В этом смыслѣ мы говорим о капиталистическом и не капиталистическом хозяйствѣ,хотя и в том и в другом хозяйственный труд невозможен без орудій труда, иначе говоря,без капитала в смыслѣ логической категоріи хозяйства.

Что же такое капитала,как характерная категорія исторически преходящаго капиталистическаго хозяйства?

В простом товарном хозяйствѣ прродукты обмѣниваются друг на друга, но мѣновая цѣнность их отнюдь не возрастает в процессѣ этого обмѣна. Капиталом же (в смыслѣ исторической категоріи хозяйства) продукт становится тогда,когда он пріобрѣтает способность как бы самостоятельно создавать новую цѣнность. Иными словами,капитал в этом смыслѣ является продукт,цѣнность котораго в силу извѣстных общественных отношеній пріобрѣтает способность к самовозрастанію. Эта вновь возникающая добавочная цѣнность названа Марксом прибавочной цѣнностью ( ), по отношенію к которой основная цѣнность,порождающая эту цѣнность,и является капиталом.

Существованіе такой прибавочной цѣнности наиболѣе очевидно выступает в ссудном процентѣ,в процентѣ, который должник платит своему кредитору. Кредитор бросает в обращеніе извѣстную сумму денег- и она не только возвращается через нѣкоторое время к нему обратно,но еще в возросшем видѣ,с добавленіем процента.

Откуда же берется этот процент? Не порождает ли его сам капитал, как курица несет яйца или как яблоки растут на яблонѣ?

23

Как цѣнность кажется естественным свойством денежнаго металла,так и способность создавать процент кажется свойством ссуднаго капитала. Мистическая оболочка совершенно скрывает в ссудном капиталѣ его общественное содержаніе.

Ослѣпленные чудесной способностью ссуднаго капитала порождать процент экономисты доходили иногда в своих расчетах самовозрастающей силы капитала до геркулесовых столбов нелѣпости. Достаточно указать,например, на экономиста XVIII в. Ричарда Прайса, утверждавшаго,что стоит положить на продолжительный срок ничтожный капитал для возрастанія по сложным процентам,и капитал достигнет чудовищных размѣров. "Пенни, выданный в ссуду при рожденіи Спасителя и возрастающій по сложным процентам из 5%- разсуждает Прайс,- превратился бы к настоящему времени в сумму денег,превосходящую по своим размѣрам,150 милліонов земных шаров,состоящих из чистаго золота." На этих соображеніях Прайс построил свой план погашенія государственнаго долга Англіи. Нужно только предоставить полный простор самовозрастающей силѣ капитала- и труднѣйшіе финансовые вопросы будут разрѣшены шутя.

Капитал-фетиш,капитал,несущій золотыя яйца,рождающій сам из себя рецепт,находит свое наиболѣе яркое и наглядное выраженіе в ссудном капиталѣ. Чтобы понять тайну процента,чтобы разгадать капиталистическій мираж,нужно обратиться к другим формам капитала.

С с у д н ы й или ростовщическій капитал является исторически одной из самых старинных форм капитала.Так же древен или даже еще древнѣе т о р г о в ы й капитал. И торговец,как и ростовщик,получает прибавочную цѣнность,-цѣнность его капитала каким то образом увеличивается. Однако,пока капитал является лишь в видѣ торговаго или ростовщическаго капитала,до тѣх пор он не играет господствующей роли в общественном хозяйствѣ,все общественное хозяйство не является капиталистическим. И только,когда капиталистическія отношенія охватывают собой и сферу производства продуктов,когда капитал выступает в видѣ производственнаго капитала,мы имѣем перед собой капиталистическую систему хозяйства.

В этом случаѣ капитал является в видѣ опредѣленной суммы продуктов-средств производства и предметов потребленія рабочих,-принадлежащих лицу,руководящему процессом производства, капиталисту. Продукты эти,будучи затрачены на производство,превращаются в новые продукты,цѣнность которых превышает цѣнность затраты. Таким образом возникает доход капиталиста,руководящаго производством,и доход этот является такой же прибавочной цѣнностью,как и доход ростовщика или торговца.

Откуда же берется прибавочная цѣнность,поступающая в распоряженіе капиталиста? Отвѣт не труден. Прибавочная цѣнность есть извѣстная часть цѣнности продукта; продукт же,как было вынснено в предыдущей главѣ, производится только трудом человѣка- и больше ничѣм,ибо орудія труда, равно как и матеріалы,поступающіе в обработку,являются лишь пассивными матеріальными условіями труда,а отнюдь не самостоятельными активными дѣятелями производства. Слѣдовательно,и прибавочный продукт-иначе говоря, та часть продукта,цѣнность которой образует прибавочную цѣнность- создается чьим либо трудом. Чьим же трудом? Сам капиталист, как таковой,не принимает участія в трудѣ производства; значит прибавочный продукт создается трудом рабочаго,занятаго в производствѣ:-получаніе прибавочной цѣнности капиталистом есть ни что иное,как присвоеніе им продукта чужого труда.

Но для возможности присвоенія капиталистом продуктов чужого труда требуется,чтобы работающій человѣк был поставлен в необходимость уступать капиталисту свой прибавочный продукт. С другой стороны,для наличности капиталистическаго производства требуется также и то,чтобы это присвоеніе продуктов чужого труда выступало не в голом видѣ-как напр., присвоеніе продуктов рабскаго труда рабовладѣльцем или труда крѣпостного помѣщиком,- но под вещной маской,под маской капитала,который как бы сам создает свою прибавочную цѣнность. Пока рабочій не свободен,пока он является собственностью другого лица,до тѣх пор прибавочный продукт,получаемый хозяином рабочаго,не имѣет внѣшней видимости продукта капитала. Отсюда слѣдует,что капиталистическое производство появляется при наличности двух условій: I) личной свободы рабочаго,благодаря

чему он может продавать свою рабочую силу владѣльцу капитала, и 2)отсутствія у рабочаго средств производства,что д лает такую продажу для рабочаго условіем существованія.

В противоположность рабовладѣльце или феодалу,капиталист юридически совершенно равноправен рабочему. Рабочій отнюдь не обязан работать в пользу капиталиста. На рабочем рынкѣ рабочій и капиталист встрѣчаются,как два юридически равноправных контрагента,и рабочій также свободно продает свой товар-рабочую силу,как и всякій другой товаровладѣлец. Но за этой юридической равноправностью скрывается экономическое неравенство владѣльца средств производства- капиталиста- и не имѣющаго таковых- рабочаго. За юридической свободой рабочаго продавать, что ему угодно,скрывать экономическая необходимость для рабочаго продавать себя капиталисту.

Капиталистическое хозяйство есть, слѣдовательно, такое хозяйство, при котором общественное отношеніе присвоенія одними членами общества прибавочнаго продукта,созданнаго трудом других членов общества,скрывается под вещной товарной маской созданія прибавочной цѣнности капиталом. Присвоеніе продукта чужого труда является скрытой основой всякаго капиталистическаго дохода- будет ли этот доход выступать в видѣ ссуднаго процента (как при ростовщическом капиталѣ), в видѣ торговой прибыли (как при торговом капиталѣ) в видѣ промышленной прибыли (как при производственном капиталѣ).

При простом товарном ходяйствѣ товар,вещь,продукт человѣка,как бы одухотворяется и начинает жить самостоятельной жизнью. При капиталистическом хозяйствѣ обмѣн ролями между человѣком и вещью идет еще жальше: не только вещь освобождается из под власти человѣка,но и работающій человѣк обращается в простой товар,в вещь,в одушевленное средство производство в руках капиталиста. Вещь,мертвый капитал,окончательно торжествует над человѣком,деградируя его до роли своего слуги.

Среди различных теорій цѣнности особаго вниманія заслуживает теорія Маркса. Особенностью этой теоріи,отличающей ее от всѣх других теорій цѣнности,является то, что в основу ея положено рѣзкое противопоставленіе понятія цѣнности и цѣны."

Величина цѣнности какой либо полезной вещи опредѣляется только количеством общественнонеобходимаго труда или общественно-необходимаго для ея производства рабочаго времени- говорит Маркс. -Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое при существующих нормальных в данном обществѣ условіях производства и средней степени умѣлости и напряженности труда,необходимо для изготовленія той или иной полезной вещи... Товари, в которых содержатся одинаковыя количества труда,или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочаго времени, имѣют,поэтому,одинаковую цѣнность. Цѣнность одного товара относится к цѣнности другого товара,как рабочее время, необходимое для производства одного, относится к рабочему времени,необходимому для производства другого. Как цѣнность всѣ товары суть только опредѣленныя количества застывшаго рабочаго времени." Итак,цѣнность товара, это- застывшее в нем рабочее время. Человѣческ. труд есть не главнѣйшій из факторов, вліяющих на высоту цѣнности,как учил Рикардо;нѣт труд образует собой самое существо,самую субстанцію цѣнности.

Но вѣдь конкретный человѣческій труд так же различен,как различны и продукты труда. Труд сапожника,в своей конкретной формѣ,есть нѣчто иное,чѣм труд земледѣльца. Различные конкретные виды труда столь же несоизмѣримы между собой,как и продукты труда в своей потребительной формѣ. Всѣ разнообразные виды труда становятся,однако, вполнѣ соизмѣримыми друг с другом,если мы отвлекаемся от их конкретной формы и разсматриваем их,как простое выраженіе абстрактнаго человѣческаго труда, как затрату человѣческой рабочей силы вообще.

Сложный,искусный труд,требующій обученія со стороны рабочаго, содержит в себѣ,как бы в сжатом видѣ,умноженное количество простого труда. В этом смыслѣ всѣ виды труда соизмѣримы между собой и могут быть выражены в однѣх и тѣх же единицах человѣческаго труда в его абстрактной формѣ. Именно,этот абстрактный человѣческій труд,освобожденный от

конкретных форм своего обнаруженія,и образует субстанцію цѣнности.

Итак цѣнность это- кристаллизованный в товарѣ человѣческій труд. Что касается до мѣновой цѣнности,то под таковой Маркс понимает отношеніе трудовых цѣнностей обмѣниваемых товаров. Понятно,что с точки зрѣнія Маркса,ничего не могло быть нелѣпѣе вопроса о том, какое участіе принимает природа в созданіи мѣновой цѣнности!"-Так как мѣновая цѣнность есть только опредѣленный общественный способ выражать потраченный на какую нибудь вещь труд,то в мѣновой цѣнности может содержаться столько же даннаго самой природой вещества,сколько,напр. в вексельном курсѣ".

Но цѣнность есть не просто человѣческій труд. Хозяйственный труд есть необходимая основа хозяйства,независимо от исторической формы его. Цѣнность же есть историческая, преходящая экономическая категорія, свойственная только опред ленной исторической формѣ хозяйства-товарному хозяйству.

Экономическая категорія цѣнности предполагает два момента: I) затрату человѣческаго труда на производство даннаго хозяйственнаго продукта и 2) выраженіе этой затраты не непосредственно в рабочем времени,а посредственно, в другом трудовом продуктѣ,обмѣниваемом на данный трудовой продукт. Представим себѣ,напр., что общество слагается не из товаропроизводителей, обмѣнивающихся продуктами своего или чужого труда,а образует собой соціалистическую общину,владѣющую сообща средствами производства и всѣми предметами своего потребленія. В таком обществѣ "количество труда,заключеннаго в продуктѣ ,вовсе не потребовало бы для своего опредѣленія окольнаго пути (обмѣна); ежедневный опыт непосредственно указывал бы такому обществу,сколько труда заключено в продуктѣ. Общество могло бы просто вычислить,сколько рабочих часов стоила данная паровая машина,гектолитр пшеницы,сто квадратных метров сукна. Никому не могло бы придти в голову выражать непосредственно извѣстное количество труда,заключенное в продуктѣ,в относительном колеблющемся и недостаточном мѣриллѣ,- в другом продуктѣ,а не в естественном,адэкватном м абсолютном мѣрилѣ труда- времени. Правда,обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребленія. Оно должно было бы установить общій план производства,принимая в соображеніе полезность разных нужных предметов и потребное для их производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто без посредства знаменитой цѣнности. Понятіе цѣнности есть таким образом,самое общее и всеобъемлющее выраженіе экономических условій товарнаго производства."

Итак, обмѣн продуктов труда есть необходимое условіе для возникновенія экономической категоріи цѣнности. Теперь нам ясно чѣм отличается категорія цѣнности от категоріи трудовой затраты. Трудовая затрата есть факт всеобщій,не связанный с историческими особенностями данной формы хозяйства: цѣнность же есть исторический факт. Для превращенія трудовой затраты в цѣнность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людям выражать трудовую затрату иначе,как окольным путем,сравненіем одного трудового продукта с другим трудовым продуктом.

Возьмем напр.,натуральное хозяйство,потребляющее свои собственные продукты; в этом случаѣ всякій хозяин непосредственно знает,сколько труда он потратил на изготовленіе потребляемаго им продукта. То же слѣдует сказать о соціалистической общинѣ,сообща владѣющей средствами производства. Но в товарном хозяйствѣ производитель потребляет продукт не своего,а чужого труда,и потому не может непосредственно знать,сколько труда заключено в этом продуктѣ. Иначе говоря,невозможность непосредственно знать в товарном хозяйствѣ трудовую затрату есть слѣдствіе того, что товарное хозяйство основано на частной собственности; оно слагается из множества независимых друг от друга единичных хозяйств,каждое из которых замкнуто для остальных. Трудовая затрата остается,однако,попрежнему,основаніем всякаго хозяйства. Но выражается она в товарном хозяйствѣ не прямо,в приравніи одного количества труда другому количеству труда,а косвенно, в приравниваніи одного трудового продукта другому трудовому продукту, в объектированіи труда в цѣнности товара. Поэтому, хотя субстанцію цѣнности образует человѣческій трудѣ,но

правда, образует цѣнность, но не является сам цѣнностью. Он становится цѣнностью лишь в застывшем состояніи, в вещной формѣ."

Итак, вот что такое цѣнность и мѣновая цѣнность. Что же такое цѣна? В одном мѣстѣ I тома "Капитала" Маркс опредѣляет цѣну, как денежное выраженіе цѣнности, т.е. принимает обычный взгляд на соотношеніе цѣнностей, в III томѣ "Капитала" Маркс стоит на почвѣ совершенно иного пониманія цѣны.

Так уже в I томѣ "Капитала" Маркс указывает на то, что предметы могут имѣть цѣну, не имѣя цѣнности-напр. земля, дѣвственный лѣс. Такія цѣны Маркс называет мнимыми", "ирраціональными", так как им не соотвѣтствует никакой цѣнности. В III том "Капитала" Маркс подробно развиває свою теорію цѣны, которая во всѣх существенных пунктах, сходится с теоріей цѣны Рикардо и его школы. Центральное мѣсто этой теоріи занимает тезис, что среднія цѣны товаров (называемыя Марксом "цѣнами производства"-) регулируются не трудовыми затратами, а затратами капитала, издержками производства (роль издержек производства при установленіи цѣны будет разъяснена ниже, в главѣ о цѣнѣ). Теорія Рикардо, согласно которой трудовая затрата есть лишь важнѣйшій, но отнюдь не единственный объективный фактор цѣны, вполнѣ принимается и Марксом.

Итак, цѣнность есть ни что иное, как труд, затраченный в товарѣ, мѣновая цѣнность есть отношеніе трудовых цѣнностей, а цѣна опредѣляется и другими моментами, кромѣ труда. Мѣновая цѣнность и цѣна составляют, слѣдовательно, с точки зрѣнія Маркса, явленія совершенно различнаго порядка, - цѣна не есть конкретное выраженіе абстрактнаго понятія мѣновой цѣнности. В этом и заключается указанная выше особенность теоріи цѣнности Маркса- полное раздѣленіе понятій мѣновой цѣнности и цѣны, которыя всѣми другими экономистами понимаются, как тѣсно связанныя между собой.

Именно поэтому всякая критика теоріи Маркса, состоящая в указаніи на несоотвѣтствіе товарных цѣн трудовым затратам, съет мимо цѣли. Маркс вовсе не утверждает, что среднія цѣны товаров пропорціональны трудовым затратам, или хотя бы тяготѣют к такой пропорціональности. И потому никакого противорѣчія с его трудовой теоріей мѣновой цѣнности нельзя усмотрѣть в том, что цѣны часто не соотвѣтствуют трудовым затратам.

Доказать несостоятельность теоріи цѣнности Маркса можно лишь обнаруживъ внутреннюю противорѣчивость или безсодержательность даннаго им понятія мѣновой цѣнности, независимой от цѣны. И дѣйствительно, построивши двѣ независимых и несогласованных друг с другом теоріи мѣновой цѣнности и цѣны, Маркс очутился перед губительной для него дилеммой. Что нибудь из 2-х или мѣновая цѣнность опредѣляется тѣми же факторами, которыми опредѣляется и товарная цѣна- и в таком случаѣ субстанціей мѣновой цѣнности не может быть труд, ибо труд не есть субстанція цѣны. Или же товарная цѣна опредѣляется другими факторами, чѣм мѣновая цѣнность- и в таком случаѣ понятіе мѣновой цѣнности теряет всякое опредѣленное содержаніе, так как мѣновую цѣнность нельзя мыслить иначе, как основаніе цѣнѣ.

В первом случаѣ, ученіе о цѣнности Маркса оказывается невѣрным; во втором случаѣ, оно утрачивает какое бы то ни было соотношеніе с реальным фактами товарнаго обмѣна; оно становится безсодержательным. Дѣйствительно, мыслима ли мѣновая цѣнность, которая не совпадает с мѣновыми отношеніями товаров? А вѣдь Маркс, признавши, что мѣновая цѣнность есть выраженіе трудовых затрат, и в то же время, что мѣновыя отношенія товаров не совпадают с трудовыми затратами, именно и пришел к понятію мѣновой цѣнности, не совпадающей с мѣновыми отношеніями. В обоих случаях построенное Марксом понятіе мѣновой цѣнности оказывается непригодным в качествѣ орудія научнаго изслѣдованія. Маркс смутно понимал это, и его постоянныя противорѣчія объясняются невозможностью найти удовлетворительный для его системы выход из этой дилеммы. Во всѣх трех томах "Капитала" Маркс колеблется между двумя, взаимно исключающими точками зрѣнія- между признаніем и отрицаніем свойств труда опредѣлять товарныя цѣны. Смотря по потребностям аргументаціи, он становится то на первую, то на вторую точку зрѣнія. В I-м томѣ "Капитала" он представляет дѣло, по большей части, таким образом, как будто бы цѣны непосредственно управлялись трудовыми затратами; в III-м томѣ, гдѣ дѣло идет об образованіи товарных цѣн, он это отрицает. Таким образом, может казаться, что ученіе о цѣнности III-го тома находится в противорѣчіи с таковым е ученіем I-го тома; на самом же дѣлѣ противорѣчіе заложено глубже- в самом понятіи трудовой мѣновой цѣнности, которая не опредѣляет товарных цѣн и, все же, находит себѣ выраженіе в мѣновых отношеніях товаров.

Все это придает печать фантастичности многим экономическим построеніям "Капитала". Категорически заявляя, что цѣны не тяготѣют к трудовым затратам. Маркс с неутомимым усердіем нанизывает одну формулу на другую, вводит новыя и новыя усложненія в свою систему, строит одну запутанную теорему на другую, дѣлает все болѣе темной свою хитромудрую и крайне искусственную теоретическую конструкцію, в основѣ которой лежит молчаливое допущеніе, что...цѣны тяготѣют к трудовым затратам.

В концѣ концов противорѣчивое понятіе трудовой мѣновой цѣнности, которая выражается каким то образом в мѣновых отношеніях и потому является мѣновой цѣнностью и в то же время не вовпадает со средней цѣной, понадобилось Марксу лишь потому, что он хотѣл обнять одним общим понятіем два различных и, в извѣстном смыслѣ, противоположных экономистических понятія- цѣнности и стоимости. В предшествующей главѣ указано, каким образом можно строго разграничить оба эти понятія. Трудовая цѣнность Маркса в сущности есть ни что иное, как трудовая стоимость. Но ошибка Маркса была не терминологическаго свойства. Маркс не только называл общественно-необходимый труд производства цѣнностью товара, но и постоянно стремился свести мѣновыя отношенія товаров к труду. Только признавши, что трудовая затрата имѣет свое самостоятельное значеніе в ряду экономических категорій, независимо от того, чѣм опредѣляются мѣновыя отношенія, иначе говоря, цѣны товаров, мы дѣлаем неуязвимой трудовую точку зрѣнія в экономической наукѣ. Только совершенно разорвавши понятія цѣнности и стоимости, мы можем построить логически правильную и согласующуюся с фактами теорію цѣнности и стоимости. Сферой мѣновой цѣнности являются мѣновыя отношенія товаров; в мѣновой цѣнности (понимая под мѣновой цѣнностью абстрактную основу цѣны) объективируются не только трудовыя затраты, но и всѣ многообразныя отношенія власти и зависимости, которым подчиняется мѣновой акт. Стоя на точкѣ зрѣнія теоріи цѣнности, развитой в предыдущей главѣ, мы скажем, что земля имѣет цѣнность, как и предметы человѣческаго труда, и что цѣна земли, вопреки утвержденію Маркса отнюдь не представляет собой чего то "мнимаго" или "ирраціональнаго". Цѣна земли есть такое же реальное и закономѣрное экономическое явленіе, как и цѣна любого продукта человѣческаго труда, хотя в цѣнѣ земли объективируется не трудовая затрата, а иныя экономическія отношенія. Напротив, сферой трудовой стоимости является мір непосредственнаго производства, гдѣ рабочій противостоит природѣ и гдѣ на фонѣ борьбы человѣка с природой возникают многообразныя соціальныя отношенія между рабочими и владѣльцами средств производства.. А так как главной задачей Маркса было вскрыть соціальныя отношенія, лежащія в основѣ капиталистическаго хозяйства, сорвать с них вещную маску, то вполнѣ понятно, что Марко избрал исходным пунктом своего изслѣдованія категорію трудовой затраты. Ошибка Маркса заключалась лишь в том, что он не понял самостоятельнаго значенія этой категоріи и пытался связать ее с теоріей цѣны, почему и назвал трудовую затрату цѣнностью, а не стоимостью. Моя теоріи стоимости и цѣнности, как двух независимых категорій, дает возможность сохранить соціальное содержаніе теоріи цѣнности Маркса, отбросив в то же время тѣ неправильные экономическіе выводы, к которым Марко был приведен неправильным отождествленіем цѣнности и стоимости.

Г Л А В А У.

ВНѢШНЯЯ ПРИРОДА И ХОЗЯЙСТВО.

Хозяйственная дѣятельность человѣка есть взаимодѣйствіе человѣка и внѣшней природы. Поэтому условія внѣшней природы не могут не оказывать самаго существеннаго вліянія на хозяйство. Так, зависимость хозяйства от климата совершенно очевидна. Люди живут обширными группами только в тѣх раіонах, в которых климатическія условія допускают произрастаніе растеній, являющихся важнѣйшей пищей человѣка. Произрастаніе же растеній находится в зависимости преимущественно, от климатических усло-

вій,- от средней годовой температуры (и распредѣленія ея по временам года), а также от количества выпадающих атмосферных осадков.

В полярных странах в силу климатических условій человѣческая жизнь почти прекращается,- только немногочисленныя рыболовныя племена находят себѣ пропитаніе среди снѣгов и льдов этих частей земли. Точно также чрезмѣрная сухость климата,как,напр., в сахарѣ и других пустынях, дѣлает невозможной жизнь человѣка по полному недостатку растительной пищи.

Геологическія и почвенныя особенности страны также непосредственно вліяют на хозяйство. Благопріятныя или неблагопріятныя почвенныя условія приводят к увеличенію или уменьшенію количества растительных продуктов,собираемых с даннаго участка земли, а геологическій характер мѣстности (гора,равнина их и общая конфигурація,или же низменности с таким или иным расположеніем и наклоном) точно также непосредственно опредѣляют направленіе хозяйственнаго труда и его производительность. Далѣе,чрезвычайно важно, с той же точки зрѣнія,географическое положеніе страны,распредѣленіе в ней внутренних вод,близость или отдаленность от моря,большая или меньшая изрѣзанность береговой линіи,удобность берега для мореходства (удобныя бухты,глубина и т.п.).

Богатство страны полезными ископаемыми- очень существенный фактор ея хозяйственнаго успѣха. Всѣ эти зависимости слишком извѣстны и общепонятны,чтобы требовать подробнаго разъясненія.

Природа ставит внѣшнія границы человѣческой дѣятельности,и вся общественная дѣятельность должна совершаться в этих границах. Таким образом,вся общественная(в том числѣ и хозяйственная) жизнь опредѣляется и направляется силою стоящих внѣ ея условій внѣшней природы. Народ, живущій вдали от моря,не может заниматься морской торговлей; горно-заводское производство не может возникнуть в странѣ,лишенной полезных ископаемых; каждое культурное растеніе имѣет свои естественныя границы,в которых только и может существовать и т.д. и т.д. И чѣм ниже по своему культурному уровню народ, тѣм тѣснѣе и очевиднѣе связь всего строя его хозяйства с условіями внѣшней природы.

Извѣстно,каким своеобразным и прочным соціально-экономическим типом обладают кочевые народы. Но кочевой образ жизни связан самым тѣсным образом с уловіями внѣшней природы. Кочевая жизнь возможна лишь при наличности широких незаселенных степей.

Лѣсные народцы являются другим примѣром тѣсной связи соціально-экономическаго типа с естественными условіями существованія. Лѣс налагает отпечаток на весь строй жизни таких народов,как лѣсные индѣйцы Бразиліи,лѣсные народцы внутренней Африки,сѣверо-американскія и сѣвероазіатскія охотничьи племена и т.д.

Вообще жизнь первобытных народов всецѣло опредѣляется особенностями внѣшней природы,среди которых они живут.

Историки и соціологи уже давно отмѣчают связь между условіями внѣшней природы и всѣм соціальным строем народа; однако,связь эта не имѣет такого прямого,непосредственнаго характера,как это иногда думают. Так,напр., Бокль считал вохможным объяснить склонность испанцев к суевѣрію частыми землетрясеніями в этой странѣ,антропоморфическій характер религіи древних эллинов прекрасной природной древней Греціи и т.п. На почвѣ подобных поверхностных и отнюдь не доказанных сближеній в исторической наукѣ возникло даже особое направленіе,названное Паулем Бартом в его книгѣ "Философія исторіи,как соціологія" антропогеографическим. Наиболѣе крайним представителем этого направленія является французскій историк Мужолль, который в своей книгѣ "Les problèmes de l'histoire"пытался всѣ особенности общественнаго строя объяснить непосредственным вліяніем внѣшней природы на человѣка. Но всѣ подобныя попытки,начиная от греческих историков,затѣм Монтескье,Гердера и кончая новѣйшими представителями названнаго направленія, большого успѣха не имѣли и мало способствовали развитію исторической науки.

Дѣло в том,что,хотя внѣшняя природа несомнѣнно оказывает огромное вліяніе на общественный строй,вліяніе это не непосредственное,а совершающееся преимущественно через посредство хозяйства. Хозяйство находится в самой тѣсной зависимости от внѣшней природы; а так как вліянію хозяйства подпадают,в большей или меньшей степени,всѣ проявленія общественной жизни,то через хозяйство (оно не независимо от него) внѣшняя природа опредѣляет и формы общественной жизни.

По мѣрѣ роста цивилизаціи,человѣк больше и больше подчиняет себѣ природу.На первых ступенях культуры общественно-экономическій строй всецѣло опредѣляется условіями внѣшней природы. Но чѣм культурнѣе общество,тѣм большее значеніе пріобрѣтают факторы,не сводимые непосредственно к внѣшней природѣ,-искусство и ум самого человѣка,накопленныя им знанія,созданныя им средства производства,выросшія из условій его исторической жизни соціальныя формы.

Поэтому уже давно справедливо указывается,что особо значительное богатство даров природы не благопріятствует развитію цивилизаціи: получая все нужное для жизни без всякаго напряженія сил,человѣк не вырабатывает в борьбѣ с природой своей воли и своего разіма и не идет дальше скудных начатков культуры. По этой причинѣ цивилизація развилась в странах умѣреннаго пояса,между тѣм как и в несравненно болѣе одаренных природой тропических странах человѣчество,легко достигая удовлетворенія своих потребностей,осталось вне историческаго движенія.

Таким образом,историческое развитіе человѣчества выражается в постепенном освобожденіи его из-под власти природы. Самую тѣсную связь между условіями внѣшней природы и формами общественной жизни мы замѣчаем на первых ступенях историческаго развитія. Но так как хозяйственный прогресс заключается в расширеніи власти человѣка над внѣшней природой,то и общественное развитіе должно вести к относительному освобожденію человѣка от подчиненія внѣшней природѣ. В поступательном ходѣ исторіи измѣняются всѣ проявленія общественной жизни,включая сюда и хозяйство; на той же природной основѣ смѣняются самыя различныя формы хозяйства,не имѣющія ничего общаго между собой. Что общаго,напримѣр, между капиталистическим хозяйством современной Америки,с ея гигантскими городами,фабриками,банками,лихорадочной погоней за барышем и охотничьим хозяйством бродячих индѣйских племен, которыя всего нѣсколько сот лѣт тому назад населяли равнины Сѣверо-Американских Штатов. Природа предоставляет общественной жизни широкій круг возможнаго в предѣлах этого круга-но чѣм заполняется этот круг,это зависит лишь на первых ступенях развитія непосредственно от внѣшних условій природы.

Постепенное освобожденіе форм хозяйства от власти внѣшней природы очень рельефно выражается на исторіи путей сообщенія. На зарѣ исторіи пути сообщенія опредѣляются исключительно условіями внѣшней природы. Морское побережье,рѣки,горные перевалы и долины образуют собою первые естественные пути сообщенія,в узловых пунктах которых возникают города. Но.хозяйственное развитіе создает,с теченіем времени, новые искусственные пути сообщенія, которые, особенно со времени постройки желѣзных дорог,все болѣе и болѣе уклоняются от первоначальных естественных линій сообщенія. Горы прорываются туннелями, проводятся каналы,и для поддержанія создаются совершенно новые пути.Так,напр., Суэцкій канал придал новое направленіе міровой торговлѣ. Сравненіе карты путей сообщенія Римской Имперіи с современной показывает,что,хотя нѣкоторые узловые пункты и не измѣнили своего положенія,общее направленіе путей сообщенія стало иным.

Таким образом общество постепенно освобождается от первоначальнаго подчиненія внѣшней природѣ. Конечно, зависимость от внѣшней природы никогда не прекращается. Природа всегда ограничивает круг возможнаго для человѣка- но круг этот становится шире.Цѣпь,связывающая общество с внѣшней природой,никогда не разрывается,но она удлиняется и общественное развитіе становится свободнѣе в том смыслѣ,что оно все болѣе опредѣляется своими собственными внутренними,соціальными,духовными,а не внѣшними посторонними,матеріальными силами. Зависимость от внѣшней природы никогда не прекращается,но по мѣрѣ роста культуры,становится все болѣе многообразной,посредственной и отдаленной,все болѣе осложненной вліяніем соціальных факторов.

Г Л А В А VI.

УЧЕНІЕ О НАСЕЛЕНІИ.

В ряду факторов,опредѣляющих характер экономическаго строя и уровень благосостоянія страны,численность ея населенія является одним из важ-

нѣйшихъ. Болѣе ранніе экономисты видѣли в увеличеніи населенія одну из важных задач государственной политики. На этой точкѣ зрѣнія стояли всѣ выдающіеся государственные дѣятели XVIII вѣка. Совершенный переворот в этих взглядах произвел Мальтус своим знаменитым сочиненіем "Опыт о принципѣ населенія" (первое изданіе в 1798 г.).

В основ ученія Мальтуса лежит утвержденіе, что человѣчеству присуще стремленіе к размноженію, которое, однако, наталкивается на препятствія двоякаго рода- предупредительныя (т.е. предупреждающія самое появленіе человѣка на свѣт) и разрушительныя (т.е. уничтожающія человѣка). Предупредительными препятствіями являются разнаго рода пороки, препятствующіе дѣторожденію, и "нравственное самообузданіе"-добровольное воздержаніе человѣка от вступленія в брак и половых сношеній, если он не может содержать семью. Под разрушительными препятствіями Мальтум понимает все то, что убивает человѣка-болѣзни, войны и, прежде всего, бѣдность. Если не дѣйствуют предупредительныя препятствія, то вступают в силу разрушительныя, -по той причинѣ, что средства существованія человѣчества не могут расти с такой быстротой, с какой размножается человѣчество, не сдерживаемое предупредительными препятствіями. Человѣчество имѣет тенденцію размножаться в геометрической прогрессіи (как 1,2,4,8 и т.д.), ибо инстинкт размноженія человѣчества дѣйствует постоянно с одинаковой силой, какова бы ни была численность населенія. Напротив, средства существованія человѣчества, в лучшем случаѣ, могутъ возрастать не быстрѣе, чѣм в арифметической прогрессіи (как 1,2,3,4 и т.д.). Таким образом рост населенія имѣет тенденцію обгонять рост средств существованія, слѣдствіем чего является бѣдность и вымираніе избыточнаго населенія, благодаря чему возстановляется равновѣсіе между населеніем и его средствами существованія. Наблюдающаяся повсемѣстно бѣдность народных масс и вызывается, главным образом, чрезмѣрным размноженіем населенія. Никакія общественныя реформы не могут уменьшить бѣдности до тѣх пор, пока человѣчество не побѣдит свой инстинкт размноженія путем "нравственнаго самообузданія."

Для правильнаго пониманія ученія Мальтуса нужно помнить, что Мальтус отнюдь не туверждал что населеніе размножается в геометрической прогрессіи, а средства существованія - в арифметической. Мальтус говорил лишь о тенденціи населенія к такому размноженію, а не о реальном фактѣ. При том тенденцію в данном случаѣ слѣдует понимать в смыслѣ извѣстнаго дѣйствія, которое должно было бы наступить, если бы этому не мѣшали противодѣйствующіе факторы (Dr. L. Bortkiewicz. Bevölkerungstheorie. Die Entwicklung der deutschen Volkswirtschaftslehre im neunzehnten Jahrhundert. 1908. 1 Theil. Стр. I-IO). Реально же населеніе размножается, по Мальтусу, в соотвѣтствіи с ростом средств существованія, - геометрическая прогрессія размноженія не осуществляется в силу недостаточно быстраго увеличенія средств к существованію. Что касается до арифметической прогрессіи увеличенія средств существованія, то в данном случаѣ Мальтус хотѣл лишь дать математическую иллюстрацію медленности роста средств существованія и не усматривал в этой прогрессіи какого либо реальнаго факта. Но, как правильно замѣчает Борткевич, даже как математическая иллюстрація, арифметическая прогрессія не может быть признана удачной-она лишена в данном случаѣ точнаго смысла. Если мы предположим, что арифметическая прогрессія начинается в данный момент, то мы можем ожидать в ближайшій період удвоенія средств существованія; если прогрессія эта началась періодом раньше, то в данный момент можно ожидать за тот же період увеличенія продукта лишь на половину и т.д.

Такова сущность ученія Мальтуса, обратившаго на себя общее вниманіе до настоящаго времени вызывающаго страстные споры. Под вліяніем этого ученія, отношеніе к размноженію населенія в руководящих общественных кругах рѣзко измѣнилось: в то время как раньше казалось аксіомой, что рост населенія есть источник силы и могутства государства, в XIX вѣкѣ распространилось противоположное убѣжденіе, что именно в этом ростѣ слѣдует искать важнѣйшую причину бѣдности массы населенія, и что государственная политика должна стремиться не к поощренію, а к обузданію инстинкта размноженія.

Переходя к оцѣнкѣ ученія Мальтуса, слѣдует, прежде всего, отмѣтить, что оно охватывает двѣ логически совершенно различныя проблемы-проблему размноженія народонаселенія и проблему бѣдности. Мальтус даст своим ученіем, которое кажется таким связным, логическим цѣлым, отвѣт на 2 различных вопроса- чѣм регулируется рост населенія, и от чего зависит бѣдность массы населенія?

Что касается до ученія мальтуса о народонаселеніи, то оно встрѣтило серьезную критику, с чисто біологической стороны, главным образом со стороны Спенсера. Спенсер выступил с утвержденіем, что, вопреки, мнѣнію Мальтуса о неизмѣнности дѣйствія инстинкта размноженія, между способностью к размноженію и высотой индивидуальнаго развитія организма существует неустранимая противоположность. Чѣм ниже стоит организм на біологической лѣстницѣ, чѣм оно меньше, чѣм менѣе дифференцирована в своих частях, чѣм менѣе активен и подвижен, тѣм большей способностью к размноженію он обладает. Простѣйшіе организмы, размножающіеся дѣленіем, могут увеличивать свою численность в поразительных размѣрах; нѣкоторые инфузоріи, напр., в нѣсколько дней могут превратиться в нѣсколько биллiонов себѣ подобных. Воспроизводительная способность высших организмов несравненно слабѣе; чѣм выше и сложнѣе жизнь, тѣм большей затраты сил она требует и тѣм менѣе сил остается для чисто воспроизводительных функцій.

Тот же закон примѣним и к человѣку. Люди с болѣе интенсивной духовной жизнью обладают меньшей воспроизводительной способностью, чѣм ниже стоящіе. Поэтому можно ожидать, что чѣм выше будет подниматься человѣчество по своему умственному развитію, тѣм слабѣе будет его половой инстинкт и способность к размноженію. В концѣ концов должно установится состояніе равновѣсія помимо каких бы то ни было искусственных мѣр.

Соображенія Спесера заслуживают серьезнаго вниманія, так как они показывают возможность ослабленія воспроизводительной способности человѣка, благодаря естественному зоду біологическаго развитія. Но, вмѣстѣ с тѣм, они никак не могут считаться научно-доказанными и являются лишь болѣе или менѣе вѣроятной гипотезой. Однако, как бы мы к ним ни относились, совершенно ясно, что они могут имѣть значеніе лишь для болѣе или менѣе отдаленнаго будущаго человѣчества, а отнюдь не для настоящаго или прошлаго времени. До сих пор человѣчество обладало достаточной воспроизводительной способностью, чтобы переполнить землю, и если это не случилось, то лишь в силу дѣйствія тѣх или иных разрушительных или предупредительных причин.

Историческій опыт показывает, что ход размноженія человѣчества в различныя историческія эпохи был далеко не одинаков. До XIX вѣка населеніе Европы размножалось крайне медленно. А Смит полагал, что для удвоенія населенія Англіи требуется період в 500 лѣт. В XIX вѣкѣ ход размноженія пошел гораздо быстрѣе. В концѣ закончившагося вѣка во всѣх наиболѣе крупных культурных странах стало намѣчаться новое явленіе в области движенія населенія- а именно, неуклонное паденіе рождаемости. Так как одновременно с этим падала и смертность, то уменьшеніе процента прироста населенія, хотя и наблюдается, но не в такой сильной степени. Это паденіе рождаемости вовсе не вызывается при этом паденіе брачности, которая скорѣе имѣет тенденцію повышаться.

Процесс паденія рождаемости раньше всего обозначился во Франціи, гдѣ он наблюдается уже в теченіе многих десятилѣтій. За пятилѣтіе 1816-1820г.г. среднее число рожденій равнялось 32,0 на 1.000 жителей; за пятилѣтіе 1861-1865г.г. уже только 26,7, а за пятилѣтіе 1901-1905 г.г.- 21,3. За то же время брачность французскаго населенія не только не понизилась, а повысилась. До 70-х годов прошлаго столѣтія можно было думать, что паденіе рождаемости составляет особенность только Франціи. Однако, послѣдующіе факты это опровергли. Вот, напримѣр, данныя о рождаемости в трех важнѣйших государствах западной европы (на 10.000 нас):

Германія.			Англія.			Франція.		
1890г.	1900г.	1910г.	1890г.	1900 г.	1910 г.	1890г.	1900г.	1910г.
357	356	298	302	298	251	218	214	197

Паденіе рождаемости наблюдается в сильной формѣ и в австралійских колоніях- странѣ особенно высокаго культурнаго уровня рабочаго класса. Что касается до Америки, то в нѣкоторых Штатах Американскаго Союза рождаемость спустилась уже до болѣе низких цифр, чѣм во Франціи. Вообще в паденіи рождаемости перед нами явленіе мірового значенія, характери-

зующее новую популяціонную эпоху, в которую вступает человѣчество.

Рост брачности и паденіе смертности указывают на увеличеніе благосостоянія населенія. Таким образом, новѣйшее паденіе рождаемости никоим образом не может вызываться той причиной, которой Мальтус придавал первенствующее значеніе среди факторов, задерживающих рост населенія,-бѣдности. Наоборот, опыт новѣйшаго времени показывает, что именно среди болѣе богатых и культурних націй наблюдается паденіе рождаемости, и в этих націях всего болѣе среди болѣе достаточных слоев населенія.

Итак, не только бѣдность населенія приводит к оскращенію прироста населенія, но на извѣстной ступени экономическаго развитія и богатство. Объясняется это не ослабленіем воспроизводительной способности человѣчества, а страхом современнаго культурнаго человѣка перед большой семьей и связанными с нею расходами- половой инстинкт удовлетворяется не меньше, чѣм раньше, но благодаря разнаго рода предупредительным мѣрам противозачатія- это удовлетвореніе не приводит к рожденію ребенка.

Эти предупредительныя мѣри отнюдь не представляют собой того "нравственнаго самообузданія", о котором говорит и которое совѣтивал Мальтус. Под нравственным самообузданіем он понимал воздержаніе от половых сношеній, но отнюдь не удовлетвореніе полового инстинкта ненормальным способом.

Таким образом, новѣйшее паденіе рождаемости вызывается новой предупредительной причиной, не предусмотрѣнной Мальтусом. Дѣйствіе этой причины находится в непосредственной связи с особенностями существующаго социально-экономическаго строя: капиталистическое хозяйство обостряет борьбу за существованіе между отдѣльными лицами и, в то же время, приводя к извѣстному повышенію уровня благосостоянія, заставляет человѣка опасаться пониженія своего социальнаго уровня. Буржуазная культура приводит к тому, что человѣк боится большой семьи.

В непосредственной связи с теорієй населенія Мальтуса находится и его теорія бѣдности. По его мнѣнію, бѣдностьне может быть уничтожена социальными реформами, основная причина бѣдности заключается в слишком быстром размноженіи человѣчества. Факты новѣйшаго времени не только не подтверждают этого мнѣнія, но находятся с ним в полном противорѣчіи. Населеніе земного шара в XIXвѣкѣ возросло очень значительно. К началу закончившагося вѣка населеніе земли не достигало и одного милліарда человѣк, а в настоящее время оно превышает I700 милліонов. Большая часть этого огромнаго прироста падает на Европу и народы европейскаго происхожденія. Но как ни велик (тот прирост, рост общественнаго богатства за то же время, по общему мнѣнію, был еще болѣе значителен. Опыт XIX в. показал, что страхи перед чрезмѣрным ростом населенія совершенно призрачны, и что средства существованія человѣчества за истекшее столѣтіе не только не отставали от роста населенія, а росли в значительно болѣе быстрой прогрессіи. Бѣдность широких масс населенія не может быть, слѣдовательно, объясняема условіями размноженія человѣчества. Рост населенія имѣл своим послѣдствіем такое быстрое умноженіе источников общественнаго богатства, такой огромный подъем науки и техники, что вновь появившіяся сотни милліонов людей находятся в настоящее время, по отношенію к добиванію себѣ средств к жизни, в лучших условіях, чѣм их менѣе многочисленные предки.

Разногласіе между экономистами по вопросу о научном значеніи теорії Мальтус нисколько не уменьшается, как это показали недавніе споры в нѣмецкой литературѣ, вызванные книгой Оппенгеймера " Das Bevölkerungsgesetz von T.R. Malthus und der neuren Nationalökonomie "(I900) Оппенгеймер выступил рѣзким противником Мальтуса, утверждая, что населеніе не только не имѣет тенденціи расти быстрѣе средств существованія, но, наоборот, этипосл днія имѣют тендеецію расти быстрѣе населенія, что увеличеніе численности населенія ведет к еще болѣе быстрому росту общественнаго богатства, и что причины бѣдности не могут заключатьоя в чрезмѣрном ростѣ населенія. Оппенгеймеру многіе возражали, в том числѣ Ю. Вольф и Дицель.

Правильной оцѣнкѣ Мальтуса очень мѣшает то, что в полемикѣ о его взглядах постоянно смѣшивают два его совершенно различных ученія-о народонаселеніи и о бѣдности. Оппенгеймер, возражая Мальтусу, имѣет в виду

почти исключительно его ученіе о бѣдности. Основные тезисы Оппенгеймера были бы вѣрни. если бы были выражены в менѣе общей формѣ. За истекшее столѣтіе в передовых капиталистических странах рост населенія несомнѣнно отставал от роста средств существованія; но из этого не слѣдует, что так всегда будет и впредь, и что при всяком увеличеніи населенія слѣдует ожидать еще болѣе быстраго роста общественнаго богатства. Но зато слѣдует безусловно согласиться с Оппенгеймером, что бѣдность, наблюдающаяся в капиталистических странах, не есть слѣдствіе перенаселенія.

Что же касается теорії населенія Мальтуса, то новѣйшія данныя не опровергли ея, а лишь внесли в нее извѣстныя дополненія. Оказалось, что не предвидѣл Мальтус, что не только бѣдность, но также и богатство может создавать препятствія к размноженію населенія. Но это новое препятствіе- предупредительныя мѣря против зачатія- должно быть отнесено к категоріи предупредительных препятствій, значеніе которых Мальтус вполнѣ понимал.

Г Л А В А VII.
РАЗВИТІЕ НАРОДНАГО ХОЗЯЙСТВА.

I. **З а к о н ы о б щ е с т в е н н а г о р а з в и т і я в о о б щ е .** Народное хозяйство как и всѣ прочія спеціальныя образованія, находится в процессѣ историческаго развитія. Не должно ли быть верховной цѣлью экономической науки открытіе законов развитія народнаго хозяйства?

Не подлежит сомнѣнію, что общественныя явленія, а слѣдовательно и развитіе их в той же мѣрѣ подчиняются причино-функціональным законам природы, как и остальныя явленія внутренняго міра. Никакого различія в этом отношеніи между общественной жизнью и другими областями бытія не существует. Политическая экономія стремится установить причинные законы общественно-экономических явленій. Открываемые ею законы суть, вмѣстѣ с тѣм, исторические законы в том смыслѣ, что в экономических законах выражаются единообразія реальных экономических явленій, совершающихся в опредѣленной исторической средѣ. Законы эти, по самой своей гносеологической природѣ, всегда имѣют не категорическую, а условную форму- как и вообще всѣ причинные законы точных наук. Их общая формула такова: " при наличности таких то и таких то условій, наблюдаются такія и такія то явленія."

Но под законами общественнаго развитія можно понимать и нѣчто совершенно иное- законы не в условной, а в категорической формѣ. Условное предвидѣніе не есть полное предвидѣніе. Идея полнаго научнаго предвидѣнія прекрасно выражена Лапласом в его знаменитых словах: "Разум, который для нѣкотораго даннаго мгновенія знал бы всѣ дѣйствующія в природѣ силы и взаимное расположеніе всѣх составляющих ее тѣл, если бы при этом он был достаточно мощным, чтобы подвергнуть эти данныя вычисленію, охватил бы в одной формулѣ движенія величайших свѣтил небесных и движенія мельчайших атомов: ничто не было бы для него недостовѣрным; будущее, как и прошедшее были бы открыты его взору."

Для такого не условнаго, а полнаго предвидѣнія будущаго требовалось бы знаніе двоякаго рода- всѣх причинно-функціональных законов и, кромѣ того, всѣх дѣйствующих в природѣ реальных сил и тѣл в их взаимном расположеніи. Нечего и говорить, что иервое и второе совершенно недостижимо для наших познавательных способностей. Таким образом, нам приходится, повидимому, отказаться от безусловнаго предвидѣнія будущаго.

Этот недостаток до нѣкоторой степени восполняется особой группой научных законов, которые можно назвать э в о л ю ц і о н н ы м и законами. Образцом таких эволюціонных законов могут служить законы развитія организмов. В біологической наукѣ такіе законы играют очень важную роль, и установленіе их является дѣлом особой науки-эмбріологіи. Законы эти не сводимы к причинно-функціональным законам-не потому, чтобы развитіе организмов было независимо от послѣдняго рода законов, а вслѣдствіе несовершенства нашего знанія: мы не можем объяснить, исходя из причинно-функціональных законов жизнедѣятельности клѣтки, почему одна клѣтка превращается в человѣка, а другая в насѣкомое, но мы прекрасно знаем неизмѣнные и почторяющіеся в том же видѣ милліоны раз послѣдовательные фазисы развитія, которые проходит в своем развитіи каждый от-

дѣльный человѣкъ или каждое насѣкомое. Эволюціонные законы имѣютъ грубо эмпирическій характеръ, но тѣмъ не менѣе они представляютъ собой чрезвычайно цѣнное знаніе, такъ какъ они даютъ намъ возможность предвидѣнія будущаго въ категорической формѣ съ однимъ, правда, весьма существеннымъ ограниченіемъ: такія-то явленія въ развитіи организма будутъ, черезъ извѣстное время, имѣть мѣсто, если только само развитіе не прекратится. Насколько важно на практикѣ знаніе этихъ законовъ развитія, видно уже изъ того, что, напр., воспитаніе дѣтей не имѣло бы смысла, если бы мы не знали, что ребенокъ превратится черезъ извѣстное число лѣтъ во взрослаго человѣка и т.д. и т.д.. А вѣдь превращеніе ребенка во взрослаго человѣка есть законъ развитія послѣдняго.

Послѣдовательность различныхъ формъ, переживаемыхъ организмомъ въ своемъ развитіи, можетъ быть названа закономъ (хотя и эмпирическимъ) потому, что и теперь всѣ организмы того же вида переживаютъ ту же самую послѣдовательность.

Эти эволюціонные законы, при всемъ ихъ огромномъ значеніи, не могутъ быть, очевидно, противопоставляемы причинно-функціональнымъ законамъ, такъ какъ въ концѣ концовъ, они разложимы, по нашему представленію, на законы этого послѣдняго рода; и если фактически такое разложеніе практически неосуществимо, но только благодаря несовершенству нашего знанія. Ни одинъ біологъ не сомнѣвается, что развитіе организма, какъ и всѣ другія явленія природы управляются причинными законами. Но по несовершенству своего знанія біологъ не можетъ свести развитіе организма къ причинно-функціональнымъ законамъ", и вотъ почему онъ довольствуется формулированіемъ эволюціонныхъ законовъ, иными словами, не довѣдитъ объясненія явленій развитія до естественнаго логическаго завершенія.

Какъ бы то ни было въ біологіи нашего времени эволюціонные законы играютъ очень важную роль. Этимъ объясняется, что и въ общественной жизни стали искать эволюціонныхъ законовъ, аналогичныхъ законамъ развитія организмовъ. И противъ этого сближенія жизни общества съ жизнью организма ничего нельзя было бы возразить, если бы мы имѣли научное право разсматривать человѣческое общество, какъ организмъ.

Вопросъ о томъ, есть ли человѣческое общество организмъ, имѣетъ огромную литературу. Какъ извѣстно существуетъ цѣлая соціологическая школа, исходящая изъ принципіальнаго отождествленія общества съ организмомъ. И этой школѣ принадлежатъ такъ е видные представители научной мысли новаго времени, какъ Горберт, Спенсер, Шеффле, Лиліенфельдтъ и др.

И дѣйствительно, не подлежитъ сомнѣнію, что во многихъ случаяхъ между отдѣльной біологической особью и аггрегатомъ особей принципіальнаго различія установить нельзя. Многіе низшіе организмы образуютъ, напримѣръ, колоніи, которые несомнѣнно являются организмами высшаго порядка: колоніи медуз и полиповъ есть такое же связное и дифференцированное цѣлое, какъ и отдѣльная медуза или полипъ. Дерево ботаники признаетъ колоніей отдѣльныхъ біологическихъ особей, но совершенно ясно, что мы съ такимъ же правомъ можемъ говорить о деревѣ, какъ о единомъ организмѣ, какъ и о любомъ другомъ растительномъ организмѣ.

Но этого мало. Не только органическія колоніи принципіально должны разсматриваться какъ организмы, подобно составляющимъ эти колоніи отдѣльнымъ особямъ, но и дискретныя, не связанныя между собой физическія общества животныхъ во многихъ случаяхъ могутъ быть съ полнымъ основаніемъ приравниваемы къ организмамъ. Возьмемъ, напр., колонію пчелъ и муравьевъ. Передъ нами группа отдѣльныхъ, физически не связанныхъ между собой особей, каждая изъ которыхъ можетъ существовать только какъ членъ цѣлаго. Отдѣльныя особи такъ дифференцированы, что могутъ исполнять лишь опредѣленныя функціи цѣлаго, но сами по себѣ не способны къ самостоятельному существованію. Отдѣльныя особи колоніи являются, слѣдовательно, органами колоніи, ибо всѣхъ ихъ жизнедѣятельность подчинена интересамъ цѣлаго. Общество господствуетъ и управляетъ жизнедѣятельностью отдѣльныхъ особей, которыя самостоятельныхъ цѣлей не имѣютъ, но служатъ общему всѣми своими силами. В такихъ животныхъ обществахъ мы наблюдаемъ самую характерную черту всякаго организма- полное подчиненіе частей цѣлому, именно в силу этого и образующее нѣкоторое единство.

Возьмемъ человѣческое общество. Тутъ мы видимъ совершенно иную картину. Правда и в человѣческомъ обществѣ мы нерѣдко наблюдаемъ глубокую дифференціацію отдѣльныхъ особей и всегда замѣчаемъ тѣсную зависимость ихъ отъ цѣлаго. Но благодаря тому, что каждая составная часть человѣческаго общества- человѣческая личность- обладаетъ разумомъ и волей, она никогда не играетъ роли простого органа цѣлаго. Человѣческая личность, въ силу своихъ основныхъ свойствъ, является самоцѣлью и стремится подчинить своимъ цѣлямъ и интересамъ цѣлое. Центромъ жизни человѣческаго общества является отдѣльная личность, въ интересахъ которой существуетъ весь общественный союзъ, въ то время какъ в обществахъ муравьевъ или пчелъ мы видимъ обратное- не цѣлое подчиняется интересамъ особи, а особь дѣйствуетъ в интересахъ цѣлаго, поглощается этимъ послѣднимъ.

Итакъ, человѣческое общество противоположно организму в самомъ важномъ- в то время какъ в организмѣ интересы цѣлаго являются рѣшающими, а интересы частей не имѣютъ самостоятельнаго значенія, в человѣческомъ обществѣ интересы составныхъ частей- особей- являются рѣшающими, а интересы цѣлаго не имѣютъ самостоятельнаго значенія. Объясняется это очень просто: человѣкъ обладаетъ столь развитой нервной системой, что никакъ не можетъ превратиться в простой органъ какого то высшаго единства, но самъ по себѣ образуетъ это высшее единство и самъ является верховной цѣлью.

Значитъ, человѣческое общество не организмъ, и всякая теорія, сближающая человѣческое общество с организмомъ, должна быть признана ненаучной.

Многіе историки и соціологи искали и ищутъ законовъ историческаго развитія, обязательныхъ для всѣхъ народовъ. Такъ, напр., одной изъ излюбленныхъ историческихъ идей является представленіе о томъ, что всѣ народы одинаково проходятъ фазисы юности, зрѣлаго состоянія и старости, которые якобы характеризуются для всѣхъ народовъ, в большей или меньшей степени, сходными чертами. Большой частью такія законы облекаются в троичественную форму- соотвѣтственно тремъ моментамъ времени- прошедшему, настоящему и будущему. Такъ, напр., Контъ усматривалъ неизмѣнный историческій законъ в послѣдовательной смѣнѣ трехъ различныхъ фазисовъ развитія нашего познанія-теологическаго, метафизическаго и позитивнаго.

По мнѣнію Конта, развитіе нашего познанія является основой всего общественнаго развитія. В теологическомъ фазисѣ человѣкъ видитъ причину измѣненій окружающаго его міра в волѣ сверхъестественныхъ существъ, управляющихъ міромъ. Затѣмъ слѣдуетъ метафизическій фазисъ, когда человѣкъ вмѣсто объясненія естественныхъ явленій олицетворяетъ отвлеченныя понятія, усматриваетъ в нихъ " сущности" вещей и видитъ в нихъ искомое объясненіе- напр., усматриваетъ объясненіе поднятія воды в насосѣ в извѣстномъ: "природа боится пустоты" и т.д. В позитивномъ фазисѣ наука вытѣсняетъ метафизику- человѣкъ отказывается отъ поисковъ таинственныхъ сущностей и довольствуется установленіемъ единообразій послѣдовательности и сосуществованія явленій. Этимъ различнымъ состояніемъ нашего познанія соотвѣтствуютъ и различія общественнаго строя, который в каждомъ фазисѣ имѣетъ свой особый характеръ.

Такія попытки открыть законы развитія общества были особенно часты в прежнее время, когда историки подъ вліяніемъ успѣховъ естественныхъ наукъ стремились создать изъ исторіи нѣчто подобное естествознанію. Теперь положеніе измѣнилось, в особенности со времени появленія методологическихъ работъ Риккерта и его школы. Однако и в школѣ Риккерта отнюдь не удалось рѣшить занимающаго насъ теперь вопроса.

Правда, Риккертъ отрицаетъ наличность в исторіи эволюціонныхъ законовъ, но лишь на томъ основаніи, что наука исторіи изучаетъ только индивидуальное, в области котораго не существуетъ никакихъ повтореній. Общая же наука об обществѣ, соціологія, имѣетъ по Риккерту, такое же законное право искать законнаго развитія, какъ и любая естественная наука. С этимъ никакъ нельзя согласиться.

Невѣроятно, чтобы в какой бы то ни было области общественной жизни можно было установить единый, неизмѣнный и обязательный для всѣхъ народовъ законъ историческаго развитія. Во всякомъ случаѣ до сихъ поръ всѣ попытки устанавливать подобные законы были безуспѣшны.

Мы видѣли, что типичной областью эволюціонныхъ законовъ является исторія развитія организмовъ. Сущность этихъ законовъ сводится к тому, что каждый организмъ опредѣленнаго вида неизмѣнно проходитъ одинъ и тотъ же циклъ измѣненій или превращеній, типичныхъ для даннаго вида. Легко понять, что это постоянство направленія развитія находится в непосредственной свя-

зи с неспособностью организма неограниченно измѣняться в своей внутренней структурѣ в соотвѣтствіи с измѣненіем внѣшней среды. Всякій организм может существовать только в строго опредѣленных условіях внѣшней среды. Если же внѣшняя среда существенно измѣняется, то организм погибает. Если бы это было не так, если бы организм мог неограниченно приспособляться к измѣненіям внѣшней среды, то устойчивости фазисов развитія не было бы и развитіе организма не представляло бы всегда однѣх и тѣ же повторяющихся черт. Так, напр., яйцо курицы, помѣщенное в воду, не превратится в водное животное, но погибнет. Но если бы яйцо курицы могло развиваться также и в водѣ, то оно должно было подвергнуться совершенно иным превращеніям и дать в результатѣ совершенно иное животное, чѣм развиваясь в обычных условіях. Значит, лишь потому, что мы наблюдаем в развитіи куринаго яйца неизмѣнную типичную послѣдовательность опредѣленных фазисов, что яйцо это может жить вообще только в опредѣленной внѣшней средѣ, а во всякой иной средѣ совсѣм не развивается и погибает. Если же бы мы предположили, что организм может существовать и развиваться при всяких измѣненіях внѣшней среды, то никакой устойчивости и неизмѣнной послѣдовательности одних и тѣх же фазисов развитія не могло бы быть, а, значит, в развитіи организмов того же вида мы не видѣли бы повторяемости, и о законах развитія организмов не могло бы быть и рѣчи.

Итак, повторяемость одних и тѣх же фазисов развитія в жизни организмов непосредственно связана с недостаточной приспособляемостью организмов к измѣненіям внѣшней среды. Этот недостаток приспособляемости организмов к условіям их жизни ярко выражается для всѣх высших организмов в том, что всѣ они старѣют и умирают. Неизбѣжная смерть, предстоящая всякому высшему организму, подчеркивает невозможность для этих организмов длительно приспособляться в внѣшним условіям их жизни.

Теперь, спрашивается, аналогично ли человѣческое общество в этом отношеніи организму или нѣт. Иными словами, может ли человѣческое общество существовать только в строго опредѣленных условіях внѣшней среды, или же при измѣненіи внѣшней среды соотвѣтственно измѣняется и внутренняя структура человѣческаго общества, так, что общество продолжает жить в новых и новых формах.

Чтобы дать правильный отвѣт на поставленный вопрос, нужно строго отдѣлить вопрос об условіях жизни общества от совершенно иного вопроса об условіяхѣ жизни отдѣльнаго человѣка, как организма. Конечно, для жизни общества необходимо, прежде всего, чтобы жили составляющіе его люди. Если внѣшнія условія жизни настолько измѣняются, что погибают составляющіе общество отдѣльные люди, то прекращает свое существованіе и общество. Но в этом случаѣ гибель общества есть слѣдствіе гибели отдѣльных людей- благодаря неприспособленности их организма к новым условіям существованія, а отнюдь не благодаря неприспособленности общественных форм жизни к этим новым условіям. Что же касается самих этих общественных форм жизни человѣчества, то их можно считать настолько измѣнчивыми и многообразными, что никаких опредѣленных границ для их измѣнчивости указать нельзя.

Если только условія внѣшней среды таковы, что люди, как біологическіе организмы, могут существовать, то, как бы ни измѣнялись условія этой среды, общественныя формы жизни будут приспособляться к этим условіям. Тѣ же самые люди могут жить в самых различных общественных условіях. Общественныя формы жизни в высшей степени пластичны, представляя в этом отношеніи разительный контраст с неподвижными формами организма. И это видно уже из того, что в противоположность сложным организмам, общество не старѣет и не умирает. Развитіе его может двигаться в самых противоположных направленіях, примѣры чего в изобилии представляетвсемірная исторія. Так, напр., послѣ крушенія Римской Имперіи западно-европейское общество несомнѣнно пережило обратную метаморфозу- цивилизація падает, и общество спускается на значительно низшую ступень своего развитія. Это выражается в цѣлом рядѣ несомнѣнных признаков и, наконец, через нѣсколько столѣтій этого процесса, римское общество спускается так низко, что существенно не отличается от варварских народов, только начинающих свое развитіе. Как настаивают многіе историки, в средніе вѣка исторія Западной Европы возобновляется, так сказать, заново: Европа вернулась к своему младенческому состоянію, и послѣ этого прогрессивное развитіе возобновляется. Возможно ли нѣчто подобное для организма? Может ли организм из зрѣлаго состоянія вернуться к младенчеству и затѣм снять возобновить свое развитіе?

Эта чрезвычайная пластичность общественных форм жизни, приспособляемость их к условіям естественной и соціальной среды, и дѣлают невозможною повторяемость одних и тѣх же фазисов развитія в исторіи различных человѣческих обществ. Человѣчество слагается из множества различных обществ и народов, находящихся на самых различных ступенях своего развитія. Всемірная исторія есть однажды бывшій, неповторяющійся процесс, приводящій к тому, что физическія и соціальныя условія существованія человѣчества на каждой ступени всемірной исторіи, в каждую историческую эпоху существенно измѣняются. Отсталые и малокультурные народы, существующіе в наше время, находятся в существенно иных условіях для своего развитія, чѣм народы на той же ступени развитія, жившіе в болѣе ранніе историческія эпохи. Можно ли при этих условіях ожидать, что малокультурные народы нашего времени будут повторять тот же цикл развитія, что и народы, раньше выступавшіе на историческую арену? Очевидно нѣт, ибо различіе условій естественной и соціальной среды, при пластичности общественых форм жизни, не может не вызвать и измѣненія самого направленія развитія.

В виду этого, нѣт рѣшительно никаких основаній предполагать, что общественное развитіе подчиняется каким бы то ни было неизмѣнным эволюціонным законам, подобным тѣм законам, которые наблюдаются в развитіи отдѣльных біологических особей. Конечно, это не значит, что общественное развитіе вообще лишено какой бы то ни было закономѣрности. Жизнь общества во всѣх своих обнаруженіях также строго подчиняется законам, как и всѣ прочія явленія природы, но эти законы суть причинные законы природы, на которые разлагаются и эволюціонные законы біологіи. Отвергая наличность эволюціонных законов в исторіи общества, мы ни малѣйшим образом не подвергаем сомнѣнію закономѣрность общественной жизни, а лишь доказываем непригодность для исторіи человѣческаго общества тѣх эмпирических обобщеній повторяемости одних и тѣх же фазисов развитія, которые играют столь видную роль в біологической наукѣ, изучающей жизнедѣятельность отдѣльных организмов. И это развилie развитія общества отдѣльных организмов нисколькe не удивительно, ибо человѣческие общество не организм и, слѣдовательно, нѣт никаких основаній предполагать, что всѣ обобщенія, которыя правильны по отношенію к организмам, правильны и по отношенію к человѣческому обществу.

Итак, резюмируя сказанное, мы должны признать, что человѣческое общество представляет собой аггрегат в высшей степени пластичный, легко приспособляющійся к внѣшним условіям своего существованія путем соотвѣтствующих внутренних перемѣн своего строя. В противоположность опредѣленным, как бы застывшим формам недѣлимаго, представляющим собой нѣчто неизмѣнно данное самой природой недѣлимаго, формы человѣческаго общества крайне текучи, измѣнчивы и могут складываться в самыя различныя сочетанія, в зависимости от условій среды. При такой природѣ человѣческаго общества всякое измѣненіе внѣшней среды должно вызывать глубокія измѣненія внутренняго строя общества. А историческая среда непрерывно измѣнятся под вліяніем неповторяющагося хода всемірной исторіи.

При этом нужно имѣть в виду также и слѣдующее соображеніе. Развитіе человѣческаго общества лишь отчасти имѣет стихійный безсознательный характер, отчасти же им управляет сознательная воля человѣка. Поскольку имѣет мѣсто послѣднее, постольку рост человѣческаго знанія составляет, сам по себѣ, существенное измѣненіе условій, в которых приходится жить и развиваться различным народам в разныя историческія эпохи. Опыт прошлаго может служить для избѣжанія прежних ошибок.

Так, напр., если бы и было вѣрно, что исторически теологическое мышленіе сначала уступило мѣсто метафизическому (в смыслѣ Конта), и лишь впослѣдствіи наше мышленіе приняло научный характер, из этого вовсе не слѣдует, что и в будущем всякій народ, находящійся на ранней ступени развитія неизбѣжно должен бы был раньше, чѣм достигнуть научнаго фазиса, проходить фазис метафизическаго мышленія. Наука может быть усвоена умом и не прошедшим метафизическаго фазиса.

Однако, понятію закона развитія может быть придан и иной смысл, чѣм тот, из котораго мы исходили в предыдущем изложеніи. А именно, можно понимать под законом развитія отнюдь не повторяемость в различных комплексах явленій однѣх и тѣх же послѣдовательных перемѣн; и при отсутствіи какой бы то ни было повторяемости можно говорить о законѣ развитія, если данный (хотя бы единичный и не повторяющійся комплекс явленій) измѣняется всегда в одном и том же опредѣленном неизмѣнном направленіи. Типом таких измѣненій является ряд чисел, измѣняющихся по опредѣленному закону, напримѣр, геометрическая прогрессія: 1, 2, 4, 8, 16 и т.д. Если явленіе измѣняется по закону такой прогрессіи, то мы можем предвидѣть, какой вид будет имѣть данное явленіе на каждой ступени своего развитія, и, значит, найденная закономѣрность таких измѣненій вполнѣ может быть названа законом развитія этого явленія.

Законом рность подобнаго рода логически, конечно, вполнѣ мыслима, и иные думают, что именно этот логическій тип имѣют т законы развитія, к открытію которых должна стремиться общественная наука. Однако, и в этом втором смыслѣ нельзя согласиться с защитниками идеи законов общественнаго развитія.

Прежде всего слѣдует указать, что в то время, как законы развитія в первом смыслѣ (законы повторяемости у различных представителей того же біологическаго вида тѣх же фазисов развитія) представляют собой оч. важное реальное орудіе научнаго познанія (в такой наукѣ, как біологія) самая возможность законов развитія конкретных комплексов явленій в эт. втором смыслѣ еще трѣбует доказательства. Мы не знаем пока ни в одной области естествознанія установленных законов этого рода. Правда, закон міровой эволюціи Спенсера имѣет этот логическій характер: эволюція как всего міросозданія, так и всякой его части, выражается, по теоріи Спенсера, в ростѣ дифференціаціи и интеграціи матеріи и силы. Но вѣдь теорія Спенсера отнюдь не может считаться научно доказанной и относится к области общей философіи; ни в одной из частных естественных наук ничего подобнаго эволюціонным законам этого типа мы не видим. Менделѣевская система періодичности химических элементов также не может считаться эволюціонным законом даннаго типа, ибо зависимость физических и химических свойств элементов от их атомнаго вѣса не имѣет общаго характера и отнюдь не может претендовать на какую бы то ни было степень математической точности: число элементов в различных группах, установленных Менделѣевым, различно, и, значит, сторой періодичности в данном случаѣ нѣт.

Но даже если бы в области физических химических или біологических явленій и могли быть установлены эволюціонные законы этого типа (что весьма сомнительно), то из этого еще отнюдь не слѣдует, что такіе же законы могут быть найдены и в общественном развитіи. Напротив, тѣ соображенія, которыя были приведены выше для доказательства невѣроятности, чтобы общественное развитіе различных народов проходило одни и тѣ же фазисы развитія, вполнѣ примѣнимы и по отношенію к законам этой второй категоріи. Общественные аггрегаты настолько пластичны и обладают такой способностью приспособленія к измѣненіям естественной и соціальной среды, в которой происходит их развитіе, что нельзя допустить, чтобы послѣдовательныя измѣненія таких аггрегатов шли в одном и том же направленіи на подобіе числового ряда 1, 2, 4, 8 и т.д. Ибо для возможности подобнаго ряда требовалось бы, чтобы общественный аггрегат измѣнялся под вліяніем своих внутренних сил независимо от измѣненій естественной и соціальной среды, которая не измѣняется в опредѣленном направленіи, но на каждой ступени своего развитія представляет совершенно новую комбинацію естественных и соціальных сил. Вѣдь, міровая исторія есть однажды бывшій, неповторяющійся процесс. Каким же образом при наличности этих глубоких перемѣн условій внѣшней и соціальной среды, развитіе того или иного общественнаго аггрегата может сохранять одно и то же направленіе, может представлять собой послѣдовательное нарастаніе одного и того же признака?

Итак, какой бы смысл мы ни придавали понятію эволюціоннаго закона, ясно, что общественное развитіе таким законам не подчинено.

Такова была точка зрѣнія и Маркса, как это ясно видно из его извѣстнаго письма к Михайловскому. В этом письмѣ Маркс упрекал Михайловскаго

в непониманіи его исторической теоріи (таким непониманіем, кстати сказать, грѣшат и очень немногіе марксисты): "Ему (Михайловскому), -писал Маркс, -непремѣнно надо преобразовать мой очерк происхожденія капитализма в Западной Европѣ в историкофилософскую теорію общаго хода развитія, в теорію, которой фатально должны подчиняться все народы, каковы бы ни были историческія условія, в которых они находятся, чтобы в концѣ концов придти к такому экономическому строю, который обезпечивает наибольшую свободу проявленія производительных способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. Но прошу унего извиненія. Это значит- дѣлать мнѣ много чести и в то же время много безчестія". И Маркс поясняет, что с его точки зрѣнія, капитализм вовсе не является неизбѣжной стадіей развитія каждаго народа. Так, напр., в древнем Римѣ, несмотря на пролетаризацію крестьянских масс, получил развитіе не капиталистическій, а основанный на рабском трудѣ способ производства. Точно также и для Россіи Маркс допускал в 70-х годах прошлаго вѣка возможность, при извѣстных условіях, избѣжать капиталистическаго фазиса развитія. Но, вмѣстѣ с тѣм, Маркс заявляет в предисловіи к I-му тому "Капитала", что его цѣлью является "открытіе экономическаго закона движенія современнаго общества." Первое утвержденіе может показаться противорѣчивым второму. На самом же дѣлѣ противорѣчія у Маркса в данном случаѣ, быть может, и нѣт. Общеобязательнаго для всѣх народов и всѣх времен закона историческаго развитія не существует, так как исторические условія развитія мѣняются вмѣстѣ с тѣм и мѣняется и направленіе развитія. Но народы, живущіе в сходных условіях соціально-экономической средѣ, должны и развиваться сходным образом. Современное общество, о котором говорит Маркс, есть общество, живущее в условіях капиталистическаго производства. Сходство этих условій приводит и къ сходству фазисов развитія. В этом смыслѣ Маркс мог отрицать наличность в исторіи всеобщаго закона развитія и в то же время признавать, что движеніе опредѣленной общественно-экономической системы- капиталистическаго хозяйства- подчиняется своим неизмѣнным законам развитія. Другой вопрос, может ли быть принято это послѣднее утвержденіе Маркса? С моей точки зрѣнія, и по отношенію к опредѣленной системѣ общественнаго хозяйства правильнѣе говорить не о законах, а о тенденціях развитія, которыя могут и не осуществляться при отсутствіи соотвѣтствующих условій.

Если вдуматься в так.называемые законы развитія капиталистическаго хозяйства, к установленію которых стремился Маркс, то легко увидѣть, что в сущности, всѣ эти законы являются не эволюціонными законами типа біологических законов развитія, а законами совершенно иного логическаго порядка- причинными законами народнаго хозяйства. Возьмем, напр., самый важный из этих законов развитія—тенденцію капитала к аккумуляціи и централизаціи. Маркс устанавливает эту тенденцію отнюдь не путем эмпирическаго обобщенія реальных фактов (как устанавливаются біологическіе эволюціонные законы), а выводит ее из причинных законов экономических сил, дѣйствующих в капиталистической системѣ хозяйства. Крупный капитал экономически сильнѣе мелкаго и, при наличности конкуренціи между ними, крупныя капиталистическія предпріятія должны поглощать и вытѣснять мелкія. Эта тенденція развитія капиталистическаго хозяйства находит себѣ вполнѣ удовлетворительное причинное объясненіе; то же нужно сказать и о других тенденціях капиталистическаго развитія, устанавливаемых Марксом, поскольку онѣ вообще могут считаться объективно обоснованными.

Итак, можно признавать возможность установленія для той или иной хозяйственной системы (в данном случаѣ капиталистической) опредѣленных тенденій развитія; но эти тенденціи должны быть обоснованы причинными законами. Онѣ дѣйствительны поскольку, поскольку дѣйствительны условія, из предположенія которых исходит данное причинное объясненіе.

Так, напр., тенденція капитала к аккумуляціи и централизаціи дѣйствительнаго по отношенію не ко всѣм видам капитала. В сельском хозяйствѣ тенденція эта совершенно не имѣет мѣста и замѣняется противоположной тенденціей к вытѣсненію крупных предпріятій мелкими.

II. Схэмы хозяйственнаго развитуя. Самая старая из попыток установленія закона хозяйственнаго развитія восхо-

дит еще к XVII вѣку (а в зачатках своих к еще болѣе раннему времени). Несмотря на свой столь почтенный возраст она до сих пор еще не находит сторонников и защитников. Эта схема предполагает,что каждый народ обязательно проходит стадии: 1) охотничьяго, 2) пастушескаго, 3)земледѣльческаго и 4) промышленнаго хозяйства. Наиболѣе научную форму придал этой схемѣ германскій экономистъ Люст,вложивший в нее нѣсколько новое содержаніе.

Однако,несмотря на распространенность этой схемя,научное значеніе ея крайне ограничено. Прежде всего бросается в глаза,что она дѣлит историческія эпохи лишь по роду добываемых продуктов ,а не по тому,как, в каких общественных формах добываются эти продукты. Кромѣ того она построена вполнѣ апріорно и,не будучи результатом фактическаго изслѣдованія не соотвѣтствует фактам. Апріорное разсужденіе было таково: земледѣліе совершается при помощи плуга, для котораго нужен рабочій скот- что предполагает предварительное приручение скота; слѣдовательно земледѣлію предшествовало скотоводство. А послѣднее вполнѣ естественно должно предполагать существованіе болѣе ранняго охотничьяго периода. Но это апріорное построеніе не знало,что первобытное земледѣліе обходилось без помощи рабочаго скота,- обработка земли производилась мотыгой,ручным трудом. Поэтому пастушескій період отнюдь не должен был неизбѣжно предшествовать земледѣлію. В нѣкоторых же странахъ (напр. в в Полинезіи) скотоводство было фактически невозможным в силу естественных условій. Но новѣйшим изслѣдованіям оказывается,что у многих народов земледѣліе (в формѣ ручной обработки земли) предшествовало пастушескому періоду. Это вполнѣ понятно,потому что гораздо легче культивировать растенія,чѣм животных. Поэтому земледѣліе являлось областью женскаго труда, а болѣе трудное занятіе-охота- предоставлялось мужчинам. Многіе охотничьи народы в то же время были и земледѣльческими,напр., индѣйскія племена С.в.Америки и многіе народы Африки. В такой формѣ земледѣліе существовало много тысячелѣтій.

Скотоводство возникло первоначально из таких потребностей,которыя нам кажутся совершенно пустыми и ничтожными. Хижины многих дикарей представляют собой настоящій звѣринец. Сам владѣлец затруднился бы сказать зачѣм он держит своих животных,так как пользы ему они никакой не приносят. Иногда они удовлетворяют его эстетическим потрѣбностям, иногда служат товарищем игр его дѣтей или его самого. Иногда животныя приручались по соображеніям религіознаго культа,а потом уже постепенно употреблялись для хозяйственных цѣлей (собака,бык,-явленія так наз. тотемизма). Наконец стремленіе к господству над себѣ подобными было, без сомнѣнія,весьма сильным побудительным мотивом к приручению животных; вожди многих диких народов придерживаются до настоящаго времени обычая держать при себѣ прирученных львов,леопардов,волков и другихъ опасных животных,-появленіе прирученнаго опаснаго хищника рядом с вождем должно было увеличивать обаяніе силы и власти вождя.

Появленіе скотоводства было огромным шагом вперед в области хозяйства. Скотоводство,как господствующая форма хозяйства,сравнительно рѣдкое явленіе в исторіи,потому что для него необходимы особыя,не часто встрѣчающіяся,естественныя условія- широкія степи (как напр.,в центральной Азіи и южной Африкѣ). Скотоводческіе народы предполагают существованіе земледѣльческих народов,с которыми они вступают в мѣновыя сношенія. Таким образом,не только нельзя сказать,что скотоводство неизмѣнно предшествует земледѣлію,а вѣрно скорѣе обратное- что земледѣліе(ручное) предшествует скотоводству. В результатѣ вся разсматриваемая схема хозяйственнаго развитія оказывается несостоятельной.

Другая схема хозяйственнаго развитія принадлежит германскому экономисту Бруно Гильдебранду. Он дѣлит хозяйственное развитіе на три фазиса: 1) натуральное, денежное и 3) кредитное хозяйство. При господствѣ натуральнаго хозяйства деньги не участвуют в обмѣнѣ,а продукты или совсѣм не обмѣниваются друг на друга непосредственно,без помощи денег; при господствѣ денежнаго хозяйства деньги становятся мѣновым посредником,возникает покупка и продажа; при господств кредитнаго хозяйства обмѣн происходит в кредит без посредства денег.

Эта схема гораздо содержательнѣе предыдущей,но и она не может быть признана вполнѣ удачной. Ея главная оригинальность в конструируемом ею

третьем фазисѣ хозяйства- фазисѣ кредитнаго хозяйства; но тут-то она и оказывается всего слабѣе. Кредитное хозяйство не может быть противопоставлено денежному,так как кредит основан на деньгах. Развитіе кредита не устраняет потребности в деньгах,а напротив- в общем увеличивает спрос на них,как показывают факты хозяйственнаго развитія передовых стран нашего времени. Кредитное хозяйство есть то же денежное хозяйство,только осложненное или видоизмѣненное.

Наибольшим успѣхом пользуется в настоящее время схема развитія народнаго хозяйства,изложенная Бюхером в его знаменитых очерках о возникновеніи народнаго хозяйства. Привлекая своей логической стройностью, она проливает много свѣта на реальные факты историческаго развитія. В основу своей схемы Бюхер кладет один опредѣленный признак-длину пути, который проходит продукт от производителя к потребителю. Сначала длина этого пути равняется нулю,-производитель потребляет сам свой продукт. Затѣм путь удлиняется. Продукт начинает переходить от производителя к потребителю,но,непосредственно,из рук в руки (обмѣн двух производителей). Это-стадія средневѣковаго,городского хозяйства. Затѣм наступает третій період: продукт переходит от производителя не непосредственно к потребителю,а к торговцу,и лишь послѣдній продает его потребителю. Продукт может пройти через руки нѣскольких торговцев,- он циркулирует,иногда проходит десятки рук прежде чѣм попасть к потребителю. Таким образом Бюхер дѣлить процесс хозяйственнаго развитія на 3 стадіи: 1) замкнутое хозяйство (производство для собственнаго потребленія); 2) городское хозяйство (производство мелких самостоятельных производителей друг для друга); 3) народное хозяйство (циркуляція продукта). Замкнутое хозяйство господствует в теченіе всей древней исторіи человѣчества. Каждая отдѣльная семья сама изготовляет при этой системѣ хозяйства всѣ нужные ей предметы потребленія. Но если бы семья древности походила на современную семью,состоящую из немногих лиц, родителей и дѣтей,в которой взрослых работников рѣдко насчитывается болѣе 2-х , 3-х,то она никоим образом не могла бы удовлетворить всѣм своим потребностям. Поэтому экономическая необходимость требует на этой ступени хозяйственнаго развитія большой семьи,состоящей не из одной только брачной пары,но из нѣскольких поколѣній,живущих вмѣстѣ и составляющих собой одно крупное хозяйственное цѣлое. Такая большая семья и господствует у первобытных народов.

По мѣрѣ роста потребностей возникает необходимость все в большемъ раздѣленіи труда внутри семьи. Но как бы ни было велико число ея членов,все же семья представляется производительной единицей,довольно ограниченной по своим размѣрам. Чтобы увеличить производительность труда,раздвинуть тѣсныя рамки семьи,представляется два способа: или 1)нѣсколько семей соединяются вмѣстѣ для удовлетворенія общих нужд общим трудом (напр.общими силами строят дом,судно,расчищают лѣс и т.п.) или 2) в семью вводятся посторонніе лица,в качествѣ несвободных членов - появляется рабство. Первый способ расширенія числа работающих встрѣчается и теперь у народов,не вышедших из періода замкнутаго хозяйства; так,,у русских мы встрѣчаем артель,у болгар чету- и т.п. Но не вездѣ и не всегда замкнутое хозяйство развивается в этом направленіи. В античном хозяйствѣ грековъ и римлян,как необходимый корректив замкнутаго хозяйства,явилось рабство. Оно было вызвано экономической необходимостью поднять производительность труда,как средство раздвинуть рамки замкнутаго хозяйства за предѣлы группы кровных родственников. Типом высоко развитаго рабскаго хозяйства может служить хозяйство римскаго патриція,располагающаго цѣлыми сотнями рабов.

Но мало по мало на смѣну періода замкнутаго хозяйства,как непосредственный результат его развитія,явился період городского хозяйства.- Средневѣковый город есть прежде всего укрѣпленное мѣсто,куда,в случаѣ опасности,могли укрыться сосѣдніе деревенскіе жители. Для защиты города требовались люди; оторванные от полей,но располагая своими трудовыми силами,горожане естественно должны были обратиться к промышленному труду-они изготовляли разнаго рода издѣлія,которыя обмѣнивали на сырье и съестные припасы,производимые в деревнѣ. Если мы взглянем на карияну средневѣковой Германіи,то нашим глазам представится слѣдующая картина: Вся страна настолько густо усѣяна городами,что крестьянин са-

мой отдаленной деревни мог в один день достигнуть городского базара и в тот же день возвратиться домой. Каждый город с прилегавшими к нему деревнями составлял одно хозяйственное цѣлое, самостоятельно удовлетворявшее всѣм своим важнѣйшим потребностям. Торговля, хотя и существовала, но была развита очень мало. Она состояла, главным образом, из мелочной торговли предметами, нужными горожанам. Кромѣ того велась болѣе крупная торговля тѣми продуктами, которые не производились в данном районѣ, но эта торговля не играла большой роли в хозяйствѣ средневѣковаго города. Что касается до городского ремесленника, то он не нуждался в услугах торговца, чтобы сбывать свои продукты, - он непосредственно работал ил по заказам потребителя или на продажу тому же потребителю, с которым встрѣчался на базарѣ.

Распаденіе городского строя ведет в XУ и XУI вѣках к развитію народнаго хозяйства, характеризующагося тѣм, что продукт начинает циркулировать, переходит из рук в руки раньше, чѣм достигнуть потребителя. Между производителем и потребителем становится торговец, управляющій всѣм процессом обмѣна. Отдѣльные раіоны, а затѣм и цѣлыя страны, спеціализируются в производствѣ тѣх или иных товаров и между всѣми ими устанавливается тѣсная связь путем торговли. Таким образом развивается народное хозяйство, охватывающее своими петлями, мало по малу весь мір, образующій собой в настоящее время одно колоссальное хозяйственное цѣлое мірового хозяйства.

Успѣх системы Бюхера был вызван ея крупными достоинствами. Она-не апріорное построеніе, но обощеніе реальных исторических фактов, сгруппированных Бюхером с удивительным мастерством вокруг одной центральной идеи, долженствующей представлять собой, по мысли автора, аріаднину нить в запутанном лабиринтѣ исторіи.

Однако, несмотря на всѣ свои достоинства, схема эта отнюдь не может быть признана искомым всеобщим законом хозяйственнаго развитія. Прежде всего, она чрезвычайно упрощает историческую дѣйствительность, объединяя под одной рубрикой самые различные хозяйственные типы. Так, нап. в рубрику " замкнутаго хозяйства" Бюхер включает столь мало общаго имѣющія между собой хозяйственныя системы, как первобытный строй полукоммунистическаго хозяйства и рабское хозяйство Греціи и Рима. Крѣпостное хозяйство средних вѣков, входящее по схемѣ Бюхера, в ту же рубрику замкнутаго хозяйства, опять-таки существенно отличается от рабскаго хозяйства. Еще большим недостатком схемы является то, что дѣйствительное историческое развитіе хотя бы одной Западной Европы с трудом укладывается в нее. Так, хозяйственный строй Эллады, в ея цѣлом, не может быть охарактеризован, как замкнутое хозяйство. Древній мір совершилъ длинный цикл развитія, в котором было свое средневѣковье и свое новое время, своя эпоха подъема и своя эпоха паденія, характеризовавшіяся совершенно различными чертами. Хозяйствоя торговых республик Греціи покоилось на торговлѣ и, слѣдовательно, не было замкнутым хозяйством. Вообще, невѣрно представлять себѣ всемірную исторію, как прогрессивное развитіе, в котором каждый послѣдующій фазис стоит выше предыдущаго. В частности, древній мір, в эпоху своего высшаго подъема, стоял гораздо выше средневѣковья и обладал гораздо болѣе развитым обмѣном. Точно также и каритина средневѣковаго хозяйства значительно упрощена Бюхером.

Однако и основная мысль Бюхера, усматривающаго в удлиненіи путь от производителя к потребителю основной признак хозяйственнаго прогресса, возбуждает серьезныя сомнѣнія. Как совершенно вѣрно отмѣтил Зомбарт, новѣйшее хозяйственное развитіе характеризуется именно стремленіем к сокращенію этого пути. Подобно тому как в средневѣковом городѣ господствовала работа непосредственно на потребителя, с устраненіем торговца, так и в новѣйшем фазисѣ развитія капиталистическаго хозяйства наблюдается развитіе работы на заказ с устраненіем капиталистическаго посредника.

Продукты самаго крупнаго капиталистическаго производства-суда, желѣзнодорожныя принадлежности, крупныя машины и т.д.- выдѣлываются на заказ. Гигантскія ассоціаціи капитала, возникающія в послѣднее время-так назыв. картели и тресты капиталистов- стремятся сами изготовлять всѣ нужные для них продукты, присоединяя к основному производству цѣлый ряд вспомогательных (напр. американскій нефтяной трест выдѣлывает почти всѣ разнообразные предметы, нужные для добычи, переработки и перевозки нѣфти). Продукт в этом случаѣ не переходит из одного промышленнаго предпріятія в другое через посредство торговца, а производится с начала до конца в одном предпріятіи, которое, нерѣдко, непосредственно сбывает его и потребителю. Наряду с ассоціаціями капитала, к тѣм же цѣлям (и с тѣм же успѣхом) стремятся и ассоціаціи потребителей, так назыв. потребительныя общества. В результатѣ возникает тенденція к устраненію торговаго посредничества, характерная именно для наиболѣе быстро развивающихся капиталистических стран.

Наконец, - и это самое главное, - не нужно забывать, что схема Бюхера всего менѣе может претендовать на всемірное значеніе: она есть не что иное, как обобщеніе хозяйственной исторіи Западной Европы. Для этой схемы наиболѣе характерен средній член-городское хозяйство. Но городское хозяйство, в его типичном видѣ, существовало только в Западной Европѣ и больше нигдѣ. Не говоря уже о не-европейских странах, вся восточная Европа-Россія не знала ничего похожаго на городское хозяйство.

III. К л а с с и ф и к а ц і я хозяйственных с и с т е м. Итак, нужно отказаться от мысли дать общую схему хозяйственнаго развитія и ограничиться классификаціей различных хозяйственных систем. В основаніе нижеслѣдующей классификаціи положено взаимное отношеніе общественных групп, образующих части общественнаго цѣлаго. По этому признаку хозяйственныя системы нужно, прежде всего, подраздѣлить на двѣ обширныя группы: I) г а р м о н и ч е с к і я и 2) а н т а г о н и с т и ч е с к і я. В гармонических хозяйственных системах интересы единичных хозяйств не находятся в неизбѣжном противорѣчіи друг к другу; напротив такое противорѣчіе характерно для антагонистических систем.

Группа гармонических хозяйственных систем может быть, далѣе, подразделена на три слѣдующія:

I) п е р в о б ы т н о е хозяйство, еще почти не знающее частной собственности на средства производства и почти не знающее обмѣна;

2) т о в а р н о е хозяйство мелких самостоятельных производителей;

3) пока не существующее с о ц і а л и с т и ч е с к о е хозяйство, при котором средства производства будут принадлежать обширным группам производителей.

Группа антагонистических хозяйственных систем также слагается из 3 систем:

I) р а б с к а г о хозяйства, при котором рабочій является собственностью собственника средствъ производства;

2) К р ѣ п о с т н о г о, при котором собственник средств производства имѣет право на трудъ рабочаго;

3) к а п и т а л и с т а ч е с к а г о, при котором рабочій юридически свободен, но, будучи лишен средств производства, экономически вынужден работать в пользу собственника средств производства.

Для гармонических хозяйственных систем характерно, что непосредственные производители владѣют средствами производства. Частная собственность -продукт историческаго развитія, и у самых первобытных нардов только немногіе хозяйственные предметы принадлежат отдѣльным владѣльцам. Весь строй жизни п е р в о б ы т н а г о п л е м е н и, жившаго в условіях родового быта, характеризовался удивительной согласованностью интересов отдѣльных лицъ образовывавших племя. Обмѣна нѣт или почти нѣт, продукт потребляется в том же хозяйствѣ, гдѣ он произведен.

"Хотя при родовой организаціи, - говорит Энгельс, - было гораздо больше общественных дѣл, чѣм у нас теперь, так как домашнее хозяйство было общим и коммунистическим для цѣлаго ряда семейств, а земляла составляла собственность племени и только садики временно предоставлялись в распоряженіе отдѣльных хозяйств- тѣм не менѣе не чувствавалось ни малѣйшей нужды в чем нибудь подобном нашему мелочному и запутанному правительственному аппарату. Дѣла рѣшались заинтересованными лицами, и в большинствѣ случаев все уже было установлено многовѣковым порядком. Бѣдных и нуждающихся не могло существовать, - коммунистическое хозяйство и род хорошо знали свои обязанности по отношенію к старым, больным и пострадавшим на войнѣ. Всѣ были равным и свободны, в том числѣ и женщины. Рабам еще нѣт мѣста в этой организаціи." Если и признать эту характеристику хозяйственнаго строя первобытнаго племени сильно идеализированной, то, во всяком случаѣ, нельзя отрицать, что первобытное племя не распадалось на группы лиц с противоположными хозяйственными интересами, как общест-

во позднѣйшаго времени.

Второй гармонической системой хозяйства является хозяйство м е л к и х самостоятельных товаропроизводителей,как напр., средневѣковое городское хозяйство в цвѣтущую пору цехов.Задачей цеха в это время было обезпеченіе всѣм своим членам достаточнаго заработка потребителям-продуктов хорошаго качества по умѣренной цѣнѣ. Ученики и подмастерья не составлялі вначалѣ особаго общественнаго класса враждебнаго цеховым мастерам,ибо они сами становились по достиженіи извѣстнаго возраста мастерами.В цехово организаціи ремесла мы имѣем пред собой гармоническое хозяйство на основѣ мелкаго производства и владѣнія отдѣльными производителями средствами производства.При этой системѣ хозяйства обмѣн уже лежит в основѣ всего хозяйственнаго строя,но продукт не циркулирует,а непосредственно переходит от производителя к потребителю.

Наконец с о ц і а л и с т и ч е с к о е хозяйство,пока не существующее было бы такой гармонической системой хозяйства,при которой согласованность интересов отдѣльных общественных групп достигалась бы признаніем экономической равноправности всѣх членов общества,равным участіем в общественном трудѣ и равным правом пользованія плодами этого труда,на основѣ общественнаго владѣнія средствами производства.Обмѣна не существовало бы,так как продукт принадлежал бы не отдѣльным производителям,но всей общественной группѣ,по тѣм или иным основаніям распредѣляющей изготовленный продукт между своими членами.

Что касается хозяйственных систем другого типа-антагонистических-то онѣ характеризуются прямо-противоположными чертами.Всѣ онѣ основаны на неравенствѣ,подчиненіи однѣх общественных групп другим общественным группам.Каждая из них предполагает наличность социальнаго принужденія-возможность для одной общественной группы превратить другую общественную группу в простое орудіе хозяйства.Но так как эта послѣдняя группа,функціонирующая,как средство производства,остается для себя цѣлью,то на этой почвѣ возникает неизбѣжный антагонизм интересов обѣих групп.

Р а б с к о е хозяйство характеризуется тѣм,что рабочій является наряду со средствами производства,собственностью главы хозяйства.Возникает рабство лишь на извѣстной ступни развитія производительности труда,ибо,пока труд не мог производить никакого избытка сверх необходимаго для поддержанія жизни самого рабочаго,не могло быть и выгоды от порабощенія человѣка.Но,когда труд начинает давать такой избыток, является мотив к использованію в интересах одного человѣка рабочей силы другого,причем рабочая сила привлекается к производству путем непосредственнаго принужденія.Среди охотничьих народов рабство распространено очень мало.У рыболовных народов рабство встрѣчается чаще и еще чаще у пастушеских.Но болѣе всего рабство распространено среди земледѣльческих народов.Первоначальным источником пріобрѣтенія рабов была почти исключительно война.Первоначальными рабами были почти исключительно люди другого племени.

Рабство может существовать как в условіях натуральнаго(замкнутаго, по терминологіи Бюхера), так и мѣнового хозяйства; но все же наибольшаго своего развитія оно достигает в условіях натуральнаго хозяйства.

На первой ступени положеніе раба мало отличается от положенія младшаго члена семьи.Еще и теперь в Африкѣ рабы нерѣдко женятся на дочерях своих хозяев.Но с теченіем времени характер рабство мѣняется и рабство вступает во второй фазис.По мѣрѣ культурнаго возвышенія господствующаго класса,разстояніе между господином и рбом увеличивается пока,наконец,раб не деградируется до уровня домашняго животнаго,лишеннаго всяких человѣческих прав.В особенности ухудшается положеніе раба в том случаѣ,когда рабскій труда для хозяина становится источником наживы.При натуральном хозяйствѣ потребности господина легко могут достигнуть удовлетворенія и господин не имѣет сильных стимулов особенно угнетать работою своих рабов.Но если на основѣ рабскаго труда возникает производство для сбыта,то жажда наживы и обогащенія,никогда не достигающая удовлетворенія,может доводить до крайних предѣлов эксплоатацію рабскаго труда.В этом случаѣ рабы воспитываются и равзводятся,как

домашнія животныя,и с ними обращаются хуже,чѣм с домашними животными, так как животныя обладают меньшей приспособляемостью,чѣм человѣк.

В античном мірѣ особенно тяжело было положеніе рабов,занятых в рудниках и других промышленных препріятіях.Точно также крайняя эксплоатація рабскаго труда наблюдалась в плантаторском хозяйствѣ Америки,гдѣ среди высокой капиталистической культуры рабство упорно держалось в разных отраслях хозяйства,связанных с обработкой земли,благодаря,с одной стороны,примитивности техники такого хозяйства в условіях тропическаго климата,а,с другой,благодаря возможности доводить эксплоатацію рабскаго труда до предѣлов,немыслимых при употребленіи вольнонаемных рабочих.По этой причинѣ,несмотря на вообще низкую производительность рабскаго труда (только при особых условіях,как,напр., в патріціанском хозяйствѣ Рима,удавалось поднять технику рабскаго труда до сравнительно высокаго уровня), рабство продержалось в Америкѣ вплоть до новѣйшаго времени и исчезло не путем постепеннаго отмиранія,а было уничтожено законодательным актом послѣ кровопролитной войны сѣверных и южных штатов.

Второй системой антагонистическаго хозяйства является к р ѣ п о с т н о е хозяйство.В этом случаѣ рабочій не является уже просто собственностью хозяина,но послѣдній имѣет большія или меньшія юридическія права на труд рабочаго (крестьянин,напр.,должен три дня в недѣлю работать в пользу помѣщика).Крѣпостное право достигло особеннаго развитія в Западной Европѣ в раннее средневѣковье.Оно возникло благодаря захвату земли господствующими классами.Сначала короли и герцоги захватывают пустующія земли в свою собственность.Затѣм появляется частное землевладѣніе церкви и дворянства.Наконец,пахатныя земли крестьянских общин переходят в руки господствующих классов,-постоянныя войны обезсиливали крестьян и они не могли отстоять своей собственности против феодалов.И крѣпостное хозяйство,подобно рабству,может существовать при разных ступенях развитія обмѣна,но наиболѣе ему благопріятствует слабо развитый обмѣн.

В средніе вѣка в Западной Европѣ бок-о бок существовали двѣ совершенно различныя системы хозяйства.В городѣ господствовало гармоническое хозяйство цеха; в деревнѣ-антагонистическое крѣпостное хозяйство. Число закрѣпощенных крестьян было громадно и нерѣдко достигало 4/5 и больше всего населенія. Затѣм крѣпостное право на Западѣ начинает мало по малу отмирать.Обязанность принудительнаго труда в пользу помѣщика превращается в обязательство уплаты помѣщику опредѣленных денежных взносов.Крестьянство постепенно достигает личной свободы и превращается частью в мелких земельных собственников,частью в безземельных наемных рабочих.Но процесс этот шел чрезвычайно медленно и растунялся на нѣсколько вѣков.Послѣдніе остатки крѣпостного состоянія уничтожаются во Франціи в эпоху Великой Революціи,в большинств стран Западной Европы-в эпоху революціи 1848 г.

Современное антагонистическое хозяйство к а п и т а л и с т и ч е с к о е-характеризуется тѣм,что рабочіе юридически свободны и равноправны с другими классами населенія,но благодаря отсутствію у них средств производства,принадлежащих землевладѣльцам и капиталистам,поставлены в экономическую необходимость работать в пользу владѣльцев средств производства,как в прежнее время рабы и крѣпостные.Экономическій гнет замѣняет собой прежнее политическое и юридическое насиліе. Капиталистическая система хозяйства характеризуется тѣм,что при этой системѣ хозяйства обмѣн достигает наибольшаго своего развитія и что продукт не просто переходит от производителя к потребителю,как в городском хозяйствѣ,но циркулирует,проходит через руки торговых посредников.

Таковы основныя хозяйственныя системы,послѣдовательно смѣнявшія друг-друга.Однако,эти системы не образуют собой неизбѣжных ступеней хозяйственнаго развитія.Во многих случаях наблюдалась слѣдующая послѣдовательность смѣны хозяйственных систем.

I) первобытное гармоническое хозяйство;2)антагонистическое рабское хозяйство;3)антагонистическое крѣпостное хозяйство в деревнѣ и одновременно,гармоническое хозяйство мелких производителей в городѣ;4)ан-

тагонистическое капиталистическое хозяйство.Но эта послѣдовательность отнюдь не можетъ считаться общимъ закономъ хозяйственнаго развитія всѣхъ народовъ.Стадія гармоническаго городского хозяйства характерна,какъ сказано,лишь для западной,а отнюдь не для восточной Европы.Стадія Рабскаго хозяйства точно также далеко не у всѣхъ народовъ наблюдается въ той же послѣдовательности и въ одинаковой степени развитія.В Россіи,напр., эта стадія отчасти сливается со стадіей крѣпостного хозяйства,а отчасти слѣдуетъ за ней; въ той же Россіи и Сѣверной Америкѣ рабское хозяйство развивается рядомъ съ капиталистическимъ.Почти каждый членъ изъ вышеприведеннаго ряда можетъ выпадать и весь рядъ можетъ неограниченно сокращаться.Такъ,мы наблюдаемъ,что первобытные народы въ европейскихъ колоніяхъ непосредственно переходятъ отъ своего первобытнаго хозяйства къ капиталистическому,минуя всѣ промежуточныя стадіи.

IУ. Хозяйственное развитіе Россіи. Переходя къ хозяйственному развитію Россіи,приходится ,прежде всего,констатировать наличность глубокихъ отличій условій русскаго хозяйственнаго развитія отъ западно-европейскаго.Самымъ важнымъ и основнымъ изъ нихъ является отсутствіе въ исторіи Россіи стадіи городского хозяйства.

В Россіи прежняго времени не было города въ томъ смыслѣ,въ какомъ онъ былъ въ средніе вѣка въ Западной Европѣ.Прежде всего,городовъ въ Россіи было такъ мало,что они тонули въ общей сѣрой массѣ деревень.Но и тѣ города,которые были,имѣли иной характеръ,чѣмъ города на Западѣ.Городъ на Западѣ былъ центромъ мелкой промышленности,работавшей не на торговаго посредчика а непосредственно на потребителя.В Россіи же городъ былъ,преимущественно,административнымъ и торговымъ центромъ,а промышленность была раскинута,главнымъ образомъ по деревнямъ.Во многихъ мѣстахъ Россіи издавна была развита кустарная промышленность-преимущественно тамъ,гдѣ почва была мало природна для земледѣлія и населенію приходилось прибѣгать къ подсобнымъ заработкамъ.Но между западно-европейскимъ городскимъ ремесленникомъ и русскимъ деревенскимъ кустаремъ было существенное различіе:первый работалъ на мѣстнаго жителя,на мѣстный рынокъ,а второму приходилось работать на отдаленный рынокъ(ибо мѣстнаго рынка не было),почему являлась необходимость въ торговомъ посредникѣ.Такимъ образомъ,изъ отсутствія городовъ вытекала необходимость торговаго капитала и торговый капиталъ подъялъ себѣ мелкаго производителя.Купецъ былъ необходимъ для русскаго кустаря потому,что потребители кустарныхъ издѣлій были разсѣяны по всей огромной территоріи Россіи и прямыя сношенія съ ними невозможны для кустарей.

Отсутствіе городского ремесла имѣло своимъ естественнымъ слѣдствіемъ особенно вліятельное положеніе въ экономическомъ и соціальномъ строѣ московской Руси капиталиста-торгаша.

Политическое преобладаніе Москвы основывалось,между прочимъ,и на томъ,что Москва была торговымъ центромъ кромаднаго края,промышленность котораго находилась въ непосредственномъ подчиненіи торговому капиталу, сосредоточенному преимущественно,въ Москвѣ.Торговый классъ былъ,вслѣдъ за земельнымъ дворянствомъ,самымъ вліятельнымъ классомъ старинной Руси.

В то же время Московское Государство совершенно не знало того соціальнаго класса,который сыгралъ такую огромную роль въ исторіи Западной Европы-класса свободныхъ городскихъ ремесленниковъ.Новѣйшіе изслѣдователи-напр.,недавно скончавшіяся Н.П.Павлов-Сильванскій-находятъ въ древней Руси элементы феодальнаго строя.Но цеха,городского ремесла,- въ томъ видѣ,какъ это сложилось на западѣ,-Россія ни древняя,ни новая никогда не знала.Россія не знала той стройной и законченной организаціи мелкихъ промышленниковъ на почвѣ которой возникла вся цивилизація и культура Запада;городскія общины Запада завоевали не только свою свободу отъ власти феодаловъ,но и привели въ концѣ концовъ,къ крушенію абсолютной монархіи. "Городской воздухъ даетъ свободу"-говорили въ средніе вѣка,и эта поговорка полна глубокаго смысла.У насъ не вѣялъ этотъ воздухъ промышленнаго города,-и потому не было почвы и для свободы.

И дѣйствительно,другимъ кореннымъ отличіемъ историческихъ условій развитія Россіи,сравнительно съ Западомъ,отличіемъ,непосредственно вытекавшимъ изъ перваго,была необычайная сила и устойчивость въ Россіи принудительнаго труда. Нигдѣ рабство не пустило такихъ глубокихъ корней въ народную жизнь,какъ въ Россіи.И,что всего замѣчательнѣе,рабство у насъ не

отмирало,по мѣрѣ наступательнаго хода исторіи,а все тѣснѣе и тѣснѣе сплеталось съ нашимъ хозяйственнымъ и соціальнымъ строемъ.В этомъ отношеніи чрезвычайно характерна исторія нашего крѣпостного права.В ХУ и ХУІ вѣкахъ оно еще не сложилось въ опредѣленный соціальный институтъ.В ХУІ и ХУІІ вѣкѣ закрѣпощеніе крестьянина заканчивается,-но крѣпостной крестьянинъ все же остается крѣпостнымъ своего помѣщика,а не его рабомъ,- онъ все же не совершенно безправное существо.Россійское государство развиваетъ дальше и дальше свое политическое могущество,превращается въ колоссальную имперію- и все ниже и ниже падаетъ крестьянинъ.

При Екатеринѣ II крѣпостной крестьянинъ становится въ полномъ смыслѣ слова собственностью помѣщика,который распоряжается имъ,какъ вещью.В то время,какъ на западѣ крѣпостное право медленно отмирало въ ХУІ,ХУІІ и ХУІІІ вѣкахъ,у насъ оно за это же время эволюціонировало въ противоположномъ направленіи и,наконецъ,превратилось въ чистое рабство,-ибо только по имени крѣпостной крестьянинъ въ Россіи въ послѣднемъ фазисѣ развитія крѣпостного права не былъ рабомъ.

Но весьма любопытно,что несмотря на такую огромную власть помѣщика, положеніе русскаго крѣпостного крестьянина въ концѣ ХУІІІ вѣка было, сравнительно,сноснымъ.Иностранные путешественники того времени,посѣщавшіе Россію отмѣчаютъ,что русскому крестьянину жилось,въ общемъ,гораздо лучше,чѣмъ польскому,литовскому или остзейскому.Можно даже подумать,что экономическое положеніе крѣпостного крестьянина въ Россіи того времени было лучшимъ,чѣмъ таковое же крестьянина въ Прссіи или Австріи,хотя крѣпостной крестьянинъ Запада отнюдь не былъ такимъ безправнымъ существомъ, какъ русскій.Чѣмъ же объясняется этотъ,казалось бы,странный фактъ?

Одинъ нѣмецкій путешественникъ Бернгарди,даетъ ему слѣдующее остроумное объясненіе.Русскій помѣщикъ ХУІІІ вѣка не работалъ для сбыта и потому не былъ заинтересованъ въ томъ,чтобы доводить до высшихъ предѣловъ эксплоатацію труда крѣпостныхъ. "Если бы вестъиндскій плантаторъ,-говоритъ Бернгарди,изготовлялъ не сахаръ,а хлѣбъ или ленъ,и если бы сбытъ этихъ продуктовъ былъ затруднителенъ и давалъ небольшой доходъ,какъ въ Россіи,то я не думаю,чтобы при всемъ жестокосердіи колонистовъ рабы были бы истязаемы и дурно содержимы."Именно въ условіяхъ сбыта и слѣдуетъ искать причины сравнительно сноснаго положенія русскаго крѣпостного мужика въ ХУІІІ вѣкѣ и слѣдующаго ухудшенія его положенія въ ХІХ вѣкѣ.

Какъ только русскій помѣщикъ сталъ работать для сбыта,что произошло въ первой полрвинѣ ХІХ вѣка,когда въ Россіи быстро развилась хлѣбная торговля и значительно увеличился вывозъ хлѣба заграницу,положеніе крѣпостного мужика ухудшилось.Помѣщикъ сталъ усиленно расширять свою запашку, пользуясь для этого трудомъ крѣпостныхъ.Выраженіемъ этихъ новыхъ условій стало помѣщичьяго хозяйства явился замѣчавшійся во многихъ земледѣльческихъ губерніяхъ Россіи во второй половинѣ ХІХ вѣка переводъ крестьянъ съ так.назыв.оброка на барщину.Крѣпостныя отношенія крестьянина къ помѣщику выражались,при существованіи оброка,въ платежѣ опредѣленныхъ(преимущественно денежныхъ)сборовъ; при господствѣ барзины въ исполненіи личной работы въ пользу помѣщика.Таким образом барщина была гораздо болѣе тяжелой формой личной зависимости,чѣмъ оброкъ.А,значитъ,и распространеніе барщины насчетъ оброка указывало на то,что крѣпостное право не отмирало,а,наоборотъ,принимало все болѣе тяжелыя формы.

Своего крайняго развитія принудительный трудъ достигалъ въ тѣхъ случаяхъ,когда крестьяне совершенно лишались своего хозяйства и переходили на "мѣсячину"-мѣсячное содержаніе отъ помѣщика,на поляхъ котораго они работали круглый годъ."Мѣсячина" была исключительнымъ явленіемъ въ ХУІІІ вѣкѣ.В ХІХ же вѣкѣ въ Малороссіи обезземеливаніе крестьянъ и переводъ ихъ на мѣсячину практиковался въ широкихъ размѣрахъ.

Соовершенно иначе развивалось крѣпостное право въ тѣхъ губерніяхъ,гдѣ были развиты отхожіе промыслы и кустарная промышленность.В нихъ мы замѣчаемъ въ теченіе первой половины ХІХ вѣка постепенное вытѣсненіе барщины оброкомъ:путемъ обложенія крестьянъ оброкомъ помѣщики могли бы въ этомъ случаѣ получить большія выгоды,чѣмъ эксплоатируя ихъ рабочую силу въ собственномъ хозяйствѣ.

Итакъ въ промышленныхъ губерніяхъ центра Россіи крѣпостное право въ первой половинѣ ХІХ вѣка принимало болѣе мягкія формы. Наоборотъ въ земледѣльческихъ губерніяхъ,оно не только не отмирало,но все тѣснѣе связыва-

лось с помѣщичьим предпринимательским хозяйством. Только благодаря даровому труду крѣпостных помѣщичье предпринимательское хозяйство половины XIX вѣка могло достигнуть значительнаго развитія.

Крѣпостное право пустило глубокіе корни в русское хозяйство и нисколько не удивительно, что оно держалось так упорно. Во всяком случаѣ мы не наблюдаем ничего похожаго на то постепенное отмираніе этого соціальнаго института, которое привело к паденію его на Западѣ. Возникает вопрос-почему же крѣпостное право у нас, в концѣ-концов, все же пало?

Прежде всего потому, что сами крестьяне не мирились со своим порабощеніем и упорностремились к свободѣ. Крестьянскія волненія не прекращались в теченіе всего царствованія Николая I, и, что особено характерно, число случаев таких волненій все увеличивалось и увеличивалось. Кромѣ массовых волненій, крестьяне протестовали против крѣпостного права многочисленными убійствами помѣщиков, поджогами их строеній, массовыми побѣгами и т.п..

Но правительство, равно, как и помѣщики не могли забыть о тѣх двух великих возстаніях крестьянства в XУII и XУIII вѣках, которые до самаго основанія поколебали русское государство. "Призрак пугачевщины, говорит Ѣ.И. Семеновскій, вѣчно стоял в глазах нашего дворянства и, как грозное мементо мори, напоминал о необходимости покончить с крѣпостным правом в интересах самих помѣщиков." На опасность крестьянскаго возстанія неоднократно указывали и Екатерина и Александр I, и Николай I. В знаменитой рѣчи Московскому дворянству Александр II повторил старую мысль, сказав, что лучше, чтобы освобожденіе произошло сверху, нежели снизу. "Это соображеніе и было всегда главным и самым неотразимым аргументом в пользу уничтоженія крѣпостного права.

Затѣм далеко не всѣ помѣщики были одинаково заинтересованы в сохраненіи крѣпостного права. Жизненно заинтересованы в этом были только пользовавшіеся барщинным трудом. Это были, главным образом, средніе и мелкіе помѣщики. В Новороссіи и отчасти в Юго-Западном краѣ уже до освобожденія был распространен в помѣщичьем хозяйствѣ вольнонаемный труд; помѣщики этих раіонов могли даже выиграть от освобожденія, так оно должно было понизить заработную плату, увеличив предложеніе рабочих рук. Богатые помѣщики имѣли своих крестьян большею частью на оброкѣ. Это вполнѣ понятно, так как вести барщинное хозяйство в очень крупных размѣрах было не легко. Богатое дворянство образовывало двор и занимало самыя вліятельныя мѣста и должности в государствѣ. Мало заинтересованное в крѣпостной зависимости крестьян и хорошо понимая, что крѣпостное право держится только благодаря силѣ, крупное дворянство, окружавшее царя, легко склонялось к мысли о ликвидаціи крѣпостного права на выгодных для себя условіях.

Торговцы промышленники-капиталистическій класс, достигшій в половинѣ XIX вѣка в Россіи уже значительнаго развитія-были рѣшительными противниками крѣпостного права. Фабриканты испытывали очень значительныя стѣсненія от недостатка свободных вольнонаемных рабочих, которых крѣпостныя отношенія прикрѣпляли к деревнѣ. Но в то же время фабричная работа при помощи принудительнаго труда в это время уже оказывалась рѣшительной невыгодной (как это и будет выяснено ниже, при характеристикѣ русской фабричной промышленности). Если крупное предпринимательское ~~хѣхи~~ земледѣліе могло пользоваться принудительным трудом-несмотря на его малую производительность, -то фабрика требовала болѣе производительнаго труда, каковым мог быть труд только свободнаго рабочаго. К тому же сами фабриканты и торговцы в это время нерѣдко выходили из среды крѣпостных крестьян, и даже нѣкоторые из них, давая занятія тысячам рабочих, оставались сами крѣпостными своих помѣщиков, не желавших спускать их на волю. Так как владѣніе крѣпостными крестьянами было привиллегіей дворянства, то естественно, что рост промышленной и торговой буржуазіи подрывал соціальный институт принудительнаго труда.

В этом отношеніи существует извѣстная аналогія между освобожденіем крестьян в Россіи и освобожденіем негров в Сѣверной Америкѣ. И здѣсь и там рабство оказалось чрезвычайно живучим экономическим учрежденіем, легшим в основу предпринимательскаго земледѣлія. И здѣсь и там не наб-

людалось ничего похожаго, в сферѣ земледѣльческаго хозяйства, на постепенное отмираніе этого института. И потому и в Россіи, как и в Америкѣ, рабство исчезло, как результат законодательнаго акта, осуществленнаго лишь послѣ упорнаго сопротивленія класса, пользовавшагося принудительным трудом.

Итак, на сторонѣ сохраненія крѣпостного права были средніе и мелкіе помѣщики, ведшіе барщинное хозяйство. Противником крѣпостного права являлась буржуазія. Крупное дворянство склонялось к ликвидаціи крѣпостного права на выгодных для себя условіях. Наконец, чиновничество хотя и состоявшее в своих высших слоях преимущественно из земельнаго дворянства, но, благодаря службѣ, не ведшее барщиннаго хозяйства, занимало по отношенію к крѣпостному праву то же положеніе, что и крупное хозяйство, с тѣм существенным добавленіем, что к классовому помѣщичьему интересу в средѣ бюрократіи присоединялись и важные профессіональные интересы, сближавшіе их с противниками крѣпостного права. Эти профессіональные интересы заключались, прежде всего, в сознавшейся нашими правительственными кругами опасности крѣпостного права для спокойствія государства. С государственной точки зрѣнія слѣдовало стремиться к уничтоженію крѣпостного права, постоянно угрожавшаго народным возстаніем, -и это прекрасно сознавалось правительственными кругами тогдашней Россіи.

Затѣм, крѣпостное право тормозило экономическое развитіе Россіи и, в частности, развитіе русской промышленности. Правительство современ Петра усиленно стремилось к развитію промышленности, понимая, что без роста производительных сил страны невозможно и увеличеніе ея политическаго могущества, -а это послѣднее было главной цѣлью нашей политики. Поэтому наша бюрократія не могла не сознавать необходимости упраздненія крѣпостного права, сохраненіе котораго являлось вопіющим противорѣчіем с постоянными заботами правительства о развитіи промышленности. Это послѣднее соображеніе являлось одним из самых сильных доводов в пользу освобожденія-интересы государственнаго имущества не могли не имѣть вѣса в гразах правительства.

Итак в Россіи первой половины XIX вѣка были могущественные интересы за и прьтив сохраненія крѣпостного права-и вот почему вопрос об его уничтоженіи стоял на очереди в теченіе болѣе полувѣка и все не получал окончательнаго рѣшенія. Но чѣм дальше подвигалось наше общественное развитіе, тѣм болѣе возрастала сила противников рабства. С двадцатых годов закончившагося вѣка пріобрѣтает значеніе и число идейное, неклассовое движеніе, направленное против крѣпостного права. Со времени декабристов вся лучшая часть русскаго общества стала стремиться к освобожденію Россіи от позорнаго клейма рабства. И это неклассовой движеніе вдохновлявшееся отвращеніем к крайней соціальной несправедливости и крайнему угнетенію человѣческой личности, наростало по мѣрѣ культурнаго роста русскаго общества.

Все это вмѣстѣ подрывало устои крѣпостного права. Но, опираясь на могущественные классовые интересы, оно продолжало держаться пока, наконец не пало под вліяніем разгрома, испытаннаго Россіей в эпоху Крымской войны. Война эта доказала необходимость обновленія нашего соціальнаго строя, приведшаго к политическому ослабленію государства. Оказалось, что и помимо угрозы народным возстаніем, старый строй краеугольным камнем котораго являлось крѣпостное право, опасен государству уже тѣм, что он разрушает основы политической силы государства. Этот аргумент был всего понятнѣе правящим сферам и он явился тѣм послѣдним ударом, который привел к крушенію института принужительнаго труда.

С паденіем крѣпостного права самое существенное отличіе нашего хозяйственнаго сьроя от строя Запада исчезает, и в Россіи получает свободу развитія новая хозяйственная система, господствующая и на Западѣ-капитализм.

Еще очень недавно споры об условіях и направленіи хозяйственнаго развитія Россіи были в центрѣ общественнаго вниманія В 90-х годах закончившагося столѣтія русская интеллигенція была особенно заинтересована этими способами, которые несмотря на свой, казалось бы теоретическій характер, соприкасались с чрезвычайно важными вопросами практической политики. Так назыв. народники доказывали, что русское хозяйственное разви-

тіе,равно,как и хозяйственный строй Россіи,глубоко отличаются от того,что мы вид ли и видим в Западной Европѣ.Напротив,марксисты были склонны умалять значеніе особенностей русскаго хозяйственнаго развитія в прошлом и,во всяком случаѣ,не ожидали уклоненія Россіи от общаго направленія хозяйственнаго развитія капиталистических стран в будущем.

Стоя на точкѣ зрѣнія,которая развита в текстѣ,слѣдует признать наличность глубоких особенностей в прошлом русскаго хозяйственнаго развитія,но эти особенности заключаются не в том,в чем их усматривали народники,и что всего важнѣе,особенности эти-отсутствіе в Россіи западно-европейскаго городского строя и чрезвычайная живучесть в ней принудительнаго труда-относятся к прошлому исторіи.Новѣйшая Россія не может быть принципіально противопоставляема капиталистическим страма Запада,так как и Россія является в наше время страной капиталистическаго хозяйства,из чего,конечно,не слѣдует,что современная Россія ничѣм существенно не отличается в хозяйственном отношеніи от других европейских стран.Хозяйственный и соціальный строй каждой страны имѣет свои индивидуальныя,не повторяющіяся черты,а что касается Россіи,то глубокія различія в прошлом ея хозяйственной и соціальной исторіи не могли, конечно, пройти безслѣдно и не наложить соотвѣтствующаго отпечатка на все послѣдующее развитіе.

Нѣкоторые новѣйшіе русскіе историки-напр.,Павлов -Сильванскій-склонны совершенно отрицать принципіальное различіе историческаго развитія Россіи и Запада.Объясняется это тѣм,что названные историки не понимают всего огромнаго значенія городского хозяйства в исторіи Запада и, согласно старым воззрѣніям,считают характернѣйшим соціальным институтом западно-европейскаго средневѣковья феодализм,зачатки котораго имѣются и в Россіи.Но именно в городской промышленности(а не из феодализма),вырос весь соціальный строй и вся культура современнаго запада,а городской то промышленности,как указано в текстѣ,Россія совершенно не знала.

Споры марксистов и народников о направленіи историческаго развитія Россіи явились продолженіем болѣе ранних споров о том же западников и славянофилов.В этих спорах трудность позиціи западников заключалась в том,что западники боролись за политическіе и соціальные идеалы Запада и доказывали осуществимость их и в Россіи;между тѣм они не могли отрицать,что русское историческое прошлое существенно отличается от того, что показывает нам исторія Запада.Каким же образом при наличности столь глубоких отличій в историческом прошлом Россіи сравнительно с Западом можно ожидать для Россіи в ближайшем будущем тѣх же форм общественной жизни,которыя господствуют на Западѣ?На этот вопрос удовлетворительнаго отвѣта западники дать не могли,равно как и не могут дать и новѣйшіе русскіе историки:так,напр.,П.Н.Милюков,касаясь этого вопроса, и вполнѣ признавая глубокое различіе условій русскаго и западнаго историческаго развитія,принужден ссылаться в своих "Очерках по исторіи русской культуры" на "внутренній закон развитія",который должен привести Россію как и всякую иную страну,к тѣм формам общественной жизни, которыя господствуют на Западѣ.Но что это за"внутренній закон развитія", провозмогающій всевозможныя различія исторических условій,уважаемый автор не говорит.Он утверждает только без малѣйших доказательств,что этот внутренній закон развитія "присущ всякому обществу и для всякаго общества одинаков".При помощи этого таинственнаго всеобщаго закона развитія,никѣм еще не формулированнаго,П.Н.Милюкову удается свести концы с концами-примирить свою вѣру в торжество в Россіи западных форм общественной жизни со своим собственным историческим анализом,доказавшим глубокое различіе исторіи Россіи и Запада.

Только отказавшись от вѣры в какіе бы то ни было"внутренніе законы развитія" общества можно,по моему мнѣнію,удовлетворительно разрѣшить этот старый русскій спор.Выше я попытался обосновать тезис,который многим покажется парадоксальным-что никаких "законов развитія"общества не существует и что самые поиски таких законов основываются на непониманіи глубоких отличій человѣческаго общества от организма.Если согласиться с этим,то весь данный спор получает простое рѣшеніе.Дѣйствительно,в прошлом русскій соціальный строй существенно отличался от западно-европейскаго.Но это не помѣшало Россіи прійти к капиталистической системѣ хозяйства,и в настоящее время в Россіи господствует тот же хозяйственный строй,что и на Западѣ.Ничего страннаго поэтому нѣт и в том, что в Россіи идет борьба за формы политическій жизни Запада.

ОТДѢЛ II.

ПРОИЗВОДСТВО.

ГЛАВА I.

ПРОЦЕСС ХОЗЯЙСТВЕННАГО ТРУДА В АБСТРАКТНОЙ ФОРМѢ.

Хозяйственная дѣятельность имѣет своею цѣлью созданіе матеріальной обстановки,необходимой для удовлетворенія наших потребностей.Дѣятельность эта в современном обществѣ распадается на двѣ ступени.На первой преодолѣвается сопротивленіе внѣшней природы,природа приспособляется нами к нашим цѣлям;этот процесс называется производством.На второй,послѣ того как человѣк преобразовал природу в соотвѣтствіи со своими потребностями,происходит обмѣн между различными собственниками произведенных продуктов.

Единственным активным дѣятелем в процессѣ производства является человѣк.Но,конечно,человѣк производит не голыми руками и не из ничего. Хозяйственная дѣятельность уже сама по себѣ предполагает два полюса-человѣка и внѣшнюю природу.В частности,производство есть непосредственный процесс между человѣком и природой.То,на что человѣк направляетъ свою дѣятельность,называется п р е д м е т о м труда;если предмет труда подвергся предварительной переработкѣ,то он называется с ы р ы м м а т е р і а л о м.Матеріальные предметы,которые человѣк ставит между собою и предметом труда,чтобы при помощи их воздѣйствовать на предмет труда,окразуют собою то,что называют о р у д і я м и т р у д а. Предмет труда и орудія труда вмѣстѣ со в с п о м о г а т е л ь н ы м и м а т е р і а л а м и- матеріальными предметами,не составляющими непосредственно оруді труда,но необходимыми для того,чтобы процесс труда имѣл мѣсто,как-то:топливо,смазочныя масла,освѣтительные матеріалы и т.п.-образуют собой,в своей совокупности, с р е д с т в а п р о и з в о д с т в а.Самая же дѣятельность человѣка,при помощи которой он достигает своих хозяйственных цѣлей, является хозяйственным трудом.

Что же такое хозяйственный труд,как таковой?Нерѣдко думают,что хозяйственный труд,по самому своему существу,есть нѣчто непріятное.Однако,с этим согласиться нельзя.Правда,для хозяйства характерно,что оно, по самой своей природѣ,средство,а не цѣль.Но средство не значит непремѣнно нѣчто непріятное и тягостное:для хозяйственнаго труда,как и для всякаго труда,характерно лишь то,что в данном случаѣ цѣлью соотвѣтствующей дѣятельности является что-либо внѣшнее,а не данная дѣятельность сама ради себя.В противном случаѣ она перестает быть трудом и превращается в игру.

Правда нѣкоторые роды хозяйственнаго труда ни при каких условіях не могут быть пріятными.Напримѣр,работа в рудниках под землею,труд мясника,очистка нечистот и многое другое не может доставлять нормальному человѣку удовольствія.Но это вѣрно только относительно нѣкоторых родов хозяйственнаго труда.В большинствѣ же случаев хозяйственный труд бывает пріятен или нѣт,в зависимости от того, при каких условіях он производится,и,прежде всего,в зависимости от его продолжительности.

Как общее правило,нужно признать,что всякая работа вначалѣ бывает болѣе или менѣе непріятна для работающаго:работающій еще не успѣл приспособиться к своей дѣятельности,его органы плохо повинуются его волѣ, и работа идет вяло,не доставляя удовольствія.Затѣм,когда работающій втянется в работу,она начинает доставлять ему извѣстное удовольствіе, как нормальное упражненіе его органов,требующих работы.Проходит нѣкоторое время и работа становится непріятной,причем непріятность эта быстро возрастает,пока,наконец труд,даже самый пріятный,не обращается в ра-

бочую пытку.

Экономическій принципъ-стремленіе к максимому наслажденія и минимому страданія-опредѣляет собою нормальную продолжительность работы. Пока труд пріятен сам по себѣ, рабочій не имѣет основанія его прекращать. Когда труд становится непріятен,-в интересах рабочаго продолжать его до тѣх пор, пока продукт труда дает большое удовлетвореніе, чѣм доставляет непріятных ощущеній самый процесс работы. Но чѣм продолжительнѣе труд, тѣм больше это непріятное ощущеніе; а чѣм больше трудовых продуктов, тѣм меньше их предѣльная полезность, тѣм меньше удовлетворенія доставляет послѣдняя единица продукта. Очевидно, должен наступить момент, когда непріятное ощущеніе от процесса труда сравняется с чувством удовлетворенія от единицы продукта, создаваемаго трудом. На этом пунктѣ труд должен быть прекращен,-продолжать его еще дольше, значило бы больше терять (от непріятных ощущеній процесса труда), чѣм выигрывать (от пріятных ощущеній, доставляемых трудовым продуктом).

Такова была бы продолжительность рабочаго дня, если бы рабочему принадлежал трудовой продукт и от его воли зависѣло установленіе момента окончанія работы; но, конечно, при условіях капиталистическаго производства, рабочій отнюдь не является господином своего времени, почему рабочій день может углубляться в область страданія-и, дѣйствительно, углубляется-гораздо дальше, чѣм это слѣдовало бы в интересах рабочаго.

С другой стороны, хозяйственный труд, при извѣстных условіях, может и не углубляться в область непріятных ощущеній. Если мы предположим, напр., что производительность труда очень высока, благодаря чему потребности в трудовых продуктах легко достигают насыщенія, то человѣк может имѣть основаніе прекратить хозяйственный труд на том пунктѣ, когда труд еще сам по себѣ доставляет ему удовольствіе. Продолженіе труда доставило бы ему удовольствіе, но человѣк может получить еще больше удовольствія от другого употребленія своего времени- и пріостановить свою пріятную хозяйственную дѣятельность для другой, еще болѣе пріятной. Однако, возможность эта предполагает или очень высокій уровень производительности труда или очень низкій уровень потребностей. Ни то ни другое несоотвѣтствуют хозяйственным условіям нашего времени, почему для нашего времени нормальная продолжительность труда опредѣляется вышеприведенными соображеніями.

Но было время, когда хозяйственный труд не углублялся неизбѣжно в область непріятных ощущеній. Первобытный человѣк по самой своей природѣ не способен ни к каким продолжительным непріятным усиліям; поэтому на зарѣ исторіи мы видим, что хозяйственная дѣятельность не разграничивается строго от дѣятельности, носящей характер игры. В связи с этим находится и то, отмѣчаемое Бюхером, обстоятельство, что в жизни первобытнаго человѣка чрезвычайную роль играет дѣятельность такого рода, которая никакого хозяйственнаго значенія не имѣет, как, напримѣр, танцы, самоукрашеніе и т.п.

Однако, и дикарю приходится во многих случаях прибѣгать для удовлетворенія своих потребностей к дѣятельности такого рода, которая сама по себѣ не может доставлять удовольствія. При примитивности орудій труда процессы производства у дикаря совершаются с чрезвычайной медленностью, вызывавшей у путешественников сравненіе с естественными процессами природы, вродѣ роста растеній и т.п. Чтобы приготовить какое нибудь несложное орудіе, дикарь должен затрачивать цѣлые недѣли и мѣсяцы труда. Обработка пищевых веществ, приготовленіе одежды, посуды трубуют от дикаря, благодаря примитивности техники, огромных усилій. Средством преодолѣнія тягостности труда и дикаря является привнесеніе в работу ритма, благодаря чему она становится автоматичной и болѣе или менѣе безсознательной. Из ритма мало-по-малу выростает пѣсня и музыка. Как показал Бюхер, дикарь обычно сопровождает свою работу пѣніем пѣсен и нерѣдко исполняет при этом разныя ритмическія тѣлодвиженія, так, что в нѣкоторых случаях работа дикарей-напримѣр, при обработкѣ поля-напоминает собой танцы. Все это является средством придать работѣ непосредственно пріятный характер-придавая ей как бы вид игры.

Послѣдующая исторія человѣчества характеризуется все дальше и дальше идущим раздѣленіем области хозяйства и игры. С одной стороны рѣзко

обособляется от хозяйства вся область искусства, которая, однако, первоначально, по изслѣдованіям Бюхера, была самым тѣсным образом связана с хозяйством: музыка и поэзія возникли из рабочей пѣсни, которая пѣлась для того, чтобы скрасить часы труда. С другой стороны хозяйственный труд обособился в дѣятельность, лишенную какого бы то ни было эстетическаго элемента. На современной фабрикѣ при шумѣ и грохотѣ сотен машин, не может быть, конечно и рѣчи о рабочей пѣснѣ и, вообще, об эстетикѣ.

Но это еще не значит, что так будет и впередь. Пока руководство хозяйственным предпріятіем принадлежит капиталисту, не принимающему непосредственнаго участія в трудѣ производства, до тѣх пор, конечно, привнесеніе в хозяйственный труд элементов эстетических должно казаться дѣлом совершенно безцѣльным. Но положеніе станет иным, когда сам рабочій станет руководить процессом производства: обстановка и условія труда суть условія жизни рабочаго, и рабочій не может не стремиться к тому, чтобы для себя устроить обстановку возможно болѣе пріятной и привлекательной. И потому для будущаго общества выступить опять на первый план та же задача внести эстетическій элемент в хозяйственную работу, сдѣлать труд непосредственно пріятным, которая стояла перед человѣчеством и в эпоху его ранняго дѣтства. Средством для этого должно явиться: 1) сокращеніе времени труда-пока труд чрезмѣрно продолжителен, он не может быть пріятен; 2) разнообразіе труда, самый пріятный труд, в концѣ концов, надоѣдает, и разнообразіе его есть лучшее средство сдѣлать его всегда привлекательным; 3) соотвѣтствіе труда влеченіям и способностям каждаго работника,-труд, выбранный по собственному вкусу, по внутреннему влеченію, обычно доставляет непосредственное наслажденіе; 4) созданіе соотвѣтствующей эстетической обстановки труда, имѣющей своей непосредственной цѣлью возможно скрасить и облагородить хозяйственную работу. В настоящее время изобретательность человѣческаго гонія совсѣм не работает в этом направленіи по той простой причинѣ, что изобратенія такого рода не нашли бы сбыта,-капиталистам они не нужны, а вѣдь капиталисты держать в руках современный хозяйственный мір; но когда рабочій сам возьмет в свои руки свою судьбу, он сумѣет не хуже дикаря разрѣшить задачу сдѣлать хозяйственный труд не тяжелым бременем, как теперь, а свободной и радостной дѣятельностью наших физических и психических сил.

Одним из самых могущественных средств поднятія производительности труда является усовершенствованіе орудій труда.

Исторія развитія орудій труда представляет огромный интерес не только с экономической, но и с общесѣхнимах соціологической точки зрѣнія. Даже, если и не раздѣлять исторической философіи Маркса-так называемаго матеріалистическаго пониманія исторіи,-все же нельзя отрицать, что переход к новым орудіям труда является историческим фактором огромной важности. Но мы до сих пор не имѣем научно разработанной исторіи развитія орудій труда.

На первых ступенях общественнаго развитія изобрѣтенія новых орудій труда происходят болѣе и болѣе случайно. Дикарь слишком поглощен настоящим, чтобы думать об изобрѣтеніях, нужных для будущаго; хозяйство для него тѣсно переплетается с игрой, и хозяйственный интерес дѣйствует слабо и непостоянно, осложненный другими мотивами. Поэтому нисколько не удимительно, что усовершенствованіе техники производства, поднятіе производительности труда происходит на зарѣ исторіи под вліяніем разнообразных мотивов нехозяйственнаго характера. Чисто хозяйственныя задачи не выступают во всем своем значеніи перед младенческим умом дикаря, лишь попутно наталкивающагося на новые пріемы производства. Поэтому, как общее правило, введеніе новых пріемов производства является у дикаря случайным результатом дѣятельности нехозяйственнаго характера.

Из украшенія тѣла возникла одежда, которая нерѣдко служила также отличительным признаком вождей и, вообще, лицъ господствующаго класса. Употребленіе огня, которое имѣет столь большое значеніе в хозяйственной жизни человѣка, возникло также не под вліяніем хозяйственных мотивов, а, повидимому, из потребностей религіознаго культа. Скотоводство, составившее эпоху в исторіи хозяйства, выросло, как было выше указано, из прирученія животных ради забавы (а также по соображеніям религіознаго культа).

Техническія изобрѣтенія на первых ступенях историческаго развитія носят в большей или меньшей степени случайный характер и возникают независимо от хозяйственной дѣятельности человѣка. Однако, мало-по-малу, положеніе мѣняется, и изобрѣтенія эта становятся все больше и больше результатами чисто хозяйственных мотивов. В этом смыслѣ особенно характерен конец XVIII вѣка-эпоха великой промышленной революціи, которая ознаменовалась цѣлым рядом технических изобрѣтеній, главным образом, в текстильной промышленности. Изобрѣтенія эти всего менѣе были дѣлом случая. Так, напр., прядильная машина возникла, как рузьтат цѣлаго ряда изобрѣтеній, каждое из которых вызывалось настоятельными потребностями хозяйственной жизни. Цѣлыя поколѣнія изобрѣтателей работали над усовершенствованіем этой машины, пока она не стала тѣм, чѣм является теперь. Задолго до того времени, когда она нашла себѣ примѣненіе в производствѣ, она изобрѣталась отдѣльными талантливыми людьми, стремившимися разрѣшить задачу-придумать способ прясть без помощи пальцев. До Аркрайта, основателя первой успѣшно дѣйствовавшей бумагопрядильной фабрики, было нѣсколько изобрѣтателей, пришедших к тому же рѣшенію этой технической задачи, которое составило славу Аркрайта. Вслѣд за послѣдним, простые ткачи Гаргривс и Кромптон-не говоря уже о множествѣ болѣе второстепенных дѣятелей-дѣлают новыя важныя изобрѣтенія в области примѣненія машины к пряденію хлопчатобумажнаго волокна. Все вмѣстѣ является вполнѣ закономѣрным процессом, движущей силой котораго была чрезвычайно сильно чувствовавшаяся в Англіи того времени потребность в ускореніи процесса пряденія; развитіе спроса на хлопчато-бумажныя ткани создало в странѣ усиленный спрос на бумажную пряжу, но ручная прялка не могла угнаться за ткацким станком-и вот это заставило тысячи людей ломать себѣ голову, как придумать способ работать одновременно на нѣскольких прялках. Сходныя причины вызвали изобрѣтеніе ткацкой машины. Паровая машина была изобрѣтена, как средство для выкачиванія воды из рудников, потребность в чем все возрастала по мѣрѣ того, как углублялись в рудники и борьба с заливавшей из водой становилась все труднѣе. Рост горно-заводской промышленности повел к тому, что паровая машина создалась из тѣх зачатков, в которых она существовала в теченіе многих сотен лѣт. Первая имѣвшая практическое примѣненіе, паровая машина Томаса Сэвери, была потому и названа им "другом горно-заводчика". Машина эта была впослѣдствіи усовершенствована Ньюкоменом, а затѣм Уаттом, которому удалось окончательно разрѣшить трудную задачу примѣненія пара к промышленному производству.

Исторія всѣх этих изобрѣтеній обнаруживает полную зависимость их от условій развитія промышленности. Промышленность требовала новаго орудія-и оно изобрѣталось заинтересованными людьми.

Наше время, однако, глубоко отличается от XVIII вѣка в том отношеніи, что теперь хозяйственныя изобрѣтенія становятся попутным результатом развитія теоретическаго знанія.

Теоретическій интерес вызывает извѣстное научное изслѣдованіе, и оно приводит изслѣдователя, совершенно неожиданно для него самого, к рѣшенію той или этой важной практической задачи. Изобрѣтенія этого типа также характерны для нашего времени, как изобретѣнія перваго типа для XVIIIв.

Так, одна половина электротехники возникла из теоретических изслѣдованій Вольты, а другая из столь же теоретических работ Фарадэя. Ряд теоретических работ, по изученію строенія бензола привел Зинина к открытію новаго органическаго основанія-бензидама (анилина), что повело к открытію Гоффманом искусственнаго синтеза анилиновых красок, которыя раньше добывались из марэны. Новѣйшее крупное изобрѣтеніе-безпроволочнаго телеграфа-находится в самой тѣсной связи с опытами Герца, посвященными рѣшенію совершенно теоретическаго вопроса об электрической природѣ свѣта. Теоретическія работы Крукса повели к открытію Рентгеном х-лучей-открытію, немедленно получившему важныя примѣненія и на практикѣ. "Всѣ практическіе успѣхи, говорит Гельмгольц,-выросли совсѣм неожиданно из изслѣдованій, которыя могли казаться самыми безполезными пустяками для непосвященных, тогда как посвященный, хотя и видѣл там еще скрытое отношеніе причины и дѣйствія, но мог слѣдить за ним только из чисто теоретическаго интереса.

Конечно и теперь множество изобрѣтеній возникает на почвѣ практических интересов хозяйства-и число таких изобрѣтеній в наше время абсолютно несравненно больше, чѣм когда либо раньше. Но наряду с этими изобрѣтеніями для нашего времени особенно характерна чрезвычайно быстро растущая группа изобрѣтеній другого типа, которых прошлыя эпохи почти не знали,-изобрѣтеній создаваемых ростом теоретическаго знанія.

Исторію технических изобрѣтеній можно, таким образом, раздѣлить на три періода. Первый період-человѣческое сознаніе еще так слабо, что человѣк не стремится сознательно и систематично к поднятію производительности своего труда, и изобрѣтенія дѣлаются случайно. Второй період-изобрѣтеніе новых орудій труда становится результатом сознательных и планомѣрных усилій человѣка поднять производительность своего труда; изобрѣтенія вызываются зозяйственными мотивами. Третій період-человѣческій разум достигает такого развитія, что теоретическое значеніе становится самоцѣлью и техническія изобрѣтенія возникают попутно, как результат теоретических изслѣдованій, руководимых чисто теоретическими интересами.

Среди разнообразных орудій труда, которыя создал человѣк для увеличенія производительности своего труда, особое значеніе имѣет машина. С чисто технической точки зрѣнія Рело опредѣляет машину, как "соединеніе способных к сопротивленію тѣх таким образом, чтобы с помощью их можно было заставить силы природы приводить тѣла в заранѣе опредѣленныя движенія.".

С экономической точки зрѣнія характерным признаком машины является,-как указал Маркс,-то, что машина, в отличіе от простого труда, не просто усиливает и дополняет рабчую силу человѣка, а замѣняет ее.

Каждая машина состоит из трех частей: двигательнаго механизма, передаточнаго механизма и исполнительнаго механизма или собственно рабочей машины. Двигательный механизм приводит машину в движеніе, причем движущая сила может или заключаться в самой машинѣ, как наприм р в паровой машинѣ, или же получать движущую силу извнѣ, как напримѣр, при движеніи водой колеса водяной мельницы. Передаточный механизм есть сложная система для передачи движенія и измѣненія, если нужно его направленія, превращая его, напримѣр, из перпендикулярнаго в круговое и т.п. Что же касается до рабочей машины, то эта часть машины исполняет ту непосредственную производственную операцію, ради которой машина и приводится в дѣйствіе.

Рабочая машина, т.е. та часть машины, которая непосредственно выполняет производственныя операціи, ради которых машина приводится в дѣйствіе, есть важнѣйшая часть машины. Рабочая машина производит тѣ же операціи, которыя при ручном способѣ производства исполняет рабочій. Это достигается благодаря тому, что машина, как сказано, дѣлает возможным движеніе только в одном опред ленном направленіи; при этом условіи работа всего механизма машины опредѣляется не направляющей силой человѣка, а устройсвом самого механизма. Механизм дѣйствует автоматически. а человѣку остается только сл дить за его дѣйствіем и исправлять неизбѣжные недостатки механизма. Чѣм совершенн е машина, тѣм меньше мѣста в ея работѣ для человѣка, и идеальной машиной была бы такая, которая работала бы совсѣм без помощи человѣка. Конечно, таких машин, совершенно замѣняющих человѣка, не существует, но именно в этом направленіи движется техника, стремящаяся все больше и больше освобождать человѣка от механической работы и передавать ее мертвому механизму машины.

Хотя только в наше время машина получила большое примѣненіе в производствѣ, исторія машины начинается с очень древняго времени. Быть может первой машиной было сверло для добыванія огня. Лук и стѣла, веретено, гончарный станок, явившійся прототипом для токарнаго станка, плуг, разныя механическія приспособленія для меленія хлѣбных зерен, являются примѣрами очень древних машин. Однако, вплоть до половины XVIII вѣка машины играли совершенно ничтожную роль в производствѣ. Изобрѣтенія прядильной и ткацкой машин, вскорѣ вслѣд за изобрѣтеніем паровой машины, доставившей новым рабочим машинам могучую двигательную силу пара, явились началомсовременной эры машиннаго производства. Без пара было бы невозможно широкое пользованіе рабочими машинами, так как всѣ другія двигательныя силы, приводящія в движеніе машины в прежнее время (как на-

примѣр,рабочая сила лопади,человѣка,сила движущейся воды,вѣтра)далеко не обладают такими удобствами в смыслѣ техническаго примѣненія,как пар.Введеніе машины составило величайшую эпоху в исторіи техники.Благодаря машинѣ человѣческая рабочая сила перестала быть необходимой для исполненія чисто механических операцій производства.Человѣка,как механическая сила,лишился своего прежняго значенія.С другой стороны, чрезвычайно возросло значеніе человѣка,как носителя духовной энергіи. Человѣк стал управлять матеріей при помощи своей мысли,уже не становясь,как прежде,в один ряд с механическими силами природы.Результаты производства стали преимущественно опредѣляться совершенством примѣняющихся к дѣлу механизмов,а устройство этих послѣдних стало дѣлом систематической науки.Таким образом,техника вступила в непосредственную связь с наукой и дальнѣйшее ея развитіе стало опредѣляться развитіем теоретической научной мысли.

Но в силу антигонистическаго характера,присущаго капиталистическому строю,именно техническое совершенство машины,сравнительно с ручными орудіями труда,приводит к приниженію труда того,кто непосредственно производит продукт,-рабочаго.Чѣм совершеннѣе машина,тѣм в большей мѣрѣ она может замѣнить рабочаго в процессѣ производства; а так как руководителем процесса производства является,при современных условіях,не рабочій,а капиталист,которому принадлежит машина,то послѣдній и обращает ея техническую мощь против рабочаго.Машина становится не слугой,а торжествующим соперником работающаго человѣка;продукт труда послѣдняго машина,служит в руках капиталиста лучшим средством борьбы с рабочим.Введеніе новых машин нерѣдко происходило и происходит послѣ крупных стачек рабочих:убѣдившись в непокорности дивого орудія труда, капиталист обращается к помощи мертваго.И потому рабочій привыкает видѣть в машинѣ своего самаго опаснаго врага.Еще в XVII годах XIX вѣка англійскіе ткачи нападали на ткацкія фабрики и уничтожили ткацкія машины,которыя лишали их заработка и пережавали связанными по рукам и по ногам в распоряженіе капиталиста.

Но,конечно,не в машинѣ лежит причина того,что ея распространеніе чувствуется рабочим классом,как тяжелое бѣдствіе.Сама по себѣ машина чрезвычайно повышая производительность общественнаго труда,является источником небывалаго роста общественнаго богатства,характеризующаго наше время.И если этот рост общественнаго богатства лишь очень незначительно улучшает положеніе рабочаго класса,то причиной этого являются общественныя условія производства,антагонистическая система капитализма..

Настоящій курс подраздѣляется на пять отдѣлов: общее ученіе о народном хозяйствѣ,производство,обмѣн,распредѣленіе и ученіе о капиталистическом хозяйствѣ в его цѣлом.Со времени французскаго систематика политической экономіи-Ж.Б.Сэ-общіе курсы политической экономіи обычно дѣлятся на отдѣлы производства,обмѣна,распредѣленія и потребленія.Однако,отдѣлу потребленія не посчастливилось в политической экономіи.В то время как другіе отдѣлы отнюдь не страдают недостатком содержанія, отдѣл потребленія,несмотря на свое многолѣтнее существованія,все еще не может занять опредѣленнаго мѣста в общей системѣ.Почти каждый экономист наполняет его иным содержаніем.Обыкновенно в этот отдѣл помѣщаются ученія о хозяйственных кризисах,о страхованіи, об обществах потребителей,иногда о бюджетах рабочих и пр.Но каждый из этих подотдѣлов может найти себѣ мѣсто в других отдѣлах;ученіе же о потребленіи в собственном смыслѣ слова представляет собой,как общее правило,нѣчто в высокой степени незаконченное и скудное.

Нѣкоторые экономисты признают,в виду этого, важной очередной задачей политической экономіи созданіе систематически разработаннаго ученія о потребленіи.Я стою на принципіально противоположной точкѣ зрѣнія и думаю вмѣстѣ с Дорингом,что отдѣл потребленія потому так мало разработан в экономической наукѣ,что он неправильно включен в эту науку.Дѣло в том,что потребленіе,как было объяснено выше,отнюдь не является хозяйственной дѣятельностью;значит для потребленія и нѣт мѣста в наукѣ о хозяйствѣ.Вѣдь вся человѣческая жизнь есть ни что иное,как потребленіе и если потребленіе должно быть особым предметом изученія политической экономіи,то послѣдняя должна охватить все науки о человѣкѣ.Фортепьянная игра есть потребленіе фортепьяно и,значит,теорія фортепьянной игры с этой точки зрѣнія тоже отчасти входит в состав политической экономіи.Именно невозможность втиснуть потребленіе в рамки хозяйства и привела к безсодержательности отдѣла о потребленіи в курсах политической экономіи.То,что обычно помѣщают в отдѣл потребленія, включается в него лишь потому,что нужно же чѣм-нибудь его заполнить.

Напримѣр,хозяйственные кризисы самым очевидным образом соприкасаются со всѣми сторонами хозяйственной жизни современнаго общества и отнюдь не представляют собой явленія потребленія.Не существует ни одной теоріи кризисов,которая усматривала бы конечную причину кризисов,в области потребленія,ибо так называемыя теоріи "недостаточнаго потребленія"видят конечную причину кризисов не в области потребленія,а в области распредѣленія.Что касается до страхованія,то оно является,с теоретической точки зрѣнія,актом обмѣна,как это будет обосновано в соотвѣтствующей главѣ настоящаго курса.Общества потребителей только по случайному созвучію своего названія могли быть включены в отдѣл потребленія-они представляют собой организаціи закупок,т.е. обмѣна и развились на почвѣ борьбы с торговыми предпріятіями;их естественное мѣсто в отдѣлѣ обмѣна.Наконецрабочіе бюджеты не могут не быть изучаемы в связи с заработной платой и,значит,входят в отдѣл распредѣленія.

В большинствѣ курсов политической экономіи отдѣл производства начинается ученіем о трех,так назыв.факторах производства,каковыми признаются земля,труд и капитал.Я не считал возможным слѣдовать этому обычаю по слѣдующим причинам.Прежде всего самое ученіе о факторах производства кажется мнѣ неправильным.Конечно,стоя на точкѣ зрѣнія техники,против такой классификаціи сил,дѣйствующих в производствѣ,возражать нечего.Но эта классификація,удобная для техника,весьма неудобна для экономиста.Как было указано во главѣ о методологіи политической экономіи,экономист в своих классификаціях должен исходить из представленія о самоцѣльности человѣческой личности.Между тѣм,приравнивая рабочаго орудію его труда и землѣ,мы,очевидно,разсматриваем рабочаго,как простое средство производства,а не как цѣль.Опасность такой классификаціи в том,что она затемняет ту основную точку зрѣнія,которая должна быть господствующе" в политическо" экономіи.На практикѣ эта классификація причинила очень много вреда политической экономіи и совершенно спутала многія ея ученія.Достаточно указать хотя бы,на ученіе о распредѣленіи автора этой классификаціи Сэ.Приравниваніе рабочаго капиталу и землѣ явилось для Сэ средством оправданія недрудового дохода.Вообще ученіе о трех факторах производства окрашено интересами капиталистическаго класса,для котораго рабочій,дѣйствительно,только средство производства,и потому не должно имѣть мѣста в политической экономіи,признающей рабочаго такой же самоцѣлью,как и всякаго другого человѣка.

Но и помимо этого принципіальнаго соображенія,ученіе о трех факторах производства отнюдь не пригодно для того,чтобы играть роль краеугольнаго камня всего ученія о производствѣ.Оно сопоставляет три момента совершенно различнаго порядка и дѣлает невозможным правильное освѣщеніе каждаго из них.Вот почему ученіе это неудобнр и в той переработкѣ которой оно подверглось хотя бы в весьма тщательно продуманном курсѣ Чупрова.Чупров настаивает на том,что продукты создаются трудом и больше ничѣм. "С экономическо" точки зрѣнія,-совершенно правильно говорит он,-дѣйствіе сил природы и капитала является лишь условіем большей или меньшей производительности труда,единственнаго творца хозяйственных благ."Тѣм не менѣе он считает возможным свести условія производительности труда к слѣдующим "трем главным категоріям:во-первых,к условіям,связанным с самим трудом,во-вторых,к условіям,связанным со свойствами матеріалов и сил внѣшней природы и,в третьих,к условіям связанным с капиталом",и послѣдовательно разсматривает одну категорію условій за другой.В результатѣ получается крайняя ступанность изложенія.Так,напр.,при разсмотрѣніи условій,связанных с трудом,приходится говорить частью об условіях внѣшняго характера,выходящих за предѣлы политической экономіи,как напр.,о распредѣленіи населенія по возрастам,по полам и т.п.,что является областью статистики населенія,ча-

стью же условіях чисто соціальных, напр., о распредѣленіи населенія по занятіям и даже о фабричном законодательствѣ и т.п. чему мѣсто, казалось бы, вовсе не в началѣ отдѣла о производствѣ. Затѣм слѣдует ученіе о капиталѣ, причем капитал разсматривается одновременно и как логическая и как историческая категорія хозяйства. Развивается все трудное ученіе о воспроизведеніи общественнаго капитала, совершающемся как извѣстно, путем ряда обмѣнов на основѣ сложных соціальных отношеній капиталистическаго общества. Все вмѣстѣ образует нѣчто в высокой степени хаотическое и незаконченное, ибо, напримѣр, пониманіе условій воспроизводства общественнаго капитала предполагает предварительное знаніе законов реализаціи продуктов в капиталистическом хозяйствѣ. Вообще, ученіе о круговоротѣ общественнаго капитала, будучи одним из труднѣйших отдѣлов политической экономіи, может быть излагаемо лишь в концѣ курса, послѣ выясненія болѣе элементарных явленій капиталистическаго хозяйства, но никоим образом не вначалѣ.

В текстѣ сдѣлана попытка совершенно порвать с традиціонным ученіем о трех факторах производства. В настоящей главѣ разсматривается процесс производства преимущественно в абстрактной формѣ, как логическая категорія хозяйства. В слѣдующих главах будут разсмотрѣны исторически преходящія соціальныя формы, в которых совершается производственный процесс.

С современных курсах политической экономіи до настоящаго времени находят себѣ мѣсто разсужденія о так.наз. производительном и непроизводительном трудѣ. Эта классификація играла в свое время очень большую роль в политической экономіи. Она ведет свое начало преимущественно от физіократов, которые признавали производительным трудом только труд земледѣльца, на том основаніи, что по их взгляду только земледѣльческій труд создает новое богатство. От физіократов это дѣленіе перенял Адам Смит, признавшій производительным всякій труд, создающій материальное богатство. Затѣм между экономистами послѣдовали продолжительные споры по вопросу об отличительных признаках производительнаго и непроизводительнаго труда, причем французскіе экономисты были склонны расширять понятіе производительнаго труда так, чтобы оно охватывало всякій полезный труд, а англійскіе экономисты (школа Рикардо) остались вѣрны пониманію Смита. Спор этот продолжается и до настоящаго времени. Мнѣ кажется он одним из ярких примѣров тѣх чисто схоластическихъ словопреній, в склонности к которым Конт упрекал экономистов. Дѣйствительно для чего нужно экономической наукѣ дѣленіе труда на производительный и непроизводительный? Для физіократов дѣленіе это имѣло вполнѣ опредѣленный и очень важный смысл: с их точки зрѣнія производительный труд был наиболѣе полезным трудом для народнаго хозяйства. Но уже Смит совершенно порвал с этим пониманіем и усиленно настаивал на том, что названная классификація не имѣет ничего общаго с признаніем большей или меньшей полезности различных видов общественнаго труда. Но если так, то все это дѣленіе лишается всякаго научнаго значенія. В сущности, за ним скрывается дѣйствительно очень важное для политической экономіи дѣленіе труда на хозяйственный и нехозяйственный труд. Это послѣднее дѣленіе необходимо экономической наукѣ для точнаго установленія области ея изслѣдованія, и доказывать важность его нѣт надобности. Оно и дано в настоящем курсѣ. Но рядом с ним для традиціоннаго дѣленія труда на производительный и непроизводительный рѣшительно не остается мѣста.

Г Л А В А II.

ПРОСТОЕ И СЛОЖНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО.

I. **Простое сотрудничество.** Индивидуальный, единоличный хозяйственный труд является в человѣческом обществѣ исключеніем, а господствующей формой труда является совмѣстный труд болѣе или менѣе обширных групп людей. Труд нѣскольких людей, находящихся в извѣстном взаимодѣйствіи друг с другом называется **сотрудничеством**. Оно бывает **простым** и **сложным**. Простым сотрудничеством называется совмѣстный труд нѣскольких людей, исполняющих одну и ту же работу. Если же работа их различна, то это будет сложное со-

трудничество. Можно различать три вида простого сотрудничества: 1) товарищескій труд, 2) скопленіе труда и 3) сцѣпленіе труда. Товарищеским трудом называется такой труд, при котором каждый работает независимо от другого, значеніе же товарищества состоит лишь в тѣм непосредственном сосѣдствѣ одного работника с другими. На первый взгляд может показаться, что здѣсь нѣт никакого сотрудничества; однако это близкое сосѣдство работающих людей оказывает на самом дѣлѣ значительное косвенное вліяніе на производительность труда. У первобытных народов существовали даже особыя зданія, предназначенныя для общественнаго труда, раздѣленныя пополам; в одном отдѣленіи работали мужчины, в другом-женщины. И в настоящее время во многих мѣстностях Россіи существует обычай совмѣстных работ, -напр, крестьянскія дѣвушки собираются в одну избу для совмѣстнаго прядѣнія. Точно также ткачи-кустари центральной Россіи еще недавно работали преимущественно в так называемых свѣтелках-общественных зданіях, выстроенных или на средства отдѣльных предпринимателей, или в складчину самими кустарями, причем каждый из участников сплачивал свое мѣсто. Значеніе товарищескаго труда заключается прежде всего в том, что совмѣстный труд дает возможность сообща пользоваться средствами производства, сберегать расходы по отопленію, помѣщенію, освѣщенію и т.п. С другой стороны, товарищескій труд имѣет и чисто психическое вліяніе на работу, дѣлая ее болѣе производительной, благодаря соревнованію работающих, болѣе пріятной внѣшней обстановкѣ, меньшей монотонности и т.п. Вторая форма простого сотрудничества- **скопленіе труда** - имѣет мѣсто тогда, когда нѣсколько работающих соединяют свои усилія вмѣстѣ для исполненія работы, которая превышает силы каждаго из них, напр., при поднятіи большой тяжести. Вообще, когда хозяйственная жизнь требует какого нибудь очень обширнаго сооруженія, то таковое может быть исполнено только при помощи скопленія труда. Обычными примѣрами скопленія труда являются устройство дорог, проведеніе каналов и т.п. Всѣ подобныя сооруженія безусловно превышают силы единичнаго человѣка и могут быть осуществлены лишь при помощи силы масс-соединенія в одно трудовых условій множества людей.

Временное скопленіе труда наблюдается в производствах, имѣющих так назыв. критическіе періоды-такіе періоды, в теченіе которых за крроткій срок требуется исполнить работу, превышающую силу отдѣльнаго человѣка, как напримѣр в земледѣліи-косьба или уборка хлѣба на обширных пространствах и т.п.

Третья форма простого сотрудничества- **сцѣпленіе труда** характеризуется тѣм, что в этом случаѣ рабочіе, хотя и могли бы исполнить данную работу своими единичными силами, но, помогая друг другу, увеличивают производительность общаго труда. Работа могла бы быть исполнена и отдѣльным рабочим (и в этом отличіе сцѣпленія труда от скопленія труда), но не так успѣшно. Характерными примѣрами сцѣпленія труда у первобытных народов являются общественныя охоты и рыбныя ловли. В этом случаѣ, благодаря сотрудничеству обширных масс людей, становится невозможным убить и поймать значительно большее количество дичи, чѣм это было бы доступно при охотѣ единоличными силами. В книгѣ Н. Зибера "Очерки первобытной экономической культуры" приводятся многочисленные примѣры таких общинных охот и рыбных ловель. Во всѣх их примѣняется то, что можно назвать **принципом цѣпи**. Охотники образуют собой цѣпь, облаву, и, благодаря этому, ни одно животное, охваченное цѣпью, не может уйти от охотника.

Сцѣпленіе труда наблюдается также при постройкѣ нѣсколькими рабочими дома. Рабочіе, одновременно работая над постройкой дома, работают болѣе производительно, чѣм мог бы работать отдѣльный рабочій; если бы каждый рабочій работал один, то ему пришлось бы непроизводительно тратить время на переход с одного мѣста к другому, при совмѣстной же работѣ нѣсколько плотников или каменьщиков дом равномѣрно растет со всѣх сторон, -коллективный рабочій охватывает дом со всѣх сторон, и непроизводительная трата труда на перемѣщеніе с мѣста на мѣсто устраняется. Принцип цѣпи выступает с еще большей ясностью, когда рабочіе при постройкѣ дома, чтобы поднять наверх груз кирпичей, становятся в ряд и, вмѣсто то-

гочтобы спускаться и подыматься по одиночкѣ с этим грузом,передают его из рук в руки и,таким образом,переносят его наверх.

Во всѣх этих случаях каждый отдѣльный рабочій непосредственно помогает другому,благодаря чему труд всѣх соединяется в одно общее цѣлое и становится производительнѣе.Вмѣсто одного рабочаго с двумя руками является коллективный рабочій,обладающій десятками и сотнями рук.В других случаях сцѣпленія труда работа каждаго рабочаго сохраняет свой индивидуальный,обособленный характер,но,благодаря одновременным или послѣдовательным трудовым дѣйствіям нѣсколькихъ рабочих,становится возможным для каждаго рабочаго болѣе правильное регулированіе его личнаго труда.Возьмем,напр.,ручную молотьбу.Молотить может и один рабочій. Но,если в молотьбѣ участвует нѣсколько рабочих,причем каждый из них ударяет цѣпом вслѣд за другим,то работа идет гораздо спорнѣе,потому что взмахи цѣпом становятся правильнѣе и ритмичнѣе,поднятіе и опусканіе цѣпа совершаются через одни и тѣ же промежутки времени.Благодаря этой ритмичности,регулируемый внѣшним образом самим процессом совмѣстной работы,становится возможным достиженіе автоматизма работы-а это очень существенно повышает ея производительность.Чѣм автоматичнѣе труд,тѣм меньше приходится рабочему тратить своего вниманія,а,значит, и нервной силы,на исполненіе ея наилучшим образом.Автоматизм работы экономизирует нервную силу человѣка и в то же время дает возможность работнику исполнять работу с быстротой и отчетливостью,присущей чисто рефлекторным процессам нашего организма.

Простое сотрудничество было очень растространено на первых ступенях хозяйственнаго развитія.Но было бы грубой ошибкой думать,что простое сотрудничество свойственно только первоначальным ступеням хозяйственнаго развитія.Наоборот,теперь совмѣстно трудятся гораздо большія массы рабочих,чѣм прежде,соотвѣтственно большей обширности хозяйственных задач.Современная фабрика представляет собою комбинацію простого и сложнаго сотрудничества,причем множество рабочих исполняет одну и ту же работу.Гигантскія предпріятія нашего времени-напримѣр,постройки желѣзных дорог-требуют сотрудничества десятков и сотен тысяч людей,занятых одной и тѣ же работой.

Помимо указанных обстоятельств,повышающих производительность труда рабочих,работающих сообща,всѣм видам совмѣстной работы болѣе или менѣе обширных групп людей присущи в большей или меньшей степени тѣ выгоды, которыя свойственны,с чисто технической стороны,к р у п н о м у производству сравнительно с м е л к и м .Постройка дома вдвое большей вмѣстимости стоит,как общее правило,не вдвое больших,а нѣсколько меньших затрат;устройство котла вдвое больших размѣров обходится не вдвое дороже,а нѣсколько меньше; одинаковое освѣщеніе вдвое большаго помѣщенія требует не двойного,а нѣсколько меньшаго увеличенія осветительных средств;для отопленія вдвое большаго дома требуется менѣе,чѣм вдвое топлива,и точно также машина вдвое больше силы требует менѣе, чѣм вдвое большаго количества топлива для исполненія двойной работы, и т.д. и т.д.Вообще,в извѣстных предѣлах,всякое увеличеніе размѣров производства приводит к тому,что на достиженіе того же полезнаго эффекта приходится затрачивать меньше и меньше силы.

По нѣкоторым американским вычисленіям,годовой расход в промышленных предпріятіях на одну конную силу при пятисильных паровых машинах равен,в переводѣ на русскія деньги,354 р.,при пятидесятисильных машинах-105 р. и при машинах в 3.000 сил-36 р. Газовый двигатель в одну конную силу стоит фабрикѣ 470р.,а в десять сил-I.690 р. Единица силы турбины при электрической станціи обходится тѣм дешевле,чѣм большее количество сил даст турбина.Так,при турбинѣ в 50 сил одна сила стоит I09,5 марок,а при турбинѣ в 4700 сил одна сила стоит всего 20 марок. Точно также и при передачѣ электрической энергіи на разстояніе единица сила обходится тѣм дешевле,чѣм больше сил передается.При 200 передаваемых лошадиных силах стоимость передачи одной силы на I килом.равна 40 мар.,а при 20.000-только I.25 мар.Чѣм крупнѣе динамо-машина,тѣм менѣе энергіи она теряет непроизводительно: у динамо-машин в 5.000 киловатт непроизводительная потеря энергіи равна 2I,7%,а у машины в I00 киловатт она доходит до 32.7%.На петербургском машиностроительном заводѣ Г.А.Лесснера паровой котел в I00 квадр. метров площади нагрѣва

в 200 кв.метров за 7.009-8.000 р.На том же заводѣ паровая машина компаунд с конденсаціей в I00 сил продается,приблизительно за I2 тыс.р., а такая же машина в 200 сил-за I7-I8 тыс.руб.

Чѣм крупнѣе машина,постройка или какое-либо сооруженіе,чѣм,в извѣстных предѣлах,меньше стоит единица полезнаго эффекта.

Эта зависимость имѣет такой всеобщій характер,что она не может не вытекать из каких либо общих законов природы.И дѣйствительно зависимость эта есть не что иное,как необходимое послѣдствіе геометрическаго закона соотношенія объемов и поверхностей.Объемы паров растут,как кубы радіусов,а поверхности,как квадраты радіусов:чѣм больше тѣло,тѣм меньше приходится поверхности на единицу объема,откуда слѣдует,что во всѣх тѣх случаях,когда полезное дѣйствіе тѣла находится в соотношеніи с его объемом,а стоимость производства-с его поверхностью (что является наиболѣе частым случаем в хозяйствѣ),увеличеніе объема производимых тѣл должно,при прочих равных условіях,уменьшать стоимость достиженія даннаго полезнаго эффекта.Поэтому,при прочих равных условіях, чѣм больше дом,тѣм дешевле обходится единица его объема.Машина вдвое большаго объема и вдвое больше принимающая топлива менѣе, чѣм вдвое больше, непроизводительно теряет тепла через свою поверхность; точно также непроизводительное треніе,при увеличеніи вдвое объема машины,увеличивается менѣе,чѣм вдвое,ибо поверхность машины увеличивается при этом менѣе,чѣм вдвое,и т.д и т.д Благодаря всему этому полезное дѣйствіе машин растет по мѣрѣ увеличенія ея объема.Чтобы отопить вдвое большее помѣщеніе,требуется менѣе чѣм вдвое топлива потому,что при увеличеніи вдвое помѣщенія уменьшается по отношенію к ея вмѣстимости, площадь его поверхности,а всякое помѣщеніе непроизводительно теряет теплоту через свою поверхность.Если вынуть стѣну,раздѣляющую двѣ освѣщенныя комнаты,то сила свѣта в каждой из них увеличится,так как свѣт в одной комнатѣ будет освѣщать и другую и т.д и т.д.

Поэтому при крупном производствѣ,имѣющем возможность пользоваться болѣе крупными постройками,машинами и вообще средствами производства, пользованіе ими по отношенію к их полезному эффекту,обходится дешевле, единица полезнаго дѣйствія стоит меньше,чѣм при мелком-и в этом заключается основное техническое преимущество крупнаго производства над мелким.Но преимущество это не имѣет абсолютнаго значенія:оно имѣет силу лишь в извѣстных предѣлах.Так напр.,постройка двухэтажнаго дома обходится относительно дешевле,чѣм одноэтажнаго,потому,что сберегаются расходы на крышу и фундамент-то и другое приходится дѣлать в обоих случаях в равном размѣрѣ.Но,напримѣр,постройка двадцатиэтажнаго дома обошлась бы не в двадцать,а гораздо большее число раз дороже,чѣм постройка обычнаго одноэтажнаго дома.В этом случаѣ пришлось бы прибѣгнуть к совершенно иным строительным материалам и пріемам постройки,так как обычные строительные материалы не обладают для такой постройки достаточной прочностью.Таким образом,за извѣстным предѣлом увеличеніе объема производимаго продукта ведет к относительно болѣе быстрому возрастанію расходов производства,благодаря все большему сопротивленію,которое приходится при этом преодолѣвать.

Итак,правило относительной выгодности крупнаго и мелкаго производства может быть формулировано слѣдующим образом.Крупное производство требует,до извѣстнаго предѣла,при прочих условіях равных,для достиженія единицы полезнаго эффекта меньшей затраты труда,чѣм мелкое; по достиженіи же этого предѣла дальнѣйшее увеличеніе размѣра производства ведет к росту стоимости единицы полезнаго эффекта.Иначе говоря,для каждаго рода производства существует свой ортимум-такой размѣр производства,при котором производительность труда достигает своей наибольшей величины.До достиженія этого оптимума всякое увеличеніе размѣра производства увеличивает производительность труда;когда оптимум достигнут,то дальнѣйшее увеличеніе размѣра производства ведет к паденію производительности труда.

На каком пунктѣ находится тот предѣл,за которым дальнѣйшее расширеніе производства технически нерационально,ибо оно сопровождается не повышеніем,а пониженіем производительности труда- это в общей формѣ

установлено быть не может и зависит от сложных технических и экономических условій каждаго отдѣльнаго рода производства.

II. С л о ж н о е с о т р у д н и ч е с т в о. В основѣ сложнаго сотрудничества лежит раздѣленіе труда, которое бывает двоякаго рода: 1) т е х н и ч е с к о е и 2) о б щ е с т в е н н о е. Техническим раздѣленіем труда называется разложеніе какой-либо трудовой операціи на ея различныя составныя части, причем каждая часть работы выполняется особым рабочим. Общественное же раздѣленіе труда заключается в том, что каждый рабочій спеціализируется на исполненіи той или иной различной частичной работы, входящей в состав всего общественнаго труда.

Общественное раздѣленіе труда может не сопровождаться техническим и обратно. Так, напр., если мужчины занимаются охотой, а женщины земледѣліем (как в первобытном племени), то в данном случаѣ имѣется общественное раздѣленіе труда. Но техническаго раздѣленія труда нѣт, так как охота и земледѣленіе не представляют собою одной трудовой операціи, которая впослѣдствіи подраздѣлилась бы на составныя части: перед нами двѣ совершенно независимыя друг от друга производственныя операціи, и, значит, спеціализація отдѣльных членов общества на исполненіи одной из них не означает собой техническаго раздѣленія труда. С другой стороны, если одна трудовая операція раздѣляется на свои различающіяся друг от друга составныя части (напр., в классическом примѣрѣ смитовском булавочной мануфактурѣ, гдѣ один рабочій тянет проволоку, другой выпрямляет ее, третій рѣжет, четвертый заостряет булавку, пятый приготовляет головку и т.д.), то мы имѣем несомнѣнно техническое раздѣленіе труда. Но если отдѣльные рабочіе не спеціализируются на выполненіи одной и той же операціи, — если, напр., сегодня данный рабочій тянет проволоку, завтра ее рѣжет, послѣзавтра ее выпрямляет и тд., то всѣ рабочіе, по истеченіи извѣстнаго періода времени, оказываются исполнявшими тѣ же разнообразныя трудовыя операціи, и, значит, спеціализаціи труда в их средѣ не было. Слѣдовательно в данном случаѣ не было и общественнаго раздѣленія труда, несмотря на наличность его техническаго раздѣленія. В нашей кустарной промышленности нерѣдко наблюдается весьма детальное техническое раздѣленіе труда при отсутствіи общественнаго; один и тот же кустарь может исполнять, и фактически послѣдовательно исполняет, всѣ разнообразныя частичныя операціи (одновременно исполнимыя разными кустарями), из которых слагается полная производственная операція.

Общественное раздѣленіе труда исторически предшествует техническому. Вначалѣ оно основалось преимущественно на естественных различіях людей по полу и возрасту.

"Принцип, лежащій в основѣ стариннаго раздѣленія труда, — говорит Бюхер, — заключается по преимуществу в том, что на женщину падает вся работа, связанная с обработкой и добываніем растительных веществ, а также приготовленія необходимых для этого орудій и сосудов, а на долю мужчины выпадает охота, рыбная ловля, уход за скотом и точно также приготовленіе необходимых для этого оружій и орудій. В область женскаго труда входили таким образом многія очень тяжелыя и утомительныя работы, как напр, молотьба и размол хлѣбных зерен, печенье хлѣба, приготовленіе пищи и напитков, гончарничество и обработка растительных волокон".

Сложное сотрудничество еще болѣе повышает производительность труда, чѣм простое сотрудничество. Ко всѣм выгодам простого сотрудничества в сложном сотрудничествѣ присоединяется, благодаря раздѣленію труда, ряд чрезвычайно существенных новых выгод. Адам Смит отмѣтил слѣдующія выгоды раздѣленія труда: 1) благодаря спеціализаціи на одном занятіи увеличивается легкость обученія этому занятію, ловкость и искуство рабочаго в данной отрасли труда; 2) при занятіи все время одним и тѣм же трудом исчезают перерывы работы, требующіеся для перехода от одного труда к другому и 3) при упрощеніи производственных операцій облегчается возможность техническихъ усовершенствованій и изобрѣтеній, которыя, при значительном раздѣленіи труда, могут дѣлаться даже необразованными рабочими, занятыми этими упрощенными операціями.

Первая выгода раздѣленія труда, указанная Смитом, не может быть оспариваема, но ей противостоит та невыгода, что человѣк, занимаясь исключительно одним занятіем, становится узким спеціалистом, — что влечет за собой для него разнообразныя невыгодныя послѣдствія. Неравномѣрное упражненіе органов нашего тѣла неблагопріятно дѣйствуют на общее состояніе нашего организма; одностороннее упражненіе наших способностей разстраивает наше общее здоровье. Поэтому, как ни велики ловкость и искусство, достигаемыя спеціализаціей на одном родѣ труда, они часто покупаются дорогой цѣной ослабленія организма. Сколько профессіональных болѣзней возникает на почвѣ чрезмѣрной спеціализаціи. Чрезмѣрная спеціализація, в концѣ концов вредит и успѣху самой спеціализированной работы, так как извѣстная разносторонность, полнота развитій наших способностей, требуется и для успѣшнаго дѣйствія каждой из них. Это вѣрно как по отношенію к физическому, так и умственному труду. Конечно, нельзя с успѣхом заниматься многими различными работами. Но сосредоточивши всѣ свои силы на исполненіи какой-либо одной из них, в ущерб всесторонности развитія нашего психофизическаго организма — это значить подорвать свою собственную работоспособность и понизить производительность своего труда.

Вторая выгода раздѣленія труда, указанная Смитом, не имѣет существеннаго значенія, так как на переход от одного занятія к другому требуется незначительное время, или даже на это не требуется никакой затраты времени, если работник сегодня занимается одним дѣлом, завтра другим и т.д., а между тѣм разнообразіе занятій, дѣлая труд болѣе пріятным и менѣе утомительным повышает производительность работы.

Значеніе третьей, указанной Смитом выгоды раздѣленія труда крайне им преувеличено; в XVIII вѣкѣ техническія изобрѣтенія могли дѣлаться простыми рабочими, вслѣдствіе простоты производственных операцій, но теперь изобрѣтенія дѣлаются людьми науки, как результат развитія научной теоріи, и упрощеніе производственных операцій не играет при этом большой роли.

Однако, сдѣланный Смитом перечень выгод раздѣленія труда далеко не полон. Так, им не отмѣчена самая существенная из этих выгод, указанная еще Платоном, а именно то, что при раздѣленіи труда возможно приспособленіе труда к естественным склонностям, способностям и силам каждаго. Так как способности, склонности и силы различных людей различны, то лишь при раздѣленіи общественнаго труда является возможность для каждаго человѣка исполнять то именно дѣло, которое он может дѣлать наилучшим образом. Благодаря этому становится возможным утилизировать в интересах увеличенія производства такія слабыя силы, как, напр., силы дѣтей, и вообще получать от каждаго члена общества максимум полезной работы, к которой он способен.

Весьма существенной выгодой раздѣленія труда является, далѣе, как указали Торренс и Джемс Милль, также и то, что, благодаря раздѣленію труда, становится возможным наилучшее использованіе сил внѣшней природы. Матеріальная среда, в которой приходится дѣйствовать человѣку, в высшей степени дифференцирована. Почвенныя, климатическія, геологическія и пр. условія в каждом пунктѣ любой территоріи различны. Благодаря территоріальному и международному раздѣленію труда, становится возможным наилучшее приспособленіе общественнаго труда в каждом пунктѣ территоріи к естественным условіям окружающей человѣка внѣшней среды. В мѣстностях богатых полезными ископаемыми, господствующей отраслью хозяйства становится горное дѣло, в мѣстностях с плодородной почвой — земледѣліе, в удобных бухтах — морская торговля и т.д. и т.д. Именно в силу этого принципа мы наблюдаем такое разнообразіе в хозяйственном строѣ различных стран: различія хозяйственнаго строя в большей или меньшей степени суть результат приспособленія населенія к различію естественных условій, в которых ему приходится жить (но, конечно, кромѣ этого обстоятельства, различія эта составляют слѣдствіе и других причин соціальнаго характера). Наконец, послѣдняя выгода раздѣленія труда, также не отмѣченная Смитом, а впервые указанная американцем Джоном Рэ, заключается в том, что при раздѣленіи труда возможно наибольшее использованіе средств производства капитала. Если рабочій исполняет разновременно нѣсколько разных работ, то частью его инструментов должна лежать праздно. Так, наприм., орудія труда кустаря остаются без употребленія, когда он занят в полѣ.

При раздѣленіи же труда орудія труда могут быть все время в работѣ. Однако, эта выгода обусловливается лишь существованіем частной собственности на средства производства, -с переходом же средств производства в общественную собственность эта выгода отпала бы, ибо в этом случаѣ каждый рабочій мог бы послѣдовательно исполнять разныя работы, и орудія, которыми не пользуется в данное время один рабочій, могли бы одновременно употребляться другим.

Введеніе машины, замѣняющей человѣка в процессѣ производства, полагает границы и для раздѣленія труда в процессѣ производства. Для руководительства машиной требуется не столько физическая ловкость, сколько интеллигентность и извѣстныя психическія свойства-в особенности способность к непрерывному напряженному вниманію. Раздѣленіе труда между работающими людьми замѣняется раздѣленіем работы между машинами: каждая машина приспособляется для извѣстной спеціальной производственной операціи, а за рабочим остается лишь надзор за работой машины. Но, конечно это вѣрно лишь в извѣстных предѣлах. Идеальных машин, совершенно замѣняющих человѣка, не существует, и потому спеціализація машин не может устранить необходимости спеціализаціи и работающих при помощи их людей.

Таким образом, из всѣх выгод раздѣленія труда, указанных разными авторами, сохраняют свое значеніе при всяком общественном строѣ лишь слѣдующія: I) легкость обученія спеціализированному труду и увеличеніе ловкости рабочаго, 2) возможность большаго приспособленія даннаго спеціализированнаго труда к индивидуальным способностям и силам отдѣльнаго человѣка и 3) возможность большаго приспособленія спеціализированнаго труда к особенностям внѣшней среды, в которой человѣку приходится работать. Эти выгоды, несомнѣнно, очень важны и существенны-но все же не настолько, чтобы на основаніи их можно было признать все большее и большее раздѣленіе труда законом общественнаго прогресса. Наоборот, общественный идеал требует гармоническаго развитія личности, что полагает извѣстныя преграды раздѣленію труда.

III. Д и ф ф е р е н ц і а ц і я о б щ е с т в а. Вмѣстѣ с ростом общественнаго раздѣленія труда общество дифференцируется-распадается на обособленныя общественныя группы. Уже очень рано обособляется группа жрецов, кудесников или знахарей. Религія возникла под вліяніем страха смерти и убѣжденія дикаря, что души умерших людей живут в тѣх или иных предметах и обладают властью над живыми людьми. Мало по малу возникает группа лиц, которая является предствительницей религіознаго культа. Вначалѣ в большинств случаев кудесниками и жрецами были люди, страдавшіе нервными болѣзняит: их ненормальность поражала окружающих, в глазах которых они обладали сверхестественным могуществом. На почвѣ этого религіознаго страха создалось господство жрецов, вліяніе которых достигло таких размѣров, что возникали цѣлыя теократическія монархіи (Мексика, Перу, Египет) И в новѣйшее время представители религіознаго культа умѣли подчинять себѣ цѣлые народы, как, напр., могущественнѣйшая религіозная организація новаго времени- римско-католическая церковь. Духовенство обычно пользовалось своей соціальной властью в интересах своих, но самая его власть основывалась на том, что оно было носителем духовной культуры, сосредоточивало в себѣ знаніе и науку своего времени. В качествѣ представителя знанія духовенство, как указал еще Сен-Симон, исполняло в прежнее время срезвычайно важную соціальную функцію, ту самую, которую в настоящее время выполняют люди умственнаго труда-так называемая интеллигенція.

Второй группой, выдѣлившейся в первобытном обществѣ, была группа воинов и правителей. Из среды их, наряду с духовной аристократіей, возникает свѣтская аристократія. С развитіем частной земельной собственности духовенство и аристократія сатновятся первыми крупными землевладѣльцами, и их господство упрочивается на экономической основѣ, но возникает оно первлначально на основѣ общественнаго раздѣленія труда.

Третьей господствующей группой ранняго общества является группа торговцев. На первых ступенях общественнаго развитія торговцев не существовало, -обмѣн, если и производился, то без особых торговых посредников. И теперь в Африкѣ встрѣчаются еще племена, которыя хотя и устраивают ярмарки, но обходятся без торговцев. Первыми торговцами явились вожди племен. В древней Руси князь был тоже самым крупным торговцем своего княжества. Понемногу торговцы обособляются и дифференцируются-появляются цѣлые торговые народы (малайцы, финикіяне, арабы). Первобытныя племена вообще мало склонны к торговлѣ; в силу этого торговые народы становятся монополистами. Мало-по-малу торговля развивается и у тѣх племен, которыя первоначально ея не вели. Таким образом совершается дифференціація господствующих общественных групп-жрецов (духовенства), свѣтской аристократіи и торговцев.

Остальная масса населенія также мало по малу дифференцируется. Прежде всего выдѣлилась группа ремесленников. Самым древним ремеслом было кузнечное, причем среди кузнецов встречались как представители господствующих сословій, так и рабы. Объясняется это тѣм, что всякій свободный человѣк, знающій это важное и трудное ремесло-приготовленіе оружія, -легко выдѣлялся из среды себѣ подобных и занимал болѣе видное положеніе, а, с другой стороны, вожди охотно пріобрѣтали себѣ рабов, знавших кузнечное ремесло. В гомеровскую эпоху мы уже видим, кромѣ кузнецов, также и плотников, горшечников, кожевников и др. ремесленников. В новѣйшее время число отдѣльных профессій все возрастает. В 1882 г. промышленная перепись насчитала в Германіи уже около 6.000 отдѣльных профессій, в 1895 г.-даже болѣе 10.000.

Раздѣленіе труда захватывает чрезвычайно широкую область общественной жизни и далеко выходит за предѣлы хозяйственных отношеній. Принцип все растущаго раздѣленія функцій Спенсер попытался распространить не только на все развитіе человѣческаго общества, но и на всю міровую эволюцію. Сущность міровой эволюціи, как неорганической, так и органической природы в томъ числѣ и человѣческаго общества-Спенсер усматривает в том, что первоначальный безсвязный однородный аггрегат распадается на все болѣе разнородную и все тѣснѣе связанную в своих частях массу.

Такой путь развитія проходит туманная масса, превращаясь в планетную систему, и каждая отдѣльная планета, становясь все болѣе и болѣе рахнородной по мѣрѣ своего охлажденія; также развивается животное и растительное царство со своим чрезвычайним разнообразіем форм, возникшим из первоначальной почти не дифференцированной массы протоплазмы, равно как и каждый отдѣльный организм, развившійся со всей сложностью своей структуры из материнской слабо дифференцированной клѣтки. Тот же самый закон развитія имѣет силу, по мнѣнію Спенсера, и относительно человѣческаго общества; и человѣческое общество первоначально знает лишь слабые зачатки раздѣленія труда, но чѣм дальше идет общественное развитіе, тѣм болѣе дифференцированным оказывается общество, тѣм глубже и детальнѣе в нем подраздѣляется труд, тѣм болѣе спеціализируются отдѣльные рабочіе, каждый в своем родѣ труда, и тѣм менѣе способным оказывается каждый из них исполнять работу другого.

Аналогія, проводимая Спенсером между развитіем человѣческаго общества и развитіем всего мірозданія, показалась многим чрезвычайно соблазнительной. Дѣйствительно не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что общественный прогресс до сих пор, в общем, сопрпровождался все далѣе и далѣе идущим раздѣленіем труда и дифференціаціей общества. Поэтому казалось весьма правдоподобным, что в этом и заключается закон общественнаго прогресса. С другой стороны этот установленный Спенсером закон являлся и как бы научной санкціей существующаго строя, тѣсно связаннаго с характором господствующаго раздѣленія труда. В настоящее время мы видим, что общество раздѣлено на группы, рѣзко спеціализировавшіяся на исполненіи опредѣленных родов труда: умственный труд является достояніем немногочисленной группы лиц, стоящих во главѣ современнаго общества, а остальная, несравненно болѣе многочисленная часть общества, играющая подчиненную роль, занята исключительно разными родами физическаго труда. При этом, как общее правило, замѣчается, что чѣм болѣе подчиненное положеніе занимает та или иная общественная группа, тѣм болѣе тягостный, непріятный и непроизводительный труд выпадает ей на долю. В современном обществѣ раздѣленіе труда, несомнѣнно, соотносительно разспредѣленію между различными общественными группами политическаго и экономическаго могущества. Закон Спенсера как бы санкціонировал не только существующее раздѣленіе труда, но и тѣсно связанное с ним распредѣленіе в обществѣ богатства и власти.

Однако,что касается послѣдняго,то возникает прежде всего вопрос:какое из этих двух относительных явленій представляет собою причину и какое-слѣдствіе?Является ли существующее распредѣленіе богатства и власти между различными общественными группами слѣдствіем существующаго между ними раздѣленія труда или,наоборот,существующее раздѣленіе труда есть не болѣе,как одно из вторичных послѣдствій болѣе основной и глубокой причины-существующаго распаденія общества на группы различнаго политическаго и экономическаго государства?

Вопрос этот чрезвычайно важен.Если принять первое,то слѣдует признать и существующее глубокое соціальное неравенство естественным и неустранимым послѣдствіем того,что различныя общественныя группы исполняют общественныя функціи далеко не одинаковаго значенія для общества. Кто станет,напримѣр,оспаривать,что мыслители,ученые,политическіе вожди,художники дѣлают для общества болѣе важное дѣло,чѣм люди простого чернорабочаго труда? Что же удивительнаго,что этим группам выпадает львиная доля общественнаго богатства и что в их руках находится политическая власть?Люди умственнаго труда господствуют по праву преимущественной важности исполняемаго ими рода общественнаго труда.Но если так,то экономическое неравенство неустранимо,ибо оно коренится в самой природѣ вещей--в различной производительности умственнаго и физическаго труда.

Все это было бы так,если бы вѣрна была посылка,на которой построен этот вывод.Но посылка эта невѣрна.Господствующее раздѣленіе труда есть не причина,а одно из многочисленных послѣдствій существующаго экономическаго и политическаго неравенства.Дѣйствительно на первых ступенях общественнаго развитія классовое сложеніе общества опредѣляется раздѣленіем общественнаго труда.Группы,выполняющія болѣе важныя общественныя функціи,становятся господствующими общественными классами и пользуются своим преобладающим положеніем прежде всего для того,чтобы поставить подчиненныя общественныя группы в экономическую зависимость от себя. Но чѣм дальше идет общественное развитіе,тѣм больше и больше измѣняется это положеніе дѣла.Пріобрѣтенные навыки и познанія разнаго рода не могут передаваться из поколѣнія в поколѣніе по наслѣдству.Напротив,богатство,с величайшей легкостью передается по наслѣдству,точно также,как и политическая власть.Люди,вышедшіе из среды господствующих и богатых классов, в теченіе длиннаго ряда поколѣній занимавшихся преимущественно умственным трудом разнаго рода,обладают, как показывает ежедневный опыт?отнюдь не большими способностями к исполненію труда этого рода,чѣм люди,вышедшіе из среды классов,удѣлом которых является по преимуществу физическій труд.Напротив,рожденіе в средѣ господствующаго класса совершенно достаточно,как общее правило, для того,чтобы человѣк,совершенно независимо от своих личных качеств, получил доступ к высшим общественным функціям.Как легко человѣку совершенно бездарному занимать вліятельное общественное положеніе,если только он имѣл счастье имѣть вліятельных и богатых родственников.

Именно благодаря этой возможности заурѣпить в средѣ извѣстной общественной группы преимущественныя способности и умѣніе выполнять болѣе важныя общественныя функціи и благодаря большой легкости закрѣпить в средѣ той же группы,путем наслѣдственной передачи,богатство и политическое вліяніе,раздѣленіе общественнаго труда все болѣе и болѣе становится из причины соціальнаго неравенства слѣдствіем этого послѣдняго.Что касается современнаго общества,то не может быть ни малѣйшаго сомнѣнія,что в ном рѣшающую роль играет характер распредѣленія между различными общественными группами богатства,а характер общественной функціи,исполняемой каждой группой,опредѣляется прежде всего экономическими условіями существованія этой группы.(Ср.весьма любопытную полемику по этому же вопросу между Бюхером и Шмоллером.Шмоллер выступил с болѣе чѣм смѣлым утвержденіем,что "касты аристократія,в видѣ духовенства,военоначальников,купцов,цеховой строй,вся современная организація труда являются лишь измѣняющимися во времени формами,созданными в обществѣ раздѣленіем труда и дифференціацій...Различія же в соціальном положеніи,имуществѣ,почетѣ и доходѣ являются лишь вторичными послѣдствіями соціальной дифференціаціи."Этому утвержденію Бюхер противопоставил обратное: "различіе в имуществѣ и доходѣ не несть слѣдствіе,а главная причина раздѣленія труда." "Поскольку наши имущіе классы представляют собой и соціально-профессіональные классы,они являются таковыми не в силу того,что профессія создает имущество,а вслѣдствіе того,что выбор профессіи обусловливается имущественным состояніем и приносимый ею доход обыкновенно повышается и понижается подобным же образом,как и размѣры имущества,на котором основывается данная профессія" ("Возникновеніе народнаго ходяйства"В-а.II.Стр.105-108).В своем курсѣ Шмоллер значительно ослабил рѣзкость и опредѣленность своего первоначальнаго утвержденія. "Я считаю возможным,-говорит Шмоллер, в этом своем новѣйшем трудѣ,-утверждать,несмотря на заслуживающія вниманія возраженія мнѣ Бюхера относительно вліянія распредѣленія имущества,что распредѣленіе профессій часто-и,особенно,в прежнее время предшествовало различіям имущества,и что различіе имущества и в настоящее время часто является слѣдствіем,а не причиной классовых и индивидуальных различій." (Грундрисс,I.Стр.398).Против послѣдняго,конечно,не стал бы возражать и Бюхер.Вопрос заключается не в отдѣльных случаях,а в общем правилѣ-а тут тезис Бюхера остается вполнѣ вѣрным.).

Уменьшеніе соціальнаго неравенства должно,слѣдовательно,устранить одну из наиболѣе могущественных причин,вызывающих в настоящее время столь далеко идущее раздѣленіе труда.Уже одно это соображеніе значительно ослабляет убѣдительную силу доводов Спенсера относительно неизбѣжности все больше и больше дифференціаціи общества.

Но и принципіально аналогія Спенсера между развитіем человѣческаго общества и развитіем организма не выдерживает критики.В организмѣ нѣт и не может быть конфликта между интересами отдѣльных частей организма и интересами цѣлаго,тогда как в обществѣ постоянно наблюдается несогласованность интересов общества и личности.Человѣческая личность защищает свои права и интересы и не поступается ими ради цѣлаго,-она самоцѣль.И именно поэтому общественная дифференціація может считаться прогрессом лишь до извѣстных предѣлов-пока она согласуется с интересами личности.А нельзя сомнѣваться,что общественная дифференціація может противорѣчить интересам личности.

Гармоническое развитіе личности требует всесторонняго развитія ея способностей.Общественная же дифференціація стремится превратить личность в простой орган общества,развить нѣкоторыя ея способности за счет сокращеній других.Если признавать человѣческую личность верховной цѣнностью жизни,то такое уродованіе личности не может не рассматриваться,как нѣчто такое,с чѣм человѣк и может и должен бороться.Поэтому вполнѣ понятен и законен протест против чрезмѣрнаго раздѣленія труда.Цѣлый ряд мыслителей выступал с этим протестом,противопоставляя идеалу дифференцированнаго общества идеал возможно болѣе широкаго всесторонняго гармоническаго развитія личности.

Конечно,нельзя ожидать полнаго уничтоженія общественнаго раздѣленія труда.Раздѣленіе труда в извѣстных предѣлах составляет необходимое условіе его производительности.Раздѣленіе труда никогда не исчезнет уже потому,что оно в интересах личности:люди различаются друг от друга по своим способностям,наклонностям и вкусам,и эти естественныя различія не могут исчезнуть ни при каком общественном строѣ.Человѣческая личность заинтересована,прежде всего в том,чтобы возможно полнѣе,с возможно большей свободой,развивать всѣ свои способности и особенности, откуда слѣдуст,что естественныя различія людей должны,при полной свободѣ развитія личности,приводить к соотвѣтствующим различіям в родѣ дѣятельности каждаго.Не менѣе необходимо и раздѣленіе общественнаго труда,вытекающее из различія естественной среды, в которой живет общество.Однако,раздѣленіе труда в соціалистическом обществѣ существенно отличалось бы от современнаго тѣм,что теперь в основѣ общественнаго раздѣленія труда лежит распаденіе общества на группы лиц различной имущественной состоятельности- в соціалистическом же обществѣ раздѣленіе труда пріурочивалось бы к индивидуальным особенностям каждаго человѣка и к различіям внѣшней среды.

Принцип раздѣленія труда является одной из тѣх научных идей,которыя,

Принцип раздѣленія труда является одной из научных идей,которыя, будучи установлены в предѣлах одной науки,вполнѣ достойно пріобрѣли гораздо болѣе широкое значеніе и стали одной из господствующих идей научнаго познанія вообще.Современная біологія стоит на почвѣ этой идеи, разсматривая организм,как сложный комплекс дифференцированных органов из которых каждый приспособлен к исполненію только строго специализированной работы.Спенсер,как указано,попытался еще болѣе обобщить этот принцип и увидѣл в нем основной закон міровой эволюціи.С теоріей Спенсера нельзя согласиться,но уже одна возможность ея возникновенія и широкой популярности в кругах ученых показывает,какое широкое значеніе придается в разных сферах знанія принципу раздѣленія труда.

Твердое и опредѣленное установленіе его является научной заслугой того,что обыкновенно(хотя и неправильно)называют отцом политической экономіи-Адама Смита.В раздѣленіи труда Смит усматривал важнѣйшее средство повышенія производительности труда.При этом,однако,Смит отождествлял хозяйство,основанное на раздѣленіи труда,с меновым хозяйством, он предполагает,что каждый отдѣльный специализированный рабочій является собственником производимаго им продукта,благодаря чему удовлетвореніе общественных потребностей становится возможным лишь при посредствѣ обмѣна этими рабочими их продуктов.Как непосредственный вывод из этого сближенія раздѣленія труда и обмѣна,явилось ученіе Адама Смита, что границы возможнаго в обществѣ раздѣленія труда опредѣляются размѣром рынка:чѣм шире рынок,тѣм обширнѣе область сбыта,тѣм дальше может быть проведено раздѣленіе труда.При отсутствіи обмѣна каждый должен изготовлять в своем хозяйствѣ все нужные ему продукты,при наличности же широкаго рынка товаропроизводитель может специализироваться на изготовленіи продуктов,удовлетворяющих самой ничтожной долѣ потребностей отдѣльнаго человѣка,благодаря тому,что число людей,на которых работает данный товаропроизводитель,велико.

Однако,как показал Маркс,ученіе Адама Смита о связи между обмѣном и раздѣленіем труда страдает смѣшеніем двух различных форм раздѣленія труда.Одну из этих форм Маркс называет "раздѣленіем труда внутри мануфактуры", другую- "раздѣленіем труда внутри общества".Первая заключается в том,что в предѣлах капиталистическаго предпріятія-мануфактуры-отдѣльные рабочіе исполняют различныя операціи,причем продукт их труда не принадлежит ни к какой стадіи самим производителям,а всегда хозяину предпріятія-капиталисту.Никакого обмѣна внутри мануфактуры не происходит.Напротив,при общественном раздѣленіи труда продукт принадлежит непосредственным производителям,являющимся в этом случаѣ мелкими товарными производителями,и связь между ними устанавливается путем обмѣна.

В своей критикѣ Смита Маркс совершенно прав.Но его разграниченіе раздѣленія труда в мануфактурѣ и обществѣ,прежде всего,слишком узко. Мануфактура только одна из многих форм хозяйственных организацій,внутри которых наблюдается раздѣленіе труда.Труд был подраздѣлен очень детально и в рабском хозяйствѣ римскаго патриція и еще болѣе подраздѣлен в современной фабрикѣ.Кромѣ того очень странно противопоставлять раздѣленіе труда внутри предпріятія таковому же внутри общества-вѣдь рабочіе в предпріятіи суть члены общества.Если рабочіе в мануфактурѣ специализируются на исполненіи только опредѣленных работ,то на основѣ мануфактурнаго раздѣленія труда возникает несомнѣнно и общественное раздѣленіе труда. Поэтому проводимое в текстѣ настоящаго курса разграниченіе общественнаго и техническаго раздѣленія труда построено на совершенно другом основаніи.

Однако,исходя из соображеній Маркса,можно прійти к разграниченію раздѣленія труда в н у т р и предпріятія и м е ж д у отдѣльными предпріятіями,связанными между собою обмѣном.Это разграниченіе имѣет свое значеніе,но оно построено на ином логическом основаніи,чѣм разграниченіе общественнаго и техническаго раздѣленія труда и не имѣет с послѣдним ничего общаго,классифицируя явленіе раздѣленія труда с совершенно иной точки зрѣнія.Между тѣм в русских курсах политической экономіи обѣ эти совершенно некоординированныя классификаціи обычно объеди-

няются в одну,и,напр.,В.Я.Железнов в своем интересном и цѣнном трудѣ политической экономіи говорит о техническом и обществом раздѣленіи труда,подразумѣвая под нѣм раздѣленіе труда внутри предпріятія и между отдѣльными предпріятіями.Получается логическая путаница,которая может быть устранена лишь тогда,когда мы будем строго различать обѣ названныя классификаціи явленій раздѣленія труда.

Смит видѣл в раздѣленіи труда самое могущественное средство поднятія производительности труда,которым только располагает человѣчество. В этом,опять-таки,Смит совершенно неправ.Как правильно указал Дюринг, раздѣленіе труда имѣет в этом отношеніи гораздо меньшее значеніе,чѣм примѣненіе к производству машин.Точка зрѣнія Смита объясняется тѣм, что он жил в то время,когда эра машиннаго производства еще не началась.

В новѣйшее время попытался реформировать ученіе о раздѣленіи труда Бюхер.

Однако,классификація различных видов раздѣленія труда,данная Бюхером,кажется мнѣ очень искусственной и мало удобной для цѣлей изслѣдованія.По этой причинѣ я и не пользовался ею в текстѣ.

За послѣднее время очень нашумѣли исторія попытки систематическаго примѣненія раздѣленія труда внутри капиталистическаго предпріятія, в особенности так называемая "научная система Тейлора".Система эта сводится к расчлененію хозяйственнаго труда на простѣйшія операціи и поручению их соотвѣтствующим рабочим в видах повышенія производительности их труда.Система Тейлора возникла по побужденіям капиталистическаго характера-выжать из рабочих как можно больше полезной работы- и потому естественно была встрѣчена ими враждебно.По существу же,эта система,поскольку она повышаетъ производительность труда,является фактором прогрессивным; но конечно,рабочіе имѣют законное право принимать мѣры к тому,чтобы капиталисты,примѣняя эту систему,не пользовались ею для увеличенія эксплоатаціи своих рабочих.

ГЛАВА III.

ФОРМЫ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. ДОМАШНЕЕ ПРОИЗВОДСТВО. РЕМЕСЛО.

Двумя основными отдѣлами производства являются промышленность и сельское хозяйство.В промышленности человѣк воздѣйствует на мертвую природу,на неорганическіе процессы,в сельском хозяйствѣ на живые организмы,на біологическіе процессы.Промышленный труд совершается в искусственной обстановкѣ промышленнаго труда,имѣет гораздо болѣе однообразный и закономѣрный характер,менѣе зависит от естественных различій внѣшней природы,чѣм эволюція сельскаго хозяйства,и потому легче допускает обобщеніе и сведеніе к извѣстным общим формулам.

В зависимости от условій сбыта продутов промышленнаго труда,технических особенностей самого процесса производства и отношеній рабочаго к хозяину предпріятія можно различить 6 основных форм промышленности: I) домашнее производство,2) ремесло,3)кустарничество,4)мануфактуру,5) фабрику и 6) производительную артель или производительную ассоціацію.

Домашним производством назвается изготовленіе промышленных издѣлій для собственных нужд даннаго хозяйства и,притом,как общее правило,из сырья,добытаго в предѣлах даннаго хозяйства.В этой формѣ промышленность значительно древнѣе земледѣлія.Даже народы,стоящіе очень низко по уровню своего развитія,знакомы с разнообразным промышленным мастерством-изготовленіем луков и стрѣл,плетеніем циновок,сосудов из лык,изготовленіем веревок и корней,гончарничеством,дубленіем кож и т.п.С возникновеніем земледѣлія эта форма промышленности получает дальнѣйшее развитіе.Вплоть до настоящаго времени большая часть потребностей крестьянской семьи в тѣх мѣстностях,гдѣ обмѣн слабо развит,удовлетворяется трудом самого семейства.И теперь крестьянское семейство в глухих мѣстностях Россіи само изготовляет себѣ одежду из льна или пеньки,выросших на полѣ,обработанном тѣм же крестьянином,живет в домѣ,построенном из своего же лѣса своими же руками,ходит в лаптях собственнаго приготовленія и т.д.

В своем постепенном развитіи производство для собственных нужд про-

ходит два фазиса. Первоначально продукт совершенно не продается и потребляется без остатка самим производителем. Во втором фазисѣ извѣстная часть продукта, излишек, ненужный для собственнаго потребленія поступаетъ продажу, происходитъ обмѣн. Переход от перваго ко второму фазису вызывается, главным образом, разслоеніем крестьянскаго хозяйства. Чтобы удовлетворить всѣм своим хозяйственным потребностям, крестьянин должен располагать извѣстным минимумом количества земли; пока этот минимум имѣется, нѣт необходимости в покупкѣ предметов потребленія со стороны. Но крестьянское населеніе разслаивается, выдѣляются семьи с большим количеством земли, производящія избыточные продукты, и другія семьи-малоземельныя, которым не хватает производимых ими продуктов. Малоземельныя хозяйства начинают продавать свои излишки продуктов, малоземельныя семьи принуждены покупать недостающее. Таким образом, продукт крестьянскаго труда поступает на мѣстный рынок, а затѣм попадает и в каналы торговли.

На базарах русской деревни обыкновенно можно встрѣтить разнообразные продукты крестьянскаго домашняго производства-холсты, пряжу, сукна, издѣлія из дерева и пр., производимые не спеціально для сбыта, а для собственнаго потребленія и продаваемые по излишеству в собственном хозяйствѣ или по случайной нуждѣ в деньгах. Именно по этому перед нами в данном случаѣ не ремесло или кустарная промышленность, а то же домашнее производство, лишь случайно и отчасти работающее для сбыта.

Процесс разложенія домашняго производства идет вперед соотвѣтственно росту мѣнового хозяйства, но не слѣдует думать, что процесс этот хотя бы в современном городѣ уже достиг своего завершенія. Еще на наших глазах одна отрасль производства за другой отщепляется от домашняго хозяйства и пріобрѣтает характер самостоятельнаго предпріятія. Так, напр., еще очень недавно мытье бѣлья было отраслью домашняго хозяйства, так же как и шитье платья, вязанье чулок, вышиванье, печенье хлѣба и т.д. У нас в Россіи до настоящаго времени приготовленіе пищи остается даже в городѣ прочной составной частью домашняго хозяйства. Но в Западной Европѣ и Америкѣ развитіе ресторанной жизни приводит к тому, что и эта функція домашняго хозяйства отмирает.

Тѣм не менѣе, существуют извѣстныя условія, поддерживающія в деревнѣ эту форму промышленности, равно как и другія формы мелкой крестьянской промышленности. Дѣло в том, что в земледѣльческом процессе производства прерывается на зимніе мѣсяцы. В Россіи в силу ея холоднаго климата, перерывы эти особенно продолжительны и охватывают большую часть года. В зимнее время работа земледѣльца, если не совсѣм прекращается, то очень значительно сокращается и сводится преимущественно к уходу за скотом. Наличность свободнаго зимняго времени и поддерживает в крестьянском хозяйствѣ разнообразную домашнюю промышленность. Крестьянин может находить для себя удобным обрабатывать в зимнее время продукты своего хозяйства даже и в том случаѣ, если его работа вознаграждается самым ничтожным образом. Так, напр., в нашей деревнѣ еще до настоящаго времени широко распространено домашнее пряденье и ткачество для собственных нужд. Пряденье конопли и льна есть одно из главных занятій крестьянской дѣвушки в зимнее время; если оцѣнить работу пряденья за деньги, то получится до смѣшного ничтожная сумма-за недѣлю дѣвушка выпрядает пряжи не болѣе, чѣм на 60-70 к. Однако домашнее пряденье держится чрезвычайно упорно, -без него рабочая сила крестьянской дѣвушки могла бы совсѣм получить примѣненія, и крестьянин находит, что лучше ничтожный заработок, чѣм никакого.

Разложеніе домашняго хозяйства приводит к тому, что обособляющіяся отрасли промышленнаго труда принимают характер ремесла. Под ремеслом понимают ~~характерхрхитнхх~~ такую форму промышленности при которой мелкій производитель работает не для своих нужд, а на посторонняго потребителя, без каких бы то ни было торговых посредников. Можно различать два вида ремесла- н а е м н о е и п р о д а ж н о е ремесло. В первом случаѣ ремесленник обрабатывает по заказу потребителя сырой матеріал, принадлежащій потребителю же. Ремесленник не является собственником изготовляемаго продукта, который на всѣх стадіях производства принадлежит заказчику. Во втором случаѣ ремесленник обрабатывает сырой матеріал, при-

надлежащій ему самому, добытый в его собственном хозяйствѣ или купленный им за свой счет. Продукт принадлежит в этом случаѣ первоначально ремесленнику и затѣм переходит в собственность потребителя.

Первая форма ремесла является болѣе ранней. Ремесленник, владѣющій орудіями крайне примитивнаго характера, ходит по домам потребителей и ищет работы, которую и исполняет в домѣ заказчика. Этот вид наемнаго ремесла, который можно назвать о т х о ж и м ремеслом, до сих пор очень распространен в русской деревнѣ-такими наемными отхожими ремесленниками являются, напр., шерстобиты, плотники, каменьщики, точильщики, шубники, стекольщики и т.д. Отличительной чертой отхожаго ремесла является то, что ремесленник работает в помѣщеніи хозяина. Такое ремесло возможно лишь в том случаѣ, если орудія производства очень просты и удобопереносимы. Но есть цѣлый ряд ремесел, которыя требуют весьма громоздких орудій производства; ремесленник берет в этом случаѣ работу себѣ на дом, -перед нами д о м а ш н е е наемное ремесло. При отхожем ремеслѣ главная сила ремесленника заключается в его трудѣ, а не во владѣніи орудіями производства; в домашнем же ремеслѣ большую роль начинают играть средства производства. Домашним наемным ремеслом является, напр., ткачество, мукомольное дѣло, кузнечный промысел и т.п.

Обѣ эти формы отхожаго ~~[illegible]~~ и домашняго наемнаго ремесла были первоначально очень широко распространены.

Первые ремесленники в средневѣковом городѣ обладали самыми ничтожными имущественными средствами и могли поэтому работать только по найму; по мѣрѣ роста ремесленнаго производства увеличивалась зажиточность ремесленников, и они получили возможность покупать матеріал за свой счет, что представляло извѣстныя выгоды и для заказчиков, так как ремесленники могли лучше знать качество матеріала. Таким образом ремесленник стал обрабатывать свой собственный матеріал, -возникло продажное ремесло, причем продукт или поступал в продажу, или же изготовлялся по заказу потребителя. Но во всяком случаѣ, продукт непосредственно переходил от производителя к потребителю, без участія торговаго посредника.

Правда, нѣкоторые изслѣдователи-напр., Зомбарт-указывают на то, что многіе средневѣковые ремесленники (напр. в суконном производствѣ) работали не на потребителя, а на торговца. Во многих средневѣковых германских городах цеховой мастер-суконщик не имѣл даже права продавать свой продукт непосредственно потребителю, -он был обязан продавать его только купцам, обладавшим монополіей закупки сукна. Потребитель мог купить сукно только у суконнаго торговца. Но эти примѣры не опровергают положенія, что ремесло невозможно при существованіи торговаго посредничества. Цеховые суконщики, работавшіе на суконных торговцев, хотя и были членами цеха, но экономически не были ремесленниками, -такое суконное производство было не ремеслом, а кустарной промышленностью. Достаточно торговому капиталу стать между ремесленником и потребителем, чтобы ремесло измѣнило свою природу, перестало быть самостоятельным производством и приблизилось к капиталистической промышленности. Именно рост торговаго капитала и вызвал упадок цехового ремесла. Чѣм шире становился рынок для произведеній цеховой промышленности, тѣм большаго преобладанія достигал торговец и тѣм приниженнѣе становилась роль цехового мастера. Ремесло, мало-по-малу, перерождается в домашнюю систему крупной промышленности.

Новѣйшее время характеризуется сильным упадком самостоятельнаго ремесла. Однако, это не значит, что ремесло окончательно сходит со сцены. Численность ремесленников даже растет. Так хозяев-ремесленников в Германіи в 1816 г. считалось 1 милліона, в 1861 г.-1 милл., а в 1895г.-1,3 милліона. Однако, если сравнить рост числа ремесленников с ростом числа фабричных рабочих, то окажется, что рост первых идет гораздо слабѣе.

Упадок ремесла выражается, главным образом, в паденіи их заработков, под вліяніем чего происходит слѣдующая многозначительная перемѣна: ремесло, бывшее первоначально на Западѣ специфически городским производством, в новѣйшее время переходит в деревню или из крупных городов мелкіе. Так в Германіи болѣе половины ремесленников живет теперь в деревнѣ или маленьких городках. В большом городѣ ремесленнику становится все труднѣе выдерживать конкуренцію новых форм промышленности. Ремесленник

ли попадает на фабрику или же превращается в домашняго рабочаго, работающаго на магазин или по заказам промышленнаго капиталиста.

Но этот упадок ремесла в больших городах объясняется не столько тем, что ремеслу приходится конкурировать с машиной, сколько развитием в городе торговли. Городское населеніе все боле и болѣе привыкает удовлетворять свои потребности путем покупки всего необходимаго в магазинах. Даже починка вещей, которая раньше поручалась ремесленникам, теперь все больше сосредоточивается на том же магазинѣ, гдѣ была куплена данная вещь. Именно магазин, а не фабрика являются главным врагом ремесла, превращая ремесленникав наемнаго домашняго рабочаго капиталиста.

В Россіи городское ремесло никогда не играло такой роли как на Западѣ. Наши русскіе города были не промышленными, а частью административными, частью торговыми центрами. Правда Петр Великій и Екатерина II хотѣли создать у нас городское ремесло, но всѣ эти попытки остались на бумагѣ. Цеховое ремесло не могло развиться у нас потому, что для этого не было соотвѣтствующих экономическихъ условій.

Это не значит, что для Россіи ремесло является совершенно чуждой формой производства. Наоборот, в настоящее время в Россіи ремесло развито относительно больше, чѣм на Западѣ- но не в городѣ, а в деревнѣ. Если в центральной Россіи господствующей деревенской промышленностью является кустарное производство, то в черноземной и южной Россіи преобладает деревенское ремесло. Объясняется это тѣм, что на земледѣльческом югѣ крестьянское хозяйство производит много разнаго рода сырья, которое и перерабатывается на мѣстѣ. Первоначально эта обработка производилась в предѣлах той же крестьянской семьи, -господствующей формой промышленности было домашнее производство для собственных нужд. Но мало-по-малу, под вліяніем, с одной стороны, разложенія первобытной большой семьи, а, с другой стороны, разслоенія крестьянскаго хозяйства, производство для собственных нужд превращается в ремесло.

Процесс этот нерѣдко происходит еще и теперь, на наших глазах. Возьмем, напр., очень широко распространенное на нашем земледѣльческом югѣ домашнее ткачество. Первоначальне домашнее ткачество было принадлежностью каждой крестьянской семьи. И теперь еще на югѣ встрѣчаются нерѣдко деревни, гдѣ почти в каждом дворѣ имѣется ткацкій станок, на котором ткут в зимнее время разнаго рода ткани для нужд той же семьи. Тканью подвергается преимущественно пеньковая пряжа, напряженная из своей же пеньки. Но деревни, сохранившія старинное домашнее ткачество, обыкновенно принадлежат к числу тѣх, в которых большинство крестьян хорошо обезпечено землей. В малоземельных же деревнях появляются спеціалисты-ткачи, которые начинают заниматься ткачеством, как своим спеціальным ремеслом, обрабатывая за деньги пряжу, приносимую им другими крестьянами. Обыкновенно-даже почти исключительно-ткачи выходят из среды безземельных или малоземельных крестьян, принужденных искать себѣ для существованія какиз-либо неземледѣльческих заработков. Становясь спеціалистами ткачества, они достигают извѣстнаго искусства, недоступнаго для домашней ткачихи, почему для тѣх крестьянских дворов, которые сѣют коноплю и прядут ее дома, становится выгодным, вм сто того, чтобы ткать ее самим, отдавать ткать за небольшую плату на сторону ткачу-спеціалисту. Таким образом из первоначальнаго домашняго ткачества для собственных нужд возникает ткацкое ремесло.

Ткацкое ремесло является самым распространенным ремеслом на югѣ Россіи. Почти в каждой деревнѣ есть нѣсколько ткачей, а в малоземельных деревнях число ткачей достигает значительной части всего деревенскаго населенія. В этом случаѣ ткачи берут пряжу не только от своих односельчан, но и от крестьян сосѣдних деревень, причем промысел все-же остается ремеслом, так как работа производится непосредственно на потребителя.

Ткачество грубаго пеньковаго полотна представляет собою типичное н а е м н о е домашнее р е м е с л о, которое хотя и не развивается, но и не сокращается замѣтным образом. Несмотря на крайнюю примитивность техники, ручное ткачество держится в деревнѣ, опираясь, с одной стороны, на нищенскую оплату труда ткача, а с другой стороны- на то, что крестьянин производит пеньку в собственном хозяйствѣ и не должен ее покупать. Другіе виды-ткацкаго ремесла находятся в худшем положеніи. Так, напри-мѣр, к числу падающих промыслов в малорусской деревнѣ относится тканье шерстяных матерій, сукон, так называемых запасок, плахт и пр. Матеріи этого рода имѣют уже болѣе высокую цѣнность и при примитивности техники ручного ткачества не могут выдержать конкуренціи с фабричными издѣліями, которыя их быстро вытѣсняют. Не меньшее значеніе в этом послѣднем отношеніи имѣет также и паденіе крестьянскаго овцеводства, благодаря чему крестьянин лишается необходимаго сырья.

Примѣром отхожаго наемнаго ремесла, которое еще недавно было очень распространено в нашей деревнѣ, может служить шерстобитье. Шерстобиты уходят по селам нерѣдко заходя при этом за сотни врест и дальше от своего села, и бьют шерсть на дому у заказчика. Иногда шерстобиты отправляются в обход цѣльми группами, иногда по одиночкѣ. Этот промысел также падает, отчасти благодаря конкуренціи машины для битья шерсти, но, главным образом, благодаря упадку крестьянскаго овцеводства.

Портняжій промысел представляет собою вид наемнаго ремесла, которое имѣет частью отхожій, частью домашній характер. Портные иногда берут работу на дом, иногда же они ходят по селам в поисках работы и работают на дому у заказчика. Так как употребленіе готоваго платья в нашей деревнѣ мало распространено, а шитье его дома, силами самой крестьянской семьи, с разложеніем большой семьи, вообще, упадком домашняго хозяйства сокращается, то портняжій промысел принадлежит к числу быстро развивающихся. В этой области замѣтен и прогресс техники: портные и швеи обыкновенно работают на швейных машинах.

Развивающимся промыслом является и сапожный промысел, который по своей экономической структурѣ представляет собою частью домашнее наемное, частью п р о д а ж н о е ремесло: иногда сапожники шьют сапоги из кожи, которую им приносят заказчики, но чаще они сами покупают кожу за свой счет и продают сапоги своим односельчанам или на базарах крестьянам сосѣдних деревень. Еще больше они занимаются починкой старых сапог.

К числу развивающихся промыслов относится во многих мѣстах бондарный промысел (частью домашнее наемное, частью продажное ремесло), протничный промысел (отхожее наемное ремесло). Гончарный промысел представляет собою частью ремесло (продажное), но, главным образом-кустарную промышленность. Гончар иногда сбывает свои продукты непосредственно потребителям-наваливает на воз посуду и ѣдет по сосѣдним деревням, продавая посуду бабам, а в прекное время нерѣдко обрабатывая ее на рожь и другой хлѣб- и в этом случаѣ он является деревенским ремесленником. Но гораздо чаще гончар, за трудностью найти таким образом сбыт для своего продукта, должен продавать его скупщику-и в этом случаѣ промысел пріобрѣтает характер кустарнаго производства.

В общем, наше деревенское ремесло, как надо думать, не только не падает по числу занимаемых рук, а быстро растет. Многіе промыслы падают, но на смѣну им выдвигаются другіе и занимают их мѣсто. Распаденіе домашняго хозяйства крестьянской семьи приводит к тому, что, несмотря на обѣдненіе крестьянства, спрос на продукты чужого труда возрастает. Этот растущій спрос частью удовлетворяется продуктами капиталистической промышленности, но за всѣм тѣм остается мѣсто и для роста ремесла, особенно на нашем югѣ с его болѣе затѣточным земледѣльческим населеніем.

Характерной особенностью русской деревни является широкое распространеніе в ней разнаго рода отхожих промыслов. В центральной Россіи нерѣдко цѣлые обширные районы живут отхожими промыслами: почти все взрослое мужское населеніе таких районов уходит лѣтом на разнообразные заработки и в деревнѣ остаются только женщины, дѣти и старики. За послѣдня десятилѣтія отход чрезвычайно увеличился; крестьянин не может прокормиться у себя дома и принужден уходить из него в поисках работы на большее или меньшее время. В таких губерніях, как Костромская, Калужская, Тверская, Ярославская, уходит на промыслы около 1/5 всего крестьянскаго населенія. Промыслы уводящих крестьян крайне разнообразны; всего болѣе рабочих рук привлекают разнообразныя строительные промыслы, затѣм большую роль в промышленном отходѣ играет разнообразные деревенскіе ремесла, работа на фабриках и заводах, в торговых заведеніях и т. п. Отход накладывает своеобразный отпечаток на весь строй жизни нашей деревни. Благодаря постоянным передвиженіям крестьянскаго населенія, наша деревня

живет болѣе общей жизнью с городом и, вообще, со всей страной, чѣм, напр., деревня Запада, гдѣ крестьянин нерѣдко никогда не покидает того клочка земли, гдѣ он родился и гдѣ сосредоточены всѣ его интересы. Наш крестьянин, отчасти благодаря отходу, отчасти же в силу других причин, представляет собой, вообще, совсѣм иной соціальный тип, чѣм крестьянин Запада.

Г Л А В А IУ.

КУСТАРНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

I. К у с т а р н а я п р о м ы ш л е н н о с т ь н а З а п а дѣ. Кустарной промышленностью назывантся мелкое производство на широкій рынок; оно тѣм существенно отличается от ремесла, что между производителем и потребителем в этом случаѣ всегда стоит раздѣляющій их посредник. Эта форма промышленности рѣзко отличается от ремесла по своей экономической природѣ, так как необходимость капиталистическаго посредника болѣе или менѣе стѣсняет свободу и самостоятельность мелкаго производителя. Тѣм не менѣе, должно различать два основных типа кустарной промышленности. В одном типѣ замѣчается полное подчиненіе производителя капиталисту. Этот тип можно назвать зависимой формой кустарной промышленности. Второй тип можно назвать с в о б о д н о й формой. В этом послѣднем случаѣ подчиненіе мелкаго производителя капиталисту выступает не так очевидно, - мелкій товарный производитель относительно бно дишь относительно, а не вполнѣ свободен.

З а в и с и м а я форма (иначе называемая д о м а ш н е й системой крупной промышленности) в свою очередь существует в двух видах, подобно двум формам ремесла- в видѣ продажной и наемной домашней промышленности. Оба вида характеризуются тѣм, что мелкій производитель работает постоянно на того и того же торговаго или промышленнаго капиталиста, с которым он экономически связан настолько тѣсно, что составляет органическую составную часть того или иного капиталистическаго предпріятія. Различаются же эти два вида домашней системы по слѣдующему признаку. При продажном видѣ мелкій производитель является, с формальной стороны, отношенія между капиталистом и мелким производителем имѣют в этом случаѣ свободный характер, но так как производитель фактически принужден продавать свой товар в экономической зависимости (напр., состоит его неоплатным должником, покупая у него сырье), то фактически мы имѣем в данном случаѣ наемный труд, работу по заказу капиталиста.

Во втором же видѣ зависимаго кустарничества мелкій производитель не только по существу, но и формально, юридически является наемным рабочим капиталиста. При этом видѣ домашней промышленности домашній производитель работает непосредственно по найму капиталиста, получая от него сырье, и иногда и орудія труда. В этом случаѣ мелкій производитель только тѣм отличается от рабочаго, работающаго по найму в мастерской капиталиста, что работает у себя на дому. Таким образом, этот вид зависимой домашней системы тѣм отличается от перваго, что в нем хозяин выступает в роли промышленнаго капиталиста, в первом же видѣ - в роли торговаго капиталиста-скупщика.

Однако, два вида зависимой домашней системы не исчерпывают всѣх форм кустарной промышленности: послѣдняя может проявляться и в болѣе свободной формѣ. Возьмем, напр., мелких англійских суконщиков начала XIX вѣка. Мастер суконщик сам покупал шерсть, превращал ее в грубое сукно, но это сукно продавал не непосредственно потребителю, а на особо устроенных суконных биржах, которыя были во всѣх главнѣйших городах Іоркшира, сбывал его торговцам сукном. Каждый мастер имѣл свое особое мѣсто на биржѣ и продавал сукно по вольной цѣнѣ. Такой мастер не был ремесленником, потому, что отличительной чертой ремесла является работа на потребителя, а не на торговца. С другой стороны это не капиталистическая домашняя система, так как в данном случаѣ мы видим свободу мелкаго производителя продавать свой товар, кому угодно. Торговец сукном не был, слѣдовательно, хозяином мелкаго суконщика. Правда, отсюда не слѣдует, что мелкій производитель был совершенно независим от торговца. Так как торговец владѣл капиталом, и в его руках был суконный рынок, то мелкій производи-

орудіями производства, - его расходы производства слагаются только из заработной платы и сырого матеріала. Далѣе, при домашней системѣ капиталист может при всяком сокращеніи спроса на товар быстро сокращать производство, оставляя без работы своих рабочих, между тѣм как фабрикант теряет в этом случаѣ проценты по праздностоящим фабричному помѣщенію и машинам. Вся тяжесть промышленнаго застоя переносится, таким образом, при домашней системѣ на рабочих. Наконец, при домашней системѣ для капиталиста является возможность избѣгать стѣснительных для него требований фабричнаго законодательства. Словом выгоды домашней системы, с точки зрѣнія капиталиста, сводятся к возможности поднимать до высшаго предѣла эксплоатацію рабочаго, и именно поэтому система эта так живуча, несмотря на то, что при ней производство остается, по необходимости, мелким и крайне примитивным в техническом отношеніи. Невыгодой этой системы в точки зрѣнія капиталиста, является, однако, возможность порчи или продажи рабочим сырого матеріала, полученнаго от хозяина, а также и невозможность для капиталиста поднимать производительность труда путем введенія улучшенных пріемов и орудій производства.

Как бы то ни было домашняя система оказалась чрезвычайно живучей формой промышленности и свила себѣ гнѣздо особенно в міровых столицах, гдѣ скопляется масса безработнаго пролетаріата, которой и становится жертвой "системы выжиманія пота."

Усиленіе строгости требований закона по части санитарных условій труда на фабриках и пр. повело в Англіи к тому, что в цѣлом рядѣ отраслей стала развиваться работа на дому: фабрикант находил для себя выгодным закрывать фабрику и переходить к домашней системѣ.

В Германіи наблюдается, что домашняя система, вообще, падает, в особенности в текстильном производствѣ, благодаря тому, что в этой области машинный труд имѣет огромныя преимущества перед ручным, и успѣшная конкуренція ручного ткача с паровым ткацким станком невозможна. Напротив, в слях труда домашняя система оказывается гораздо жизнеспособнѣе. В общем домашних рабочих в 1882 г. (по показаніям хозяев) в Германіи было 544.980, в 1895 г. - 490.711, в 1907г. - 482.436.

Несмотря на примитивныя условія техники, домашняя система нерѣдко с успѣхом борется с фабрикой, замѣняя повышеніе производительности вследствіе (доставляемое машиной) усиленіем эксплоатаціи рабочаго. Таким образом, капитализм задерживает в данном случаѣ технический прогресс, поддерживая формы промышленности, основанныя на ручном трудѣ и мелком производствѣ.

II. К у с т а р н а я п р о м ы ш л е н н о с т ь в Россіи. В Россіи кустарная промышленность имѣет широкое развитіе в деревнѣ, особенно в центральном районѣ, преимущественно там, гдѣ земледѣліе по тѣм или иным причинам не удовлетворяет потребностям населенія: малоземелье является одним из важных условій возникновенія кустарной промышленности. Но все же наша кустарная промышленность, в большинствѣ случаев, сочетается с земледѣліем.

Если извѣстная часть наших кустарей и не владѣет землей, им приходится конкурировать с кустарями, владѣющими землей - и, таким образом связь с землей послѣдних оказывает вліяніе на условія заработка первых. Но не нужно и преувеличивать значенія этой связи: совершенно неправильно мнѣніе тѣх кто видит в кустарной промышленности промысел только подсобный при земледѣліи ибо сплошь и рядом наоборот, земледѣліе является подсобным занятіем для кустаря.

Наша кустарная промышленность проявляется в обѣих основных формах мелкаго производства на посредника-свободной и независимой. Трудно сказать какая форма преобладает.

Можно думать, что среди неземлевладѣльцев преобладает зависимая форма кустарной промышленности, а среди земледѣльцев свободная форма. В промышленных районах Россіи значительно преобладает зависимая форма; в Московской губерніи Харизоменов еще в началѣ 80-х годов закончившагося вѣка относил к этой формѣ 72% кустарей, а в нѣкоторых уѣздах Владимірской губерніи - еще больше. Напротив, в земледѣльческих губерніях преобла-

тель неизбѣжно попадал в болѣе или менѣе подчиненное полаженіе по отношенію к торговцу,-свобода его была лишь относительной,и лишь в этом относительном смыслѣ можно говорить о свободной формѣ кустарной промышленности.

Итак,мы наблюдаем два типа кустарной промышленности.В одном случаѣ (з а в и с и м а я форма) продукт вырабатывается для какого-либо опредѣленнаго капиталиста-промышленника (н а е м н а я система)или торговца (п р о д а ж н а я система).Во втором же случаѣ (с в о б о д н а я форма)мелкій производитель имѣет свободу выбора,он может продавать свой продукт тому или другому торговцу,по своему усмотрѣнію. Эти формы слѣдуют строго различать.В общем наблюдается,что свободная форма превращается по мѣрѣ развитія капиталистическаго хозяйства в зависимую форму,-капитал все болѣе и болѣе подчиняет себѣ мелкаго производителя.

Домашняя система крупной промышленности (иначе говоря зависимая форма кустарничества)играла в исторіи развитія капитализма очень б. роль,-только через посредство этой системи капитал мало по малу завладѣл производством.Именно эта система была господствующимъ типом капиталистическаго производства в XVIII вѣкѣ.Этот фактъ можно считать прочно установленным,хотя привести точныя статистическія доказательства его нѣт возможности,потому что в XVIII вѣкѣ существовали лишь зачатки промышленной статистики.

Рост домашней системы в XVIII вѣкѣ в Англіи доказывается цѣлым рядом косвенным признаков-напр изданіем англійским парламентом цѣлаго ряда строгих законов карающих за порчу хозяйскаго матеріала и т.п. Хлопчато-бумажное производство первоначально возникло в Англіи в формѣ продажной домашней системи,затѣм очень скоро перешло в наемную форму.В началѣ XVIII вѣка ткачи в окрестностях Манчестера покупали бумажную пряжу у крупных торговцев,ткали ее и продавали продукт тѣм же самым торговцам,а затѣм,приблизительно,в половинѣ XVIII вѣка,отношенія между предпринимателем и производителем становятся еще болѣе зависимыми:капиталист сам раздает рабочим пряжу,а рабочій ткет на капиталиста-заказчика за опредѣленную задѣльную плату.

Домашняя система крупной промышленности развивается в XVIII вѣкѣ в во всѣх странах западной Европы;возникла она частью из цехового ремесла,рядом незамѣтных переходов,причем трудно установить,гдѣ кончалось цеховое ремесло и гдѣ начиналась домашняя система,частью из крестьянскаго домашняго производства для собственных нужд,-крестьяне,продававшіе первоначально свои избытки на рынкѣ,стали,наконец,работать спеціально для сбыта и продавать свои издѣлія опредѣленным торговцам,т.е, превратились в домашних рабочих.Деревня являлась уже потому благопріятным полем для развитія домашней системы,что деревенская промышленность была внѣ власти цеха и была свободна о стѣснительных цеховых правил.Поэтому нерѣдко торговцы,чтобы избѣжать контроля цеха,раздавали по деревням сырой матеріал для обработки и,таким образом, создавали в деревнѣ совершенно новые промыслы,что и явилось третьим историческим происхожденія домашней системы.

Не слѣдует,однако,думать,что в наше время домашняя система отжила свой вѣк и не может болѣе конкурировать с капиталистической фабрикой. Наоборот,именно новѣйшія условія капиталистическаго развитія ведут в нѣкоторых случаях к распространенію этой формы капиталистической промышленности.Так,она очень распространена в Лондонѣ,Берлинѣ и других крупных городах.В Англіи эту систему называют"системой выжиманія пота."

Сила домашней системы в современном хозяйственном строѣ заключается в том,что она дает возможность капиталисту доводить до максимума эксплоатацію рабочаго.Рабочій в домашней системѣ совершенно безпомощен по отношенію к капиталисту.Работая на дому,рабочіе не могут организоваться для защиты своих общих интересов,так как они обычно не знают друг друга.Эта дезорганизованность рабочих видет на руку капиталисту,-она дает ему возможность доводить заработную плату до минимума,а рабочій день до максимума.Затѣм при домашней системѣ капиталист не нуждается в расходах по устройству рабочаго помѣщенія и снабженію рабочих

дают свободныя формы кустарной промышленности.

Наиболѣе свободная форма кустарной промышленности наблюдается тогда,когда кустарь сам добывает сырой матеріал,или покупает его на сторонѣ (не у скупщика своих издѣлій),а выработанный продукт продает торговцу по своему выбору.Здѣсь кустарь не является рабочим опредѣленнаго капиталиста,так как он не находится в постоянных отношеніях ни с кѣм из них.Капитал не регудирует в этом случаѣ производства,а охватывает лишь область сбыта.

.Такая болѣе свободная форма кустарнаго труда,гдѣ матеріал легко доступен только в тѣх отраслях кустарнаго труда,гдѣ матеріал легко доступен для кустаря-напримѣр,дерево,глина,шкуры и мѣх животных и т.п.Потому сюда относятся такіе промыслы,как гончарничество,производство многих издѣлій из дерева,плетенье корзин,лаптей,скорняжный промысел и т.п. Однако,и в этих промыслах кустарь нерѣдко попадает в зависимость от скупщика.

Слѣдующей формой кустарной промышленности,в которой влияніе капитала сказывается уже сильнѣе,является та,при которой кустарь покупает за свой счет сырые матеріали на сторонѣ,но поставляет свой товар уже всегда одному и тому же опредѣленному капиталисту (переход к зависимой формѣ).

Такой характер имѣет,напримѣр,шляпный промысел в Московской губерніи,щеточный,игрушечный и многіе другіе.Надо замѣтить,однако,что увеличеніе зависимости от капиталиста не всегда ухудшает положеніе кустарей.Напримѣр тѣ московскіе игрушечники,которые не находятся в зависимости от капиталиста-предпринимателя и сбывают товар различным торговцам,находятся в худшем экономическом положеніи,чѣм работающіе на опредѣленнаго капиталиста -заказчика;объясняется это тѣм,что кустари,не имѣющіе хозяина,терпят больше затрудненія по сбыту своих продуктов,почему и стремятся войти в постоянныя отношенія с тѣм или инымъ капиталистом-торговцем.

Слѣдующая ступень подчиненія кустарной промышленности капиталу заключается в том,что кустарь покупает сырой матеріал у того же торговца,которому он продает свои продукты (продажный вид зависимой формы). Такой кустарь номинально свободен,фактически же находится в полной зависимости от скупщика,у котораго покупает матеріал и у котораго обыкновенно,находится в неоплатном долгу.Зависимость эта тѣм больше,чѣм большей цѣнностью обладает сырой матеріал.

Сюда относятся гвоздари уломскаго раіона,бурмакинскіе слесаря,павловскіе замочники,валенщики семеновскаго уѣзда и пр. и пр.

Послѣдняя ступень подчиненія капиталу кустарной промышленности наблюдается,когда кустарь получает от капиталиста-заказчика сырой матеріал и обрабатывает его за сдѣльную плату (наемный вид зависимой формы).Тут уже нѣт и тѣни свободы кустаря-кустарь такой же наемный рабочій капиталиста как и любой фабричный рабочій.

Такими наемными рабочими являются тверскіе гвоздари,кимрскіе сапожники,павловскіе ножевщики,макарьевскіе рогожники и др.

Каждый посредник должен получить свою прибыль,которая вычитается из заработка кустаря.Это сложное посредничество особенно ухудшает экономическое положеніе кустаря.

Но нерѣдко между капиталистом-собственником сырого матеріала-и кустарем стоит еще цѣлый ряд посредников и комиссіонеров.Каждый посредник должен получить свою прибыль,которая вычитается из заработка кустаря. Это сложное посредничество особенно ухудшает экономическое положеніе кустаря.

Возьмем,напримѣр,хлопчато-бумажное ткачество.Во главѣ предпріятія стоит крупный капиталист,хотя бы владѣлец миткалевой фабрики.Он имѣет дѣло с крупным комиссіонером конторщиком,который получает пряжу от фабриканта и снует ее в своем заведеніи.Конторщик раздает основанную пряжу мелким комиссіонерам-мастеркам (заглодам),которые передают хозяевам ткацких свѣтелок (хозяйчикам),а эти послѣдніе уже передают пряжу ткачам-кустарям.Подобное сложное посредничество наблюдается во многих кустарных промыслах.Так,напр., в патронном промыслѣ Московской губ.(изготовленіе папиросных гильз)между фабрикантом гильз и деревенской работницей стоит еще комиссіонер,снабжающій работницу не только сырым ма-

теріалом, но и всѣми орудіями производства. В перчаточном промыслѣ Московско" губерніи между фабрикантом и работницей стоит еще даточник, раздающій по деревням сыро" матеріал и т.д. и т.д.

В русской наукѣ долго господствовало мнѣніе, что наша кустарная промышленность всецѣло возникла из крестьянскаго домашняго производства. Предполагалось, что домашнее производство крестьян постепенно превращалось в ремесло, а это послѣднее – в кустарную промышленность, сначала в болѣе свободно", а потом в боле" зависимо" формѣ. К концѣ концов, вся эта эволюція завершается, как предполагалось, фабрикой. И дѣйствительно, эта схема промышленнаго развитія вполнѣ примѣнима ко многим промыслам старинnаго происхожденія. Но существует цѣлый ряд других промыслов, к которым эта схема совсѣм непримѣнима, в которых наблюдается даже обратный процесс: не кустарная промышленность, путем долгой эволюціи, превращается в манкфактуру и фабрику, а, наоборот, манкфактура порождает кустарную промышленность.

Возьмем, напр., чрезвыча"но важный и распространенный бумаготкацкій промысел. Бумаготкацкая промышленность, которая вплоть до середины XVIII вѣка не была извѣстна в Россіи, возникла на крупных мануфактурах. Первоначально все производство было сосредоточено в стѣнах само" мануфактуры, но так как производство было ручное, то мелкій деревенскій производитель мог с успѣхом конкурировать с мануфактурным производством, и капиталист сообразил, что ему гораздо выгоднѣе отдавать пряжу на дом рабочим, чѣм собирать этих самых рабочих в помѣщеніе мануфактуры. Таким образом из манufактуры возникло кустарное ткачество, в видѣ насмно" системы домашне" капиталистической промышленности. Но так как, далѣе, в началѣ XIX вѣка условія для кустарной промышленности были, сравнительно, благопріятны, и кустарные ткачи извѣстнаго раіона часто являлись почти монополистами в своей области труда, то их заработок был довольно высок, и они мало-по-малу превращались в самостоятельных ткачей. Такіе самостоятельные ткачи продавали купцам на базарах изготовленныя ими ткани. Таким образом из зависимой формы производства на посредника возникла свободная форма. Во второй четверти XIX вѣка происходит быстры" процесс раздробленія нашей мануфактуры и привращенія ея в контору для раздачи матеріала для обработки на дом.

Промышленны" капитал-мануфактура-явился у нас школой промышленнаго искусства. В то время, как на Западѣ капитализм разрушил цеховую культуру, у нас в Россіи он принес с собой промышленную культуру-познакомил населеніе с самыми пріемами промышленной техники.

Со второ" половины XIX вѣка наблюдается ухудшеніе положенія нашей кустарно" промышленности, благодаря упадку крестьянскаго сельскаго хозяйства и растущей конкуренціи фабрики. Кустарь не мог бороться с машиной и, гдѣ машинное производство завоевывало собѣ почву, там наблюдалось паденіе цѣны кустарных издѣлій и сокращеніе заработка кустарей. Болѣе обще" причино" ухудшенія экономическаго положенія кустарей является упадок крестьянскаго хозяйства и образованіе в деревнѣ избыточнаго населенія, переполняющаго рабочій рынок. Кустарю приходится продавать свои издѣлія за такую сумму, которая лишь обезпечивала бы ему минимум средств существованія, – кустарные промыслы легко доступны каждому, и вся масса избыточнаго деревенскаго населенія сосредоточивается в кустарной промышленности.

Характерным признаком кустарной промышленности является ея зависимость от капитала-торговаго, когда кустарь работает на продажу, и промышленнаго, когда кустарь является наемным рабочим промышленнаго капиталиста, работает по его заказу и из его матеріала. Хотя скупщик эксплоатирует кустаря, но он в то же время является необходимым колесом в организаціи сбыта произведеній кустарной промышленности.

Относительно численности кустарей в нашей экономической литературѣ еще недавно господствовали самыя фантастическія представленія. И оффиціальныя и частныя изданія обычно принимали, что у нас кустарей не менѣе 10-15 милліонов. Первы" серьезны" подсчет числа кустарей был произведен г. Рыбниковым в 1913 г., причем оказалось, что в земских губерніях кустарей всего около 1.7000 тыс., из которых около 1.5000 тыс. работает на вольны" рынок или на скупщика, а 200 тыс. работает по найму на капиталиста (наемная зависимая форма).

Обыкновенно считают положеніе самостоятельнаго кустаря лучшим, чѣм положеніе кустаря, зависящаго от капиталиста, но на самом дѣлѣ это далеко не всегда так. Нерѣдко именно положеніе самостоятельнаго кустаря всего хуже. Отсутствіе непосредственной зависимости от опредѣленнаго капиталиста, равносильно отсутствію обезпеченности сбыта, отсутствію постояннаго покупателя. Что касается до сравненія положенія кустаря и фабричнаго рабочаго, то не подлежит сомнѣнію, что фабричны" рабочій получает и боле" высокую заработную плату и работает меньше часов чѣм кустарь; однако, если и признавать превращеніе кустарей в фабричные рабочіе желательным, все нельзя упускать из виду, что наша фабричная промышленность может дать занятіе сравнительно небольшо" доле" населенія, и кустарная промышленность необходима для очень значительно" части нашего крестьянства. Мы должны помнить, что кустарная промышленность еще долгое время будет характерно" чертой нашего экономическаго быта, и, значит, задача общественной власти должна заключаться в улучшеніи условій заработка кустаря. Необходим ряд систематических мѣр, направленных к этой цѣли.

Много можно сдѣлать в дѣлѣ поднятія техники кустарнаго производства. Затѣм чрезвыча"но важна организація сбыта кустарных издѣлий, доставка им сырья по дешевым цѣнам, устройство дешеваго кредита. Во всѣх этих областях можно достигнуть существенных успѣхов.

Московское земство организовало сложную систему мѣр помощи кустарной промышленности, – создало организацію для поднятія техники кустарнаго труда, для снабженія кустаря сырым матеріалом, для сбыта кустарных издѣлий, и в этой области достигло извѣстных успѣхов. Был основан "Кустарны" музей", который в нѣкоторых отраслях кустарнаго труда вытѣснил скупщика. Сходныя учрежденія возникли и в других губерніях. В Вятской губерніи в мебельном промыслѣ большинство кустарей стало сбывать мебель без помощи скупщика, через земский склад. Благодаря продажѣ из земскаго склада, цѣна отдѣлочнаго дерева значительно понизилась. В области кредита также возможна вполнѣ успѣшная помощь кустарному производству. В этом отношеніи должны сыграть и уже играют большую роль сельскія кредитныя товарищества.

В 1910 г. число земских кустарных и ремесленных мастерских превышало 260. Кромѣ того, имѣются 13 земских и кустарных складов, оборотн, которых, однако, не велики и не достигают в обще" суммѣ 2 милл. руб.

Вообще, было бы в высшей степени нераціонально ничего не предпринимать в интересах кустарей на том основаніи, что в конце" концов фабрика проглотит кустарную промышленность. Пока этого еще нѣт, нужно дѣятельно помогать кустарям отстаивать себѣ болѣе сносныя условія существованія. По отношенію к зависимо" формѣ кустарно" промышленности одним из дѣйствительных средств к этому должно быть распространеніе на кустарную промышленность общаго законодательства по охране труда, регулированіе продолжительности рабочаго дня и пр. В виду крайней безпомощности для них отстаивать свои интересы в борьбѣ с эксплоатирующими их хозяевами, Англія сдѣлала в 1909 г. первый рѣшительный шаг, введя правительственное регулированіе заработно" платы в нѣкоторых кустарных промыслах. И дѣйствительно, только правительственное регулированіе заработной платы может существенно поднять заработную плату в тѣх отраслях кустарно" промышленности, в которых в силу тѣх или иных причин эксплоатація кустаря скупщиком или хозяином матеріала приняла особенно тяжелыя формы.

Наряду с такими мѣрами государственной охраны интересов домашних рабочих, очень много может сдѣлать в дѣлѣ улучшенія условій кустарной промышленности и земство. Но всѣ мѣропріятія по помощи кустарям, чтобы имѣть дѣйствительны" успѣх, должны опираться на самодѣятельность кустарей. Вот почему в ростѣ среди кустарей кооперація в различных ея видах нужно видѣть наиболѣе могущественное средство поднятія кустарной промышленности.

В германске" литературѣ кустарная промышленность разсматривается обыкновенно как один из видов капиталистической промышленности. Напротив, у нас в Россіи еще очень недавно господствовал совершенно противоположны" взгляд на кустарную промышленность, в которо" у нас вид-

ли "народную" промышленность, долженствующую спасти русскаго крестьянина от "язвы капитализма". Как естественная реакція противъ этой ни на чем не основанной идеализаціи нашего хозяйственнаго быта, явилось перенесеніе к нам германских воззрѣній на кустарную промышленность. Это было исполнено П.Б.Струве в его "Критических замѣтках". Однако, если народническія воззрѣнія на кустарную промышленность никоим образом не находят себѣ опоры в фактах, то и противоположная точка зрѣнія Бюхера и других германских экономистов (с которой я соглашался в "Русской фабрикѣ") не может быть признана вполнѣ правильной. В настоящей работѣ я различаю двѣ формы кустарной промышленности, одна из которых (зависимая форма) является в полном смыслѣ слова капиталистической промышленностью, а другая (свободная форма) не может быть признана таковой, причем, однако, под вліяніем естественной цволюціи вторая стремится превратиться в первую. Во всяком случаѣ я пришел к тому выводу что в извѣстных случаях кустарная промышленность не может быть приравниваема к капиталистической промышленности. Чтобы сдѣлать это вполнѣ безспорным, возьмем тот случай, когда кустарь работает на земскій складъ. В этом случаѣ кустарная промышленность не измѣняет своей природы, так как она остается работой на посредника и, слѣдовательно, не становится ремеслом, но она, очевидно, не является капиталистической промышленностью, так как никакого капиталистическаго посредника в данном случаѣ нѣт. Вообще, если кустарь продает свои издѣлія хотя и торговцу, но не одному и тому же, а разным по своему выбору, то он не может быть приравниваем к наемным рабочим в капиталистическом предпріятіи, ибо, как бы ни было плохо его экономическое положеніе, он, все же не имѣет опредѣленнаго хозяина.

Правда, в силу своей экономической слабости, кустарь чрезвычайно легко попадает в зависимость от торговаго или промышленнаго капитала. Для сохраненія экономической самостоятельности кустаря нужны совершенно особыя условія, которыя противодѣйствовали бы этой естественной тенденціи кустарнаго производства. В особенности важна в этом отношеніи организація сбыта. Іоркширскіе суконщики начала XIX вѣка пользовались извѣстной самостоятельностью лишь потому, что они обладали такой организаціей сбыта. Только планомѣрная работа общественных учрежденій в этом направленіи может обезпечить самостоятельность кустаря; но предоставленный своим собственным силам разъединенный кустарь слишком слаб, чтобы оградить свою свободу-да это нерѣдко и не в его интересах, так как болѣе тѣсная связь с капиталистом избавляет кустаря от заботы о пріисканіи рынка для своих издѣлій, почему кустарь сплошь и рядом только и мечтает о том, чтобы получить постояннаго хозяина.

Если всякое производство на посредника считать капиталистическим, то это должно быть вѣрно как относительно промышленности, так и земледѣлія. Не слѣдует ли, поэтому, признавать капиталистическим производством и крестьянское земледѣліе? Вѣдь крестьянин продает свой хлѣб торговцу и, слѣдовательно, с таким же правом, как и кустарь, должен быть зачислен в рядъ капиталистических производителей. Именно к этому выводу приходит В.Э.Ден. "Поскольку, -говорит он, -наше крестьянское (земледѣльческое М.Т-Б) хозяйство, работая на скупщиков, в то же время впало в экономическую зависимость от послѣдних, -а это имѣет мѣсто, вѣроятно, в большинствѣ случаев, оно представляет собой такое же капиталистическое предпріятіе, как и домашняя промышленность".

Итак мелкій земледѣлец есть наемный рабочій торговца хлѣбом. Но вѣдь такого положенія вещей, при котором земледѣлец работал бы обязательно на одного и того же хлѣбнаго торговца, мы не знаем. Крестьянин продает свой хлѣб кому угодно, -и очень понятно почему: потому, что он не получает от торговца хлѣбом сырья или орудій обработки. Слѣдовательно, с точки зрѣнія В.Э.Дена, крестьянин является наемным рабочим постоянно смѣняющихся капиталистов, которых он свободно выбирает по своему усмотрѣнію. В чем же выражается постоянная связь крестьянина с тѣм или иным капиталистическим предпріятіем, если от самаго крестьянина зависит вступить в сношенія с любым из них?

Примѣр этот любопытен в том отношеніи, что он показывает, к каким неразрѣшимым затрудненіям приводит стремленіе втиснуть всякое производство на посредника в рамки капиталистическаго производства, чѣм грѣшат очень многіе экономисты, как у нас, так и в Германіи. Со стороны В.Э. Дена тѣм болѣе странно относить крестьянское производство к капиталистическому, что он сам признает возможность не-капиталистическаго производства на широкій рынок.

Г Л А В А У.

МАНУФАКТУРА И ФАБРИКА.

I. **Мануфактура и фабрика на Западѣ.** Домашняя система крупной промышленности представляет собою капиталистическое производство, так как домашній рабочій работает по найму капиталиста, но самый процесс производства не происходит под контролем капиталиста, -рабочій работает у себя дома, а не в мастерской своего хозяина. Высшей формой капиталистическаго производства является, однако, такое, при котором капиталист контролирует и весь процесс производства, для чего требуется, в свой очередь, чтобы производство происходило в мастерской капиталиста. При домашней системѣ производство остается мелким (хотя капиталистическое предпріятіе может быть в этом случаѣ и очень крупным, -капиталист может давать работу сотням и тысячам рабочих), при сосредоточеніи же рабочих в мастерской предпринимателя производство становится по необходимости крупным. Крупное капиталистическое промышленное производство существует в двух формах- **мануфактуры** и **фабрики**.

Мануфактурой называется такое крупное промышленное капиталистическое производство, в котором существенныя части процесса производства выполняются руками. Капиталистическая мануфактура возникает в Италіи в XIV и XV вѣках. Затѣм она постепенно, не очень медленно, распространяется в различных странах Западной Европы. В XVI, XVII и XVIII вѣках капиталистическое производство довольно быстро развивалось в Западной Европѣ, но не в формѣ мануфактуры, а домашней системы крупной промышленности.

Даже в XVIII вѣкѣ мануфактура, хотя и встрѣчается во всѣх передовых странах Запада, но всегда как крайне рѣдкая форма промышленности. В 1764 г. в предѣлах теперешней Бельгіи была произведена спеціальная анкета о мануфактурах. Оказалось, что в этой промышленной странѣ к этому времени было не болѣе 12 мануфактур, обрабатывавших волокнистыя вещества, причем, однако, эти мануфактуры в самых широких размѣрах занимались раздачей работы на дом. Самая крупная из этих мануфактур (полотняная в Турнэ) имѣла лишь 277 рабочих. Еще одна мануфактура имѣла 175 рабочих, на прочих же число рабочих не достигало 100. В других отрасляхъ труда число мануфактур было больше, но и тут мануфактуры имѣли крайне небольшіе размѣры-с 15-30 рабочими. Всего в Бельгіи насчитывалось, кромѣ двух болѣе крупных текстильных мануфактур, еще всего три мануфактуры с числом рабочих болѣе 100, а именно-фарфоровая мануфактура с 200 рабочими, табачная с 151 рабочим и одна лѣсопильня с 102 рабочими.

К сожалѣнію, мы не располагаем подробными данными относительно распространенія мануфактур в разных странах Западной Европы. Однако, все заставляет думать, что мануфактуры повсемѣстно были очень рѣдкой формой промышленности. Очевидно, в западной Европѣ имѣлись какія-то условія, препятствовавшія распространенію крупнаго капиталистическаго производства. Не трудно догадаться, что это были за условія. Для средневѣковой Западной Европы характерно мощное развитіе мелкаго производства в формѣ цехового ремесла. Цеховая регламентація промышленности сохранилась на Западѣ вплоть до XIX вѣка. Именно эта своеобразная культура, выросшая на почвѣ цехового строя, и воспрепятствовала развитію на Западѣ такой, совершенно чуждой цеховому ремеслу, формы промышленности, как мануфактура. Домашняя система крупной промышленности, при которой рабочій работает дома, была гораздо ближе к ремеслу, и потому капиталистическое производство возникло на Западѣ примущественно в этой формѣ.

Мануфактуры возникают в Западѣ тремя путями. В центральной Европѣ с сильным правительством важную роль в этом отношении сыграла политика правительства, планомѣрно стремившагося к освобожденію промышленности от власти цеховъ. Во Франціи, а также в Австріи, Пруссіи, Нидерландах и других государствах центральной Европы многія мануфактуры возникли из среды привлекаемых в страну иностранных ремесленников при непосредственной поддержкѣ правительств.

Так, напримѣр, во Франціи происхожденіе крупной Луврской мануфактуры таково. В началѣ XVII-го вѣка французскіе короли приглашают во Францію разнаго рода иностранных ремесленников, изготовляющих различные предметы роскоши, и для того, чтобы избавить их от власти французских цеховъ, отводят им особое помѣщеніе в принадлежавших коронѣ зданіях Лувра. Живя в Луврѣ иностранные ремесленники не были подвластны цехам; общая жизнь и общіе интересы среди враждебнаго населенія, естественно приводили их к взаимной поддержкѣ; мало-по-малу болѣе бѣдные ремесленники падают в зависимость от болѣе богатых и, наконец, мастерскія отдѣльных ремесленников сливаются в одно крупное предпріятіе с капиталистом из собственной среды во главѣ. Совершенно сходным образом возникает во Франціи крупная мануфактура гобеленов и многія другія.

Другой способ возникновенія мануфактур основывался на пользованіи принудительным трудом. Общественная власть всегда располагала обширным контингентом несвободнаго населенія в тюрьмах, сиротских домах, исправительных заведеніях и т.п. в XVII и XVIII вѣках в этих заведеніях власти начинают устраивать мануфактуры, предоставляя частным предпринимателям пользоваться за извѣстную плату трудом несвободнаго населенія. Таким образом для частных предпринимателей являлась возможность избѣгнуть власти цеха и получить в нужных размѣрах дешевую рабочую силу.

Великій курфурст, напр., издает в 1686 г. особый эдикт относительно устройства "исправительных прядильных и мануфактурных заведеній, куда должны были помѣщаться-если нужно, силой-безработные и их дѣти. Как указывают нѣмецкіе изслѣдователи, рабочій персонал германских мануфактур того времени состоял преимущественно из разнаго рода несвободных людей-нищих, бродяг, преступников, сирот и т.п.

Объясняется это тѣм, что свободные люди не шли на мануфактурн. Домашняя капиталистическая промышленность без труда находила нужный рабочій персонал, так как рабочій работал в этом случаѣ в привычной обстановкѣ у себя на дому. Но на мануфактуру рабочій шел только под вліяніем крайней необходимости, и вот, чтобы загнать его туда, правительство предоставляло в распоряженіе предпринимателей несвободный труд.

Наконец, третьим видом мануфактур были органически выросшія из домашней системы крупной промышленности. Ремесло не могло непосредственно превратиться в мануфактуру, так как ремесленник не имѣл хозяина. В другом положеніи был рабочій домашней промышленности. Он уже утратил свою самостоятельность, привык находиться в зависимости от предпринимателя, и послѣдній мог, когда это настоятельно требовалось его интересами, загнать рабочаго на мануфактуру. Труднѣе было справиться с попротивленіем цехов, но и это препятствіе было не непреодолимо. В общем, не подлежит сомнѣнію, что наряду с мануфактурами, возникшими из среды иностранных ремесленников и основавшимися на принудительном трудѣ, существовала и третья группа мануфактур, органически выросших из домашней промышленности.

Но крайне характерно, как доказательство огромнаго сопротивленія, которое в Западной Европѣ приходилось преодолѣвать возникавшему крупному капиталистическому производству, что это послѣдняя группа мануфактур была, повидимому, наименѣе многочисленной, во всяком случаѣ в Центральной Европѣ. Только в нѣкоторых мѣстностях Англіи число таких мануфактур было болѣе значительно, хотя и в Англіи вообще мануфактір было очень немного, а какія были не были крупными.

Итак, крупное капиталистическое производство, несмотря на техническія выгоды крупнаго производства, не могло вплоть до послѣдней четверти XVIII вѣка сколько-нибудь быстро развиваться в Западной Европѣ, благодаря социальным препятствіям для такого развитія, создавшимися цеховой организаціей промышленности. Препятствія эти были преодолѣны капитализмом лишь

тогда, когда капитал получил в свои руки самое могучее орудіе современной техники машину.

Фабрикой называется такое крупное промышленное капиталистическое производство, в котором существенныя части процесса производства выполняются машинами. Исторія фабрик начинается с изобрѣтеніем в Англіи во второй половинѣ XVIII вѣка цѣлаго ряда прядильных машин. Машины эти в области бумагопряденія вызвали такое огромное увеличеніе производительности труда, что никакая конкуренція с ними ручного труда была немыслима. Хотя по прежнему привлекать рабочих в мастерскую капиталиста было очень трудно, почему на первых англійских и шотландских фабриках рабочій персонал так же как и на прежних мануфактурах, принадлежал в значительной мѣрѣ к несвободному населенію (напр., дѣти пауперов) или вербовался из преступников, бродяг и т.п. элементов, тѣм не менѣе в силу технических преимуществ машиннаго труда, в бумагопряденьѣ фабрика с чрезвычайной быстротой завоевала полное господство. Уже к началу XIX вѣка ручное пряденье бумажной ткани в Англіи исчезает. В других отраслях производства побѣда фабрики была далеко не столь рѣшительная. Так, напр., борьба ручного и машиннаго бумаготкачества даже в Англіи растянулась на цѣлыя десятилѣтія, - а в других странах не закончилась и теперь. Объясняется это тѣм, что механическій ткацкій станок далеко не так повышает производительность труда, как прядильная машина.

Благодаря машинѣ крупное производство стало быстро распространяться за счет мелкаго. Правда, еще и теперь фабрика нив одной странѣ не вытѣснила других форм промышленности. Всюду мы видим рядом с фабрикой мануфактуру, кустарную промышленность, ремесло-и только в очень немногих отраслях труда крупное машинное производство достигло полнаго преобладанія. Однако, по мѣрѣ прогресса техники все новыя и новыя отрасли труда втягиваются в сферу машиннаго производства.

Крупное производство в области промышленности имѣет огромныя преимущества перед мелким. Первым и самым главным преимуществом является возможность пользоваться болѣе крупными средствами производства, постройками, помѣщеніями, орудіями и прежде всего, машинами. По причинам, указанным в главѣ о сотрудничествѣ, пользованіе машинами доступно преимущественно крупному производству: машины небольших размѣров гораздо менѣе производительны, чѣм крупныя. Но к этой основной выгодѣ фабричнаго производства присоединяется цѣлый ряд других. Болѣе крупныя промышленныя предпріятія могут в большей мѣрѣ пользоваться выгодами раздѣленія труда; они могут также привлекать к руководительству процессом производства болѣе цѣнныя рабочія силы-образованных-техников-спеціалистов, что не доступно для мелких. Покупки в больших размѣрах всего нужнаго для предпріятія обходятся дешевле, чѣм покупки малыми партіями. Крупное предпріятіе может непосредственно сноситься с производителями, минуя посредников, и покупать все нужное на самом дешевом и отдаленном рынкѣ. Точно также и в продажѣ изготовленных продуктов крупное предпріятіе имѣет существенныя выгоды-оно может продавать их на самом выгодном, хотя бы отдаленном рынкѣ. Вообще крпное предпріятіе может в своих мѣновых сношеніях менѣе пользоваться услугами торговаго посредника (минуя, напр., розничнаго торговца при покупках и оптоваго при продажѣ) и сберегать, таким образом, плату за эти услуги. Располагая крупным капиталом, оно далѣе, легче привлекает чужой капитал, болѣе кредитоспособно, чѣм мелкое предпріятіе.

В тѣх случаях, когда должна быть исполнена крупная работа, необходимость крупнаго предпріятія диктуется самым существом дѣла. Броненосец может быть построен только крупным предпріятіем; точно также для постройки большого дома требуется соотвѣтствующее количество объединенных в одно предпріятіе рабочих. Правда, в этом послѣднем случаѣ можно себѣ представить, что крупная работа могла бы быть выполнена и нѣсколькими мелкими предпріятіями, соединившими свои силы для данной спеціальной цѣли. Но соединеніе нѣскольких предпріятій вмѣстѣ для разрѣшенія той или иной спеціальной задачи есть процесс трудно выполнимый, - а в крупном предпріятіи это соединеніе трудовых сил уже исполнено самым фактом его существованія.

Экономическія границы для увеличенія размѣра производства полагаются размѣрами рынка. Товары ограниченнаго и мѣстнаго спроса не могут производиться в крупных размѣрах. Поэтому крупное производство охватывает изготовленіе товаров массоваго потребленія или таких продуктов, которые сами по себѣ требуют для своего производства большой затраты труда (крупныя машины, суда, крупныя постройки и т.п.).

Конечно, увеличеніе размѣров производства не может идти безпредѣльно и наталкиваться на свои естественныя границы, указанныя выше (в главѣ о сотрудничествѣ). Но не нужно забывать, что увеличеніе размѣра промышленнаго предпріятія не должно непремѣнно сопровождаться увеличеніем размѣра производства. Когда нѣсколько фабрик сливаются в одно предпріятіе, принадлежащее той же капиталистическої компаніи, размѣры производства на каждої фабрикѣ не измѣняются, но предпріятіе становится крупнѣе.

В конц' концов, главным образом благодаря росту фабрики, крупное производство повсемѣстно быстро растет и пріобрѣтает все болѣе господствующее положеніе в промышленности. В этой к о н ц е н т р а ц і и производства заключается основная тенденція развитія капиталистической промышленности.

Иллюстрацій этих процессов развитія промышленности могут служить данныя послѣдних германских промышленных переписей, согласно которым общая числонность рабочаго персонала в торгово-промышленных предпріятіях Германіи измѣнялась в I882, I895 и I907 г.г. слѣдующим образом:

	I882г.	I895г.	I907 г.
	в т ы с я ч а х:		
Число рабочих в мелких производительных единицах (до 5 рабочих в производительн. единицѣ)...	4.336	4.77I	5.383
Число рабочих в среднія производительных единицах (от 6 до 50 рабоч. в производит. единицѣ).	I.392	2.454	3.689
Число рабочих в крупных производительных единицах (свыше 50 рабоч. в производ. единицѣ).....	I.6I3	3.044	5.364

Данныя эти относятся к обрабатывающей и добывающей промышленности торговлѣ, транспорту (кромѣ желѣзных дорог, почты и телеграфа), садоводству и рыболовству. Они показывают, что новѣйшая эволюція капиталистической промышленности характеризуется не исчезновеніем мелкаго производства, а болѣе мелким ростом его, сравнительно с крупным. По числу рабочих мелкія производительныя единицы за I882-95г. не только не уменьшились, а возросли на I0%; за I895-I907г. онѣ опять увеличились на I3%. Среднія производительныя единицы возросли за I882-I895 г. по числу рабочих на 76 % а за I895-I907г. на 5I%, крупныя-за I882-I895 г.г. на 89%, а за I895-I897г.г. на 76%. Только в этой сферѣ мелкаго труда, гдѣ отсутствует наемный труд и примѣненіе механическої силы, в Германіи наблюдается абсолютное сокращеніе числа рабочих; в I907г. , все же считалось таких производительных единиц в промышленности и торговлѣ I.464 тыс. в I895г.-I.7I4т., а в I882г.-878т.

По своему соціальному сложенію населеніе, занятое в промышленности распадалось в Германіи на слѣдующіе классы:

	I895 г.	I907 г.	I895 г.	I907 г.
	абсолютн. цифры	(в тыс.).	в процентах.	
Предприниматели.	I.774	I.729	22	I6
Высшіе служащіе.	264	686	3	6
Р а б о ч і е.	5.900	8.460	75	78

Число самостоятельных предпринимателей в промышленности сокращается, число рабочих растет. Еще больше растет по своей численности новый средній класс-высших служащих. Эти послѣдніе являются быстро растущим новым средним классом; замѣщающим собой прежній средній класс-мелких предпринимателей. Но в отличіе от прежняго средняго класса, новый средній класс-представители умственнаго труда, интеллигенція- живут продажей своей рабочей силы, как и пролетаріат в собственном смыслѣ слова. Соціальная физіономія этого новаго средняго класса, таким образом совершенно иная, чѣм прежних мелких капиталистов.

II. М а н у ф а к т у р а и ф а б р и к а в Р о с с і и. Переходя к Россіи, нужно, прежде всего, отмѣтить, что крупное производство у нас развивалось в очень своеобразных условіях, весма отличных от Западно-европейских. Исторія нашей крупной промышленности начинается с Петра Великаго, которому удалось насадить у нас мануфактуру путем разнаго рода мѣр поощренія и понужденія. К концу царствованія Петра в Россіи насчитывалось уже 233 манufактуры.

Многія мануфактуры Петровской эпохи были очень крупными; так, напримѣр, на шелковой мануфактурѣ Евреиновых было около полуторы тысячи рабочих, на казенной парусной мануфактурѣ в Москвѣ было I.I62 рабочих, на полотняной мануфактурѣ Томеса-84I раб., на суконной мануфактурѣ Микляева в Казани-742 рабочих и т.д. Таких крупных мануфактур не было в Западной Европѣ, вѣроятно даже значительно позже. Вообще, страной, гдѣ крупное промышленное производство получило в XVIII вѣкѣ наибольшее развитіе, можно считать, как это не расходится с обычными взглядами, именно Россію.

Петр принимал разнообразныя мѣры для насажденія у нас крупной промышленности. Мѣры эти заключались в установленіи высоких пошлин на заграничные товары, в разрѣшеніи безпошлиннаго привоза из-за границы сырья и инструментов для мануфактур, в выпискѣ для мануфактур на казенный счет искусных мастеров из-за границы, в освобожденіи мануфактуристов от различных повинностей и т.д., и т.д. Но все это болѣе или менѣе практиковалось и на Западѣ. Однако, там крупное производство не получило такого распространенія, как в Россіи, хотя по своему промышленному развитію Россія стояла далеко позади Запада.

Этот, на первый взгляд, непонятный факт объясняется слѣдующим образом. И в Россіи и на Западѣ только крайняя необходимость могла побудить свободнаго рабочаго пойти на мануфактуру. На Западѣ это воспрепятствовало росту крупнаго производства вплоть до эпохи машин; у нас же дѣло рѣшилось иначе. Петр стал просто приписывать рабочих к мануфактурам и заводам сотнями и тысячами, и таким образом у нас создалась мануфактура, основанная на принудительном трудѣ. Этим способом мануфактуры были снабжены рабочими руками. Что же касается до владѣльцев мануфактур петровской эпохи, то большей частью они принадлежали к капиталистам, созданным торговым развитіем Московскаго княжества. Иностранцы и дворяне составляли ничтожную часть крупных промышленников петровской эпохи.

Класс наших крупных торговых капиталистов, обороты которых достигали, в переводѣ на современныя деньги, милліонов рублей, и был тѣм соціальным базисом, на котором утвердилась русская промышленность. Было бы большой ошибкой думать, что петровская промышленность всецѣло основывалась на казенных субсидіях. Правительство само очень нуждалось в деньгах и не могло оказывать большой помощи промышленникам денежными ссудами-всего таких ссуд было сдѣлано казной приблизительно на I00 тыс. рублей,-тогда как многія мануфактуры требовали огромных капиталов. Таким образом, наша мануфактура возникла на почвѣ, подготовленной предшествовавшим развитіем Россіи.

Мануфактуры эти получили рабочія руки частью путем приписки к ним казенных крестьян, частью путем распространенія на купцов права покупки к своим мануфактурам помѣщичьих крестьян. Приписанные рабочіе, а равно купленные к мануфактурам лицами, не имѣвшими права владѣнія крѣпостными крестьянами, образовали особый класс рабочих, названных впослѣдствіи п о с с е с с і о н н ы м и. Мануфактура с посессіонными рабочими была господствующим типом нашего крупнаго промышленнаго производства в теченіе XVIII вѣка. Посессіонные рабочіе считались нераздѣльным цѣлым с мануфактурой и не были в полном распоряженіи владѣльца, который не имѣл права, без разрѣшенія правительства, измѣнять характер производства, обязан был давать работу своим рабочим и подчинялся в отношеніях с ними контролю правительства.

В XIX вѣкѣ происходит постепенное, с-сначала медленное, затѣм быстрое разложеніе посессіонной мануфактуры. Во второй четверти прошлаго вѣка сами владѣльцы посессіонных мануфактур начинают просить правительство освободить их от тягостей посессіоннаго владѣнія": благодаря измѣне-

нію условій техники, работа поссессіонными рабочими стала менѣе выгодной, чѣм работа вольнонаемными рабочими. Право пользованія принудительным трудом, бывшее в XVIII в. самой заманчивой привиллегіей для промышленника, теперь стало для него же бременем и обузой. Под вліяніем волненій поссессіонных рабочих и просьб промышленников о разрѣшеніи им ликвидировать поссессіонное владѣніе, правительство издало в 1840г. законом, которым разрѣшалось увольнять поссессіонных рабочих в свободное состояніе. Болѣе половины поссессіонных рабочих получило, таким образом, свободу. Принудительный труд на мануфактурѣ во второй четверти XIX вѣка сам собой отмирал.

Освобожденіе крестьян не произвело большого потрясенія в нашей крупной промышленности благодаря тому, что в ней к тому времени уже преобладал наемный труд. В общем, наша промышленность развивалась довольно медленно до 90-х г.г. закончившагося вѣка, когда послѣдовал значит. подъем, охвативший, преимущественно, тѣ отрасли промышленности, которыя изготовляют средства производства. Подъем этот отчасти был вызван повышеніем таможенных пошлин в 80-е годы, но главным образом причиной совершенно другого рода-постройкой цѣлой сѣти новых желѣзных дорог. Затѣм послѣдовал промышленный кризис и депрессія, растянувшаяся на цѣлое десятилѣтіе. С конца 1909 г. у нас начинается новый промышленный подъем.

Россія является страной с огромной территоріей, огромными естественными богатствами, обширным населеніем, еще живущим в значительной мѣрѣ натуральным хозяйством, что создает особо благопріятную почву для развитія капитализма, так как при наличности еще натуральнго хозяйства крупное капиталистическое производство может расширяться за счет вытѣсняемых им форм мелкаго производства, напр., при замѣщеніи продуктами капиталистическаго производства продуктов домашняго производства (ситец вытѣсняет пеньковую ткань). Поэтому, казалось бы, именно, в Россіи фабрика должна расти особенно быстро. Между тѣм этого, несомнѣнно, нѣт. Что же мѣшает успѣху нашего промышленнаго капитализма?

Главным образом, общій уклад нашей собственности и, прежде всего, формы нашей политической жизни, сковывающія всякую предпріимчивость и свободу. Именно благодаря условіям нашей общественной жизни, производительность труда нашего рабочаго так ничтожна, что продукты нашей капиталистической промышленности, оказываются, несмотря на нищенскую оплату труда, очень дороги. Считают, напр., что в Англіи на 1.000 прядильных веретен, в хлопчато-бумажной промышленности требуется всего 3 рабочих, тогда как у нас на то же количество нужно 16 рабочих. Нижеслѣдующее сравненіе условій фабричной промышленности в Россіи и С.-А. Соединенных Штатах с наглядностью вясняет истинныя причины слабости развитія нашего промышленнаго капитализма.

Сравнительныя данныя фабрично-заводской промышленности в Россіи и С.-А. Соединенных Штатах за 1900 год.

	Цѣна произв. продуктов в милліонах рублей).	Число рабоч. в тыс.	Средн. год. заработок на 1 раб. в рублях.	1 рабочій производит в год продуктов на сумму в руб.
Россія. . . .	3.005	1.373	200	1.266
Сосд. Штаты	25.296	5.321	850	4.754

В два слишком раза большее число фабричных рабочих в Америкѣ производит продуктов на сумму болѣе, чѣм в 8 раз большую. Производительность труда американскаго рабочаго, в среднем, почти в четыре раза выше, чѣм русскаго, если опредѣлять эту производительность по цѣнности изготовляемаго продукта. Если же взять количество изготовляемаго продукта, то превосходство американскаго рабочаго над русским окажется еще болѣе значительным. Почему же наш рабочій производит так ничтожно мало? Потому, что наши фабрики плохо оборудованы в техническом отношеніи, потому что нашему рабочему (равно как и капиталисту) не хватает знанія и интеллигентности его американскаго собрата, потому что при ничтожной платѣ и чрезмѣрно продолжительном рабочем днѣ работоспособность рабочаго не может быть велика, потому, словом, что по своему культурному уровню мы стоим чрезвычайно далеко позади Запада. А Наша культурная отсталость

находится в непосредственной связи с общими условіями нашей политической общественной жизни.

Особенностью нашей капиталистической промышленности является чрезвычайно сильная концентрація производства. Как выше указано, в XVIII вѣкѣ Россія была той страной, в которой крупное промышленное производство было развито сильнѣе, чѣм в странах Западной Европа. И в настоящее время в нашей капиталистической промышленности крупныя предпріятія играют большую роль чѣм в Западной Европѣ-Россія и теперь остается страной крупнаго промышленнаго капитала по преимуществу. Правда, капиталистическая фабрика в общем строѣ нашего хозяйства играет гораздо меньшую роль, чѣм в таких передовых странах, капиталистическаго міра, как, напримѣр, Германія. Но зато в предѣлах фабричной промышленности у нас наблюдается большая концентрированность производства, чѣм в той же Германіи.

В Германіи в 1895 г. считалось в средних и крупных торговых и промышленных предпріятіях около 5½ милл. занятых лиц, причем в гигантских предпріятіях, имѣющих каждое свыше 1.000 рабоч., было занято 563 тыс. лиц. В 1907 г. число лиц, занятых в крупных и средних торговых и промышленных предпріятіях, достигло 9.053, число же лиц, занятых в гигантских предпріятіях, достигло 955 тыс. В Россіи в 1902 году на крупных фабриках и заводах, имѣющих свыше 1.000 раб.-710 тыс. Далеко оставши от Германіи по общей численности фабричнаго пролетаріата, Россія стояла, таким образом, в 1902 году по всей вѣроятности, впереди ея по числу рабочих на очень крупных фабриках. И только теперь Германія, быть может обогнала Россію по абсолютному числу рабочих, занятых в гигантских предпріятіях. По относительному же значенію этих предпріятій в ряду других Россія стоит и теперь далеко впереди Германіи: в Германіив 1907г. лишь около 11% всего рабочаго персонала крупных и средних предпріятій было занято в гигантских фабриках, в Россіи же в 1902 г. почти 40%, а с тѣх пор концентрація нашего фабрично-заводскаго производства сильно двинулась вперед.

Огромное экономическое и соціальное значеніе этого факта очевидно. Хотя фабрик в Россіи, сравнительно с другими, болѣе передовыми странами, и мало, зато в ней преобладают значительно крупныя фабрики. Объясняется это, на первый взгляд странное и непонятное обстоятельство тѣм, что западная Европа знала другую промышленную культуру, кромѣ капиталистической. На Западѣ существовала и существует стойкая и жизнеспособная средняя и мелкая промышленность, имѣвшая славное прошлое, и лишь шаг за шагом уступающая свои позиціи крупному капиталу. На Западѣ имѣется многочисленный средній класс-мелкіе предприниматели, промышленники и торговцы, энергичные, предпріимчивые и зажиточные, умѣющіе отстаивать в борьбѣс крупным капиталом свои интересы. У нас же не было никакой другой промышленной культуры, кромѣ капиталистической, и нѣт зажиточнаго и многочисленнаго класса мелких предпринимателей,-капитализм, вопреки обычному мнѣнію, игралу у нас гораздо болѣе положительную роль, чѣм на Западѣ, и ему не приходилось разрушать высокой экономической культуры другого типа. Вот почему наш капитализм не встрѣчая никакого сопротивленія, легко складывается в формы, еще не достигнутыя странами, стоящими по своему хозяйственному развитію далеко впереди нас. Россія страна соціальных контрастов-мелкаго кустарнаго производства и очень крупнаго фабричнаго, полунищей народной массы и малочисленных, но очень богатых и вліятельных капиталистов и землевладѣльцев.

ГЛАВА VI.

ЗЕМЕЛЬНАЯ ОБЩИНА.

1. Земельная община в Западной Европѣ и на Востокѣ. Частная земельная собственность может возникнуть лишь послѣ того как появилось земледѣліе: пока не было земледѣлія, не могло быть и мотива к захвату земли в частную собственность, хотя из этого не слѣдует, что до возникновенія земледѣлія вообще не существова-

никакого опредѣленнаго отношенія данной общественной группы к занимаемой ею территоріи. Напротив, уже на самых ранних ступенях историческаго развитія мы видим, что данная территорія находится под верховным владычеством того или другого племени, причем каждое племя не допускает другое вторгаться на принадлежащую ему территорію.

С развитіем земледѣлія связь между человѣком и землей пріобрѣтает гораздо болѣе тѣсный характер. Вопрос о том, частная или общественная собственность на землю исторически предшествовала, и теперь еще рѣшается различными изслѣдователями различно. Сначала думали, что исходным пунктом развитія земельных отношеній является частная собственность на землю, но потом, под значительным вліяніем изученія русских земельных отношеній, и у нас и на Западѣ стало складываться противоположное воззрѣніе. Стали думать, что первоначально господствовало коллективное владѣніе землей. Эта точка зрѣнія получила большое распространеніе не только в Россіи, но и в Германіи под вліяніем работ Маурера и Ганссена. Предполагалось, что первоначальной формой землевладѣнія в Западной Европѣ была та форма, которая сохранилась и до настоящаго времени в Россіи, т.е. земельная община, при которой земля принадлежит не отдѣльной семьѣ, а цѣлой группѣ таких семействъ, образующих деревню и практикующих от времени до времени уравнительные передѣлы земли.

Убѣжденіе в том, что у древних германцев практиковались уравнительные передѣлы земли, покоилось преимущественно на нѣсколько цитатах из Цезаря и Тацита. Однако это воззрѣніе на характер эволюціи земельных отношеній никогда не было господствующим и, напр., во Франціи Фюстель-де-Куланж и его школа рѣшительно отрицали существованіе когда-либо в западнѣй Европѣ уравнительно-передѣльной общины. И в Германіи за послѣднее время проявляется реакція против названнаго взгляда. Так Рихард Гильдебрандт не так давно выступил с утвержденіем, что у древних германцев не существовало ничего подобнаго уравнительно-передѣльной общинѣ, а что противоположное воззрѣніе основывается на неправильном пониманіи тезаря у Цезаря и Тацита.

Нельзя не согласиться с Рихардом Гильдебрандом, что территоріальное господство племени в предѣлах той или иной области далеко не равнозначуще коллективной собственности членов племени на ату область. Правильнѣй сказать, что первобытные народы не знают никакой собственности на незанятую землю-ни коллективной, ни индивидуальной. Верховное же владычество племени в предѣлах извѣстной территоріи не есть право собственности, ибо не имѣет частноправового характера. Земля считалась не коллективной собственностью, а ничьей, как это наблюдается и теперь в Сибири, и каждый свободно захватывал землю по мѣрѣ своих надобностей. Первоначальныя земельныя отношенія у всѣх земледѣльческих народов сводились к так называемой заимкѣ-захвату извѣстнаго участка земли опредѣленной семьей, которая свободно пользуется захваченным участком.

Что же касается до вопроса, существовала ли когда либо коллективная обработка земли, как общее явленіе, то и на него приходится дать отрицательный отвѣт. Правда нам извѣстны нѣкоторыя случаи, когда цѣлая деревня сообща обрабатывает землю, но это-рѣдкіе случаи, относящіеся к эпохи мотыжнаго земледѣлія, еще до употребленія рабочаго скота, и обобщаемы они никоим образом быть не могут. Первобытное земледѣліе, дѣйствительно, требовало большого количества рабочих рук, но так как первобытная семья включала в себя много членов, то она вполнѣ справлялась с земледѣльческими работами и не было надобности в болѣе крупных общественных ассоціаціях.

Первоначальная форма земледѣлія-хозяйство большой семьи; оно может быть названо с е м е й н о й общиной. Семейная община, которую надо строго отличать от современной русской передѣльной общины, основана на кровной связи. Семейная община несомнѣнно существовала повсюду: у древних индусов кабилов, на Кавказѣ, в центральной Африкѣ, в разных мѣстностях Европы.

В нѣкоторых отдѣльных случаях первобытная большая семья сохранилась в очень сложной формѣ вплоть до нашего времени. Примѣром может служить

южно-славянская задруга, включающая в себя цѣлый ряд поколѣній. В такой задругѣ (число членов которой доходит до 100 и болѣе) наблюдается полная общность собственности, как движимой так и недвижимой. Организація задруги имѣет демократическій характер: во главѣ ея стоит выборное лицо-домачин, завѣдующій мужскими работами и домочица, завѣдующая женскими работами. Задруга, вообще основана на кровном родствѣ, но вступить в нее могут, с согласія остальных, и посторонніе. У нас на сѣверѣ Россіи также нерѣдко встрѣчается большая семья, состоящая иногда из трех поколѣній, которыя живут вмѣстѣ.

Такая большая семья, семейная община, владѣвшая захваченным ею земельным участком, несомнѣнно была отправным пунктом послѣдующаго развитія земельных отношеній как у нас, так и на западѣ. Мало по малу на основѣ этой семейной общины на Западѣ создалась новая форма землевладѣнія. Семейная община разрасталась, отдѣльныя семьи обособлялись и начинали вести самостоятельное хозяйство; создается форма землевладѣнія, аналогичная той, которую нашла на сѣверѣ Россіи А.Я. Ефименко и назвала долевой; сущность этой формы землевладѣнія заключается в том, что всѣ члены, принадлежащіе к данной общественной группѣ, признаются имѣющими право на извѣстную (и, притом, весьма не равную) долю земли, но только на идеальную долю, ибо реально земля не подѣлена в собственность между отдѣльными хозяйствами. Одно семейство имѣет напр., три доли земли, другое двѣ, третье даже часть доли, но не больше ея, как бы мала эта доля ни была. Такая долевая община (нерѣдко смѣшиваемая с уравнительно-передѣльной) имѣет много общаго с частным землевладѣніем, отличаясь от него существенно тѣм, что при нем могут существовать (и существуют) передѣлы земли, обмѣн участками, но для уравненія не количества земли во владѣніи каждой семьи (которое остается неравным), а качества земельных участков, обрабатываемых отдѣльными семьями.

Такая долевая община была, повидимому, высшим предѣлом общиннаго развитія в Западной Европѣ. Дальше ея Западно-Европейская община в своем развитіи не пошла, не достигла типа русской общины, при которой отдѣльные участки выравниваются по количеству, и за членами признается право получать равное количество земли.

В долевой общинѣ имѣются элементы как частной, так и общественной собственности, так что из нея могла возникнуть как частная земельная собственность, так и уравнительно-общинчая. В западной Европѣ мы наблюдаем первое: первоначальное право на идеальную долю земли превращается в право частной собственности на данный опредѣленный участок земли.

Примѣром сложной долевой общины может служить так называемая германская марка-типичная земельная организація средневѣковой Германіи. В состав такой марки, которую многіе изслѣдователи ошибочно разсматривают, как уравнительно-передѣльную общину, входили как помѣщики, так и крестьяне. Помѣщик владѣл извѣстными земельными участками на правах частной собственности; наряду съ этим извѣстная часть земли марки-луга, пустоши, лѣса-находилась в нераздѣльном общем пользованіи всѣх членов марки; пахатная же земля находилась в долевом владѣніи крестьян-членов марки. Таким образом в германской маркѣ мы наблюдаем сочетаніе частнаго владѣнія долевого и общаго, причем в общем пользованіи находились пустоши, сѣнокосы и лѣса. Общинное пользованіе сѣнокосом, лѣсами и лугами сохранилось и до настоящаго времени в Швейцаріи и Южной Германіи и составляет собой так называемую альменду.

Нужны были совершенно особыя условія, чтобы долевое владѣніе превратилось в уравнительно передѣльное. При долевом владѣніи имущественнаго равенства не существует, богатые владѣют большим количеством земли, чѣм бѣдные, и естественно стремятся закрѣпить за собой свои участки земли; происходит борьба, в которой верх одерживается, конечно, богатыми. Поэтому долевая община легко превращается в частное землевладѣніе и нужна извѣстная внѣшняя сила, чтобы из долевой общины возникла уравнительно-передѣльная. Такой внѣшней силы не оказалось в наличности в западной Европѣ; из долевой общины на Западѣ возникло частное землевладѣніе. Прежде всего свободная, незанятая земля была захвачена в частную собственность господствующими лицами, -короли, герцоги являются первыми землевладѣльцами. Затѣм к ним присоединяется дворянство, с одной стороны, и духо-

венство—с другой. Мало по малу всѣ эти общественныя группы захватываютъ в свою собственность не только свободныя земли, но и земли, находившіяся раньше во владѣніи свободныхъ крестьянъ, а этихъ послѣднихъ превращаютъ в своихъ крѣпостныхъ. Но крестьяне, хотя и утратив свою свободу, продолжаютъ обрабатывать тѣ же земельные участки, что и раньше—долевая община у них сохраняется,—и лишь значительно позже, в тѣхъ случаях, когда крестьяне избѣжали окончательнаго обезземелія, долевая община с освобожденіем крестьян разлагается на отдѣльные земельные участки, принадлежащіе на правах частной собственности отдѣльнымъ крестьянам.

Только на Востокѣ—и преимущественно в Индіи—наблюдаются земельныя отношенія, вполнѣ аналогичныя нашей уравнительно-передѣльной общинѣ. Почему же в Индіи возникла передѣльная община?

Рѣшающую роль сыграла в этом случаѣ деспотическая государственная власть, непосредственно заинтересованная в превращеніи долевой общины в передѣльную. При долевом владѣніи неизбѣжно возникает имущественное неравенство между крестьянскими дворами, что затрудняет исправное внесеніе податей. Лучшим средством для государства, при примитивности государственнаго механизма, обезпечить исправное внесеніе податей является круговая порука плательщиков, так как при круговой порукѣ передъ государством отвѣчает друг за друга коллективно вся группа плательщиков. Подати при этом разверстываютъ подушно. Раз вся деревня коллективно отвѣчает за правильное внесеніе податей, то, естественно, она заинтересована и в том, чтобы каждый отдѣльный плательщик мог выплатить свою часть, а для этого необходмо, чтобы каждый отдѣльный плательщикъ

~~могъ выплатить~~ свою часть, а для этого необходимо, чтобы каждый получалъ равное количество земли соответственно равной подати, которая на него налагается. Это и было той движущей силой, которая превратила долевую общину въ общину передѣльную). А такъ какъ деспотическое государство характерно только для Востока, то этимъ и объясняется, почему на Западѣ мы видимъ совершенно другія земельныя отношенія: на Западѣ государство не было так сильно, чтобы уравнять население въ имущественномъ отношеніи.

На Западѣ крестьянское землевладѣніе очень пострадало отъ роста дворянскаго частного землевладѣнія. Въ Англіи большая часть общинныхъ земель была просто захвачена дворянствомъ, причемъ захватъ этотъ шелъ особенно энергично въ двѣ эпохи — въ XVI в-къ и въ конц XVIII и въ начал XIX в-ка. Въ первую эпоху побудительнымъ толчкомъ къ этимъ захватамъ явилось распространеніе крупного овцеводства, вызваннаго, въ свою очередь, вздорожаніемъ шерсти. Дворянство, для увеличенія своих пастбищъ, захватывало крестьянскія земли, и такимъ образомъ исчезла значительная часть общихъ земель. Затѣмъ этотъ процессъ пріостановился на два столѣтія и возобновился въ концѣ XVIII в-ка, когда повышеніе цѣнъ на хлѣбъ создало новый сильный митивъ для захвата земель. Права крестьянъ на ихъ землю были очень неопредѣленны, и грабежъ крестьянской земли могъ совершаться на законномъ основаніи. Такимъ образомъ

III.

англійскія община пала не столько путем раздѣла земли между общинниками, сколько путем прямого захвата общинных земель дворянством.

Въ Англіи наблюдаются наиболѣе полное исчезновеніе не только общинныхъ земель, но и вообще крестьянскаго землевладенія, и наибольшее развитіе крупнаго частнаго землевладенія. Въ других странах этот процессъ не зашел так далеко благодаря тому, что только въ Англіи класс дворянъ имелъ такое преобладающее значеніе въ политическом строѣ страны. Почти повсемѣстно в западной Европѣ сохранилось крестьянское землевладѣніе и существует в настоящее время с крупным. Сохранились в большей или меньшей мѣрѣ, и общинныя земли (т.е. земли, принадлежащія отдѣльным общинам, как публично правовым союзам). Однако, эти общинныя земли (кромѣ так назыв. альменди—пастбище и лѣс) не находятся в пользованіи членов общины и эксплоатируются общинами обычным капиталистическим образом—путем отдачи их в аренду.

II. З е м е л ь н а я о б щ и н а в Р о с с і и. Только в Россіи из всѣх европейских стран, мы замѣчаем широкое развитіе общиннаго землепользованія, понимая под общинным землепользованіем такое, при котором земля, принадлежащая извѣстному трудовому союзу, как цѣлому находится в трудовом пользованіи отдѣльных членов этого союза.

Такая система составляет характерную особенность аграрнаго строя Россіи. О происхожденіи русской общины велось много споров. Чичерин высказал взгляд, что русская община сравнительно недавняго происхожденія и представляет собой продукт податной организаціи Московскаго государства. Статья Чичерина вызвала цѣлый ряд возраженій, между прочим Бѣляева, который держался того мнѣнія, что община есть исконное учрежденіе славянскаго быта. Общественное мнѣніе признало Чичерина разбитым и под вліяніем Чернышевскаго у нас утвердилось мнѣніе, что община есть отправной пункт аграрнаго развитія как Россіи, так и других стран. При этом нужно имѣть в виду, что, говоря, об общинѣ, Чернышевскій, как и другіе, имѣл в виду именно уравнительно-передѣльную общину, свойственную, по этому мнѣнію, всѣм народам на первых ступенях их развитія.

Теперь мы знаем, что это не так. Если долевая община дѣйствительно, была в прежнее время широко распространена у различных народов, то этого отнюдь нельзя сказать с передѣльной общинѣ. Передѣльная община несомнѣнно, возникла гораздо позже.

На происхожденіе передѣльной общины пролили много свѣта новѣйшія работы по исторіи общины в Сибири. Сибирская община интересна, в особенности потому, что она является по выраженію ея изслѣдователя А. А. Кауфмана, как бы застывшей исторіей общины— в том смыслѣ, что в Сибири мы одновременно наблюдаем общину во всѣх послѣдовательных стадіях ея развитія.

Можно различить три формы Сибирской общины—захватное землепользованіе, общинно-захватное и общинно-передѣльное. Первая форма—з а х в а т н о е землепользованіе— наблюдается там, гдѣ земельный простор так велик, что необработанная земля совсѣм или почти совсѣм не имѣет цѣнности. Каждый, по своему усмотрѣнію, захватывает участок земли для своего пользованія; такой захваченный участок образует заимку. Захват признается состоявшимся, если, напр., захваченное мѣсто отмѣчено знаками на корѣ деревьев или на камнях. Эта захватная форма землепользованія с внѣшней стороны похожа на частную земельную собственность, так как заимщик может дѣлать с захваченной землей все, что угодно, —может ее продавать, передавать по наслѣдству и т.п. Однако, заимка уже потому не есть собственность, что она—больше факт, чѣм право; она не есть сложившійся юридическій институт, ибо на этой стадіи аграрнаго развитія выработанные правовые институты по отношенію к землѣ отсутствуют. Заимку членъ общины может дѣлать только в предѣлах территоріи, принадлежащей данной общинѣ; уже в этом сказывается право общины на данную территорію. Правда, до поры до времени община не пользуется своим правом и ея мѣсто заступают отдѣльные заимщики; но это объясняется лишь тѣм, что при земельном просторѣ интересы отдѣльных заимщиков не сталкиваются друг с другом.

Рѣшающую роль во всей дальнѣйшей земельной эволюціи играет проведеніе границ между отдѣльными полесками. Каждый поселок представляет собой солидарную группу лиц, старающихся оградить территорію своего поселка от вторженія посторонних элементов. С возникновеніем границ между отдѣльными поселками создается представленіе о том, что земля принадлежит данной группѣ лиц, членам даннаго поселка. На ряду с т в с е й и м о е й землей, возникает уже представленіе о нашей землей.

Почему же, однако, границы проводятся между цѣлыми поселками, а не только отдѣльными заимками? Потому, что первоначальное землевладѣніе носит подвижной характер. Отдѣльные заимщики мѣняют свои участки земли, часто переносят свои жилища, заимщик не прикрѣплен ни к какому опредѣленному участку земли. Неподвижна лишь та территорія, в предѣлах которой совершается заимки, почему и границы проводятся между извѣстными болѣе или менѣе обширными районами, между общинами. В народном правосознаніи, таким образом, мало по малу складывается идея о коллективном владѣніи.

Второй период развитія общины- з а х в а т н о- о б щ и н н о е землепользованіе-вызывается увеличеніем земельной тѣсноты. Возникают столкновенія экономических интересов, заимщики мѣшают друг другу; столкновенія эти разрѣшаются переходом общины в слѣдующую фазу своего развитія, захватно-общинную: община подвергает ограниченіям право захвата. При первоначальном захватѣ не трубуется затрать труда, чтобы обезпечить за собой право пользованія захваченным участком. Теперь же создается болѣе сложное трудовое право на землю, состоящее в том, что заимщик признается имѣющим право распоряжаться заимкой только до тѣх пор, пока он вкладывает в землю свой труд; когда же он перестает пользоваться своим участком (напримѣр, перестает ее обрабатывать), то участок признается свободным и каждый может захватить его для приложенія к нему своего труда. Такіе формы захвата, как нанесеніе знков на кор деревьев и т.п., признаются недѣйствительными. Чтобы права захвата уважались, требуется, чтобы захватчик приложил свой т р у д к землѣ-расчистил лѣс, обрабстал почву. Община принимает различныя мѣры, чтобы ни один заимщик не нарушал трудовых прав других заимщиков.

Однако, при захватно-общинной формѣ остается в полной силѣ значительное неравенство в землепользованіи: кто богаче, у кого больше скота, кто сильнѣе рабочими руками, кто захватил раньше больше земли, тот т владѣет большим количеством ея. Мало по малу община начинает склоняться к признанію права каждаго человѣка на существованіе, начинает признавать, что и безземельные имѣют право на землю, если они желают прилагать к ней свой труд. На этой стадіи община не трогает земель, находящихся в пользованім отдѣльных ея членов, но уже начинает распоряжаться нѣкоторыми земельными участками, напр., выморочными или принадлежащими недоимщикам, которые они и передает безземельным. Таким образом, возникают первые, но еще частичные, не общіе и не уравнительные предѣлы.

С возникновеніем уравнительных передѣлов-равнаго распред ленія земли между общинниками-община вступаетв третью фазу своего развитія, уравнительно-передѣльную. Рѣшающую роль в возникновеніи передѣлов в Сибири сыграли факторы двоякаго рода: с одной стороны, уменьшеніе земельнаго простора благодаря росту населенія, с другой, фискальная политика правительства-подушная подать в связи с круговой порукой. При существованіи круговой поруки и недостаткѣ земли у части общественников крестьянскій мір стоял перед альтернативой- или разверстать платежи по землям, или же всю землю разверстать поровну по душам. При тяжести платежей первый способ разверстки может быть невыгоден именно многоземельным крестьянам. Таким образом, единственным практическим выходем являлась разверстка земли по душам: земля распредѣлялась между плательщиками податей так же равномѣрно, как и сама подать.

Так создалась уравнительно- передѣльная община, которую мы наблюдаем в Сибири, гдѣ онѣ возникает еще на наших глазах при наступленіи извѣстной степени земельной тѣсноты. В других же м стах Россіи, напримѣр, Архангельской, Вологодской, Херсонской, Харьковской, Екатеринославской г.- перед льная община возникла в концѣ XVIII и началѣ XIX в ка.

В Малороссіи в XVIII вѣкѣ совсѣм не существовало передѣльной общины, и противоположныя утвержденія М.В. Лучицкаго основаны, как убѣдительно

доказывает А.Я. Ефименко, на чистом недоразумѣніи. Профессор Лучицкій, подобно многим другим историкам общины, не проводит различія между общинным землепользованіем, как своеобразным способом пользованія воздѣланной землей, и общим владѣніем свободными, незанятыми землями. Но вѣдь общее влад ніе далеко не одно и то же, что общинное землепользованіе. Общинныя земли (т.е. земли, принадлежащія общинам, как публично-правовым союзам) существуют и в настоящее время повсѣмѣстно в западной Европѣ, но из этого отнюдь не слѣдует, что на Западѣ повсѣмѣстно существует общинное землепользованіе. И такого землепользованія Украйна XVIII вѣка совсѣм не знала.

В Центральной Россіи уравнительно-передѣльная община сложилась гораздо ранѣе. В XVII и XVIII вѣках уравнительные передѣлы были широко распространены в этом обширном районѣ. Древнѣйшее извѣстіе о передѣлах восходит даже к 1500 г., и слѣдует допустить их существованіе, по словам Павлова-Сильванскаго, в Московском княжествѣ уже в XV в кѣ.

Высшим типом общины является уравнительно- передѣльная община. Общинные передѣлы бывают двух родов- количественные и качественные. Количественные передѣлы состоят в количественном уравненіи землепользованія каждаго отдѣльнаго члена общины, в уравненіи его доли в общинной землѣ. При качественном же передѣлѣ доля каждаго в общинной землѣ остается неизм нной, а происходит лишь обмѣн участками в зависимости от их качества-уравнивается качество земли. Передѣлы того и другого рода не слѣдует смѣшивать друг с другом. Для уравнительно-передѣльной общины типичен именно количественный передѣл.

Обыкновено под словом "передѣл" подразумѣвают количественный передѣл; качественный же передѣл крестьяне обычно называют переверсткой или жеребьевкой. Періодическіе количественные передѣлы вызываются тѣм, что, благодаря неодинаковому возрастанію семейств отдѣльных членов общины, установленная предшествующим передѣлом уравнительность землепользованія исчезает, слѣдствіем чего является необходимость новаго передѣла земель. Нормы количественных передѣлов, т.е. единицы, примѣнительно к которым происходит выравниваніе земли, бывают разнообразны. Самой примитивной единицей, примѣнительно к которой совершается передѣл, является отдѣльный крестьянскій двор: земля дѣлится поровну между всѣми крестьянскими дворами. Такіе передѣлы по дворам по отношенію к пашням практикуются очень рѣдко, а по отношенію к усадебным землям (поскольку таковыя вообще передѣляются) они являются общим правилом, потому что потребности отдѣльных семейств в усадебной землѣ почти не зависят от числа членов в семействѣ, и дѣленіе усадебной земли поровну на двор является наиболѣе равномѣрным.

Другой нормой передѣлов является рабочая сила каждаго двора-обыкновенно число мужчин рабочаго возраста. Земля в этом случаѣ разверстывается пропорціонально числу мужчин рабочаго возраста в каждом дворѣ. Однако, при передѣлѣ по рабочим силам нер дко принимается в расчет, не только количество работников, но и хозяйственная сила даннаго двора (количество скота, построек). Чѣм двор сильнѣе экономически, тѣм больше дается ему земли.

Третьим, высшим типом передѣла является передѣл по потребительным нормам (по "ѣдокам"). В этом случаѣ община стремится возможно точнѣе учесть потребительныя нужды семьи и соотвѣтственно этому распредѣляет землю между отдѣльными дворами; на несовершеннолѣтних и дѣтей земли начисляется обычно меньше, чѣм на взрослых, причем иногда устанавливается весьма детальная градація между возрастом и долей надѣляемой земли.

Два послѣдніе типа распредѣленія земли-по рабочим и по потребительным нормам-являются наиболѣе распространенными. Передѣл по рабочим нормам обычно имѣет мѣсто тогда, когда ея или земля имѣет малую цѣнность,- ея много-или платежи за нее так высоки, что надѣл для крестьянина "не кормитель, а разоритель." Первое наблюдается, напр., в сибирской общинѣ. При наличности земельнаго избытка самым уравнительным распредѣленіем земли является такое, при котором каждый получает столько земли, сколько способен обработать. С другой стороны распредѣленіе земли по рабочим нормам встрѣчается и в современно иной экономической обстановкѣ. Примѣром может служить община бывших помѣщичьих крестьян в центральном райо-

нѣ Россіи.Первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьян от крѣпостного права платежи,лежавшіе на бывших помѣщичьих крестьянах,были очень высоки и доходы земли(в нечерноземном раіонѣ)не покрывали платежей.Надѣл являлся больше" тяжестью для крестьян,и так как существовала круговая порука,то иной разверстки земли,как по рабочим силам каждаго двора,не могло и быть- в противном случаѣ крестьянин не мог бы справиться с лежавшими в нем платежами.

Напротив,передѣлы по потребительным нормам получают большее распространеніе там,гдѣ земли мало,она им"ет высокую цѣнность,и лежащіе на ней платежи далеко не достигают ея доходности.

Передѣл называется общим (коренным)- когда передѣлу подвергаются всѣ земли общины: частным - когда передѣлу подвергается лишь часть земель общины,напр.,вымороченныя земли,земли недоимщиков и т.п.

Частные передѣлы были особенно распространены на первыя десятилѣтія послѣ реформы у тѣх групп крестьян,над"ельныя земли которых были обременены платежами,превышавшими чистую доходность земли.При наличности круговой поруки община была в этом случаѣ заинтересована в том, чтобы немедленно передавать свободные надѣлы тому крестьянину,который был бы в состояніи платить подати.Таким образом возникали в Московской и других центральных губерніях частые частные передѣлы-так назыв.свалка-навалка душ,бывшая раньше типичной для общины бывших помѣщичьих крестьян центральнаго раіона.

Качественный передѣл вызывается тѣм,что не вся земля общины одинаковаго качества; при этом надо имѣть в виду не только различія естественнаго плодородія почвы,но и цѣлый ряд других обстоятелвств,вліяющих на удобство пользованія землей,напримѣр,разстояніе даннаго участка от м"еста поселенія,неодинаковая геометрическая фигура участка,неодинаковая поверхность (склон) и т.п. Всѣ эти обстоятельства чрезвычайно важны для земледѣльца,а община стремится к тому,чтобы каждый получал землю возможно болѣе одинаковаго качества.Для этой цѣли крестьяне разбивают землю на коны,участки одинаковаго качества,и в каждом конѣ каждый двор получает по опредѣленной полосѣ.Таким образом,двор получает свою землю не в одном отрубном участкѣ,а в вид" цѣлаго ряда полос,разбросанных по всей площади земли,принадлежащей общинѣ.

Коренной" передѣл обязательно сопровождается качественным,но качественный" передѣл производится не только в связи с коренным,но и в промежутках между коренными передѣлами,по слѣдующей причинѣ.При коренном надѣлѣ крестьянин,как сказано,получает цѣлы" ряд полос в различных участках-образуется ч е р е з п о л о с и ц а.Число этих полос бывает нер"дко очень высоко (до нѣскольких десятков); с теченіем времени черезполосица увеличивается в силу того,что земля,напр.,дѣлится по наслѣдству между отдѣльными крестьянами- и в то же время образуются выморочанные участки.Черезполосица эта очень неудобна для крестьян и средством уменьшенія ея являются качественные передѣлы- производится новая разверстка земли,при которой каждому отводятся возможно болѣе смежныя полосы.

В то" время,как качественны" передѣл является характерной особенностью русской уравнительно" общины,качественны" передѣл свойственен и другим типам общины,напр., долевой общинѣ,которая существовала раньше на западѣ и в сѣверных губерніях Россіи.

Усадебныя и пріусадебныя крестьянскія земли обыкновенно совсѣм не передѣляются или передѣляются очень рѣдко,в исключительных случаях; пахатныя земли в функціонирующей общинѣ подвергаются періодическим передѣлам обычно через довольно значительные промежутки времени (наприм. через 12-15 лѣт); лѣса и луга передѣляются болѣе часто (луга,обыкновенно,ежегодно), а выгон находится в постоянном общем пользованіи всѣх членов общины.

Весь характер общиннаго строя находится в тѣсно" связи с количеством и цѣнностью земли, которой владѣют крестьяне,а также с тяжестью лежащих на ней платежей.В этом отношеніи рѣзко различается община бывших государственных и бывших помѣщичьих крестьян.Первые получили гораздо больши" надѣл,на котором лежали меньше платежи.Надѣл вторых был гораздо меньше и,в то же время,гораздо больше обремененъ платежами.Неудиви-

тельно,что жизнеспособнѣе оказалась община бывших государственных крестьян.Правда,в первые десятилѣтія послѣ крестьянской реформы в этой общин" почти не наблюдалось общих передѣлов,но объяснялось это тѣм,что крестьяне не знали своего права дѣлять землю независимо от ревизіи (періодической переписи мужского населенія,обложеннаго подушной податью,-к этим ревизіям государственные крестьяне в дореформенное время обычно пріурочивали свои передѣлы)и ждали ревизіи.Так как ревизіи не послѣдовало,то крестьяне сами приступили к передѣлам,и со второй половины 80-х годов общіе передѣлы среди бывших государственных крестьян широко" волной прошли по всей Россіи.

Напротив,общины помѣщичьих крестьян в центральном раіонѣ первое время послѣ освобожденія практиковали очень частые передѣлы-свалку-навалку душ,благодаря непосильным платежам.На юг"-же и средней нечерноземной полосѣ среди помѣщичьих крестьян количественных передѣлов совсѣм почти не было и нѣт по то" причинѣ,что земля здѣсь является больше" цѣнности и каждый крестьянин цѣпко за нее держится,тѣм болѣе,что он должен был платить за нее высокій выкуп. Таким образом,общины бывших помѣщичьих крестьян средняго и южнаго раіонов,гдѣ количественные передѣлы почти не практикуются,являются только юридически уравнительными общинами.Благодаря высоким выкупным платежам,крестьяне стали здѣсь признавать свою надѣльную землю,как выкупленной ими в частную собственность.Значительная часть общин этого типа приближается к типу долевой общины.Количественных передѣлов в этих общинах,как сказано,нѣт,а практикуются только качественные передѣлы.

Около 4/5 всей надѣльной крестьянской земли в Европейской Россіи еще недавно принадлежало крестьянам на общинном правѣ.Но жизнеспособна ли община или же она постепенно разлагается и превращается в подворное владѣніе?По этому вопросу много важных данных мы находим в работах г.Качоровскаго,котор"й собрал громный фактическій матеріал о современном положеніи русской общины.Изслѣдованіе г. Качеровскаго охватило 87 тыс. земельных общин с населеніем около 25 милліонов душ.

Согласно его данным,относящимся к началу этого вѣка,общин,в которых в теченіе послѣдних 30 лѣт совсѣм не было количественных коренных передѣлов,имѣлось из общаго числа изслѣдованных им общин 44%(причем у бывших помѣщичьих крестьян таких общин им"ется 54%); но на долю этих не функціонирующих общин приходилось лишь 29% крестьянских дворов (быв. помѣщичьих крестьян 48%),а земли в тѣх же не функціонирующих общинах им"лось лишь 26% (в общинах бывших помѣщичьих крестьян-47%) всей земли изслѣдованных общин. Таким образом не функціонирующія крестьянскія общины по числу составляли половину почти,а у бывших помѣщичьих и болѣе полвины всѣх общин; но по численности в них населенія и по размѣру владѣемой ими земли он" спускаясь значительно ниже,что указывает на то,что не функціонирующія общины принадлежали к числу малолюдных и малоземельных.Только у бывших помѣщичьих крестьян расположеніе общинъ,как видно из приведенных цифр,подвинулось очень значительно.

III. О ц ѣ н к а о б щ и н ы с экономической точки зрѣнія. Общинное землевладѣніе связано с извѣстными особенностями землепользованія, и надо рѣшить вопрос,являются ли эти особенности тормозами или двигателями хозяйственнаго прогресса.Такими особенностями общиннаго землепользованія обычно являются: 1) черезполосица, 2) принудительный сѣвооборот,3) временность владѣнія, 4) перемѣна размѣров владѣнія.

Принудительный сѣвооборот есть неизбѣжный результат,с одной стороны,черезполосицы,а с другой-пастьбы скота на паровом полѣ и по жнивью. При наличности этих условій всѣ крестьяне то" же общины должны придерживаться одно" и то" же системы полеводства,так как,если бы кто-либо из них пожелал перейти к ново" системѣ полеводства,это помѣшало бы пастьбѣ скота.Черезполосица и принудительный сѣвооборот характерны не только для общиннаго,но и для большей части подворнаго землевладѣнія крестьян. Так,напримѣр,в наших малорусси"ских губерніях при подворном владѣніи крестьянин обычно им"ет нѣсколько полос в разных полях,откуда возникает в связи с пастьбой скота на пару и по жнивью) необходимость всѣм придерживаться одной и той же системы полеводства. Сходныя отношенія наблюдаются и в очень многих крестьянских хозяйствах Запада.

Несомнѣнно, что черезполосица представляетъ въ агрономическомъ отношеніи много весьма важныхъ неудобствъ, такъ какъ при этомъ каждая полоса сч. узка (мелкополосица), то невозможна поперечная вспашка; сорныя травы на межникахъ засоряютъ поля, при сѣяніи пропадаетъ значительная часть зерна, происходитъ непроизводительная потеря земли на дорогахъ, приходится затрачивать много лишняго труда на передвиженіе и т.д. Но не нужно упускать изъ виду, что эти черезполосицы не есть характерное отличіе именно общины, ибо черезполосица наблюдается и при подворномъ владѣніи.

Принудительный сѣвооборотъ есть слѣдствіе черезполосицы. Принудительный сѣвооборотъ препятствуетъ отдѣльному хозяину переходить къ болѣе совершеннымъ системамъ полеводства. Съ другой стороны, если при принудительномъ сѣвооборотѣ невозможенъ для отдѣльнаго крестьянина самостоятельный переходъ къ новой системѣ полеводства, зато, если община рѣшитъ перейти къ такой системѣ, переходъ такой совершается быстро и охватываетъ собой сразу всѣ хозяйства.

Именно въ силу этого такъ быстро распространилось въ 90-е годы законченнаго вѣка въ Московской губерніи травосѣяніе. К концу 1905 г. уже 1.170 общинъ въ этой губерніи перешли къ травосѣянію.

Что касается временности владѣнія (вытекающей изъ передѣловъ), то она также имѣетъ очень существенныя отрицательныя стороны. Крестьянинъ лишается того участка земли, который онъ обрабатывалъ въ теченіе ряда лѣтъ, и получаетъ другой - плоды труда одного достаются другому, что не можетъ не препятствовать тщательности ухода за землей. Однако, вредное качественные передѣлы не слышится изъ тѣхъ районовъ, гдѣ земля совершенно не унаваживается. Качественный передѣлъ оказывается существеннымъ препятствіемъ для агрономическаго прогресса крестьянскаго хозяйства лишь въ тѣхъ районахъ, которые только переходятъ къ удобренію земли. И это совершенно понятно: гдѣ не практикуется удобреніе земли, тамъ крестьянинъ взамѣнъ одного неунавоженнаго участка получаетъ другой такой же, и, значитъ, ничего не теряетъ. Точно также, если всѣ унаваживаютъ свои участки, обмѣнъ ими не представляетъ значительныхъ неудобствъ. Но гдѣ часть крестьянъ унаваживаетъ землю, а часть нѣтъ, тамъ качественный передѣлъ становится затруднителенъ.

Неудобства перемѣны размѣра владѣнія (при количественномъ передѣлѣ) заключается въ томъ, что у крестьянина можетъ не хватить инвентаря для обработки своего участка, если размѣры этого участка при передѣлѣ значительно увеличатся, а въ противномъ случаѣ можетъ оказаться излишній инвентарь. Однако, на практикѣ неудобство это обычно разрѣшается тѣмъ, что въ первомъ случаѣ крестьянинъ уменьшаетъ размѣры своей аренды (къ которой онъ обычно прибѣгаетъ), во второмъ - увеличиваетъ эти размѣры. Кромѣ того, крестьянскій инвентарь служитъ не только для земледѣльческихъ цѣлей, и крестьянинъ можетъ использовать его для подсобныхъ заработковъ (напр., для извоза).

Невыгодамъ общиннаго землепользованія противостоятъ извѣстныя выгоды его, сравнительно съ подворнымъ, сводящіяся преимущественно къ тому, что община объединяя въ хозяйственномъ отношеніи обширный кругъ лицъ, даетъ имъ возможность соединять свои силы для достиженія тѣхъ или иныхъ хозяйственныхъ цѣлей, недостижимыхъ для одиночнаго рабочаго. Такъ, напр., община нерѣдко совершаетъ обширныя работы по осушенію полей и луговъ, устройству плотинъ, прудовъ и т.п. Иногда, какъ, напр., въ Самарской и Саратовской губерніяхъ, община борется съ сухостью климата путемъ очень сложныхъ оросительныхъ сооруженій. Вообще, община, содѣйствуя развитію взаимопомощи крестьянскаго населенія, имѣетъ огромное воспитательное значеніе для всей массы общиннаго крестьянства.

Обычной ошибкой при изслѣдованіи нашей общины является то, что реальную русскую общину сравниваютъ не съ реальнымъ, а съ идеальнымъ подворнымъ владѣніемъ въ одномъ отрубномъ участкѣ, и приходятъ, въ результатѣ такого сравненія, къ категорическому осужденію общины. На самомъ же дѣлѣ и при подворномъ и при общинномъ землевладѣніи крестьянинъ одинаково бѣденъ. Техника его земледѣлія примитивна, какъ тамъ, гдѣ онъ владѣетъ землей на общинномъ, такъ и тамъ, гдѣ онъ владѣетъ ею на подворномъ правѣ.

За послѣднее время аграрная политика нашего правительства направилась къ распространенію среди крестьянскаго населенія "хуторского хозяйства"- хозяйства на отдѣльныхъ отрубныхъ участкахъ въ одной межѣ, съ переселеніемъ на эти участки и крестьянской усадьбы. Предварительнымъ условіемъ для этого является размежеваніе нерезполосныхъ крестьянскихъ земель въ отрубные участки, что представляетъ собой весьма трудную и сложную задачу. С точки зрѣнія чисто агрономической, хуторское хозяйство имѣетъ, несомнѣнно, огромныя преимущества передъ хозяйствомъ на множествѣ разбросанныхъ мелкихъ полосъ. Но, прежде всего, для возможности хуторского хозяйства требуется, чтобы хуторъ былъ снабженъ всѣмъ необходимымъ для сельскаго хозяйства и имѣлъ достаточные размѣры. Правильное хуторское хозяйство требуетъ извѣстнаго минимума земледѣльческой площади, на которой ведется хозяйство; точно также невозможно хуторское хозяйство, если на хуторѣ не имѣется достаточнаго количества воды. Между тѣмъ на нашемъ земледѣльческомъ югѣ недостатокъ воды чувствуется очень сильно, и уже одно это обстоятельство можетъ явиться серьезнымъ препятствіемъ для распространенія въ этомъ районѣ хуторного хозяйства.

Кромѣ того, нужно принять во вниманіе и общекультурныя послѣдствія уничтоженія деревни и замѣны ея отдѣльными хуторами. Посѣщеніе школы, церкви, врачебная помощь, всевозможные виды взаимопомощи чрезвычайно затрудняются разбросанностью населенія, въ особенности при существующихъ у насъ дорогахъ, или вѣрнѣе бездорожьи. И потому только одни агрономическія соображенія не могутъ играть рѣшающей роли въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ измѣненіе привычныхъ съ незапамятныхъ временъ условій разселенія народа.

Именно по этой причинѣ въ Германіи многочисленныя попытки распространить среди крестьянъ хуторное хозяйство не повели къ значительнымъ результатамъ, особенно въ южной Германіи, странѣ развитого крестьянскаго хозяйства. Нѣмецкій крестьянинъ предпочелъ общественную жизнь въ деревнѣ всѣмъ экономическимъ выгодамъ одинокой жизни на хуторѣ. Только въ немногихъ странахъ, напр., въ Швеціи, Даніи, Финляндіи, нѣкоторыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ Германіи, въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ хуторъ сталъ господствующей формой крестьянскаго хозяйства. Вообще какъ показалъ опытъ, разселеніе на хутора удается лишь тамъ, гдѣ и раньше населеніе не жило обширными деревнями. Но разрушить деревню крайне трудно- уже потому одному, что переносъ усадьбы на новое мѣсто потребуетъ огромныхъ расходовъ.

Что касается Россіи, то каковъ бы ни былъ ходъ хуторного разселенія нашего крестьянства, ясно, что хуторное хозяйство осуществимо лишь для лучше обезпеченной землей части крестьянства. Для малоземельнаго же крестьянства раздѣленіе земли на хутора равносильно прекращенію самостоятельнаго хозяйства, такъ какъ крестьянинъ не можетъ на ничтожномъ клочкѣ земли вести правильное земледѣліе, а подсобные заработки (напр. наемная работа или аренда земли въ помѣщичьихъ экономіяхъ) сильно затрудняются переселеніемъ крестьянина на хуторъ. В результатѣ, хуторное разселеніе крестьянства должно повести къ обезземеливанію болѣе слабой части крестьянства, земли которыхъ перейдутъ въ руки болѣе сильныхъ въ экономическомъ отношеніи крестьянскихъ группъ.

Землеустроительныя работы, предпринятыя главнымъ управленіемъ землеустройства и земледѣлія, въ связи съ насажденіемъ у насъ хуторовъ, приняли въ настоящее время очень широкіе размѣры. К 1913 г. эти работы около 10 мил. дес., причемъ на полное разверстаніе селеній на отруба приходилось около 4 ½ мил. дес., а на выдѣлы отдѣльныхъ домохозяевъ- 1,8 мил. дес.

Движеніе въ пользу хуторного разселенія, несомнѣнно, имѣло почву въ жизни, и во многихъ районахъ Россіи, началось задолго до новѣйшаго рѣзкаго поворота нашей аграрной политики. По подсчету г. Кофода, въ различныхъ мѣстностяхъ западныхъ губерній за послѣдніе годы (до начала новой землеустроительной эры) возникло, по собственной иниціативѣ крестьянъ, не менѣе 2000 тыс. хуторовъ съ общей площадью болѣе чѣмъ въ 200 тыс. десятинъ. Это движеніе вызывалось дѣйствительными нуждами крестьянства и представляло собою прогрессивное явленіе въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Новѣйшее же направленіе нашей землеустроительной политики характеризуется совершеннымъ игнорированіемъ мнѣній и желаній крестьянскаго міра. Закрѣпляя за каждымъ отдѣльнымъ крестьяниномъ его разбросанныя по всей землѣ крестьянской общины мелкія полосы, новое законодательство о общинѣ созда-

ло огромныя трудности для борьбы с чересполосицей; в то же время при-
нужденіе крестьянства к разселенію на хутора (когда сами крестьяне не
чувствовали потребности в этом), без всякаго соображенія с особенно-
стями каждаго отдѣльнаго случая, можетъ только внести новое разстройст-
во в крестьянское хозяйство. Вообще основным грѣхом нашей новѣйшей зем-
леустроительной политики является прямолинейность и бюрократизм. С ве-
личайшей рѣшительностью ломаются сложившіяся формы крестьянскаго хо-
зяйства, без соображенія о том, желает ли этого большинство крестьянска-
го міра или нѣт. И эта прямолинейность не можетъ встретить осужденія и
в том случаѣ, если признать, что существовавшія формы нашего крестьянска-
го землепользованія были вполнѣ несостоятельны и требовали коренных
улучшеній. Характерным для нашего землеустройства является и полное
равнодушіе к интересам малоземельных и безземельных, - их интересы при-
носятся в жертву интересам болѣе богатой части крестьянства без вся-
кой попытки ослабить тягостность для слабѣйшей части крестьянства по-
рехода к новым формам хозяйства.

IУ. Наше законодательство об общинѣ. Отношеніе нашего законодатель-
ства к общинѣ опредѣлялось очень сложными и нерѣдко противоположными
вліяніями. В эпоху освобожденія крестьян в наших правящих сферах гос-
подствовало недовѣрчивое отношеніе к общинѣ. Правда, интеллигенція отно-
силась к общинѣ с величайшим сочувствіем. Но правительство было склон-
но думать, что община при новых формах жизни должна разложиться; имен-
но с цѣлью содѣйствовать такому разложенію и был разрѣшен переход от
общиннаго землевладѣнія к подворному по большинству двух третей голо-
сов и было предоставлено членам общины, выкупившим свой надѣл, право
требовать выдѣла его в частную собственность.

Несмотря, однако, на свое недовѣріе к общинѣ, правительство не рѣша-
лось принять рѣшительных мѣр к уничтоженію общины. Дѣло в том, что об-
щина была в глазах правительства тѣсно связана с круговой порукой - с
отвѣтственностью крестьян в платежѣ податей друг за друга - круговая по-
рука казалась правительству единственным средством обезпечить исправ-
ное внесеніе крестьянами лежавших на них налогов и выкупных платежей
по погашенію выкупной ссуды (ссуды, сказанной крестьянам государством
для выкупа у помѣщиков земель, отошедших крестьянам по положенію 19
февраля). Поэтому, ради круговой поруки, правительство соглашалось терпѣть
и общину.

Послѣдующія десятилѣтія отмѣчены значительным измѣненіем в отношеніи
наших правящих сфер к общинѣ. В 80-е годы закончившагося вѣка обнаружи-
лось, что круговая порука уже отжила свое время и оказывается совершен-
но недѣйствительным средством для уничтоженія податных недоимок. Несмо-
тря на круговую поруку, крестьянскія недоимки все росли, да росли - даже,
когда в 80-х годах послѣдовали значительныя сокращенія платежей, лежа-
щих на крестьянах.

Это убѣдило правительство в несовершенствѣ нашей податной системы.
Было произведено спеціальное разслѣдованіе, показавшее, что значитель-
ная часть недоимки падает на богатых крестьян, которые, несмотря на кру-
говую поруку или, вѣрнѣе, именно благодаря ей, уклонялись от взноса ле-
жавших на них податей. Объяснялось это тѣм, что в переформенной общинѣ
пріобрѣли преобладающее значеніе болѣе состоятельные крестьяне, кото-
рые, держа в своей зависимости крестьянскій мір, пользовались им, как
щитом, чтобы не платить податей. Таким образом, круговая порука оказалась,
в концѣ-концов, очень неудобной формой податной системы, тѣм болѣе, что
в 80-х годах закончившагося вѣка правительство получило в лицѣ подат-
ных инспекторов тот административный механизм, который мог удовлетвори-
тельно справляться с дѣлом взысканія податей с населенія. В результа-
тѣ всего этого последовало уничтоженіе круговой поруки.

Но уничтоженіе круговой поруки не было равносильно уничтоженію об-
щины. В 60-е годы правительство относилось к общинѣ очень недовѣрчиво.
Извѣстная Валуевская Комиссія 70-х годов выступила с рѣзкой критикой
общины и пришла к признанію желательности разрѣшенія свободнаго выхо-
да крестьян из общины. В 80-е годы отношеніе нашего правительства к об-
щинѣ значительно измѣнилось. Появилось сильное теченіе, сочувственное об-
щинѣ; представителями этого послѣдняго теченія были такіе столпы нашего

консерватизма, как Побѣдоносцев, Толстой, Дурново. Они признали нашу об-
щину консервативным учрежденіем, так как община препятствует пролетари-
заціи крестьянства и проникновенію к нам западно-европейских социаль
ных и экономических отношеній. Напротив, другіе члены правительства бы-
ли по политическим же соображеніям против общины, усматривая в ней из-
вѣстныя коммунистическія начала и опасаясь вліянія общиннаго духа на
соціальные идеалы нашего крестьянства. Борьба этих направленій и опре-
дѣлила собой всю послѣдующую политику нашего правительства по отно-
шенію к общинѣ.

В 1893 г. были изданы два важных закона об общинѣ. Первым законом
о неотчуждаемости крестьянских надѣлов и отмѣнѣ выдѣла надѣла при до-
срочном выкупѣ его - право продажи надѣльной земли подверглось очень су-
щественным ограниченіям и было отмѣнено право отдѣльных членов общи-
ны требовать выдѣла надѣла в частную собственность при выкупѣ его за
свой счет до срока окончательнаго погашенія выкупной ссуды. Другим же
законом того же года, направленным против свободы общины, были крайне за-
труднены частные передѣлы, а для коренных передѣлов был назначен срок
не менѣе 12 лѣт, причем утвержденіе приговоров о передѣлах было предо-
ставлено административной власти (уѣздным съѣздам).

Таким образом, один закон был благопріятен, другой рѣзко неблагопрія-
тен общинѣ.

В новѣйшее время, благодаря крестьянскому движенію послѣдних лѣт, те-
ченіе, враждебное общинѣ, получило в наших правящих кругах рѣшительный
перевѣс. Выраженіем этого явился указ 9 ноября 1906 года, имѣвшій свою
цѣлью побудить крестьян к раздѣлу общинной земли в частную собствен-
ность. В 1911 году указ этот в нѣсколько измѣненной формѣ получил
силу постояннаго закона.

Указ 1906 г. предоставляет члену сельскаго общества право требовать
от общества выдѣла в частную собственность той части общинной земли,
которой он в данное время владѣет. Закрѣпляемая за отдѣльным общинником
земля поступает ему без всякаго платежа обществу или, в нѣкоторых слу-
чаях, с уплатой небольшого денежнаго вознагражденія обществу. Выдѣляю-
щійся член общества может требовать выдѣла себѣ укрѣпляемой за ним зем-
ли, по возможности, в одном отрубном участкѣ. При общих передѣлах такія
требованія обязательно удовлетворяются обществом; до наступленія же пере-
дѣла, если общество находит для себя неудобным исполнить это требова-
ніе своего выдѣляющагося члена, оно должно, по его требованію, выкупить
у него землю по цѣнѣ, опредѣляемой взаимным соглашеніем, а при недости-
жимости такового, волостным судом. Всѣ дѣла этого рода рѣшаются, в слу-
чаѣ неудовлетворенія требованій выдѣляющихся членов общины самим обще
ством, земскими начальниками. Согласно закону 14 іюня 1910 г. сельскія
общества, в которых не было общих передѣлов со времени надѣленія их зем-
лей, признаны перешедшими к подворному владѣнію. Этим же законом воспро-
шено сосредоточеніе в однѣх руках путем скупки или принятія в дар свы-
ше 6 внѣшних надѣлов.

Законы эти должны сыграть огромную роль в исторіи нашей общины и,
нужно думать, поведут к крушенію общины. Благодаря им, непосредственно
заинтересованы в выходѣ из общины слѣдующія группы: во-первых, "много-
душники" - всѣ тѣ крестьяне, которые владѣют большим количеством земли,
чѣм причиталось бы им при новом передѣлѣ и в пользу которых закон экс-
пропріирует остальную крестьянскую массу, предоставляя им за ничтожную
плату или без всякой платы землю, на которую они не имѣли раньше нака-
кого юридическаго права; во-вторых, крестьянская бѣднота, не ведущая или
почти не ведущая своего земледѣльческаго хозяйства и получающая возмож-
ность путем закрѣпленія в частную собственность своей земли, продать ее
или выручить таким образом хотя бы незначительную денежную сумму; в
третьих, богатые крестьяне, могущіе путем скупки надѣлов своих односель-
чан существенно расширить на выгодных условіях свое землевладѣніе.

С другой стороны средніе слои крестьянства должны существенно потерять
от растаскиванія на клочки общинной земли - особенно в той формѣ,
как это опредѣляется законом, предоставляющим право каждому общиннику
закрѣплять за собой по своему усмотрѣнію землю, находящуюся в его вре-
менном пользованіи и расположенную чересполосно с землями других общин-

ников, как бы это ни было неудобно для остальных членов общины.

Таким образом, внутри общины под вліяніем новѣйших законов должна возгорѣться ожесточенная борьба, которая сама по себѣ должна дѣйствовать разлагающим образом на общину. При такой борьбѣ правильное функціонированіе общиннаго механизма будет чрезвычайно затруднено, и даже средніе слои крестьянства станут склоняться к выходу из общины.

Новѣйшіе законы стремятся водворить во всей чистотѣ принцип частной собственности на землю, но в то же время они попирают этот принцип, игнорируя права общины в пользу случайных владѣльцев того или иного надѣла. Лицо, пользующееся в данное время надѣлом, превышающим уравнительную норму, получает возможность закрѣпить этот надѣл за собой и этим нарушить права своих однообщинников. Во имя интересов немногих попирается несомнѣнныя законныя права большинства.

Далѣе, законы эти ставят своей цѣлью поднятіе техники крестьянскаго хозяйства путем уничтоженія черезполосицы. Но закрѣпляя за отдѣльными лицами их черезполосные участки, они затрудняют уничтоженіе черезполосицы. Правда, законы предвидят возникновеніе хуторов. Но хутор будет удѣлом лишь меньшинства крестьянскаго міра, а масса крестьянства, благодаря новым законам, получит закрѣпленные в частную собственность черезполосные участки.

В настоящее время закон дѣйствует уже болѣе 10 лѣт. Судя по тѣм свѣдѣніям, которыя имѣются, он уже успѣл оказать то дѣйствіе, котораго можно было от него ожидать. Только в сѣверных губерніях Россіи, гдѣ земельный простор велик и земля имѣет незначительную цѣнность, закон не имѣл до сих пор большого практическаго примѣненія. Но чѣм большую цѣнность земля имѣет для крестьянина, тѣм больше мы видим случаев примѣненія закона, причем нерѣдко на его почвѣ возникают ожесточенныя столкновенія между крестьянами. Из многих мѣстностей сообщают о массовых выходах из общины. К 1 сент. 1915 г. число домохозяев, за которыми уже укрѣплены их надѣлы, согласно указу 9 ноября, достигло 1.993.546, а площадь укрѣпленной земли - 14.085.684 десятин. К ним нужно причислить около 3½ милліонов жомохозяев, которые были ранѣе общинниками, но законом 1910 г. за отсутствіем в их общинах передѣлов со времени надѣленія земли, перечислены в частные собственники. В общем можно считать, что число общинников сократилось, благодаря законам 1906 и 1910 г.г., приблизительно вдвое. До 1906 г. около 75% крестьян владѣло землей на общинном правѣ; теперь же число крестьян, владѣющих землей на правѣ частной собственности, значительно превышает число общинников.

Очевидно, закон 9 ноября острым клином врѣзался в народную жизнь и вызвал в ней глубокое измѣненіе, послѣдствіем котораго может быть полное разрушеніе общины в тѣх частях Россіи, гдѣ земля имѣет высокую цѣнность, и обезземеленіе значительной частии нашего крестьянства. Но при этом нужно имѣть в виду, что укрѣпленіе земли в личную собственность далеко не всегда сопровождается уничтоженіем черезполосицы и переходом к хуторному владѣнію.

Крестьянская община представляет собой такую выдающуюся особенность аграрнаго строя Россіи, что она уже много лѣт привлекает исключительное вниманіе русских экономистов. Она описывается впервые уже в концѣ XVIII вѣка; к 20-м годам XIX вѣка было уже не мало работ, посвященных русской общинѣ. Однако болѣе точное научное описаніе ея появилось значительно позже (в 1847 г.) и принадлежало не русскому изслѣдователю, а нѣмцу Гакстгаузену, сыгравшему совершенно исключительную роль в развитіи нашей общественной мысли. Гакстгаузена можно, в значительной мѣрѣ, считать научным отцом многих из тѣх положеній, которыя впослѣдствіи были восприняты нашим, так называемым народничеством.

По своим политическим убѣжденіям Гакстгаузен был консерватором, но в то же время находился под вліяніем соціалистических доктрин Фурье и Сен-Симона. По его мнѣнію, в Россіи он нашел то, чего напрасно искал на Западѣ; чрезвычайно своеобразное соединеніе твердой монархической власти с экономическим строем, обезпечивающим интересы трудовой массы. При этом Гакстгаузен значительно прикрашивал картину Россіи. Он считал, напр., что наша кустарная промышленность организована в артели и представляет собой ряд производительных ассоціацій, в которыхъ продукт дѣлится между всѣми участниками производства. По отношенію к земледѣлію он полагал, что наша община, описанная им, в общем, очень правильно, легко

допускает превращеніе в земледѣльческую производительную ассоціацію. С точки зрѣнія Гакстгаузена, Россія ближе к конечным цѣлям соціализма, чѣм какая либо страна Европы, так как община гарантирует равное право всѣх на землю и обезпечивает Россію от безземельнаго пролетаріата. Царская власть, по его мнѣнію, имѣет в Россіи демократическій характер и царь является отцом народа.

Взгляды Гакстгаузена оказали глубочайшее вліяніе на различныя направленія на общественной мысли. Всего больше соотвѣтствовали они міровоззрѣнію славянофилов, но и западники заимствовали у Гакстгаузена очень много. Гакстгаузен впервые отмѣтил огромное значеніе в нашем соціальном строѣ земельной общины. Правда, славянофилы и до Гакстгаузена много говорили об общинном началѣ русской жизни. Но под общинным началом они разумѣли нѣчто весьма неопредѣленное - как бы принцип общественности, такія, напр., организаціи, как вѣче, земскій собор. Русской же земельной общины славянофилы почти не знали, и только Гакстгаузен открыл русскому обществу глаза на этот своеобразный экономическій институт Россіи. Познакомившись с русской земельной общиной, славянофилы стали горячими защитниками ея.

Что же касается западников, то их отношенія к земельной общинѣ были довольно неопредѣленны. Многіе из них относились весьма недовѣрчиво к общинѣ и артели, и, вообще, к так. называемому русскому соціализму и считали, что наша община исчезнет так же, как исчезла на Западѣ, являясь не преимуществом нашего соціальнаго строя, а лишь доказательством его отсталости. Но столь видный западник, как Герцен, пришел к почти такой же оцѣнкѣ общины, как и Гакстгаузен.

Одним из крупнѣйших русских экономистов является Чернышевскій, основоположник русскаго соціализма. Как и Гакстгаузен, он относился с горячим сочувствіем к общинѣ, но по другим мотивам: в общинѣ он усматривал не опору самодержавія, а наоборот, рычаг для его ниспроверженія и ядро будущаго свободнаго соціалистическаго строя Россіи. Чернышевскій не отрицал, что наша община примыкает к первобытному куммунизму, но не видѣл в этом ничего дурного. Согласно діалектическому методу Гегеля, Чернышевскій всю исторію развитія землевладѣнія дѣлить на три фазиса. В первом фазисѣ земля находится в общем пользованіи всего племени и не закрѣплена за отдѣльными лицами. Вторым фазисом является закрѣпленіе земли за отдѣльными членами общества, благодаря приложенію к культивированію земли индивидуальнаго труда. Возникает частная собственность, которая является в этом фазисѣ необходимым условіем прогресса техники. Мало по малу возникает крупное землевладѣніе. Земля сосредоточивается в руках крупных владѣльцев, которые отдают ее в аренду фермеров. Тогда частное землевладѣніе становится тормазом техническаго прогресса, ибо фермер ведет свое хозяйство на чужой землѣ. Отсюда необходимость третьяго фазиса, представляющаго, до нѣкоторой степени, возвращеніе к первому: земля переходит во владѣніе общественных групп, ведущих земледѣліе в крупных размѣрах на общей землѣ. Наша община не есть, таким образом, результат особенной природы славянскаго племени (как думали славянофилы), а лишь слѣдствіе нашей культурной отсталости; но в то же время эта отсталость является нашим огромным преимуществом перед Западной Европой, так как, благодаря ей, мы можем сразу перешагнуть из перваго фазиса в третій, минуя фазис частнаго землевладѣнія. Поэтому мы ближе к соціализму, чѣм Западная Европа.

Чернышевскій создал цѣлую плеяду публицистов и экономистов, которые пошли по его стопам. Возникло, так наз. народничество, самым блестящим представителем котораго был Михайловскій. Народническое направленіе достигло своего высшаго развитія в семидесятые годы, бывшіе временем идейнаго единства русской соціалистической интеллигенціи, боровшейся под общим знаменем за один и тот же соціалистическій идеалъ. В 80-х годах появляется новое теченіе - марксизм, относящійся к общинѣ болѣе или менѣе враждебно. С точки зрѣнія марксизма, соціалистическій строй явится результатом развитія капиталистической системы хозяйства, которая должна разрушить общину, ничего цѣннаго в себѣ не заключающую, но в то же время задерживающую техническій прогресс.

Разногласія относительно оцѣнки экономическаго и соціальнаго значе-

нія общины продолжаются и до настоящаго времени. Даже по вопросу о происхожденіи общины продолжается прежній спор, хотя казалось бы в этой области существует почва для соглашенія. Сергѣевич и П.Н.Милюков примкнули по данному вопросу всецѣло к точкѣ зрѣнія Чичерина. В одной из послѣдних работ Сергѣевича возникновеніе общины в Россіи ставилось в непосредственную связь с введеніем Петром подушной подати. Напротив, А.А.Кауфман, как в свой извѣстной книгѣ о сибирской общинѣ, так и в своей другой книгѣ о происхожденіи общины, настаивает на "естественном" а не "государственном" происхожденіи общины.

Как мнѣ кажется, разногласіе между сторонниками "естественной" т "государственной" теоріи (употребляя терминологію А.А.Кауфмана) в дѣйствительности далеко не так велико, как склонен думать он сам, равно как и его единомышленники. Возьмем, напр., г. Качоровскаго. Уж он болѣе, чѣм кто либо другой, склонен признавать общину естественным и необходимым результатом историческаго развитія крестьянскаго хозяйства. Однако, говоря о возникновеніи передѣлов, он никак не может обойти выдающуюся роли в этом процессѣ государственнаго момента- податных тягостей, лежащих на крестьянинѣ. Так, он, неоднократно отмѣчает, что признаніе крестьянским міром права каждаго общинника на землю получает перевѣс над противоположным воззрѣніем, знающим лишь право вложеннаго труда, благодаря необходимости для крестьянскаго міра нести лежащія на нем обязанности по отношенію к государству. "Наложенныя на крестьянство обязанности, податныя и личныя, которыя были бы безусловно невыполнимы без пользованія извѣстным количеством земли," он называет крайне конкретным и глубоким корнем права на труд." "Малоземельные,- говорит он в другом мѣстѣ,-опираются на то исконное и общее крестьянское воззрѣніе, что, во-первых, вообще земля- "Богъя", "ничья", "мірская", и, значит, каждый на нее имѣет право, и что, во-вторых, исполненіе обязанностей перед государством (главным образом податей и солдатской службѣ) уже во всяком случаѣ дает каждому крестьянину то неотъемлемое право на землю, которое в данном случаѣ нельзя иначе осуществить, как ограниченіем захвата.

С точки зрѣнія г. Качоровскаго, передѣлы возникают благодаря росту земельной тѣсноты среди крестьянскаго населенія, обложеннаго извѣстными повинностями в пользу государства под условіем круговой поруки. Иными словами, земельная тѣснота и податныя отношенія являются двумя независимыми и необходимыми причинами передѣлов ..."Я вполнѣ признаю фискально-политическую систему одним из условій развитія передѣлов," категорически заявляет он. Однако, нѣсколькими страницами позже он уже говорит, что "развитіе земельной тѣсноты-есть не только необходимая, но и сама по себѣ достаточная причина передѣлов". Вмѣсто двух причин осталась только одна, и собственное признаніе их как бы позабыто.

То же самое можно сказать и об А.А.Кауфманѣ. В своем детальном анализѣ условій возникновенія передѣлов он отнюдь не отрицает выдающейся роли податных отношеній. Сознаніе права на землю получает, по его выраженію "особенно острый характер" благодаря податным отношеніям. Но в заключительных выводах и у А.А.Кауфмана рѣчь идет уже только о земельной тѣснотѣ.

А.А.Кауфман рѣзко противопоставляет один другому два взгляда на происхожденіе общины. Согласно одному взгляду, община наша возникла, как естественный результат роста земельной тѣсноты (естественная теорія происхожденія общины)". Согласно другому взгляду, "община, созданная правительственными распоряженіями и произволом помѣщиков-дешевладѣльцев" ("государственно-фискальная теорія" происхожденія общины). Сам авторъ рѣшительно становится на сторону перваго взгляда. Но развѣ не может быть еще третьяго взгляда, примиряющаго оба их и избѣгающаго их односторонности? Развѣ нельзя признать, что наша уравнительная община явилась результатом факторов двоякаго порядка: с одной стороны, сокращенія земельнаго простора, которое в центральной Россіи стало чувствоваться уже очень давно, а в Сибири не чувствуется во многих мѣстностях и теперь, с другой же стороны, нашей фискально- политической системы, с характерным для нея пренебреженіем к правам личности? Каждая из этих причин, сама по себѣ, была недостаточна для того, чтобы создать уравнительно-передѣльную общину. Вот почему уравнительные передѣлы получают широкое распространеніе в центральной Россіи только в XVII- XVIII вѣках- хотя земельное утѣсненіе и до того времени в центр Россіи чувствовалось достаточно сильно, но наша фискально-политическая система еще не успѣла достигнуть своего полнаго развитія. С другой стороны, отсутствіе уравнительных передѣлов и по сіе время во многих мѣстностях Сибири показывает, что только при наличности извѣстной степени земельной тѣсноты могут возникнуть уравнительные передѣлы.

Хотя А.А.Кауфман является первым поклонником "естественной теоріи" происхожденія общины, однако, именно его работы (равно как и других сибирских статистиков) служат лучшей опорой противоположной теоріи: работы эти доказали, что уравнительные передѣлы возникают на довольно поздней ступени развитія аграрных отношеній, и что первобытныя формы землевладѣнія характеризуются не аграрным коммунизмом, как думали в Россіи и на Западѣ создатели "естественной теоріи" происхожденія общины, а, наоборот, господством "захватнаго" землевладѣнія, очень близкаго к частной земельной собственности. Таким образом, сибирскіе статистики разрушили первоначальную стройную теорію аграрной эволюціи, одинакой для всѣх стран міра и содѣйствовали укрѣпленію противоположнаго взгляда, признающаго уравнительно-передѣльную общину не всеобщей стадіей развитія земельных отношеній всѣх стран и народов, а частичным явленіем, возникшим на почвѣ особых соціальных условій развитія стран Востока.

ГЛАВА VII.

КРУПНОЕ И МЕЛКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВѢ.

В сельском хозяйствѣ воздѣйствіе человѣка подпадают біологическіе процессы, совершающіеся в естественной средѣ, почему в сельском хозяйствѣ человѣк непосредственно прьівостоит внѣшней природѣ, подчиняющейся своим законам, измѣненіе которых не в силах человѣка. Так в земледѣліи нѣт непрерывнаго труда- зимой работа по необходимости прекращается. Врѣмя, темп, бнотрота, обстановка работы диктуется внѣшними условіями. Результат земледѣльческаго труда зависит в чрезвычайно большой мѣрѣ от таких естественных условій, над которыми человѣк совершенно не властен, в том числѣ и от колеблющихся стихійных сил, дѣйствіе которых предвидѣть невозможно (погода). Условія земледѣлія требуют измѣненія характера труда в зависимости от времени года: за обработкой поля весной слѣдует весной же посѣв, затѣм лѣтом жатва. Так как эта смѣна различных работ вызывается приспособленіем к біологическим процессам развитія растенія, то она не может быть измѣнена, ускорена или перемѣщена в другое время года. Правда, и в промышленности существует послѣдовательная смѣна процессов производства по времени, но эта послѣдовательность не мѣшает тому, чтобы всѣ эти процесси происходили и одновременно. Нѣсколько лиц могут одновременно и прясть и ткать и красить ткань. В земледѣліи же разные роди труда послѣдовательно смѣняют друг друга в зависимости от времени года.

В то время как в промышленности человѣк может неограниченно совершенствовать и улучшать свои средства производства, в земледѣліи он только в очень ограниченном предѣлѣ может измѣнять свое важнѣйшее средство производства- землю с ея естественной обстановкой. В промышленности увеличеніе приложенія труда отнюдь не сопровождается паденіем производительности труда. Напротив, в земледѣліт дѣйствует специфическій естественный законъ п а д а ю щ е й производительности земледѣльческаго труда. Закон этот заключается в том, что увеличеніе затраты труда на обработку почвы, за извѣстным предѣлом, сопровождается паденіем производительности труда, увеличивая тщательность обработки почвы, нельзя соотвѣтственно увеличивать количество добываемаго продукта.

Благодаря этим специфическим особенностям сельскаго хозяйства, крупное капиталистическое производство в сельском хозяйствѣ не представляет таких рѣшительных выгод сравнительно с мелким, как в промышленности.

Несомнѣнно и в сельском хозяйствѣ крупному производству свойственны многія весьма существенныя выгоды. Сельскохозяйственное предпріятіе напр., нуждается в постройках, а в крупном предпріятіи (в котором постройки могут быть больших размѣров) постройки обходятся дешевле (на единицу вмѣстимости), чѣм в мелком. Вообще, выгоды крупнаго производства, как такового сохраняют свое значеніе, конечно и в сельском хозяйствѣ. Крупное земледѣльческое производство выигрывает, напр., на средствах производства.

По нѣкоторым германским расчетам I плуг может быть вполнѣ использован в хозяйствѣ площадью не менѣе 30 гектаров, сѣялка и жатвенная машина- в хозяйствѣ площадью не менѣе 70 гектаров, паровая молотилка- 250 гектаров, паровой плуг-1000 гектаров. Точно также крупное земледѣльческое предпріятіе может болѣе использовать рабочую силу рабочаго скота и т.д.

Однако, указанным выгодам крупнаго производства в сельском хозяйствѣ противостоят и извѣстныя невыгоды: крупное капиталистическое производство (другого пока мы почти не знаем) требует наемнаго труда, а наемный рабочій не так борежно и тщательно относится к машинам и к рабочему скоту, как сам заинтересованный мелкій сельскій хозяин; точно также и в постройках мелкій сельскій хозяин может участвовать своим личным трудом и, таким образом, понижать для себя их стоимость. Правда, и в промышленности наемной рабочій не заинтересован в том, чтобы беречь средства производства. Но в сельском хозяйствѣ это обстоятельство имѣет несравненно большее значеніе, чѣм в промышленности, потому, что в сельском хозяйствѣ процесс труда совершается на обширной площади и потому менѣе допускает надзор хозяина, а с другой стороны живой рабочій инвентарь-скот-требует особо тщательнаго ухода.

Самая важная выгода крупнаго производства в промышленности, благодаря которой фабрика побѣдила кустаря,-огромное повышеніе производительности труда при замѣщеніи ручного труда машинным -не имѣет в области сельскаго хозяйства такого значенія потому, что сущность всякой машины сводится к замѣщенію ею человѣческаго труда, а в сельском хозяйствѣ результат производства опредѣляется в гораздо большей степени природой, которую замѣстить машиной нельзя. Самый лучшій плуг не прекратит неплодородной земли в плодородную. далѣе в области сельскаго хозяйства машина работает в естественной обстановкѣ, и совершенное приспособленіе машины к этой обстановкѣ невозможно в силу сложности, многообразія и измѣнчивости послѣдней (неправильности поверхности, случайности погоды и т.п.). Поэтому в области сельскаго хозяйства машина далеко не сыграла такой революціонирующей роли, как в области промышленности. Так, например, паровой плуг, от котораго Маркс и Либкнехт ожидали такого же переворота в земледѣліи, какой был произведен в промышленности изобрѣтеніем механическаго ткацкаго станка, большаго значенія в земледѣліи не получил.

Употребленіе парового плуга вообще требует извѣстных естественных условій, которыя встрѣчаются не часто; он не может примѣняться на песчаной почвѣ и в неровной, пересѣченной мѣстности.

Затѣм в тот время как на фабрикѣ машины стоят неподвижно на одном мѣстѣ, в сельском хозяйствѣ онѣ должны, по необходимости перемѣщаться. Поэтому машины в сельском хозяйствѣ должны быть небольшими и, значит, малопроизводительными. Вмѣст с тѣм в сельском хозяйствѣ (благодаря временности пользованія машинами) легко может быть организовано кооперативное пользованіе машинами, когда нѣсколько мелких хозяев соединяются для покупки и пользованія машиной.

Вообще, сбереженіе труда, достигаемое в земледѣліи при помощи машины, очень невелико по сравненію в промышленностью.

По расчетам г. Фишера, косьба машинами одного гектора в Германіи обходится всего на 8 марок дешевле, чѣм косьба руками. Обработка и снятіе пшеницы машинами уменьшат расходы на I7 марок на I гектар- цифры сравнительно ничтожныя.

Одним из очень важных способов повышенія производительности труда в промышленности является специализація труда. Но в земледѣліи специализація труда поставлена в очень узкія границы, потому что смѣна времен года требует измѣненія характера труда. Земледѣльческій рабочій не может специализироваться, напр., на косьбѣ, так как в таком случаѣ ему пришлось бы работать в году лишь нѣсколько недѣль. Поэтому в земледѣліи мы замѣчаем крайне слабую специализацію труда- и, значит, крупное земледѣльческое хозяйство, пользующееся трудом значительнаго числа рабочих, не может увеличивать производительность их труда путем пользованія трудом специализированных рабочих.

Несомнѣнной выгодой крупнаго земледѣльческаго хозяйства является то, что оно менѣе теряет земли на дорогах, на межах, меньше требует затрат на огораживаніе земель. Но эти выгоды, все же, не так значительны. Что же касается до таких выгод крупнаго хозяйства, как возможность производить в крупных размѣрах продажи и покупки, пользоваться кредитом и т.п.-то онѣ могут быть использованы и мелким хозяйством посредством кооперацій.

Важным преимуществом крупнаго производства в промышленности является возможность привлеченія научных сил для руководительства предпріятіем, при возможности, вмѣст с тѣм, хранить секреты производства. В земледѣліи это преимущество крупнаго хозяйства большаго значенія не имѣет, так как поле открыто для всѣх и не может скрыть в себѣ секретов; земледѣльческое производство имѣет по самому своему существу демонстративный характер, и каждый интеллигентный крестьянин может учиться у сосѣда- крупнаго владѣльца. Что же касается до научнаго руководительства, то тут приходит на помощь общественная агрономія.

Итак, баланс выгод и невыгод крупнаго и мелкаго производства в сельском хозяйствѣ далеко не так ясен и очевиден, как в промышленности. За мелким сельским хозяйством остается одно несомнѣнное преимущество-большая заинтересованность производителя в процессѣ труда, преимущество потому пріобрѣтающее особое значеніе, что сельское хозяйство требует особенно тщательнаго труда-оно имѣет дѣло с живыми организмами. Поэтому нисколько неудивительно, что лучшія породы скота-швейцарскій, баварскій, голландскій, джерсейскій скот- созданы мелким хозяйством.

Вообще, чѣм земледѣльческое производство интенсивнѣе, чѣм болѣе в него вкладывается на ту же земельную площадь труда, тѣм больше преимуществ имѣет мелкое хозяйство сравнительно с крупным. Всякое земледѣльческое хозяйство пріурочивается к извѣстной земельной площади; в процессѣ земледѣльческаго производства приходится перевозить с одного места на другое большія тяжести (удобреніе, земледѣльческія машины, собранный продукт), и разстояніе усадьбы от обрабатываемой земли пріобрѣтает большое значеніе. Чѣм больше это разстояніе, тѣм больше труда приходится затрачивать на передвиженіе тяжестей.

Германскій экономист Тюнен попробывал высчитать, как вліяет на высоту земельной ренты (т.е. чистаго дохода с земельнаго участка, за покрытіем всѣх расходов и отчисленіем прибыли за затраченный капитал) разстояніе обрабатываемаго участка земли от хозяйственнаго центра усадьбы. По его расчетам (переводя их на современныя мѣры), если разстояніе это равно нулю, то земельная рента при сборѣ в 25 гектолитров ржи равна с гектара 23 маркам. Если обрабатываемый участок удален на I000 метров, на 3000 метров- I3 маркам, на 4000 метров-5-ти маркам и на 5000 метров-рента равна нулю. Итак, чѣм дальше обрабатываемый участок от усадьбы, тѣм меньше становится рента землевладѣльца и при большом разстояніи вся рента поглощается расходами на передвиженіе.

Но чѣм интенсивнѣе хозяйство, тѣм больше тяжестей приходится перевозить на ту же земельную площадь и, значит, тѣм большее значеніе пріобрѣтают расходы по перевозкѣ- иначе говоря, момент разстоянія.

И факты показывают, что крупное капиталистическое хозяйство встрѣчается преимущественно, при экстенсивных системах сельскаго хозяйства. Так экстенсивное лѣсное хозяйство, сводящееся к вырубкѣ дикорастущаго лѣса, допускает самыя крупныя предпріятія; и дѣйствительно в колоніях и малонаселенных странах предпріятія по вырубкѣ лѣсов нерѣдко достигают огромных размѣров.

То же нужно сказать и об экстенсивном пастбищном скотоводствѣ. В Австраліи нѣкоторые крупные скотоводы имѣют по нѣскольку сот тысяч свец. Собственно земледѣліе предполагает уже меньшіе размѣры предпріятія.

Наибольших размѣров достигали американскія пшеничныя фермы Дальняго Запада, ведшія крайне экстенсивное хищническое хозяйство на обширных площадях при помощи самых усовершенствованных машин. Нѣкоторые из таких ферм достигали 10.000 гект. и даже больше и являлись настоящими пшеничными фабриками.

Но при интенсивном земледѣліи такія крупныя фермы становятся невозможными. В Англіи, напр., фермы площадью свыше 500 гект. составляют рѣдкое исключеніе. Преобладают фермы значительно меньших размѣров-в нѣсколько десятков гектаров.

Помимо естественных препятствій, крупное капиталистическое производство в сельском хозяйствѣ наталкивается и на извѣстныя соціальныя преграды для своего роста. А именно капиталистическое сельское хозяйство встрѣчает значительныя трудности в пріисканіи рабочих рук в чем и заключается так назыв. рабочій вопрос в сельском хозяйствѣ. Так как сельско-хозяйственному предпринимателю невыгодно постоянно содержать большое число наемных рабочих (они нужны ему только временно), а, с другой стороны он не может пользоваться городскими рабочими, то капиталистическое сельское хозяйство заинтересовано в том, чтобы, наряду с ним, существовало и крестьянское хозяйство, которое поставляло бы сельских рабочих сельскохозяйственному капиталисту. Между тѣм число сельскохозяйственных рабочих во всѣх капиталистических странах сокращается (уход в города)- и, притом, из деревни уходят именно наиболѣе интеллигентные и предпріимчивые рабочіе. В деревнѣ остаются, по преимуществу, дѣти и старики.

Но главной основой устойчивости мелкаго сельскаго хозяйства являются не его экономическія преимущества перед крупным, а то существенное обстоятельство, что крупное хозяйство ведется в формѣ капиталистическаго предпріятія ради прибыли и ренты, а мелкое для обезпеченія существованія самого производителя. Крестьянин продолжает вести хозяйство и в том случаѣ, когда хозяйство не дает ему ничего, кромѣ средней заработной платы, в то время как капиталистическое хозяйство, доходы с котораго покрывали бы только заработную плату, должно было бы, по необходимости, прекратиться. Поэтому мелкое сельское хозяйство может существовать и развиваться при значительно меньшем валовом и чистом доходѣ, чѣм капиталистическое крупное. К этому присоединяется и то, что мелкое земледѣліе, служа потребительным нуждам земледѣльца, гораздо менѣе зависит от рыночных колебаній цѣн на сельско-хозяйственные продукты, чѣм крупное капиталистическое хозяйство, работающее исключительно для сбыта. Паденіе цѣн на земледѣльческіе продукты, разоряющее крупное земледѣліе, переносится мелким земледѣльцем сравнительно легко, так как мелкій земледѣлец значительную часть- и нерѣдко большую- своих продуктов потребляет в собственном хозяйствѣ.

Итак, подводя баланс сравнительной силы и устойчивости крупнаго капиталистическаго и мелкаго трудового сельскаго хозяйства и в их взаимной борьбѣ, приходится признать, что баланс этот склоняется в наше время скорѣев пользу мелкаго хозяйства. Этому нисколько не противорѣчит тот факт, что капиталистическое сельское хозяйство во многих странах пользуется широким распространеніем, а в нѣкоторых является и почти единственной формой сельскаго хозяйства (как, напр., в Англіи). Дѣло в том, что развитіе капиталистическаго земледѣлія явилось не результатом экономической силы послѣдняго, сравнительно с крестьянским, трудовым земледѣліем, а естественным послѣдствіем крупнаго землевладѣнія, возникшаго в свою очередь, на основѣ политическаго насилія. Земля перешла в руки немногочисленной группы правящих классов вовсе не потому, что крупное земледѣльческое производство оказалось экономически сильнѣе мелкаго. Земля была захвачена силой господствующими классами, вмѣстѣ с самим земледѣльцем, обращенным в раба или крѣпостного. Затѣм земледѣлец получил свободу, но значительная часть земли осталась в руках помѣщика. Так возникло во всех странах Европы крупное землевладѣніе, и, как естественное послѣдствіе его, и крупное капиталистическое земледѣліе.

Крупное землевладѣніе возникло очень давно путем захвата земли господствующими классами во время господства очень экстенсивных форм хозяйства. В наше время, когда интенсивное хозяйство вытѣсняет экстенсивное, условія для развитія крупнаго сельскаго хозяйства становятся менѣе благопріятными. Однако, быстраго замѣщенія одной формы сельскохозяйственнаго предпріятія другой не наблюдается потому, что, вообще, аграрныя отношенія отличаются большим консерватизмом. Для того, чтобы расширить сельскохозяйственное предпріятіе, нужно, как общее правило, увеличить площадь земли в распоряженіи даннаго предпріятія, а для этого требуется, в свою очередь, или взять в аренду нужную землю, или купить ее. Но получить землю в аренду не вездѣ возможно, а купля-продажа земли повсемѣстно обставлена значительными затрудненіями. Земля, находящаяся в руках крупных владѣльцев, благодаря майоратам и другим юридическим ограниченіям, нерѣдко совсѣм не может быть продаваема (так, в Англіи около ¾ частновладѣльческой земли закрѣплено таким образом за одними и тѣми же владѣльцами); с другой стороны, и мелкое крестьянское землевладѣніе часто закрѣплено за владѣльцами. Самая продажа земли облагается повсемѣстно тяжелыми пошлинами в пользу государства. Все это вмѣстѣ (и многое другое) приводит к значительной устойчивости аграрных отношеній, измѣняющихся вообще с значительной медленностью.

Вот, напр., статистика распредѣленія сельскохозяйственнаго производства по размѣрам производства) в Германіи:

Размѣр производительной единицы.	Занятая площадь (в тысяч. гектар.) 1882г.	1895г.	1907г.	Увеличеніе или уменьшен. в 1907г. вравнительно с В тыс. г. 1882г.	В %
до 2 гектаров. . . .	1826	1808	1731	- 95	- 5,2
от 2 до 5 "	3190	3286	3305	+ 115	+ 3,6
" 5 " 20 "	9158	9722	10422	+ 1263	+ 13,8
" 20 " 100 "	9908	9870	9322	- 586	- 5,9
свыше 100 "	7786	7832	7055	- 731	- 9,4

Сокращается площадь карликовых и крупных хозяйств; напротив, крестьянское хозяйство средняго типа растет, равно как и крупное крестьянское хозяйство. О направленіи аграрной эволюціи в Соединенных Штатах можно судить по нижеслѣдующим данным:

Величина форм.	Число форм в % 1890г.	1910г.
до 10 акр.	0,1	0,6
10-60 "	33,6	35,5
60-175 "	48,6	46,4
175-500"	15,1	15,3
свыше 500".	2,6	2,8

Вообще, нужно признать, что не существует законов развитія сельскохозяйственнаго предпріятія, обязательных для всѣх стран. В промышленности крупное предпріятіе растет быстрѣе мелкаго; напротив, в области сельскаго хозяйства мы скорѣе замѣчаем рост мелкаго сельскохозяйственнаго предпріятія насчет крупнаго. В общем, аграрныя отношенія и аграрное развитіе не укладываются ни в какой единый тип и в высшей степени индивидуальны и своеобразны. В различных странах наблюдаются самыя разнообразныя сочетанія всевозможных форм сельскаго хозяйства. Во всяком случаѣ, нельзя отрицать того факта, что крестьянское хозяйство, как общее правило, не отступает перед капиталистическим, а, наоборот, имѣет по многих случаях тенденцію вытѣснять послѣднее.

Это очень ярко выражается в том, что, в противность ходу развитія промышленности, в сельском хозяйствѣ процент наемных рабочих по отношенію к общей численности населенія, занятаго в сельском хозяйствѣ, обычно не растет, а падает, а процент самостоятельных хозяев растет. Вот, напр., данныя Германіи.

Распредѣленіе населенія, занятаго в сельском хозяйствѣ.	Предприниматели.	Высшіе служащіе.	Наемные рабочіе.	В процентах. Предприниматели.	Высшіе служащіе.	Наемные рабочіе.
1895г.	2.568.725	96,173	3.724.145	40,3	1,5	58,2
1907г.	2.500.974	98,815	3.400.437	41,7	1,6	56,7

Общественныя отношенія, возникающія на основѣ сельскохозяйственнаго производства, в высшей степени различны и не допускают таких обобщеній, как в области промышленности. Объясняется это тѣм, что в сельском хозяй-

ствѣ человѣкъ гораздо болѣе зависитъ отъ внѣшней природы, почему во всей этой хозяйственной сферѣ замѣчается гораздо менѣе своей собственной, самостоятельной закономѣрности, стоящей внѣ закономѣрности матеріальной среды, чѣмъ въ промышленности. Поэтому нисколько не удивительно, что именно промышленность, а не сельское хозяйство, по преимуществу изучалось экономической наукой, - въ сферѣ промышленности экономистъ чувствуетъ себя гораздо болѣе у себя дома, чѣмъ въ сферѣ сельскаго хозяйства, гдѣ царитъ не подлежащая изслѣдованію экономиста закономѣрность внѣшней природы.

Результатомъ этого положенія дѣла явилась склонность экономистовъ занимать самостоятельное изученіе аграрныхъ отношеній распространеніемъ на нихъ закономѣрностей, выведенныхъ изъ изученія отношеній промышленности. И къ этому были наиболѣе склонны именно тѣ экономисты, которые всего болѣе сдѣлали для превращенія политической экономіи въ точную науку, ибо только на основѣ изученія отношеній промышленности такая наука и могла возникнуть. Въ частности Марксъ никогда не изучалъ сколько-нибудь внимательно аграрныхъ отношеній. Онъ былъ близко и хорошо знакомъ съ англійской промышленностью и, притомъ, преимущественно съ хлопчатобумажной. Зомбартъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что когда Марксъ говоритъ о фабрикѣ вообще, онъ обычно имѣетъ въ виду, собственно говоря, одинъ опредѣленный видъ фабрики, а именно бумагопрядильную фабрику. Но аграрныя отношенія его мало интересовали; размѣръ его фактическихъ знаній въ этой области былъ очень ограниченъ, какъ показываетъ, между прочимъ, третій томъ "Капитала", гдѣ аграрному вопросу отведено наименѣе мѣста.

Тѣмъ не менѣе аграрныя отношенія играютъ слишкомъ важную роль въ современной общественной жизни, чтобы ихъ можно было просто игнорировать. И вотъ мы видимъ, что Марксъ распространяетъ на область сельскаго хозяйства свои выводы относительно промышленности. Подобно тому, какъ въ сферѣ промышленности наблюдается концентрація производства и капиталистическая фабрика замѣняетъ ремесло, точно то же происходитъ и въ земледѣліи: крестьянское хозяйство падаетъ и замѣщается крупнымъ капиталистическимъ земледѣліемъ.

Что именно такова была основная точка зрѣнія Маркса, въ этомъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія, хотя это и отрицается за послѣднее время нѣкоторыми его послѣдователями (напр. Плехановымъ). Вслѣдъ за своимъ учителемъ и марксисты до послѣдняго времени были проникнуты тѣмъ же убѣжденіемъ. И Эккаріусъ въ своей книгѣ "

"(1869), прочитанной Марксомъ до напечатанія и, до извѣстной степени, редактированной имъ, и Либкнехтъ въ своей работѣ "

" (1870), и Каутскій въ своемъ извѣстномъ комментаріи къ Эрфуртской программѣ - всѣ они выражаютъ одинаковую увѣренность въ неизбѣжномъ торжествѣ капиталистическаго земледѣлія надъ крестьянскимъ. Это же убѣжденіе выражено и въ программѣ нѣмецкой соціалдемократіи, принятой на Эрфуртскомъ конгрессѣ 1891 г. и до сихъ поръ остающейся оффиціальной программой партіи.

Факты, однако, показали, что земледѣліе развивается совершенно иначе, чѣмъ промышленность. Это должны были, въ большей или меньшей степени, признать и марксисты, и выраженіемъ новой точки зрѣнія марксизма на аграрный вопросъ явилась извѣстная работа Каутскаго на эту тему. В ней Каутскій уже отказывается отъ своихъ прежнихъ взглядовъ и вполнѣ признаетъ устойчивость при современныхъ условіяхъ хозяйства мелкаго земледѣлія, но объясняетъ эту устойчивость приниженнымъ положеніемъ крестьянина и его готовностью скорѣе выносить самое нищенское существованіе на своемъ клочкѣ земли, чѣмъ отказаться отъ послѣдняго. Однако, и въ этой работѣ Каутскій не вѣритъ въ возможность для крестьянскаго хозяйства достигнуть техническаго уровня капиталистическаго земледѣлія.

Книга Каутскаго вызвала обширную полемику, въ которой побѣда осталась во всякомъ случаѣ, не за марксистами. Германская соціалдемократія формально удержалась на той непримиримой позиціи, которую она заняла въ Бреславльскомъ конгрессѣ 1895 г., отвергнувъ проектъ аграрной программы, относившійся сочувственно къ поднятію крестьянскаго хозяйства. Однако, на практикѣ соціал-демократы южныхъ германскихъ государствъ продолжали дѣятельно поддерживать всѣ мѣропріятія, направленныя къ улучшенію крестьянскаго хозяйства, и революція Бреславльскаго конгресса осталась на бумагѣ.

В другихъ странахъ соціалдемократія принуждена болѣе дорожить крестьянскими голосами и потому обнаруживаетъ болѣе сочувственное отношеніе къ крестьянству. Сельскохозяйственная кооперація, какъ средство поднятія крестьянскаго хозяйства, упоминается въ цѣломъ рядѣ соціалдемократическихъ программъ - такъ, напр., въ программахъ французской, итальянской, датской, бельгійской, австрійской, шведской, финляндской и другихъ соціалдемократическихъ партій.

ГЛАВА VIII.

КРЕСТЬЯНСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ В РОССІИ.

I. Распространеніе крестьянскаго хозяйства. Подъ крестьянскимъ хозяйствомъ въ отличіе отъ капиталистическаго, понимаютъ сельское хозяйство, въ которомъ хозяинъ принимаетъ личное участіе въ трудѣ производства. Мы говоримъ о мелкомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ не можетъ обезпечить себѣ существованія своимъ собственнымъ хозяйствомъ и долженъ дополнять работу въ своемъ хозяйствѣ наемнымъ трудомъ на сторонѣ: среднемъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ не работаетъ по найму, но и не нанимаетъ самъ рабочихъ, и крупномъ крестьянскомъ хозяйствѣ, когда крестьянинъ, работая въ своемъ хозяйствѣ, въ то же время пользуется и наемнымъ трудомъ. Мелкій крестьянинъ - отчасти пролетарій, крупный - отчасти капиталистъ.

В Россіи безусловно преобладаетъ крестьянское хозяйство надъ капиталистическимъ сельскимъ хозяйствомъ. Такъ, по даннымъ сельскохозяйственной переписи 1916г. около 90% всѣхъ посѣвовъ в Европейской Россіи принадлежитъ крестьянамъ.

Правда, крестьянинъ сѣетъ не только на своей землѣ, но и на арендуемой у помѣщика. Что касается крестьянскаго землевладѣнія, то оно также сильно преобладаетъ надъ помѣщичьимъ. Площадь крестьянскаго землевладѣнія опредѣляется нынѣ, приблизительно, в 166 милліоновъ десятинъ (включая сюда 139 милліоновъ дес. надѣльной земли, 6½ милліоновъ десятинъ земли мелкихъ владѣльцевъ, имѣющихъ до 50 десят. земли на владѣльца, и землю купленную крестьянами и крестьянскимъ банкомъ). В рукахъ крупныхъ владѣльцевъ, имѣющихъ свыше 50 дес. а владѣльца, имѣется около 75 мил. десятинъ земли - значительно менѣе половины общей площади крестьянскаго землевладѣнія. При этомъ, нужно имѣть в виду, что весьма значительная часть частновладѣльческой земли - именно по даннымъ 1887 г. свыше 41 проц. - находится подъ лѣсомъ, а на пашню приходится только 37% (на крестьянской надѣльной землѣ пашня составляетъ 60,5 проц. всей земли).

При освобожденіи крестьянъ в 1861 г. дворяне, по даннымъ А.А.Рихтера имѣли в 44 губерніяхъ 79,1 милл. дес.. В 1905 г. в тѣхъ же губерніяхъ в рукахъ дворянъ оставалось лишь 47,8 мил. дес., - дворяне утратили 31,3 мил. дес. изъ которыхъ около 15 мил. дес. перешло к трудовому крестьянскому земледѣлію, а остальные 16 мил. достались купцамъ, мѣщанамъ и крестьянамъ-капиталистамъ.

По своимъ агрономическимъ свойствамъ наше крестьянское земледѣліе стоитъ чрезвычайно низко - ниже даже капиталистическаго земледѣлія, хотя послѣднее, в свою очередь, далеко отстаетъ отъ земледѣлія Запада.

II. Дифференціація крестьянства. Что же такое представляетъ собой обширная масса нашего земледѣльческаго крестьянства, охватывающая собой около ⅔ русскаго населенія?

Хотя в большей части Россіи еще недавно господствовало общинное землевладѣніе, было бы ошибкой думать, что уравнительное землепользованіе привело к равномѣрному распредѣленію земли между всѣми крестьянами. Община не в силахъ воспрепятствовать дифференціаціи крестьянъ - тому, что деревня разслаивается на богатыхъ и бѣдныхъ, на захиточныхъ крестьянъ и безземельныхъ пролетаріевъ. Во-первыхъ, община уравнительно распредѣляетъ только землю, а не всѣ средства производства, - для безлошаднаго же крестьянина веденіе самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства очень затруднительно. Во-вторыхъ, уравнительные передѣлы происходятъ не часто, и земля в промежуткахъ между передѣлами можетъ сосредоточиваться в рукахъ нѣкоторой части крестьянъ. В третьихъ, только нѣкоторая часть общинъ практикуетъ правильные уравнительные передѣлы. В четвертыхъ передѣламъ подвергается только надѣльная земля, а крестьяне ведутъ хозяйство на покупной, а также арендуемой землѣ. В пятыхъ, сосѣднія общины имѣютъ далеко не равные

надѣлы- есть многоземельныя и малоземельныя общины и т.д. и т.д.

В общем наше крестьянство далеко не представляет собой однородной экономической массы. Оно распадается на группы различной зажиточности и различнаго соціальнаго характера. К сожалѣнію, данныя, которыми мы располагаем по этому вопросу, очень ограничены. Мы знаем распредѣленіе надѣльной крестьянской земли между отдѣльными крестьянскими обществами. Но эти цифры мало характерны, так как дифференціація крестьянства происходит внутри самого крестьянскаго общества и поэтому для правильнаго пониманія ея необходимо проникнуть во внутреннія взаимоотношенія в общинѣ. Детальныя же свѣдѣнія по этому вопросу имѣются у нас только относительно нѣкоторых губерній и уѣздов в работах земских статистиков.

Всего рѣзче выражена дифференціація крестьянства там, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства болѣе благопріятны и гдѣ могла, поэтому выдѣлится группа зажиточнаго и даже богатаго крестьянства, напр., в Новороссіи и на восточных окраинах Россіи. Напротив в центрѣ, при большей степени земельной тѣсноты, разслоеніе крестьянства меньше, благодаря почти полному исчезновенію группы болѣе зажиточнаго крестьянства.

Наилучшим признаком для опредѣленія экономическаго положенія крестьянина являются размѣры его посѣвов. Напротив, число лошадей и расположеніи крестьянскаго двора является признаком гораздо менѣе точным. Потому о разслоеніи крестьянскаго населенія наиболѣе точное представленіе дают данныя о распредѣленіи площади засѣваемой крестьянами земли. Такія данныя имѣются в нѣкоторых земских статистических сборниках и сгруппированы по 33 уѣзд. IO губерній г. Ѳгановским.

	проц. дворов:			
сельскіе пролетаріи (безпосѣвные).	Мелкіе крестьяне, засѣвающіе до 2½- 5 дес.	Средніе крестьяне, засѣвающіе до I2-I5 дес.	Крупные крестьяне, засѣвающіе свыше I2-I5 дес.	
I2,6	24,5	59,2	3,7	

Чтобы правильно оцѣнить эти цифры, нужно принять в соображеніе, что размѣры семьи у крестьян различнаго достатка далеко не одинаковы. У безпосѣвных размѣр семьи приблизительно вдвое меньше средняго, а у многопосѣвных в столько же раз выше средняго. Поэтому нужно признать, что сельскій пролетаріат составляет около 6-7 проц. сельскаго населенія, а группа крупных крестьян, ведущих полукапиталистическое хозяйство, составляет 7-8 проц. сельскаго населенія.

К сожалѣнію, эти данныя относятся лишь к немногим уѣздам, но так как в состав этих уѣздов вошли уѣзды из различных районов Россіи, то возможно, что они имѣют болѣе общее значеніе.

Огромный интерес представляет вопрос, в каком направленіи развивается наше крестьянство-увеличивается или уменьшается его дифференцированность. Фактических данных для рѣшенія этого вопроса пока еще недостаточно, но все кое-что имѣется. Вот, напр., данныя об измѣненіи распредѣленія лошадей у крестьянскаго населенія 3I губ. Евр. Россіи (на основаніи военно-конских переписей за двѣнадцать лѣт.

Отношеніе числа хозяев в I899 -I90I г. к числу хозяев в I888 г., принимая чмсло хозяев в I888 г. за I00.

Безлошадные.	С I лошадью.	С 2 лошадьми.	С 3 лошадьми.	С 4 лошадьми.	С 5 лошадьми.	С 6 лошадьми.и бол.
I25	I22	96	65	75	45	4I

Эти данныя указывают на рост группы безлошадных и однолошадных крестьян и значительное сокращеніе численности крестьян, владѣющих большим количеством лошадей, причем сокращеніе это тѣм значительнѣе, чѣм болѣе многолошадной является данная крестьянская группа. Судя по этому можно думать, что у нас происходит не дифференціація крестьянства, а выравниваніе его под вліяніем растущаго обѣдненія, -исчезновеніе болѣе зажиточных групп его приводит ко всеобщему равенству нищеты.

Однако такое заключеніе было бы преждевременно. Количество лошадей в крестьянском хозяйствѣ отнюдь не может считаться безошибочным показателем состоянія послѣдняго. Лошадь служит у крестьянина не только цѣлям земледѣлія, но также и источником полученія добавочных доходов отхожаго промысла. Вообще считают, что наше крестьянское хозяйство имѣет болѣе лошадей, чѣм это необходимо для чисто земледѣльческих цѣлей. Кроме того, уменьшеніе количества лошадей может компенсироваться улучшеніем их качества, что, повидимому и происходит в дѣйствительности. Наконец, увеличеніе интенсивности хозяйства и введеніе машин относительно сокращают потребность в лошади в сельском хозяйствѣ.

Поэтому ничего нѣт невозможнаго в том, чтобы, одновременно с сокращеніем числа лошадей у болѣе состоятельных групп крестьян, эти группы повышались по своему хозяйственному благосостоянію.

Весьма вѣроятно что дифференціація крестьянства идет неодинаково в различных районах Россіи и что там, гдѣ условія крестьянскаго хозяйства складываются благопріятнѣе, наблюдается рост дифференцированности крестьянства-растут группы болѣе зажиточных крестьян, что может сопровождаться одновременным ростом и сельскаго пролетаріата- а там, гдѣ крестьянское хозяйство не развивается, происходит выравниваніе крестьянства на почвѣ общей нищеты.

При этом нужно имѣть в виду, что статистическія данныя неизбѣжно уменьшают дѣйствительные размѣры крестьянской дифференціаціи по слѣдующей очень важной причинѣ, совершенно не обращающей на себя вниманія в обширной литературѣ по данному вопросу. Всѣ статистическія данныя которыми приходится в данном случаѣ пользоваться, относятся, относятся, как к единицѣ, к крестьянскому двору. Но крестьянскія семьи различной величины, и уровень благосостоянія ея опредѣляется не абсолютным числом лошадей, площадью земли и пр., находящагося в ея владѣніи, а числом лошадей, площадью земли и пр. на каждаго члена семьи. Если мы предположим, что размѣр семьи сокращается и в то же время сокращается число лошадей и площадь посѣва на двор, то количество лошадей и размѣр посѣвов на I члена семьи может и возрастать. Пусть, напр., раньше двор в I2 членов имѣл 5 лошадей, а затѣм распавшись на 2 дворца по 6 членов семьи каждый двор стал имѣть по 3 лошади. Благосостояніе каждаго двора возросло-раньше на I члена семьи приходилось 5/I2 лош., теперь приходится ½ лош. Между тѣм по статистическим данным, относящимся ко двору, как к хозяйственной единицѣ, благосостояніе двора понизилось, и его обезпеченность лошадьми значительно упала- с 5 до 3 лошадей.

Земская статистика вполнѣ установила, что большія семьи являются у наших крестьян вмѣстѣ и многолошадными семьями (а также и многопосѣвными). Но одной из особенностей новѣйшей эволюціи нашего крестьянства является распаденіе большой семьи, господствовавшей у болѣе зажиточной части крестьянства. Соотвѣтственно этому, должно уменьшаться число многолошадных дворов-даже если их обезпеченность лошадьми на I душу семьи увеличивается. Благосостояніе богатых крестьянских дворов может возрастать, но благодаря распаденію этих дворов, вслѣдствіе семейных раздѣлов, этот рост благосостоянія может совершенно не отражаться на статистических данных, единицей для которых является крестьянскій двор, и даже получать вид паденія благосостоянія.

Имѣя это в виду, мы должны прійти к заключенію, что дифференціація крестьян может имѣть мѣсто и в том случаѣ, если всѣ статистическія данныя, относящіяся к крестьянскому двору, как к единицѣ, свидѣтельствуют об упадкѣ болѣе зажиточной части крестьянства. Если же эти статистическія данныя указывают на рост лучше обезпеченных дворов, то дѣйствительный рост их благосостоянія еще значительнѣе.

Иллюстраціей дифференціаціи крестьянства при наличности благопріятных условій для крестьянскаго хозяйства может служить Полтавская губернія, в которой были произведены три земских сплошных подворных переписи: одна в I882-89 г. г., другая в I900 г. и третья в I9I0 г. О характерѣ происшедших измѣненій в разслоеніи крестьянскаго населенія за время двух первых переписей дает представленіе слѣдующая таблица, относящаяся к 9-ти уѣздам губерніи.

Число (в тысячах) хозяйств (сельских сословій), засѣвающих главными хлѣбами..

	Без по-ва.	До 1д.	от 1-2д.	от 2-3д.	от 3-6	6-9д.	9-15д.	15-50	50 и
В 1882-1889г.г.	56,7	6,8	19,4	25,5	66,1	33,5	19,0	6,9	0,3
В 1908-1909г.г.	48,2	15,2	30,6	32,0	71,7	30,6	18,5	8,9	0,65
Увеличение или уменьшение в %	-15	+124	+60	+25	+8	-9	-3	+29	+117

Общій смыслъ происшедшихъ измѣненій бросается въ глаза. Крайнія группы значительно увеличились въ своей численности (кромѣ безпосѣвныхъ, число которыхъ сократилось) и, притомъ, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе онѣ удалены отъ среднихъ группъ; напротивъ, сократились среднія группы крестьянъ, засѣвающія отъ 6-до 15 десятинъ на дворъ. Если взять данныя для всѣхъ трехъ переписей относящіяся къ размѣрамъ крестьянскаго землевладѣнія въ Полтавской губерніи, то получается слѣдующая картина.

Изъ 100 хозяйствъ, имѣвшихъ земельную собственность, имѣли:

Годы.	до 3 дес.	от 3-9дес.	от 9-50 д.	свыше 50 д.
1882-86	44,5	42,3	12,7	0,4
1900	51,5	35,9	12,0	0,6
1910	51,7	34,0	13,7	0,6

Вообще нужно думать, что наиболѣе сильнымъ и жизнеспособнымъ является насъ въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьянское хозяйство развивается, крупное крестьянское хозяйство, переходящее въ капиталистическое. Хозяйства такого типа, стоящія на границѣ трудового и капиталистическаго сельскаго хозяйства, въ которыхъ хозяинъ еще самъ, своимъ личнымъ трудомъ, участвуетъ въ производствѣ, но уже стоитъ значительно выше зауряднаго крестьянина и обычно прибѣгаетъ, хотя и въ незначительныхъ размѣрахъ, къ помощи наемнаго труда, всего лучше умѣютъ пользоваться благопріятными условіями сельскаго хозяйства и энергично разростаются въ такихъ случаяхъ насчетъ другихъ хозяйствъ. Хозяйства этого рода, при ограниченности потребности хозяевъ, легко накапливаютъ избытки, которые и обращаются на расширеніе предпріятія. Именно этимъ хозяйствамъ, если бы наше земледѣліе было предоставлено своему естественному развитію безъ всякаго воздѣйствія извнѣ, и принадлежало бы, повидимому, будущее. Но въ томъ же направленіи толкаетъ крестьянскій міръ и новѣйшая аграрная политика правительства, стремящаяся сдѣлать сильныхъ еще сильнѣе, а слабыхъ еще слабѣе. Все это должно усиливать дифференціацію крестьянскаго населенія.

III. К р е с т ь я н с к о е м а л о з е м е л ь е. Итакъ, наше крестьянство далеко не является однородной массой: въ немъ имѣются группы крупнаго, средняго и мелкаго крестьянства, постепенно переходящаго въ сельскій пролетаріатъ. Значительное большинство крестьянства, однако, не принадлежитъ ни къ какому сельскому пролетаріату, ни къ крупному крестьянству и ведетъ болѣе или менѣе самостоятельное хозяйство безъ помощи наемнаго труда.

Исходнымъ пунктомъ развитія современныхъ аграрныхъ отношеній въ Россіи является крестьянская реформа. При освобожденіи крестьянъ имѣлось въ виду сохранить за ними ту землю, которой они пользовались раньше. Однако, благодаря сопротивленію помѣщиковъ, принципъ этотъ не былъ осуществленъ, и бывшіе помѣщичьи крестьяне получили, приблизительно, на 1/5 меньше земли, чѣмъ имѣли раньше; полученная ими земля была обложена очень высокими платежами, въ большинствѣ случаевъ значительно превышавшими ея чистую доходность.

Условія поземельнаго устройства бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ были гораздо благопріятнѣе. Платежи ихъ были значительно ниже, а земельные надѣлы значительно больше: въ среднемъ по всей Россіи бывшіе помѣщичьи крестьяне получили по 3,2 десятины на ревизскую душу, бывшіе государственные- по 6-7 дес., бывшіе удѣльные-по 4-9 дес. Но нѣкоторая часть помѣщичьихъ крестьянъ- такъ наз. "дарственники", крестьяне, согласившіеся получить безъ выкупа дарственный надѣлъ, равный ½ нормальнаго надѣла-получила земли гораздо менѣе средняго надѣла. Такихъ дарственниковъ было около 60% всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, распредѣленныхъ, однако, очень неравномѣрно по территоріи Россіи и составившихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ весьма значительную часть крестьянскаго населенія. Всѣ эти "дарственники" получили ничтожный надѣлъ, совершенно недостаточный для прокормленія.

Наконецъ, бывшіе дворовые, которыхъ считалось передъ освобожденіемъ болѣе 720 тыс. душъ мужского пола? и многочисленное крестьяне, порочислившіеся передъ освобожденіемъ въ мѣщане, не получили никакого надѣла и явились въ нашей деревнѣ элементомъ безземельнаго пролетаріата.

Такимъ образомъ бывшіе крѣпостные крестьяне получили земли при освобожденіи значительно меньше, чѣмъ имѣли раньше. Между тѣмъ, сельское населеніе Россіи со времени крестьянской реформы увеличилось приблизительно вдвое, и соотвѣтственно уменьшилось количество надѣльной земли на душу крестьянскаго населенія.

В 1905 г. средній надѣлъ крестьянскаго двора для всей Европейской Россіи былъ равенъ 11,1 десятины, но при этомъ размѣры средняго надѣла въ различныхъ районахъ были очень различны, начиная с 3,8 десят. в Подольской губерніи и кончая 65,1 (в Олонецкой губ.). Крестьянъ, имѣющихъ до 5 дес. надѣльной земли на дворъ, в 1905 г. считалось, по оффиціальному подсчету, 2,856 тысячъ дворовъ, или около 24% всего числа крестьянскихъ дворовъ. Дворовъ с надѣломъ не болѣе 16 десятинъ на дворъ считалось во всей Россіи 5.072 тысячъ. или 42% крестьянскаго населенія. Но, напр., в заднѣпровскомъ районѣ (Волынская, Кіевская, Подольская, Бессарабская, Херсонская губерніи) процентъ крестьянскихъ дворовъ с надѣломъ до 5 десятинъ на дворъ достигалъ 52 по отношенію ко всему крестьянскому населенію, в днѣпровско-донскомъ (Черниговская, Полтавская, Орловская, Курская, Харьковская, Воронежская губ.)-34.

Хотя средній размѣръ крестьянскаго надѣла для всей Россіи и превышалъ в 1905 г. 10 десятинъ, но, в виду неравномѣрнаго распредѣленія надѣльной земли между различными районами и между отдѣльными крестьянскими группами, у очень значительной части крестьянъ надѣлъ былъ гораздо меньше.

При этомъ бросается в глаза, что на малоземелье жаловались крестьяне с самымъ различнымъ земельнымъ обезпеченіемъ. Крестьянское движеніе 1905г. выставившее требованіе увеличенія земельнаго обезпеченія, широко разлилось по всей Россіи и охватило собою не только центральный и юго-западный районы, гдѣ земельная теснота чувствуется очень сильно, но и Поволжье, гдѣ крестьянскіе надѣлы, сравнительно велики. Земли требовали не только тѣ группы крестьянскаго населенія, которыя имѣютъ ея значительно меньше средняго земельнаго обезпеченія крестьянскаго двора в данномъ районѣ, но и вся масса средняго крестьянства. Именно в этомъ и заключалась сила крестьянскаго движенія.

Этотъ болѣе или менѣе всеобщій характеръ требованія земли, несмотря на крайне различную степень фактическаго земельнаго обезпеченія, доказываетъ, что малоземелье, отъ котораго страдаетъ наше крестьянское хозяйство, коренится, прежде всего, в несоотвѣтствіи техники крестьянскаго хозяйства, размѣру земельнаго обезпеченія. Чѣмъ интенсивнѣе система земледѣлія, тѣмъ меньше требуется земли для полученія такого же количества земледѣльческаго продукта. Размноженіе населенія, в связи с процессомъ разслоенія крестьянскаго населенія, значительно уменьшило площадь земли в распоряженіи средняго крестьянскаго двора. Между тѣмъ продовольственныя потребности крестьянина остались тѣ же. Для того, чтобы с уменьшеннаго количества земли получать прежнее количество продукта, крестьянинъ долженъ бы былъ перейти к болѣе интенсивнымъ системамъ земледѣлія и, такимъ образомъ, повысить урожайность земли. Нѣкоторое повышеніе урожайности, дѣйствительно, произошло, но весьма недостаточное. В результатѣ земли стало не хватать для обезпеченія существованія крестьянина, и повсемѣстно раздалось требованіе земли.

Это объясняетъ намъ, почему малоземелье можетъ одинаково остро чувствоваться при самомъ различномъ количествѣ земли в распоряженіи земледѣльца. И нѣсколько десятковъ десятинъ на дворъ являются недостаточнымъ земельнымъ обезпеченіемъ крестьянина, если онъ, как, напр., в Сибири, до сихъ поръ придерживается самой первобытной системы земледѣлія-переложной, при которой земля распахивается нѣсколько лѣтъ подрядъ, пока не истощатся ея производительныя силы, послѣ чего она забрасывается, пока естественные процессы природы не возстановятъ пригодности ея для земледѣлія. С другой стороны при интенсивныхъ системахъ земледѣлія, которыхъ придерживает-

ся крестьянин Запада, земельный участок даже в 3-4 десятины, который соответствует нашему среднему крестьянскому надѣлу в районах наибольшей земельной тѣсноты, был бы достаточен для обезпеченія существованія.

Итак, наше крестьянское малоземелье является, по своей экономической природѣ, в большинствѣ случаев не чѣм иным, как выраженіем кризиса крестьянскаго земледѣльческаго производства; этот кризис обусловленный отсталостью техники крестьянскаго земледѣлія, может быть разрѣшен только поднятіем техники последняго. Переход от трехполья, господствующаго в большей части Россіи (гдѣ не практикуются еще болѣе экстенсивныя чем трехполье системы земледѣлія), к плодопеременной системѣ земледѣлія с минеральными удобреніями является неотложной потребностью для крестьянскаго хозяйства Россіи. Теперь урожайность десятины крестьянской земли определяется, приблизительно в 40 пудов хлѣба. В Германіи сбор в 110-120 пуд. с десятины считается средним. Нѣт никаких естественных препятствій для того, чтобы и нашим крестьянином была достигнута такая же урожайность.

Вообще, вне коренного измѣненія господствующих у нас экстенсивных систем земледѣлія нѣт выхода из кризиса, угнетающаго наше крестьянское хозяйство. Однако, не нужно упускать из виду, что, если наше среднее крестьянское хозяйство и страдает лишь относительным, а не абсолютным малоземельем, т.е. малоземельем вытекающим не из абсолютной недостаточности земли, а из низкаго уровня земледѣльческой техники, приводящаго к недостаточности продукта, собираемаго с земельнаго участка, который при другой системѣ обработки мог бы обезпечить существованіе крестьянина, то значительная часть нашего крестьянства так мало обезпечена землей, что ни при каком практически достижимом повышеніи агрономической техники не может существовать со своего надѣла. В таком положеніи находятся, напр., владѣльцы дарственных надѣлов и многія другія категоріи крестьян.

IУ. П р е с е л е н і е. Земельная тѣснота гонит крестьянина к переселенію. Переселенческое движеніе существовало у нас издавна, причем первоначально оно выражалось в стихійном бѣгствѣ крестьян, подавленных гнетом государства и крѣпостного права, на окраины, бѣгствѣ, которое правительство было не силах подавать. Таким путем заселился в первую половину XIX вѣка весь юг Россіи. Правительство относилось очень недоброжелательно к самовольному выселенію крестьян, но принуждено было, в концѣ концов, смотрѣть на него сквозь пальцы, так как, благодаря ему, заселялись окраины. Наряду с этим, в дореформенную эпоху существовало и правильное организованное переселеніе государственных крестьян, согласно стройной системѣ, созданной в 1837 г. министром государственных имуществ Киселевым.

После освобожденія крестьян отношеніе правительства к переселенію значительно измѣнилось и стало рѣшительно враждебным. Правительство стало усматривать в переселенческом движеніи опасность для интересов помѣщиков-переселеніе грозило лишить помѣщиков рабочих рук и арендаторов. Тѣм не менѣе переселеніе после освобожденія крестьян не только не прекратилось, а усилилось, благодаря кризису крестьянскаго хозяйства. Переселеніе шло со стихійной силой и преодолѣвало все преграды, главной из которых являлось фактическое прикрѣпленіе крестьян к своему обществу, без увольнительнаго свидѣтельства котораго крестьяне не могли выселяться. Крестьянское же общество было заинтересовано в том, чтобы не выдавать переселенцу увольнительнаго свидѣтельства, в виду того, что при уходѣ переселенца из общества на последнее переходили и лежавшіе на крестьянинѣ платежи и повинности. Благодаря этому почти все переселенческое движеніе в это время имѣло самовольный характер.

До 80-х годов это переселеніе направлялось сначала на Юго-восток Россіи, затѣм в Предкавказье и на Кавказ. Со времени 80-х годов главным мѣстом поселенія становится Сибирь. Переселенческое движеніе все усиливалось и правительство должно было уступить. В 1881 г. издаются первыя "временныя правила," предоставляющія министерствам внутренних дѣл и государственных имуществ разрѣшать переселеніе, а 13-го іюня 1889 года издается законъ, который хотя и не далъ полной свободы переселенію, но все таки представлял собой крупный шагъ впередъ в этом направленіи. Законъ, этот опредѣлял, между прочим, разныя льготы переселенцам на

обзаведеніе хозяйством и продовольствіе на мѣстѣ поселенія; установлялось выдачу путевых пособій, разнаго рода льготы для переселенцев и т.д. Все же, полной свободы переселенческому движенію законъ, как сказано, не далъ, и "самовольное" переселеніе продолжало преобладать. Даже в Сибири в 90-х годах самовольные переселенцы составляли 60-80 % общаго числа переселенцев, не говоря уже о переселеніи на Кавказ или Тургайскіе степи, которое все было "самовольным".

Новая эпоха для переселенія наступает с постройкой Сибирской желѣзной дороги. В 1893 г. был учрежден "Комитет Сибирской ж.д.", и переселеніе двинулось широкой волной в Сибирь. Этот новый поворот нашей правительственной политики объясняется соображеніями чисто политическаго характера-стремленіем колонизовать Сибирь в виду надвигавшейся "желтой опасности". Комитет Сибирской ж.д., созданный по образцу правленій сѣверо-американских желѣзных дорог, преслѣдовал широкія колонизаціонныя цѣли. На "вспомогательныя предпріятія Сибирской ж.д." (главным образом, на переселенческое дѣло) было ассигновано 30 милліонов руб., на работы по образованію переселенческих участков было отпущено около 6 милліонов руб. Все это не осталось без результатов. В началѣ 90-х годов можно было думать, что в Сибири уже почти нѣт свободных земельных участков, пригодных для заселенія. Теперь же открылись новые источники колонизаціоннаго фонда-разработка тайги, среди которой оказались обширныя пространства, пригодныя для заселенія.

Наконец, в послѣдніе годы наступает новый перелом, в нашей переселенческой политикѣ. Крестьянскія волненія в Полтавской и Харьковской губерніях в 1902 г. сыграли в этом переломѣ рѣшающую роль. Их непосредственным результатом был новый переселенческій законъ 6 іюня 1904 г., основные пункты котораго были намѣчены на совѣщаніях землевладѣльцев и администраціи в Полтавской губерніи.

Крестьянскія волненія воочію показали политическую опасность чрезмѣрной земельной тѣсноты. Поэтому именно среди крупных землевладѣльцев и мѣстной бюрократіи стала очень популярна мысль о выселеніи избыточнаго крестьянскаго населенія куда-нибудь подальше, и правительство, из опасенія революціоннаго движенія крестьянства, признало необходимость выселенія малоземельных крестьян из центральной Россіи. Законом 1904 г. переселеніе признается, в принципѣ, свободным, вмѣстѣ с тѣм, оно подраздѣляется на два разряда- поощряемое и неповощряемое, и по отношенію к первому дается цѣлый ряд льгот. Законъ имѣл в виду содѣйствовать переселенію преимущественно безземельных и малоземельных крестьян, но слабой стороной его являлось то, что "неповощряемое" переселеніе могло фактически превратиться в запрещаемое. Указом 10 марта 1906 г. переселеніе сдѣлано, наконец, совершенно свободным.

Наибольшее, когда-либо достигнутое число переселенцев за Урал-в 1908 г.-равнялось 664.777 чел., затѣм оно упало, и в 1913 г. составило 327 тыс. Очень неблагопріятным признаком для будущности Сибирскаго переселенія является то, что, наряду с переселеніем в Сибирь, существует и обратное теченіе- возвращеніе на родину неудачных переселенцев.

Положеніе переселенцев, оставшихся в Сибири, также далеко не блестяще. Первые переселенцы довольно скоро достигли сравнительнаго благосостоянія; теперь же переселенцы иногда бѣдствуют на новых мѣстах больше чѣм бѣдствовали на родинѣ.

На Бреславльском конгрессѣ 1895 г. германская соціал-демократія отвергла выработанный ея лучшими силами проект аграрной программы и рѣшительно признала, что соціал-демократія не может брать на себя защиты интересов крестьянства. Такая позиція возможна была для германской соціал-демократической партіи лишь потому, что Германія давно уже стала вполнѣ промышленной страной и крестьянство остается по преимуществу земледѣльческое страной и около трех четвертей ея населенія относится к крестьянству. Поэтому для русской соціал-демократіи вопрос об аграрной программѣ имѣет совершенно иное значеніе и, как показала жизнь, не допускает такого упрощеннаго рѣшенія, которым удовлетворялась германская соціал-демократія.

Послѣ цѣлаго ряда колебаній русская соціал-демократія приняла аграрную программу, самым существеннымъ пунктом которой является требованіе "муниципализаціи земля"-передачи частновладѣльческих земель, кромѣ мелкаго землевладѣнія, в распоряженія выбранных на демократических началах крупных органов мѣстнаго самоуправленія. Какое употребленіе должны получить конфискованныя земли, программа не предрѣшает, но, так как распоряженіе ими должно принадлежать крестьянству, то, значит, земля должна получить такое назначеніе, которое пожелают крестьяне. Чего же желают крестьяне, относительно этого, конечно, не может быть ни малѣйшаго спора: крестьяне желают получить землю для веденія на ней своего самостоятельнаго хозяйства. Таким образом, аграрная программа, принятая русской соціал-демократіей, на практикѣ сводится к требованію передачи крестьянам тѣх земель, на которых теперь ведется, цѣликом или отчасти, капиталистическое хозяйство.

Того же требует аграрная программа и другой нашей соціал-демократической партіи. Несмотря на ожесточенную полемику соціал-демократов с представителями нашего народническаго соціализма, аграрная программа соціал-демократов весьма близка к народническим программам. Главными пунктами обѣих программ являются: требованіе уничтоженія крупнаго землевладѣнія, а значит и крупнаго капиталистическаго земледѣлія, ибо послѣднее предполагает первое, и передача распоряженія землей в руки крестьянства. Таким образом, жизнь принудила даже таких правовѣрных марксистов, каковыми являются наши соціал-демократы, отказаться от своей враждебности к крестьянскому хозяйству и выступить в защиту его интересов против крупнаго землевладѣнія. Этим самым был устранен важнѣйшій пункт разногласія между марксистами и так называемыми народниками, и самый спор в значительной степени утратил почву. Жизнь показала что спорить о возможности развитія капиталистическої промышленности в Россіи не имѣет смысла потому, что наличность у нас этой промышленности и ея роста составляет очевидный, непререкаемый факт. С другой стороны та же жизнь доказала, что в области земледѣлія ничего похожаго на вытѣсненіе крестьянскаго хозяйства капиталистическим помѣщичьим хозяйством не наблюдается; наоборот, капиталистическое помѣщичье хозяйство большей частью вытѣсняется крестьянским. Ошибка обѣих сторон была в том, что онѣ предполагали одинаковость направленія развитія как промышленности, так и сельскаго хозяйства. На самом же дѣлѣ, промышленность и сельское хозяйство развиваются совершенно различно: в промышленности крупное производство вытѣсняет мелкое, в сельском же хозяйствѣ большей частью наблюдается обратное.

ОТДѢЛ II.

ОБМѢН.

ГЛАВА I.

Цѣна.

Характерной особенностью хозяйственнаго строя, изучаемаго политической экономіей, является обмѣн, связывающій единичныя хозяйства в одно цѣлое народнаго хозяйства. Только в силу этой связи единичных хозяйств экономическая наука могла пріобрѣсти характер точной научной дисциплины, сближающій ее с точными науками. Именно в области обмѣна наука устанавливает общіе причинные законы, открытіе которых составляет гордость политической экономіи, законы, напоминающіе по своей точности и необходимости законы внѣшней природы.

Один извѣстный англійскій экономист-Уэтли-даже предлагал, в виду особой важности обмѣна среди явленій, изучаемых политической экономіей, назвать политическую экономію каталлактивной (от греческих слов кат, алла). И дѣйствительно, классическая политическая экономія была, по преимуществу, наукой об обмѣнѣ. Правда, Рикардо, в предисловіи к своему главному труду "Начала политической экономіи" говорит, что самым важным предметом изученія политической экономіи нужно признать явленія распредѣленія;

с дѣлом в том, что явленія распредѣленія могут быть разсматриваемы и, дѣйствительно нерѣдко разсматриваются (правильно это в методологическом отношеніи или неправильно-вопрос другой), как явленія обмѣна, ибо продукт распредѣляется в современном обществѣ между отдѣльными классами путем цѣлаго ряда обмѣнов. Заработная плата является, при таком разсмотрѣніи, одним из видов цѣны-цѣной товара рабочей силы, прибыль-цѣной, платимой за пользованіе капиталом, земельная рента-цѣной, уплачиваемой за пользованіе землей. Так разсматриваются явленія распредѣленія большинством экономистов, благодаря чему отдѣл распредѣленія становится простым подраздѣленіем отдѣла обмѣна.

Обмѣн совершается при посредствѣ цѣны, и цѣна является верховным регулятором всего механизма товарнаго хозяйства. Для возможности существованія товарнаго хозяйства требуется извѣстная пропорціональность всѣх его частей. Для общества нужно извѣстное количество хлѣба, тканей, кирпичей, желѣза, стекла и т.д., и если каждый товар не будет производиться в требуемом количествѣ, то хозяйственная жизнь остановится. Но товары производятся отдѣльными товаропроизводителями без взаимнаго соглашенія. Очевидно должна существовать какая-то скрытая сила, которая, удерживая пропорціональность общественнаго труда, приводит к тому, что товары производятся в требуемых количествах. Этой силой и являются колебанія товарных цѣн. Товарная цѣна являются как-бы барометром, показывающим, мало или много товаров на рынкѣ по отношенію к общественному спросу. Если товаров слишком много, то цѣны понижаются; если слишком мало, то повышаются. Уровень рыночной цѣны, как высота столба ртути в барометрѣ, показывает, высоко или низко товарное давленіе, нужно ли сократить или расширить общественное производство товаров, чтобы распредѣленіе общественнаго труда стало пропорціональным. Всякій товаропроизводитель тщательно слѣдит за показаніями этого крайне чувствительнаго барометра и руководствуется в своей хозяйственной дѣятельности его показаніями. Колебанія рыночных цѣн необходимы, слѣдовательно, для самого существованія товарнаго хозяйства, для того, чтобы была хотя грубая пропорціональность между общественным спросом и предложеніем. Разстройство этой пропорціональности приводит к хозяйственным кризисам и к временному параличу хозяйственной жизни.

Какими же факторами опредѣляется при господствѣ свободной конкуренціи высота рыночной цѣны? Субъективная оцѣнка хозяйственнаго предмета зависит от хозяйственнаго значенія, которое данный предмет имѣет для оцѣнивающаго лица, т.е., ближайшим образом, от предѣльной полезности предмета. Но субъективныя оцѣнки различных лиц не могут не быть весьма различны уже по одному тому, что субъективная оцѣнка опредѣляется запасом предметов даннаго рода у даннаго лица, запасы же эти у различных лиц неодинаковы. Чѣм больше, напр., денег у даннаго лица, тѣм меньшей предѣльной полезности соотвѣтствует для него каждая единица его денег. Однако, цѣна товаров того же рода на том же рынкѣ при господствѣ свободной конкуренціи болѣе или менѣе одинакова, в особенности в оптовой торговлѣ. Какъ же возникает на основѣ различных субъективных оцѣнок одиная рыночная цѣна?

Чтобы дать на этот вопрос правильный отвѣт, мы должны держаться тѣх реальных хозяйственных отношеній, в которых строятся цѣны в современном капиталистическом хозяйствѣ. Мы не должны предполагать, как это дѣлает, напр., Бем-Баверк, что продавец извѣстнаго товара нуждается сам в своем товарѣ и готов сохранить его у себя для собственнаго потребленія, если ему предложат слишком низкую цѣну за товар. В современном хозяйствѣ товары изготовляются для сбыта и не являются предметом потребленія для продавцов товаров. Товар, если он не будет продан, не имѣет никакой цѣны для продавца; на что нужны, напр., локомотивы для выдѣлывающаго их завода или иголки для фабрики, гдѣ онѣ произведены? Из этого предположенія мы и должны исходить в своем анализѣ процесса строенія цѣны. Второе необходимое условіе, которое нужно имѣть в виду при этом анализѣ, заключается в том? что деньги разсматриваются современными покупателями при покупкѣ не как самостоятельная потребительная цѣнность, а как покупательное средство. Деньги цѣнятся в повседневном обиходѣ не ради них самих, но как предмет, удовлетворяющій извѣстным самостоятельным потребностям, а как средство купить какіе-либо другіе предметы. В

золотой монетѣ современный человѣкъ видитъ не предметъ украшенія,который можно,хотя бы, повѣсить на шнуркѣ на шею, а только покупательное средство-и больше ничего.

Я хочу,напр.,купить зонтикъ,за который продавецъ спрашиваетъ 5 рублей, и нахожусь въ нерѣшительности-стоитъ ли заплатить за зонтикъ 5 рублей или нѣтъ.Рѣшая этотъ вопросъ,я,конечно,не стану сравнивать цѣнности для себя зонтика и цѣнности для себя же пятирублевой монеты,какъ предмета украшенія; я буду сравнивать нѣчто иное-цѣнность для меня зонтика и цѣнность для меня же тѣхъ разнообразныхъ предметовъ,которые я могу пріобрѣсти на 5 рублей.Я могу на эти деньги,допустимъ,купить билетъ въ театръ,2 фунта чаю, книгу и т.п. И только сравнивъ цѣнность для себя зонтика с цѣнностью того,что я могу пріобрѣсти за тѣ же пять рублей,и увидѣвъ, что за пять рублей я не могу пріобрѣсти болѣе цѣнныхъ для меня предметовъ, я куплю зонтикъ.В противномъ же случаѣ я зонтика не куплю.Такимъ образомъ,оцѣнивая предметъ на деньги,я сравниваю предѣльную полезность различныхъ предметовъ,которые могутъ быть куплены на то же количество денегъ, Это сравненіе и опредѣляетъ,какую цѣну я могу дать за данный товаръ.

Денежная расцѣнка того же товара со стороны различныхъ покупателей неизбѣжно должна быть,какъ сказано,различна,благодаря различію ихъ денежныхъ средствъ.Чѣмъ больше у покупателя денегъ,тѣмъ больше онъ можетъ заплатить за товаръ,в случаѣ надобности.Оцѣнка милліонера будетъ,конечно, гораздо выше,чѣмъ оцѣнка бѣдняка; но дѣйствительная цѣна товара будетъ одна и та же и для милліонера и для бѣдняка.Допустимъ,что нижеслѣдующая схема изображаетъ различныя оцѣнки одного и того же товара покупателями с различными денежными средствами.

I.	II.	III.	IУ.	У.
5	4	3	2	I
4	3	2	I	0
3	2	I	0	
2	I	0		
I	0			

Римскія цифры означаютъ классы покупателей различной состоятельности: I классъ-самые богатые покупатели,II классъ-менѣе богатые и т.д. Арабскія цифры означаютъ расцѣнку единицы товара со стороны покупателей соотвѣтствующаго класса.

Первая единица товара будетъ расцѣниваться покупателемъ I-го класса в 5 р.,вторая единица- в 4 р.,третья- в 3 р. и т.д.За одну единицу товара покупатель I-го класса можетъ заплатить 5р.,за 2 единицы товара по 4 р.,(ибо вторая единица будетъ расцѣниваться в 4 р., а обѣ единицы товара должны имѣть одинаковую цѣну), за 3 единицы по 3р.,,за 4единицы-по 2 р. и за 5 единицъ- по I р. Напротивъ покупатель IУ класса на первую единицу товара можетъ заплатить лишь 2 руб.,за двѣ единицы лишь по I руб.Покупатель У класса можетъ купить лишь одну единицу товара за I руб.

Теперь допустимъ,что на рынкѣ предложено къ продажѣ I0 единицъ товара и что продавцы принуждены продавать этотъ товаръ за любую сумму,лишь бы товары эти не остались у нихъ на рукахъ. Продавцы не нуждаются въ продаваемыхъ ими товарахъ,какъ предметахъ личнаго потребленія,ибо данный товаръ производится для сбыта.Какова должна быть цѣна этого товара? Легко понять,что цѣна эта не можетъ быть не больше ни меньше 2-х р.Ибо если бы она была больше 2 р.-напр.,3 р.,то могло бы быть куплено только 6 единицъ товара (покупатели I класса купили бы три единицы,II-го класса-двѣ единицы и III-го класса-одну единицу). Часть товаровъ осталась бы непроданной (четыре единицы товара), и единственнымъ средствомъ для продавцовъ побудить покупателей купить все предложенное къ продажѣ количество товара является пониженіе его цѣны. Но цѣна не можетъ быть и ниже I-х р.-напр. I р.,так какъ по этой цѣнѣ могли бы быть куплены I5 единицъ товара, в то время какъ ихъ предлагается къ продажѣ только I0,и,значитъ,часть покупателей не получила бы товара,несмотря на готовность уплатить за него цѣну,спрашиваемую продавцомъ.Это побудило бы покупателей повысить цѣну, которая дошла бы,слѣдовательно,до 2 р. Такимъ образомъ,при предложеніи I0 единицъ товара и при наличности 5 покупателей, расцѣнивающихъ товаръ согласно схемѣ?цѣна товара должна быть 2 рубля.Цѣна будетъ одна и та же для всѣхъ продавцовъ,ибо,если бы одинъ торговецъ попробывалъ поднять цѣны на свои товары на болѣе высокій уровень,то конкуренція остальныхъ быстро понизила бы цѣну до общаго уровня.

Эта схема объясняетъ и иллюстрируетъ возникновеніе изъ многочисленныхъ и весьма различныхъ индивидуальныхъ расцѣнокъ единой рыночной цѣны.Устанавливающаяся окончательно на рынкѣ цѣна есть н а и в ы с ш а я, по которой можетъ быть з а к у п л е н о покупателями все количество предлагаемыхъ въ продажу товаровъ,что зависитъ въ свою очередь,отъ высоты расцѣнокъ товара со стороны покупателей,иначе говоря,размѣра общественнаго с п р о с а,и,с другой стороны,отъ количества предлагаемаго къ продажѣ товара,отъ размѣра общественнаго предложенія. Въ этомъ и заключается так.назыв. законъ спроса и предложенія,о которомъ экономисты говорятъ уже сотни лѣтъ,но точная научная формулировка котораго стала возможна только на основѣ теоріи предѣльной полезности.

Приведенная схема показываетъ,что далеко не всѣ индивидуальные расцѣнки реально вліяютъ на рыночную цѣну товара.Такъ,напр.,если бы максимальная расцѣнка покупателя I-го класса была не 5,а I0 р., это нисколько не повліяло бы на цѣну товара,которая въ приведенномъ примѣрѣ оставалась бы 2 р.Точно также,если бы пятую единицу товара покупатель I класса расцѣнивалъ не въ I рубль,а нижe,что не повліяло бы на уменьшеніе цѣны товара,которая оставалась бы 2 р.Цѣна опредѣляется,значитъ,лишь нѣкоторыми индивидуальными расцѣнками,а именно тѣми расцѣнками,которыя стоятъ на самой границѣ цѣны экономически возможной въ условіяхъ даннаго общественнаго спроса и даннаго общественнаго предложенія.

Итакъ рыночная цѣна опредѣляется,ближайшимъ образомъ,двумя факторами: одинъ объективнымъ- количествомъ товара,предлагаемаго къ продажѣ на рынкѣ- и другимъ субъективнымъ-индивидуальными расцѣнками покупателей(каковыя въ свою очередь,опредѣляются однимъ объективнымъ факторомъ- покупательными средствами покупателей- и другимъ субъективнымъ-относительной потребностью покупателей въ покупаемомъ предметѣ).Изъ первыхъ двухъ факторовъ (количества предлагаемаго товара и расцѣнокъ покупателей) второй (расцѣнки) самъ по себѣ малоподвиженъ,такъ какъ характеръ общественнаго спроса по самой своей природѣ представляетъ лишь медленно измѣняющееся явленіе.Напротивъ,первый факторъ-предложеніе-значительно колеблется, и именно колебанія предложенія вызываютъ по преимуществу колебанія товарныхъ цѣнъ.

Колебанія предложенія неизмѣнно отражаются на цѣнахъ,но далеко не одинаково на цѣнахъ различныхъ товаровъ. В главѣ о цѣнности было уже указано,что подъ вліяніемъ различнаго характера спроса цѣнность предметовъ необходимости колеблется подъ вліяніемъ колебаній предложенія гораздо сильнѣе,чѣмъ цѣнность предметовъ роскоши.Статистика показываетъ,что размѣръ общественнаго потребленія предметовъ необходимости мало зависитъ отъ цѣны,между тѣмъ какъ общественное потребленіе предметовъ роскоши измѣняется очень сильно при измѣненіи цѣны. Такъ,напр.,потребленіе хлѣба на I душу населенія въ Парижѣ почти не измѣняется за послѣднее время изъ года въ годъ,несмотря на значительныя колебанія хлѣбныхъ цѣнъ,а потребленіе сахара колеблется очень сильно,в зависимости отъ колебанія цѣнъ на сахаръ.Неподвижность потребительнаго спроса въ первомъ случаѣ и подвижность во второмъ благопріятствуетъ неодинаковому движенію цѣнъ товаровъ того и другого рода: при неподвижномъ спросѣ каждое колебаніе предложенія вызываетъ рѣзкій эффектъ въ области цѣны;между тѣмъ какъ при эластичномъ спросѣ расширеніе и сокращеніе спроса ослабляютъ вліяніе на цѣну колебаній предложенія.

Еще въ концѣ XУII-го вѣка экономистъ Грегори Кингъ сдѣлалъ попытку выразить въ слѣдующей числовой формулѣ зависимость между колебаніями урожая и цѣной хлѣба:

Уменьшеніе урожая на:

I десятую	?	?	3 десятыхъ
2 десятыя	? повышаетъ цѣну?		8 "
3 "	? хлѣба на:		?I6 "
4 "	?		?28 "
5 десятыхъ	?		?45 "

Само собой разумѣется,что расчеты подобнаго рода не могутъ претендо-

вать на какую бы то ни было точность. Экономическія отношенія, которыя лежат в основѣ строенія цѣн, слишком измѣнчивы и индивидуальны, чтобы допускать общее математическое выраженіе. Однако, лучшій авторитет в вопросах конкретнаго строенія цѣн, автор многотомной исторіи Кин Т. Тук признавал приведенную таблицу Кинга пригодной для практических вычисленій.

II. С р е д н і я ц ѣ н ы т о в а р о в . Все сказанное относится к рыночным торговым цѣнам, постоянно колеблющимся вверх и вниз. Колебанія эти происходят вокруг нѣкотораго центра-средней обычной цѣны товара. Эти среднія цѣны для различных же товаров крайне рарличны. Чѣм же опредѣляются различія средних цѣн?

В современном капиталистическом хозяйствѣ производство регулируется капиталистом, стремящимся к полученію наибольшаго барыша на затраченный капитал. Если в нѣскольких отраслях производства количество произведенных продуктов таково, что их цѣны не в равной мѣрѣ соотвѣтствуют издержкам производства, иначе говоря, затратам капитала на производство продукта, и, таким образом, процент прибыли в различных отраслях производства различен, то это повлечет за собой переход капиталов из отраслей производства с меньшей прибылью в отрасли производства с большей прибылью. Прилив капиталов в тѣ отрасли производства, гдѣ процент прибыли выше, вызовет увеличеніе предложенія соотвѣтствующих продуктов, а, значит, согласно общему закону спроса и предложенія, и пониженіе их цѣн; пониженіе цѣн этих продуктов вызовет в свою очередь, паденіе процента прибыли в соотвѣтствующих отраслях производства. Перемѣщеніе капитала будет продолжаться до тѣх пор пока процент прибыли не выравняется во всѣх отраслях производства (закон равенства прибылей), что, в свою очередь, предполагает, что среднія цѣны всѣх производимых товаров будут находиться в одинаковом отношеніи к издержкам производства. Это и есть закон строенія средних цѣн при господствѣ свободной конкуренціи, заключающійся в том, что существует тенденція к пропорціональности средних цѣн товаров издержкам производства послѣдних. Как видно из изложеннаго закон этот осуществляется на основѣ закона спроса и предложенія (являющагося всеобщим законом цѣн) и предполагает для своего осуществленія свободу перехода капитала из одной отрасли промышленности в другую-свободу, которая, на самом дѣлѣ, имѣется лишь в очень ограниченной степени.

Пусть, напримѣр, производство ситца прибыльнѣе производства шелка; тогда капиталисты, согласно сказанному, должны перейти от производства шелка к производству ситца, иначе говоря, должны быть построены новыя или расширены старыя ситцевыя фабрики и соотвѣтственно уменьшено количество шелковых фабрик или размѣры производства на них; однако, на практикѣ это может быть весьма трудно осуществимо, и, во всяком случаѣ, для осуществленія этого процесса потребуется продолжительное время, втеченіе котораго цѣны шелка и ситца не будут соотвѣтствовать относительным издержкам производства этих товаров. Поэтому закон равенства прибылей или, что то же, закон соотвѣтствія средних товарных цѣн издержкам производства имѣет значеніе лишь как опредѣленная и постоянно дѣйствующая тенденція, а не как выраженіе конкретной дѣйствительности.

Затѣм нужно имѣть в виду, что среднія цѣны регулируются не тѣми затратами, которыя были реально сдѣланы в свое время в самом процессѣ производства даннаго товара, а затратами, необходимыми в данный момент, при данном состояніи техники, для воспроизводства этого товара. Иными словами, среднія цѣны опредѣляются издержками не (прошлаго) производства, а в о с п р о и з в о д с т в а товаров.

Именно в этом смыслѣ Маркс говорит о затратѣ общественно-необходимаго рабочаго времени (т.е. необходимаго для воспроизводства), как о рѣшающем моментѣ цѣнности. Если, напр., подымается уровень техники производства даннаго товара, то измѣняется цѣна не только вновь произведенных единиц товара, но и тѣх единиц его, которыя были произведены при старых условіях техники.

Итак, издержки воспроизводства опредѣляют среднюю цѣну. Но в различных предпріятіях издержки воспроизводства даннаго товара могут быть

различны. В одних предпріятіях издержки производства даннаго товара могут быть выше, в других- ниже. Возьмем, напр., товар, производимый и в кустарной мастерской и на фабрикѣ-хотя бы замок. Замки выдѣлываются кустарями, но также замочными фабриками. На производство машиннаго замка требуется значительно меньшія затраты, чѣм на производство того же замка кустарями. Какія же издержки производства- перваго или второго рода-будут опредѣлять цѣну замка?

Пусть на замочной фабрикѣ сдѣланы какія-либо техническія улучшенія, удешевляющія стоимость производства замка. Это не может не вызвать паденія цѣны замка, как фабричнаго, так и кустарнаго- по той причинѣ, что если цѣна замка не упадет, то повысится прибыль изготовляющаго замок фабриканта, что, в свою очередь, должно вызвать прилив капитала к производству замков и, значит, расширеніе производства замков, должно-ствующее неизбѣжно привести к паденію цѣны этого товара. Значит цѣна замка опредѣляется условіями производства его на фабрикѣ, т.е. там, гдѣ издержки производства продукта всего ниже. Объясняется это тѣм, что фабричный замок мог бы вполнѣ покрыть потребность рынка в замках, почему кустарь и принуждон понижать цѣну своего замка до уровня фабричнаго, в противном случаѣ кустарный замок не нашел бы себѣ сбыта.

Напротив в других случаях мы видим, что цѣна товара опредѣляется наивысшими издержками его производства. Допустим, напр., что хлѣб производится на нѣскольких участках земли различнаго плодородія. На болѣе плодородных участках стоимость производства хлѣба значительно ниже, чѣм на менѣе плодородных. Какими же издержками производства будет регулироваться цѣна хлѣба? Несомнѣнно, наивысшими издержками производства- и по слѣдующей причинѣ. Производство хлѣба на лучших участках не может покрыть всей общественной потребности в хлѣбѣ, для удовлетворенія общественной потребности в хлѣбѣ необходимо его производить и на худших участках. Если же цѣна хлѣба не будет соотвѣтствовать издержкам его производства на самых худших из участков, обработка которых необходима для удовлетворенія общественной потребности в хлѣбѣ, то обработка этих участков прекратится, и, значит, количество хлѣба сократится, что, в свою очередь, вызовет повышеніе цѣны хлѣба. Таким образом цѣна хлѣба неизбѣжно должна подняться до уровня, опредѣляемаго издержками производства хлѣба на самом худшем из обрабатываемых участков. Иными словами не низшія, а высшія издержки производства продукта регулируют в данном случаѣ его цѣну.

Каждое отдѣльное предпріятіе имѣет свои индивидуальныя особенности, и стоимость производства в каждом из них раздична. Во всяком родѣ производства имѣются предпріятія, стоимость производства в которых значительно ниже средней. Но если эти отклоненія от средней имѣют индивидуальныя особенности и стоимость производства в каждом из них различна. Во всяком родѣ производства имѣются предпріятія, стоимость производства в которых значительно ниже средней. Но если эти отклоненія от средней имѣют индивидуальный характер, то они обычно не оказывают никакого вліянія на цѣну товара, которая в этом случаѣ опредѣляется не высшими и не низшими, а средними издержками производства. Тѣ же предпріятія, которыя в силу своих индивидуальных условій производят с низшими издержками производства, извлекают добавочную прибыль, а в предпріятіях с высшими издержками производства, прибыль соотвѣтственно понижается против средней нормы.

Общее правило, вытекающее из разсмотрѣнных частных случаев, может быть формулировано слѣдующим образом: цѣна свободно воспроизводимаго товара регулируется тѣми издержками его производства, при которых товар может быть воспроизведим в количествѣ, требуемом рынком. Когда потребность рынка может быть покрыта товарами, производимыми при низших издержках производства, то эти низшія издержки производства регулируют цѣну товара. Когда этого нѣт, когда для рынка необходимо производство товара при высших издержках производства, то цѣна регулируются этими послѣдними. Наконец, когда потребность в товарѣ может быть удовлетворена при производствѣ его на основѣ средних издержек производства, то эти послѣднія регулируют его цѣну.

Издержки производства представляют собой капиталистический способ определять относительную стоимость товара. Так как сам капиталист не принимает участия в труде производства, то, понятно, абсолютная, трудовая стоимость его нисколько не интересует. С точки зрения капиталиста, труд рабочаго ничем не отличается от работы лошади или машины.

Единственное, что близко знакомо капиталисту и что ему важно знать- это затрата капитала, который потребовало производство, затрата, исходя из которой капиталист расчитывает продажную цену товара. Категория трудовой стоимости совершенно отсутствует в сознании капиталистическаго предпринимателя и подменяется в этом сознании иной категорией--издержек производства.

Остановимся на этой своеобразной категории капиталистическаго способа производства. Ея характерная особенность заключается в том, что она совершенно скрывает основное и глубочайшее хозяйственное различие- субъекта и объекта хозяйства, человека и предметов его деятельности. В издержках производства фигурируют рядом и без всякаго различия, как моменты одинаковаго порядка, стоимость рабочей силы (заработная плата) и стоимость сырого материала, инструментов, построек и прочих объективных средств производства. Это приравниваніе человека вещи вытекает из самаго существа капиталистическаго способа производства-из работы по найму. Труд (рабочая сила) в капиталистическом хозяйстве, является товаром подобно средствам производства: поэтому, при подсчете стоимости производства, капиталистический предприниматель не имеет никакого основанія проводить различие между трудом и орудіем труда-субъективным и объективными факторами производства.

Издержки производства представляют собой присущую капиталистическому сознанію форму стоимости производства. Именно по этой причине современная экономическая мысль так отвращается от идеи, что только труд есть стоимость в своей абсолютной формѣ. Но труд остается единственной абсолютной стоимостью и в капиталистическом хозяйствѣ, как и во всяком ином, ибо капиталистическое хозяйство есть, все же, человѣческое хозяйство.

Отвлечемся от интересов частнаго хозяина-капиталиста и посмотрим на дѣло с точки зрѣнія всего общества в его цѣлом. В чем состоит затрата общества в процессѣ общественнаго производства? Очевидно, она состоит не в "издержках производства"- не в суммах, уплачиваемых одними членами общества [illegible] другим членам того же общества за тѣ или иные товары. Что касается до материальных продуктов, израсходованных в процессѣ производства, то они входят в состав стоимости производства лишь постольку, поскольку эти средства производства сами имѣют трудовую стоимость, суть продукты предшествующаго труда. Расходуя их, мы расходуем общественный труд, который в них кристаллизирован, по образному выраженію Маркса. Но дары природы не являются элементом абсолютной стоимости. Земля напр., поскольку ея полезныя свойства не суть продукт труда, ничего не стоила обществу; не обладая стоимостью, она не может, с общественной точки зрѣнія, входить в состав стоимости затраты. Правда, земля обладает для всего общества, как и для частнаго лица, цѣнностью. Но вѣдь цѣнность не есть стоимость. Дар природы, войдя в состав другого хозяйственнаго предмета, все же остается даром природы. Если дико растущій лѣс не обладает никакой стоимостью, то нѣт основанія приписывать этому даровому материалу стоимость в том случаѣ, когда он пошел на постройку дома. Таким образом, мы должны придти к заключенію, что единственной чистой затратой общества в процессѣ общественнаго производства (будет ли это капиталистическое производство или какое либо иное) является затраченный на производство общественный труд. Лишь в относительном смыслѣ слова можно говорить о стоимости земли, как и других предметов внѣшняго міра, не созданных человѣком.

Но издержки производства-затрата капитала- находятся в извѣстном, хотя сложном и колеблющемся, соотношеніи с трудовыми затратами. Издержки производства представляют собой ту форму, в которую облекается трудовая стоимость при капиталистическом способѣ производства. Эта новая

форма преобразовывает и измѣняет самое содержаніе стоимости, но все же, связь капиталистической стоимости с трудовой стоимостью не может быть совершенно незвана.

В числѣ многих факторов, опредѣляющих высоту издержек производства, первым по своему значенію фактором является трудовая затрата. Товары, производимые с большими издержками производства, обычно имѣют болѣе высокую трудовую стоимость. Увеличеніе или уменьшеніе труда производства обычно сопровождается соотвѣтствующим измѣненіем затраты капитала-издержек производства. Ибо что такое издержки производства? Не что иное как сумма цѣнностей затраченных средств производства. Величина этой суммы опредѣляется, очевидно, двумя моментами: с одной стороны, количеством затраченных средств производства, с другой стороны, цѣнностью каждаго из них. Но цѣнность каждаго средства производства, в свою очередь, опредѣляется издержками его производства, иначе говоря, количеством и цѣнностью затраченных на его изготовленіе средств производства и т.д. Таким образом, момент цѣнности сводится, поскольку затрачивают одни и тѣ же средства производства, к моменту количества затраченных средств производства. Основным же и универсальным средством производства является человѣческій труд. Слѣдовательно, количество затраченнаго на производство труда-иначе говоря, трудовая стоимость-является основным опредѣляющим моментом затраты капитала- издержек производства.

Итак, издержки производства, непосредственно регулирующія среднія цѣны свободно воспроизводимых товаров, в концѣ концов сводятся преимущественно к труду производства.

Но лишь преимущественно, а не исключительно. Существует цѣлый ряд моментов, ограничивающих правило о соотвѣтствіи издержек производства-а, значит, и цѣн- с трудом.

Первым и самым главным из этих моментов является то, что при капиталистическом способѣ производства затрата труда получает для капиталиста вид затраты заработной платы. Капиталист ничего не знает о затратѣ труда, он знает лишь о затратѣ своего капитала на покупку силы, на заработную плату. Если бы заработная плата была пропорціональна количеству затрачиваемаго труда, то в таком случаѣ это обстоятельство нисколько не препятствовало бы соотвѣтствію между трудовой стоимостью и издержками производства. Но этого нѣт. Заработная плата в разных отраслях труда чрезвычайно различна внѣ всякаго соотвѣтствія с количеством затрачиваемаго труда. Сплошь и рядом труд болѣе тяжелый вознаграждается гораздо менѣе, чѣм труд болѣе легкій. Поэтому товары различнаго рода, на производство которых затрачена одинаковая сумма заработной платы, нерѣдко заключают в себѣ весьма различныя количества общественно-необходимаго труда.

Затѣм затрачиваемый капитал слагается не только из заработной платы, но и из материальных средств производства. Распаденіе капитала на заработную плату и материальныя средства производства Маркс называет строеніем капитала. Строеніе капитала в различных отраслях производства различно, и это вызывает, как было впервые указано Рикардо, а затѣм повторено Марксом, отклоненія издержек производства от трудовых стоимостей. Дѣло в том, что рабочій, нанимаемый капиталистом, не только воспроизводит свою заработную плату, но и работает сверх этого нѣкоторое добавочное время в пользу капиталиста. Напротив, мертвый капитал (материальныя средства производства) не увеличивается в процессѣ производства в своей трудовой стоимости и только переносит ее на изготовленный продукт. Поэтому трудовая стоимость продукта, произведеннаго при помощи того капитала, в состав котораго входила большая доля заработной платы, должна быть выше, чѣм продукта, произведеннаго при помощи капитала, равной величины, но с меньшей долей заработной платы. При равенствѣ в этом случаѣ издержек производства трудовыя стоимости оказываются различны.

Наконец, скорости оборота капитала в различных отраслях производства различны. Капиталист стремится выручить наибольшую сумму прибыли в наименьшее время. Пусть для производства двух продуктов требуется одинако-

вая затрата капитала и одинаковая затрата труда, но капитал при производствѣ перваго продукта оборачивается быстрѣе, чѣм при производствѣ второго. Если бы цѣна обоих продуктов была одинакова, то в таком случаѣ первый капиталист в то же время выручил бы большую прибыль чѣм второй. Это несогласно с законом равенства прибыли, и, слѣдовательно, продукт второго капиталиста для того, чтобы прибыли перваго и второго капиталиста в одно и то же время были равны, должен расцѣниваться выше, чѣм продукт перваго капиталиста, -иными словами, цѣны обоих продуктов, имѣющих согласно предположенію одинаковую трудовую стоимость должны быть различны.

В общем труд только отдаленно и неполно регулирует издержки производства, которыя в свою очередь лишь до извѣстной степени регулируют товарныя цѣны. Но ни о каком совпаденіи между относительными цѣнами и относительными трудовыми стоимостями тѣх же товаров не может быть и рѣчи. Но в числѣ объективных факторов, регулирующих цѣны свободно воспроизводимых товаров в а ж н ѣ й ш и м, несомнѣнно является труд производства.

III. М о н о п о л ь н ыя ц ѣ н ы. Изложенная теорія цѣны относится к цѣнам, устанавливающимся при господствѣ свободной конкуренціи покупателей и продавцов, и притом к цѣнам таких товаров, которые свободно воспроизводимы. Цѣны предметов, не воспроизводимых свободно- так назыв. п р е д м е т о в р ѣ д к о с т и, -не по отношенію к которым существует свободная конкуренція продавцов и покупателей, всецѣло подчиняются закону спроса и предложенія, но не находятся ни в каком соотношеніи с издержками их производства, а, значит и с трудовыми стоимостями их изготовленія. Так, напр., цѣна старинных статуй, рѣдких вин и т.п. может неограниченно превосходить трудовую стоимость их производства и колеблется в зависимости от колебаній спроса и предложенія этих предметов.

Другим типом строенія цѣн являются так назыв. м о н о п о л ь н ыя ц ѣ н ы. Существенное различіе свободной конкуренціи и монополіи заключается в слѣдующем. При свободной конкуренціи каждый отдѣльный продавец или нѣсколько продавцов (или каждый отдѣльный покупатель из нѣскольких покупателей) дѣйствует за свой страх и риск и не имѣет возможности непосредственно спредѣлять дѣйствія других членов той же группы. Только благодаря этой независимости дѣйствій отдѣльных покупателей и отдѣльных продавцов на рынкѣ устанавливается единая цѣна, несмотря на различія оцѣнок того же самаго товара со стороны различных участников мѣнового акта.

Совсѣм иное мы видим при господствѣ монополіи. Под монополіей нужно понимать такое положеніе дѣл, при котором между дѣйствіями отдѣльных продавцов (или покупателей) устанавливается, в общих интересах данной группы, извѣстная согласованность, связь. При господствѣ монополіи вся масса продавцов (или рѣшающая часть их) дѣйствует так, как если бы она представляла собой одного продавца (или покупателя). Отдѣльные продавцы не конкурируют друг с другом, не стремятся вытѣснить других с болѣе выгодных пунктов продажи, но дѣйствуют, как послушная часть нѣкотораго коллективнаго цѣлаго. Конечно и в этом случаѣ, как и в случаѣ свободной конкуренціи, дѣйствія участников мѣнового акта управляются их личными интересами; но в случаѣ свободной конкуренціи личний интерес каждаго достигается его единоличными усиліями, хотя бы в ущерб интересам других членов тѣх же хозяйственной группы- в случаѣ же монополіи личный интерес каждаго достигается общими усиліями всей группы, причем отдѣльный участник группы должен считаться с интересами других членов той же группы даже в ущерб своим собственным сепаратным интересам.

Конечно, в наиболѣе чистом видѣ монополія выступает тогда, когда на мѣсто многих продавцов (или покупателей) являются один продавец (или покупатель). Но сходный результат достигается и в том случаѣ, если продавцов (или покупателей) на рынкѣ остается много, но всѣ они (или рѣшающая часть их) дѣйствуют по взаимному соглашенію, как нѣчто единое.

Самым важным отличіем монопольной цѣны от цѣны при свободной конкуренціи является то, что при монополіи становится возможной, вмѣсто единой, д и ф ф е р е н ц і а л ь н а я цѣна. Возьмем вышеприведенную (см. стр. 250) схему строенія цѣны. На рынкѣ предложено 10 единиц товара и имѣется опредѣленная группа покупателей, различным образом расцѣнивающая эти товары. Если продавцы конкурируют друг с другом, то на товар установится единая цѣна в 2 р. Но что будет, если всѣ продавцы находятся в соглашеніи друг с другом и освѣдомлены о расцѣнках покупателей? В таком случаѣ продавцы могли бы продавать товар разным группам покупателей по разной (дифференціальной) цѣнѣ с большей выгодой для себя. Так, напр., вся группа продавцов могла бы продать покупателям I класса три единицы товара по цѣнѣ в 3 р. за штуку (вмѣсто 4 единиц по цѣнѣ в 2 р. за штуку, как это было при господствѣ свободной конкуренціи); шесть единиц товара могли бы быть проданы продавцами II-IУ классам покупателей по 2 р. штуку. Оставшуюся непроданной штуку товара продавцы могли бы продать покупателями У класса по цѣнѣ I р. за штуку. На рынкѣ, благодаря соглашенію продавцов и возникновенія монополіи, было бы 3 цѣны- цѣна в 3р. для покупателей I класса, 2 р. для покупателей II-IУ классов и I р. для покупателей У класса. В общем, продавцы выручили бы благодаря соглашенію, вмѣсто прежних 20р. (2х10) 22 р. (три единицы товара были бы проданы по 3 р., 6 единиц по 2 р. и одна единица по I р.).

Итак, вліяніе монополіи выразилось бы в данном случаѣ в том, что цѣны товара для болѣе платежеспособной группы покупателей повысились, для менѣе платежеспособной понизились бы.

Однако, такое дифференцированіе цѣн возможно далеко не всегда; нерѣдко или даже обычно и при господствѣ монополіи на рынкѣ складывается единая цѣна в виду трудности для продавца провести дифференціацію покупателей по степени их платежеспособности и другим признакам. В таком случаѣ поднять эту единую цѣну монополист может только одним способом- сокращеніем предложенія соотвѣтствующаго товара. Не нужно, во всяком случаѣ, думать, что монопольныя цѣны устанавливаются монополистом по своему усмотрѣнію. Монополист, в качествѣ продавца, также подчинен верховному закону цѣн- закону спроса и предложенія- как и всякій другой производитель. При отсутствіи дифференціаціи цѣн, отличіе монополиста от производителей, изготовляющих товары при условіях свободной конкуренціи, только в том, что монополист может по своему усмотрѣнію регулировать предложеніе, сокращать его, если это ему выгодно. Сокращеніе предложенія, по общему правилу, ведет к повышенію цѣны. Правда, повышеніе цѣны продукта, ведет к уменьшенію спроса на него; однако, это сокращеніе количества продаваемаго предмета может быть с избытком покрыто повышеніем его цѣны.

Конечно, это бывает не всегда. Вот почему и монополист не может неограниченно повышать цѣны- его собственные интересы заставляют его бояться чрезмѣрнаго повышенія цѣны, вызывающаго сильное сокращеніе общественнаго спроса на соотвѣтствующій продукт.

Кромѣ того, почти всякій товар конкурирует в большей или меньшей степени с другими товарами, удовлетворяющими тѣм же потребностям, и может быть замѣнен ими в общественном потребленіи; так, напр., почти всѣ хлѣба конкурируют друг с другом, кофе конкурирует с чаем, и шоколадом, керосин конкурирует с другими освѣтительными средствами- электричеством, свѣчами, газом и т.д. Поэтому значительное повышеніе цѣны одного товара обычно отражается на увеличеніи потребленія других конкурирующих с ним товаров, что ставит преграду дальнѣйшаго повышенія цѣны перваго товара в случаѣ монополизаціи его предложенія. Именно на этом и терпѣли крушеніе многія попытки монополизировать продажу тѣх или иных товаров.

IУ. Г р а н и ц ы а б с т р а к т н о й т е о р і и ц ѣ н ы. Но нужно, однако, упускать из виду, что изложенная теорія цѣны вѣрна лишь при извѣстных молчаливых предпосылках, предполагаемых при всѣх вообще построеніях абстрактной политической экономіи- при предположеніи полнаго знанія рынка покупателями и продавцами, полном слѣдованіи хозяйственному принципу и т.д. Конечно, эти предпосылки лишь отчасти осуще-

ствляются в конкретной действительности. Чем больше они осуществляются, тем более реальная цена следует указанным законам строения цены.

Поэтому оптовые цены, т.е. цены, платимые торговцами при покупках больших масс товаров, носят более закономерный характер, чем розничные цены, платимые покупателями, приобретающими товар небольшими партиями для нужд своего потребления. Розничные цены обычно липовы единства, - в разных магазинах цены разные, а нередко и в том же магазине разные покупатели платят за тот же товар разную цену (когда цены назначаются магазином с запросом). Люди, вообще, гораздо менее следуют хозяйственному принципу, когда они являются в роли потребителей, чем в своей хозяйственной деятельности, доставляющей им средства к жизни. Сплошь и рядом крайне расчетливый в своих хозяйственных операциях биржевой делец без всякого расчета бросает деньги, когда ему приходится выступать в роли потребителя.

Каково же соотношение между оптовыми и розничными ценами? Оптовые цены определяются розничными, или наоборот? Розничные цены отличаются большей устойчивостью, и движение их вверх и вниз обычно следует с большим замедлением за изменением оптовых цен. Отсюда нужно, повидимому, заключить, что розничные цены определяются оптовыми. Но ведь цены зависят от расценок потребителей, а потребитель покупает не розничным ценам; иными словами, оптовые цены должны определяться розничными. Получается, таким образом, кажущееся противоречие, разрешаемое следующим образом. Действительное изменение розничных цен обычно следует за изменением оптовых; тем не менее в конце концов, оптовые цены управляются розничными, а не наоборот, - оптовый торговец, предвидя тот или иной уровень розничных цен, устанавливают в соответствии с этим и оптовые цены. В стране происходит, напр., неурожай хлеба; оптовые торговцы предвидят, что розничные цены на хлеб должны повыситься, и соответственно повышают цену оптовую на муку. Затем следует повышение и розничной цены хлеба. Таким образом, ожидаемый уровень розничных цен определяет реальную оптовую цену, а эта последняя влияет на реальную розничную цену. В конце концов, розничные цены имеют решающее значение.

Нужно иметь в виду также и следующее, очень важное, ограничение изложенной теории цены. Она построена на предположении, что покупатель и продавец одинаково успешно отстаивают свои интересы, она отвлекает от социального неравенства покупателей и продавцов. Поскольку дело идет об оптовых ценах товаров капиталистического производства, такое игнорирование методологически вполне допустимо: нет основания признавать экономически сильнейшей стороной капиталистических покупателей, чем продавец, или обратно. Но когда на рынке встречаются представители общественных классов различной социальной силы, тогда это обстоятельство не может не влиять на цену, устанавливающуюся в результате их экономической борьбы. Возьмем, напр., продажу кустарями своих изделий скупщикам или продажу крестьянами своих продуктов крупным торговцам. Так как кустари и крестьяне-экономически слабейший элемент, то цена, по которой они вынуждены продавать свои продукты, будет ниже и нередко значительно ниже той цены, которая диктуется соотношением спроса и предложения. Все это необходимо иметь в виду и помнить, что абстрактная теория только с большими и меньшими ограничениями может применяться к конкретной действительности.

Экономическая теория предполагает, что человек в своих расценках стремится следовать хозяйственному принципу предпочитать большее наслаждение меньшему. Но человек далеко не всегда поступает экономически рационально. Рутина и твердый, почти неизменный обычай определяют строй жизни огромного большинства людей. Потребитель покупает известный товар за определенную цену не потому, что он убежден в невозможности приобрести за эту же деньги предмет, доставляющий ему большее удовлетворение, но просто по примеру других, потому что все покупают этот товар за эту цену. Обычай является, следовательно, той силой, которая самым существенным образом влияет на коллективную и частью бессознательный процесс образования цен.

Правда, основой товарной цены остаются индивидуальные оценки покупателей; но раз цена образовалась, она в свою очередь влияет на эти последние. Таким образом возникает кажущееся независимость товарных цен от индивидуальных расценок.

Товарная цена, подобно праву и правам, есть, таким образом, коллективный результат частью бессознательных социальных процессов, и тут экономическая теория наталкивается на свою естественную границу - в область бессознательного она проникнуть не может.

Внимательный анализ схемы индивидуальных расценок покупателей, приведенный на стр. 250 поможет нам выяснить не только обычные, но и более редкие случаи строения цен. В тексте предположено, что на рынке предлагается к продаже 10 единиц товара, причем цена товара должна быть 2 р. Допустим теперь, что предложение товара сокращается до 9 единиц; исходя из соображений, приведенных в тексте, следует заключить, что цена товара в этом случае остается прежней и будет попрежнему 2 р. - только эта цена экономически возможна при данном соотношении спроса и предложения. При предложении 8 и 7 единиц товара цена товара попрежнему будет 2 р. и только, когда предложение товара спустится до 6 единиц, цена товара испытает повышение и дойдет до 3 р. Точно также увеличение предложения товара до 11 единиц вызывает понижение его цены до 1 р., но дальнейшее увеличение предложения до 12, 13, 14 и 15 единиц не оказывает никакого влияния на его цену, которая по прежнему остается 1 р. Итак, в результате анализа нашей схемы мы приходим, повидимому, к очень странным выводам, находящимся в полном противоречии с фактами.

Увеличение и уменьшение предложения товара в известных пределах не оказывают ровно никакого влияния на товарную цену и лишь перейдя за эти пределы изменяют цену. При этом пределы очень широки. Так в приведенном примере цена оказывается одна и та же при предложении 10 и 7 единиц товара или при предложении 11 и 15 единиц. Иными словами, изменение предложения на 30 - 40 проц. оказывается неспособным изменить товарную цену.

Как ни странен этот вывод и как он ни расходится с обычным пониманием законов спроса и предложения, это не может ослабить силы приведенного абстрактного разсуждения. Оно кажется безупречным и в то же время приводящим к абсурдным выводам.

Более тщательное рассмотрение реальных фактов строения покажет, однако, что нередко и реальные факты говорят таким же странным языком, как и теория. Допустим, напр., что на ярмарке продается десять лошадей одинакового качества, а охотников купить этих лошадей по цене в 100 р. лошадь находится 15 человек, причем никто из них не может заплатить за лошадь выше 100 р. В таком случае лошади будут проданы по 100 р. и 15 человек ничего не купят. Если бы на ярмарку было выведено не 10, а 15 лошадей такого же качества, то они были бы проданы по той же цене в 100 р., - увеличение предложения на 50 проц. не оказало бы никакого влияния на цену. Таким образом, перед нами как раз такой случай независимости цены товара от изменения предложения, который следует как необходимый вывод из нашей теории.

Из этого примера видно, между прочим, как неправильно формулирует закон спроса и предложения Бем-Баверк, говоря, что "высота рыночной цены устанавливается на том уровне, на котором спрос и предложение количественно уравновешивают друг друга." Если мы, возвращаясь к своей схеме, предположим, что на рынке имеется 7 единиц товара, то, при цене в 2 р. за единицу товара будет спрашиваться 10 единиц товара, при цене же в 3 р. будет спрашиваться 6 единиц товара. С точки зрения Бем-Баверка следовало-бы ожидать, что цена товара установится на уровне 3 р., так как при этой цене количество спрашиваемого товара всего ближе к количеству предлагаемого товара. На самом же деле цена установится, как выяснено, на уровне 2 р., при котором количество спрашиваемого товара будет значительно превосходить количество предлагаемого товара.

Итак, в некоторых случаях мы действительно наблюдаем, что даже зна-

чительныя измѣненія предложенія не оказывают никакого вліянія на товарную цѣну. Но,конечно,такіе случаи в современном хозяйствѣ являются случаями исключительными. Как общее же правило,даже весьма незначительныя колебанія предложенія немедленно отражаются на товарныхъ цѣнах. Все это должно быть объяснено.

Легко замѣтить,что неподвижность цѣны при измѣненіи предложенія обусловливалась в разсмотрѣнных примѣрах ненасыщенностью спроса предложеніем-тѣм,что на рынкѣ,при данной цѣнѣ, имѣлся спрос на большее количество продуктов,чѣм то,которое предлагалось в продажу. Если спрос, при едтнственно экономически возможной цѣнѣ,не насыщается предложеніем,то пока такое насыщеніе не наступит,увеличеніе предложенія не отражается на цѣнѣ Но как только спрос насыщен предложеніем,всякое,даже самое незначительное,увеличеніе предложенія немедленно вызывает измѣненіе цѣны.

При современных же условіях хозяйства ненасыщенность спроса предложеніем есть рѣдкое исключеніе.Торговля располагает всегда большими или меньшими запасами товаров,которые хранятся в кладовых и немедленно пополняются,как только на них является спрос. С другой стороны, капиталистическое производство,располагает такими колоссальными средствами производства,что предложеніе товаров,как общее правило,идет впереди спроса и,такскзать, давит на него. Именно благодаря насыщенности спроса,наличности непроданных запасов, товарныя цѣны в современном хозяйствѣ крайне чувствительно реагируют на всякое измѣненіе предложенія.

Таким образом развитая в текстѣ теорія цѣны объясняет как тѣ случаи,когда цѣна товара измѣняется при самых незначительных измѣненіях предложенія,что является в современном хозяйствѣ общим правилом,так и тѣ сравнительно рѣдкіе случаи,когда значительныя измѣненія предложенія совсѣм не отражаются на цѣнѣ. И тѣ и другіе укладываются в общую формулу закона спроса и предложенія (для товаров,изготовляемых для сбыта),заключающуюся в том,что цѣна товара должна быть наивысшей,по которой может быть продано все предлагаемое к продажѣ количество товара.

ГЛАВА II.

Деньги.

I. Возникновеніе денег и их функціи. Обмѣн одного товара на другой чвляется процессом сравнительно простым. Иное дѣло- обмѣн товара на деньги.Для чего,прежде всего,требуется такое усложненіе? Не проще ли непосредственно обмѣнивать товары на товары?

В древнее время и в средніе вѣка думали,что деньги возникли,как результат законодательного акта.Именно в государственном происхожденіи денег видѣли причину наиболѣе бросающейся в глаза их особенности- их свойства быть предметом всеобщаго спроса. Продать товар трудно,но купить за деньги легко что угодно,-всякій охотно берет деньги.

Это свойство денег и казалось результатом особаго законодательнаго акта.Однако фактическое осученіе исторіи денег показало,что законодательных актов,впрочем создавших деньги,не было,и деньги возникали всегда незамѣтно и постепенно,как многія другія стихійныя соціальныя образованія,-напр.,язык,обычаи и т.д. Нельзя указать в исторіи момента, когда впервые появились деньги; онѣ неизбѣжно появлялись у всѣх народов на извѣстных ступенях хозяйственнаго развитія.Обмѣн сам собою,помимо какого бы то ни было соглашенія людей,порождает на извѣстной и, притом,очень ранней ступени своего развитія деньги. Натуральный обмѣн, т.е. обмѣн продукта на продукт,без посредства денег,встрѣчает огромныя неудобства и трудности. При натуральном обмѣнѣ обмѣн может совершаться лишь в том случаѣ,если обѣ обмѣнивающіяся стороны нуждаются в продуктах друг друга. И даже этого мало-нужно,чтобы каждый из обмѣнивающихся нуждался как раз в таком количествѣ продукта другого,въкаком этот продукт предлагается к обмѣну. Такое совпаденіе взаимной потребности в соотвѣтствующих количествах соотвѣтствующих продуктов возможно,очевидно только в очень рѣдких случаях.К этим двум затрудненіям на-

х)Эта точка зрѣнія нашла себѣ в новѣйшее время сильнаго противника в

лицѣ Кнапа. В своей крайне интересной книгѣ "Staatlihe teori des Geldes" он развивает противоположную теорію денег,построенную на том,что "деньги суть созданіе правового строя". ("Staatlihe Teori des Geldes". Стр.I).Однако,как ни остроумны и убѣдительны многія соображенія Кнапа,в общем его теорія денег,называемая им "хартальной" теоріей",в отличіе от господствующей в наукѣ,по его терминологіи,"металлической теоріи",непріемлема.Деньги созданы не правом,а стихійным развитіем обмѣна.

натуральнаго обмѣна присоединяется еще третье,заключающееся в трудности опредѣлить цѣнность поступающих в обмѣн продуктов,-приходится опредѣлять эту цѣнность в цѣнности цѣлаго ряда других продуктов,обмѣниваемых на данный.Приходится строить длинныя уравненія цѣн,что дѣлает почти невозможным сколько-нибудь опредѣленное измѣреніе цѣнности продукта.

Всѣ эти неустранимыя трудности натуральнаго обмѣна и приводят к тому,что при сколько-нибудь развитом обмѣнѣ естественно возникают,так сказать выкристализовываются в обмѣнѣ деньги,-тот или иной товар принимается в обмѣн даже в таких случаях,когда он непосредственно и не нужен данному лицу, берущему,однако, этот товар в расчетѣ,что его можно затѣм сбыть другому лицу. Такой товар,сбыт котораго всего менѣе затруднителен и который принимается всѣми охотно именно в виду этого свойства,и является зачаточными деньгами.

При этом характерно,что на первой ступени обмѣна деньгами является не один,а обычно цѣлый ряд товаров,между цѣнностями которых обычаем фиксируются опредѣленныя отношенія. Возникают цѣлыя уравненія цѣн.Так, в древней Германіи приималось,что 6 свиней- I быку,взрослый раб- I лошади,24 шеффеля ржи- I6 шеффелям пшеницы-I2 шеффелям бобов-I2б курам и т.п..Благодаря неизмѣнности этих отношеній,закрѣпленных обычаем,каждый мог легко принимать в обмѣн любой из товаров,цѣнность котораго была фиксирована.Товары с закрѣпленной обычаем цѣнностью и играли роль денег,точнѣе,были зачатком денег,которыя,слѣдовательно,первоначально пріурочивались не к какому-либо одному товару,а к цѣлым группам товаров.Но среди этих товаров далеко не всѣ были одинаково пригодны для роли денег,не всѣ одинаково охотно принимались всѣми. Мало-по-малу выдѣляются тѣ или иные товары,которые для даннаго народа в данное время всего болѣе пригодны для того,чтобы быть деньгами. Так, у охотничьих народов деньгами естественно становятся шкуры и мѣха; у пастушеских-различнаго рода скот; у земледѣльческих-земледѣльческіе продукты-пшеница,рис,маис,табак и т.п. Мало предметов,которые гдѣ нибудь не служили бы деньгами.В Новой Гвинеѣ деньгами служили раковины; в Норвегіи -сушеная треска; в Абиссиніи-повареная соль. Почти всѣ болѣе распространенные металлы (не говоря уже о драгоцѣнных)играли в той или другой странѣ роль денег- так,напримѣр,желѣзо,олово,свинец и мѣдь.В центральной Африкѣ деньгами служили различныя ткани.Нерѣдко деньгами у диких народов являются бусы. Адам Смит указывает,что в Шотландіи в гвоздарных районах гвозди играли роль денег и т.д. и т.д.

Среди этих разнообразных денежных товаров нѣкоторые оказываются особенно пригодными для роли денег и становятся деньгами в обширных районах и на очень долгое время.Чрезвычайно знаменательно,что такими международными деньгами становятся по преимуществу предметы украшенія. Так в обширном бассейнѣ индійскаго океана вплоть до новѣйшаго времени деньгами являлись связки раковин каури. Объясняется это тѣм,что при господствѣ натуральнаго хозяйства, когда каждый удовлетворяет свои важнѣйшія потребности собственным трудом,предметы украшенія являются важнѣйшим предметом торговли,а,значит,и предметом наиболѣе широкаго спроса. Среди предметов урашенія существует одна группа предметов,которая, в свою очередь,всего болѣе пригодна для роли международных денег-это драгоцѣнные металлы.И,дѣйствительно,мы видим,что во всем мірѣ,мало-помалу,путем естественнаго стихійнаго процесса,помимо каких бы то ни было соглашеній отдѣльных народов и государств, деньгами становятся благородные металлы -золото и серебро.Между самыми разнообразными товарами шла,так сказать,борьба за существованіе в роли денег,и побѣдителями

этой борьбе вышли золото и серебро,и даже, точнее, именно золото.

Почему же? Потому что золото и серебро,в силу своих естественных свойств,всего более пригодны быть деньгами.Эти металлы всего лучше могут исполнять функции денег.

Основных функций денег три- и только три. Во-первых деньги являются мерилом ценности товаров: во -вторых,они являются орудием обмена товаров; в третьих,они являются законным платежным средством.В качестве мерила ценности деньги функционируют идеально,-чтобы измерить ценность товара,нет необходимости держать деньги в руках,как мы держим аршин при измерении длины предмета. В качестве же орудия обмена или законнаго платежнаго средства деньги уже функционируют в реальной формe,-чтобы купить за деньги или уплатить ими долг,нужно эти деньги иметь в своем распоряжении.Функции денег,как мерила ценности и орудия обмена,находятся в неразрывной связи друг с другом,одна функция предполагает другую и обратно.Обмен невозможен без сравнения ценностей,а сравнение ценностей совершается в обмене.

Об эти функции не требуют особых пояснений.Иное следует сказать о функции денег,как законнаго платежнаго средства.Эта последняя функция устанавливает связь денег с существующей системой права и этим отличается от двух первых функций.Первые две функции возникают стихийно и не требуют санкции государства.Напротив,функция денег,как законнаго платежнаго средства создается государством:законодатель решает по своему усмотрению,какими предметами должны погашаться долговыя обязательства, и эти предметы, в силу этого,становятся деньгами.

Георг Кнапп,сделавший в недавнее время попытку преобразовать все учение о деньгах,усматривает самый существенный признак денег в том, что они являются законным платежным средством.Действительно,в своей наиболее выработанной форме,в современном государстве,деньги являются, прежде всего,законным платежным средством и уже в силу этого всеобщим мерилом ценности и всеобщим орудием обмена. Государство своей суверенной властью постановляет,что всякий существующий долг может быть погашен при помощи уплаты таких -то и таких-то знаков,подобно тому,как то же государство своей суверенной властью постановляет,что для доставления письма по почте требуется приклеить к нему такие-то и такие-то почтовые знаки.С момента провозглашения известных знаков платежным средством,они становятся единственным средством погашения всевозможных платежных обязательств между гражданами государства. А так как взаимныя платежныя обязательства охватывают собой важнейшия имущественныя отношения частных лиц,то законное платежное средство естественно становится предметом всеобщаго спроса и начинает функционировать,как всеобщее орудие обмена и всеобщее мерило ценности. Однако,хотя формально-юридически государство вполне свободно признать законным платежным средством любой предмет хозяйственнаго оборота или даже создать для этого новые знаки(бумажныя деньги),экономическая жизнь ставит эту свободу в определенныя и очень узкия границы. Не все предметы одинаково пригодны функционировать в качестве денег,и потому государство оказывается вынужденным провозглашать законным платежным средством лишь те хозяйственные предметы,которые по своим естественным свойствам всего более пригодны для исполнения двух других основных функций денег-всеобщаго мерила ценности и всеобщаго орудия обмена. Экономическая жизнь может не признать законнаго платежнаго средства,провозглашеннаго таковым государством,и тогда все усилия государства превратить то,что юридически является деньгами, в реальныя деньги окажутся тщетными.Даже угроза гильотиной была безсильна заставить французское общества признавать деньгами ассигнации,выпускавшияся революционным правительством.

С формально-юридической точки зрения,функция денег как законнаго платежнаго средства,является первичной,а функции денег,как мерила ценности и орудия обмена, вторичными. объявляя те или иные предметы законным платежным представом,государство побуждает граждан пользоваться этими предметами,как мерилом ценности и орудием обмена.Наоборот с экономической точки зрения,функции денег.как мерила ценности и орудия обмена,являются первичными,а функция денег,как законнаго платежнаго средства,является вторичной:ибо для того,чтобы тот или иной предмет мог удачно исполнять функцию платежнаго средства,он должен быть пригоден, по своей природе,для исполнения двух первых функций.Исторически эти функции задолго предшествуют правовой функции,которая постепенно возникла из них путем медленнаго развития.

Из названных основных функций денег вытекают производныя: как I) средства сохранения ценности (деньги,как сокровище); 2)средства перемещения ценности (при пересылке денег); 3) орудия кредита (при отдаче денег в долг).Каждая из этих производных функций вытекает из каких либо основных,но логически различается от них.Напр., деньги функционируют,как сокровище лишь потому,что они являются орудием обмена и законным платежным средством.Точго также и остальныя производныя функции денег вытекают из основных.

Исполнение предметом функций денег (и,прежде всего,основных их функций) и делает предмет деньгами.Деньги,таким образом, могут быть определены,как предмет,исполняющий в хозяйстве даннаго общества функции всеобщаго мерила ценности,всеобщаго орудия обмена и законнаго платежнаго средства.

Таковы функции денег- и если золото и серебро стали мировыми деньгами,то лишь потому,что именно эти металлы,в силу своих естественных свойств,всего лучше могут выполнять указанныя функции.

Прежде всего они (в новейшее время только золото) всего более пригодны быть мерилом ценности.Единица меры не должна сама подвергаться изменениям в своей величине. Мерило ценности не должно колебаться в своей ценности.И вот мы видим,что ценность драгоценных металлов,хотя и колеблется.но гораздо меньше ценности других товаров. Ценность драгоценных металлов отличается сравнительной устойчивостью.Уже как предмет украшения золото должно колебаться в своей ценности не так сильно,как предметы необходимости (согласно общему закону колебаний цен). Но главное дело в том,что ежегодная добыча золота совершенно ничтожна сравнительно с его запасами в руках общества. Потребление,пользование золотой вещью заключаются не в уничтожении ея (как,напр.,хлеба)а в сохранении. Поэтому запасы драгоценных металлов накапливаются из года в год (конечно часть этих запасов уничтожается в процессе пользования,но эта часть незначительна); и хотя ежегодное производство драгоценных металлов колеблется очень сильно-сильнее,чем,напр., ежегодное производство хлеба- эти колебания незначительны по сравнению с запасом драгоценныхъ металлов в распоряжении общества.

Общий запас золота во всем мире достигал в 1900 г. приблизительно 20 миллиардов рублей. Производство же золота в этом году не достигало и 500 миллионов р.,т.е. сороковой части всего золотого запаса. Значит, если бы производство золота в следующем году даже сильно увеличилось, это очень мало отразилось бы на общем запасе золота в руках общества.

Как орудие обмена,деньги должны быть в экономическом смысле делимы,- их ценность должна быть пропорциональна количеству, не должна исчезать при их разделении на части.

Лошадь,напр., в экономическом смысле неделима.Драгоценные же металлы могут быть подразделяемы на любыя части без всякаго уменьшения ценности.

Затем,опять таки как орудие обмена, деньги должны быть портативны-легко перемещаемы,для чего они должны обладать высокой ценностью,ибо чем выше их ценность (при данном весе) тем меньше расходы на перемещение той же суммы ценности.

И в этом отношении золото, с его высокой ценностью,стоит выше большинства других товаров.Легко себе представить,напримeр,как затруднительно было бы перемещение железных денег,при низкой ценности железа.

Затем для функции денег,как сокровища,очень важна неизменяемость самаго вещества денег при хранении.Благородные металлы,неизменяющиеся под влиянием атмосферических воздействий,особенно пригодны для этой функции денег.Драгоценные металлы обладают далее,однородностью,легкой отличимостью (вес,звон,внешний вид), что также необходимо для орудия обмена.

Вот т* основныя причины,по которым міровыми деньгами стали драгоцѣнные металлы.Только драгоцѣнные металлы обладают в большей или меньше* мѣрѣ, тѣми свойствами которыя требуются от товара,являющагося деньгами- и потому золото и серебро стали всемірными деньгами.Золото и серебро не представляют собой идеальных денег,-но они-наилучшія деньги из всѣх,испробованных человѣчествомъ.

Экономисты XVI- XVII вѣков- меркантилисты- видѣли все богатство страны в деньгах.Конечно они не были так глупы,чтобы думать,будто кром* золота и серебра общество ни в чем не нуждается.Но они были убѣждены, что количество золота и серебра которым располагает страна,опредѣляет ея экономическое могущество и потому разсматривали драгоцѣнные металлы,как богатство по преимуществу. Реакціей против этой точки зрѣнія явилось ученіе Смита,что деньги суть товар,подобный всѣм остальным.Что же такое деньги- товар или нѣчто иное.?

Всякій товар только временно находится в сферѣ обращенія; товар может переходить из рук в руки,перепродаваться много раз,но его конечное назначеніе заключается в том,чтобы выйти из сферы обращенія и перейти в общественное потребленіе. Если тако* переход не осуществится,-товар не исполнил своего естественнаго назначенія,сказался плохим товаром.

Напротив,назначеніе денег именно в том и заключается, чтобы пребывать в сферѣ обращенія,не уходить из нея. В числ* функцій денег нѣт функціи,которая выражалась бы в переходѣ денег в общественное потребленіе.Естественное назначеніе денег заключается не в том,чтобы уходить из обращенія,а чтобы в нем всегда оставаться.

Всякій товар должен обладать способностью удовлетворить тѣм или иным общественным потребностям внѣ сферы обмѣна. Поэтому товар не может не обладать своей собственной цѣнностью; предмет,не обладающій своей* самостоятельной цѣнностью,никогда не может стать товаром и поступить в обмѣн.

Напротив,деньги,как таковыя,не служат никаким потребностям внѣ сферы обращенія; поэтому нѣт ничего невозможнаго в том,что,чтобы деньгами были предметы не имѣющіе никакой собственной самостоятельной цѣнности.Предмет,не удовлетворяющій никакой общественной потребности внѣ сферы обмѣна,может быть деньгами;примѣр бумажныя деньги. Быть может, это плохія деньги;- но плохія деньги-все же деньги.Никто не находит бумажныя деньги товаром; но всѣ признают их свойство быть деньгами.

Итак,деньги,по своей внутренней природѣ,отнюдь не являются товаром. Товар может стать деньгами; но функціонируя в качествѣ денег,он не функціонирует в качествѣ товара- а функціонируя в качествѣ товара,он не функціонирует в качествѣ денег. Глубокое различіе экономической природы денег и товара ярче всего обнаруживается в бумажных деньгах- кусках бумаги,не имѣющих никакой внутренней цѣнности и,тѣм не мен*е, исполняющих всѣ функціи денег (в том числ* и мѣрила цѣнности).

III. Ц ѣ н н о с т ь д е н е г . М*новая цѣнность товаров выражается в деньгах; в свою очередь,мѣновая цѣнность денег выражается во всѣх товарах.Иначе говоря, выраженіем мѣновой цѣнности денег является общій уровень товарных цѣн.Чѣм же опредѣляется общій уровень товарных цѣн? Конечно, золото-товар,цѣна же всякаго товара непосредственно опредѣляется соотношеніем спроса и предложенія,а болѣе отдаленно регулируется издержками производства,зависящими в свою очередь,от трудовых затрат.Цѣна денежнаго товара должна опредѣляться тѣми же факторами,но со своеобразными усложненіями,соотвѣтственно особенностям денежнаго товара.

Высокая цѣнность золота непосредственно опредѣляется незначительностью количества этого товара в распоряженіи человѣчества сравнительно с огромным спросом на него. Этот огромный спрос обусловливается,прежде всего, привлекательностью золота,как предмета украшенія. Даже в настоящее время,когда золото стало денежным металлом всего цивилизованнаго міра,от ¼ до I/3 ежегодной добычи золота идет на промышленныя нужды,а не на нужды денежнаго обращенія.В началѣ 80-х годов прошлаго вѣка,по расчетам Зомбера, на промышленныя нужды затрачивалось больше по-

ловины ежегодной добычи золота,а в тридцатых годах- даже 85%.Промышленный спрос на золото всецѣло объясняется свойствами золота,как предмета потребленія.

Между тѣм,как сказано,запас золота в распоряженіи общества незначителен сравнительно со спросом на него. Эта относительная незначительность золотого запаса объясняется в свою очередь,высокими издержками производства золота,обусловливаемыми техническими причинами-высокой трудовой стоимостью золота.Нужно промыть сотни пудов песку для того, чтобы добыть нѣсколько золотников золота,-в трудности его полученія заключается,без сомнѣнія,основная причина высокой цѣнности золота.

Однако,это еще не объясняет тѣх измѣненій общаго уровня товарных цѣн,иначе говоря, мѣновой цѣнности денег,которыя наблюдаются от времени до времени.Чѣм вызываются эти измѣненія- измѣненіем цѣнности самого денежнаго металла или цѣнности других товаров,покупаемых на деньги?И та и другая причины должны приводить к измѣненію товарных цѣн.Если цѣнность золота,под вліяніем тѣх или иных причин,понижается,а цѣнность других товаров не испытывает перемѣн,то это должно вызывать повышеніе товарных цѣн; но совершенно такое же повышеніе товарных цѣн может быть вызвано и совершенно друго* причиной- повышеніем цѣнности товаров при неизмѣнной цѣнности золота. Результат,по отношенію к товарно* цѣнѣ,будет один и тот же,хотя вызвавшія его причины не имѣют ничего общаго и по всему своему значенію для народнаго хозяйства различаются грубочайшим образом.

В это* формѣ вопрос о причинах измѣненій общаго уровня товарных цѣн,замѣчаемых от времени до времени, является до настоящаго времени одним из наиболѣе спорных в наукѣ. Нѣкоторые экономисты склонны объяснять такія измѣненія преимущественно измѣненіями цѣнности денежных металлов,другіе ищут причин измѣнені* общаго уровня товарных цѣн в условіях производства и сбыта самих товаров.

III. Так.наз. к о л и ч е с т в е н н а я т е о р і я цѣнности денег утверждает,что уровень товарных цѣн в каждой отд*льной странѣ и в кажды* данны* момент опред*ляется, при прочих равных условіях,количеством денег, которым страна располагает. Если,при прочих равных условіях,количество денег в стран* увеличивается,то общій уровень цѣн, согласно это* теоріи,соотвѣтственно повышается,в противном случаѣ соотвѣтственно понижается. Всякое реальное измѣненіе общаго уровня товарных цѣн теорія эта склонна разсматривать,как результат изм*нения количества денежнаго запаса в странѣ.

Если мы обратимся к современному капиталистическому хозяйству,то увидим,что колич*ство денег в странѣ может вліять трояким образом на денежныя цѣны: I) денежныя цѣны могут измѣняться в связи с измѣненіем количества денег, под вліяніем измѣненія общественнаго спроса на товары; 2) денежныя цѣны могут изм*няться, в связи с изм*нением количества денег,под вліяніем измѣненія учетнаго процента (об учетном процентѣ см. сл*д. главу "Кредит"); 3) денежныя цѣны могут измѣняться,в связи с изм*неніем количества денег, чрез посредство общественнаго сознанія- товарныя цѣны измѣняются в этом случаѣ благодаря изм*ненію расцѣнки самих денег. Разсмотрим кажды* из этих случаев отд*льно.

В первом случаѣ вліяніе изм*ненія количества денег на товарныя цѣны наиболѣе непосредственно.Возьмем,напр.,примѣненіе товарных цѣн в Австраліи посл* открытія богатѣйших золотых розсыпей в началѣ пятидесятых годов прошлаго вѣка.Огромное увеличеніе заработков золотоискателей имѣло своим непосредственным сл*дствіем повышеніе заработной платы во вс*х отраслях чернорабочаго,неискуснаго труда приблизительно в 4 раза.Это,в свою очередь, вызвало возрастаніе в нѣсколько раз цѣн на во* предметы непосредственнаго потребленія рабочих,а также и на средства производства,необходимыя для добычи золота. Потом повысились цѣны и на другія товары,но в разл*чной пропорціи.

Подъем цѣн привел к огромному приливу в Австралію товаров из других стран и,главным образом, из Англіи,куда и стало поступать золото, добывавшееся в Австраліи. Круг лиц,среди которых возрос спрос на товары,стал быстро расширяться. Сначала этот круг ограничивался странами

* * *

добычи золота; затем он охватил некоторые особые районы Англии, как, напр. Ланкашир и Бирмингам, которые наиболее участвовали в производстве товаров для Австралии; затем повышательная волна распространилась на те районы, где добывались сырые материалы для ланкаширских и бирмингамских товаров. Таким образом повышательная волна распространилась все дальше и дальше, по концентрическим кругам, падая и падая в то же время по своей высоте.

Нечто подобное наблюдается и при выпусках в большом количестве несоразмерных бумажных денег. Цены на все товары начинают расти, но далеко не одинаково по отношению к отдельным товарам.

Такой характер имеет случай изменения денежных цен под влиянием изменения количества денег-случай, когда цены изменяются непосредственно под влиянием тех перемен в размерах общественного спроса на товары, которые вызываются изменением количества денег. Во втором случае изменения денежных цен, изменение это вызывается ростом или падением учетного процента.

Если деньги приливают в страну или государство выпускает добавочное количество бумажных денег, то учетный процент обычно падает и стоит втечение некоторого времени на низком уровне. Объясняется это тем, что деньги вновь поступающия в обращение данной страны, только отчасти (и нередко, в незначительной части) затрачиваются на покупку новых товаров, отчасти же капитализируются теми лицами, к которым они поступили в виде добавочных доходов и помещаются как вклады в банки. Увеличение кассовой наличности банков побуждает эти послидние понижать учетный процент. В свою очередь понижение учетного процента оказывает известное влияние на товарные цены, вызывая усиленный спрос на капиталы и стимулируя предпринимательство.

С другой стороны удешевление кредита должно вести к увеличению готовности со стороны лиц, нуждающихся в товаре, покупать эти товары, а со стороны лиц, продающих товары, к уменьшению готовности немедленно продавать эти товары, так как выжидание с продажей товаров требует в этом случае меньше затрат по уплате процентов за полученный в ссуду капитал.

Все это вместе создает тенденцию к росту товарных цен. Вот почему понижение дисконтнаго процента, связанное с приливом денег в страну и скоплением их в банках, обычно сопровождается подъемом товарных цен.

Но в этом случае уже совершенно очевидно, что повышение товарных цен отнюдь не имеет тенденции быть строго пропорциональным увеличению количества денег и равномерным для всех товаров. Влияние прилива денег на цены оказывается в этом случае очень косвенным, ибо хотя понижение учетнаго процента и создает известные психические импульсы к подъему цен, но импульсы крайне неопределенные и не подпадающие точному учету.

Наконец, в третьем случае изменения денежных цен под влиянием изменения количества денег- процесс происходит путем понижения расценки самих денег их обладателями. Этот случай можно отличить от перваго: в первом случае товарныя цены изменялись благодаря росту спроса на товары, во втором же случае цены растут потому, что каждый владелец денег начинает их меньше ценить вследствие увеличения их количества.

Если благодаря значительному увеличению в народном хозяйстве количества денег, товарныя цены начинают быстро расти и общественное мнение сознает, что этот рост неизбежен и неустраним, то в обществе начинает распространяться убеждение в невыгодности хранить капитал в виде денег и в предпочтительности превращения его в разнаго рода имущественныя ценности (акции разнаго рода предприятий, земельныя имущества, товары и пр.). Иными словами, является склонность покупать и неохота продавать, что не может не создавать тенденции к подъему цен. В данном случае эта тенденция создается изменяющейся общественной расценкой самих денег, опасением падения ценности денежной единицы и предвидением подъема цен на реальныя ценности-имущества и товары.

Однако, допуская наличность или, вернее, возможность и вероятность этой третьей формы влияния изменения количества денег на цены, не нужно преувеличивать значения этого фактора. Действие его может обнаружиться лишь в случаях особенно резкаго изменения ценности денежной единицы, когда цены растут у всех на глазах столь стремительно, что даже у обывателя и обычнаго капиталиста, чуждаго каким-бы то ни было экономическим теориям, возникает сознание неустойчивости ценности денежной единицы и необходимости учесть этот новый фактор в своем хозяйственном поведении.

Подводя итог сказанному, следует прийти относительно количественной теории к следующим заключениям:

1) изменение количества денег имеет несомненную тенденцию оказывать влияние на денежныя цены;

2) изменение денежных цен в связи с изменением количества денег требует для своего осуществления более или менее продолжительнаго времени и в течение всего этого переходнаго времени отнюдь не бывает равномерным и пропорциональным для всех товаров;

3) в виду этого кратковременныя изменения количества денег могут не оказывать заметнаго влияния как на общий уровень товарных цен, так и на денежныя цены отдельных товаров.

IУ. Трудность проблемы ценности денег заключается в том, что ценность денег управляется существенно иными факторами, чем ценность товаров, почему теория ценности денег не может быть получена путем дедукции из общей теории ценности товаров. Неприменимость трудовой теории ценности к ценности денег явствует уже из того, что ценность имеют не только металлическия деньги, сделанныя из материала, имеющаго трудовую ценность, но и неразменныя бумажныя деньги, которыя никакой трудовой ценности в себе не заключают.

Но и теория предельной полезности также безпомощна по отношению к проблеме ценности денег. "Понятие предельной полезности-правильно замечает Гельферих-предполагает, что определенным количеством хозяйственных предметов может быть удовлетворена определенная потребность, может быть произведен определенный полезный эффект... Это предположение верно по отношению ко всем хозяйственным благам, но не по отношению к деньгам. Тысячью тонн пшеницы можно накормить определенное количество людей совершенно независимо от цены этой пшеницы. Но полезность определенной суммы денег не только по отношению к отдельному хозяину, но и по отношению ко всему народному хозяйству находится в непосредственной зависимости от ценности этих денег. Чем больше ценность единицы денег, тем большее количество товаров может быть обменено при посредстве того же количества денежных единиц... Уже Давид Юм установил, по своему существу, совершенно верное положение, что количество денег, само по себе, совершенно безразлично по отношению к производимому им полезному общественному эффекту, что половина денег, имеющихся в народном хозяйстве при возвышении цены денежной единицы вдвое, производит такой же полезный эффект, как и весь прежний запас."

Со всем этим нельзя не согласиться. Действительно, не ценность денег есть функция их полезности, а их полезность есть функция их ценности, каковая, таким образом, должна быть объяснена как-либо иначе.

К ценности всех товаров хозяйствующие индивиды относятся активно и сознательно: расценивая товары, хозяйствующия лица стремятся выяснить ту реальную пользу, которую они получают от приобретаемаго товара, и в соответствии с этой предполагаемой пользой, лица эти направляют свое собственное хозяйственное поведение. Если цена товара на рынке превышает пользу, которую данное лицо ожидает получить от товара, то товар останется некупленным. Точно также и продавец регулирует свое хозяйственное поведение ценой товара: если цена товара на рынке не дает продавцу обычной прибыли, то продавец воздерживается от продажи. Правда, такое воздержание от продажи возможно лишь в том случае, если у продавца есть основание ожидать, что рыночная цена товара повысится. Если этой уверенности нет, то продавец будет принужден продать товар по какой угодно цене,

лишь бы товар не остался у него на руках. Но в этом случаѣ, в слѣдующем непроизводственном періодѣ, товар, цѣна котораго упала ниже норм, будет поставлен на рынок в меньшем количествѣ, что и явится фактором повышенія цѣны товара.

В этом и сказывается активное отношеніе покупателей и продавцов товарной цѣнѣ. Товарная цѣна строится, в большей или меньше" отепени, на основаніи сознательных расцѣнок; если же реальная рыночная цѣна не соотвѣтствуют расцѣнкам заинтересованных лиц, то эти лица реагируют соотвѣтствующим поведеніем на данную цѣну и измѣняют ее в свою пользу.

Благодаря связи (правда, далеко не полной) между сознательными расцѣнками и товарной цѣной, посл дняя может быть объяснена общей теоріей хозяйственных расцѣнок. Правда, и в товарной цѣнѣ имѣются безсознательные элементы, но эти элементы не составляют всего существа товарной цѣны и не препятствуют преобладанію в товарной цѣнѣ чисто раціоналистических элементов.

Совсѣм иное слѣдует сказать относительно денег. Деньги не являются предметом самостоятельных расцѣнок (т.е. расцѣнок внѣ связи с покупательно" силой денег), цѣнность их создается совсѣм иным путем и воспринимается каждым участником мѣнового оборота совершенно пассивно, как нѣчто объективно данное и не могущее быть измѣненным. Какова бы ни была цѣнность денег, это не вліяет на хозяйственное поведеніе лиц, участвующих в мѣновом оборотѣ. Только государство, выпускающее новые денежные знаки в обращеніе, может ставить себѣ цѣлью повліять на цѣнность денежной единицы в том или другом направленіи, но и то обычно такія задачи не преслѣдуются государственной властью, относящейся, как общее правило, к цѣнности денежной единицы столь же пассивно, как и любой частный человѣк.

Цѣнность денег есть всецѣло соціальное явленіе, продукт стихійных безсознательных народнохозяйственных процессов. Вот почему общая теорія цѣнности товаров не может объяснить цѣнности денег. Теорія предѣльной полезности отправляется от предположенія, что цѣнность есть результат сознательных оцѣнок оцѣнивающаго субъекта. Между тѣм цѣнность денег является перед нами, как нѣчто объективно данное всей совокупностью мѣновых отношеній. Деньги сами по себѣ никогда не оцѣниваются нами, мы" их цѣним лишь как средство пріобрѣсть тѣ или иные хозяйственные предметы. Но сколько именно можно получить хозяйственных предметов в обмѣн на данную сумму денег, это зависит не от нашей воли, а от объективных условій рынка, и какова бы ни была цѣнность денег, иначе говоря, их покупательная сила, это ни малѣйшим образом не вліяет на наше отношеніе к деньгам; и при малой, и при большой цѣнности денег, онѣ в равной мѣрѣ будут израсходованы, как орудіе обмѣна или платежное средство, ибо ни на что иное деньги не нужны.

Если бы мы предположили очень значительное увеличеніе количества денег в странѣ (что наблюдается почти исключительно при выпусках в странѣ бумажных денег), то мы должны были бы ожидать и соотвѣтствующаго подъема товарных цѣн (конечно не строго равном*рнаго и пропорціональнаго для всѣх товаров, но н*сколько приближающемуся к таковому.).

Однако, для экономической науки гораздо важнѣе выяснить факторы цѣнности денег, независимые от изм*ненія количества денег. Дѣло в том, что незначительныя измѣненія количества денег обычно не оказывают сами по себѣ никакого вліянія на общій уровень товарных цѣн, по причинам, которыя были разъяснены в предыдущей главѣ. Значительныя же измѣненія количества денег происходят почти исключительно при выпусках бумажных денег. Правда, в исторіи добычи драгоцѣнных металлов мы знаем эпохи, когда мірова добыча того или иного благороднаго металла значительно возрастает или сокращается. Эпохи значительнаго роста мірової добычи благородных металлов переживались неоднократно, напр., в XVI столѣтіи, посл открытія Америки, затѣм в пятидесятых годах прошлаго вѣка, послѣ открытія калифорнійских и австралійских золотых розсыпей. Напротив, первая половина прошлаго вѣка была временем значительнаго сокращенія добычи благородных металлов, точно также, как и 70-е и 80-е годы того же вѣка.

Однако, из весьма значительнаго измѣненія мірової добычи благородных металлов в различныя историческія эпохи было бы неправильно дѣлать заключеніе, что столь же значительно измѣнялось количество денег в народном хозяйствѣ. Дѣло в том, что наличные запасы благородных металлов в обращеніи всего мира так громадны сравнительно с ежегодной добычей этих металлов, что даже самыя значительныя колебанія добычи очень слабо отражаются на величинѣ этих запасов.

Так, напр., считают, что в настоящее время ежегодная мірова добыча золота составляет всего около 2-3% мірового запаса золота. Если бы мірова добыча золота внезапно удвоилась, то на общем запасѣ золота это отразилось бы едва замѣтно. Правда, если бы добыча золота возрастала втеченіе ряда лѣт, то это в концѣ концов, значительно отразилось бы и на мірових запасах золота. Но вѣдь нужно принять в соображеніе, что за ряд лѣт измѣнилось бы не только количество золота, но и количество других товаров, продаваемых на рынках всего міра, а также глубоко измѣнились бы общія условія мірового хозяйства. За десято-другой лѣт в наше быстро идущее время выростают цѣлыя новыя отрасли промышленности, создаются совершенно новыя условія кредита, открываются новые мірові рынки, дѣлают огромные успѣхи промышленность и торговля и т.д и т.д.

Все это существенно измѣняет цѣнность денег и различных направленіях, и, таким образом, вліяніе увеличенія добычи благородных металлов болѣе или менѣе нейтрализуется и почти не чувствуется рынком. Вот почему, когда дѣло идет о металлических деньгах, измѣненіе цѣнности их почти никогда не приходится ставить в связь с их количеством: для коротких періодов времени количество благороднаго металла можно практически считать стаціонарным, а при больших періодах времени мѣняется столько факторов цѣнности денег, что вліяніе количественнаго фактора учесть невозможно.

Только в области бумажно-денежнаго обращенія, когда количество денег в то" или ино" странѣ измѣняется очень быстро и в огромных размѣрах, вліяніе этого фактора может быть учтено в полной мѣрѣ. При этом имѣет значеніе также и то обстоятельство, что бумажныя деньги, по самой свое" природѣ, являются деньгами только в предѣлах даннаго государства и, кромѣ того, не могут пр*обрѣтать характера товара, превращаясь в предметыпотребленія, как металлическія деньги, которыя, с одной стороны, являются мірови*и дкньгами, а с другой стороны, имѣют промышленное примѣненіе, будучи обращаемы в предметы украшенія. По всѣм этим причинам, только в области бумажных денег, вліяніе на цѣнность денег количественнаго фактора выступает с полной ясностью и опредѣленностью.

В области же металлических денег о количественном факторѣ говорить не приходится почти никогда.

Всѣм хорошо извѣстны правильныя періодическія колебанія товарных цѣн, охватывающія приблизительно десятилѣтія. Колебанія эти находятся в связи с тѣм характерным явленіем капиталистическаго строя, которое было названо автором этой книги промышленным циклом (о промышленном циклѣ см. послѣднюю главу этого курса "Кризисы капиталистическаго хозяйства"). В восходящем фазисѣ промышленнаго цикла товарныя цѣны растут; затѣм сл*дует кризис, и цѣны начинают падать, чѣм характеризуется нисходящій фазис промышленнаго цикла. Промышленный цикла представляет собой типичное явленіе современнаго хозяйства и наблюдается во вс*х капиталистических странах с большей или меньшей правильностью.

Относительно этих періодических колебаній денежних цѣн не может быть никакого сомнѣнія, что они не находятся ни в малѣйшей связи с колебаніями количества денег. Между тѣм, колебанія эти весьма значительны.

Отсюда видно, что цѣнность денег может весьма значительно изм*няться совершенно независимо от изм*ненія количества денег в народном хозяйствѣ. Относительно прочин изм*ненія цѣнности денег в болѣе продолжительные промежутки времени, напр., в эпоху великой революціи цѣн, в 60-х годах и в новѣйшую эпоху вздорожанія жизни, в экономической литературѣ идут споры: одни экономисты ставят эти измѣненія цѣн в связь с измѣненіем количества денег, другіе такую связь отрицают.

Нам эта связь кажется весьма сомнительной и, мы считаем болѣе пра-

вильным объяснить и эти колебанія цѣнности денег по аналогіи с колебаніями денежных цѣн в болѣе короткіе промежутки времени. Во всяком случаѣ только измѣненія цѣнности денег втого посл дняго рода, находящіяся в связи с фазисами промышленнаго цикла, могут считаться объясненными наукой в достаточной степени.

Здѣсь не мѣсто развивать теорію промышленнаго цикла. От чего бы не зависѣло движеніе промышленнаго цикла, во всяком случаѣ, ясно, что в измѣненіи общаго уровня денежных цѣн, сопутствующем движенію промышленнаго цикла, отражается общее состояніе промышленной конъюнктуры. Иначе говоря, нужно признать, что цѣнность денег непосредственно опредѣляется общим состояніем или, как говорят, конъюнктурой товарнаго рынка.

Конъюнктура эта представляет собой нѣчто в высокой степени измѣнчивое во времени. В восходящем фазисѣ промышленнаго цикла конъюнктура благопріятствует подъему товарных цѣн, иначе говоря, паденію цѣнности денег. Объясняется это ростом в это время спроса на всевозможные товары. И хотя в этом фазисѣ быстро возрастает также и предложеніе, но спрос растет еще быстрѣе предложенія.

Каким же образом спрос на товары может возрастать при неизмѣнном количествѣ денег? Д ло устраивается слѣдующим образом: с одно" стороны увеличивается скорость оборота денег, благодаря чему та же сумма денег, оборачиваясь быстрѣе, соотвѣтственно умножает свою покупательную силу. С другой стороны, значительно возрастает кредит, являющійся самостоятельной сило" наравнѣ с наличными деньгами.

Таким образом, при благопріятно" конъюнктурѣ оказывается возможным значительный рост товарных цѣн (иначе говоря, значительное паденіе цѣнности денег) при неизмѣнном количествѣ денег в народном хозяйствѣ. Обратное происходит в нисходящем фазисѣ промышленнаго цикла, при неблагопріятной конъюнктурѣ товарнаго рынка.

Если оставить в сторонѣ случаи быстраго и значительнаго увеличенія количества денег (что имѣет мѣсто почти исключительно при выпусках бумажных денег), то почти никогда причины этих измѣненій не заключаются в измѣненіи количества денег в народном хозяйствѣ. Количественная теорія имѣет, таким образом, примѣненіе только к бумажно-денежному обращенію.

Конъюнктурная теорія цѣнности денег была развита автором этого курса в книгѣ "Бумажныя деньги и металл" (1917). Что касается количественной теоріи денег, то она мною не отвергается, но признается не имѣющей практическаго значенія в случаях металлическаго денежнаго обращенія. В случаях же бумажно-денежнаго обращенія я становлюсь на почву количественной теоріи-Карл Маркс- по отношенію к явленіям бумажноденежнаго обращенія также принимал количественную теорію.

У. М о н е т а и д е н е ж н ы я с и с т е м ы. Хотя деньги возникли как результат стихійнаго процесса обмѣна, тѣм не менѣе для своего полнаго развитія онѣ требуют санкціи государственной власти, признающей данный предмет деньгами, т.е. законным платежным средством. Такая государственная санкція требуется самим существом денег, как законнаго платежнаго средства. Свою специфическую форму- форму монеты-деньги принимают лишь благодаря государству. Монета есть с л и т о к денежнаго металла, на котором отпечатаны извѣстные знаки, как удостовѣреніе того, что данному слитку государство присваивает опредѣленную платежную силу. Первоначальная форма монет была весьма разнообразна: были овальныя монеты, восьмиугольныя, четыреугольныя и др. Но в конц" концов восторжествовала форма диска что имѣлись свои основанія. Чтобы монеты удовлетворительно выполняли свои функціи, необходимо, чтобы ея дѣйствительны" вѣс соотвѣтствовал удостовѣряемому чеканкой. Поэтому, необходимо придавать монетѣ такую форму, при которой она бы наименѣе стиралась при употребленіи, а такой формой и является форма диска. Всего болѣе соотвѣтствовала бы этой цѣли форма пара, но такія монеты были бы неудобны в обращеніи.

Монеты из числаго золота или серебр были бы слишком мягки и скоро бы стирались. Поэтому их чеканят с примѣсью неблагородных металлов (лигатурой). Лигатура обычно составляет I/I0 вѣса монеты (золотыя монеты

81

россіи, Латинскаго монетнаго союза-Германіи, Австро-Венгріи, Соединенных Штатов; но в Англіи лигатура составляет I)I2 вѣса золотой монеты). Примѣсь лигатуры увеличивает твердость монеты. Тѣм не менѣе монеты стираются. Границы допускаемых уклоненій вѣса монеты от установленнаго образца опредѣляются законом, и монеты низшаго вѣса извлекаются из обращенія.

Монеты бывают полноцѣнныя и неполноцѣнныя или билонныя. Первыя чеканятся из благородных металлов и являются в неограниченном размѣрѣ законным платежным средством, в соотвѣтствіи с установленным законом их вѣсом. Вторыя чеканятся из неблагородных металлов (или из серебра, но не полноцѣннаго, т.е. с меньшим вѣсом, чѣм слѣдовало бы по цѣнности монеты) и служат для мелких сдѣлок; их пріем в уплату по обязательствам ограничен опредѣленной суммой. Билонная монета не является, слѣдовательно, законным платежным средством в неограниченном размѣрѣ, и только государство принимает ее в неограниченном размѣрѣ при уплатѣ податей.

Денежно" единицей (валютой) называется установленная государством платежная единица. Металл денежно" единицы является мѣрилом цѣнности товаров. Денежная единица даннаго государства в связи со всѣми подраздѣленіями образует собой денежную систему. Для новѣйшаго времени можно различать (поскольку денежной единицей являются металлическія деньги) два основных типа денежных систем: монометаллическую и биметаллическую денежныя системы,-денежной единицей являются или монета из одного металла (монометаллическая система), или же денежной единицей являются монеты из двух металлов в установленном законом соотношеніи при свободѣ чеканки обоих металлов (биметаллическая система).

Этими двумя системами не исчерпываются всѣ возможные типы денежных систем. Система биметаллизма предполагает свободу чеканки обоих металлов, а эта свобода была совершенно неизвѣстна болѣе раннему времени, так как чеканка денежнаго металла разсматривалась как источник доходов государства. Тѣм не менѣе, в болѣе ранних денежных системах денежной единицей обычно был не один металл, а оба благородных металла- и золото и серебро.

М о н о м е т а л л и ч е с к а я система не представляет никаких трудностей для своего пониманія; при ней монета из одного какого-либо металла (золота или серебра) признается денежной единицей. Это не значит, что при монометаллической системѣ монеты чеканятся лишь из одного металла, но только монеты из одного металла являются законным платежным средством в неограниченном размѣрѣ.

Среди ранних денежных систем с двумя металлами можно раздичать альтернативную и параллельную денежную систему. В первом случаѣ допускалось производство платежей по всѣм обязательствам монетой того или другого металла, по усмотрѣнію должника. Во втором случаѣ для одних обязательств признавался законным платежным средством один металл, для других-другой. Сюда же нужно отнести и тѣ денежныя системы, при которых особому соглашенію между кредитором и должником представлялось рѣшить, в каком металлѣ должна быть произведена уплата.

В настоящее время государственная власть повсемѣстно признает основным правилом монетно" политики свободу чеканки денежнаго металла- государство принимает на себя обязательство за небольшую плату, соотвѣтствующую расходам чеканки (или даже без всякой платы), чеканить в туземную монету любое количество слитков соотвѣтствующаго металла, которое будет доставлено частными лицами. Конечно, эта свобода чеканки не распространяется на билонную монету.

При биметаллической же системѣ денежной единицей одновременно являются монеты из двух металлов (золота и серебра), которыя свободно чеканятся, причем закон устанавливает соотношеніе цѣнностей монеты из того и другого металла. Законным платежным средством (в неограниченном размѣрѣ), являются монеты из обоих металлов.

Биметаллическая система наталкивается на слѣдующее затрудненіе. Отношеніе на мірovом рынкѣ цѣнности золота и серебра, как товаров, опредѣляется своими условіями, на которыя государственная власть может вліять

лишь в ограниченной степени. Поэтому на мировом рынкѣ отношеніе цѣнности обоих металлов в слитках легко может разойтись с установленным в данном государствѣ законом отношеніем цѣнности их в видѣ монеты. Но еще в XVI вѣкѣ в Англіи было замѣчено, что в обращеніи не могут одновременно держаться монеты различной внутренней цѣнности. Монета в Англіи была сильно испорчена. Англійское правительство старалось улучшить ея качество пуская в обращеніе полноцѣнную монету. Оказалось, однако, что полноцѣнная монета не могла вытѣснить из обращенія неполноцѣнную-наоборот полноцѣнная монета исчезала из обращенія и на рынкѣ оставалась лишь испорченная монета. Правительство боролось всѣми мѣрами против этого зла, но ничего подѣлать не могло. Механизм этого явленія был объяснен Грэшамом, почему соотвѣтствующее объясненіе и называют "законом Грэшама". Так как испорченныя монеты были таким же законным платѣжным средством, как и не испорченныя, то никому не было расчета и охоты платить хорошей монетой. Всякій стремился расплачиваться дурной монетой, хорошая же переплавлялась в слитки и продавалась на рынкѣ, как слиток, по болѣе высокой цѣнѣ. "Закон Грэшама" заключается, таким образом, в том, что если в обращеніи имѣются монеты неодинаковой внутренней цѣнности (т.е. неодинаково цѣнныя с точки зрѣнія цѣнности содержащагося в них металла), но в равной мѣрѣ являющіяся законным платежным средством, и если притом менѣе цѣнныя монеты имѣются в обращеніи в количествѣ, достаточном для удовлетворенія потребностей обращенія, то монеты менѣе цѣнныя вытѣсняют из обращенія болѣе цѣнныя монеты. "Этот закон Грэшама" вполнѣ приложим и к явленіям биметаллическаго обращенія.

Предположим, напр., что на муровом рынкѣ слитки серебра падают ниже той нормы, которая принята в данному государствѣ законом-государство, - напр., фиксирует отношеніе цѣнности золотой и серебряной монетой, как I:I5,5, на а на мѣровом рынкѣ за I фунт золота в слитках дают не I5½ фунт. серебра, а I7 фунтов. Тогда, если существует свобода чеканки серебряных монет, т.е., если государство чеканит на любую сумму и, притом, безвозмездно или почти безвозмездно, серебряные слитки доставляемые частными лицами, всякій может из слитка серебра в I5½ ф. начеканить серебряной монеты, которую обмѣняет в данном государствѣ на фунт золотых монет, а затѣм фунт золота в слиткѣ продать за границей не по номинальной цѣнѣ, а по рыночной - значит за I7 фунтов серебра. Эта операція и столько выгодна, что, при наличности свободной чеканки серебра, она должна быстро извлечь золотую монету из обращенія данной страны. Золотая монета будет переплавлена в слитки и уйдет за-границу, гдѣ существует свободный рынок обоих металлов, а мѣсто ея займет серебряная монета, которая будет чеканиться из слитков. Таким образом, монета менѣе цѣнная на мировом рынкѣ (выше расцѣненная законом) останется в странѣ, а болѣе цѣнная на мировом рынкѣ (ниже расцѣненная законом) уйдет из страны.

Итак, при биметаллической системѣ, в том случаѣ, когда на мировом рынкѣ цѣна одно из двух денежных металлов падает ниже того, как он расцѣнивается в данном государствѣ по закону, металл, упавшій в цѣнѣ, остается в обращеніи, а металл, цѣна котораго на мировом рынкѣ выше, уходит из обращенія. Оба металла могут одновременно существовать в обращеніи, при биметаллической системѣ, лишь в том случаѣ, когда они расцѣниваются на мировом рынкѣ также, как они расцѣнены и в данном государствѣ по закону.

В большинствѣ стран Европы в прежнее время обращались как золотыя, так и серебряныя монеты; и тѣ и другія признавались в неограниченном размѣрѣ законным платежным средством. Тѣм не менѣе, так как свободы чеканки не было, одна монета не вытѣсняла другую. Свобода чеканки серебра впервые вводится в Англіи в I666 г. В I7I7 г. признается законным платѣжным средством, наряду с серебром, и золотая монета, которая, вмѣстѣ с тѣм, свободно чеканится монетным двором. Таким образом, в Англіи водворяется система биметаллизма. Однако, в скором времени цѣна золота в слитках падает на мировом рынкѣ ниже отношенія золота к серебру, принятаго в Англіи законом, и Англія мало-по-малу, теряет серебро. В I774 году закон признает только золото законным платежным средством в неограниченном размѣрѣ, - Англія переходит к золотому монометаллизму.

82

Напротив, во Франціи в I803 г. была установлена биметаллическая денежная система. Золотыя и серебряныя полноцѣнныя монеты признавались в равной мѣрѣ законным платежным средством (в неограниченном размѣрѣ). Допускалась свободная чеканка и золота и серебра, причем отношеніе цѣнности золотой и серебряной монеты было установлено законом, как I:I5½. Первоначально это отношеніе приблизительно соотвѣтствовало рыночному. Но очень скоро цѣна серебра в слитках понизилась на мировом рынкѣ на нѣсколько процентов. Под вліяніем этого серебряная монета стала замѣщать золотую. Открытіе калифорнійских розсыпей и австралійских рудников понизило в 50-х годах также незначительно цѣнность золота по отношенію к серебру, и золотая монета стала замѣщать во Франціи серебряную.

Во всяком случаѣ, биметаллическая система держалась, так как рыночныя отклоненія цѣнностей благородных металлов от принятаго во Франціи закона были не велики. В I865 году Франція, Бельгія, Швейцарія и Италія заключили так наз. Латинскій монетный союз: каждое государство принимало ту же биметаллическую денежную систему и обязывалось чеканить золотую и серебряную полноцѣнную монету в неограниченном количествѣ. В I867 г. к этому союзу присоединились еще Греція и Румынія.

В 70-е годы в исторіи денежнаго обращенія Европы наступает новая эпоха. В теченіе 50-х и 60-х годов произошло громадное увеличеніе производства золота. Это вызвало стремленіе нѣкоторых государств перейти от серебряной к золотой валютѣ. Так в I872 г. к золотой валютѣ перешли Скандинавскія государства, нѣсколько позже Голландія. В I87I г.-73г. вводится золотая валюта (вмѣсто серебряной) и в Германіи, которая надѣялась произвести этот переход тѣм легче, что она получила послѣ войны с Франціей 5-милліардную контрибуцію. Денежной единицей была признана золотая марка (вмѣсто прежняго серебрянаго талера). План Германіи был очень прост: в Германіи был очень большой запас серебряных монет (талеров), их предполагалось извлечь из обращенія, обратить в слитки и продать. Покупатели же слитков могли бы отправить серебро во Францію для перечеканки в серебряную французскую монету и обмѣна ея на золото, а взамѣн его получить золото. Операція эта началась в Германіи с I873 г. Серебро хлынуло из Германіи во Францію и другія страны Латинскаго монетнаго союза (гдѣ производилась свободная чеканка серебра). Под непосредственным вліяніем продаж серебра Германіей и, еще болѣе, того факта, что в цѣлом рядѣ стран Западной Европы серебро перестало быть денежным металлом и, значит, лишилось чрезвычайно важнаго рынка, цѣна серебра на мировом рынкѣ стала падать и скоро стала значительно ниже отношенія I:I5½, принятаго Латинским монетным союзом. Этому паденію содѣйствовало и одновременное увеличеніе производства серебра в Америкѣ. Если бы биметаллическая система в Латинском монетном союзѣ оставалась в силѣ, то страны Латинскаго монетнаго союза должны были бы потерять свое золото и в этих странах серебро вытѣснило бы золото. Это казалось нежелательным, и в I874 г. Франція ограничила, а в I878 г. и совсѣм прекратила свободную чеканку серебра (также поступили и другія страны Латинскаго монетнаго союза).

Таким образом, в странах Латинскаго денежнаго союза фактически прекратилось существованіе биметаллической денежной системы и водворилась новая денежная система-система так называемой х р о м а ю щ е й валюты. Золото в этих странах свободно чеканится, но серебро чеканится только в ограниченном количествѣ по усмотрѣнію государственной власти для нужд денежнаго обращенія. Тѣм не менѣе, старыя 5-франковыя полноцѣнныя серебряныя монеты является таким же законным платежным средством, как и золото. Что же является в этом случаѣ мѣрилом цѣнности? золото или серебро? Так как серебряный слиток не может быть превращен, по желанію его собственника, в монету, то и исчезает всякая связь цѣнности слитка серебра с цѣнностью серебряной монеты. Цѣнность серебряных монет регулируется в этом случаѣ цѣнностью золотой монеты, которую можно получить в обмѣн на серебряную монету (подобно тому, как цѣнность билонной моне-

ты регулируется цѣнностью полноцѣнной монеты, которую можно получать в обмѣн.)

Если за каждыя четыре серебряных 5-франковых монет дают одну золотую монету в 20 франков, то и цѣнность 5-франковой серебряной монеты должна равняться 1/4 цѣнности 20-ти франковой монеты. Мѣрилом цѣнности, слѣдовательно, является в этом случаѣ золото, а серебро аналогично билонной монетѣ, с тѣм, однако, существеннымъ различіем, что пріем билонной монеты ограничен, а пріем полноцѣнной серебряной монеты неограничен.

Система хромающей валюты отличается, таким образом, от биметаллизма тѣм, что в ней м ѣ р и л о м ц ѣ н н о с т и является лишь о д и н металл-золото; от золотого же монометаллизма она отличается тѣм, что в ней законным платежным средством (в неограниченном размѣрѣ) являются монеты из д в у х металлов-как золотыя, так и полноцѣнныя серебряныя, каковых в странах Латинскаго монетнаго союза имѣется до 3 милліардов франков (полноцѣннаго серебра).

Под вліяніем, с одной стороны, прекращенія свободной чеканки серебра, а с другой- огромнаго увеличенія производства этого металла-цѣна серебра на міровом рынкѣ стала сильно падать, и в 1902 г. стала уже в 39 раз ниже цѣны золота (затѣм она нѣсколько поднялась). Мір раздѣлился на страны золотой валюты (Европа, Сѣверная Америка, Австралія) и серебряной (Азія и Южная Америка). Пониженіе цѣны серебра повело к тому, что продукты стран с серебряною валютой получили бы как бы вывозную премію, а продукты стран с золотою валютою как бы были обложены пошлиной при ввозѣ. Чѣм ниже была, напримѣр, цѣна серебряной индійской рупіи, тѣм больше серебряных рупій (при той же золотой цѣнѣ) выручал экспортер пшеницы, вывозившій пшеницу из Индіи в Европу. В то же время чѣм ниже была цѣна серебряной рупіи, тѣм меньше золотых фунтов стерлингов выручал англійскій хлопчатобумажный фабрикант, продававшій свой ситец в Индіи по той же серебряной цѣнѣ. Страны с серебряной валютой получили, таким образом, по отношенію к вывозу своих товаров, существенныя преимущества сравнительно со странами золотой валюты. На этой почвѣ возникла агитація в Европѣ и Америкѣ в пользу возстановленія биметаллизма. За биметаллизм высказывались всѣ тѣ, кто считал для себя невыгоднымъ паденіе цѣны серебра. Так, в Америкѣ руководителями этой агитаціи были владѣльцы серебряных рудников, в Европѣ-землевладѣльцы (расчитывавшіе на повышеніе хлѣбных цѣн при возстановленіи биметаллизма), экспортеры разных товаров на Востокъ. В Англіи на биметаллизм были, по тѣм же причинам хлопчато-мажные фабриканты. Агитація особенно усилилась в 80-х годах прошлаго вѣка, когда европейская промышленность была в сильном застоѣ и предприниматели жаловались на необыкновенно низкій уровень товарных цѣн. Было устроено нѣсколько международных конференцій по вопросу о биметаллизмѣ, не давших, однако никаких практических результатов.

Однако, мало-по-малу агитація в пользу биметаллизма стала ослабѣвать и теперь почти прекратилась. Дѣло в том, что золото окончательно побѣдило на міровом рынкѣ. В 1893 г. прекратила свободную чеканку серебра Индія: хотя паденіе цѣны серебра и благопріятствовало вывозу индійских товаров в Европу, но государственное казначейство Индіи испытывало, благодаря этому паденію, огромныя затрудненія, так как чѣм ниже была золотая цѣна рупій, тѣм больше рупій приходилось платить по иностранным обязательствам государства. Кромѣ того, существованіе в Индіи валюты, колеблющейся в своей цѣнности по отношенію к золоту-валютѣ всей Европы-затрудняло торговыя сношенія с Европой и задерживало прилив в Индію европейскаго капитала, в котором Индія, как страна, бѣдная капиталом, крайне нуждалась. Единственным средством прекратить паденіе курса рупіи было прекращеніе свободной чеканки серебра-послѣ этого цѣнность рупіи порвала всякую связь с цѣнностью серебра. Японія прямо перешла от серебряной валюты к золотой. Добыча золота (благодаря открытію трансваальских розсыпей) чрезвычайно увеличилась, и теперь можно думать, что мало-по-малу весь мір перейдет к золотой валютѣ, а, таким образом, естественно исчезнут и затрудненія международной торговли, создаваемыя тѣм

обстоятельством, что в разных странах міра господствуют различныя валюты. В настоящее время серебряная валюта сохранилась только в Китаѣ.

IУ. Б у м а ж н ы я д е н ь г и. Деньги возникли как естественный результат роста товарнаго обмѣна; и деньгами стали товары, имѣвшіе наиболѣе обезпеченный сбыт. Но деньги в видѣ металла суть сам продукт труда, и очень большого; пересылка их также требует труда. Металлическія деньги весьма дорогоу орудіе обмѣна и общество должно затрачивать значительную часть своего труда на созданіе и поддержаніе в годном видѣ этого орудія обмѣна, которое, как таковое, никакими другими общественным потребностям не служит.

Для общества было бы очень выгодно, если бы было возможно создать такія деньги, которыя ничего не стоили бы обществу, а представляли бы собой лишь просто условные знаки. В этом и заключается идея бумажных денег, простых бумажных знаков-символических изображеній денег, которыя должны замѣнять металлическія деньги в обращеніи и исполнять всѣ их функціи.

Б у м а ж н ы м и деньгами в строгом смыслѣ слова, могут быть названы лишь такіе бумажные денежные знаки, которыя исполняют всѣ т р и основныя ф у н к ц і и денег.-орудія обмѣна? мѣрила цѣнности и законнаго платежнаго средства. Поэтому размѣнные бумажные денежные знаки (т. е. обмѣниваемые выпускающим их учрежденіем на металлическія деньги) не суть бумажныя деньги, ибо цѣнность размѣниваемых денежных знаков опредѣляется звонкой монетой, получаемой в обмѣн. Только неразмѣнные бумажные денежные знаки, являющіеся орудіем обмѣна и законным платежным средством, суть бумажныя деньги в собственном смыслѣ слова.

Чѣм же опред ляется цѣнность бумажных денег? По своей формѣ бумажныя деньги суть обязательства государства или выпускающаго их учрежденія уплатить их предъявителю опредѣленную сумму звонкой монетой. Формально онѣ-как бы безсрочный вексель, который соответствующее учрежденіе выдаст на себя. И подобно тому, как цѣна всякаго долгового документа опред ляется, прежде всего, степенью увѣренности в уплатѣ долга, так, можно было бы думать, и цѣнность бумажных денег должна опред ляться тѣми же соображеніями.

Однако, на самом дѣлѣ это не так. Цѣна долгового документа никогда не может быть в ше долговой суммы, слѣдуемой по нему. А цѣна бумажных денег может быть как ниже, так и выше звонкой монеты, на которую онѣ обозначены.

Так, напр., австрійскія бумажныя деньги обозначались прежде на серебряные гульдены; в 1892 г. австрійскій бумажный гульден цѣнился на золото в Берлинѣ в 170 пфенигов, в то время, как цѣна серебрянаго слитка такого же вѣса, как и серебряный гульден, была в Берлинѣ же 130 пфенигов- бумажный гульден поднялся по своей цѣнѣ на 31% выше соотвѣтствующаго количества серебра. Курс серебрянаго гульдена был такой же, как и бумажнаго,-бумажный гульден, который раньше стоял по сравнительному курсу ниже серебрянаго, мало-по-малу не только сравнялся с серебрянымъ, но и поднялся значительно выше серебра, подняв вмѣстѣ с собой и серебряный гульден, курс котораго также на 31% стал превышать цѣну серебрянаго слитка такого же вѣса (конечно свободной чеканки серебра в Австріи не производилось). Этот примѣр показывает совершенно ясно, что бумажныя деньги имѣют свою самостоятельную цѣнность, а не заимствуют ее от обязательства уплатить по ним опредѣленную сумму звонкой монетой.

В странѣ, в которой бумажныя деньги существуют долгое время (как, напримѣр, это было в Россіи или в Австріи), обязательство государства уплатить по своим бумажным деньгам звонкой монетой утрачивает всякое значеніе в качествѣ фактора, опредѣляющаго цѣнность бумажных денег, ибо обязательство это не исполняется и никакого реальнаго значенія не имѣет. Бумажныя деньги становятся самостоятельным мѣрилом цѣнности, так как населеніе привыкает к этим деньгам ими измѣряет цѣнность всѣх товаров: даже звонкая монета становится в этом случаѣ как бы товаром, цѣнность котораго измѣряется бумажными деньгами, а не наоборот.

Переходя к опредѣленію факторов, устанавливающих цѣнность бумажных денег, необходимо, прежде всего, строго разграничить цѣнность бумажных

денег в звонкой монетѣ и цѣнность бумажных денег в товарах вообще.

Как общее правило, звонкая монета имѣет болѣе высокую цѣнность в бумажных деньгах, чѣм бумажныя деньги той же номинальной цѣнности. Этот избыток цѣнности звонкой монеты сравнительно с бумажными деньгами называется л а ж е м. Допустим, напримѣр, что за золото" рубль на рынкѣ дают I р. 50 коп. бумажных; в таком случаѣ 50 к., которыя нужно прибавить к бумажному рублю, чтобы пріобрѣсти золотой, будут лажем. Напротив, если бумажныя деньги цѣнятся выше маталлических, то мы имѣем перед собой так назыв. л и з а ж і о. Послѣднее является исключеніем-обычно же на звонкую монету при бумажноденежном обращеніи (т.е. при господствѣ неразмѣнных бумажных денег) существует лаж. Чѣм же опредѣляется лаж?

Выясним процесс возникновенія лажа на гипотетическом примѣрѣ. Допустим, что государство выпускает на I00 милліонов рублей бумажных денег для оплаты заказанных за-границей судов, пушек и пр. За-границей бумажныя деньги даннаго государства не могут служить платежным средством, -заграничным же поставщикам необходимо золото. Но в распоряженіи государственной власти золота нѣт, -оно платит бумажными рублями; очевидно, его заграничные поставщики только для того примут бумажные рубли, чтоб" немедленно обмѣнять их на золото. В концѣ концов, бумажные рубли вернутвя обратно в выпустившѣе их государство, а из послѣдняго уйдут на тѣ же I00 мил. рублей звонкой монеты.

Пусть выпуски бумажных денег продолжаются; звонкая монета все больше и больше будет замѣщаться в государствѣ бумажными деньгами. Наконец в нем совсѣм не останется в обращеніи звонкой монеты, -она вся будет замѣщена бумажными деньгами. Пока в странѣ звонкая монета не вытѣснена из обращенуя, нѣт необходимости для появленія лажа. Полоэеніе мѣняется, когда в странѣ звонкой монеты уже нѣт, а выпуски бумажных денег продолжаются; пусть пріобрѣтаются еще на I00 мил. суда и пушки, для чего дѣлается новый выпуск кредитных рублей в ту же сумму. Чѣм может уплатить страна своим заграничным поставщикам? Вѣдь золота у нея уже нѣт. Возникает трудная, даже как будто неразрѣшимая, проблема. Единственными деньгами в странѣ являются бумажныя деньги, которыя другим странам совершенно не нужны. А уплату нужно все-таки произвести. Эта трудная задача разрѣшается появленіем лажа, и, благодаря лажу страна расплачивается со своими заграничными кредиторами. Эти послѣдніе, получив бумажные рубли, которые им не нужны у себя дома, должны будут продать их за-границей же, но по болѣе низкому курсу, -иначе, они не получат нужнаго им золота; на золото, слѣдовательно, появится (в бумажных рублях) лаж. Этот лаж даст возможность странѣ, выпустившей бумажныя деньги, слѣдующим образом уплатить свой долгъ иностраннім поставщикам. Благодаря лажу, цѣны всѣх товаров международнаго оборота в данно" странѣ в тузомных бумажных деньгах повысятся. Цѣны предметов, как ввоза, так и вывоза (в бумажных деньгах) возрастут. Но повышеніе цѣн предметов ввоза уменьшает спрос на них в странѣ-иначе говоря, задерживаеи их ввоз; а повышеніе заграницей бумажноденежной цѣны предметов вывоза данной страны дѣлает болѣе прибыльным их вывоз заграницу. Значит, благодаря лажу сократится ввоз данно" страны из-за граници и увеличится ея вывоз за границу. Этим избытковм вывозимых товаров страна и оплатит свой заграничный долг, возникшій благодаря выпуску бумажных денег, затраченных на пріобрѣтеніе заграницей товаров, -за них она заплатит своими товарами; Только благодаря возникновенію лажа, страна, не имѣя звонко" монеты, расплачивается за границей товарами по сдѣланным покупкам.

Мы предположили, что выпускаемыя деньги затрачиваются на пріобрѣтеніе предметов, изготовляемых за границей. Но если бы деньги шли на покупку товаров туземнаго производства, результат был бы сходный. Пусть, напримѣр, на вновь выпускаемые I00 милл. рублей правительство покупает внутри страны сукно, полотно, хлѣб для нужд арміи. Увеличеніе спроса на эти товары должно повысить их цѣны. Но увеличеніе товарных цѣн внутри страны должно сократить вывоз тузомных товаров за границу и увеличить ввоз в страну заграничных товаров. Увеличенный ввоз при сократившемся вывозѣ должен быть оплачен звонкой монетой; таким образом, вновь выпущен-

ныя бумажныя деньги вытѣснят извѣстную часть звонкой монеты из обращенія. Когда же вся звонкая монета уйдет из страны, когда дальнѣйшіе выпуски бумажных денег вызовут возникновеніе лажа, который имѣет, согласно сказанному, тенденцію задерживать иностранный ввоз и развивать вывоз тузомных товаров за границу благодаря чему страна получит возможность оплачивать своими товарами свой ввоз из-за границы. Словом, и при затратѣ выпускаемых бумажных денег внутри страны, как и при затратѣ их на покупку предметов иностраннаго производства, в области денежнаго обращенія данной страны происходят сходныя явленія.

Увеличеніе количества денег в странѣ, благодаря новым выпускам бумажных денег, приводят к подъему товарных цѣн, однако далеко не равномѣрному для всѣх товаров и далеко не всегда пропорціональному увеличенію количества денег. Подъем товарных цѣн приводит к нарушенію равновѣсія международных платежей данной страны-ея платежнаго баланса. Равновѣсіе платежнаго баланса может быть возстановлено только появленіем лажа. Что касается вопроса о том, какова должна быть вѣлічина лажа, то на этот вопрос иного отвѣта дать нельзя, кромѣ слѣдующаго: в ы с о т а л а ж а должна быть такова, чтобы платежный б а л а н с страны оказался в приблизительном р а в н о в ѣ с і и, и пока это приблизительное равновѣсіе не будет достигнуто, до тѣх пор лаж будет повышаться. Лаж устанавливается в процессѣ международнаго обмѣна, а отнюдь не внутри страны.

Переходим к другому вопросу- чѣм опредѣляется покупательная сила бумажных денег в товарах? Новые выпуски бумажных денег дѣйствуют на товарныя цѣны двумя способами- н е п о с р е д с т в е н н о и п о с р е д с т в е н н о.

С одной стороны, благодаря им, непосредственно увеличивается спрос на товары, которые пріобрѣтают на эти деньги, ибо бумажныя деньги поступают в обращеніе путем закупок опредѣленных товаров казной и лицами, получающими содержаніе от казны, и всякая новая закупка есть новый спрос на товары. А так как между цѣнами всѣх товаров существует извѣстное взаимодѣйствіе, то повышеніе цѣн одной группы товаров имѣет тенденцію дѣлаться общим для всѣх товаров.

Происходит это таким образом. Правительство покупает, напримѣр, на вновь выпускаемыя им деньги хлѣб, сапоги, сукно, полотно и т.п. товары для войск; это, в свою очередь, увеличивает покупательную силу для тѣх классов населенія, которые производят и продают эти товары, а вслѣдствіе увеличенія их покупательной силы их собственный спрос на другіе товары увеличивается.

Поэтому за усиленными выпусками бумажных денег наступает общее повышеніе товарных цѣн и вмѣстѣ одивленіе промышленности. Этим и объясняется, почему выпуск бумажных денег так популярен в предпринимательской средѣ.

П о с р е д с т в е н н о е вліяніе выпусков бумажных денег на товарныя цѣны происходит через посредство лажа. Благодаря лажу, повышаются цѣны всѣх товаров, входящих в состав внѣшней торговли данной страны. Но косвенным образо лаж могущественно вліяет и на товары, обращающіеся лишь во внутренней торговлѣ (хотя для того, чтобы это вліяніе обнаружилось во всю" своей силѣ, требуется болѣе или менѣе продолжительное время. Вздорожаніе предметов ввоза и вывоза ведет к вздорожанію тѣх товаров внутренняго производства, для которых первые товары являются средством произволства. Далѣе, дорожают всѣ товары внутренняго производства, конкурирующіе с иностранными, и т.д., и т.д. Словом, в концѣ концов всѣ главнѣйшіе товары, благодаря лажу, повышаются, хотя и в различной степени, в цѣнѣ. Лаж перелагается на цѣны самых разнообразных товаров, -жизнь становится дороже, отчего особенно страдают тѣ классы населенія, денежный доход которых не успѣл возрасти пропорціонально вздоражанію жизни. Сюда относятся, прежде всего, рабочіе, заработная плата которых встрѣчает большія препятствія для своего повышенія.

Однако, было бы большо" ошибкой думать, что цѣны всѣх товаров вырастают пропорціонально лажу. Лаж может далеко не полностью перелагаться на

цѣны тѣх или иных товаров или даже совсѣм не переслагаться (в особенности на цѣны товаров, обращающихся во внутренней торговлѣ). Кратковременныя колебанія лажа могут оставаться без всякаго вліянія на цѣны. Именно в этом и выражается,что бумажныя деньги- не просто суррогат металла,а с а м о с т о я т е л ь н ы я деньги, самостоятельное мѣрило цѣнности.

Бумажныя деньги исполняют всѣ функціи денег, которыя исполняют и металлическія деньги- в том числѣ и функцію мѣрила цѣнности.Их собственная цѣнность основывается на том,что онѣ признаны государством законным платежным средством; тѣм не менѣе государство не в силах придать им законную любую цѣнность-цѣнность бумажных денег устанавливается сложными хозяйственными процессами,сущность которых только что была разъяснена.

Самая существенная слабость бумажных денег,сравнительно с металлическими,заключается в том,что онѣ, по необходимости,не международныя, а узко-мѣстныя деньги,деньги выпустившей их страны. Покупательная сила звонкой монеты нисколько не страдает от того,что монета переходит границу даннаго государства. Напротив, бумажныя деньги совершенно утрачивают свою покупательную силу,раз только их связь с выпустивших их государством порывается: будучи созданіем акта государственной власти, цѣнность их ограничивается предѣлами власти государства.И потому только в предѣлах даннаго государства бумажныя деньги суть деньги.

Переставая быть деньгами за предѣлами государства, бумажныя деньги утрачивают за этими предѣлами устойчивость цѣнности; возникают колебанія лажа. Но колебанія лажа переслагаются в большей или меньшей степени,и на цѣны внутри государства.Таким образом,неустойчивость цѣнности бумажных денег в международной торговлѣ приводит к неустойчивости их цѣнности и внутри государства: бумажныя деньги и внутри государства становятся деньгами,плохо исполняющими основную функцію денег-мѣрила цѣнности.

Самая вредная сторона бумажных денег для народнаго хозяйства заключается в колебаніях лажа,что придает колеблющійся характер всему народному хозяйству. Под вліяніем соотношенія международных платежей,лаж, то повышается,то понижается,повышают или понижают товарныя цѣны, что глубоко разстраивает промышленность и торговлю,а также и государственный бюджет,ибо государство собирает свои доходы в бумажных деньгах,нагатит же заграницу (напр.,проценты по иностранным займам)металлом.Чѣм выше лаж,тѣм тяжелѣе ложатся эти платежи на государственный бюджет.По этой причинѣ,как ни заманчиво для правительства покрывать дефициты государственнаго бюджета новыми выпусками бумажных денег,но господство бумажноденежнаго обращенія становится,в концѣ концов, в тяжесть правительству,и оно начинает стремитвся к возвращенію к металлической валютѣ.

Переход этот может совершаться двумя способами- путем к о н с о л и д а ц і и и д е в а л ь в а ц і и. Консолидація состоит в том, что рыночный курс бумажных денег повышается до паритета,до уровня легальнаго курса,и возстановляется размѣн бумажных денег по легальному курсу (ал пари).Лаж в этом случаѣ уничтожается,средством для чего является извлеченіе из обращенія и уничтоженіе чрезмѣрно выпущенных бумажных денег,пока не исчезнет лаж. Так переходили к металлической валютѣ от бумажных денег богатыя страны,как Англія и Соединенные Штаты.

При девальвація же,наоборот,легальный курс понижается до рыночнаго курса.Закон признает рыночный курс легальным,и размѣн бумажных денег возстановляется по рыночному курсу. Существуют два способа девальваціи. Или прежняя металлическая денежная единица остается неизмѣнной, и в таком случаѣ прежнія бумажныя деньги обмѣниваются на соотвѣтственно меньшую сумму звонкой монеты. Или же металлическая денежная единица понижается до паритета с бумажными деньгами, и бумажныя деньги обмѣниваются на равную сумму новой звонкой монеты,пониженной по своему вѣсу сравнительно с прежней. Девальвація второго типа предпочтительнѣе,чѣм перваго,так как при ней не происходит измѣненія денежнаго выраженія товарных цѣн, неизбѣжнаго при первом типѣ девальваціи,если товарныя цѣны

обычно выражались в бумажных деньгах,а не в металлѣ.

В Россіи в I839-43 г.г. при министрѣ финансов Канкринѣ девальвація была произведена по первому типу. За металлическій рубль давали на рынкѣ болѣе 3 руб. бумажными рублями-ассигнаціями.Правительство постепенно извлекало из обращенія ассигнаціи и замѣнило их "государственными кредитными билетами", причем рубль кредитными билетами ся полностью на металлическій рубль.Но один рубль кредитными билетами выдавался выдавался лишь за 3 р. 50 к. ассигнаціями.Девальвація по этому типу?сопровождавшаяся выпуском новых денежных знаков (государственных кредитных билетов взамѣн прежних ассигнацій),не могла не вызвать разстройства товарнаго рынка,так как всѣ цѣны должны были соотвѣтственно понизиться на новые кредитные рубли.Послѣдняя же наша девальваціа при министрѣ финансов Витте была произведена в I897 г. по второму типу. Новых денежных знаков не было выпущено,но была изменена денежная единица.Курс кредитнаго рубля равнялся,приблизительно, 2/3 золотого.Правительство понизило на I/3 вѣс золотого рубля и,таким образом, курс новаго золотого и кредитнаго рубля сравнялся, и на этой основѣ был возстановлен размѣн. Товарныя цѣны при этом не испытали ни малѣйшей перемѣны.

Чему же отдавать предпочтеніе-девальваціи или консолидаціи? Если стоять на строго юридической почвѣ,то консолидація,разумѣется,предпочтительнѣе,ибо девальвація является государственным банкротством: государство,в случаѣ девальваціи,отказывается исполнять свои обязательства и уплачивая свой долг не полностью,а лишь в извѣстной части.Но с точки зрѣнія экономической дѣло рѣшается далеко не так просто. Если лаж на металл не велик,населеніе не привыкло к бумажным деньгам и товарныя цѣны не успѣли измѣниться в соотвѣтствіи с лажом,то слѣдует предпочесть,конечно, консолидацію.Но в странах,гдѣ долго господствовало бумажное обращеніе и гдѣ лаж велик,гдѣ товарныя цѣны уже испытали повышательное дѣйствіе лажа и построились на соотвѣтственно болѣе высоком уровнѣ,повышеніе курса бумажных денег до уровня металлических было бы равносильно соотвѣтствующему паденію цѣны товаров,что нарушило бы нормальный ход промышленной жизни.Искусственное пониженіе товарных цѣн вызвало бы общее разстройство промышленности,почему в странѣ, гдѣ долго существует бумажное обращеніе,девальвація есть наиболѣе цѣлесообразный способ возстановленія валюты.

УII. О б щ а я о ц ѣ н к а б у м а ж н ы х д е н е г. Бумажныя деньги прошли втеченіе XIX вѣка многозначительную эволюцію.Из весьма несовершенных денежных знаков,которые вначалѣ даже не обладали основным свойством денег- не были законным платежным средством-бумажныя деньги мало-по-малу стали в нѣкоторых случаях деньгами с такой же устойчивостью цѣнностью,как и металл.Эта послѣдняя ступень развитія бумажных денег была достигнута в концѣ XIX вѣка австрійскими бумажными деньгами.

Эпоху в исторіи денежнаго обращенія ставила австрійская денежная реформа I892 г.,вмѣстѣ с вытекшими из нея мѣропріятіями в области денежной политики.Сама реформа по ея первоначальному замыслу,не представляла собой ничего особо примѣчательнаго и сводилась первоначально лишь к мѣрам к переходу от бумажной валюты к золотой. Для этого была введена новая денежная единица- крона,равная половинѣ гульдона,причем предполагалось,что кроны будут через нѣкоторое время свободно размѣниваться на золото.

Однако, самый срок размѣна крон на металл пришлось отложить по той причинѣ,что в I892 г. золотой запас,которым располагал Австро-Венгерскій банк,был сравнительно очень не велик.

Втеченіе нѣсколькихъ послѣдующих лѣт австрійское финансовое вѣдомство дѣятельно готовится к введенію размѣна и принимает разнообразныя мѣры к увеличенію золотого запаса Австро-Венгерскаго банка.Мѣры эти были настолько успѣшны,что к концу I899 г. можно было бы начать размѣн бумажных денег на золотую монету.

Однако,такого введенія размѣна не послѣдовало. В I899 г. в Австріи издается новый денежный законъ,который знаменует собой начале новаго пути для австрійскаго денежнго обращенія: а именно,декрстом 2I сентября

1899 г. билетам Австро-Венгерскаго банка, которые раньше были принципіально размѣниваемыми на звонкую монету и только временно освобождены от размѣна, предоставляется на неопредѣленное время неразмѣнность. Вмѣсто того, чтобы начать размѣн бумажных денег на золото, государственная власть отказалась от такого размѣна на неопредѣленное время.

Смысл этого отказа выяснен в новом уставѣ Австро-Венгерскаго банка, получившем силу закона 8 августа 1911 г. Уставом этим на банк возлагается новая обязанность- заботиться всѣми имѣющимися у него средствами чтобы цѣнность банкнот, насколько она выражается заграничными вексельными курсами всегда возможно ближе соотвѣтствовала цѣнности металла, на который эти банкноты обозначены. Если же банк не исполнит своей обязанности-держать вексельный курс австрійской валюты возможно ближе к паритету-то банк может быть лишен своих привилегій.

Таким образом, новым уставом Австро-Венгерскаго банка на него возложена чрезвычайно важная обязанность -такого регулированія вексельнаго курса, чтобы курс австрійской валюты всегда держался возможно близко к паритету. Это регулированіе вексельных курсов должно было замѣнить собой, по замыслу руководителей австрійскими финансами, размѣн билетов Австро-Венгерскаго банка на металл, в виду чего государство и избавило банк от обязательства размѣнивать его билеты на металл.

Вмѣсто размѣна банкнот на золото, государство поставило в Австріи центральному банку страны совершенно новую задачу-регулированіе курса бумажных денег на уровнѣ, возможно болѣе близком к паритету. Как извѣстно основным недостатком бумажных денег обычно является неустойчивость их цѣнности: именно в этом отношеніи бумажныя деньги и уступали в прежное время металлическим. Мѣрило цѣнности, каковым являются деньги, должно прежде всего само не колебаться в своей цѣнности. Это вполнѣ очевидно и не требует поясненій.

Экономическая наука признала бумажныя деньги плохими деньгами именно потому, что онѣ колебались в своей цѣнности. Если бы возможны были бумажныя деньги, цѣнность которых была бы так же устойчива, как и цѣнность металлических денег, то такія деньги ничѣм не уступали бы металлическим. И вот Австрія показала нам примѣр, что такія бумажныя деньги возможны. Размѣн билетов Австро-Венгерскаго банка на золото так и не был введен-не потому, чтобы для этого золотые запасы Австро-Венгерскаго банка были недостаточны, а потому, что и общественное мнѣніе страны и государственная власть пришли к убѣжденію в нецѣлесообразности такого размѣна и в возможности достигнуть той же цѣли-паритета билетов Австро-Венгерскаго банка с золотом-без всякаго обязательнаго размѣна их на металл, лишь путем активной валютной политики. Австро-Венгерскій банк, как и всѣ другіе банки, покупает и продает иностранные векселя. Путем этих операцій банк может вліять на вексельный курс и, слѣдовательно, может, в извѣстных предѣлах, держать вексельный курс на том уровнѣ, который признается нужным. Конечно, власть Австро-Венгерскаго банка над вексельными курсами заключена в опредѣленные предѣлы но в этих предѣлах она несомнѣнно имѣется, как показал уже многолѣтній опыт.

Отклоненія курса австрійской валюты от паритета за время 1896-1911 г.г. были не болѣе значительны, чѣм в странах с металлической валютой, даже, вѣроятно, еще незначительнѣе. Объясняется это чрезвычайно умѣлой и энергичной дѣятельностью Австро-Венгерскаго банка, который монополизировал в своих руках почти всѣ операціи в странѣ по продажѣ и покупкѣ иностранных векселей. В то время как в других государствах вексельный курс строится на основѣ независимых друг от друга сдѣлок множества лиц, в Австріи вексельным курсом управляет одно центральное учрежденіе, располагающее огромными средствами и руководствующееся в своей дѣятельности отнюдь не стремленіем к полученію наибольшаго барыша, а соображеніями общегосударственнаго интереса. Колебанія вексельнаго курса, с точки зрѣнія интересов частных лиц и учрежденій, занятых сдѣлками с иностранными векселями, не представляют собой ничего нежелательнаго или убыточнаго, так как эти лица и учрежденія могут выигрывать от подобных колебаній, своевременно предвидя их или даже искусственно вызывая. Поэто-

[illegible] сдѣлок с векселями [illegible] к уменьшенію колебаній вексельнаго курса.

Напротив, Австро-Венгерскій Банк, сосредоточивший в своих руках все дѣло продажи и покупки иностранных векселей в странѣ, планомѣрно стремится к поддержанію устойчивости вексельнаго курса, не останавливаясь при этом перед очень значительными затратами и убытками для себя. Если вексельный курс становится для Австріи неблагопріятным, то банк выбрасывает на рынок значительное количество иностранных векселей по пониженной цѣнѣ и, таким образом, повышает цѣну австрійской валюты, в ущерб своим собственным интересам. И это нисколько не удивительно, ибо банк является не только коммерческим, но и государственным учрежденіем, на которое государством возложена чрезвычайно важная функція-поддержаніе устойчивости національных денег.

Золотая валюта, ради которой была предпринята в Австріи реформа 1892 года так и не была достигнута: золотая валюта предполагает размѣн бумажных денег на золото, билети же австро-венгерскаго банка остались неразмѣнными. Австрія и послѣ реформы 1892 г. является страной бумажной валюты; однако, австрійскія бумажныя деньги с половины 90-х годов прошлаго вѣка пріобрѣтают существенно иной характер, чѣм раньше-прежде бумажныя деньги были деньгами с неустойчивой колеблющейся цѣнностью, теперь же онѣ становятся деньгами с такой же устойчивой цѣнностью, как и металлическія деньги.

В этом заключается то существенно новое, что дал нам опыт Австріи. Вот почему можно утверждать, что со времени новѣйшаго австрійскаго денежнаго законодательства бумажныя деньги вступили в новый фазис своего развитія. Этот новый фазис отмѣчен тѣм, что строеніе вексельнаго курса (а, значит, и лажа) перестало быть стихійным результатом свободной игры экономических сил, а попало под планомѣрный контроль общества. Государство из пассивнаго зрителя строенія лажа на денежном рынкѣ становится активным руководителем этого хозяйственнаго процесса и таким путем восполняет слабость бумажных денег, заключающуюся в том, что бумажныя деньги не имѣют своей "внутренней цѣнности" подобно металлическим. Однако, не нужно и преувеличивать значеніе австрійскаго опыта. Балканская война лишила австрійскія бумажныя деньги их прежней устойчивости курса, а міровая война окончательно уронила их курс. Власть государства над вексельным курсом поставлена в извѣстные предѣлы- и, конечно, было бы большой ошибкой думать, что государство может установить курс своих денег по своему усмотрѣнію на любом уровнѣ. Нѣт, народнохозяйственными силами можно управлять лишь в соотвѣтствіи с естественными законами их дѣйствія. Только понявши эти законы власть может, в их предѣлах, достигать своих цѣлей.

VIII. Бумажныя деньги в Россіи. Бумажныя деньги появились в Россіи при Екатеринѣ II. В 1768 г. были учреждены в Москвѣ и Петербургѣ "ассигнаціонные размѣнные банки", задача, которых, согласно манифесту, должна была заключаться в облегченіи функціи денег, как орудія обращенія. Ассигнаціонные банки выпускали ассигнаціи в количествѣ содержавшейся в них звонкой монеты и должны были выпущенныя ассигнаціи размѣнивать на металл. Предполагалось, что публика будет предпочитать ассигнаціи металлическим деньгам, так как эти послѣднія (особенно мѣдныя деньги, которыми в это время было пер[illegible] полнего обращеніе) по своей тяжести менѣе удобны для обращенія. Надежды эти оправдались и ассигнаціонные рубли охотно принимались населеніем, хотя фактически размѣна почти не производилось. Очень скоро, однако, правительство стало пользоваться выпусками ассигнаці[illegible] для покрытія своих нужд, при полном игнорированіи обѣщанія манифеста, что выпускаемыя ассигнаціи будут полностью покрываться запасом звонкой монеты. До 1786 г. держался паритет ассигнаці[illegible] с серебром; количество выпущенных ассигнацій достигало в этому году 45 милліонов рублей. В скором времени послѣдовали новые значительные выпуски ассигнацій на десятки, затѣм сотни милліонов рублей, курс их стал падать и установился на уровнѣ приблизительно 25 коп. серебром. "Эта новая, созданная населеніем, денежная единица,-замѣчает И.И. Кауфман,-получила народную оцѣнку в одну четверть идеальнаго "цѣлковано" и счет по равенству: 4 р. ассигнаціями-одному рублю серебром-глу-

бто вошел в народные нравы и крѣпко держался в теченіе всей первой половины XIX вѣка". Но так как дѣйствительный лаж не совпадал с этим идеальным курсом ассигнаціи, то поправкой к нему служили так называем. простонародные лажи". В дѣйствительном обращеніи к идеальному курсу ассигнаціи (25 к.с.) сдѣлалась нѣкоторая прибавка, имѣвшая в виду приблизить идеальный курс ассигнаціи к дѣйствительному биржевому курсу (который обычно был выше 25 коп. серебром). Эти "простонародные лажи" были в весьма степени различны в различных мѣстностях, очень часто совершенно случайны при полном невѣжествѣ народной массы относительно дѣйствительнаго рыночнаго курса ассигнацій на международном рынкѣ. Благодаря им, внутреннее денежное обращеніе Россіи как бы утратило опредѣленную денежную единицу, ибо ассигнація имѣла в различных районах и у различных классов населенія разную стоимость на металл. Но самый факт "простонародных лажей, показывал, что серебро конкурировало в ассигнаціями в роли денег. И дѣйствительно послѣ сильнаго упадка курса ассигнацій, металлическія деньги стали возвращаться в Россію и обращались рядом с ассигнаціями. К этому нужно прибавить, что ассигнаціи долгое время не обладали принудительным курсом и не были обязательны к пріему. Только манифест 1812 г., допуская заключеніе обязательств как на ассигнаціи, так и на серебро, сдѣлал пріем ассигнацій обязательным по всѣм денежным сдѣлкам по рыночному курсу на серебро. Таким образом, ассигнаціи получили в 1812 г. принудительный курс, но это ни малѣйшим образом не содѣйствовало повышенію их курса и единообразію их расцѣнки на металл. Именно послѣ 1812 г. "простонародные лажи" получили особое распространеніе. Вмѣстѣ с тѣм еще большее значеніе пріобрѣла в денежном обращеніи Россіи и звонкая монета (серебро).

Правительство пришло к убѣжденію в необходимости коренной реформы нашего денежнаго обращенія. Реформа эта произведена цѣлым рядом законодательных актов 1839-43 г.г. В результатѣ реформы ассигнаціи были изъяты из обращенія и замѣнены новыми денежными знаками- государственными кредитными билетами, размѣнивавшимися полностью на звонкую монету. 3 р. 50 к. ассигнаціями были приравнены 1 р. кредитными билетами.

В эпоху Крымской войны размѣн опять прекращается, и опять появляется лаж. В послѣднюю турецкую войну курс кредитнаго рубля падает до 63 коп. золотом; количество кредитных билетов в обращеніи достигает почти 1.200 милл. рублей. Правительство принимает подготовительныя мѣры к консолидаціи, но без успѣха. В конц 80-х годов мысль о консолидаціи оставляется, и правительство склоняется к девальваціи. С этой цѣлью принимают мѣры к поддержанію курса бумажнаго рубля на одной и той же высоти, что достигается затратой крупных сумм на покупку заграницей кредитных билетов в случа паденія их курса ниже извѣстной нормы и продажей их в случа повышенія их курса выше нормы. Этими мѣрами удается поддерживать курс бумажнаго рубля в первой половинѣ 90-х годов приблизительно на 67 коп. золотом.

Правительство-особенно при министр финансов Витте- начинает упорно стремиться к переходу к золотой валютѣ, несмотря на противодѣйствіе этой мѣрѣ со стороны значительной части общества. Прекращеніе режима бумажных денег всегда наталкивается на сопротивленіе тѣх общественных кругов, для которых этот режим выгоден. В данном случаѣ, низкій курс нашего рубля был в интересах землевладѣльцев, так как цѣна русскаго хлѣба (в кредитных рублях) должна была быть тѣм выше, чѣм выше был лаж на золото. Однако, это сопротивленіе не могло воспрепятствовать денежной реформѣ. Ея требовали другіе могущественные интересы- и, прежде всего, интересы промышленнаго развитія страны. Это промышленное развитіе, которое было главной цѣлью политики Витте, было возможно только на основѣ прилива иностраннаго капитала в Россію- иностранный капиталист опасался помѣщать свои деньги в стран с колеблющейся денежной валютой. В обмѣн на свое золото он требовал такого же чистаго золота. Это и рѣшило судьбу реформы.

Чтобы не нарушать интересов землевладѣльцев, правительство умышленно произвело девальвацію по низкому курсу в 66 2/3 коп. золотом за кредитный рубль, имѣя возможность произвести возстановленіе валюты и по болѣе высокому курсу. В 1899 г. вышел новый монетный устав, согласно которому денежной единицей признан золотой рубль, содержащій 17.424 доли чистаго золота. В сдѣлках между частными лицами сдѣлан обязательным пріем полноцѣнной серебряной монеты (в 1 р., 50 к., и 25 к.) на сумму до 25 р., а неполноцѣнной серебряной и мѣдной монеты- до 3 руб.

Выпуск кредитных билетов был нормирован слѣдующим образом: при выпускѣ их до 600 милліонов рублей они долдны быть покрыты золотом наполовину, все же количество кредитных билетов, выпущенных сверх этой нормы, должно быть покрыто золотом полностью.

С началом великой европейской войны с 18 іюля 1914 г. в Россіи, как и в других воюющих странах был пріостановлен размѣн бумажних денег на золото, и кредитные билеты превратились, таким образом, в бумажныя деньги.

IX. Общая о ц ѣ н к а р о л и д е н е г в современном хозяйствѣ. Огромная роль денег в современном хозяйствѣ всѣм бросается в глаза, но объяснить, на чем основана эта роль, не так -то легко. Первая попытка объясненія роли денег в современном хозяйствѣ привела к тому, что эта роль была крайне преувеличена. Меркантилисты видѣли в деньгах главное, или даже единственное богатство страны; с их точки зрѣнія, все экономическое могущество страны опредѣляется количеством денег, которым страна располагает. Эта точка зрѣнія теперь никѣм не раздѣляется, но преувеличеніем роли денег в хозяйственном строѣ современности страдают теоріидалско не одних меркантилистов. Если послѣдніе усматривали в деньгах національное богатство по преимуществу, то другіе были склонны видѣть в деньгах причину всей бѣдности современнаго общества, главное и основное зло современной хозяйственной системы: Цѣлый ряд представителе так называемаго утопическаго соціализма носился с мыслью реформировать современный строй путем реформы денег-устранить из современнаго общества бѣдность путем организаціи безденежнаго (в современном смыслѣ слова) обмѣна.

Так, например, Оуэн разсуждал слѣдующим образом. Бѣдность в современном обществѣ зависит не от недостатка продуктов на рынкѣ, а от недостатка покупательных средств у населенія. Такими покупательными средствами в настоящее время являются деньги. Если бы дать населенію возможность покупать без помощи денег, то исчезла бы и бѣдность. Но как организовать безденежный обмѣн? С этой цѣлью Оуэн проектировал устройство того, что он называл рабочими биржами, т.е. таких учрежденій, которым каждый производитель может передать для сбыта свой продукт и в обмѣн получить нужные ему продукты. У кого есть какіе либо товары для продажи, тот обращается с ними к рабочей биржѣ, которая берет на себя заботу об их сбытѣ. Товары должны расцѣниваться биржей по их трудовой стоимости. Поставщику товара биржа выдает квитанцію, на которой обозначено, сколько рабочих часов заключено в данном товарѣ. В обмѣн на эту квитанцію поставщик товара может получить на биржѣ всякій нужный ему товар равной трудовой стоимости. Таким образом, рабочія биржи Оуэна долдны были разрѣшить двоякую задачу- с одной стороны, организовать сбыт товаров без посредства обычных денег, а с другой стороны привести к соотвѣтствую цѣны товаров с трудовыми стоимостями.

Неудивительно, что биржи Оуэна не могли удержаться и скоро должны были рухнуть. Они ставили себѣ задачи абсолютно неразрѣшимыя и в товарном хозяйствѣ. Первая задача- дать возможность сбыта всѣх товаров- неразрѣшима потому, что товарное хозяйство есть хозяйство неорганизованное; каждый производитель по своим индивидуальным расчетам. Слѣдовательно нѣт никакой гарантіи, что произведены именно тѣ товары и в том количествѣ, какіе требуются обществом. Если же одних товаров произведено больше, а других меньше, чѣм нужно, то нарушена пропорціональность общественнаго труда и часть продуктов не может найти сбыта. Никакое учрежденіе не может найти сбыта для этих избыточных товаров. Чтобы был возможен сбыт всѣх товаров, для этого нужна планомѣрная организація общественнаго производства, а отнюдь не отмѣн, -корень зла не в обмѣнѣ, а в производствѣ.

Итак, Оуэн глубоко заблуждался, думая, что в неорганизованном товарном хозяйствѣ возможен сбыт всѣх товаров. Но к первой ошибкѣ он присоединил еще и вторую: он считал возможным в неорганизованном товарном хо-

зяйствѣ приведеніе цѣн товаров к уровню их трудовых стоимостей. Оуэн не понимал значенія колебаній рыночных цѣн, которыя так необходимы в товарном хозяйствѣ для возстановленія пропорціональности общественнаго труда. Стремясь уничтожить колебанія цѣн, Оуэн хотѣл разрушить механизм, без котораго товарное хозяйство существовать не может, ибо, как было выше указано, в товарном хозяйствѣ колебанія цѣн играют роль регулятора общественнаго производства: пониженіе цѣны товара ниже обычнаго уровня есть единственное средство для рынка вызвать сокращеніе производства товара, выдѣлываемаго в количествѣ, превышающем спрос.

Но и послѣ Оуэна было много спеціалистов, которые точно также, не понимая законов капиталистическаго хозяйства, упорствовали в тѣх же ошибках и мечтали о помощи рабочему классу не путем измѣненія отношеній капиталиста к рабочему, а путем реформы денежнаго обращенія. Подобно Оуэну, и Прудон хотѣл создать мѣновой банк, преслѣдующій тѣ же цѣли, что и рабочая биржа Оуэна? с той, однако, разницей, что Прудон избѣг второй ошибки Оуэна: он не стремился фиксировать цѣны товаров на основѣ их трудовой стоимости. Задача Прудона была скромнѣе: он хотѣл лишь организовать безденежный сбыт всѣх товаров, по цѣнам, какія допускаются условіями рынка. Но и эта задача неосуществима, ибо неорганизованность общественнаго производства дѣлает невозможной безденежную организацію общественнаго обмѣна.

Попытки организовать обмѣн без помощи денег интересны с точки зрѣнія теоріи денег в том отношеніи, что онѣ выясняют истинную роль денег в современном хозяйствѣ. Деньги отнюдь не являются владыкой капиталистическаго міра и потому неправильно видѣть в них все зло этой системы. Не деньги, а капитал царит в этом мірѣ-своеобразное соціальное отношеніе, имѣющее в своей основѣ сосредоточеніе средств производства в руках немногих лиц, при лишеніи этих средств огромнаго большинства населенія. Необходимость же денежнаго обмѣна естественно вытекает из анархіи, непланомѣрности общественнаго производства, свойственной товарному производству, как таковому.

~~Обмѣнхлитхратурахвхденьгахх~~----------xxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

ГЛАВА III.

Кредит.

I. Сущность кредита и кредитные документы. Деньги дают возможность одному товаровладѣльцу обмѣнивать свои товары на другіе товары-онѣ устраняют препятствія для обмѣна товаров, так сказать, в пространствѣ. Но препятствія к обмѣну существуют не только в пространствѣ (т.е. не только по отношенію к товарам, одновременно существующим), но и во времени, -товары, подлежащіе обмѣну, могут не существовать одновременно. Один товар может быть готов, а другой, подлежащій обмѣну на первый, может быть готов лишь значительно позже. Обмѣн на наличныя деньги в этом случаѣ невозможен, так как второму товаропроизводителю нечего продать, чтобы купить первый товар. Преодолѣванію этих препятствій, возникающих из разновременности производства товаров, и служит кредит. Кредитной сдѣлкой называется такая сдѣлка, при которой момент полученія какой либо цѣнности отдѣлен от момента возвращенія ея эквивалента нѣкоторым промежутком времени.

Слово кредит происходит от латинскаго слова "кредо", что означает "вѣрю". Соотвѣтственно этому многіе экономисты выдвигают на первый план момент довѣрія, как основу кредита. Но такое объясненіе кредита явно несостоятельно. Далеко не всякій кредит основывается на довѣріи. Извѣстное довѣріе к должнику предполагается лишь л и ч н ы м кредитом, при котором кредитор не имѣет особаго вещного обезпеченія своей ссуды. Что же касается кредита в е щ н а г о, то послѣдній обезпечивается каким либо хозяйственным предметом, -при закладѣ движимаго имущества должник передает кредитору закладываемую вещь, а при залог недвижимаго имущества кредитор, хотя и не владѣет заложенным имуществом, но имѣет на него опредѣленныя права и, прежде всего, право продать это имущество в случаѣ неуплаты долга. Вещный кредит, очевидно, не может основываться на личном довѣріи.

Но и личный кредит, в концѣ концов, основывается не на личном довѣріи, а на объективных условіях торговаго оборота. В русской торговлѣ, например, издавна господствует кредит на сравнительно долгіе сроки. Еще при Алексѣѣ Ми)айловичѣ наша торговля с иностранцами велась в кредит (сроком, обыкновенно, на год)-, но не потому, что русскіе купцы пользовались особым довѣріем иностранцев. Наоборот, всѣ иностранцы в один голос жаловались на недобросовѣстность и нечестность русских курцов. Тѣм не менѣе иностранцы отпускали русским купцам свои товары в кредит, и на долгій срок, вынужденные необходимостью, -наличных денег у русских купцов было мало и они могли заплатить за товар лишь послѣ продажи его внутри Россіи, причем долгосрочность кредита объяснялась тѣм, что оборот торговаго капитала требовал в Россіи большого срока по причинѣ обширной территоріи и плохих путей сообщенія. Таким образом, субъективный момент довѣрія играет в кредитных сдѣлках лишь совершенно подчиненную роль.

По сроку возвращенія ссуды кредит раздѣляется на к р а т к о с р о ч н ы й и д о л г о с р о ч н ы й, по хозяйственным цѣлям займа-на производительный и потребительный. Под производительным кредитом понимают кредит, служащій производительным цѣлям-снабженію кредитующагося/ лица средствами производства; соотвѣтственно характеру производительных цѣлей, различают кредит т о р г о в ы й, п р о м ы ш л е н н ы й и с е л ь с к о х о з я й с т в е н н ы й. Под потребительным кредитом понимают такой, который служит потребительным цѣлям кредитующагося лица. При производительном кредитѣ полученная ссуда приводит к созданію новой цѣнности, которая и является источником для возвращенія ссуды; напротив при потребительном кредитѣ новой цѣнности из самой ссуды не возникает, и возвращеніе ссуды становится возможным лишь при привлеченіи для этого иных хозяйственных источников в распоряженіе кредитующагося лица. Поэтому при производительном кредитѣ врзвращеніе ссуды при отсутствіи вещнаго обезпеченія болѣе обезпечено, чѣм при потребительном.

Кредитныя сдѣлки совершаются при помощи кредитных документов, которые могут быть раздѣлены на два типа- п р и к а з платежа и о б ѣ щ а н і е платежа. К первому типу относится переводный вексель и чек, ко второму- простой вексель, долговая росписка, банковый билет, облигація. Самым важным орудіем кредит является вексель и притом, преимущественно, переводный вексель. Переводный вексель тѣм отличается от простого, что в нем участвуют не менѣе 3-х лиц; он является по своей формѣ, приказом лица А, обращенным к лицу В, уплатить лицу С опредѣленную сумму денег. Лицо А является кредитором лица В, приказывающим своему должнику В уплатить третьему лицу С(являющемуся в свою очередь, кредитором лица А), должную ему сумму.

Переводный вексель возник на почвѣ совершенно иных потребностей, чѣм тѣ, которым он удовлетворяет теперь. Италія конца средних вѣков представляла собой конгломерат мелких государств, из которых каждое обладало суверенным правом чеканить свою монету. При отсутствіи организованной почты и нерѣдких запрещеніях вывоза монеты платежи между различными ~~хнсударктиямих~~ городами, пользовавшимися суверенными правами, были очень затруднены. На почвѣ этих затрудненій международных платежей и возник в Италіи в XIII вѣкѣ переводный вексель.

Допустим, напр., что какой-нибудь флорентійскій купец ѣдет на миланскую ярмарку; вмѣсто того, чтобы вести с собой деньги, что было и неудобно и небезопасно (риск быть ограбленным) он отдает их флорентійскому банкиру. Послѣдній отдает приказ своей конторѣ или своему кліенту (должнику) в Милан уплатить соотвѣтствующую сумму в миланской монетѣ флорентійскому купцу и выдает послѣднему соотвѣтствующій документ. Этот документ и был переводным векселем.

Первоначальный переводный вексель был не столько кредитным документом, сколько орудіем перевода денег. Но так как такой перевод не совершается моментально, то в нем уже имѣются элементы кредитной сдѣлки: банкир получает денежную сумму раньше, чѣм отдавал ее своему вѣрителю через посредство своих агентов. Вся эта операція иногда была замаскированным займом-средством получить процент по ссудѣ, что в то время запрещалось законом.

Главное значеніе переводной векселъ имѣетъ въ международной торговлѣ, гдѣ онъ до настоящаго времени является господствующимъ орудіемъ кредита и господствующимъ средствомъ платежа.

Всякая страна является одновременно и должникомъ и кредиторомъ по отношенію къ другимъ странамъ. Допустимъ, что русскій хлѣботорговецъ вывезъ въ Англію пшеницу, а русскій фабрикантъ ввезъ изъ Англіи машины. Взаимныя обязательства Россіи и Англіи могли бы быть ликвидированы слѣдующимъ образомъ: русскій фабрикантъ переслалъ бы звонкую монету въ Англію, а покупщикъ русской пшеницы въ Англіи переслалъ бы слѣдуемую сумму русскому хлѣботорговцу. Но переслать звонкую монету изъ одной страны въ другую дорого-приходится оплачивать стоимость пересылки. Вмѣсто этого русскій фабрикантъ можетъ купить векселъ, который русскій экспортеръ пшеницы выставляетъ на англичанина, и переславши этотъ векселъ въ Англію своему кредитору, погасить свой долгъ. Такимъ образомъ, въ Россіи деньги перейдутъ отъ фабриканта (импортера) къ хлѣботорговцу (экспортеру) Вмѣсто того, чтобы переходить изъ одной страны въ другую, деньги совершатъ гораздо болѣе короткій путь внутри каждой страны. Но очевидно, что русскій фабрикантъ только тогда купитъ векселъ на Англію, когда этотъ векселъ стоитъ дешевле, чѣмъ стоила бы уплата пересылкой монеты, т.е. цѣна векселя на русскія деньги въ Россіи, выставленнаго въ англійскихъ деньгахъ на Англію, не можетъ превышать цѣнности соотвѣтствующаго количества звонкаго металла плюсъ стоимость его пересылки.

Цѣна иностраннаго векселя (т.е. векселя, выставленнаго на другую страну въ валютѣ этой послѣдней страны) въ туземной валютѣ называется вексельнымъ курсомъ. Вексельный курсъ можетъ колебаться лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ-а именно, онъ не можетъ отклониться отъ паритета (т.е. отъ цѣны, соотвѣтствующей относительной цѣнности денежной единицы каждой страны) въ ту или другую сторону больше, чѣмъ на стоимость пересылки матеріала изъ одной страны въ другую. Ибо если бы цѣна векселя отклонилась свыше этой нормы, то было бы выгоднѣе производить платежи просто пересылкой звонкой монеты.

Высота вексельнаго курса данной страны опредѣляется ея платежнымъ балансомъ, т.е. соотношеніемъ денежныхъ платежей данной страны другимъ странамъ и другихъ странъ ей. Если платежный балансъ благопріятенъ для страны, т.е. если она должна получить платежей больше, чѣмъ должна уплатить другимъ странамъ, то цѣна ея векселей повышается на стоимость пересылки звонкой монеты; если платежный балансъ для данной страны неблагопріятенъ, то цѣна ея векселей падаетъ на стоимость пересылки звонкой монеты.

Отъ платежнаго баланса слѣдуетъ отличить торговый балансоотношеніе вывоза товаровъ изъ данной страны въ другія страны и ввоза товаровъ изъ другихъ странъ въ данную страну. Если мы обратимся къ статистикѣ ввоза и вывоза разныхъ странъ, то увидимъ, что страны съ избыткомъ капитала (напр., Англія, Франція, Германія) какъ общее правило больше ввозятъ товаровъ, чѣмъ вывозятъ (имѣютъ неблагопріятный торговый балансъ), бѣдныя же страны (напр., Россія, Индія, Китай) обычно больше вывозятъ, чѣмъ ввозятъ (имѣютъ благопріятный торговый балансъ). Фактъ этотъ противорѣчитъ прежней экономической теоріи (меркантилистовъ), полагавшей, что превышеніе вывоза товаровъ сравнительно съ ввозомъ есть признакъ богатства страны. Объясняется это тѣмъ, что богатыя страны съ избыткомъ капитала являются по отношенію къ другимъ странамъ кредиторами; англійскій, напр., капиталъ находитъ себѣ помѣщеніе во всемъ мірѣ и, такимъ образомъ, весь міръ является должникомъ Англіи. Должники должны выплачивать проценты на занятый капиталъ-своего рода дань Англіи. Этой то данью- платежами другихъ странъ Англіи за англійскій капиталъ, помѣщенный въ нихъ,-Англія и оплачиваетъ избытокъ своего товарнаго ввоза. Напротивъ, страны-должники, какъ, напр., Россія, больше вывозятъ товаровъ, чѣмъ ввозятъ, потому что вывозомъ своихъ товаровъ онѣ платятъ проценты по занятому ими и помѣщенному въ нихъ иностранному капиталу.

Платежный балансъ страны зависитъ отъ слѣдующихъ факторовъ. Прежде всего отъ соотношенія вывоза товаровъ изъ данной страны въ другія страны и ввоза товаровъ изъ другихъ странъ въ данную страну (торговаго баланса); затѣмъ отъ размѣра взаимныхъ обязательствъ соотвѣтствующихъ странъ по уплатѣ процентовъ и дивидентовъ съ капиталовъ, помѣщенныхъ за границей, размѣра платы за провозъ товаровъ данной страны на кораблях другихъ странъ и товаровъ другихъ странъ на кораблях данной страны, размѣра расходовъ путешественниковъ данной страны за границей и другихъ странъ въ ней, и вообще отъ всякихъ перемѣщеній денежныхъ суммъ между данной страной и другими странами. Платежный балансъ той или иной страны обычно сильно колеблется, причемъ за неблагопріятнымъ платежнымъ балансомъ слѣдуетъ благопріятный, и обратно. Колебанія эти (отражающіяся на колебаніяхъ вексельнаго курса) приводятъ къ возстановленію равновѣсія въ международномъ денежномъ обращеніи. Но это не мѣшаетъ нѣкоторымъ странамъ являться, въ окончательномъ итогѣ, экспортерами денежнаго металла, а другимъ импортерами металла: страны, добывающія драгоцѣнные металлы, экспортируютъ ихъ за-границу и имѣютъ потому въ окончательномъ итогѣ неблагопріятный платежный балансъ (больше вывозятъ денегъ, чѣмъ ввозятъ), а страны, получающія драгоцѣнные металлы изъ-за границы, имѣютъ въ окончательномъ итогѣ благопріятный платежный балансъ (больше ввозятъ денегъ, чѣмъ вывозятъ).

II. Банки. Учрежденіями, организующими кредитныя операціи, являются банки. Банки производятъ операціи двоякаго рода-денежныя, въ которыхъ банкъ является лишь простымъ посредникомъ при денежныхъ платежахъ, и спеціально кредитныя. Какъ и векселя, банки возникли первоначально въ Италіи въ концѣ среднихъ вѣковъ на почвѣ разнокачественности и испорченности монеты въ мелкихъ итальянскихъ государствахъ того времени. Первоначальные итальянскіе общественные банки, (напр., Генуэзскій банкъ св. Георгія, Венеціанскій банкъ) были учрежденіями, принимавшими отъ своихъ кліентовъ вклады (на храненіе) звонкой монеты, которую они брали по вѣсу. Взамѣнъ этого они принимали на себя обязательство производить платежи за даннаго вкладчика. Вкладчиками обыкновенно являлись всѣ важнѣйшіе торговые дома данной республики. Когда нужно было производить платежи за данное лицо, банкъ переписывалъ извѣстную сумму денегъ со счета этого лица на счетъ другого. Эта операція называлась "жиро" (отъ итальянскаго слова жиро-кругъ), почему и соотвѣтствующіе банки назывались "жиро-банки". Банки эти были исключительно денежными банками-кредитныхъ операцій они производить не имѣли права и должны были хранить въ неприкосновенности въ своихъ подвалахъ переданную имъ ихъ кліентами звонкую монету. Само собою разумѣется, они не только не платили процентовъ по вкладамъ (которыми не имѣли права пользоваться), а наоборотъ требовали извѣстныхъ ежегодныхъ взносовъ со своихъ кліентовъ за исполненіе ихъ порученій по произведенію за ихъ счетъ платежей. Таковъ же былъ и знаменитый Амстердамскій банкъ, основанный въ 1609 году. Въ концѣ концовъ, почти всѣ эти первоначальные денежные банки рухнули, потому что не могли устоять отъ соблазна воспользоваться звонкой монетой, лежавшей въ ихъ кладовыхъ, для кредитныхъ операцій въ пользу государства, обнаруженіе чего вело къ потерѣ довѣрія къ банку и его крушенію.

Первымъ банкомъ современнаго типа былъ Англійскій банкъ, основанный въ 1694 году по проекту Петерсона. Петерсонъ исходилъ изъ того соображенія, что бывшіе до того времени банки располагали огромнымъ количествомъ звонкой монеты, лежавшей у нихъ совершенно праздно, такъ какъ монета эта не требовалась обратно вкладчиками; между тѣмъ банки могли бы пользоваться этой монетой безъ ущерба для вкладчиковъ для цѣлей кредита. Англійскій банкъ поставилъ себѣ, такимъ образомъ, кредитныя цѣли, въ противоположность прежнимъ денежнымъ банкамъ. Согласно утвержденному правительствомъ уставу, банкъ передалъ въ ссуду правительству свой капиталъ въ 1.200 ф.ст рл., собранный по подпискѣ, а взамѣнъ этого получилъ право на ту же сумму выпустить для кредитныхъ операцій свои собственные билеты. Учрежденіе Англійскаго банка знаменуетъ собой новую эпоху въ исторіи банковаго дѣла-замѣну денежныхъ банковъ кредитными банками.

Современные банки раздѣляются на банки краткосрочнаго кредита (кредитующіе, преимущественно, торговлю и промышленность) и долгосрочнаго кредита (ипотечные банки, кредитующіе подъ залогъ недвижимостей-земель и зданій). Кредитныя операціи банковъ раздѣляются на пассивныя и активныя. Пассивными операціями называются такія, посредствомъ которыхъ банкъ получаетъ капиталы, которыми онъ кредитуетъ своихъ кліентовъ. Активными операціями банки называются различные способы помѣщенія его

капиталов-разные способы кредита. Пассивныя операціи банков краткосрочнаго кредита заключаются преимущественно в пріемѣ вкладов и в выпускѣ банковых билетов на предъявителя. Главнѣйшими активными операціями тѣх же банков являются у ч с т коммерческих векселей и ссуды под залог разнаго рода ц'нностей. Учет векселя заключается в том, что банк покупает вексель у векселедержателя с вычетом соотвѣтствующаго процента из суммы векселя. Для лучшаго обезпеченія уплаты учитываются, как общее правило, только векселя, имѣющіе не менѣе двух подписей (т.е. такіе, уплата по которым гарантируется не менѣе, чѣм двумя лицами).

Вклады бывают с р о ч н ы е и до в о с т р е б о в а н і я. Лицам, помѣстившим в банк свои вклады до востребованія, банк открывает т е к у щ і й счет, выдает чековую книжку и предоставляет право выставлять на банк ч е к и. Чек есть кредитный документ, опред'ленной формы, представляющій собою обращенный к банку приказ чекодателя уплатить предъявителю чека (особо поименованному или нѣт) опред'ленную сумму денег. Чеки не предназначены для обращенія и потому дѣйствительны только в теченіе короткаго срока (не болѣе нѣскольких дней).

При помощи чеков становится возможным производить платежи без употребленія наличных денег. Веденіе кассы даннаго лица перелагается на банк, и в то же время денежная сумма, лежащая в банкѣ в вид вклада, приносит ея влад'льцу опред'ленный доход в вид' процента по текущему счету. Если лицо, получившее уплату чеком, состоит вкладчиком того же банка, то банк не нуждается для уплаты по чеку в наличных деньгах и просто переписывает соотв'тствующую сумму денег со счета одного лица на счет другого лица. Если же лицо, получившее уплату чеком, состоит вкладчиком другого банка, то надобность в наличных деньгах со стороны банка устраняется путем соглашенія банков принимать чеки друг за друга. Если, напр., вкладчик банка А получил в уплату чек, выставленный другим лицом на банк Б, то банк А оплачивает этот чек своему вкладчику на счет банка В, путем увеличенія на соотвѣтствующую сумму счета своего вкладчика, причем банк А становится кредитором на соотв'тствующую сумму банка В. Такія же операціи производит и банк В по отношенію к банку А, равно как и другіе банки по отношенію друг к др гу. Для ликвидаціи взаимных обязательств банков существуют особыя учрежденія, р а с ч е т н ы я п а л а т ы, в которых ежедневно подводится баланс обязательств каждаго банка и разница уплачивается наличностью.

Чеки замѣняют наличныя деньги в уплатах кліентов банков, а расчетныя палаты устраняют наличныя деньги в уплатах самих банков друг другу. Все вмѣст' имѣет своим посл'дствіем, что уплаты на огромныя суммы производятся при самом ничтожном употребленіи наличных денег. При широком распространеніи платежей чеками почти вся к'совая наличность частних лиц скопляется в банках, а эти посл'дніе, точно также, не нуждаясь, благодаря расчетным палатам, в значительной наличности, помѣщают свои наличные резервы в крупных національных банках. Так, напр. в Англіи металлическіе резервы страны хранятся преимущественно в Англі'ском банкѣ, играющем роль регулятора денежнаго обращенія всѣх страны.

В результатѣ такой организаціи получается значительное сокращеніе потребности в звонкой монетѣ. В Англіи, гдѣ чек всего бол'е пошел в употребленіе и гдѣ сколько-нибудь состоятельные люди производят уплаты бол'е значительных сумм почти исключительно чеками, количество звонкой монеты, требующ'ся для огромных оборотов англі'ской торговли, сравнительно крайне незначительно.

Общее количество золота в монетѣ в Англіи опред'ляли в 1909 г. в 2.371 мил. марок, в Германіи - в 4.387 мил. марок, во Франціи - в 3.891 мил. марок. Будучи само' богато' страной, Англія имѣет возможность довольствоваться, благодаря развитію кредита, меньшим количеством золота, чѣм Франція и Германія.

Особо' теоретическій интерес представляет эмиссіонная операція банков-выпуск банковых билетов на предъявителя. Банковые билеты суть предназначенные для обращенія на ряду с деньгами кредитные документы, содержащіе в себѣ обязательство банка уплатить предъявителю билета обозначенную на билетѣ сумму денег. Банковые билеты выставляются на опред'ленныя круглыя суммы и служат для платежей, являются ору'ем обм'на

и, вообще, так же обращаются в торговом оборотѣ, как и деньги. Различіе их от денег в том, что они являются самостоятельным м'рилом цѣнности: так как они размѣниваются на деньги банком, то их собственная цѣнность опред'ляется деньгами.

Именно этим банковые билеты отличаются от неразмѣнных бумажных денег. Другим их отличіем от обычных бумажных денег является способ выпуска. Банковые билеты обычно выпускаются в обращеніе банком путем кредита, преимущественно путем учета векселей. Поэтому банк только на время может втолкнуть в обращеніе излишнее количество своих билетов-при платежѣ по векселю билеты возвращаются в банк обратно. Наряду с отливом билетов из банка в обращеніе, существует обратный приток билетов из обращенія в банк, что препятствует чрезмѣрному заполненію обращенія страны банковыми билетами.

В виду того, что банковые билеты широко обращаются на рынкѣ наряду с деньгами, правительство принимает особыя мѣры для обезпеченія размѣна банковых билетов. Существуют четыре основныя системы обезпеченія банковых билетов, покрытія их металлом. А н г л і й с к а я система заключается в том, что банковые билеты на извѣстную сумму остаются совершенно непокрытыми металлом, а свыше этой суммы покрываются металлом полностью.

По закону Роберта Пиля 1844 г. Англі'скому банку было предоставлено на 14 милл. ф. стерлингов (впосл'дствіи эта сумма была увеличена) выпускать билетов без всякаго металлическаго покрытія, а все количество билетов выпущенных свыше этой' нормы, должно было быть покрыто звонкой монето' полностью.

Ф р а н ц у з с к а я система состоит в том, что банку разрѣшается без дальнѣйших ограниченій выпуск билетов не свыше опред'ленной максимальной суммы. При г е р м а н с к о й системѣ выпуск непокрытых билетов не фиксируется опред'ленной суммой, но билеты, выпущенные свыше опред'ленной нормы, облагаются дополнительным налогом. При а м е р и к а н с к о й системѣ сумма допускаемых к выпуску банковых билетов опред'ляется основным капиталом банка.

Банки краткосрочнаго кредита- так называемые к о м м е р ч е с к і е банки-служат цѣлям преимущественно торговли и промышленности, которыя они снабжают оборотным капиталом. Однако хозяйственное предпріятіе нуждается не только в оборотном, но и в основном капиталѣ. Кредит для снабженія хозяйственных предпріятій основным капиталом должен быть по самому существу д'ла, долгосрочным кредитом, так как основной капитал оборачивается медленно. При долгосрочности кредита и форме обезпеченія кредита должны быть иныя- личный' кредит, преобладающій в банках краткосрочнаго кредита, становится невозможным. Становится необходимым вещное обезпеченіе кредита. В так называемых и п о т е ч н ы х банках обезпеченіем является недвижимость - в городах городская земля и постройки, в сельском хозяйствѣ- земля (земельные банки). Банки этого рода выдают под залог недвижимости долгосрочныя ссуды, которыя погашаются по частям в теченіе длиннаго ряда лѣт. Капиталы, выдаваемые в ссуду, пріобрѣтаются ипотечными банками путем выпуска так называемых закладных листов- облигацій обезпечиваемых имуществом.

Своеобразный тип банков долгосрочнаго кредита представляют собою так называемые банки движимаго кредита (кредит мобильер), ставящіе своей специально' цѣлью снабженіе предпріятій основным капиталом и учрежденіе новых предпріятій. Эти банки, соединяющіе операціи долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита, им'ли одно время во Франціи, в эпоху Третьей Имперіи, шумный успѣх, но оказались весьма ненадежными кредитными учрежденіями, благодаря необезпеченности помѣщаемых в них капиталов. Фактически, снабженіе капиталами вновь учреждаемых, а также и старых предпріятій - так называемое финансированіе их при посредствѣ сбыта на биржѣ их акцій и облигацій и кредитованія их под залог этих бумаг является постоянной операціой обычных коммерческих банков, хотя этим и нарушается принцип краткосрочности кредита.

В организаціи кредита в Россіи выдающуюся роль играет государство. Частные коммерческіе банки стали возникать в Россіи только в концѣ 50-х годов прошлаго вѣка, и хотя они с тѣх пор получили очень значительное

развитіе,тѣм не менѣе и до настоящаго времени руководящая роль среди наших учрежденій краткосрочнаго кредита принадлежит Государственному Банку,который исполняет обычныя операціи коммерческих банков,но в то же время регулирует и денежное обращеніе страны- производит выпуски кредитных билетов в соотвѣтствіи с нормами,установленными закономо чем выше в предшествовавшей главѣ). Ни один другой банк в Россіи не обладает правом выпуска своих билетов,-эмиссіонная операція есть монополія Государственнаго банка.

Еще болѣе преобладающую роль государство играет у нас в организаціи долгосрочнаго кредита.Учрежденный в I882 г. Государственный Крестьянскій поземельный банк преслѣдовал вначалѣ только цѣли расширенія крестьянскаго землевладѣнія,и только в I906 г. ему было предоставлено также право выдавать ссуды под залог крестьянской надѣльной земли. В I885 г. учрежден Государственный Дворянскій земельный банк, спеціально с цѣлью помощи дворянскому землевладѣнію,путем предоставленія ему кредиталя на возможно болѣе льготных условіях. Для пониженія процента по ссудам Дворянскаго банка был даже выпущен особый выигрышный билет,благодаря чему банк получил возможность держать процент по ссудам ниже процента,платимаго им самим по своим закладным листам. Благодаря таким выгодным условіям кредита, Дворянскій банк быстро развил свои операціи и стал господствующим земельным банком государства.

III. С б е р е г а т е л ь н ы я к а с с ы. Эта форма кредитных учрежденій возникла в Англіи в концѣ XVIII вѣка. Задачи сберегательных касс заключались главным образом, в доставленіи населенію возможности получить процент с самых небольших сбереженій,доступных и бѣдным людям. Первоначальныя сберегательныя кассы в Англіи были частными учрежденіями,во глав которых стояли мѣстные вліятельные люди-землевладѣльцы и духовенство. Операціи их развивались медленно,и только в I86I г., когда Гладстон организовал так называемые почтовыя сберегательныя кассы- огромную сѣть правительственных сберегательных касс при почтовых отдѣленіях- вклады в сберегательныя кассы стали быстро возрастать. Всѣ эти вклады (как почтовых сберегательных касс,так и касс прежняго типа) в Англіи помѣщаются почти исключительно в государственныя процентныя бумаги,благодаря чему касны явились насосом, который выкачивал сбереженія мелкаго люда и направлял их государству.

Германскія сберегательныя кассы являющіяся по многих отношеніях, образцовыми)служат двум цѣлям: дать возможность мелкому люду получить процент со своих сбереженій и? с другой стороны, помочь мѣстному мелкому производителю получать денежный кредит. Онѣ вполнѣ автономны и исполняют самыя разнообразныя операціи- дѣлают долгосрочныя ссуды небольшими суммами,занимаются покупкой и продажей земли в интересах мѣстнаго мелкаго крестьянства,оказывают помощь при постройкѣ жилищ для рабочих,поддерживают кооперативныя организаціи мелкаго кредита и т.д. и т.д. Свои капиталы онѣ стараются утилизировать в интересах мѣстнаго крестьянства и мелких промышленников,приходя им в разнообразном смыслѣ на помощь. Именно в этих активных операціях германских сберегательных касс и заключается их огромное преимущество перед кассами англійскими и французскими. Во французской экономической литературѣ постоянно раздаются жалобы на то,что французскія кассы помѣщающія свои капиталы почти исключительно в государственныя процентныя бумаги,оттягивают капиталы от мѣстных мелких владѣльцев и,таким образом, обезкровливают мѣстное мелкое производство. Этого избѣгают германскія сберегательныя кассы, которыя своими капиталами оказывают помощь мѣстным мелким производителям,наиболѣе нуждающимся в кредитѣ.

Такія операціи германских касс,как ссуды под залог недвижимостей на долгіе сроки,могут казаться несогласными с принципами банковаго дѣла,требующими,чтобы активныя операціи были согласованы с пассивными- чтобы при краткосрочности вкладов ссуды были краткосрочныя. Однако, так как операціи касс ограничены узким раіоном,то кассы могут индивидуализировать свои операціи. Онѣ хорошо знают своих вкладчиков,знают в какой мѣрѣ можно ожидать с их стороны обратнаго истребованія вкладов, и потому могут распоряжаться своими вкладами гораздо свободнѣе,чѣм какой-либо крупный банк. Опыт показал,что указанныя отступленія от обычных принципов банковаго дѣла не сопровождаются никакими невыгодными послѣдствіями для состоятельности касс.

В Россіи сберегательныя кассы представляют собой чисто бюрократическія учрежденія,находящіяся в вѣдѣніи министерства финансов.Кассы эти помѣщают свои капиталы в государственные займы или гарантированныя правительством процентныя бумаги. К ним примѣнимы в усиленной степени всѣ тѣ возраженія,которыя дѣлают против англійских и французских касс.

IV. Н а р о д н о х о з я й с т в е н н о е з н а ч е н і е кредита. Экономисты много спорили; является ли кредит капиталом.Спор этот является характерным образчиком схоластических словопреній,к которым экономисты так склонны.Как бы ни называть кредит,несомнѣнно,кредит развивает производительныя силы страны и представляет собою огромный шаг впередъ в смыслѣ организаціи товарнаго обмѣна. Кредитный обмѣн представляет собой такое же усовершенствованіе обмѣна;как и денежный по отношенію к натуральному. Как было указано выше,Бруно Гильдебранд противопоставлял денежному кредитное хозяйство,считая это послѣднее высшим типом хозяйства. При этом Гильдебранд исходил из слѣдующих соображеній. При отсутствіи кредита предпринимателями могут быть лишь богатые люди, располагающіе капиталом, лица же,неимѣющіе капитала,не могут быть предпринимателчми,каковы бы ни были их предпринимательскіе таланты. Кредит,по мнѣнію Гильдебранда, и должен дать способным и талантливым людям капитал,- кредитное хозяйство есть как бы возстановленіе господства человѣка над капиталом. Эти мысли были навѣяны Гильдебранду школой знаменитаго французскаго соціалиста Сен-Симона. Но Сен-Симонисты понимали,что для осуществленія чего-либо подобнаго-распредѣленія средств производства между предпринимателями в соотвѣтствіи со способностями и талатами каждаго-требуется,как необходимое условіе, общественное владѣніе средствами производства. Гильдебранд же отбросил соціализм сен-симонистов и думал,что кредит сам по себѣ,при господствѣ капиталистическої системы, может привести к переходу средств производства в руки наиболѣе способных людей. Это- несомнѣнная утопія. Крупный кредит не уничтожает,а доводит до полнаго развитія господство капитала. Крупный кредит приводит к тому, что капитал все болѣе сосредоточивается в руках экономически сильнѣйших, каковыми являются капиталисты, которые,благодаря кредиту,становятся повелителями не только своего,но и чужого капитала. И только в новѣйшее время создаются организаціи,которыя дают возможность пользоваться кредитом и мелким производителям.

Общее вліяніе кредита на современное хозяйство заключается в том, что благодаря кредиту увеличивается связь между единичными хозяйствами, которыя все болѣе и болѣе сплотаются в одно нераздѣльное цѣлое. При господствѣ обмѣна только на наличныя деньги мѣновыя отношенія непосредственно связывают отдѣльныя хозяйства лишь на время мѣнового акта;при кредитном же обмѣнѣ отдѣльныя хозяйства оказываются связанными на все время дѣйствія кредита,т.е. в теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени.Поэтому благодаря кредиту пріобрѣтают особое развитіе всѣ тѣ явленія современнаго хозяйственнаго строя, которыя вытекают из стихійной взаимной зависимости единичных автономных хозяйств друг от друга,-как,напр., хозяйственные кризисы (о которых ниже в концѣ курса).

Одной из чрезвычайно характерных особенностей новѣйшаго развитія капиталистической системы является быстро растущее значеніе кредитных учрежденій-банков- в общем строѣ современнаго хозяйства. Именно денежный капитал становится рѣшающей экономической силой и подчиняет себѣ другія формы капитала- промышленный и торговый капитал. Процесс этот наблюдается одинаково как на Западѣ,так и в Россіи.Банки являются учредителями новых торговопромышленных предпріятій и собственниками их акцій. Таким образом, они получают возможность непосредственно управлять торговопромышленными предпріятіями,сохраняющими сполна и рядом только юридическую самостоятельность,но вполнѣ зависимыми от банков. В то же время банки,при помощи открываемаго ими торговцам кредита,захватывают в свои руки и непосредственную торговлю различными продуктами. Так,напр., в Россіи банки фактически являются самыми крупными хлѣбными торговцами,хотя такая торговля и не предусмотрѣна уставами банков

ло согласуется с нормальными функціями кредитных учрежденій.

В конц' концов, в связи с распространеніем акціонерных компаній, становящихся мало-по малу господствующей формой капиталистических предпріятій, банки подчиняют себѣ весь строй капиталистическаго производства и обмѣна и образуют собой, таким образом, самыя мощныя орудія концентраціи капитала и объединенія общественнаго хозяйства. В послѣднее время вопрос этот обратил на себя большое вниманіе в экономической литературѣ и вызвал ряд работ, в числѣ которых сл дует, прежде всего, указать на переведенную и на русскій язык книгу Гильфердинга "Финансовый капитал."

ГЛАВА IУ.

Страхованіе.

I.

Страхованіем называется хозяйственная операція, заключающаяся в распредѣленіи между многими единичными хозяйствами хозяйственнаго ущерба, происходящаго для даннаго единичнаго хозяйства от событія, время наступленія котораго предвидѣть невозможно. Страхованіе есть своеобразный метод борьбы с тѣми случайностями , которыя поражают не одновременно обширныя группы хозяйств, а отдѣльныя единичныя хозяйства; в этом случаѣ вся масса единичных хозяйств остается незатронутой несчастным событіем и, слѣдовательно, способной оказать помощь тому единичному хозяйству, которое пострадало от такого несчастья. Само по себ' страхованіе не уменьшает размѣра ущерба для всего народнаго хозяйства от даннаго несчастнаго событія; но распред ляя этот ущерб между многими, оно дѣлает перенесеніе его гораздо болѣе легким и, таким образом, весьма существенно уменьшает чувствительность его для даннаго единичнаго хозяйства и для всѣх их в совокупности.

Страхованіе предполагает объединеніе для цѣлей страхованія болѣе или менѣе обширной группы единичных хозяйств, которым угрожает то же несчастное событіе и которыя распредѣляют между собой возникающій отсюда ущерб. Взносы каждаго единичнаго хозяйства, входящаго в состав данной страховой группы для покрытія этого ущерба, называются с т р а х о в ы м и п р е м і я м и; лицо, уплачивающее страховую премію, называется страхователем; учрежденіе, получающее страховыя преміи и принимающее на себя обязательство возмѣщать страхователям в опредѣленном размѣрѣ убытки от наступленія опредѣленно указаннаго несчастнаго событія называется с т р а х о в щ и к о м; суммы, уплачиваемыя таким образом страховщиками, - с т р а х о в ы м и с у м м а м и.

Для того, чтобы операція страхованія могла имѣть мѣсто, требуется, чтобы предвидимое несчастное событіе поражало только н которыя единичныя хозяйства, а не всѣх их в совокупности. Поэтому, в случаѣ таких массовых несчастій, как наводненіе, землетрясеніе, бомбардировка городов и т.п. страхованіе оказывается совершенно несосуществимым, так как слишком мало остается непострадавших единичных хозяйств, на которых могл бы быть распредѣлено бремя оказанія помощи пострадавшим хозяйствам.

С другой стороны, для того, чтобы страхованіе могло д йствовать болѣе или менѣе удовлетворительно, оно должно охватывать всегда очень обширную группу единичных хозяйств. Страхованіе стремится к тому, чтобы превратить для единичнаго хозяйства крупный ущерб, изрѣдка возникающій от того или иного несчастнаго событія, в правильное регулярно повторяющееся нибольшіе денежные взносы. Оно стремится устранить из хозяйства элемент случайности, риска. Но каким образом можно устранить элемент случайности? Только увеличеніем числа случаѣв, когда предвидимое случайное событіе может имѣть мѣсто. Элемент риска устраняется из страховой операціи тѣм полнѣе, чѣм болшее количество единичных хозяйств она захватывает.

Если число застрахованных домов достигает, напримѣр, только нѣскольких тысяч, то вполнѣ возможно, что убытки от случайных, единичных пожаров в данном году будут в нѣсколько раз превышать убытки от пожаров в будущем году и, значит, цѣли страхованія - устраненіе элемента случайности будут достигнуты очень несовершенно. Напрртив, если число застрахованных домов опредѣляется сотнями тысяч, то ежегодные убытки от случайных пожаров предст вляют собой мало колеблющуюся величину, и, слѣдовательно, для покрытія пожарных убытков должна приходиться на каждый застрахованный дом точно также мало колеблющаяся сумма взноса. Вот почему страховая организація всегда должна имѣть и фактически имѣет очень крупные размѣры, страхованіе в небольших размѣрах не достигает цѣли.

Вѣроятность наступленія того или иного случайнаго событія может быть выражена дробью, в которой знаменателем является число всѣх случаев, когда данное явленіе может наступить, а числителем число случаев, когда данное явленіе дѣйствительно наступает. Однако, дѣйствительное число случаев наступленія того или иного случайнаго событія никогда вполнѣ не совпадает с теоретической вѣроятностью его наступленія, а всегда болѣе или менѣе уклоняется от послѣдней, но уклоняется, согласно извѣстному матоматическому з а к о н у б о л ь ш о г о ч и с л а в извѣстной математической зависимости тѣм меньше, чѣм больше число возможных случаев наступленія явленія. При безконечном числѣ случаев дѣйствительное число случаев наступленія случайнаго событія должно совпасть с его математической вѣроятностью. Но чѣм меньше случаев возможнаго наступленія даннаго событія, тѣм больше дѣйствительное наступленіе этого событія уклоняется от его математической вѣроятности.

По своей организаціи страхованіе распадается на два основных типа или систем- в з а и м н о е страхованіе и страхованіе у т р е т ь и х л и ц. При взаимном страхованіи страхователи являются своими собственными страховщиками, - группа лиц образует страховое общество для покрытія убытков от того или другого случайнаго несчастія и достигает своих цѣлей путем распредѣленія убытков в своей собственной средѣ. Взаимное страхованіе, в свою очередь, может быть подрѣздѣлено на частное взаимное страхованіе, когда страховое общество возникает путем частной инициативы, и публичное взаимное страхованіе, когда взаимная страховая организація создается на публично-правовых основаніях.

Страхованіе у третьих лиц имѣет мѣсто тогда, когда страхователям противостоит, как независимое от них третье лицо, страховщик, к которому и поступают страховыя преміи и который принимает на себя обязанность уплачивать страхователям, при наступленіи несчастнаго событія, страховую сумму, обусловленную договором; хозяином страхового предпріятія в этом случаѣ является страховщик, а страхователи только его клієнтами. В свою очередь и страхованіе у третьих лиц, как и взаимное распадается на частное, если страхователем является частное предпріятіе (акціонерная кампанія) и публичное, если страхователем является государство или его органы.

Оба основных типа страхованія сходны в том отношеніи, что и при страхованіи у третьих лиц, как и взаимном, цѣли страхованія осуществляют путем распредѣленія ущерба от несчастнаго событія между страхователями. Хотя юридически при страхованіи у третьих лиц обязанность возмѣщать страховую сумму ложится всецѣло на страховщика, тѣм не менѣе экономически эти суммы возмѣщаются страхователями, из страховых премій которых страховщики образуют фонд для выполненія своих обязательств. Собственный капитал, которым располагает страховщик, играет рол ь только дополнительной гарантіи, но дѣйствительная возможность для страховщика исполнить по отношенію к страхователям свои обязательства всецѣло опредѣляется тѣм, в какой мѣр страховыя преміи достаточны для покрытія слѣдуемых к уплатѣ страховых сумм, - собственный капитал частнаго страхового предпріятія составляет лишь ничтожную сумму его обязательств по отношенію к страхователям.

Существеннее различіе двух названных систем страхованія заключается в том, что взаимное страхованіе имѣет в виду лишь интересы страхователей, а при страхованіи у третьих лиц страховое предпріятіе непосредственно служит интересам страховщика. Различіе это собственно важно, когда мы имѣем дѣло с частным страхованіем. Взаимное страхованіе стре-

мится к возможному понижению страховых премій, поскольку этим не подвергается опасности достиженіе страховых цѣлей. Напротив, частная страховая кампанія, как и всякое капиталистическое предпріятіе, стремится лишь к достиженію наибольшаго барыша и, слѣдовательно, к возможному повышенію страховых премій, поскольку это допускается условіями рынка.

Страховыя премій при взаимном страхованіи в принципѣ не представляют собой неизмѣнной величины, но эластичны и измѣняются в зависимости от колебаній уплачиваемых страховых сумм. На практикѣ, при наличности значительнаго капитала, накопленнаго за предшествующіе годы, а при взаимном страхованіи преміи могут мало колебаться. Напротив, при страхованіи у третьих лиц, страховыя преміи, как общее правило, неизмѣнны, так как в этом случаѣ страховщик принимает на себя обязательство, за уплату страхователем ежегодно опредѣленной страховой преміи, уплатить тому же страхователю, при наступленіи несчастнаго событія, опредѣленную сумму, совершенно независимо от того, покрываются ли страховыми преміями слѣдуемыя к уплатѣ страховыя суммы или нѣт. Это является другим побудительным мотивом для частных страховых компаній держать страховыя преміи на таком высоком уровнѣ, при котором даже при самом неблагопріятном стеченіи обстоятельств страховыя преміи покрывают всѣ обязательства страхового предпріятія.

В виду всего этого слѣдует признать, с точки зрѣнія общественных интересов, наименѣе цѣлесообразной формой страхованія частное страхованіе у третьих лиц. Страхованіе должно быть удѣлом публичных учрежденій, которыя не преслѣдуют цѣли наибольшаго барыша и которыя, с чисто технической стороны, имѣют полную возможность так же удачно справляться со страховыми операціями, как и частныя страховыя компаніи.

По своему объекту страхованіе распадается на два основных вида-страхованіе имущества и страхованіе ж и з н и. Под страхованіем и м у щ е с т в а понимают такое, которое имѣет в виду событія, угрожающія имуществу; под страхованіем ж и з н и- или работоспособности- человѣка.

Страхованіе имущества распадается на цѣлый ряд подвидов, соотвѣтственно различному роду несчастных событій, угрожающих имуществу человѣка. Важнѣйшими из этих подвидов являются страхованіе от о г н я, от н е с ч а с т н ы х с л у ч а е в при т р а н с п о р т ѣ, от градобитія, от падежа скота.

Страхованіе от огня возникает в Западной Европѣ еще в XV вѣкѣ в формѣ страхованія построек, не достигает значительнаго развитія только в XIX вѣкѣ, причем к страхованію построек присоединяется в XVIII вѣкѣ и страхованіе движимаго имущества. В настоящее время страхованіе от огня является наиболѣе распространенным видом страхованія. Страховая премія при этом видѣ страхованія обычно различна в зависимости от опасности пожара угрожающей данному имуществу: страховыя преміи при страхованіи деревянных зданій выше, чѣм при страхованіи каменных зданій и т.п. В Россіи существует принудительное страхованіе от огня по отношенію к сельским постройкам в чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, если постройки эти не застрахованы в каком либо страховом обществѣ. Органами этого принудительнаго страхованія являются в земских губерніях губернскія земства.

Страхованіе от несчастных случаев при транспортѣ является самым старинным видом страхованія и в формѣ страхованія при перевозкѣ по морю возникает еще в XIII вѣкѣ, достигая к XVI вѣку уже значительнаго развитія в большинствѣ морских держав Западной Европы. В морском страховании предметом его может быть как судно, так и груз и, вообще всякій имущественный интерес, связанный с морской перевозкой. За послѣднее время значительно развилось страхованіе кладей при перевозкѣ по желѣзным дорогам.

Страхованіе посѣвов от градобитія и страхованіе от падежа скота являются видами сельскохозяйственнаго страхованія. Оба эти вида страхованія распространены сравнительно мало. Развитію страхованія посѣвов от градобитія препятствуют, с одной стороны, то, что до сих пор имѣется еще

мало наблюденій относительно вѣроятности градобитія в той или иной мѣстности, и, слѣдовательно, нѣт достаточной основы для установленія раціональнаго размѣра страховой преміи; с другой же стороны, затруднительно установленіе и убытка, причиненнаго градобитіем, так как посѣвы могут, в большей или меньшей степени, оправляться от вреда, причиненнаго градом. Что касается страхованія от падежа скота, то оно складывается в различныя формы в зависимости от того, чѣм вызывается падеж скота. При падежѣ от случайных заболѣваній страхованіе может быть организовано частным порядком, но при падежѣ от заразительных болѣзней скота-эпизоотій-единственно раціональной формой является принудительное государственное страхованіе. Все общество заинтересовано в том, чтобы эпизоотіи возможно скорѣе прекращались, что может достигаться в случаѣ опасных форм эпизоотій, лишь немедленным уничтоженіем заболѣвшаго животнаго: но такое уничтоженіе возможно только в том случаѣ, если владѣлец животнаго не терпит от этого имущественнаго убытка, -иначе говоря, если ему возмѣщается стоимость уничтожаемаго животнаго. Только на основѣ принудительнаго страхованія от падежа скота возможна раціональная борьба с эпизоотіями.

Другим основным видом страхованія является страхованіе жизни. В этом случаѣ страхователь за уплату опредѣленной страховой преміи пріобрѣтает для себя или для какого-либо третьяго лица право получить, в случаѣ наступленія опредѣленнаго предвидимаго в будущем, событія, связаннаго с его собственной жизнью или жизнью третьяго лица, опредѣленную сумму денег или опредѣленный ежегодный доход. Самым распространенным видом страхованія жизни является страхованіе на случай смерти: страховое учрежденіе берет на себя обязательство уплатить наслѣдникам страхователя или опредѣленно указанным им третьим лицам, в случаѣ смерти страхователя, опредѣленную денежную сумму. Или же, наоборот, страховщик берет на себя обязательство уплатить опредѣленному лицу опредѣленную сумму не достиженіи этим лицом опредѣленнаго возраста (т.е. если к этому сроку данное лицо не умрет). Вообще, существует весьма много различных видов страхованія жизни, стремящихся путем самых разнообразных комбинацій сдѣлать такое страхованіе пріемлемым для страхователя.

При страхованіи на случай смерти, размѣр страховой преміи измѣняется в зависимости от вѣроятности смерти для даннаго лица, что, в свою очередь, зависит от его возраста и состоянія здоровья. На основаніи статистических данных возможно вычислить, какова вѣроятная продолжительность жизни для человѣка опредѣленнаго возраста; соотвѣтственно этому и устанавливается высота страховой преміи, -чѣм больше вѣроятная продолжительность жизни, тѣм страховая премія, естественно, ниже и обратно. Поэтому страхованіе жизни предполагает существованіе болѣе или менѣе точной статистики смертности и достигает нѣкотораго развитія только послѣ того, как в половинѣ XVIII вѣка стало возможно составленіе, на основаніи статистическаго матеріала, болѣе или менѣе удовлетворительных для практических цѣлей таблиц смертности, т.е. таблиц средней продолжительности жизни для каждаго отдѣльнаго возраста.

Страхованіе на случай смерти имѣет в виду обезпечить наслѣдникам полученіе опредѣленной денежной суммы. Та же цѣль может быть достигнута и другим путем-сбереженіем в теченіе ряда лѣт желаемой суммы. Однако, страхованіе имѣет то несомнѣнное преимущество перед сбереженіем, с которым оно имѣет много общаго (уплата страховой преміи аналогична ежегодно дѣлаемому сбереженію), что в случаѣ сбереженія успѣх не безусловно обезпечен (если данное лицо умрет вскорѣ послѣ того, как оно начало сберегать, то оно не успѣет сберечь предположенной суммы для своих наслѣдников), между тѣм как в случаѣ страхованія достиженіе цѣли обезпечено, -если бы страхователь умер на другой же день послѣ внесенія первой страховой преміи, его наслѣдники полностью получили бы страховую сумму. Но, с другой стороны, метод страхованія имѣет тѣ невыгоды, сравнительно с методом сбереженія, что при сбереженіи вся сбереженная сумма остается всегда в распоряженіи владѣльца и всѣ его сбереженія входят в состав его имущества, между тѣм как при страхованіи страхователь передает свои сбереженія в распоряженіе третьяго лица и сам ут-

рачивает возможность распоряжаться ими; кромѣ того, в случаѣ, если бы страхователь прожил больше вѣроятной продолжительности его жизни, он может уплатить в видѣ страховой преміи за цѣлый ряд лѣт значительно большую сумму, чѣм та, которую получат его наслѣдники.

Страхованіе в его различных видах не создает непосредственно никакого новаго имущества и только иначе распредѣляет ему между заинтересованными лицами. Однако, благодаря тому, что при этом распредѣленіи имущественный ущерб от того или иного несчастнаго событія, падающаго на одно единичное хозяйство, распредѣляется между многими единичными хозяйствами, тяжесть этого ущерба чрезвычайно ослабляется, и народное хозяйство переносит соотвѣтствующія насчастныя событія с большой легкостью. Что касается до самых несчастных событій, то вліяніе операцій страхованія на наступленіе их весьма сложно. На нѣкоторыя из этих событій страхованіе не может оказывать ровно никакого вліянія, напримѣр, на градобитіе, наступленіе котораго находится ни в какой связи с дѣятельностью человѣка. Напротив, в других случаях страхованіе косвенным образом являются самым дѣйствительным средством предупрежденія соотвѣтствующих несчастных событій, - так, напримѣр, при страхованіи от эпизоотій; только на основѣ такого страхованія возможно дѣйствительное предупрежденіе распространенія эпизоотій ибо для прекращенія и предупрежденія эпизоотій самым дѣйствительным средством является уничтоженіе заболѣвшаго животнаго, что достижимо в широких размѣрах лишь в том случаѣ, если хозяин животнаго вознаграждается за его потерю. Наконец в третьих случаях, страхованіе ~~бывшим~~ частью благопріятствует наступленію соотвѣтствующих несчастных событій, частью противодѣйствует таковому. Так, напримѣр, страхованіе от огня создает опасность умышленных поджогов для полученія страховой суммы и, во всяком случаѣ, большой небрежности со стороны страхователя по отношенію к предупрежденію опасности пожара; но с другой стороны, повышая страховую премію для имуществ, болѣе подверженных риску пожаров, страховыя учрежденія оказывают косвенное давленіе на населеніе, в смыслѣ побужденія населенія прибѣгать к постройкам, менѣе опасным в пожарном отношеніи. Если же страховое дѣло сосредоточено в руках публичнаго учрежденія, то оно имѣет возможность весьма дѣйствительным образом содѣйствовать уменьшенію риска пожаров путем разнаго рода противопожарных мѣр. Так, наши земства, являющіяся органами принудительнаго страхованія от огня крестьянских построек, принимают разнообразныя мѣры для предупрежденія и уменьшенія вреда пожаров, путем, напримѣр, распространенія в населеніи огнеупорных построек, устройства водовмѣстилищ для тушенія пожаров и т.п.

Мѣсто страхованія в общей системѣ экономической науки не вполнѣ установлено. Обычно помѣщают страхованіе в отдѣл потребленія. Но для этого не существует ровно никаких теоретических основаній: наоборот, совершенно ясно, что чѣм бы ни было страхованіе, во всяком случаѣ оно не представляет собой потребленія. Борьба со случайными несчастіями, угрожающими имуществу и доходу человѣка, не имѣет ничего общаго, по своему экономическому значенію, с затратой этого имущества и дохода на удовлетвореніе потребностей человѣка. Уничтоженіе запасов хлѣба огнем есть нѣчто противоположное, по своему экономическому значенію, сравнительно с уничтоженіем тѣх же запасов в процесс питанія человѣка. Что же касается до страхованія, то оно представляет собой своеобразный метод борьбы с этими случайными несчастіями и состоит не в уничтоженіи имуществ, а в его возможном сохраненіи для даннаго единичнаго хозяйства путем извѣстных періодических жертв платежей. Поэтому помѣщеніе страхованія в отдѣл потребленія объясняется, с одной стороны, неясностью понимания природы страховой сдѣлки, с другой же стороны и главным образом - тѣм, что, вообще, отдѣл потребленія представляет собой пустое мѣсто экономической науки, которое нужно же чѣм нибудь заполнить.

На самом же дѣлѣ страховая сдѣлка, по своей сущности, представляет собой ни что иное, как один из видов мѣновой сдѣлки. В страховой сдѣлкѣ одно лицо (страхователь) уплачивает другому (страховщику) опредѣленную денежную сумму, а это второе лицо (страховщик) обязуется, взамѣн этого,

уплатить в будущем, в случаѣ наступленія извѣстнаго событія, первому лицу (страхователю) другую и большую денежную сумму. Перед нами несомнѣнный мѣновой акт. И то обстоятельство, что оба участника сдѣлки обязываются уплачивать денежныя суммы нисколько не препятствуют сдѣлкѣ имѣть мѣновой характер, подобно тому, как кредит есть несомнѣнно мѣновая сдѣлка, хотя возвращаемая ссуда состоит из предметов того же рода, как и выданная кредитором. Что же составляет предмет обмѣна при страховой сдѣлкѣ? Обмѣнивается страховая премія на право полученія в будущем, при наступленіи извѣстных условій, болѣе крупной страховой суммы - подобно тому, как при кредитѣ обмѣнивается предоставленіе на время капитала (услуга) на извѣстное вознагражденіе (проценты) в будущем. Страхователь аналогичен кредитору, страховщик - должнику. И потому истинное мѣсто для общей теоріи страхованія - в отдѣлѣ обмѣна.

Однако, нѣкоторые виды страхованія жизни удобнѣе разсматривать в отдѣлѣ распредѣленія, а именно тѣ виды, которые непосредственно соприкасаются с благосостояніем и доходом рабочаго класса, так наз. рабочее страхованіе. В этом послѣднем отдѣлѣ они и будут разсмотрѣны.

ГЛАВА IУ.

ТОРГОВЛЯ.

I. Торговля и торговыя учрежденія. По мѣрѣ развитія обмѣна, обособляется торговля, как особый вид хозяйственной дѣятельности, сводящейся в перепродажѣ хозяйственных предметов, без существеннаго их измѣненія, с цѣлью полученія барыша. На первых ступенях обмѣна торговля в этом смыслѣ отсутствует. Затѣм, когда возникает правильная торговля, она еще долгое время захватывает лишь незначительную часть продуктов общественнаго труда. Главная масса общественных потребностей продолжает удовлетворяться натуральными способами и только немногіе продукты (преимущественно предметы роскоши, удовлетворяющіе потребностям высших классов населенія) становятся достояніем торговли. При слабом развитіи торговли неудивительно, что на этой стадіи она не совершается непрерывно в теченіе всего года, а пріурочивается преимущественно к опредѣленным моментам времени (ярмарки, базары и т.п.). Чѣм болѣе развивается торговля, тѣм ея перерывы становятся меньше и, наконец, она охватывает весь год, теряет періодическій характер и становится постоянной. Наше время характеризуется именно этой непрерывностью торговли, и ярмарки прежняго времени все больше теряют свое значеніе.

Наряду с упадком ярмарок мы замѣчаем рост и развитіе новой организаціи торговли, которая начинает играть все большую роль. Такой организаціей торговли является биржа, имѣющая нѣчто аналогичное с ярмаркой, но по существу учрежденіе совершенно иного типа и характерное для совершенно иного строя хозяйства. Подобно тому, как ярмарка были мѣстом, гдѣ встрѣчались в опредѣленное время покупатели и продавцы, так и биржа является организованным собраніем торговцев-покупателей и продавцов. Отличается же биржа от ярмарки, во-первых, тѣм, что ярмарка является временным собраніем торговцев, а биржа - постоянным; но это различіе не так существенно, как другое - на ярмарку подвозится товар, на биржѣ же торговые обороты производятся без предъявленія товара в его натуральной формѣ. Мѣсто самаго товара заступают его образцы или даже идеальные типы товара, извѣстное опредѣленіе свойств и качеств, которым должен соотвѣтствовать реально поставляемый товар. На биржѣ реальное товарное обращеніе как бы отрывается от своей матеріальной основы, - товар обращается не как реальный предмет, а как идеальная цѣнность. В обычной торговлѣ переход товара от одного торговца к другому сопровождается и матеріальным перемѣщеніем его. На биржу же товары не поступают. Именно поэтому биржевые обороты и могут достигать таких колоссальных размѣров.

Но для возможности такого идеальнаго товарнаго обмѣна требуется, чтобы товар удовлетворял извѣстным требованіям биржевого оборота, а

именно, не обладая индивидуальными свойствами, был, так сказать, безличен, замѣним; каждый другой экземпляр даннаго товара, должен свободно замѣнять данный.

Далеко не всѣ товары обладают такими свойствами. Так, напр., лошади или рогатый скот не могут быть предметом биржевого оборота, ибо каждый экземпляр товаров этого тода обладает индивидуальными свойствами. Но огромное большинство товаров (хлѣб, металлы, хлопок, каменный уголь, сахар, чай, кофе и т.п.), легко может быть подраздѣлено по извѣстным признакам на опредѣленные сорта, и каждая опредѣленная партія такого товара такого же сорта вполнѣ может замѣнить другую.

Продажа этого товара может совершаться без непосредственнаго осмотра товара. В этом случаѣ, для возможности торговой сдѣлки, даже не требуется, чтобы товар имѣлся в руках продавца. Товар может даже еще не существовать в природѣ и все же быть предметом биржевого оборота, напр., при продажаха хлѣба будущаго урожая. Таким образом, благодаря биржѣ, область обмѣна чрезвычайно расширяется.

Самым благодарным матеріалом для биржевых операцій являются цѣнныя бумаги–свидѣтельства государственных займов, векселя, акціи, облигаціи, закладные листы– вообще разнаго рода документы, являющіеся носителями абстрактнѣй цѣнности. Соотвѣтственно роду цѣнностей, обращающихся на биржѣ, раздичают т о в а р н ы я и ф о н д о в ы я биржи. Иногда операціи с товарами и фондами (цѣнными бумагами) сосредоточены на одной и той же биржѣ, иногда же фондовыя и товарныя биржи совершенно обособлены друг от друга.

Товарныя биржи, в свою очередь, нерѣдко подраздѣляются по роду товаров–так, напр., в Лондонѣ и Нью-Іоркѣ почти для каждой болѣе крупной отрасли торговли существует и своя особая биржа.

Среди биржевых операцій различают с д ѣ л к и н а н а л и ч н ы я ц ѣ н н о с т и и с д ѣ л к и н а с р о к. Эти послѣднія заключаются в том, что одно лицо обязуется поставить другому за опредѣленную цѣну в опредѣленный срок опредѣленную цѣнность–товар или цѣнныя бумаги. Так как к сроку поставки рыночная цѣна поставляемой цѣнных бумаг или товара может измѣниться, то сдѣлки такого рода могут быть просто игрой на разницу,–лицо, пріобрѣтающее товар или цѣнныя бумаги, может отнюдь не имѣть в виду пріобрѣтеніе этих цѣнностей, а лишь расчитывать на выигрыш от измѣненія цѣны. Сдѣлки такого рода нерѣдко заканчиваются без всякой поставки товара или цѣнных бумаг, а просто уплатой разницы в цѣнѣ: если ко времени поставки цѣна повысилась, то продавец уплачивает покупателю разницу в цѣнѣ, в противном случаѣ разницу платить покупатель продавцу. В этом случаѣ биржевая сдѣлка не приводит ни к какому перемѣщенію товара или цѣнных бумаг от одних лиц к другим, а является только скрытой формой азартной игры. Но наряду с такими фиктивными сдѣлками, на биржѣ совершаются на огромныя суммы и вполнѣ реальныя сдѣлки по поставкѣ различнаго рода цѣнностей, и именно на таких реальных сдѣлках и основывается огромное народнохозяйственное значеніе биржи. Что касается в частности, товарной торговли, то в этой области биржа исполняет ту функцію, что при ея помощи становится возможным в самых широких размѣрах выравниваніе общественнаго предложенія и общественнаго спроса. Чѣм болѣе развивается современное мѣновое хозяйство, тѣм становится важнѣе, но вмѣстѣ и труднѣе, установленіе правильнаго баланса общественнаго производства и потребленія. каждый товаропроизводитель производит на свой страх и риск без всякаго контроля или помощи со стороны общественной власти. Но лишь при пропорціональном распредѣленіи общественнаго производства производимые товары могут находить сбыт. Биржа и есть тот естественно расширившійся в капиталистическом хозяйствѣ механизм, которий за отсутствіем общественной организаціи производства, дает возможность отдѣльным товаропроизводителям приспособлять, хотя и грубо, общественное производство к общественному спросу. На биржѣ сталкиваются в широких размѣрах общественный спрос и общественное предложеніе, и в результатѣ такого столкновенія устанавливается товарная цѣна. Без помощи биржи цѣна товара была бы показателем слкчайных соотношеній спроса и предложенія во множествѣ отдѣльных пунктов обмѣна.

Что касается до роли биржи в области оборотов с цѣнными бумагами, то здѣсь функціи ея еще важнѣе. На биржѣ устанавливается вексельный курс и, значит, опредѣляется платежный баланс страны. На биржѣ расцѣниваются цѣнныя бумаги– и, значит, опредѣляется кредито-и жизнеспособность соотвѣтствующих предпріятій. Наконец, лишь при помощи биржи становится возможным быстрое привлеченіе общественнаго капитала ко вновь возникающим предпріятіям и, вообще, ко всякаго рода помѣщеніям капитала (напр., государственным займам). Благодаря биржѣ, огромные капиталы могут легко составляться из множества мелких капиталов; таким образом могут возникать колоссальныя предпріятія нашего времени. Словом, биржа является верховным регулятором капиталистическаго хозяйства, и в качествѣ какового представляет собой его необходимую составную часть.

По роли в народном хозяйствѣ торговлю можно раздѣлить на распредѣлительную и спекулятивную. Торговля является распредѣлительной, поскольку задача торговца сводится к распредѣленію извѣстных товаров между различными группами населенія в соотвѣтствіи с их спросом на эти товары. При распредѣлительной торговлѣ торговец закупает товары там, гдѣ данный товар, цѣнится ниже, и продает там, гдѣ он цѣнится выше. При этом происходит новое распредѣленіе товара в пространствѣ: товар переходит к лицам, предъявляющим на товар наибольшій спрос, и барыш торговца основывается на различіи оцѣнок того же товара в разных пунктах обмѣна. При распредѣлительной торговлѣ товар, в концѣ концов, распредѣляется соотвѣтственно народному спросу, полезность чего несомнѣнна.

Спекулятивной торговлей называется такая торговля, при которой разница в цѣнѣ, составляющая барыш торговца, зависит не от различія цѣны товара, так сказать, в пространствѣ– в различных пунктах обмѣна,–но во времени, от измѣненія цѣны товара во времени. Дѣло в том, что цѣны товаров во времени не остаются неизмѣнными во времени, но подвержены измѣненіям и колебаніям. Торговец, при спекулятивных операціях, купив товар, оставляет его нѣкоторое время непроданным, предвидя, что в будущем цѣны на этот товар повысятся и тогда он продаст товар с барышем. Элемент спекулятивнаго расчета присущ всякой торговлѣ,–и при распредѣлительной торговлѣ в чистом видѣ торговая операція требует для своего завершенія извѣстнаго времени, почему торговец не может не считаться с возможными колебаніями цѣны во времени; однако, в нѣкоторых случаях, эти расчеты на измѣненіе цѣны во времени составляют главное существо торговой сдѣлки– и тогда мы имѣем перед собой спекулятивную торговлю в чистом видѣ.

Нерѣдко думают, что если распредѣлительная торговля полезна, то спекулятивная вредна. Но послѣднее вѣрно лишь отчасти. Нужно различать два рода спекулятивной торговли. В одном случаѣ спекулянт стремится заранѣе предвидѣть независящее от его операцій будущее измѣненіе товарных цѣн и приспособить к послѣдному свои операціи. Допустим, напр., что в странѣ происходит неурожай. Хлѣбные торговцы, предвидя повышеніе цѣн хлѣба, увеличивают свои закупки хлѣба ранѣе того времени, когда уже сильно сказывается нужда в хлѣбѣ. Такая усиленная преждевременная закупка вызывается преждевременное повышеніе цѣн на хлѣб; но именно потому, что повышеніе цѣны происходит ранѣе, чѣм без спекулятивных покупок, оно является болѣе постепенным и равномѣрным. Если бы не было спекулятивных покупок, то цѣны на хлѣб повысились бы позже, но зато болѣе рѣзко. Слѣдовательно торговая спекуляція, заранѣе учитывая будущее и устраняя рѣзкія скачки цѣн, выравнивает в данном случаѣ движеніе товарных цѣн и регулирует потребленіе. Общество в цѣлом от этого выигривает, так как соотвѣтственно болѣе равномѣрному движенію цѣн болѣе равномѣрно идет и общественное потребленіе.

Но существуют торговыя спекуляціи и другого рода. В этом случаѣ спекуляція стремится не предвидѣть естественное движеніе товарных цѣн в будущем, а управлять им, создавая искусственный недостаток в товарах, чтобы затѣм, пользуясь высокими цѣнами, сбывать по этим цѣнам товар, купленный по низким цѣнам. В этом случаѣ спекулянт вызывает искусственныя колебанія цѣн–создает искусственную нужду в товарах, разстраивает правильный ход общественнаго потребленія и нажывается на общей нуждѣ.

Но, понятно, такая спекуляція под силу только очень крупным капитали-

стам,которне могут управлять товарным рынком. Союзы капиталистов с цѣлью монополизированія торговли опредѣленными товарами дают многочисленные примѣры подобных спекуляцій. В Америкѣ нѣт почти ни одного важнаго товара,который не становился бы от времени до времени предметом такихъ спекуляцій,порядко дающих участникам их колоссальные барыши,но являющихся с точки зрѣнія интересов общества крайне нежелательной и вредной формой спекулятивной торговли.

По размѣру продажных сдѣлок и по роду покупателей торговлю раздѣляют на р о з н и ч н у ю и о п т о в у ю. В первом случаѣ торговец продает товар небольшими партіями потребителям,во втором случаѣ крупными партіями торговцам же или производителям,перерабатывающим данный товар.Вся организація того и другого ххххрх рода торговли имѣет существенно различный характер.Оптовая торговля имѣет дѣло с людьми,пріобрѣтающими товар ради его послѣдующей перепродажи в готовом или переработанном видѣ.

Поэтому оптовая торговля,как правильно замѣчает Кэн, есть "торговля между спеціалистами";напротив,розничная торговля есть торговля"спеціалистов (или тѣх,кто должен бы быть таковыми) с не спеціалистами". Дѣло в том,что покупатели в оптовой торговлѣ относятся к своим покупкам,как к одной из своих хозяйственных операцій,и болѣе или менѣе равносильны с продавцами по знанію общаго положенія рынка и пр.Напротив, потребители,покупая товар для собственнаго потребленія,относятся к своим покупкам с меньшим хозяйственным расчетом и далеко не равносильны с продавцами по знанію положенія рынка-стоят гораздо ниже и в этом отношеніи.Поэтому движеніе оптовых цѣн имѣет иной характер,чѣм розничных-оптовыя цѣны гораздо подвижнѣе розничных,болѣе соотвѣтствуют общим условіям рынка,чѣм розничныя; вмѣстѣ с тѣм оптовыя цѣны болѣе однообразны в пространствѣ,между тѣм как розничныя отличаются большими различіями в разных пунктах обмѣна и иногда различаются в одной и той же лавкѣ для различных покупателей.

По роду цѣнностей,обращающихся в торговлѣ,различают торговлю товарами и цѣнными бумагами; по хозяйственному и правовому положенію торговца в торговой сдѣлкѣ- торговлю за свой счет и комиссіонную(в послѣднем случаѣ -торговая сдѣлка совершается по порученію и за счет третьяго лица,а сам торговец является простым комиссіонером,не отвѣчающим своим имуществом по сдѣлкѣ); по отношенію торговца к покупателямторговлю н е п о д в и ж н у ю и с т р а н с т в у ю щ у ю (в первом случаѣ торговец продает покупателю в своем торговом помѣщеніи, во втором он сам является к нему на дом со своими товарами); по сферѣ распространенія торговой дѣятельности-торговлю в н у т р е н н ю ю (внутри даннаго государства) и в н ѣ ш н ю ю (торговлю между различными государствами).Внѣшняя торговля,в свою очередь, подраздѣляется на э к с п о р т н у ю (вывоз продуктов за границу), и м п о р т н у ю (ввоз иностранных продуктов в страну) и т р а н з и т н у ю (если иностранные товари перепрлдают за-границей и только проходят чѣрез данную страну.)

Как же измѣняется в процессѣ хозяйственнаго развитія размѣры торговаго предпріятія? Как мы видѣли,в промышленности хозяйственное развитіе выражается в увеличеніи размѣра предпріятія, в концентраціи капитала; в земледѣліи не только не наблюдается побѣды крупнаго предпріятія над мелким,но, наоборот,мелкое или отстаивают свои позиціи,или же даже вытѣсняют крупное. Что касается торговли,то в этой области развитіе идет по среднему пути. Дѣло в том,что,с одной стороны, выгоды крупнаго предпріятія в торговлѣ далеко не так велики,как в промышленности,-достаточно указать на то,что в торговлѣ не может имѣть большого примѣненія машина. С другой же стороны, в торговлѣ отсутствуют и тѣ условія, которыя дѣлают столь жизнеспособным в земледѣліи мелкое предпріятіе:в земледѣліи труд совершается в естественной обстановкѣ и направлен на біологическіе процессы,чего нѣт в торговлѣ.Таким образом по характеру эволюціи предпріятія торговля занимает среднее мѣсто между промышленностью и земледѣліем.

По своему соціальному сложенію торговый персонал точно также занимает середину между промышленным и земледѣльческим персоналом.Так,по данным германских переписей, торговый персонал Германіи распадается на слѣдующія группы:

	Предприниматели.		Наемные рабоч.		Высшіе служащ.	
	Тысячи	в %	тысячи	в %	Тысячи	в %.
I895 г..	844	38	I.I23	5[illegible]	26I	I2
I907 г..	I.0I2	3I	I.699	53	506	I6

Возрасли всѣ группы торговаго персонала,но больше всего возрасла группа высших служащих.Класс предпринимателей по своей абсолютной численности увеличился,но в процентном отношеніи ко всему торговому персоналу упал.

Однако,несмотря на относительную устойчивость мелкой торговли,она сильно страдает от конкуренціи крупных торговых предпріятій.Послѣднія десятилѣтія отмѣчены во всѣх крупных европейских центрах быстрым развитіем гигантских магазинов- так.назыв. базаров,в которых продаются всевозможные товары для широкой публики. Самые крупные из этих магазинов имѣют тысячи служащих и продают товаров на многіе десятки милліонов рублей в год. На ряду с базарами послѣднее время отмѣчено возникновеніем и крупных предпріятій по торговлѣ отдѣльными родами товаров. Благодаря всему этому,экономическое положеніе мелкаго торговца ухудшилось и мелкая торговля находится в таком же упадкѣ,как и ремесло в промышленности.

В Россіи торговля,повидимому,болѣе концентрирована,чѣм на Западѣ,-вообще крупный капитал играет у нас большую роль,чѣм на Западѣ.Но наряду с этим,характерной особенностью нашего строя торговли являются многія архаическія формы ея,напр., огромная роль, которую до настоящаго времени продолжают сохранять у нас ярмарки; обороты их достигают свыше одного милліарда рублей Правда,начиная с 80-х годов XIX вѣка ярмарки наши падают по своему значенію,благодаря развитію путей сообщенія,но,все же, снѣ еще далеко не сошли со сцены.

II. П о л и т и к а в н ѣ ш н е й т о р г о в л и . Вопрос о той политикѣ,которой должны придерживаться государства в своих торговых сношеніях друг с другом,вызывал и вызывает наиболѣе споров в экономической наукѣ.Творцы политической экономіи,как науки- Кенэ и Адам Смит с их ближайшими послѣдователями-были сторонниками так назыв.свободы торговли,полнаго отказа государства от каких бы то ни было стѣснительных мѣр по отношенію к иностранной торговлѣ.С их точки зрѣнія международная торговля должна быть также свободна,как свободна внутренняя торговля.Конечно,они не отрицали права государства облагать таможенными пошлинами предметы иностраннаго ввоза,но пошлины эти,с их точки зрѣнія,должны быть ф и с к а л ь н ы м и, а н е п о к р о в и т е л ь с т в е н н ы м и-должны имѣть своей цѣлью увеличеніе дохода государственнаго казначейства,а отнюдь не созданіе искусственных препятствій для ввоза тѣх или иных продуктов в страну в видах поощренія, таким образом,туземной промышленности.

Каждая страна,по мнѣнію школы свободной торговли,должна развивать тѣ отрасли промышленности, в которых она имѣет существенныя преимущества перед другими странами.Если какой либо продукт производится в другой странѣ с меньшими издержками производства,чѣм в данной странѣ, и в силу этого продается на рынкѣ за меньшую цѣну,то прямая выгода послѣдней страны заключается в том,чтобы ввозить к себѣ болѣе дешевый иностранный продукт и прекратить у себя производство болѣе дорогого тузем ного продукта.Если національный труд направится в тѣ отрасли производства,гдѣ преимущества данной страны всего больше,то таким образом создастся наибольшая сумма общественнаго богатства.Вмѣшательство же государства,с цѣлью поощренія нѣкоторых отраслей промышленности,может повести только к уменьшенію суммы общественнаго богатства,так как помощь одним,путем затрудненія иностранной конкуренціи,равносильна ущербу для других потребляющих продукты иностраннаго производства.

Сторонники свободы торговли (ф р и т р е д е р ы) признают одинаково недопустимыми как покровительныя пошлины, так и другія мѣры, которыми государство может препятствовать свободѣ конкуренціи иностранной промышленности с туземной, напр., вывозныя преміи (преміи за вывоз туземных продуктов за границу), желѣзнодорожные тарифы, преслѣдующіе тѣ же цѣли, и т.п. Государство должно совершенно отказаться от мысли, что оно лучше частнаго лица знает его интересы и предоставить защиту этих интересов здравому смыслу каждаго. "Laissez faire, laissez passer". так формулировал еще в XVIII вѣкѣ задачу государственной власти один из первых физіократов, Гурнэ.

Это ученіе долгое время почти неограниченно царило в наукѣ, и общественное мнѣніе привыкло разсматривать его как бы за самую сущность политической экономіи. Но мало-по-малу в срдѣ самих экономистов нарастала оппозиція этой точкѣ зрѣнія, нашедшая всего ранѣе систематическое выраженіе в работах Фридриха Листа.

В противоположность Смиту разцѣнивавшему результаты той или иной торговой политики с точки зрѣнія ея непосредственнаго вліянія на сумму народнаго богатства в данный момент, Лист выдвинул точку зрѣнія вліянія торговой политики на развитіе производительных сил в странѣ. Государство может сознательно жертвовать интересами настоящаго ради интересов будущаго. Покровительственная пошлина, которую государство налагает на тот или иной товар, привозимый из-за-границы, но могущій также производиться и в данной странѣ, в первый момент никакого новаго богатства не создает и, заставляя потребителя покупать болѣе дорогой товар тузем наго производства, является добавочным бременем, ложащимся на потребителя. Но, если, благодаря этим временным жертвам, государство достигает того, что в странѣ развивается новая отрасль промышленности, которая впослѣдствіи получает возможность производить продукты так же дешево или даже дешевле, чѣм они производятся за-границей, то страна в концѣ концов, выигрывает: развитіе в ней производительных сил вознаграждает ее за временныя жертвы.

Лист не отрицал, что свободная торговля является идеалом международных хозяйственных отношеній. Точно также Лист не отрицал, что для страны, которая чувствует себя сильнѣе своих международных конкурентов, покровительственныя пошлины не имѣют смысла. Покровительственныя пошлины нужны лишь для стран болѣе слабых и отсталых в промышленном отношеніи. Но пока имѣются такія страны, отсталыя в экономическом отношеніи, онѣ должны прибѣгать к системѣ покровительственной торговой политикѣ (протекціонизму), так как только таким путем онѣ могут развить свое собственную промышленность, - при системѣ же свободной торговли онѣ были бы обречены навсегда оставаться в роли поставщиков сырья для более передовых промышленных стран, что предполагает и болѣе низкій уровень общей культуры.

Этот спор фритредеров и протекціонистов продолжается и в наше время, причем в теоретическом отношеніи и та и другая стороны прибавили мало существеннаго новаго к старым аргументам. Фритредеры отстаивают возможно болѣе широкое международное раздѣленіе труда; протекціонисты выставляют идеал возможно болѣе всесторонняго развитія національнаго хозяйства.

Теоретическая безплодность этого спора объясняется тѣм, что вопросы практической политики не могут рѣшаться только абстрактными принципами. В сущности разногласіе сторонников и противников свободной торговли далеко не так велико, как это может казаться со стороны. В настоящее время очень мало найдется экономистов, которые защищали бы какой либо из этих принципов торговой политики во всей его чистотѣ. Современные сторонники свободной торговли признают цѣлесообразность, при извѣстных условіях, системы протекціонизма, точно также, как и современные протекціонисты не отрицают желательности свободной торговли, если это допускается условіями национальной промышленности. Поэтому разногласіе между тѣми и другими имѣет не столько принципіальный, сколько практическій характер. Но по вопросу о практической политикѣ в том и ином отдѣльномъ

случаѣ, по вопросу о том, как велики должны быть в данном частном случаѣ изъятія из принципа свободной торговли или высота и размѣр протекціонизма, мѣсто для спора всегда останется, так как оцѣнка конкретнаго индивидуальнаго случая всегда допускает субъективныя разногласія.

Большое значеніе в этом отношеніи имѣет также и неустранимое в современном обществѣ различіе хозяйственных интересов. Покровительственная пошлина (равно как и всякая иная мѣра протекціонизма) по самому своему существу не может быть выгодна в равной мѣрѣ всѣм классам населенія. Она необходимо должна быть выгодна одним и невыгодна другим: повышая внутри страны цѣну продукта, она выгодна туземным предпринимателям, производящим данный продукт, и невыгодна туземным потребителям этого продукта. Отмѣна такой пошлины, понижая цѣну продукта, была бы невыгодна первым и выгодна вторым. На таком неустранимом антагонизмѣ хозяйственных интересов по отношенію к любой системѣ торговой политики и при извѣстной относительности доводов за и против каждой из них, нѣт ничего удивительнаго, что споры о преимуществах фритредерства и протекціонизма в том или ином отдѣльном случаѣ нисколько не прекращаются. Можно с полной увѣренностью сказать, что пока останется указанный антагонизм интересов, иначе говоря, пока будет существовать современное общество, до тѣх пор экономисты будут продолжать спорить о преимуществах большей или меньшой свободы торговли.

Большинство современных экономистов не отрицают цѣлесообразности покровительственной системы для стран болѣе отсталых в промышленном отношеніи. Но, конечно, из этого не слѣдует, что чѣм выше покровительственная пошлина, тѣм больше ея полезное дѣйствіе по отношенію к развитію производительных сил страны. Нужно ясно понимать, в чем заключается смысл покровительственной пошлины. Такая пошлина имѣет своей непосредственной цѣлью повышеніе внутри страны цѣны соотвѣтствующаго продукта и, благодаря этому, повышеніе прибыли соотвѣтствующаго предпринимателя; это повышеніе прибыли достигается в ущерб потребителю, котораго государство облагает как бы данью в пользу предпринимателя. Обложеніе одних граждан налогом в пользу других представляет собой нѣчто, не соотвѣтствующее современному правосознанію. Поэтому подобныя дѣйствія не должны предприниматься государством без крайней необходимости в них. Лишь в том случаѣ, если несуществует никаких других способов достиженія важной національной цѣли, государство может и должно рѣшиться на пожертвованіе интересами одних в пользу интересов других.

Итак, государство должно всегда стремиться свести покровительственную систему к наименьшим размѣрам. Покровительственная пошлина должна быть устанавливаема на таком уровнѣ, который строго необходим для того, чтобы соотвѣтствующее производство могло развиваться в странѣ. Повышеніе пошлины выше этого уровня не только приводит к добавочному и уже неоправдываемому необходимостью обложенію потребителя в интересах производителя, но и препятствует достиженію конечной цѣли протекціонизма - развитію в странѣ соотвѣтствующих отраслей производства - так как высокій уровень прибыли может непосредственно тормозить такое развитіе. Производитель, которому обезпечен таможенной охраной высокій уровень прибыли, не имѣет побудительных мотивов поднимать технический уровень производства, и данная промышленность, вмѣсто развитія, легко может прійти в состояніе полнаго застоя. Кромѣ того, не нужно упускать из виду, что каждое производство пользуется, как средствами производства, продуктами других отраслей промышленности; поэтому повышеніе одной отрасли промышленности покупается при системѣ протекціонизма всегда в ущерб другим отраслям промышленности.

Так, напримѣр, повышеніе цѣны желѣза, будучи выгодно производителям желѣза, в то же время невыгодно всѣм обрабатывающим желѣзо. Повышеніе цѣны пряжи может содѣйствовать развитію в странѣ производства пряжи, но тормозить, повышая цѣну пряжи, развитіе ткачества и т.п. Поэтому чрезмѣрное неоправдываемое необходимостью, повышеніе пошлины хотя бы на желѣзо оказывает сугубо неблагопріятное дѣйствіе на развитіе многочислен-

нихъ отраслей промышленности, судостроеніе и т.д.

Протекціонизм- оружіе всегда обоюдоострое, с ним нужно поэтому обращаться в высшей степени осторожно, иначе протекціонизм может, вместо средства развитія производительных сил в странѣ, оказаться рѣшительным тормозом такого развитія.

Вот почему, даже, признавая необходимость, при извѣстных условіях, протекціонизма, можно быть рѣшительным противником системы протекціонизма, господствующей в той или иной странѣ. С точки зрѣнія заинтересованных, предпринимателей, покровительственная пошлина тѣм лучше, чѣм она выше; но совсѣм в другом видѣ дѣло представляется экономисту, имѣвшему в виду не частные интересы данной группы предпринимателей, а всего общества. И потому экономистам, стоящим на стражѣ общенародных интересов, приходится на практикѣ, как общее правило, выступать противниками чрезмѣрнаго протекціонизма, к которому стремятся- и, нерѣдко, вполнѣ успѣшно, так как правительственная власть обычно находится в их руках, -крупные предприниматели.

Во всѣх капиталистических странах, без исключенія, капиталистическая промышленность развилась под охраной покровительственной системы. В частности в Англіи господствовал, вплоть до первых десятилѣтій XIXв. не только покровительственный, но даже прямо запретительный таможенный тариф (т.е. такой, при которем внутренній рынок был совсѣм закрыт для всѣх тѣх производствій иностранной промышленности, конкуренціи которых опасались мѣстные производители). Все экономическое могущество Англіи сложилось при дѣйствіи системы крайняго протекціонизма, к которой общественное мнѣніе страны до такой степени привыкло, что Адам Смит признавал чистѣйшей утопіей надѣяться на осуществленіе в Англіи когда-либо свободной торговли.

Однако, именно в Англіи- и больше ни в какой другой капиталистической странѣ- свободная торговля одержала полную побѣду. Начиная с третьяго десятилѣтія XIX вѣка, Англія приступает к коренному измѣненію своей торгово* политики. Слѣдует цѣлый ряд чрезвычайно важных тарифных реформ, в концѣ концов приведших, уже во второй полрвинѣ XIX вѣка, к тому, что покровительственныя пошлины совершенно исчезли из англійскаго тарифа. В настоящее время англійскій тариф знаст только нѣсколько пошлин чисто фискальнаго характера, -огромное большинство товаров ввозится совершенно свободно.

Нетрудно понять, почему именно в Англіи- и только в Англіи- система свободной торговли получила свое полное осуществленіе. Англія стояла, вплоть до послѣдняго времени, в экономическом отношеніи настолько впереди всего остальнаго міра, что покровительственная система ей была совершенно не нужна. В ином положеніи были другія страны и потому надежды англійских фритредоров сорковых и пятидесятых годов, что примѣр Англіи увлечет и ея сосѣдей, и система свободной торговли возторжится повсемѣстно, далеко не оправдались.

Правда, примѣр Англіи не остался без извѣстнаго вліянія, -50 и 60 годы прошлаго вѣка характеризуются в области торговой политики повсемѣстным ослабленіем протекціонизма. Можно было думать, что капиталистическій мір, хотя и медленно, движется в направленіи свободной торговли.

Однако, позднѣйшее время ознаменовалось рѣзким поворотом в сторону протекціонизма. В 1878 г. Германская имперія вводит у себя строго покровительственный тариф, в котором особенно выдающуюся роль играют пошлины на разнаго рода сельскохозяйственные продукты. Франція слѣдует примѣру Германіи, и в 80-х годах, а еще болѣе в 90 годах, значительно повышают пошлины на цѣлый ряд товаров и, особенно на продукты сельскаго хозяйства; в том же направленіи перерабатываются тарифы и многих других второстепенных государств. Вообще, для новѣйшаго фазиса западноевроп. протекціонизма характерно, что это - по преимуществу а г р а р н ы* протекціонизм: не столько промышленность, сколько сельское хозяйство ограждается в Западной Европѣ новыми высокими таможенными ставками. Объясняется это общим сельскохозяйственным кризисом, который Западная Европа пережила в послѣднія десятилѣтія XIX вѣка под вліяніем конкуренціи

с продуктами интенсивнаго западноевропейскаго сельскаго хозяйства заокеанских стран и Россіи. Напротив, промышленность таких быстро развивающихся стран, как Германія, уже почти не нуждаются в особом покровительствѣ.

Зато в Соединенных Штатах протекціонизм имѣл и имѣет п р о м ы ш л е н н ы й характер. Тариф Мак Кинли 1890 г. и еще больше тариф Дингли 1897 г. значительно посили пошлины на важнѣйшіе продукты американской промышленности и только в 1913 году, с избраніем в президенты союза демократа Вильсона, послѣдовало пониженіе пошлин.

Оплотом протекціонизма в Соединенных Штатах являются промышленные сѣверные Штаты, в то время как земледѣльческій юг отстаивает политику свободной торговли. Соотвѣтственно этому дѣлятся и обѣ важнѣйшія политическія партіи страны:- республиканцы отстаивают систему покровительственнаго тарифа, а демократы -свободной торговли.

Однако, и в Англіи за послѣднее время появилось сильное теченіе в пользу протекціонизма, находящееся в связи с тѣм, что Англія в концѣ 19 вѣка утратила свою прежнюю промышленную супрематію и все болѣе и болѣе страдает от конкуренціи Америки и Германіи. Новѣйшіе англійскіе протекціонисты противопоставляют принципу free trade (свободной торговли) принцип fair trade (справедливой торговли). Англія является единственно* капиталистическо* страной, позволяющей свободно ввозить к себѣ всевозможные товары, в то время как ея конкуренты тщательно ограждают свои внутренніе рынки от англійских товаров. Сторонники "справедливой торговли" полагают, что введеніе покровительственных пошлин, которыя могут быть понижены путем особых договоров в пользу государств, согласных сдѣлать соотвѣтствующія уступки в пользу англійской промышленности, дать возможность Англіи добиться пониженія пошлин на англійскіе товары. Вліятельное теченіе англійскаго протекціонизма, стремится, прежде всего, к хозяйственному объединенію с метрополіей англійских колоній, облагающих в настоящее время англійскіе фабриканты покровит. пошлинами для развитія собственной промышленности. Для этого Англія должна ввести таможенныя пошлины на хлѣб и сырье, с тѣм, чтобы продукты колоній облагались ниже, чѣм продукты других стран, взамѣн чего и колоніи будут облагать англійскіе продукты ниже, чѣм продукты других стран.

Побѣда либеральной партіи, отстаивающей систему свободной торговли, сняла с очереди всѣ эти проекты. Но возвращеніе к власти консерваторов опять заставит с ними считаться.

Что касается Россіи, то у нас точно также за послѣднія десятилѣтія XIX вѣка наблюдается усиленіе протекціонизма (имѣющаго у нас почти всецѣло промышленный характер). Таможенным тарифом, опубликованным в 1903 году и вошедшим в дѣйствіе с 1906 г., пошлины еще повышены. Чрезвычайно высокія ставки, характеризующія наш тариф, не только не содѣйствуют росту нашей промышленности, но приводят к противоположному результату- к крайней технической отсталости послѣдней. Не опасаясь иностранной конкуренціи, наш промышленник и не стремится к повышенію производительности труда. Вмѣстѣ с тѣм высокая цѣна продуктов нашей промышленности затрудняет их сбыт среди населенія и тормозит развитіе других отраслей нашего народнаго хозяйства. Поэтому пониженіе таможенных пошлин настоятельно требуется у нас интересами страны.

Переходя к оцѣнкѣ роли торговли в современном хозяйственном строѣ нельзя, прежде всего, не признать, что функціи торговли тѣм существенно отличаются от функцій промышленности и земледѣлія, что производство необходимо при всяком соціальном строѣ, торговля же необходима только при существующем капиталистическом, историческом переходящем строѣ. Поэтому неудивительно, что первые теоретики соціализма обрушили удары своей критики прежде всего на торговлю. Особенно суровой критикѣ подверг торговлю Фурье.

Торговец является по представленію школы Фурье, эксплоататором, сосущим соки общественнаго богатства, не приносящим обществу существен-

ной пользы,но причиняющим ему значительный вред.На самом же дѣлѣ,торговля исполняет в механизмѣ капиталистическаго хозяйства такую же необходимую функцію,как и промышленность: без обмѣна продуктов было бы невозможно в капиталистическом хозяйствѣ и их производство. А так как обмѣн совершается торговцами,то значит,торговцы,как класс,являются необходимым колесом современнаго хозяйственнаго механизма. Но гипертрофія торговли,чрезмѣрное развитіе ея за счет других отраслей общественнаго хозяйства- а тенденція к этому глубоко заложена в капиталистической системѣ- есть несомнѣнное зло,и в этом Фурье совершенно прав.Прав он и в том,что какія бы услуги обществу ни оказывала торговля,плата которую, она требует за эти услуги,непомѣрно высока.

Новѣйшее промышленное развитіе характеризуется стремленіем к созданію болѣе прямых,непосредственных сношеній производителей с потребителями,минуя услуги торговца. Розничнаго,а отчасти и оптоваго торговца, стремятся вытѣснить- и весьма успѣшно- разнаго рода кооперативныя организаціи потребителей,точно также и мелкіе производители стремятся создать собственныя организаціи,чтобы сбывать свои продукты потребителям помимо торговца. В литературѣ кооперативнаго движенія,непосредственно направленнаго против капиталистической торговли,и до настоящаго времени можно встрѣтить разсужденія о декламаціи,проникнутыя духом Фурье.Конечный идеал кооперативов- это установленіе прямых сношеній между производителями и потребителями,при полном устраненіи торговца.

В том же направленіи идет промышленное развитіе новѣйшаго времени и независимо от кооперативных организацій.Концентрація производства и сліяніе отдѣльных небольших предпріятій в гигантскія ассоціаціи капитала приводит к тому,что эти ассоціаціи капитала получают возможность устранить торговое посредничество по пріобрѣтенію нужнаго для них сырья,непосредственно получая его от производителей.Вообще,как уже указывалось раньше, в сферѣ самаго крупнаго капиталистическаго производства,как напр., в области приготовленія крупных машин,рельсов,желѣзнодорожных принадлежностей,кораблестроенія и т.д и т.д. работа на казав является общим правилом.

Торговое посредничество утрачивает,таким образом,свое прежнее значеніе- и это,конечно,большой выигрыш для общества,большая экономія общественных сил. Но так как,на ряду с этим идет процесс развитія мѣнового хозяйства,все большее и большее исчезновеніе натуральнаго хозяйства,то, в общем,роль торговли в современном хозяйствѣ,несмотря на указанныя тенденціи,ограничивающія ея значеніе,не падает,а быстро растет,что доказывается и быстрым ростом числа лиц,занятых в раздичных операціях торговли. В Пруссіи число лавок и магазинов измѣнялось слѣдующим образом:

	Число лавок. (в тысяч.).	На I000 жит. приходится лавок.
I837.	47	33
I86I.	82	44
I895.	200	77

Об увеличеніи экономической роли торговли можно судить по слѣдующим данным,относящимся к Германіи.

	Число лиц (в милліонах).			процент увеличенія за
З а н я т ы х:	I882 г.	I895 г.	I907 г.	I882- I907 г.г.
в земледѣліи. . .	8,23	8,29	9,88	20
" промышленности.	6,39	8,28	II,26	76
" торговлѣ и средствах сообщенія	I,57	2,33	3,48	I2I

Как ни быстро растет промышленное населеніе,торговое населеніе растет еще быстрѣе.

Г Л А В А VII.
КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ И ЕГО ФОРМЫ.

I. Ф о р м ы капиталистических предпріятій.Хозяйственным предпріятіем называется хозяйственная организація,преслѣдующая частнохозяйственныя цѣли и достигающая их при посредствѣ обмѣна. Продаваемые товары могут или изготовляться в предѣлах даннаго предпріятія- и тогда оно имѣет характер опредѣленной организаціи производства; или же пріобрѣтаемые товары пріобрѣтаются предпріятіем путем закупки их на сторонѣ- и в таком случаѣ предпріятіе носит характер торговаго.И в этом и в других случаях характерным для предпріятія является, с одной стороны, цѣль этой организаціи,-цѣлью всегда является достиженіе наибольшаго дохода даннаго предпріятія,почему,напримѣр,благотворительное учрежденіе не является хозяйственным предпріятіем,хотя оно и ведет свое хозяйство- а, с другой стороны, с п о с о б,которым предпріятіе достигает сьоих цѣлей,именно продажа товаров на рынкѣ. По этой послѣдней причинѣ не является предпріятіем хозяйственная организація,как бы сложна она ни была,если только она не связана со сбытом товаров: натуральное хозяйство римскаго патриція или нашего помѣщика времен крѣпостного права,поскольку хозяйства этого рода не были связаны с рынком,не могут считаться предпріятіями.

Капиталистическим предпріятіем тназнвается такое,которое имѣет своей цѣлью полученіе наибольше" прибыли на затраченный капитал. Самостоятельный ремесленник имѣет,напримѣр,свое предпріятіе,но так как он работает личнэ и получает трудовой доход,то предпріятіе его не есть капиталистическое.Точно также производительная ассоціація (о которой в слѣдующей главѣ) имѣет свое предпріятіе,но не капиталистическое. Для современнаго хозяйственнаго строя характерно именно капиталистическое предпріятіе,почему этот строй и назнвается капиталистическим.

По составу лиц,являющихся хозяевами предпріятія дѣлятся на: I) е д и н о л и ч н ы е и 2) м н о г о л и ч н ы я. Эти послѣдня, в свою очередь,раздѣляются: I) полныя в т о в а р и щ е с т в а, 2) т о в а р и щ е с т в а на в ѣ р ѣ и 3) а к ц і о н е р н ы я компаніи.

Во главѣ единоличнаго предпріятія стоит одно опредѣленное лицо,которое и является полным хозяином предпріятія и в то же время несет полную отвѣтственность по нему. Об этом объединеніи в руках одного человѣка всего руководительства дѣлом заключается существенное преимущество этой формы предпріятія перед всѣми другими. Личность руководителя в этом случаѣ наиболѣе полно сливается с руководимым им дѣлом. С другой стороны,именной в этой тѣсной связи предпріятія с личностью предпринимателя коренится и слабая сторона единоличнаго предпріятія: оно подверженс всѣм случайностям личнаго существованія владѣльца. Болѣзнь и смерть владѣльца могут во всякое время погубить его.Размѣр его по необходимости ограничивается капиталом,которым может располагать владѣлец,а также и физической возможностью для владѣльца наблюдать за ходом дѣла во всѣх частях его предпріятія. Поэтому единоличныя предпріятія рѣдко достигают очень крупных размѣров.

П о л н ы м товариществом назнвается такое, в котором владѣльцами предпріятія являются нѣсколько лиц,на каждаго из которых падает и вся отвѣтственность по предпріятію.Каждое из них отвѣчает по обязательствам предпріятія всѣм своим имуществом. Эта форма предпріятія предоставляет то удобство,что она дает возможность привлекать к предпріятію нѣсколько одинаково заинтересованных лиц,участвующих в нем как своим личным трудом и руководительством,так и капиталом. Но, с другой стороны,такая сильная заинтересованность в одном дѣлѣ нѣскольких лиц затрудняет согласную дѣятельность их друг с другом.

В товариществѣ на в ѣ р ѣ или к о м м а н д и т н о м ъ товариществѣ имѣются товарищи двух категорій: один или одни из них несут полную отвѣтственность по предпріятію,а другіе участвуют в предпріятіи только своими взносами и отвѣчают лишь в размѣрѣ этих взносов.Первый или первые являются руководителями предпріятія,а вторые (коммандитисты) лишь участвуют в прибылях и обладают извѣстным правом контроля. Передавая почти всю власть в руки главных участников,эта форма товарищества требует особаго довѣрія коммандитистов к полным товариществам и потому может имѣть успѣх только при наличности особых, не часто встрѣчающихся,условій.

Несравненно болѣе важной формой капиталистическаго товарищества, чѣм всѣ перечисленныя, является а к ц і о н е р н а я компанія. Въ этом видѣ товарищества собственный капитал предпріятія слагается из одинаковых паев-акцій, владѣльцы которых отвѣчают по обязательствам предпріятія только суммами, внесенными по акціям. Каждый владѣлец (акціонер) получает на свою акцію соотвѣтственную долю прибыли-дивидент. Акціи могут быть как именныя, так и на предъявителя (обыкновенно послѣднія). Акціи на предъявителя могут свободно переходить путем продажи из рук в руки и обращаются на рынкѣ, как всякая биржевая цѣнность. Общее собраніе акціонеров является хозяином всего дѣла, но непосредственное управленіе и руководительство им возлагается на особо избираемый орган-управленіе.

Акціонерная компанія (как и другія товарищества) является юридическим лицом и, в качествѣ такового, входит от своего имени во всевозможныя имущественныя сдѣлки. Она может совершать кредитныя операціи, как и всякое другое лицо, но, вмѣстѣ с тѣм, получает возможность привлекать заемный капитал и тѣми способами, которые недоступны частному лицу. Так она может получать капитал путем выпуска так назыв. облигацій- свидѣтельств, дающих право держателям их получать от акціонернаго общества ежегодно опредѣленный заранѣе фиксированный доход. Владѣльцы облигацій являются кредиторами акціонернаго общества и этим существенно отличаются от акціонеров.

Акціонерная компанія обладает цѣлым рядом существенных преимуществ перед всѣми другими формами капиталистических товариществ. Важнѣйшія из этих преимуществ заключаются в слѣдующем. Во-первых акціонерная компанія, как не связанная с личностью того или иного отдѣльнаго лица, хозяевами акціонернаго предпріятія является неопредѣленное число акціонеров, - может с гораздо большей легкостью, чѣм какая либо другая форма капиталистических предпріятій, собирать крупные капиталы-каждый капиталист может сдѣлаться участником акціонернаго предпріятія: для этого нужно лишь пріобрѣсти соотвѣтствующія акціи, которыя обыкновенно свободно продаются на рынкѣ. Во-вторых, в акціонерной компаніи отвѣтственность каждаго участника предпріятія ограничивается суммою, которая уплачена данным лицом за акцію или акціи, принадлежащія ему. Благодаря этому, значительно уменьшается риск, связанный с участіем в предпріятіи. В третьих, благодаря тому, что акціи выпускаются обыкновенно на небольшія суммы, становится возможным участіе в предпріятіи даже для мелких капиталистов. В-четвертых, благодаря возможности во всякое время перепродать акцію, чрезвычайно облегчается выход из предпріятія. В- пятых, благодаря безличности предпріятія и возникающей отсюда необходимости строгой его отчетности, облегчается для предпріятія полученіе кредита. В силу всѣх этих преимуществ, акціонерныя компаніи пріобрѣтают все болѣе и болѣе господствующее значеніе в современном хозяйственном строѣ.

Правда, акціонерным компаніям присущи и специфически им свойственныя невыгодныя стороны, вытекающія из того же их основного свойства, что онѣ безличны- не связаны с личностью опредѣленнаго владѣльца. Отдѣльный акціонер, если только число акцій, находящихся в его владѣніи, не очень велико, сравнительно мало заинтересован в успѣхѣ дѣла. Общія собранія акціонеров поэтому неохотно посѣщаются акціонерами и нерѣдко имѣют характер просто условной формальности. Всѣми дѣлами в акціонерном обществѣ руководит, как общее правило небольшая группа крупных акціонеров, а непосредственное управленіе всѣми дѣлами принадлежит наемным должностным лицам. Поэтому хозяйство акціонернаго общества обыкновенно не отличается бережливостью. Вмѣстѣ с тѣм, благодаря легкой возможности продажи акцій на рынкѣ руководящіе акціонеры, в ущерб остальным получают возможность извлекать доход не из прибылей предпріятія, а из разницы курса (цѣны) акцій в разное время-покупая акціи по низкой цѣнѣ и продавая по высокой-причем эти колебанія курса могут умышленно вызываться заинтересованными лицами.

Сплошь и рядом акціонерныя компаніи возникали и возникают единственно по соображеніям такого рода. Исторія промышленных кризисов сохранила многочисленные примѣры крайне фантастичных предпріятій, устроители которых прекрасно знали всю безнадежность их, но расчитывали путем умѣлой рекламы найти помѣщеніе для акцій этих предпріятій среди довѣрчивой публики и нерѣдко достигали в этом полнаго успѣха.

Но всѣ эти невыгодныя стороны далеко не могут перевѣсить основного имущества акціонернаго компаніи, заключающагося в легкости привлеченія капитала. Поэтому, чѣм больше идет концентрація капитала, тѣм большую роль пріобрѣтает акціонерная кампанія. Самыя крупныя предпріятія нашего времени, как напр., желѣзныя дороги, каналы и т.п. осуществляются или в формѣ акціонерных компаній или в формѣ государственных предпріятій.

Быстрое развитіе акціонерных компаній начинается особенно со второй половины XIX вѣка. В промышленности наиболѣе передовых капиталистических стран онѣ уже стали господствующей формой предпріятія.

Так, напр., в Соединенных Штатах, Англіи и Германіи цѣнность производства акціонерных компаній значительно превосходит цѣнность производства всѣх остальных промышленных предпріятій. Но не нужно забывать, что кромѣ того, акціонерная форма предпріятій является господствующей в самых крупных предпріятіях нашего времени- желѣзнодорожных предпріятіях, значительно большая часть міровой желѣзнодорожной сѣти принадлежит компаніям.

II. С о ю з ы предпринимателей. Однако, как ни быстро идет концентрація капитала путем роста отдѣльных предпріятій и поглощенія мелких предпріятій крупными, условія капиталистическої эволюціи выдвинули за послѣднее время еще новыя формы сліянія капитала во все большія и большія массы. До недавняго времени отдѣльныя капиталистическія предпріятія вели между собою ожесточенную борьбу, в которой сильный побеждал слабаго, но нерѣдко цѣной ослабленія собственнаго предпріятія, так как паденіе цѣны продуктов, которое сопровождало эту борьбу, было разорительно всѣм конкурентам. 80-е годы прошлаго столѣтія были эпохой особенно значительнаго паденія цѣн цѣлаго ряда важнѣйших произведеній капиталистическої промышленности. Возник затяжной кризис капиталистической промышленности, который капитализм отвѣтил созданіем новой формы организаціи капитала- так наз. картелей, синдикатов или трестов.

Разнаго рода союзы и соглашенія предпринимателей с цѣлью уменьшенія взаимной конкуренціи и повышенія цѣн не составляют, конечно, явленія только новаго времени. Законодательство Римской имперіи, равно, как и послѣдующее средневѣковое законодательство, знало цѣлый ряд строгих постановленій, спеціально направленных против стачек предпринимателей для повышенія цѣн. Особенно опасались по понятным причинам стачек хлѣботорговцев.

Но всѣ соглашенія такого рода имѣли мало общаго с новѣйшими соглашеніями предпринимателей, отличаясь от них уже тѣм, что они касались обмѣна продуктов, но не самого процесса производства продуктов, и имѣли обычно временный и переходящій характер. При господствѣ мелкаго производства, когда производством даннаго продукта заняты тысячи самостоятельных производителей, соглашенія между ними в высшей степени затруднительны. Но чѣм в меньшем числѣ предпріятій производится тот или иной продукт, тѣм легче предпринимателям придти к соглашенію и, вмѣсто борьбы друг с другом, общими силами защищать свои общіе интересы.

Особенно облегчаются соглашенія такого рода акціонерной формой предпріятія, благодаря тому, что акціонерныя компаніи безличны и акціонер каждаго предпріятія может быть одновременно и акціонером любого другого акціонернаго предпріятія, купивши соотвѣтствующія акціи. Это облегчает фактическое слѣяніе нѣсколькихъ акціонерных предпріятій в одно, даже и в том случаѣ, если каждое из них номинально сохраняет свою полную независимость. Кромѣ того акціонер, будучи мало заинтересован в дѣлѣ, болѣе расположен к ограниченію свободы дѣйствій даннаго предпріятія, чѣм индивидуальный предприниматель, который вкладывает в данное дѣло весь свой капитал.

Союзы предпринимателей новѣйшаго времени могут быть подразделены по

по прочности связи между отдѣльными предпріятіями на слѣдующія четыре группы: I) к о н в е н ц і и; 2) корнеры или ринги;
3) картели или синдикаты; 4) т р е с т ы.

Конвенціями называются такія соглашенія предпринимателей, которыя регулируют лишь немногія и менѣе важныя стороны дѣятельности предпріятій, вступивших в союз, напр., сроки кредитованія при продажѣ товаров в кредит, размѣры скидок при сдѣлках наличностью и т.п.

Под корнерами или рингами понимают временныя соглашенія предпринимателей-обыкновенно торговцев- для повышенія цѣны товара путем монополизированія его продажи. Именно эта форма соглашенія, иначе говоря, стачки торговцев-является самой старинной формой предпринимательских союзов. В новѣйшее время она получила, наряду с другими видами предпринимательских союзов значительное развитіе особенно в Соединенных Штатах. Примѣрами могут служить хотя бы неоднократныя попытки монополизировать міровой мѣдный рынок; нерѣдки корнеры в области торговли пшеницей, хлопком и многими другими продуктами.

Под картелем или синдикатом понимают болѣе или менѣе продолжительный и прочный союз самостоятельных предпринимателей для регулированія существенных условій дѣятельности их предпріятій- преимущественно условій производства или продажи продуктов. Именно эта форма предпринимательских союзов (наряду с трестом) характерна для новѣйшаго времени. Картель отнюдь не является временной стачкой торговцев; он преслѣдует постоянныя, длительныя цѣли и является поэтому новым типом капиталистическаго предпріятія, знаменующим поднятіе капиталистическаго хозяйства на болѣе высокую ступень. Для картеля характерны двѣ черты: с одной стороны, в картелѣ отдѣльныя предпріятія еще не утрачивают своей самостоятельности, картелированныя предпріятія не являются одним предпріятіем, а лишь союзом нѣскольких предпріятій; с другой стороны, самостоятельность отдѣльных предпріятій в картелѣ настолько ограничивается, что каждое предпріятіе может достигать своих цѣлей лишь как часть цѣлаго. Первой своей особенностью картель отличается от треста, второй-от двух предшествующих типов предпринимательских союзов.

Предметов регулированія со стороны картелей могут быть всѣ тѣ хозяйственныя условія, которыя имѣют значеніе для дѣятельности предпріятія. Соглашенія входящих в картель предпріятій могут касаться:

I) цѣн покупаемых и продаваемых товаров, причем картель может устанавливать дифференціальныя цѣны для различных рынков; 2) размѣра производства, в видах поднятія, путем сокращенія производства, товарной цѣны; 3) распредѣленія между отдѣльными картелированными предпріятіями областей сбыта для устраненія между ними конкуренціи; 4) урегулированія цѣны, размѣра производства и областей сбыта; 5) регулированія цѣны, размѣра производства, областей сбыта вмѣстѣ с распредѣленіем между картелированными предпріятіями, по общему соглашенію, всѣх заказов. В этом послѣднем случаѣ самостоятельность отдѣльнаго предпріятія сокращается до минимума и выражается лишь в том, что отдѣльное предпріятіе сохраняет свободу в организаціи самаго производства и может повышать свою прибыль путем сокращенія расходов производства.

Высшей формой объединенія предпріятій является трест, своеобразная форма предпринимательскаго союза, возникшая в Соединенных Штатах на почвѣ особенностей американскаго гражданскаго права. Отдѣльныя предпріятія, входящія в состав треста, совершенно утрачивают свою самостоятельность и только номинально сохраняют таковую. Акціи предпріятій, образовавших трест, передаются нѣскольким довѣренным лицам, полновластно управляющим дѣлом; акціонеры же получают взамѣн акцій, сертификаты треста, на которые и начисляется прибыль. В настоящее время тресты этого вида почти исчезли, благодаря запрещенію их законодательством, и измѣнились объединеніем предпріятій, входивших в состав трестов, в гигантскія акціонерныя кампаніи. Отдѣльныя предпріятія утратили и ту формальную самостоятельность, которую онѣ сохраняли в трестѣ и превратились теперь просто в одно объединенное акціонерное капиталистическое предпріятіе. Тѣм не менѣе за ними сохранилось названіе треста.

Основной причиной, вызывающей образованіе картелей и других форм капиталистических союзов, является то, что концентрація капитала увеличивает его экономическую мощь. Картели являются новой формой объединенія капитала и представляют собою новую ступень на том пути, который проложило промышленное развитіе, постепенно замѣнив мелкое предпріятіе крупным. Благодаря союзам капиталистов, этот процесс концентраціи капитала принял несравненно болѣе быстрый характер, ибо в этом случаѣ происходит не вытѣсненіе мелких предпріятій крупными, что не может произойти без продолжительной борьбы, но сліяніе и тѣх и других, в их общих интересах, в одну общую массу, для чего требуется только согласіе заинтересованных сторон.

Как и всякое капиталистическое предпріятіе, картель пользуется своей экономической мощью для поднятія своей прибыли. С этой цѣлью картель стремится поднять цѣны продаваемых им товаров, поскольку это допускается условіями рынка, и в то же время понизить заработную плату (а также и пріобрѣтаемаго им сырья и других средств производства), поскольку это содѣйствует повышенію прибыли. Поэтому нисколько неудивительно, что картели вообще не пользуются популярностью нив широких массах потребителей, нив средѣ рабочих. И тѣм и другим приходится вести борьбу с картелями за свои интересы, которым картели могут очень существенно угрожать.

Однако, не слѣдует думать, что вліяніе картелей всегда выражается в поднятіи цѣны товаров, производимых картелированными предпріятіями, и в ухудшеніи условій труда. Нерѣдко - и даже, как можно думать, в странах с наибольшим развитіем картелей, по большей части- картель оказывает совершенно противоположное вліяніе на то и другое. Дѣло в том, что хотя картель, увеличивая мощь капиталистов, тѣм самым облегчает для них эксплоатацію потребителя и рабочаго, но, в то же самое время, картель повышает производительность общественнаго труда и может в концѣ концов, вести к удешевленію продуктов и улучшенію условій труда. Чѣм тѣснѣе организован картель, чѣм больше он приближается к объединенному предпріятію, тѣм большее вліяніе он может оказывать на технику производства.

Американскіе тресты, несомнѣнно, чрезвычайно содѣйствовали прогрессу техники производства. Так как при образованіи треста всѣ предпріятія сливаются в одно, то трест непосредственно заинтересовано в том, чтобы техника производства во всѣхъ предпріятіях была поставлена одинаково высоко. С этой цѣлью трест прекращает производство на тѣх фабриках и заводах, которые оборудованы в техническом отношеніи неудовлетворительно, и сосредоточивает производство в тѣх пунктах, гдѣ оно технически может быть поставлено выше всего. Так, напримѣр, водочный трест немедленно послѣ своего образованія закрыл 68 заводов из 86 имѣющихся и оставил в дѣйствіи только I2 из них; сходным образом поступил сахарный трест и многіе другіе. В результатѣ получается значительное сокращеніе издержек производства, благодаря чему тресты, продавая товар по низшей цѣнѣ, может выручать большую прибыль. Но и помимо этого, не нужно упускать из виду, что высокая цѣна товара ограничивает возможность его сбыта, почему картель нерѣдко может больше выиграть, продавая большее количество товара по низшей цѣнѣ, чѣм меньшее количество по высшей.

Что касается рабочих, то концентрація производства, увеличивая производительность труда, тѣм самым облегчает повышеніе заработной платы. Вмѣстѣ с тѣм, объединеніе капитала механически содѣйствует объединенію рабочих, группируя их большими массами на фабриках и заводах. Это увеличивает соціальную мощь рабочих классов. Таким образом, и в этой области конечные результаты картелей капиталистов могут быть благопріятны интересам большинства населенія.

Одним из чрезвычайно важных условій, благопріятствующих возникновенію картелей, является система покровительственных пошлин. Если в странѣ господствует покровительственная таможенная политика, то картели встрѣчают для своего развитія несравненно болѣе благопріятную почву, чѣм при господствѣ системы свободной торговли. Объясняется это тѣм, что в первом случаѣ промышленность данной страны имѣет перед собой замкнутый рынок, и картели легко могут стать монополистами внутри страны; на-

против,при существованіи энергичнаго иностраннаго соперничества,объединеніе предпріятій внутри страны не устраняет конкуренціи иностранных предпріятій и картель может оказаться безсильным регулировать условія сбыта.

По этой причинѣ картели получили наибольшее развитіе в странах покровительственной таможенной политики-напр., в Соединенных Штатах и Германіи. Напротив,в Англіи картели развиты ,сравнительно,очень слабо.Причиной этого посл дняго является,помимо свободы торговли,также и то,что англійская промышленность болѣе,чѣм промышленность какой либо другой страны,работает для экспорта и,притом для экспорта,разсѣяннаго по всему міру.Слѣдствіем этого является крайняя затруднительность для національных организацій англійской промышленности регулировать условія сбыта производимых продуктов.

Наиболѣе широкое распространеніе союзы предпринимателей (и, притом,преимущественно в формѣ полнаго сліянія многих предпріятій в одно) получили,как сказано,в Соединенных Штатах. О значеніи этих организацій можно судить по тому,что,напр., так называемый стальной трест, возникшій в 1901 г.,располагает капиталом свыше 1400 милліонов долларов,нефтяной трест имѣет капитал около 100 милліонов долл., мѣдный трест- капитал в 75 милліонов долл., и тд. Эти гигантскія организаціи капитала захватывают почти все національное производство соотвѣтствующих продуктов.

В Россіи также имѣется много картелей,возникновенію которых благопріятствует господствующая у нас система крайняго таможеннаго покровительства промышленности.

Наибольшую извѣстность получил организованный в 1887 г. картель наших сахарозаводчиков,имѣвшій в виду регулировать цѣны сахара путем вывоза большей или меньшей части его за-границу. Картель этот скоро получил оффиціальную санкцію и, в общем,достиг того,что цѣна столь важнаго предмета потребленія,как сахар,стояла и стоит в теченіе длиннаго ряда лѣт на значительно болѣе высоком уровнѣ,чѣм это было бы без картеля. Сахарная "нормировка" крайне дискредировала в нашем общественном мнѣніи картели; дѣйствительно, этот картель задержал развитіе нашей свеклосахарной промышленности и в интересах нѣсколькихъ крупных заводчиков обложил крайне тяжелою данью потребителя.

Тяжелый промышленный кризис начала этого вѣка дал и у нас сильный толчек к образованію картелей. В особенности много картелей возникло в желѣзодѣлательной,машиностроительной и горной промышленности,наиболѣе пострадавших от кризиса. Нѣкоторые из этих картелей возникли при дѣятельной поддержкѣ правительственной власти.

В общем современное хозяйственное развитіе ведет с силой стихійнаго процесса к объединенію капитала во все болѣе крупныя хозяйственныя организаціи.Без сомнѣнія процесс этот сопровождается многими болѣзненными явленіями,к которым не должна оставаться равнодушна общественная власть.Современное государство не боится дѣятельно вмѣшиваться в хозяйственную жизнь и оно имѣет полную возможность противодѣйствовать вредному вліянію капиталистических организацій всякаго рода: уже одно то, что картели принимают особо опасный характер под охраной таможеннаго покровительства,показывает,как существенно государство может вліять на картели путем соотвѣтствующей таможенной политики,-допустивши иностранную конкуренцію,государство может легко сломить стремленіе картелей к повышенію цѣны продукта. Но ставить себѣ задачей не допускать самого возникновенія картелей- это значит не понимать законов капиталистическаго развитія.Борьба с трестами правительства Соединенных Штатов привелане к уничтоженію капиталистических союзов,а к тому,что они приняли еще болѣе тѣсный заратер и из трестов превратились в гигантскія акціонерныя компаніи,в которых исчез уже всякій слѣд самостоятельности отдѣльных предпріятій.Против таких сліяній множества отдѣльных предпріятій в одно предпріятіе государство нашего времени совершенно безсильно. И потому здравая политика государства по отношенію к трестам и картелям должна заключаться не в стремленіи к их уничтоженію, а в борьбѣ с вредными,для широких кругов населенія,послѣдствіями их дѣятельности.В частности по отношенію к рабочему классу, которому эти основныя организаціи капитала угрожают очень существенно,государство должно предоставить полную свободу самозащиты,свободу профессіональной организаціи,которую рабочій должен противопоставить организаціям капитала.Объединенному капиталу должен противостоять и объединенный труд.

Союзы предпринимателей явились естественным результатом анархическаго состоянія быстро развивающейся капиталистической промышленности. Посредством этих союзов капитализм стремится ввести организацію в общественное производство,но специфически капиталистическим способом-не в интересах общества,а в интересах капиталистов. Возникши на почвѣ борьбы с пониженіем цѣн продуктов,вызываемых перепроизводством тенденція к чему заложена в самой сущности капиталистическаго хозяйства,картель всегда стремится ограничить производство тѣми предѣлами,в которых оно дает наибольшую прибыль на вложенный капитал.Сокращая производство,картели имѣют тенденцію усиливать безработицу:Отрицать вредныя стороны картелей невозможно,но,все же,картели должны быть признаны необходимой стадіей капиталистическаго развитія и, в качествѣ таковой, явленіем прогрессивным,подобно фабрикѣ,которая,несмотря на тяжелыя страданія народных масс,вызванныя ея развитіем,была,несомнѣнно,прогрессивным явленіем.Во всяком случаѣ,прогресс,выраженіем котораго являются картели,есть специфически капиталистическій прогресс,заключающій в себѣ неустранимые соціальные антагонизмы, и потому всякій шаг вперед картелей не может не вызвать противодѣйствія со стороны тѣх общественных классов,интересы которых от этого страдают.

ГЛАВА VIII.

КООПЕРАТИВНОЕ ПРЕДПРІЯТІЕ И ЕГО ФОРМЫ.

I. Опредѣленіе и классификація кооперативов.Капиталистическое предпріятіе имѣет своей цѣлью полученіе наибольшаго барыша.Но современная жизнь знает и предпріятія совершенно другого типа,преслѣдующія иныя цѣли и подчиняющіяся иным принципам-кооперативныя предпріятія.Под кооперативным предпріятіем слѣдует понимать такое хозяйственное предпріятіе нѣсколькихъ добровольных соединившихся лиц,которое имѣет своей цѣлью не полученіе наибольшаго барыша на затраченный капитал,но увеличеніе,благодаря общему веденію хозяйства,трудовых доходов своих членов или сокращеніе расходов послѣдних на потребительныя нужды.

Кооперативныя предпріятія рѣзко отличаются как от капиталистических, так и от общественных хозяйственных организацій, имѣющих принудительный характер.Государство и муниципальныя учрежденія ведут,напримѣр,в обширных размѣрах хозяйство, которое отнюдь не преслѣдует цѣли наибольшаго барыша,и в этом отношеніи не отличается от кооперативных предпріятій. Но хозяйство государства или города имѣет принудительный характер, в противоположность кооперативным предпріятіям, которыя всегда основаны на добровольном согласіи заинтересованных лиц. Таким образом кооперативное предпріятіе характеризуется тремя отличительными признаками: 1) своею цѣлью увеличенія трудовых доходов своих членов или сокращенія расходов послѣдних на потребительныя нужды, 2) добровольностью своего устройства и 3) общностью веденія хозяйства.

Кооперативныя предпріятія могут охватывать всѣ возможные виды хозяйственной дѣятельности и, соотвѣтственно особенностям каждаго вида, складываются в особыя формы. Таким образом, возникают различные типы кооперативов (кооперативных предпріятій), которыя могут быть класси-

фицированы слѣдующим образом:

Классификація кооперативов:

Кооперативы I. в области владѣнія.	А)Кооперативы по пріобрѣтенію хозяйственных предметов	II)Кооперативы по покупкѣ хозяйственных предметов.	а)для собственнаго потребленія.	I)потребительныя общества. 2.
				2) домостроительныя товарищества. 3.
			б) для нужд своего предпринимательскаго хозяйства- з а к у п о ч н ы я товарищества. 4.	
	Б)Кооперативы по продажѣ хозяйственных предметов.	I) Кооперативы, продающіе продукты индивидуальнаго производства своих членов- товарищества п о с б ы т у. 5.		
		II)Кооперативы, продающіе продукты своих членов, послѣ переработки этих продуктов самим кооперативом-товарищества по п е р е р а б о т к ѣ. 6.		
Кооперативы II. в области труда.	I) Кооперативы совмѣстнаго пользованія средствами производства- производительно-подсобныя артели. 7.			
	II)Кооперативы совмѣстной продажи своих совмѣстных трудовых услуг- т р у д о в ы я артели. 8.			
	III)Кооперативы совмѣстнаго производства продуктов для сбыта- п р о и з в о д и т е л ь н ы я артели. 9.			

Таким образом,можно различить 9 основных типов кооперативов:

I) Кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества.
2) П о т р е б и т е л ь н ы я общества.
3) Д о м о с т р о и т е л ь н ы я товарищества.
4) З а к у п о ч н ы я товарищества.
5) Т о в а р и щ е с т в а по с б ы т у.
6) Т о в а р и щ е с т в а по п е р е р а б о т к ѣ.
7) Производительно-подсобныя а р т е л и.
8) Т р у д о в ы я артели.
9) П р о и з в о д и т е л ь н ы я а р т е л и.

На практикѣ наибольшее значеніе имѣют кредитныя товарищества,потребительныя общества,закупочныя товарищества,товарищества по сбыту и по переработкѣ.Теоретическій интерес представляют три вида кооперативов в области труда (артелей). Характеристикѣ всѣх этих видов кооперативов и будет посвящено дальнѣйшее изложеніе.

II. Кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества. Родиной кредитных кооперативов,имѣющих своей цѣлью доставленіе кредита не крупным собственникам(как обычные банки), а мелким производителям,является Германія,гдѣ почти одновременно в 50-х годах XIX вѣка возникают два типа таких учрежденій,получивших впослѣдствіи огромное развитіе.Иниціатором учрежденій одного типа (ссудо-сберегательных товариществ) был Шульце-Делич, другого (кредитных товариществ)-Раффейзен.

Кредитныя кооперативы Шульце-Делича имѣют в виду кредитованіе,преимущественно,мелких городских торговцев и ремесленников.Каждый из таких мелких капиталистов и производителей мало кредитоспособен,но болѣе или менѣе значительная группа их,при солидарной отвѣтственности друг за друга,является уже вполнѣ кредитоспособной."Народные банки" Шульце-Делича и представляют собой союзы должников,из которых каждый ручается за другого и замѣняет недостаток имущественнаго обезпеченія у отдѣльнаго должника взаимной отвѣтственностью.Основной капитал такого "народнаго" банка складывается из паев (небольшого размѣра),вносимых членами банка,распредѣляющими между собой в ссуду капиталы, привлекаемые в банк,как и в обычные коммерческіе банки,преимущественно путем вкладов.

Так как эти банки предполагают внесеніе опредѣленнаго пая,на который начисляется дивидент) и потому доступны только людям с извѣстным (хотя бы и небольшим)капиталом,то они подвергаются риску капиталистическаго перерожденія,-при удачѣ такой "народный"банк легко превращается в обычный капиталистическій банк,что и произошло со многими "народными банками" Шульце в послѣдніе годы.

Значительно уклоняющійся тип учрежденій мелкаго кредита представляют собой возникшія тоже в Германіи,по иниціативѣ Райффейзена,кредитныя товарищества,главной задачей которых была организація кредита для крестьянских масс.Основным отличіем их от банков Шульце-Делича являются крайне незначительные размѣры пая, который принципіально даже совершенно отвергается.Единственной гарантіей кредитоспособности этих товариществ,служит взаимная отвѣтственность их членов по обязательствам товарищества.

Кредитное товарищества Раффейзеновскаго типа является чрезвычайно своеобразным учрежденіем,идущим как бы совершенно в разрѣз с современной хозяйственной системой.Создатель этих учрежденій Райффейзен выработал цѣлый ряд принципов их дѣятельности,представляющих для его послѣдователей своего рода святыню. Важнѣйшіе из этих принципов заключаются в слѣдующем:

I) в неограниченной отвѣтственности членов по обязательствам товариществ; 2) в принципѣ "локализаціи",т.е. ограниченіи дѣятельности товарищества узкими территоріальными предѣлами; 3) в воспрещеніи членам товарищества одновременно участвовать в нѣсколькихъ товариществах;4) в принципіальном отрицаніи пая, поскольку это допускается дѣйствующим законодательством; 5) в воспрещеніи назначать постоянное жалованье должностным лицам товариществ,кромѣ бухгалтера.

Второй,четвертый и пятый из этих принципов кажутся чѣм-то вродѣ экономическаго абсурда,каковым они и были объявлены Шульце и его единомышленниками,ожесточенно боровшимися с раффейзеновскими организаціями.Так,принцип локализаціи требует,чтобы товарищество не выходило из тѣсных рамок узкаго раіона-обыкновенно данной деревни.Между тѣм,по общему правилу современной хозяйственной системы, расширеніе предпріятія увеличивает его хозяйственную силу. Ограниченіе предпріятія небольшими размѣрами кажется ограниченіем и его хозяйственнаго значенія. Почему не расширить размѣров предпріятія,если оно идет хорошо?

Принципіальное отрицаніе паевого капитала кажется еще менѣе понятным.Как может какое бы то ни было предпріятіе существовать без своего капитала,а тѣм болѣе кредитное предпріятіе, задачей котораго является доставленіе капитала его членам; чѣм оно будет кредитовать послѣдних?

Наконец отрицаніе оплаты услуг кажется верхом нелѣпости. Все современное хозяйство основано на личном интересѣ- и вот является хозяйственная организація,ставящая во главу угла принцип,что труд не должен получать вознагражденія. Могут ли учрежденія, основанныя на таких принципах,расчитывать не только на успѣх,но хотя бы на самое эфемерное существованіе?

Жизнь показала,что не только могут,но что только именно такая организація и приспособлена к условіям крестьянскаго хозяйства.Каждый из приведенных принципов глубоко коренится в особенностях той соціальной среды, на которую расчитаны раффейзеновскія товарищества.

Принцип неограниченной отвѣтственности есть необходимое послѣдствіе того,что данная организація охватывает людей,не располагающих капиталом.Организація эта не может гарантировать выполненіе своих обязательств своим капиталом,как обычное капиталистическое предпріятіе.Недостаток капитала она восполняет круговой порукой членов друг за друга.

Принцип"локализаціи" вытекает из того,что задачей товарищества является доставленіе кредита даже бѣднѣйшим членам- тѣм,кто с точки зрѣ-

ния обычнаго кредитнаго учрежденія является некредитоспособным,так как не располагает достаточными имущественными средствами.Что же может замѣнить в глазах кредитора недостаток имущественнаго обезпеченія должника? Только личное довѣріе к должнику,основанное на самом близком знакомствѣ с его личностью и со всѣми деталями его хозяйственной дѣятельности.При таком близком знакомствѣ с личностью должника,кредитор может быть также спокоен за свои деньги,как,если бы онѣ были обезпечены солидным имуществом. В одной и той же деревнѣ каждый превосходно знает друг друга и знает,какого довѣрія кто заслуживает; кромѣ того,односельчанам не представляет никакого труда контролировать дѣятельность друг друга. Поэтому кредитное товарищество,охватывающее одну деревню,может в высшей степени индивидуализировать свои операціи: кредит,оказываемый таким товариществом каждому члену,может быть всецѣло основан на личных свойствах послѣдняго,а не на его имущественном обезпеченіи.Но если только товарищество перерастает извѣстные предѣлы,оно теряет преимущество близкаго личнаго знакомства сочленов друг с другом и при открываніи кредита вынуждено руководствоваться тѣми же принципами,как и всякое другое кредитное учрежденіе,т.е. исходить из имущественной состоятельности даннго лица.

Третій райффайзеновскій принцип вытекает из того же личнаго начала,на котором построена вся организація товарищества.Участвуя в нѣсколько товариществах,данное лицо ускользает из под контроля каждаго из них.

Четвертый принцип есть слѣдствіе основной особенности данной кредитной организаціи,как товарищества малосостоятельных людей. Если бы товарищество имѣло паевой капитал,оно было бы доступно только для лиц, способных внести пай, а не для бѣдной части населенія. Кредитует же оно своих членов поступающими в товарищество вкладами.Правда,для начала операцій все-таки нужен капитал,хотя бы и небольшой.Но это затрудненіе обходится в кредитном товариществѣ путем займа этого капитала со стороны.Получивши заимообразно свой капитал товарищество может начать свою дѣятельность,привлекать вклады?а затѣм из прибылей товарищества погасить сдѣланный при началѣ дѣла долг. Таким образом,не имѣя при возникновеніи никакого своего капитала,товарищество может быть так же прочно и устойчиво,как любой капиталистическій банк.

Наконец,послѣдній райффайзеновскій принцип вызывается все тѣми же особенностями крестьянскаго кредитнаго товарищества. В нем все основано на личном довѣріи.Лица,стоящія во главѣ такого дѣла,должны участвовать в нем не ради выгоды, а только из желанія принести пользу своим товарищам; не получая вознагражденія деньгами,они тѣм болѣе вознаграждаются уваженіем и почетом,которые соединены с исполненіем таких общественных должностей. А так как при ничтожных размѣрах товарищества и при полном отсутствіи бюрократизма в его дѣятельности,руководство им требует самой незначительной затраты труда,то принимая,таким образом,жертва не может считаться значительной и непосильной для обыкновеннаго человѣка.

Кредитныя товарищества райффайзеновскаго типа оказались как нельзя болѣе приспособленными к условіям жизни деревни.Как ни слабо в хозяйственном отношеніи каждое отдѣльное товарищество,товарищества представляют собой огромную силу,будучи связаны в одно цѣлое мѣстными и національными организаціями.Эти широкія организаціи,охватывающія собой отдѣльныя товарищества,являются естественным и необходимым дополненіем послѣдних.Благодаря им самое ничтожное кредитное товарищество,располагающее лишь нѣсколькими десятками членов,может расчитывать на мощную поддержку всей кооперативной организаціи страны.

Райффейзеновскія кредитныя товарищества занимаются далеко не однѣми кредитными операціями,но стремятся оказывать помощь своим сочленам почти во всѣх случаях хозяйственной жизни.Так,они организуют совмѣстную закупку предметов нужных для сельскаго хозяйства,продажу продуктов труда членов товарищества,организуют совмѣстное пользованіе машинами,принимают мѣры для распространенія сельскохозяйственных знаній и т.д.

Каждое отдѣльное кредитное товарищество терпит неудобства от отсутствія в нем равновѣсія между спросом и предложеніем капиталов. При узком районѣ его дѣйствій оно в извѣстное время года испытывает избыток прилива вкладов,не находящих на мѣсто достаточнаго помѣщенія,а в другое время– недостаток капиталов для удовлетворенія всего мѣстнаго спроса на кредит. Кромѣ того,отдѣльное товарищество может привлекать только мѣстные капиталы, размѣр которых не может быть значителен. С этими источниками слабости отдѣльных товариществ борются особыя организаціи-так называемыя "центральныя кассы",связывающія между собой сотни и тысячи товариществ извѣстнаго района. Центральныя кассы дают возможность направлять капиталы,избыточные в одних товариществах, в тѣ товарищества,гдѣ чувствуется недостаток капиталов. В то же время,являясь сравнительно крупными кредитными учрежденіями,кассы устанавливают связь между кредитными товариществами и широким денежным рынком и привлекают в товарищества обширные капиталы с этого рынка. В свою очередь,центральныя кассы объединялись до послѣдняго времени в Германіи учрежденным в 1902 г. Императорским сельскохозяйственным кооперативным банком. В 1913 г. банк этот перестал существовать.

Всѣ эти организаціи были созданы всецѣло самими кооперативами безвсякой поддержки государства,которую большинство кооперативов принципіально отрицает или,вѣрнѣе,отрицало. За послѣднее время в этом отношеніи наблюдается перемѣна,и кооперативныя учрежденія обнаруживают все больше готовности принимать помощь от государства,которое в Германіи идет им навстрѣчу. В 1895 г. прусское правительство учредило "Прусскую центральную кассу кооперативнаго кредита" с капиталом, который был постепенно доведен до 75 милліонов марок. Дѣятельность кассы развернулась очень широко,и в настоящее время большинство кредитных кооперативов находится в сношеніях с кассой.

В Россіи также существуют разнообразныя учрежденія мелкаго кредита. Учрежденіями типа " народных банков" Шульце являются до извѣстной степени наши "ссудо"сберегательныя товарищества", исторія которых начинается еще с 60-х годов. "Ссудо-сберегательныя товарищества", с которыми у нас связывались вначалѣ самыя радужныя надежды,далеко не оправдали этих надежд,что и неудивительно,так как ссудо-сберегательныя товарищества по самому своему типу мало приспособлены к условіям крестьянскаго хозяйства. Благодаря требованію пая,ссудо-сберегательныя товарищества недоступны для рудового крестьянина и потому большого распространенія у нас,при общей бѣдности и малом значеніи мелкой буржуазіи,получить не могли.Впрочем,так как паи в них сравнительно невелики и могут быть уплачиваемы не единовременно,а по частям,то эти товарищества не так далеки от райффейзеновскаго типа.

Значительно позже у нас возникают " кредитныя товарищества" (болѣе чистаго райффейзеновскаго типа),число которых за послѣдніе годы стало быстро увеличиваться.Учрежденія этого типа стали возникать у нас только послѣ новаго закона 1895 года о кредитных товариществах.Такія товарищества получают капитал,необходимый для начала операцій, в ссуду от Государственнаго банка,который контролирует их дѣятельность.Товарищества принимают вклады и выдают краткосрочныя ссуды своим членам.

Отличаются они от чистаго райффейзеновскаго типа тѣм?что в них обычно не существует неограниченной отвѣтственности членов (каждый член обычно отвѣчает по обязательствам товарищества лишь в нѣсколько раз болѣе против максимальной суммы кредита,допускаемаго на одного члена)и не соблюдается на практикѣ принцип безплатности труда выборных должностных лиц. Кромѣ того,наши кредитныя товарищества не слѣдуют принципу "локализаціи" и далеко перерастают нормальные размѣры сельскаго товарищества. В Германіи на одно райффейзеновское товарищество приходится, в среднем, менѣе 100 членов,а у нас около 700. Объясняется это тѣм,что при сравнительно незначительном числѣ у нас товариществ,каждое из них естественно распространяет свою дѣятельность на болѣе обширный район и,благодаря этому, утрачивает тѣ преимущества индивидуализаціи кредитных сдѣлок,которыя отличают германскія товарищества.

В нѣкоторых районах Россіи кредитныя товарищества за послѣдніе годы получили широкое распространеніе и оказались вполнѣ дѣйствительным средством для борьбы с деревенским ростовщичеством. Открываемым ими кредитом пользуется средній крестьянин для самых разнообразных цѣлей-покупки скота, орудій производства, арендованія земли, покупки земли и т.д. Кредитныя товарищества, помимо своего прямого назначенія, важны также и как организація самопомощи крестьянства. В этом огромное воспитательное значеніе для русскаго крестьянина этих товариществ, равно как и других видов кооперативных учрежденій.

К I января 1915 г. в Россіи было 10.687 кредитных и 3.815 ссудо-сберегательных товариществ, с ослѣе, чѣм 9 милліонами членов. Собственный капитал их составлял значительную сумму в 117 милл. рублей.

Кредитныя товарищества являются у нас (как и на Западѣ типом учрежденія мелкаго кредита, наиболѣе пригодным для деревни. Но изолированныя кредитныя товарищества не могут вполнѣ развить своей дѣятельности; в Германіи эти учрежденія связаны в одно цѣлое центральными кассами и имперским союзом. То же необходимо и у нас. Возникающіе за послѣднее время союзы кредитных товариществ показывают, что потребность в объединеніи отдѣльных товариществ начинает осязательно чувствоваться уже и у нас.

Союзы кредитных товариществ должны слохиться в учрежденія, аналогичныя германским центральным кассам. Наряду с этим, крайне необходима и центральная организація, объединяющая всѣ кооперативныя учрежденія мелкаго кредита в странѣ. Первый всероссійскій кооперативный сѣзд высказался против проекта устройства центральнаго имперскаго кооперативнаго банка на средства государственнаго казначейства, опасаясь стѣсненія кооперативнаго кредита-правительственным контролем. С принципіальной стороны ничего нельзя имѣть и против государственной помощи дѣлу кооперація; но имѣя в виду бюрократическіе порядки, господствующіе у нас, нельзя нераздѣлять опасеній сѣзда, что помощь государственнаго казначейства будет куплена дорогой цѣной- сокращеніем той доли свободы дѣятельности наших кооперативных учрежденій, которой они пользовались теперь. И теперь Государственный банк обнаруживает тенденцію обратить кредитныя товарищества в одно из своих подчиненных учрежденій; если бы эта тенденція побѣдила, то молодое у нас дѣло кооперативнаго кредита, политое мертвой водой наших канцелярій, могло бы совершенно зачахнуть. И потому нельзя не сочувствовать общему направленію наших кооперативных сѣздов, всегда подчеркивающих, что наше кооперативное движеніе нуждается больше всего, в одном- свободѣ от правительственной опеки.

В 1912 г. возникъ в Москвѣ "Московскій Народный банк", стремящійся стать центральным учрежденіем кооперативнаго кредита для всей Имперіи.

III. П о т р е б и т е л ь н ы я о б щ е с т в а. Потребительными обществами называются союзы потребителей, закупающіе предметы потребленія и затѣм перепродающіе их своим сочленам. При обычной покупкѣ предметов потребленія у торговцев покупатель уплачивает торговцу значительно высшую цѣну, сравнительно со стоимостью товара самому торговцу. Общество потребителей стремится сберечь потребителям эту переплату. Устройство их слѣдующее. Группа лиц составляет путем взноса паев опредѣленный капитал и затрачивает его на покупку предметов потребленія и устройство помѣщенія для продажи этих предметов потребленія членам общества, в пользу которых и идут выгоды даннаго предпріятія.

Потребительныя общества возникли в Англіи по почину знаменитаго отца англійскаго соціализма Роберта Оуэна. Они стали возникать в двадцатых годах прошлаго столѣтія и к 30-м годам в Англіи существовали уже сотни потребительных обществ. Однако, успѣх этих первых обществ был непродолдителен, и к половинѣ 30-х годов почти всѣ они распались. Причины быстраго крушенія обществ коренились частью в новизнѣ самого дѣла, а частью в недостатках внутренняго устройства первых потребительных обществ.

Новая эпоха кооперативнаго движенія начинается с 1844-г. - с образованія 28 фабричными рабочими маленькаго городка сѣверной Англіи, Рочдэля,

потребительнаго общества на новых началах. Общество это, названное его устроителями "Обществом честных рочдэльских піонеров", имѣло громадный успѣх и послужило образцом для всѣх послѣдующих обществ потребителей. Устав этого общества был основан на том, что оно примѣнило новые принципы своей организаціи и дѣятельности, которые и получили названіе "рочдэльских принципов", заключающихся преимущественно, в слѣдующем:

I) в равноправности всѣх членов, независимо от количества, находящихся в обладаніи каждаго паев,- каждый член долженъ имѣть только один голос; 2) в незначительном размѣрѣ паев, для возможности пріобрѣтенія их бѣднѣйшим населеніем; 3) в продажѣ товаров только на наличныя деньги, а не в кредит; 4) в установленіи цѣны продаваемых товаров приблизительно на рыночном уровнѣ, т.е. с причисленіем их к закупочным цѣнам средняго барыша; 6) в распредѣленіи прибылей пропорціонально покупкам каждаго члена.

Два первые принципа придают потребительному обществу демократическій характер; благодаря слѣдованію третьему и четвертому принципу, общество имѣет в концѣ года довольно значительный денежный остаток, который и распредѣляется между членами пропорціонально закупкам. Члены общества выигривают, слѣдовательно, не на дешевизнѣ товаров, пріобрѣтаемых в лавках потребительнаго общества (товары в нем, как общее правило, продаются по тѣм же цѣнам, как и во всяком добросовѣстном магазинѣ), а на суммах, распредѣляемых в концѣ операціоннаго года. Таким образом общество функціонирует не только как лавка, но и как сберегательная касса: так называемая прибыль общества, в сущности, представляет собою не что иное, как суммированныя сбереженія членов общества на мелочных покупках в теченіе года. Сбереженія эти дѣлаются совершенно незамѣтно для членов общества, так как каждый из них покупает товары по обычным рыночным цѣнам и, значит, без всякаго убытка для себя.

Наибольшее значеніе имѣет пятый принцип- своеобразная система распредѣленія денежнаго остатка. Если этот остаток распредѣляется между членами общества пропорціонально вносимым ими паям, то общество неизбѣжно принимает характер капиталистическаго предпріятія, стремящагося к полученіе наибольшаго барыша. Чѣм лучше его дѣла, чѣм больше дохода дает пай, тѣм менѣе склонны пайщики к включенію в свои ряды новых полноправных членов.

Таким образом создается тенденція к ограниченію числа пайщиков, а, значит, и к ограниченію операцій общества. Напротив, при распредѣленіи остатка между членами пропорціонально закупкам каждаго (причем на пай отчисляется из остатка обычный процент), не только каждый член заинтересован возможно болѣе покупать у общества, но и всѣ они в совокупности заинтересованы в увеличеніи числа членов, так как чѣм больше послѣдних, тѣм больше денежнаго остатка на каждаго члена общества.

Практичность такой организаціи потребительнаго общества очевидна. Каждый получает возможность дѣлать без всякаго ущерба для удовлетворенія своих текущих нужд весьма значительныя сбереженія (в Англіи член потребительнаго общества получает, таким образом, в среднем, около 4-5 фунт. стерл. в год) и к тому же избавляется от опасности фальсификаціи и недоброкачественности товаров, от чего в столь сильной мѣрѣ страдают покупатели в обычных лавках (особенно предназначенных для бѣдных покупателей).

Теперь всѣ рабочія потребительныя общества Великобританіи основаны на рочдэльских принципах. К 1912 г. число их в Великобританіи достигало 1.520 с 2.876.872 членов, 57 мил.ф.с. паевого капитала и 13 мил.ф. чистой прибыли, распредѣленной между членами; оборотъ потребительных обществ за тот же год исчислялся в огромную сумму в 122.855.411 ф.с. Болѣе четверти населенія Великобританіи пользуется, таким образом, выгодами участія в потребительных обществах, пріобрѣтая в кооперативных лавках всевозможные предметы ежедневнаго потребленія- не только бакалею и мелочной товар, но мясо, молоко, зелень, хлѣб, уголь, мебель, посуду и т.д.

Потребительныя общества Великобританіи группируются вокруг двух цен-

тров. Экономическим центром их являются два общества оптовых закупок-одно для Англіи, другое для Шотландіи. Духовным же центром является кооперативный союз" (возникшій в 1869 г.), преслѣдующій цѣли пропаганды кооперативных идей. Союз этот устраивает ежегодные конгрессы представителей кооперативных обществ и стремится, чтобы кооперативное движеніе не измельчало и не теряло из виду своих болѣе отдаленных высоких цѣлей. Что же касается обществ оптовых закупок, то они представляют собой мощную хозяйственную организацію, естественно дополняющую общества потребителей и устраняющую посредничество оптовых торговцев подобно тому, как потребительныя общества устраняют посредничество розничных торговцев.

Потребительныя общества могут не только закупать нужные товары на сторонѣ, но и самостоятельно производить их в собственных мастерских. Таким образом возникают производительныя отдѣленія потребительных обществ, пріобрѣтающія за послѣднее время в странах с развитым кооперативным движеніем все большее и большее значеніе.

Не нужно, однако, смѣшивать производительных предпріятій потребительных обществ с организаціями совершенно другого типа- производительными артелями. В послѣдних отсутствует работа по найму, и рабочіе являются собственниками средств производства. Фабрика же потребительнаго общества представляет собой такое предпріятіе, в котором работа совершается наемным трудом, а прибыль идет в пользу потребительнаго общества, являющагося ея хозяином. Потребительное общество выступает, такимъ образом, в роли капиталиста-хозяина, с тѣм, разумѣется, отличіем, что оно не злоупотребляет своим положеніем хозяина, как обычный капиталист и больше считается с интересами рабочих. Производительныя предпріятія потребительных обществ вполнѣ жизнеспособны и быстро растут, в то время как производительныя артели едва прозябают.

Своеобразный тип представляют собой потребительныя общества в Бельгіи, гдѣ они тѣсно связаны с политическими партіями. В особенности соціалистическая партія находит себѣ могущественную поддержку в своих экономических организаціях, среди которых общества потребителей играют главную роль.

Что касается до Россіи, то у нас потребительныя общества появляются в 60-х годах. К концу 90-х годов число членов потребительных обществ достигало у нас уже 250 тысяч; эта, сравнительно, значительная цифра отнюдь не доказывала, однако, силы нашего кооперативнаго движенія, так как среди наших потребительных обществ преобладали в это время общества при фабриках и заводах, учреждавшіяся фабричной администраціей и почти не пользовавшіяся самоуправленіем. В сущности, это не были свободные кооперативы, а организаціи совершенно иного типа- нѣсколько преобразованныя фабричныя лавки. И только послѣ 1905 г., вмѣстѣ с общим подъемом нашей общественности, у нас начинает быстро развиваться и кооперативное движеніе во всѣх его формах- в том числѣ и потребительныя кооперативы, как в городѣ, так ив деревнѣ. На I января 1913 года у нас было, по подсчету III отдѣла Петроградскаго Отдѣленія о сельских ссудо-сберегательных товариществах, 8790 потребительных обществ. Число членов в этих обществах было, вѣроятно, около полуттора милл. Большая часть этих обществ возникла в деревнѣ. Быстрый рост деревенских обществ объясняется тѣм, что при очень высоком уровнѣ прибыли торговца даже плохо руководимое потребительное общество может с успѣхом конкурировать с торговцем. А так как в нашу деревню товар поступает обложенный чрезвычайно высоким процентом прибыли, то нисколько не удивительно, что даже не имѣвшіе никакого опыта крестьяне могут выручать в потребительном обществѣ барыши, достаточные для развитія общества.

Во время войны число потребительных обществ, под вліяніем продовольственнаго кризиса, быстро увеличилось, и теперь достигает, вѣроятно, 20.000.

Подъем нашего кооперативнаго движенія послѣ 1905 г. выразился во всяком случаѣ, как в городѣ, так и в деревнѣ. Не только возникло нѣсколько

сот новых обществ, но и старыя прониклись новым духом. На многих фабриках и заводах рабочим удалось получить в свои руки потребительскія лавки и, таким образом, превратить эти мнимые кооперативы в дѣйствительные кооперативы. Особенно усилилось кооперативное движеніе во время войны, благодаря крайнему вздорожанію предметов потребленія, болѣзненно отозвавшемуся на бюджетѣ нашего средняго обывателя и показавшаго ему необходимость коопераціи.

Важное значеніе потребительных обществ для рабочаго класса в настоящее время почти никѣм не отрицается. Уже тѣ нѣсколько фунтов ст. в год, которые в Англіи в среднем получает член потребительных обществ, составляют, далеко не маловажное увеличеніе обычнаго любжета рабочаго, в особенности если к этому прибавить, что благодаря потребительным обществам, рабочій получает товар не фальсифицированный и хорошаго качества. Важно и косвенное вліяніе потребительных обществ на товарныя цѣны. В мѣстностях со слабым развитіем торговой конкурренціи вліяніе это может быть очень сильным и приводить к огромному пониженію розничных цѣн- в Россіи, напр., цѣны в деревенских лавках иногда понижаются, послѣ открытія по близости потребительнаго общества, на нѣсколько десятков процентов. Таким образом, от потребительнаго общества получают выгоду не только его члены, но и все населеніе, -дань, платимая послѣдним торговцу, сокращается весьма значительно.

Затѣм очень важно по отношенію к общей эволюціи современнаго хозяйственнаго строя, что в потребительных обществах создается новая хозяйственная организація существенно иного типа, чѣм капиталистическое хозяйство. Потребительное общество непосредственно устраняет капиталистическій обмѣн, замѣняет стихійный механизм обмѣна, характерный для капиталистическаго хозяйства, платномѣрной организаціей обмѣна в интересах потребителей. Это вводит в современную систему хозяйства совершенно новый принцип, принцип сознательнаго руководительства процессом общественнаго хозяйства в интересах населенія. Хозяином потребительнаго общества являются не капиталисты, а обширная общественная группа, и цѣли потребительнаго общества заключаются не в полученіи наибольшей прибыли на затраченный капитал, а в возможно большем сбереженіи при расходованіи каждым членом общества своего дохода на нужды потребленія. Поэтому доход потребительнаго общества не представляют собой прибыли: это накопленныя сбереженія потребителей, а не прибыль на затраченный капитал.

Преобразуя обмѣн, потребительныя общества не довольствуются этим, но стремятся преобразовать и самое производство, -они выступают в роли предпринимателей, и, устранивши капиталиста-торговца, стремятся устранить и капиталсита-фабриканта. И хотя с формальной стороны потребительное общество такой же хозяин наемнаго рабочаго, как и всякій другой предприниматель, но чрезвычайно существенно, что хозяином в данном случаѣ является не чуждый рабочему капиталист, а общество, членом которого состоит этот же самый рабочій. Хозяином отдѣльнаго рабочаго является, слѣдовательно, в этом случаѣ коллективный рабочій, подобный тому, как это было бы при соціалистическом строѣ.

И при всем этом нужно имѣть в виду, что потребительныя общества являются чрезвычайно мощными организаціями, охватывающими-хотя бы, напр., в Англіи- четвертую часть населенія и ведущими в той же Англіи обороты на многіе десятки милліонов ₤.с. в год. Перед нами, слѣдовательно, новый хозяйственный мір, вырастающій с неудержимой силой в нѣдрах стараго капиталистическаго міра, мір основанный на противоположных началах, принципіально отрицающій этот старый мір.

В этих новых хозяйственных организаціях пролетарій получает то хозяйственное воспитаніе, без котораго он никогда не мог бы удачно справиться с великой задачей созданія строя будущаго. В будущем рабочему придется самостоятельно руководить чрезвычайно сложным и грандіозным хозяйственным механизмом; для этого он должен обладать в высшей степени хозяйственным умѣньем, хозяйственной предпріимчивостью и расчетливостью. Работая по найму на капиталиста, он не имѣет никакой возможности

пріобрѣсть всѣ эти качества. Кооперативное воспитаніе должно их ему дать,- в этом и заключается великое историческое дѣло кооперації.

Потребительное общество тѣм существенно отличается от других форм кооперативов, что-(это единственная форма пролетарскаго кооператива. Другіе кооперативы в сферѣ обмѣна служат интересам мелких производителей, доставляя им средства производства или организуя переработку и продажу продуктов мелкаго производства . Пролетарій лишен средств производства, не является собственником своего трудового продукта и потому не нуждается в кооперативах этого типа. Все его имущество заключается в предметах потребленія. И потому только как потребитель, покупатель предметов потребленія, он может быть членом кооперативной организації.

Именно это и придает потребительным обществам особую важность. Развитіе капитализма ведет к концентрації производства и пролетаризації населенія. Соотвѣтственно этому растет значеніе и пролетарских кооперативных организацій. Поэтому нисколько не удивительно, что грандіозные успѣхи потребительных обществ привели многих соціалистов к мысли, что потребительныя общества должны разрѣшить и весь мелкій соціальный вопрос современности. Уже и теперь потребительныя общества являются огромной экономической и соціальной силой. Развѣ не может их дальнѣйшій рост повести к тому, что мало-по малу потребительныя общества охватят все народное хозяйство- в их руках сосредоточатся всѣ средства производства общества, и, таким образом, капиталистическій мір, постепенно и незамѣтно, превратится в новый мір, кооперативный и соціалистическій, в котором владыкой будет не капиталист, а рабочій.

Но как ни естественни такія мечти, они призрачны. Потребительныя общества представляют собой огромную экономическую силу- но имѣющую свои совершенно опредѣленныя границы.

И границы эти вытекают из самой природы потребительных обществ. Сила потребительнаго общества и его основное преимущество в борьбѣ с капиталистическим предпріятіем заключается в том, что потребительное общество, как таковое, всегда имѣет обезпеченный рынок. Оно не должно искать покупателей, ибо именно из покупателей и состоит. Отсюда слѣдует, что рабочіе могут сосредоточить в своих руках средства производства, при помощи потребительных обществ, лишь постольку, поскольку они выступают покупателями на рынкѣ. Но предметы потребленія вообще и предметы потребленія рабочаго класса в частности составляют лишь часть товаров на рынкѣ. Кромѣ предметов потребленія общество производит и средства, которыя совсѣм не переходят в народное потребленіе. Рельсы, жел. знодорожныя принадлежности, корабли и проч.- все это не покупается рабочими и, значит, производство всего этого не может быть организовано потребительными обществами. А для развивающагося капиталистическаго хозяйства характерно именно постоянное увеличеніе доли общественнаго продукта, состоящей в средствах производства, и такое же сокращеніе доли, состоящей в предметах потребленія.

Правда, другіе виды кооперативов создают спрос именно на средства производства- это именно те кооперативы, которые объединяют мелких производителей, как, напр., закупочныя товарищества крестьян и т.п. Но при современных условіях техники мелкое производство может успѣшно развиваться только в сельском хозяйствѣ,- в промышленности же торжествует крупное капиталистическое производство. Таким образом из сферы закупочной кооперації естественно исключается в значительной мѣрѣ вся обширная и, главное, все растущая по своему значенію область производства средств производства промышленности. Руководящим производством капиталистическаго міра является в настоящее время желѣзодѣлательная промышленность (недавно еще была хлопчато-бумажная промышленность). В этой области мы наблюдаем и крайнюю концентрацію капитала- предпріятія, владѣющія милліардами рублей капитала. Потребительныя общества рабочих совершенно не в силах овладѣть этими главными твердынями современнаго капитала. Сфера потребительных обществ совершенно иная и гораздо болѣе

узкая по своему народнохозяйственному значенію-а именно сфера народнаго потребленія.

И, притом, потребленія не всего населенія, а только части его-преимущественно болѣе достаточных слоев рабочаго класса и менѣе достаточных слоев буржуазіи. Низшіе слои пролетаріата не могут быть надежными клієнтами потребительных обществ потому, что они не представляют собой надежнаго рынка. Плохо оплачиваемый пролетаріат должен вести полубродячее существованіе и не может связывать себя с потребительными обществами, для этого он слишком безпомощен и бѣден; к тому же потребительныя общества продают на наличныя, а он привык покупать в кредит. Наоборот высшіе имущіе классы общества слишком богаты, чтобы нуждаться в кооперації. Потребительное общество не может удовлетворять изысканным потребностям богатых людей, так как оно расчитывает на массоваго потребителя. Да богатым кооперація и не нужна. Итак, потребительная кооперація может, даже при своем наибольшем развитій охватить только часть народнаго потребленія.

Наконец значительная часть общественнаго труда затрачивается, при современных условіях хозяйства, на производство предметов вывоза. Так, напр., значительно большая часть продуктов хлопчато-бумажнаго производства Англіи уходит заграницу. Как бы ни были развиты потребительные кооперативы в Англіи, они не могут сами по себѣ найти сбыт для той части англійских товаров, рынком для которых является весь мір.

Правда, это послѣднее препятствіе на извѣстной ступени развитія кооперації не является неопреодолимым. Кооперація может перерасти границы отдѣльных стран и связывать между собой кооператоров различных государств. Так, англійскія потребительныя общества находятся в прямых сношеніях с датскими маслодѣльными кооперативами, и датскіе крестьяне без всякаго посредства капиталистической торговли доставляют масло англійским рабочим, организованным в потребительныя общества. Но для этого требуется, чтобы как в странѣ ввоза, так и вывоза, были сильно развитые кооперативы- а это имѣет мѣсто лишь в р дких случаях. Тѣ же продукты, которые вывозятся в малокультурныя страны, не имѣющіе кооперативов, естественно совершенно изъемлются из сферы вліянія потребительной кооперації.

Итак, совершенно ясно, что как бы ни развивалась потребительная кооперація, равно как и другія формы кооперації, твердыни капиталистическаго міра онѣ, сами по себѣ сокрушить не могут. Но также ясно, что кооперація дает средства и организует силы для побѣды новаго строя, и что без кооперації эта побѣда была бы в высокой степени проблематична.

IУ. С е л ь с к о-х о з я й с т в е н н а я кооперація. Одним из важных видов сельско-хозяйственных кооперативов являются кредитныя товарищества, обслуживающія преимущественно крестьянство. Но, кромѣ того, кооперація в крестьянском хозяйствѣ выражается и в цѣлом рядѣ организацій другого рода. Закупочныя товарищества, товарищества по сбыту и переработкѣ имѣют своей областью преимущественно крестьянское хозяйство.

Особенно интересны сельско-хозяйственныя товарищества по переработкѣ. Их нужно строго отличать от производительных артелей. В производительной артели предпріятіе принадлежит занятым в нем рабочим. Напротив, в товариществѣ по переработкѣ производство ведется наемным трудом, а собственником предпріятія является группа мелких производителей, учреждающих предпріятіе для переработки за общій счет тѣх или иных продуктов своего производства. Типом учрежденій этого рода и вмѣстѣ с тѣм, наиболѣе распространенной формой их может считаться м а с л о д ѣ л ь н о е т о в а р и щ е с т в о .

Классической страной маслодѣльных товариществ современнаго типа является Данія. Первая товарищеская маслодѣльня в Даніи была устроена в 1882 г. Штиллингом-Андерсеном; она сразу обратила на себя общее вниманіе, и в слѣдующем году было устроено нѣсколько новых товарищеских маслодѣлен. Затѣм развитіе новой формы предпріятія пошло необыкновенно быстрым темпом- ежегодно возникало по нѣсколько десятков, а вскорѣ затѣм

и сотен предпріятій этого рода. В 1913 г. в Даніи считалось 1.177 товарищеских маслодѣлен с 156 тысячами членов. Оборот этих маслодѣлен достигал в том же году 326 мил. марок.

Товарищеская маслодѣльня организовывается слѣдующим образом. Маслодѣльня принадлежит группѣ крестьян, а также и болѣе крупных хозяев. Деньги на устройство маслодѣльни получаются там, гдѣ развиты кооперативныя учрежденія мелкаго кредита, обыкновенно из этих послѣдних. Хозяева маслодѣльни обязуются поставлять в маслодѣльню молоко своего хозяйства. При этом молоко, принимаемое маслодѣльней, тщательно расцѣнивается по своему качеству. Собранное таким образом молоко перерабатывается на маслодѣльнѣ под руководством опытнаго мастера, при помощи других наемных рабочих, в масло, которое затѣм и поступает в продажу. Вырученная сумма ~~распредѣляется~~ распредѣляется между хозяевами кооператива (за покрытіем, конечно, всѣх расходов) пропорціонально количеству молока, доставленнаго каждым.

Каждая отдѣльная маслодѣльня, будучи совершенно автономной, связана в то же время в Даніи, путем цѣлаго ряда организацій, с другими маслодѣльнями страны, и всѣ вмѣстѣ образуют одно стройное и связанное національное цѣлое. Результатом развитія маслодѣльных кооперативов в Даніи явилось чрезвычайное повышенуе техники производства. Весь процесс приготовленія масла был поставлен на вполнѣ раціональную ногу, и качество масла настолько улучшилось, что датское масло стало считаться по своим достоинствам первым на міровом рынкѣ. Частнохозяйственное производство масла оказалось совершенно не в силах конкурировать с кооперативным, и в настоящее время болѣе 90% масла, изготовляемаго в Даніи, вырабатывается в кооперативных маслодѣльнях, огромное большинство участников которых принадлежит к числу средних и мелких крестьян.

С 90-х годов прошлаго вѣка начинается быстрое развитіе молочных товариществ и в других странах.

Другими образчиками товарищества по переработкѣ являются товарищества винодѣлов, крахмально-паточныя товарищества, кооперативныя мельницы, винокуренные заводы и пр.

Товарищества по покупкѣ и сбыту имѣют своей цѣлью избавить сельскохозяйственных производителей от эксплоатаціи со стороны торговцев. Особенное развитіе получила в разных странах закупочная кооперація, как значительно болѣе простая.

И эти товарищества связаны между собой в мѣстные и національные союзы. Товарищества по продажѣ имѣют в Германіи менѣе значенія, чѣм в Даніи, гдѣ имѣется цѣлый ряд крупных національных организацій по продажѣ разнаго рода сельскохозяйственных продуктов.

В Южной Германіи (а также и в других странах - напр. в Швейцаріи) за послѣдніе годы получили значительное распространеніе среди крестьян товарищества по совмѣстному пользованію сельскохозяйственными машинами (сельскохозяйственныя производительно-подсобныя артели). Группа крестьян сообща покупает машину, и каждый отдѣльный член группы послѣдовательно пользуется машиной. Таким образом крестьяне получают возможность пользоваться такими машинами, которыя слишком дороги для небольшого хозяйства, как напр., паровая молотилка, а также сѣялки, жатвенныя машины и т.п.

Во Франціи сельско-хозяйственная кооперація развита вообще значительно меньше, чѣм в Германіи. Тѣм не менѣе и во Франціи считается болѣе 4 тысяч так называемых сельско-хозяйственных синдикатов- кооперативных организацій самаго разнообразнаго характера. Синдикаты винодѣлов, садоводов, огородников, табаководов и др. преслѣдуют цѣли совмѣстной покупки нужных средств производства, продажи продуктов, пріобрѣтенія нужных свѣдѣній, пользованія кредитом и т.п. За послѣдніе годы во Франціи энергично развиваются товарищества по переработкѣ- винодѣльческія товарищества, производителей оливкаваго масла, кооперативные, сахарные, крахмальные и винокуренные заводы и т.д.

Весьма любопытно кооперативное движеніе в итальянской деревнѣ. Интересно оно не своими размѣрами, а тѣм, что пытается создать такія формы

кооперативов, которыя на практикѣ удаются всего рѣже. Оно стремится и не безуспѣшно- разрѣшить крайне трудную задачу артельнаго производства. Особенно замѣчательны в этом отношеніи разнообразные кооперативы итальянской провинціи Реджи-Эмиліи. Кооперативное движеніе Реджи-Эмиліи развивалось под непосредственным вліяніем соціалистов и этим объясняется его своеобразный характер. Среди сельско-хозяйственных организацій этой провинціи обращают на себя особенное вниманіе арендныя товарищества, возникшіе за самые послѣдніе годы. Товарищества эти стали образовываться послѣ неудачи широкаго стачечнаго движенія в итальянской деревнѣ в 1900-1901 г.г. Стачки повели к массовой безработицѣ и вот крестьянскія соціалистическія организаціи, чтобы найти своим членам работу, рѣшили приняться за коллективную обработку земли. В 1901 г. в Фабрико возникает первое такое товарищество из 471 семьи; оно арендует четыре имѣнія и ведет свои дѣла довольно успѣшно. Всѣми земледѣльческими работами руководит избранное правленіе; товарищество доказало на опытѣ возможность крупнаго артельнаго земледѣлія. Всего в Италіи имѣется свыше 80 таких товариществ с общей обработкой земли.

Сельско-хозяйственная кооперація распространяется за послѣднее время и у нас. Первыя попытки устройства в Россіи товарищеских сыроварен относятся еще к 60-м и началу 70-х годов. Когда Н. Верещагин вмѣстѣ с нѣкоторыми другими лицами, при поддержкѣ нѣкоторых общественных учрежденій и земств, создал цѣлую сѣть таких товариществ (так называемых артельных сыроварен, хотя это названіе и не точно, ибо это были не производительные кооперативы, артели, а товарищества по переработкѣ, организованныя совершенно так же, как и молочныя товарищества Западной Европы) в Тверской, Ярославской, Новгородской и др. губерніях. Однако, эти попытки успѣха не имѣли и содѣйствовали только развитію у нас крупнаго капиталистическаго маслодѣлія и сыроваренія, причем нѣкоторые из руководителей этого дѣла превратились в концѣ концов в крупных капиталистических предпринимателей. Неудача эта крайне характерна в том отношеніи, что она показывает как необходима для успѣха всякой кооперації самодѣятельность населенія. Наше крестьянство к тому времени еще не было способно поддержать новыя хозяйственныя организаціи, предлагавшіяся ему интеллигенціей, и никакія усилія интеллигенціи оказались неспособными восполнить этот существенный недостаток.

Можно было думать, что русская деревня почему-то совершенно невоспріимчива к новым формам кооперації. Интеллигенція и земства охладѣли к кооперації; а отдѣльныя попытки в этом направленіи, которыя дѣлались друзьями кооперативнаго дѣла из среды интеллигенціи (напр., попытки устройства Н.В. Левицким земледѣльческих артелей), по прежнему приводили к неудачам. Но наша деревня понемногу пробуждалась и, мало-по малу, в ней возникло сильное кооперативное движеніе такого же типа, как и в Западной Европѣ.

Особенно интересно быстрое развитіе в Сибири маслодѣльных товариществ такого же рода, как в Даніи. К 1910 г. их считалось в Сибири уже 1337. И в Сибири, как и в других странах, развитіе кооперативнаго производства имѣло своим слѣдствіем значительное поднятіе техники; хотя сибирскому маслу все еще очень далеко до датскаго, но оно уже не то, каким было еще очень недавно и, благодаря кооперації, заняло прочное мѣсто на міровом рынкѣ.

По приблизительному подсчету, уже около половины сибирскаго масла производится в кооперативных маслодѣльнях. Послѣднія выдержали ожесточенную борьбу с частными капиталистическими маслодѣльнями и вышли из этой борьбы побѣдителями. Процесс вытѣсненія частных заводов кооперативными во многих раіонах Сибири "почти закончен, и почти всѣ частновладѣльческія маслодѣльни, не выдержавши могучаго натиска кооперативной волны, или ликвидировали свои дѣла, или перешли в руки кооперації. Успѣхи Сибирскаго кооперативнаго маслодѣлія в значительной мѣрѣ зависѣли от того, что маслодѣльныя товарищества Сибири получали помощь от особой "Организаціи по устройству кооперативных маслодѣльных товариществ в Западной Сибири", возникшей в 1902 г. В концѣ 1907 г. возник "Союз сибирских

маслодѣльных артелей", объединившій нѣсколько сот артелей.

Судьба перемѣнчива: еще очень недавно кооперативныя маслодѣльни превращались у нас в капиталистическія маслодѣльни, теперь же капиталистическія маслодѣльни не могут выдержать конкуренціи кооперативных.

Но рост сельско-хозяйственных кооперативов замѣчается не только в Сибири. И в других мѣстностях Россіи послѣ 1905 г., всколыхнувшаго до основанія нашу деревню, стали возникать сельско-хозяйственные кооперативы самых различных видов- маслодѣльныя товарищества (в сѣверных губерніях), потребительныя общества, кредитныя товарищества, мелкія сельско-хозяйственныя общества, исполняющія функціи закупочных и продажных товариществ, а иногда и арендных товариществ и др. Вообще, не может быть сомнѣнія, что, несмотря на неблагопріятныя политическія условія недавняго прошлаго для развитія нашего кооперативнаго движенія, благодаря чему наши кооперативныя учрежденія даже одинаковаго характера еще недавно не были объединены друг с другом и в этом отношеніи представляли собой разительный контраст с кооперативными учрежденіями Запада, которыя связаны между собой національными союзами, кооперації и у нас суждено сыграть такую же огромную творческую роль, какую она уже сыграла на Западѣ.

У. П р о и з в о д и т е л ь н ы я, т р у д о в ы я и производительно-подсобныя а р т е л и. Кооперативы в сферѣ труда характеризуются тѣм, что извѣстная группа рабочих самостоятельно ведет процесс производства или же сообща пользуется средствами производства. Рабочіе производительных и трудовых артелей образуют самоуправляющуюся группу, связанную в процессѣ труда производства в одно хозяйственное цѣлое. Производительно-подсобныя артель возникает тогда, когда извѣстная группа рабочих ведет индивидуальное производство, но сообща пользуется нѣкоторыми средствами производства (напр. нѣсколько кузнецов, работающих каждый на свой счет, имѣют общую кузню, или нѣсколько гончаров имѣют общій горн и т.д.).

Общими условіями для возникновенія производительных артелей в том или иномъ промыслѣ являются, с одной стороны необходимость крупных размѣров производства в данном промыслѣ по техническим условіям, с другой стороны- незначительность необходимых затрат на средства производства. Чѣм примитивнѣе техника промысла, тѣм менѣе развита в данном промыслѣ капиталистическая промышленность и чѣм необходимѣе в нем соединеніе трудовых усилій нѣскольких рабочих, тѣм легче возникает артель. В странах с развитой капиталистической промышленностью капиталистическое предпріятіе оставляет мало мѣста для артели. Напротив, в странах менѣе культурных артели могут достигать широкаго распространенія. К числу таких стран принадлежит Россія.

Так, в сѣверных губерніях Россіи в охотничьем промыслѣ артель до сих пор играет весьма большую роль. В охотничьей артели в сѣверных губерніях обычно участвует от 4 до 10 человѣк, из которых каждый должен доставить в артель опредѣленное количество сѣтных и огнестрѣльных припасов; добытая дичь дѣлится между охотниками поровну. В рыбном промыслѣ точно также сильно распространены артели. Охотничьи и рыболовныя артели представляют собой иногда просто временное соединеніе группы лиц для опредѣленной хозяйственной цѣли, распадающееся, когда эта цѣль достигнута, иногда же прочную и устойчивую хозяйственную организацію. Обыкновенно в рыболовных артелях имѣется выборный руководитель-староста, получившій обычно из добычи большую долю, чѣм другіе члены артели. Иногда такія артели совсѣм не имѣют наемных рабочих, в других же случаях онѣ по временам нанимают рабочих со стороны. Особый тип представляют собой рыболовныя артели так назыв. покрученников на промыслах Бѣлаго моря и Ледовитаго океана. Онѣ не имѣют своих собственных рыболовных принадлежностей, получаемых ими от предпринимателей, которым онѣ и отдают в вознагражденіе за капитал извѣстную долю добычи.

Весьма интересны рыболовныя артели на Псковском озерѣ, описанныя А. А. Николаевым. В каждой из таких артелей (число обслѣдованных артелей доходило до 100) участвует 4-5 семейств с числом рабочих до 12 человѣк и больше, в неравных долях участвующих в доставленіи капитала, необхо-

димаго для артели (главным образом невода). Из полученной добычи часть идет на вознагражденіе капитала, пропорціонально паям каждаго члена артели, часть на вознагражденіе труда и распредѣляется в равных долях между членами артели. Староста артели-жердник-является ея выборным руководителем и никакой самостоятельной властью не обладает; его авторитет всецѣло основан на его большой опытности и знаніи дѣла.

В горнозаводской промышленности артель также имѣет значительное распространеніе, благодаря тому, что в горнозаводской промышленности отсутствуют затраты на сырье и, в то же время, требуется для успѣха дѣла сотрудничество многих лиц. На Уралѣ имѣются артели золотоискателей, во многих мѣстностях Россіи существуют артели камнеломов, артели по добычѣ разнаго рода руды, в донецком краѣ наблюдаются артели углекопов и т.д., и т.д. Среди кустарей в нѣкоторых промыслах имѣют довольно широкое распространеніе производительно-подсобныя артели (артельныя горны, кузни, парни, валяльныя стирни и т.п.).

Наши старинныя артели вполнѣ аналогичны подобным же хозяйственным организаціям, существующим у всѣх первобытных народов. Иного происхожденія "производительныя ассоціаціи" Запада, с которыми одно время связывались надежды полнаго преобразованія соціальнаго строя Европы и которыя возникли под непосредственным вліяніем соціальных движеній новаго времени.

Самая грандіозная попытка устройства широкой сѣти производительных ассоціацій была произведена во Франціи послѣ революціи 1848 г., когда парижскій пролетаріат на короткое время овладѣл политической властью. Временное правительство ассигновало 3 милліона франков на устройство производительных ассоціацій и за нѣсколько лѣт возникло нѣсколько сот таких ассоціацій, из которых получили правительственную ссуду 66 товариществ. Однако, уже к началу 50-х годов огромное большинство их распалось.

Чтобы оцѣнить условія жизнеспособности производительных кооперативов, необходимо, прежде всего, строго разграничить производительныя и трудовыя артели. Производительная артель в условіях современнаго хозяйства должна производить продукт для сбыта, так как современное хозяйство имѣет мѣновой характер. Она представляет собой самостоятельное хозяйственное предпріятіе, в котором хозяином является группа рабочих, сообща владѣющих средствами производства и изготовленным их общим трудом продуктом. Работая для рынка, производительная артель подчиняется и всѣм законам рынка. Она конкурирует с другими предпріятіями, как всякое иное предпріятіе, - а в этой конкуренціи побѣждает сильнѣйшій.

В качествѣ самостоятельнаго предпріятія- и это чрезвычайно важно имѣть в виду- производительная артель представляет собой кооперативную организацію не только производства, но и покупки и сбыта. Успѣх производительной артели зависит не только от успѣшности исполняемых ею процессов производства, но нисколько не в меньшей мѣрѣ и от успѣшности ея операцій по покупкѣ необходимых для нея средств производства и продажѣ изготовляемых ею продуктов. Доход производительной артели зависит в очень существенной мѣрѣ от умѣнья ея руководителей купить нужные продукты по возможно болѣе низкой цѣнѣ и дать свой продукт по возможно болѣе высокой цѣнѣ.

Таким образом, производительная артель есть нѣчто значительно большее, чѣм кооперація только в сферѣ производства: она является типом полной кооперації, связывающей в одно хозяйственное цѣлое данную группу рабочих во всѣх их отношеніях к рынку. Из этого вытекают специфическія трудности, на которыя наталкивается именно этот тип кооперації.

В производительной артели нѣт мѣста наемному труду. Члены ея должны собственными силами организовать не только процесс производства, но и всю коммерческую часть предпріятія. Но, если для организаціи производства рабочіе являются подходящим элементом, так как процесс производства по необходимости, всего болѣе им знакомы, то этого отнюдь нельзя сказать относительно коммерческих отношеній предпріятія. Обычный рабочій не обладает никакими свѣдѣніями относительно условій продажи того продукта,

который он производит. При современных условіях хозяйства, успѣх предпріятія, прежде всего зависит от полнаго знанія рынка и от умѣнія приспособляться к требованіям рынка. Предпринимательская дѣятельность имѣет менѣе всего рутинный характер и требует особых знаній и талантов, которыми обладает далеко не всякій, способный выполнить с успѣхом физическій труд.

Производительная артель хотя и является крупным предпріятіем, сравнительно с ремеслом или кустарничеством, - сравнительно с капиталистическим предпріятіем обычно является предпріятіем мелким. Рабочіе, образующіе артель, не обладая капиталом, обычно не могут создать и крупнаго предпріятія. Но мелкое предпріятіе в промышленности слабѣе крупнаго. Поэтому и помимо торговой неопытности рабочих составляющих артель, артель слабѣе конкурирующих с нею капиталистических предпріятій уже в силу своего меньшаго размѣра.

Но главная причина слабости производительной артели заключается в одной ея особенности, самым рѣзким образом отличающей ее от всѣх другихъ видов кооперативов - в ея принципіальном отрицаніи наемнаго труда. Во всѣх других кооперативах операціи кооператива ведутся при помощи наемных рабочих. И благодаря этому, кооперативы могут привлекать для этих операцій наиболѣе пригодныя рабочія силы; напротив, в трудовых кооперативах для наемнаго труда мѣста нѣт. Многіе видѣли именно в этом принципіальном превосходстве артели над всѣми другими видами кооперативов. Однако, это не только не может считаться безспорным, но вѣрнее скорѣе обратное. С точки зрѣнія общаго соціалистическаго идеала, отрицаніе наемнаго труда не может быть обосновано: и при соціалистическом строѣ трудящійся человѣк не является собственником производимаго продукта, а подчиненным агентом общества, получающим извѣстную плату за свой труд. Только анархическій идеал, желающій прекратить подчиненіе человѣка обществу, принципіально отрицает наемный труд. Если же имѣть в виду условія современнаго хозяйственнаго строя, то отрицаніе принципа наемнаго труда придется признать крайне нераціональным и неосуществимым хозяйственным требованіем. Благодаря этому отрицанію, производительная артель крайне стѣсняет себя в выборѣ наилучших рабочих сил и попадает в худшее положеніе сравнительно со всяким другим хозяйственным предпріятіем, свободно выбирающим рабочія силы, наиболѣе пригодныя для его цѣлей. Именно поэтому производительная артель принципіально слабѣе всякаго другого кооператива: она стѣснена в самом главном - в выборѣ наилучших рабочих сил.

По всѣм этим причинам производительная артель только в рѣдких случаях имѣет успѣх. Для успѣха требуются совершенно исключительныя условія и, прежде всего, исключительныя свойства рабочих, входящих в состав артели: рабочіе должны быть не только хорошими рабочими в обычном смыслѣ слова, но еще и обладать (по крайней мѣрѣ, нѣкоторые из них) талантами в дѣлѣ организаціи предпріятія и устройствѣ его коммерческой части. Но одних предпринимательских талантов недостаточно: нужна еще извѣстная нравственная высота участников артели - готовность к самопожертвованію (не говоря об обычной честности), так как раньше, чѣм достигнуть успѣха, нужно долгіе годы пережить неудачи и лишенія.

И этого, однако, мало: кромѣ личных талантов, для успѣха требуется еще и достаточный капитал, который рабочіе должны достать так или иначе из собственных сбереженій или со стороны, путем займа.

Всѣ эти условія только изрѣдка могут имѣть в наличности, и только в рѣдких случаях производительная артель в развитом капиталистическом хозяйствѣ в состояніи устоять в борьбѣ за существованіе. Из сотен возникающих артелей сохраняются немногія единицы. Но и эти особенно удачныя артели встрѣчают на пути своего развитія новыя специфическія препятствія, почти всегда искажающія их чистый трудовой тип.

Дѣло в том, что производительныя артели, как и всякія другія предпріятія, работающія на рынок, должны приспособлять размѣры своего производства к потребностям рынка. Но рынок по условіям капиталистическаго хозяйства представляет собой колеблющуюся величину, - рыночный спрос то сокращается, то возрастает. Соотвѣтственно этому, каждое капиталистическое предпріятіе то сокращает, то увеличивает число своих рабочих. Артель не может сократить числа своих сочленов, так как всѣ они - в равной мѣрѣ полноправные хозяева предпріятія. С другой стороны, артель не может принять в свой состав, в качествѣ полноправных членов, дополнительных рабочих, в которых она временно нуждается. Вообще, артель принуждена быть очень осмотрительной в пріемѣ новых членов, так как только рабочіе значительно выше средняго уровня могут быть полезными членами артели, и вводить в артель рабочих не обладающих необходимыми для нея свойствами, значило бы погубить все дѣло артели.

Выход из этого положенія может быть только один - артель принуждена имѣть, наряду с полноправными членами также и наемных рабочих, по отношенію к которым артель не отличается принципіально от любого капиталистическаго предпріятія. Таким образом, успѣшная артель с роковой необходимостью утрачивает свой чистый трудовой тип, даже помимо желаній ея членов.

Но члены преуспѣвающей артели должны быть совершенно исключительными людьми, чтобы настаивать на сохраненіи ея трудового типа в полной чистотѣ. В успѣшной артели доход ея членов должен превышать обычный размѣр заработной платы, - именно в этом и выражается ея успѣх. При введеніи новых членов на равных условіях со старыми, старые члены должны отказаться от части своего дохода, достигнутаго многими годами энергіи и настойчивости, в пользу новых членов, которые еще не имѣют никаких заслуг перед артелью. На такое самопожертвованіе, во имя отвлеченнаго трудового принципа, расчитывать, очевидно, нельзя.

И дѣйствительно, мы видим, что всѣ успѣвающія артели прибѣгают в большей или меньшем размѣрѣ к наемному труду и являются, таким образом, в большей или меньшей степени, капиталистическими предпріятіями. Нѣкоторыя артели, наиболѣе преуспѣвшія, превращаются, в концѣ концов, в обычныя капиталистическія предпріятія, работающія только наемными рабочими: прежніе рабочіе члены артели стали капиталистическими пайщиками предпріятія и отказались, за ненадобностью, от участія в производствѣ личным трудом.

Такова была, между прочим, судьба и нѣкоторых производительных товариществ, возникших во Франціи в концѣ сороковых годов. Товарищества эти, в виду выдающихся качеств их учредителей, имѣли успѣх и разбились в огромныя предпріятія, но вполнѣ капиталистическаго типа. Так, товарищество производителей оптических инструментов, возникшее в Парижѣ в эту эпоху, сохранилось до настоящаго времени и имѣет милліонные обороты, но представляет собой обычную капиталистическую кампанію.

Производительныя артели в средѣ развитого капиталистическаго хозяйства стоят, таким образом, перед дилеммой - или гибели (что является их обычной участью) или превращенія в предпріятіе болѣе или менѣе капиталистическаго типа). Фактическое положеніе производительных артелей на Западѣ вполнѣ подтверждает этот общій теоретическій вывод. Производительных артелей очень мало и число их почти не растет, представляя в этом отношеніи рѣзкій контраст с быстрым развитіем других кооперативов.

От производительной артели в собственном смыслѣ слова слѣдует строго отличать трудовую артель. Производительная артель владѣет средствами производства и изготовленным продуктом, которым она, подобно капиталистическому предпріятію, продает на рынкѣ. Напротив, трудовая артель продает не продукт, а свои трудовыя услуги. Члены трудовой артели работают за плату, подобно другим рабочим, но отличаются от послѣдних тѣм, что по отношенію к нанимателю они являются недѣлимой группой, получают плату сообща, по своему усмотрѣнію распредѣляют ее между собой и болѣе или менѣе самостоятельно организуют процесс производства. В то время как в производительной артели кооперативное начало охватывает собой всѣ отрасли хозяйственной жизни даннаго предпріятія, в трудовой артели на кооперативных началах организуется только самый процесс труда и продажа труда.

Соотвѣтственно большей простотѣ трудовой артели, она наталкивается для своего осуществленія на гораздо меньшія трудности, чѣм производительная артель. Она может имѣть успѣх не только в малокультурных странах,

но и при наличности высокоразвитаго капиталистическаго хозяйства. Рабочіе в этом случаѣ могут получать средства производства от нанимателя, и, значит, избавляются от трудовой задачи пріобрѣтенія средств производства. Они не выступают в роли самостоятельных производителей продуктов для сбыта и, прежде всего, не берут на себя несвойственной им торговой роли. С другой стороны, самостоятельно организуя процесс труда, рабочіе болѣе заинтересованы в повышеніи его производительности, благодаря чему трудовая артель может работать производительно болѣе, чѣм простые наемные рабочіе. И потому трудовая артель может с успѣхом конкурировать с другими формами трудовой оплаты.

В Россіи трудовая артель имѣет широкое распространеніе. Одним из обычных видов нашей трудовой артели являются разнаго рода строительныя артели. Выгоды сотрудничества в этом промыслѣ очень велики, а орудія производства крайне просты. На этом и основано распространеніе строительных артелей. Строительная артель работает по найму, но свободно распредѣляет получаемую плату между своими членами и свободно организует самый процесс труда. Насколько распространена артельная форма труда в крестьянском строительствѣ, сказать трудно; значительная часть крестьянских домов строится плотничьями артелями. Во главѣ таких артелей стоит руководитель артели, рядчик, на обязанности котораго лежит организовать артель и пріискать работу. Он является выборным главной артели, но не ея хозяином. Численный состав плотничьей артели сильно колеблется; обыкновенно в артели участвуют 4,5, много 10 человѣк. Вообще преобладают небольшія артели. В маленьких артелях всѣ члены получают поровну. В болѣе крупных оплата производится соотвѣтственно искусству труда; заработки артельщиков, напр., дѣлятся "на три руки", на три разряда, в провинціи 6,5,4 или 6,4,3; к этому присоединяется иногда и четвертый разряд рабочих-первогодок. Староста иногда не вознаграждается особо, иногда же получает небольшое добавочное вознагражденіе.

Кромѣ строительнаго промысла трудовая артель очень распространена у нас в разнообразных землекопных промыслах, работах по проведенію каналов, дорог и т.п., в промыслах по рубкѣ и сплаву лѣса, в разгрузкѣ разнаго рода товаров и т.д.

Что касается до трудовой артели в развитых капиталистических странах, то сколько нибудь опредѣленных статистических данных относительно ея распространенія мы не имѣем, но, во всяком случаѣ, она распространена гораздо больше производительной артели. И, что особенно интересно, именно в новѣйшее время наблюдается усиленный рост артелей этого рода.

В Италіи трудовыя артели начали возникать в восьмидесятых годов прошлаго вѣка. В 1910 году таких артелей в Италіи было 1017 с 95 тысячами членов.

Точно также и во Франціи все болѣе и болѣе распространяется обычай сдавать муниципальные поряды самостоятельным артелям рабочих. Товарищества каменьщиков, мостильщиков улиц, землекопов исполняют в Парижѣ и других городах Франціи обширныя работы по подряду.

Но всего болѣе эта система усвоена в Новой Зеландіи, гдѣ большая часть желѣзнодорожных сооруженій исполнялась государством посредством подобных артелей.

В Англіи трудовыя артели извѣстны под названіем "системы кооперативной заработной платы", практикующейся в нѣкоторых производствах (особенно в горном дѣлѣ). Нѣчто общее с трудовой артелью имѣет и так называемая "система копартнершипа", которая встрѣчает горячих приверженцев среди нѣкоторой части англійских кооператоров. Система эта характеризуется слѣдующими чертами. Предпріятіе принадлежит обществу, которое, с формальной стороны, ничѣм не отличается от обычной акціонерной компаніи, кромѣ того, что акціи имѣют возможно меньшую куппюру. Но фактически акціи в большей или меньшей мѣрѣ принадлежат рабочим, занятым в предпріятіи, а иногда и почти цѣликом принадлежат им. В послѣднем случаѣ предпріятіе фактически принадлежит занятым в нем рабочим и является производительной артелью. Но это представляет собой болѣе рѣдкій случай, - обычно же промышленныя предпріятія на началах копартнершипа принадлежат лишь отчасти рабочим, отчасти же (и обычно, в большей части) разнаго рода лицам и кооперативным учрежденіям. Очень часто потребительныя

общества, путем пріобрѣтенія акцій предпріятій на началах копартнершипа, становятся частичными хозяевами этих послѣдних. Самая существенная особенность предпріятій этого типа заключается в том, что рабочіе в них имѣют извѣстную долю в прибылях. В состав правленія, стоящаго во главѣ такого предпріятія, входит извѣстная часть членов, изобраемых не акціонерами, а занятыми в предпріятіи рабочими. Большая часть производительных товариществ, фигурирующих в англійских статистических отчетах, и является не чѣм иным, как предпріятіями на началах копартнершипа.

Если акціи предпріятія на началах копартнершипа принадлежат в очень малой степени рабочим даннаго предпріятія, или совсѣм им не принадлежат, то такое предпріятіе, не будучи производительной артелью, заключает извѣстныя черты сходства с трудовой артелью. Рабочіе в этом случаѣ не являются хозяевами дѣла и не выступают в роли предпринимателей, но так как они принимают болѣе или менѣе дѣятельное участіе в организаціи процесса производства в данном предпріятіи и распредѣленіи прибыли, то они, все же существенно отличаются от обычных рабочих по найму, ничѣм не связанных с предпріятіем. В этом и заключаются черты, сближающія копартнершип с трудовой артелью.

Среди принципіальных вопросов вызывающих разногласія в средѣ дѣятелей кооперативнаго движенія, имѣет особое значеніе вопрос о трудовых кооперативах.

Разногласіе по этому вопросу дѣйствительно глубоко и принципіально. Одни кооператоры являются горячими сторонниками рабочих производительных кооперативов и признают их высшей формой коопераціи, другіе относятся к этим кооперативам рѣзко отрицательно. На первой точкѣ зрѣнія стояли болѣе старые кооператоры- во Франціи послѣдователи Фурье, в Англіи- Голіойок и вся его школа, в Германіи - Шульце-Делич. Точно также и у нас в Россіи большинство лиц, сочувствующих кооперативному движенію видит в производительной артели высшую форму коопераціи. Еще недавно в русском обществѣ преобладало мнѣніе, что в артели лежит средство исцѣленія всѣх соціальных недугов современнаго общественнаго строя.

Это теоретическое увлеченіе артелями оказало извѣстное вліяніе и на практику. И на Западѣ и у нас различныя общественныя группы оказывали содѣйствіе возникновенію и развитію производительных артелей. На Западѣ среди самого рабочаго класса существовало и существует сильное теченіе, сочуувственное артелям. В Англіи это выражалось в прежнее время (особенно во время безработицы, когда рабочій не находит спроса со стороны капиталистических предпринимателей на свой труд) многочисленными попытками устройства производительных кооперативов самим рабочими, без всякой помощи со стороны, кромѣ поддержки различных рабочих организацій- преимущественно рабочих союзов. В настоящее время теченіе, сочувственное производительным кооперативам, выражается преимущественно, в устройствѣ рабочими промышленных предпріятій на началах копартнершипа. Во Франціи в эпоху Февральской революціи общественная власть, под давленіем рабочаго класса, выступила с дѣятельной поддержкой артелей. В Германіи теченіе, сочувственное производительным артелям, не так сильно, но, тѣм не менѣе, и в Германіи отдѣльныя рабочія группы от времени до времени дѣлают попытки устройства артелей, - такими попытками была отмѣчена и послѣдняя безработица 1908 года.

Что касается до Россіи, то у нас рабочія массы до послѣдняго времени отличались малой сознательностью и артельныя увлеченія имѣли своей средой образованное общество - интеллигенцію. Под вліяніем этих увлеченій, в шестидесятые годы нѣсколько земств выступили с широкой программой разнообразных мѣропріятій для развитія артелей. В особенности энергично дѣйствовало в этом направленіи одно из наших наиболѣе передовых земств- Тверское, основавшее цѣлый ряд артелей гвоздарей, сапожников, смолокуров и т.д. Неудача этих попыток вызвала извѣстное охлажденіе к артелям со стороны интеллигенціи. Однако, в девяностые годы среди наших интеллигентов опять прокатилась волна артельных увлеченій (щадринскія артели, артели Н.В. Левитскаго и др.) Наконец, послѣ 1905 года, мы видим новое довольно сильное теченіе, сочувственное артелям, исходившее на этот раз уже не из среды интеллигенціи, а самих рабочих. Под вліяніем массовой безработицы, наступившей послѣ 1905 года, многіе рабочіе дѣ-

лали попытки собственными силами помочь своей бѣдѣ путем устройства артелей- и таких артелей возникло не мало. В одном Петербургѣ было учреждено рабочими нѣсколько десятков артелей.

Несмотря на эту живучесть артельной идеи, большинство дѣятелей кооперативнаго движенія на Западѣ относится к рабочим производительным кооперативам, по принципіальным основаніям, несочувственно: В данном случаѣ перед нами глубокое принципіальное разногласіе, исходящее из самых основ различных соціальных идеалов. Современное кооперативное движеніе знает два противоположных типа производительных предпріятій, хозяевами которых являются рабочіе. В одном типѣ (производительная артель) производительное предпріятіе принадлежит тѣм рабочим, которые находят себѣ в нем работу, в другом типѣ -(производительное отдѣленіе потребительнаго общества) рабочіе, занятые в предпріятіи, работают по найму, как и в капиталистическом предпріятіи, но хозяевами их являются не капиталисты, а коллективная группа рабочих, образующих собой потребительное общество. Какой же тип заслуживает предпочтенія? Это дѣло соціальних идеалов. В первом типѣ отдѣльная группа рабочих является самоуправляющей автономной хозяйственной группой, независимой от остальной массы рабочаго класса. Если бы производительныя артели достигли преобладанія в хозяйственном строѣ, то общественное хозяйство слагалось бы из множества независимых единичных хозяйственных организацій, между которыми протекала бы такая же взаимная борьба, как и между современными капиталистическими предпріятіями. Производительная артель дает широкую свободу данной рабочей группѣ, образующей артель, но эта свобода покупается цѣной разъединенія рабочаго класса, раздробленія его на множество отдѣльных групп и различными и даже противоположными интересами. Напротив, в производительном предпріятіи потребительнаго общества рабочая группа, работающая в этом предпріятіи, является подчиненным органом обширнаго рабочаго коллектива и лишается, таким образом, свободы в организаціи своего труда, но этим покупается сплоченность рабочаго класса в одно цѣлое, солидарность интересов в его средѣ. Сторонники анархическаго соціализма должны сочувствовать производительным артелям, сторонники централистическаго соціализма должны сочувствовать производительным предпріятіям потребительных обществ.

Нѣкоторым компромиссом между тѣм и другим типом являются предпріятія, основанныя на началах копартнершипа в том случаѣ, когда данное предпріятіе принадлежит потребительному обществу. Хозяином предпріятія является в данном случаѣ обширный рабочій коллектив, но рабочіе занятые в предпріятіи, пользуются извѣстной свободой в организаціи процесса производства и участвуют в управленіи предпріятіем.

VI. **Кооперація и политическія партіи.** Вопрос об отношеніи кооперативнаго движенія к политическим партіям вызывает существенныя разногласія среди дѣятелей кооперації. Кооператоры в Англіи, Германіи, Швейцаріи и многих других странах принципіально не допускают никакой связи между кооперативами и политическими организаціями; их лозунг- полный нейтралитет кооперативнаго движенія по отношенію к политическому. Напротив, в Бельгіи (и отчасти во Франціи и Италіи) кооперативы примыкают к различным политическим организаціям. Разногласіе по этому вопросу не имѣет, однако, большого принципіальнаго значенія. В Англіи политическій нейтралитет кооперації явился естественным послѣдствіем того, что в Англіи не существовало до послѣдняго времени партіи, к которой могло бы примкнуть кооперативное движеніе, так как самостоятельная рабочая партія возникает в Англіи только в наши дни. В Германіи принципіальный политическій нейтралитет кооперації диктуется опасеніем репрессивных мѣр со стороны правительства противпролетарских кооперативов: если бы послѣдніе объединились с политической партіей рабочаго класса, то правительство всячески старалось бы мѣшать их успѣхам. Однако, в Германіи, несмотря на принципіальное отрицаніе политики, кооперативное движеніе все же получило политическую окраску и, напр., потребительныя общества не образуют собой одного національнаго цѣлаго, как в Англіи, а распадаются на двѣ независимых

національных организаціи, - "Всеобщій союз германских товариществ", основанный, еще Дульце-Деличем, и "Центральный Союз германских потребительных обществ", состоящій из лиц, более или менѣе близких к соціал-демократам.

Вообще, приналичность ожесточенной политической борьбы и самостоятельной политической партіи рабочих, пользующейся вліяніем в рабочей средѣ, кооперації трудно сохранить политическій нейтралитет, хотя политическій нейтральныя позиціи в интересах развитія кооперативнаго движенія, так как она способствует образованію более крупных кооперативних союзов.

На послѣднем международном конгрессѣ спеціалистов в Копенгагенѣ конгресс, послѣ продолжительных дебатов, вынес слѣдующую резолюцію по данному вопросу.

"Конгресс приглашает членов партіи и профессіональных союзов стать дѣятельными членами кооперативов и дѣйствовать в них в духѣ соціализма, чтобы препятствовать им сдѣлаться организаціями, ослабляющими солидарность и дисциплину рабочаго класса. Кооперативы соціалисты должны добиваться в своих кооперативах: I) чтобы прибыль не была только раздѣлена между членами, а образовала фонд, дающій возможность потребительным обществам, союзам их или обществам оптовых покупок прибѣгать к собственному производству и заботиться об образованіи и поддержкѣ своих членов; 2) чтобы заработная плата и условія труда были установлены по соглашенію с профессіональными союзами; 3) чтобы постановка работы была образцовой, и чтобы при закупкѣ товаров принимались в соображеніе условія труда рабочих, занятых в том или в другом производствѣ. Прямая поддержка политическаго или профессіональнаго движенія должна быть предоставлена рѣшенію кооперативных организацій каждой страны. Конгресс утверждает далѣе, что в интересах рабочаго класса и его борьбы с капитализмом необходимо, чтобы отношенія между всѣми частями рабочаго движенія (политическим, профессіональным и кооперативным) становились тѣснѣе, не нарушая этим самостоятельности каждаго из них."

Эта резолюція явилась компромиссом между различными теченіями в соціалистическої средѣ и может считаться наилучшим разрѣшеніем даннаго практическаго вопроса.

ГЛАВА IX.

СРЕДСТВА СООБЩЕНІЯ.

Под средствами сообщенія понимают хозяйственныя организаціи двоякаго рода: однѣ из них служат для перемѣщенія людей и предметов хозяйства (транспорт по сухопутным и водным путям сообщенія), другія для передачи извѣстій (почта, телегрф, телефон). И тѣ и другія играют чрезвычайно важную роль в народном хозяйствѣ.

Производство неотдѣлимо от перемѣщенія хозяйственных предметов в пространствѣ и даже, как показал Милль, оно в концѣ концов только и состоит в этом перемѣщеніи. Но когда мы говорим о транспортѣ, то подразумѣваем не это перемѣщеніе хозяйственных предметов в процессѣ труда производства, а самостоятельную и обособленную хозяйственную операцію, заключающуюся в передвиженіи хозяйственных предметов на более или менѣе значительныя разстоянія. И в таком видѣ транспорт обычно сопотствует производству и слѣдует за ним. С одной стороны, средства производства, если только они не возникли в хозяйствѣ самого производителя (что в современном хозяйствѣ являются рѣдким случаем), должны быть доставлены к данному производительному предпріятію извнѣ. С другой стороны, изготовленные продукты, если они производятся для сбыта, должны быть потребителю. Таким образом расходы по оплатѣ стоимости транспорта входят составным элементом цѣны всѣх товаров, обращающихся на рынкѣ. Обмѣн (кромѣ разумѣется, обмѣна недвижимости) неизбѣжно сопровождается перемѣщеніем предметов хозяйства. Передача же извѣстій является необходимым условіем сколько-нибудь развитого обмѣна и, таким образом, пользованіе средствами сообщенія в их различных видах является необхо-

димой составно* частью всѣх родов хозяйственнаго труда,чѣм и объясняется исключительно важное значеніе в народном хозяйствѣ средств сообщенія.

Отсюда ясно,что пониженіе расходов по пользованію средствами сообщенія должно самым энергичным образом вліять на развитіе народнаго хозяйства. Каждый товар может имѣть сбыт лишь в том районѣ, в котором его цѣна на мѣстѣ производства плюс стоимость транспорта не превышает цѣн?которую могут платить за товар покупатели.Чѣм ниже стоимость транспорта,тѣм обширнѣе район сбыта товара. Если мы представим себѣ район сбыта товара в видѣ площади круга, а лиги транспорта,как радіусы этого круга,то мы придем к выводу,что район сбыта товара)иначе говоря р ы н о к для него) обратно пропорціонален квадратам стоимости его транспорта: так напр., при пониженіи вдвое стоимости транспорта вдвое увеличивается длина пути,на которую за одинаковую плату можно передвинуть товар, и слѣдовательно,вчетверо увеличивается площадь круга,в предѣлах котораго товар может находить себѣ сбыт.

Благодаря неизбѣжным различіям,условій производства,цѣны товаров в различных мѣстностях не могут не быть различны,причем различія эти нерѣдко бывают весьма велики.Развитіе средств сообщенія ведет к уменьшенію этих различій, к общему выравниванію цѣн, тѣм болѣе значительному,чѣм болѣе понижается стоимость транспорта. Выравниваніе это происходит таким образом,что на мѣстах производства,откуда товары вывозятся, цѣны соотвѣтствующих товаров повышаются,в мѣстах ввоза понижаются,причем это вліяніе измѣненія условій транспорта на товарныя цѣны тѣм значительнѣе,чѣм ниже цѣна товара при данном вѣсѣ и объемѣ.Стоимость транспорта составляет небольшую часть цѣны дорогих товаров и потому понижоніе это* стоимости мало отра-ается на их цѣнѣ. Но чѣм дешевле товар, тѣм чувствительнѣе он к стоимости транспорта. Поэтому удешевленіе транспорта всего больше отражается на цѣнах дешевых громоздких товаров,как, напр., разнаго рода сырье,топливо,хлѣб и т.п.

В общем,удешевленіе средств сообщенія является самым могущественным стимулом развитія торговли и промышленности. Вмѣстѣ с тѣм оно содѣйствуст росту крупных капиталистических предпріятій насчет мелких, так как размѣры предпріятія по необходимости огра-иваются размѣрами рынка,а рынок расширяется с удешевленіем средств сообщенія. Только благодаря мощному развитію средств сообщенія,характерному для нашего времени,стали возможны такія гигантскія капиталистическія предпріятія, как,напр.,американскіе трести,монополизирующіе не только внутренній рынок велико* страны,но стремящіеся (и небезуспѣшно) стать господами и мірового рынка.

Развитіе средств сообщенія чрезвычайно содѣйствует росту общественнаго раздѣленія труда.Чѣм шире район сбыта каждаго товара,тѣм болѣе может специализироваться опредѣленная мѣстность в производствѣ только тѣх продуктов,по отношенію к производству которых она имѣет существенныя преимущества. Таким образом возникает территоріальное раздѣленіе труда. При этом,по мѣрѣ развитія путе* сообщенія,тѣ преимущества данно* мѣстности, которыя заключаются в близости к тому мѣсту добыванія сырья,теряют свое значеніе сравнительно с преимуществами чисто соціальнаго характера,как большое искусство труда,богатство капиталом и т.п. Так,мы видим,что хлопчатобумажная промышленность преимущественно развивается не в странах произрастанія хлопка,а в Европѣ. Весь хозяйственный мір мало-по малу связывается в одно колоссальное цѣлое мірового хозяйства.

Но средства сообщенія служат не только для хозяйственных цѣлей.Они непосредственно вліяют на вс* стороны общественной жизни. Могущество современнаго централизованнаго государства опирается весьма существенно на средства сообщенія, которыя находятся в распоряженіи центральной* государственно* власти и дают ей возможность вліять на всякій момент во всяком пунктѣ территоріи страны в желаемом направленіи.Пути сообщенія играют огромную роль и при военных дѣйствіях государства.Наконец облегченіе сношеній между людьми и вообще чрезвычайно содѣйствуют росту культуры и цивилизаціи.

В исторіи средств сообщенія рѣшающую роль сыграли пар и электричество. До эпохи желѣзных дорог водный транспорт был единственным дешевым способом перемѣщенія тяжелых грузов. Благодаря этому обмѣн сосредоточивался преимущественно по морскому побережью и вдоль судоходных рѣк. Примѣненіе пара к передвиженію вызвало великую революцію в средствах сообщенія,которая была еще усилена изобрѣтеніем электрическаго телеграфа,до послѣдней степени ускорившаго передачу извѣстій.

Желѣзныя дороги впервые появляются в Англіи,которая уже в концу 40 годов XIX -го вѣка заканчивает в основных чертах свою желѣзнодорожную сѣть. Затѣм, в 50-е,60-е и 70-е годы слѣдует усиленное желѣзнодорожное строительство в других странах западно* Европы и отчасти и у нас,хотя в Россіи наибольшее желѣзнодорожное строительство приходится на 90-е годы XIX вѣка на послѣдніе годы до войны.

Как хозяйственныя предпріятія ,желѣзныя дороги имѣют свои весьма существенныя особенности.Прежде всего,это предпріятіе чрезвычайно крупныя,так как постройка желѣзных дорог требует огромных капиталов.Благодаря этому,сколько-нибудь значительныя желѣзныя дороги невозможны в формѣ одиночных предпріятій- только коллективный капитал многих лиц может достигать тѣх размѣров, которые требуются для постро*ки желѣзно* дороги.Этот крупны* размѣр предпріятія естественно ведет к тому, что желѣзным дорогам присущ в больше* или меньшей степени характер монопольных предпріятій. Затѣм,желѣзныя дороги не могут возникать,как обычныя частно-хозяйственныя предпріятія,без всякаго вмѣшательства государства,ибо они требуют отчужденія территоріи,на которо* проводится желѣзнодорожная линія.Наконец,желѣзныя дороги так сильно затрагивают интересы широких кругов населенія и все* страны в совокупности,что естественно вызывают по отношенію к себѣ регулирующую дѣятельность государства.

Правильное развитіе желѣзнодорожно* сѣти,в соотвѣтствіи с потребностями страны,представляет огромное значеніе для все* хозяйственной жизни страны. Между тѣм,по необходимости,далеко не всѣ желѣзнодорожныя линіи это* сѣти могут давать одинаковый доход; нѣкоторыя из них могут быть совсѣм мало доходными и тѣм не менѣе составлять необходимыя частя обще* сѣти. Поэтому,когда государство представляет исполненіе сѣти свободному частнохозяйственному предпріимательству,сѣть легко может остаться незаконченной или развито* неравномѣрно.

Затѣм государство заинтересовано в том, чтобы пользованіе желѣзнодорожными линіями было согласновано с общими интересами страны и чтобы желѣзнодорожныя общества не эксплоатировали в ущерб интересам населенія своего монопольнаго положенія. Отсюда возникает требованіе,чтобы государство непосредственно регулировало и контролировало пользованіе желѣзнодорожными линіями и,в частности,регулировало желѣзнодорожныя тарифы- платы за провоз людей и товаров.

Наиболѣе полно эти цѣли достигаются в том случаѣ, когда государство является собственником желѣзнодорожных линій. Поэтому во многих государствах вся или почти вся желѣзнодорожная сѣть принадлежит государству и находится в его управленіи. Сюда относится большая часть германских государств,Венгрія,Норвегія,Сербія,Румынія,Болгарія,Австралія,Капская колонія,Египет.Напротив в Соединенных Штатах,Англіи,Швейцаріи,Испаніи,Греціи и других странах желѣзнодорожныя линіи принадлежат частным компаніям.В Россіи,Австріи,Франціи,Бельгіи и других странах часть желѣзнодорожных линій принадлежит государству,часть-частным компаніям. В общем,за послѣднее время замѣчается несомнѣнная тенденція к росту государственных желѣзных дорог за счет частных.

При этом нужно имѣть в виду,что в большинствѣ государств правительственная власть подчиняет весьма тщательному контролю дѣятельность частных желѣзных дорог,причем нерѣдко контроль этот достигает таких размѣров,что различіе в этом отношеніи между частными и государственными дорогами почти сглаживается. Так,напр., у нас в Россіи тарифы и общія правила управленія желѣзными дорогами устанавливаются государственной властью в равно* мѣрѣ как для казенных,так и для частных дорог.

По существу, транспорт всякаго рода (передвиженіе людей и предметов хозяйства) должен быть признан одной из отраслей производства-локомоторной промышленностью. Поэтому, казалось бы, надлежащее мѣсто ученію о средствах сообщенія в отдѣлѣ производства, а никак не обмѣна. Транспорт сам по себѣ не имѣет ничего общаго с обмѣном; если бы обмѣн совершенно исчез-напр., при предположеніи соціалистическаго государства-то транспорт остался бы по прежнему. Однако, по соображеніям цѣлесообразности, удобнѣе помѣщать ученіе о средствах сообщенія в отдѣлѣ обмѣна. При современных условіях обмѣн тѣсно соединяется с транспортом и потому понять значеніе транспорта в капиталистическом хозяйствѣ можно лишь в связи с изученіем явленій обмѣна.

ОТДѢЛ IV.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

УЧЕНІЕ ОБ ОБЩЕСТВЕННОМ КЛАССѢ.

I. Понятіе общественнаго класса. Представленіе о современном обществѣ, как распадающемся на нѣсколько опредѣленных классов с различным положеніем в процессѣ общественнаго хозяйства, впервые возникает у того, кого с гораздо большим правом, чѣм Адама Смита, можно считать отцом экономической науки - геніальнаго француза Кенэ, главы школы физіократов. Кенэ различал в предѣлах современнаго общества три класса- производительный класс (земледѣльцы), класс собственников (землевладѣльцы) и безплодный класс (промышленники, торговцы и, вообще все остальное населеніе). Признаніе промышленников и торговцев безплодным классом, а земледѣльцов единственно производительным, находилось в связи с основным представленіем Кенэ об исключительной производительности земледѣльческаго труда; несостоятельность этого представленія не требует в настоящее время доказательств. Важно лишь то, что Кенэ различал в современном обществѣ нѣсколько классов, играющих различную роль в процессѣ созданія общественнаго богатства.

В предѣлах населенія, извлекающаго свой доход из земледѣлія, Кенэ различал два класса- собственников и непосредственных земледѣльцев. Напротив, населеніе извлекающее доход не из земледѣлія, разсматривалось Кенэ как один нераздѣльный класс. Но не трудно было замѣтить, что промышленное населеніе не менѣе, чѣм земледѣльческое, распадается на двѣ группы, совершенно различныя по своему экономическому положенію и своим экономическим интересам- капиталистов предпринимателей- и рабочих. Этот шаг вперед в развитіи ученія о классѣ и дѣлает самый выдающійся послѣдователь Кенэ-знаменитый французскій общественный дѣятель предреволюціонной эпохи Тюрго. Вмѣсто трех классов, он различает в современном обществѣ четыре класса- землевладѣльцев и земледѣльческих рабочих, с одной стороны, и промышленных предпринимателей и промышленных рабочих- с другой подчеркивая при этом сходство экономическаго положенія земледѣльческих и промышленных рабочих.

Послѣ этого для Адама Смита не представило никакого труда дать свое знаменитое дѣленіе капиталистическаго общества на три класса землевладѣльцев, капиталистов и рабочих. Чтобы прійти к этому дѣленію, Смит должен был только суммировать земледѣльческих и промышленных рабочих в один класс, что по существу было уже сдѣлаго Тюрго, и противопоставить этот класс рабочих двум другим классам- собственникам земли и капитала.

Таким образом и получилось дѣленіе капиталистическаго общества на три класса, которое затѣм упрочилось в наукѣ. Но как для Кенэ и Тюрго, так и для Смита в понятіи класса самым существенным было не различіе интересов различных общественных классов, а различіе их роли в процессѣ созданія общественнаго богатства. Физіократы и Смит почти игнорировали это различіе интересов. Кенэ совершенно не касался различія ин-

тересов между земледѣльческими рабочими и землевладѣльцами, а еще болѣе различія интересов между промышленными рабочими и капиталистами (которых он объединял вмѣстѣ с рабочими в один класс), и только различіе хозяйственной роли земледѣльческаго и промышленнаго населенія отмѣчалось им и подчеркивалось в рѣзком противопоставленіи безплодных промышленников единственно производительным земледѣльцам. Но вытекающее отсюда различіе интересов не казалось ему непреодолимым, так как предоставленіе всѣм классам населенія полной свободы в их хозяйственной дѣятельности казалось Кенэ вѣрным средством к примиренію законных интересов всѣх. Вѣра в естественную гармонію интересов была основным пунктем всего міросозерцанія Кенэ и потому для представленія о различіи интересов, как о характерной особенности современнаго общественнаго строя, в этом міросозерцаніи мѣста не было.

Тюрго и Смит точно также стояли всецѣло на почвѣ этого міросозерцанія. В частности, Смит был по менѣе непоколебимо убѣжден в возможности достиженія гармоніи интересов всѣх классов населенія путем установленія системы естественной свободы. И потому общественные классы для Смита, как и для Кенэ, различались не столько по своим интересам, сколько по своему различному положенію в процессе общественнаго хозяйства.

Дальнѣйшее развитіе ученія о классѣ выразилось в крайне важной идеѣ что различіе экономическаго положенія различных классов в процессѣ созданія общественнаго богатства неизбѣжно приводит и к неустранимой противоположности, антагонизму их экономических интересов. Благодаря этой идеѣ развитіе которой составляет огромную заслугу школы Сен-Симона, впервые выяснилось исключительное значеніе классоваго дѣленія общества для пониманія всей его внутренней исторіи. Сен-Симонисты изображают всю новѣйшую исторію Западной Европы, как борьбу общественных классов за свои противоположные интересы, и, таким образом, кладут основы научному пониманію исторіи.

Дѣло Сен-Симонистов завершается Марксом. Самое глубокое, что до сих пор дала наука в области ученія об общественном классѣ, содержится, без сомнѣнія в трудах Маркса и, отчасти, Энгельса. Однако, хотя в многочисленных работах этих двух великих соціалистов содержится богатѣйшій матеріал для отвѣта на вопрос о том, в чем заключаются конститутивные признаки понятія класса, самаго опредѣленія этого понятія мы в них не встрѣчаем.

Стоя на почвѣ того ученія о классѣ, которое было развито сен-симонистами и Марксом, слѣдует признавать отличительным признаком классоваго сложенія общества наличность глубокой и неустранимой противоположности экономических интересов различных общественных групп. Гдѣ этой противоположности интересов нѣт, там нѣт и классов. В первобытном обществѣ не было классов; и в современном обществѣ профессіональныя группы напр., врачи или авдокаты, не образуют особых классов- интересы этих общественных групп не находятся в неизбѣжном антагонизмѣ с интересами каких-либо других общественных групп.

Класс возникает на опредѣленной ступени экономическаго развитія, когда возникает антагонизм интересов. Основным же антагонизмом хозяйственнаго строя настоящаго и прошлаго является присвоеніе однѣми общественными группами прибавочнаго труда других групп. Поэтому можно опредѣлить соціальный класс, как общественную группу, члены которой находятся в одинаковом экономическом положеніи по отношенію к общественному процессу присвоенія однѣми общественными группами прибавочнаго труда, других групп и, вслѣдствіе этого, имѣют общих антагонистов и общіе экономическіе интересы в процессѣ общественнаго хозяйства. Класс существуют лишь постольку, поскольку существует присвоеніе прибавочнаго труда и с прекращеніем такого присвоенія должен исчезнуть. В этом и заключается существенное отличіе понятія класса от понятія профессіональной группы, группы лиц, занимающихся одним и тѣм же трудом и, в силу этого имѣющих одни и, тѣ же экономическіе интересы. Такія группы остались бы и при соціалистическом строѣ; но онѣ не были бы классами постольку, поскольку в этом строѣ не было бы антагонизма интересов, либо отличительным

признаком класса является не общность, а противоположность интересов.

Таковы объективные признаки, дѣлающіе извѣстную общественную группу классом. Но для того, чтобы эта группа стала классом, отнюдь не требуется от нея сознанія противоположности своих инетересов интересам других общественных групп. Класс может и не сознавать себя таковым- может не сознавать своих классовых интересов; такой класс, лишенный классоваго сознанія, Маркс называет н е к о н с т и т у и р о в а н н ы м, так сказать, недоразвившимся классом. Конституированным же, вполнѣ развившимся классом является такой, который обладает классовым сознаніем, т.е. сознаніем противоположности своих интересов интересам других классов.

II. О с н о в н ы е к л а с с ы к а п и т а л и с т и ч е с к а г о о б щ е с т в а. В собременном капиталистическом обществѣ выдѣляются, прежде всего, три основных класса: крупные землевладѣльцы (аристократія), промышленные и торговые капиталисты (буржуазія) и рабочіе (пролетаріат). Эти три класса присущи капиталистическому обществу, как таковому, иначе говоря, наличность их предполагается самой природой капиталистическаго хозяйства. Может возникнуть вопрос, почему землевладѣльцы составляют особый класс, отличный от класса капиталистов, хотя и тѣ и другіе имѣют одних и тѣх же антагонистов- наемных рабочих. Объясняется это тѣм, что хотя у землевладѣльцев и капиталистов есть общіе антагонизмы, у них имѣются и особые антагонизмы. Движеніе земледѣльческаго дохода- земельной ренты- подчиняется совершенно иным законам, чѣм движеніе прибыли- дохода капиталистов; на почвѣ этого различія возникает в капиталистическом обществѣ противоположность интересов землевладѣльцев и капиталистов, почему совершенно правильно видѣть в тѣх и других особые общественные классы.

Но, кромѣ этих трех основных классов, всякое реальное капиталистическое общество включает в себя много других общественных классов. Так, напр., в огромном большинствѣ капиталистических обществ имѣется весьма многочисленный класс трудового крестьянства. Трудовое крестьянство (т.е. по нашей терминологіи, среднее крестьянство- крестьянство, не пользующееся наемным трудом, но и не работающее по найму, а ведущее самостоятельное трудовое земледѣльческое хозяйство) не может быть очевидно, причислено к землевладѣльческому классу, так как класс землевладѣльцев живет трудом наемных земледѣльческих рабочих, а трудовое крестьянство живет своим собственным трудом. Но не составляет ли оно одного класса с наемными рабочими (пролетаріатом)? Тоже нѣт. У крестьян и наемных рабочих много совершенно различных экономических интересов, вытекающих из того, что хозяйственныя условія труда крестьянина и пролетарія совершенно различны: крестьянин владѣет средствами производства, ведет самостоятельное хозяйство, продает на рынкѣ свои продукты, а рабочій лишен средств производства и продает только свою рабочую силу. У рабочих есть цѣлый ряд интересов, которые не имѣют значенія для крестьян; так, напр., рабочій заинтересован в сокращеніи рабочаго дня, повышеніи заработной платы, улучшеніи законодательства по охранѣ труда, свободѣ рабочих союзов и т.п. Во всем этом крестьянин не заинтересован непосредственно. С другой стороны, у крестьянина есть много своих интересов крестьянских, чуждых рабочему: крестьянин заинтересован в расширеніи своего землевладѣнія, пониженіи процентов по ипотечным долгам, пониженіи земельных налогов, арендной платы и т.п.. Эти различія интересов очень важны, и на почвѣ их возникают различія и соціальных антагонизмов: рабочему приходится бороться с капиталистом-предпринимателем, а крестьянину-преимущественно с землевладѣльцем и денежным капиталистом. Все это вполнѣ оправдывает отнесеніе крестьянства и пролетаріата с особым общественным классам.

Но из развитія соціальных антагонизмов крестьян и рабочих вовсе не слѣдует, что сами крестьяне и рабочіе являются соціальными антагонистами. У них имѣются разные интересы- это несомнѣнно; но противоположны ли их интересы, сталкиваются ли их интересы между собой? Отнюдь нѣт. Правда крестьяне продают хлѣб, а рабочіе его покупают; тут есть извѣстная противоположность интересов, легко разрѣшимая, однако, продажей продукта по нормальной рыночной цѣнѣ, соотвѣтствующей издержкам производства.

чительных условій историческаго развитія, класс крестьян отсутствует). Однако, не нужно упускать из виду, что понятіе класса есть понятіе в высокой степени относительное. Можно различать в современном обществѣ болѣе или менѣе классов в зависимости от того, какое значеніе придавать тѣм или иным антагонизмам интересов.

Так, напр., Маркс, различал в Германіи наканунѣ революціи 48-го года не менѣе 8-ми классов: феодальное дворянство, буржуазію, мелкую буржуазію, крупное и среднее крестьянство, мелкое свободное крестьянство, несвободное крестьянство, находящееся в феодальной зависимости от помѣщиков, земледѣльческих рабочих и промышленных рабочих.

Каждый класс в свою очередь, не есть что-либо совершенно однородное, но подраздѣляется на подклассы или классы второго порядка, эти послѣдніе на классы третьяго порядка и т.д. и т.д. Гдѣ имѣются устойчивые антагонизмы интересов, там имѣются и различія классов; но так как при современном хозяйственном строѣ антагонизмы в высокой степени многообразны и проникают всю хозяйственную жизнь, но так же многообразны и классовыя различія. Возьмем, напр., класс капиталистов или буржуазію. Класс этот чрезвычайно далек от того, чтобы представлять собой в экономическом и соціальном отношеніи однородное цѣлое. Прежде всего, он таким образом распадается на два подкласса- денежных и торгово-промышленных капиталистов. Между денежной и торговопромышленной буржуазіей существует, при извѣстной общности интересов, также и значительный антагонизм интересов. Денежная буржуазія снабжает деньгами торговопромышленную за извѣстный процент, который является вычетом из прибыли торговцов и промышленников. Оба подкласса буржуазіи извлекают свой доход из рабочаго населенія, но в дѣлежѣ полученной добычи они являются противниками.

Интересы денежнаго капитала самым тѣсным образом сплетены с существующим государственным строем. Самыя крупныя учрежденія кредита обычно являются наполовину или цѣликом государственными учрежденіями, извлекающими из своей связи с правительством разнообразныя выгоды. Затѣм государственные займы представляют собой чрезвычайно важный способ помѣщенія денежных капиталов. Нуждаясь постоянно в денежном капиталѣ, государство естественно попадает в зависимость от него. Все это вмѣстѣ приводит к тому, что денежная буржуазія обычно является в современном обществѣ консервативным элементом, близким к землевладѣльческой аристократіи, и вмѣстѣ с ней поддерживающим установившійся порядок.

Другой соціальный облик имѣет торговопромышленная буржуазія. Она заинтересована в развитіи торговли и промышленности, а существующая государственная система может препятствовать этому развитію. Правительство, находящееся под вліяніем землевладѣльческаго класса, может приносить в жертву интересам землевладѣльцев интересы торговопромышленных классов. В исторіи Англіи землевладѣльцы и торговопромышленный буржуазія долгое время были соперничающими и борющимися классами, причем торговопромышленная буржуазія обычно выступала против земледѣльческой аристократіи. Такую же роль она играла и во Франціи.

Но и внутри торговопромышленной буржуазіи существуют важные антагонизмы интересов. В нее входят как торговцы, так и промышленники; интересы же тѣх и других во многих случаях прямо противоположны. Промышленники обычно являются сторонниками покровительственной системы торговой политики, -они заинтересованы в уменьшеніи иностранной конкуренціи. Напротив для торговцев безразлично, продавать ли товар туземнаго или иностраннаго производства, -для них важно лишь то, чтобы покупная цѣна товара была возможно ниже, ибо их прибыль опредѣляется разницей продажной и покупной цѣны. Поэтому торговцы являются естественными сторонниками свободы торговли. Прибыль торговца есть вычет из прибыли промышленника, и потому между торговцами и промышленниками не может не существовать извѣстнаго антагонизма интересов.

Возьмем, наконец, болѣе узкую группу промышленников-капиталистов. И тут мы встрѣтим чрезвычайное разнообразіе интересов, нерѣдко находящихся в конфликтѣ между собой. Промышленники, работающіе на внутренній рынок, гораздо болѣе нуждаются в покровительственной торговой политикѣ,

Противоположность интересов продавцов и покупателей не есть непримиримый антагонизм, но в таком же положении находятся различные группы промышленников по отношению друг к другу (напр., представители машино-строительной промышленности, покупающие чугун и желѣзо и желѣзодѣлательной, продающие чугун и желѣзо), что не мѣшает им входить в состав того же широкаго класса капиталистов.

Во всяком случаѣ эта противоположность интересов крестьянства и пролетаріата совершенно ничтожна сравнительно с общностью интересов того и другого класса. И крестьянство и пролетаріат суть трудящіеся классы, что создает огромную солидарность их интересов, дающую им возможность идти рука об руку. Дѣти крестьянина работают на фабрикѣ, почему крестьянское хозяйство выигрывает от улучшенія экономическаго положенія рабочаго, с другой стороны, в улучшеніи положенія крестьянина заинтересован и фабричный рабочій, так как крестьянин, уходящій на заработки в город, с ним конкурирует на фабрикѣ. Всякій существенный выигрыш для рабочаго есть в концѣ концов, выигрыш и для крестьянина- и наоборот.

С формальной стороны, трудовые крестьяне являются самостоятельными производителями и стоят как бы внѣ капиталистической эксплоатаціи. На самом же дѣлѣ, крестьяне эксплоатируются имущими классами не менѣе наемных рабочих. Капиталистическая основа современнаго хозяйственнаго строя дает себя чувствовать тысячами способов в хозяйствѣ мелкаго производителя: Крестьянин платит за свою заложенную землю проценты в банк, с его земли поступают налоги в пользу классоваго государства, он продает свои продукты капиталисту-торговцу, арендует землю крупнаго землевладѣльца и вносит послѣднему арендную плату и т.д. и т.д. Всѣ эти экономическія отношенія являются не чѣм иным, как различными формами присвоенія прибавочнаго труда крестьянина.

Точно также мелкая буржуазія есть характерный для современнаго общества особый общественный класс, образующій собой переходную ступень между противоположными полюсами капитала и труда. Но хотя этот класс и имѣет промежуточный характер, все же это класс с классовыми интересами и классовым антагонизмами. Зажиточные ремесленники и мелкіе торговцы, из которых главным образом состоит этот класс, принадлежат к классу предпринимателей, пользующихся наемным трудом, и , в качествѣ таковых, должны быть противопоставлены наемным рабочим; не их экономическому благополучію наиболѣе угрожают не рабочіе, а крупные капиталисты. Эксплоатируя рабочих, мелкіе буржуа сами становятся жертвой крупнаго капиталиста. Немногіе из среды этого класса подымаются вверх и переходят в ряды крупной буржуазіи, другіе спускаются вниз и пополняют массу пролетаріев. Это колеблющееся положеніе мелкой буржуазіи опредѣляет своеобразный соціальный характер этого класса, но не устраняет классовых антагонизмов, в рамки которых заключена мелкая буржуазія, как и другіе классы.

Иногда стараются сблизить мелкую буржуазію с трудовым крестьянством. Дѣйствительно, оба эти класса владѣют средствами производства; тѣм не менѣе между ними имѣются глубокія различія. Трудовое крестьянство является в современном обществѣ эксплоатируемым, а мелкая буржуазія эксплоататорским классом. Вмѣстѣ с тѣм, в то время как мелкая буржуазія под вліяніем хода экономической эволюціи гибнет и уступает свое мѣсто другим классам, трудовое крестьянство упорно удерживает свои позиціи, а иногда и растет на счет других. Это создает глубокое различіе всей соціальной физіономіи крестьянства и мелкой буржуазіи- крестьянство не имѣет основанія боятьея экономическаго прогресса.

В общем, антагонистическое экономическое отношеніе присвоенія общественнаго прибавочнаго труда неработающими группами, лежащее в корнѣ капиталистическаго общества, придает антагонистическій характер всѣм экономически обособленным группам, из которых это общество слагается и дѣлает из послѣдних не просто экономическія группы, но соціальные классы.

Итак, современное капиталистическое общество слагается не менѣе, чѣм из пяти крупных классов- землевладѣльцев, капиталистов, мелкой буржуазіи, крестьянства и наемных рабочих (только в Англіи в силу особых и исклю-

чѣм работающіе по преимуществу для экспорта. Промышленники, обрабатывающіе иностранное сырье, теряют от покровительственной пошлины на это сырье, а тузомные производительные сырья выигрывают; так, напр., высокая пошлина на чугун выгодна для владѣльцев чугуноплавильных заводов, но, повышая цѣну желѣза, препятствует развитію машиностроенія и т.д..

Словом, так как при капиталистическом строѣ антагонизмы интересов в высшей степени многочисленны и разнообразны, то также многочисленны и разнообразны и подраздѣленія общественных классов, которыя можно доводить как угодно далеко. Этим, однако, отнюдь не уничтожается значеніе болѣе основных классовых подраздѣленій, так сказать классов перваго порядка, ибо к чѣм болѣе мелким классовым подраздѣленіем мы переходим, тѣм меньше и их соціальное значеніе.

Интересно остановиться на классовом характерѣ одной общественной группы, играющей в современном обществѣ чрезвычайно важную роль- группы представителей умственнаго труда, того, что у нас называют интеллигенціей. К какому классу слѣдует ее причислить? С формальной стороны, представители умственнаго труда, живущіе продажей своей рабочей силы, являются наемными рабочими, как и представители физическаго труда. Но фактически умственный труд оплачивается настолько выше физическаго труда, и люди умственнаго труда по происхожденію и условіям жизни так тѣсно примыкают к имущим классам, что присоединеніе их без всяких оговорок к классу наемных рабочих было бы очевидным насиліем над фактами.

Так, напримѣр, было бы очевидной несообразностью утверждать, что, по всей совокупности своих интересов, по своему и соціальному и экономическому положенію, директор фабрики ближе к чернорабочим, занятым на той же фабрикѣ, чѣм к ея собственнику. Еще большей несообразностью представляется причисленіе к пролетаріату хорошо оплачиваемых государственных чиновников.

С другой стороны, причисленіе представителей умственнаго труда к классу капиталистов также встрѣчает серьезныя затрудненія. Капиталисты живут присвоеніем прибавочнаго труда наемных рабочих. Но люди умственнаго труда не только не извлекают своего дохода из этого источника, а, наоборот, сами продают свою рабочую силу.

Таким образом, ни к одному из существующих классов интеллигенцію причислить нельзя. Но, с другой стороны, интеллигенція не может составлять и самостоятельнаго класса sui generis, хотя бы уже потому, что значительная часть интеллигенціи занята трудом, не имѣющим хозяйственнаго характера (напр., адвокаты, судьи, врачи, писатели, ученые и т.д.) Для того, чтобы извѣстная общественная группа могла быть признана общественным классом, требуется наличность нѣкотораго неустранимаго антагонизма между ея интересами и интересами какой либо другой общественной группы. Сходство экономическаго положенія отнюдь не достаточно для того, что бы лица извѣстной общественной группы могли быть признаны общественным классом. Капиталисты только потому образуют собой особый общественный класс, что им противостоят рабочіе; рабочіе в свою очередь, являются классом лишь в силу того, что им противостоят капиталисты. Кто же, какой общественный класс противостоит авдокатам, врачам, духовенству и пр. и пр., с каким классом они находятся в антагонизмѣ по своему экономическому положенію? Ни с каким, потому что их дѣятельность, как нехозяйственная, стоит внѣ экономическаго процесса присвоенія прибавочнаго труда.

Итак, интеллигенція не образует собой самостоятельнаго класса и в то же время не входит в состав какого либо другого класса. Иначе говоря, интеллигенція представляет собой совокупность профессіональных общественных групп без опредѣленной классовой окраски; извлекая свой доход из собственнаго труда, не оплачиваемаго гораздо выше, чѣм обычный физическій труд, люди умственнаго труда могут примыкать по своим интересам и стремленіям ко всѣм существующим в современном обществѣ классам. Каждый общественный класс имѣет своих вѣрных слуг, радѣтелей и вождей среди людей умственнаго труда, которые могут защищать самые различные экономическіе интересы, не вступая этим в конфликт со своими соб-

ственными экономическими интересами, ибо посл дніе не связанн непосредственно с то" или друго" системой общественнаго хозяйства. Поэтому мн видим, что часть интеллигенціи признает своим дѣлом дѣло трудящихся народных масс, а другая идет вмѣстѣ с имущими классами.

Одной из своеобразностей нашего общественнаго уклада является особая роль, которую у нас играет интеллигенція. При этом у нас понимают под интеллигенціей не просто умственных рабочих, но общественную группу совершенно опредѣленнаго психологическаго облика. Отличительными признаками нашей интеллигенціи являются, по общему мнѣнію, радикадизм ся общественнаго міросозерцанія, "народолюбіе" и вытекающія отсюда соціалистическія симпатіи. Как бы ни судить о русской интеллигенціи, несомнѣнно, что она представляет собо" во многих отношеніях глубоко различный тип сравнительно с образованными классами Запада, тѣсно примыкающими главной своей массой по своим идеалам к общественным симпатіям к буржуазным классам.

Объясняется это особенностями русско" исторіи и русскаго общественнаго строя. Россія не знала городского хозяйства и поэтому в ней не возникло того общественнаго класса, который на Западѣ сыграл самую выдающуюся роль- мелких городских самостоятельных производителей, цеховых ремесленников, явившихся главным контингентом западно-европейской мелко" буржуазіи. Мелкая буржуазія создала всю западно-европе"скую культуру и из ея среды до настоящаго времени преимущественно вербуются люди умственнаго труда. У нас не было цехового строя и, вмѣстѣ с тѣм, не было сколько-нибудь вліятельно" в общественном и политическом отношеніи мелко" буржуазіи. Наши умственные рабочіе вышли из совершенно других общественных групп. В перво" половинѣ прошлаго вѣка образованные классы совершенно сливались в Россіи с дворянством, а позже стали пополнятся из рядов так называемых разночинцев- духовенства, мѣщанства, крестьянства и только отчасти купечества.

Соотвѣтственно своему иному общественному происхожденію, наши образованные классы приняли ино" облик, чѣм образованные классы запада. Последніе были органически связаны с тѣм общественным классом, который их создал и который наложил глубокую печать на все их міросозерцаніе. Напротив, наша интеллигенція характеризуется оторванностью от тѣх общественных групп, из среды которых она вышла и потому она не могла усвоить и міросозерцанія этих групп.

Что слѣдует признавать основой понятія- класса- по этому вопросу в современной литературѣ далеко не существует единства взглядов. Согласно пониманію, изложенному в текстѣ, классовый характер той или иной общественной группы опредѣляется ея ролью в процесс присвоенія прибавочнаго общественнаго труда. Критикуя мое опредѣленіе класса, Бернштейн признает, что оно наиболѣе соотвѣтствует духу ученія Маркса, но сам выдвигает другое пониманіе класса. Именно, с его точки зрѣнія отличительным признаком для раздѣленія общества на классы должна быть признана степень имущественнаго обезпеченія различных групп населенія. Лица одинаковаго имущественнаго обезпеченія образуют собой один класс; различія классов суть различія имущественнаго обезпеченія различных общественных групп.

С точки врѣнія Бернштейна, нужно говорить не о классах капиталистов-землевладѣльцев, пролетаріев, а о богатых и бѣдных классах общества. Я считаю такое пониманіе природы класса совершенно непригодным для цѣлей экономическаго и соціалистическаго изслѣдованія, ибо оно скрадывает и затушевывает самыя существенныя различія общественных групп, оказывающія огромное вліяніе на направленіе историческаго развитія. В современном обществѣ идет борьба не только между богатыми и бѣдными классами, но и между классами одинаковой имущественной состоятельности. Борьба между землевладѣльческо" аристократіей и буржуазіе" сыграла чрезвычайно важную роль во всей новѣйшей исторіи Западно" Европы, хотя и землевладѣльцы, и буржуазія принадлежат к числу имущих классов. То пониманіе природы общественнаго класса, которое дано в текстѣ, выдвигает на первый

план реальныя движущія силы общественнаго развитія- именно, неустранимые антагонизмы современнаго хозяйственнаго строя. Реальный процесс общественнаго развитія, как результат (хотя и несключительный) борьбы классов за свои противоположныо экономическіе интересы, есть нѣчто несравненно болѣе сложное, чѣм простая борьба богатых и бѣдных, ибо, повторяю, не только богатые борются с бѣдными, но и богатые борются с богатыми и бѣдные борются с бѣдными.

В русской литературѣ вопрос о природѣ общественнаго класса обсуждался очень усиленно и явился поводом к оживленной полемикѣ между представителями нашего народническаго и марсистскаго соціализма, причем народники настаивали на том, что в основу понятія класса должна быть положена моменты распредѣленія, а марксисты- производства. Полемика эта, однако, осталась в теоретическом отношеніи совершенно безплодной и не обратила ни в каком отношеніи ученія о классѣ, благодаря совершенно неправильной постановкѣ вопроса, чѣм в равно" степени грѣшили обѣ стороны. А именно, обѣ стороны предполагали, что моменты производства и распредѣленія представляют собо" двѣ совершенной самостоятельныя и различныя по существу экономическія категоріи, почему, признавая опредѣляющим признаком класса момент производства, нельзя признавать таковым моментом распредѣленія и обратно. Но как это выяснится в слѣдующей главѣ, момент распредѣленія отнюдь не представляет собой самостоятельной экономической категоріи и, на самом дѣлѣ, есть не что иное, как та же категорія капиталистическаго производства, разсматриваемая с иной точки зрѣнія. Поэтому весь названный спор не мог подвинуть вперед ученія о классѣ. По этой же причинѣ нельзя усмотрѣть внутренняго противорѣчія в том, что Энгельс иногда объясняет классовыя различія различіями отношеній производства, иногда различіями распредѣленія. Нужно, однако, понимать (а марксисты упускают это из виду оч. часто), что не только отношенія капиталистическаго производства, но и отношенія капиталистическаго обмѣна ведут к распаденію общества на классы. Торговцы или банкири- такіе же капиталисты, как и фабриканты. Опредѣленіе класса, данное в текстѣ, имѣет в виду как отношенія производства, так и обмѣна, ибо присвоеніе прибавочнаго труда происходит как в сферѣ капиталистическаго производства, так и капиталистическаго обмѣна.

С точки зрѣнія Маркса, политическая борьба есть не что иное, как борьба классов за свои экономическіе интересы. Если бы это было так, то политическія партіи должны были бы быть не чѣм иным, как политическими организаціями классов,- каждая политическая партія должна была бы защищать интересы того класса, выраженіем котораго она являются. Соотвѣтствуетъ ли, однако, это представленіе дѣйствительному положенію дѣла?

Из всѣх существующих партій наиболѣе рѣзко выраженный классовой характер имѣют соціалистическія партіи и, в частности, германская соціал-демократическая партія. Поэтому большой интерес представляет вопрос, из каких классовых элементов слагаются тѣ милліоны избирателей, которые за послѣдніе годы голосуют в Германіи за соціал-демократических депутатов?

Вопрос этот был статистически освѣщен г. Бланком. Расчеты г. Бланка, относившіеся к выборам 1893 г. были впослѣдствіи частью подтверждены, частью исправлены другими авторами, и в результатѣ выяснилось, что даже германская соціал-демократія не может считаться вполнѣ классовой партіей- партіей промышленнаго пролетаріата, как она себя считает. С одно" стороны около трети промышленнаго пролетаріата Германіи голосуют не за соціал-демократов, а за кандидатов буржуазных партій. Особенно много рабочих голосов (католиков) притягивает к себѣ католическая партія центра. С другой стороны, далеко не всѣ соціал-демократическіе избиратели принадлежат к рабочему классу. По крайней мѣрѣ полмилліона голосов (а может быть и гораздо болѣе,- метод вычисленія в данном случаѣ такого рода, что может быть приблизительно установлен лишь наиболѣе вѣроятный минимум, а никак не наиболѣе вѣроятное дѣйствительное число голо-

сов) из числа поданных за соціал-демократических депутатов принадлежит избирателям пролетарскаго класса. По крайней мѣрѣ, полмилліона буржуа голосуют за ту партію, которая объявляет себя классовой партіей пролетаріата.

Но германскія соціал-демократія отличается наиболѣе однороднымъ классовым сложеніем. Другія соціалистическія партіи далеко отстают в этом отношеніи от нѣмцов. Во многих странах соціалистическія партіи всего болѣе собирают голосов в тѣх раіонах, гдѣ промышленный пролетаріат составляет совершенно ничтожную долю населенія. Так, напр., в Италіи в нѣкоторых раіонах число соціалистических голосов в нѣсколько раз превышает число пролетаріев-избирателей. В Болгаріи " в организаціи партіи преобладали мелкобуржуазные элементы, составлявшіе двѣ трети всѣх членов.

Партія наибольшую часть голосов получила в деревнях и совершенно ничтожную часть в городах."

Но во всяком случаѣ, соціалистическія партіи имѣют болѣе или менѣе классовой характер. Сторонники этих партій вербуются, если не только из числа рабочих, то в подавляющем большинствѣ случаев из числа угнетенных и эксплоатируемых классов. Другія же политическія партіи по своему классовому составу представляют нѣчто до того пестрое, что ни о какой однородности их классоваго состава не может быть и рѣчи.

И это ясно уже по огромным колебаніям числа голосов, подаваемых в разное время за ту или иную политическую партію: значительнаго измѣненія классоваго сложенія населенія страны не происходит, а между тѣм избиратели всей массой переходят от одной партіи к другой, чтобы на слѣдующих выборах опять вернуться к своим прежним политическим симпатіям. Возьмем, напр., страну, которая, будучи в Европѣ страной с наиболѣе развитым капиталистическим хозяйством, должна была бы имѣть, согласно концепціи Маркса, политическія партіи, с наиболѣе рѣзко выраженным классовым характером- Англію. В Англіи борются за власть двѣ политическія партіи- консерваторы и либералы. При этом консерваторы оказываются в новѣйшее время, в общем, сильнѣе либералов и чаще бывают у власти. Согласно традиціонному взгляду, консервативная партія признается партіей землевладѣльцев, а либеральная - партіей торговопромышленной буржуазіи. Но, спрашивается, как согласовать с этим тот факт, что консерваторы в Англіи за послѣднія 40 лѣт чаще оказывались у власти, чѣм либералы (между тѣм как в предшествовавшее тридцатилѣтіе безусловно преобладали либералы)? Вѣдь в Англіи уже давно не может быть и вопроса о том, является ли она торгово-промышленной или земледѣльческой страной. И вот мы видим, что именно в этой странѣ с падающим земледѣліем консерваторы оказываются такими сильными. Очевидно, традиціонное представленіе об англійских консерваторах, как об аграрной партіи по преимуществу, уже давно даже самым отдаленным образом не соотвѣтствует дѣйствительности.

При этом англійскій избиратель весьма неустойчив. В 1880 г. на выборах одерживают блестящую побѣду либералы. В 1885 г. опять побѣждают либералы. В 1886 г. либералы подвергаются совершенному разгрому, -консерваторы получают огромное большинство, и их владычество упрочивается с небольшим перерывом (выборы 1892 г.) на цѣлый ряд лѣт) На трех послѣдних выборах побѣждают либералы. Между тѣм никакого измѣненія классоваго состава англійских избирателей, которое могло бы объяснить переход англійских избирателей, из одной партіи в другую, за это время не произошло.

Затѣм, ни в одной странѣ міра пролетаріат не составляет такого подавляющаго большинства населенія и в то же время не обладает такими мощными экономическими организаціями, как в Англіи. По своему экономическому развитію Англія стоит впереди остальной Европы и в то же время она является классической страной парламентаризма и политической свободы. Судя по всему этому, слѣдовало бы ожидать, с точки зрѣнія Маркса, что именно в Англіи пролетаріат создаст особенно сильную и вліятельную политическую партію. И, однако, и именно в Англіи рабочій класс обнаруживает

всего менѣе склонности к самостоятельной политической роли. Независимая рабочая партія возникает в Англіи лишь за самые послѣдніе годы и до сих пор ея политическое значеніе не велико.

Все это показывает до какой степени невѣрно обычное у марксистов отождествленіе политических партій с конституированными классами. Строго классовых политических партій совершенно не существует, - всякая политическая партія по своему существу дѣла должна быть внѣклассовой организаціей, так как партія стремится включить в себя возможно большее число лиц, к какому бы классу они ни принадлежали. И даже германскіе соціал-демократы не могли этого избѣгнуть и заключают, как мы видѣли, в своих рядах сотни тысяч буржуазных избирателей.

Это объясняется тѣм, что классовый интерес, как он ни могуществен, есть лишь один из многих интересов, волнующих современное общество. Люди соединяются в одну партію не только на основаніи классоваго интереса, но и на основаніи всей совокупности других интересов, которые защищает данная партія. Сила консервативной паріти в Англіи в том, что консерваторы в Англіи являются представителями имперіализма-смѣлой международной политики, направленной к укрѣпленію могущества Британской Имперіи. Либералы ослабили себя поддержкой ирландскаго движенія, которое в глазах большинства англійских избирателей угрожало распаденіем Британской Имперіи.

Вообще національное чувство представляет собой чрезвычайно важный политическій фактор. Наряду с національным, религіозный интерес является могущественным внѣклассовым фактором, вліяющим на сложеніе политических партій. Так, напр., католическіе рабочіе в Германіи, как было указано, гораздо менѣе протестантов доступны соціал-демократической пропагандѣ, -религіозный интерес отталкивает их от соціал-демократіи. Самыя сложныя и разнообразныя чувства, интересы, традиціи, привычки и побужденія опредѣляют собой группировку населенія по политическим партіям, и среди этих факторовъ классовые интересы далеко не всегда играют первенствующую роль. ----------

Г л а в а II.

ПРОБЛЕМА РАСПРЕДѢЛЕНІЯ.

I. О б щ а я х а р а к т е р и с т и к а я в л е н і й р а с п р е д ѣ л е н і я . Категорія дохода есть одна из своеобразных исторических категорій мѣноваго хозяйства. Доход- всегда нѣкоторая мѣновая цѣнность; при господствѣ натуральнаго хозяйства категорія дохода отсутствует.

В мѣновом же хозяйствѣ становится не только возможным, но и необходимым количественный учет цѣнности прихода и расхода каждаго хозяйства. Именно этот учет вносит экономическую раціональность данному хозяйства. Под в а л о в ы м доходом понимают о б щ у ю цѣнность всего регулярнаго, періодически возобновляющагося прихода даннаго хозяйства- всего того, что регулярно поступает в распоряженіе даннаго хозяйства, как результат соотвѣтствующаго хозяйственнаго процесса; под чистым же доходом понимают ту часть этой цѣнности, которая остается в распоряженіи хозяина за покрытіем всѣх расходов хозяйства, иначе говоря, которая может быть употреблена на нужды без ущерба для источника дохода. Цѣлью хозяйственной дѣятельности является получение возможно большаго не валового, но чистаго дохода, так как только чистый доход служит источником для удовлетворенія потребностей хозяина.

Хозяйственная дѣятельность выражается в производствѣ продуктов и их обмѣнѣ. Этим исчерпывается все хозяйство, так как потребленіе продуктов не является хозяйственной дѣятельностью. Поэтому может казаться, что для пониманія явленій дохода достаточно знать причинно-функціональныя зависимости производства и обмѣна. И дѣйствительно во многих случаях это несомнѣнно так. Доход крестьянина, работающаго на своей собственной и, притом, незаложенной землѣ хозяйство без помощи наемнаго труда, вполнѣ опредѣляется условіями производства и сбыта изготовляемых им продук-

ков. Ни для какого особаго ученія о доходѣ,рядом с ученіем о производствѣ и обмѣнѣ,мѣста в этом случаѣ нѣт.

И потому существованіе в экономической наукѣ особаго отдѣла распредѣленія- иначе говоря, ученія о доходѣ различных классов капиталистическаго общества- кажотся непонятным. Развѣ может существовать самостоятельная проблема распредѣленія рядом с проблемами производства и обмѣна? Таков чрезвычайно важний,но не сознаваемий современной наукой методологическій вопрос,ствѣт на который должен выяснить методологическую природу явленій распредѣленія.

Прежде всего слѣдует признать,что проблема распредѣленія охватывает собой далеко не всѣ роды общественнаго дохода. На примѣрѣ крестьянскаго дохода ясно,что категорія крестьянскаго дохода не представляет собой никакой новой проблемы, не укладывающейся в рубрики производства и обмѣна. Вообще,доходы всѣх м е л к и х самостоятельных производителей,поскольку эти доходы основываются на производствѣ и продажѣ продуктов лишь личнаго труда этих производителей,не являются предметом ученія о распредѣленія.

Это послѣднее ученіе,как оно исторически сложилось,охватывает только нѣкоторую,рѣзко отграниченную от других группу общественных доходов- а именно группу доходов тѣх трех основных классов капиталистическаго общества, которые предполагаются сам м существом капиталистическаго процесса производства- доходов наемных рабочих (заработная плата), капиталистов (прибыль) и землевладѣльцов (земельная рента).

Отдѣл распредѣленія представляет собой ученіе только об этих трех видах общественнаго дохода. Доходы же других общественных классов совсѣм не выдѣляются политической экономіей в особый предмет изслѣдованія- условія образованія этих доходов изучаются экономической наукой попутно в отдѣлах производства и обмѣна. Для такого выдѣленія одной группы общественных доходов в особий предмет изученія должны быть,очевидно,свои методологическія основанія.

И,дѣйствительно,три названных вида общественнаго дохода отличаются от всѣх остальных,прежде всего,тѣм,что они находятся в т'сной связи друг с другом в процессѣ своего возникновенія. Так,прибыль промишленнаго капиталиста и заработная плата составляют,говоря языком логики, логическіе корреляти. Заработная плата предполагает прибыль,а прибыль предполагает заработную плату; точно также земельная рента предполагается условіями капиталистическаго производства. Всѣ эти три вида народнаго дохода суть лишь части,на которыя распадается производимый при извѣстных условіях общественний продукт.

На чем же основывается эта связь между тремя названними видами общественнаго дохода? На том,что капиталистическое производство предполагает связь в процессѣ производства трех общественных классов-наемных рабочих,капиталистов и землевладѣльцев. При капиталистическом способѣ производства рабочій не владѣет средствами производства, которыя принадлежат двум особым классам- капиталистам и землевладѣльцам.Но так как без помощи средств производства производство невозможно,то для возможности производства при этих условіях требуется,чтобы рабочіе,капиталисты и землевладѣльцы вступили в процессѣ производства в извѣстную связь друг с другом. Из этой связи естественно вытекает и связь между собой соотвѣтствующих видов общественнаго дохода. Эти доходы условіями капиталистическаго производства сплетены в один неразрывный узел,и пониманіе законов образованія одного из этих доходов невозможно без пониманія законов образованія двух других.

В объясненіи этой связи и заключается специфическая проблема распредѣленія политической экономіи-проблема sui generis ,не сводимая ни к какой другой. Доходы мелких самостоятельных производителей стоят вне указанной связи и потому в ученіи о распредѣленіи для них мѣста нѣт.

Связь эта, еще усложняется отношеніями капиталистическаго обмѣна.Капиталист принимает участіе своим капиталом не только в процессѣ производства,но и в процессѣ обмѣна; торговый капитал есть такое же необходимое условіе получения продукта потребителем,как и производственний капитал. Принимая это во вниманіе можно опредѣлить проблему распредѣленія,как проблему об отношеніях зависимости между доходами тѣх общественных классов,которые связаны между собой условіями капиталистическаго производства и обмѣна.

Но отсюда же ясна и невозможность выдѣлить явленія распредѣленія из сферы капиталистическаго производства и обмѣна. Явленія распредѣленія не суть особые и самостоятельные экономическіе факты,а- тот же процесс капиталистическаго производства и обмѣна,разсматриваемый с определенной точки зрѣнія. Капиталистическое производство предполагает наем труда.А что такое наем труда? Договор о выдачѣ заработной платы- иначе говоря,извѣстное отношеніе распредѣленія. Слѣдовательно,капиталистическое производство немыслимо внѣ явленій распредѣленія; в то же время,явленія распредѣленія,в своем специфическом смыслѣ,немыслимы внѣ капиталистическаго хозяйства.

Явленія распредѣленія составляют,таким образом,только извѣстную сторону процессов капиталистическаго производства и обмѣна. Какую же сторону? В процессѣ капиталистическаго производства и обмѣна возникают и перемѣщаются опредѣленныя цѣнности,причем участниками этого процесса в различных смыслах являются три общественных класса- наемные рабочіе, капиталисты и землевладѣльцы. Говоря о явленіях производства и обмѣна, мы имѣем в виду самый процесс,говоря о явленіях распредѣленія- окончательный результат процесса по отношенію к интересам его участников-трех названных классов.

II. О с н о в н о е д ѣ л е н і е в и д о в н а р о д н а г о д о х о д а. Различные виды народнаго дохода распадаются на двѣ,глубочайшим образом,различныя между собой группы- доходы,основанные на трудѣ (заработная плата),и доходы, основанные на владѣніи имуществом (прибыль) и земельная рента),иначе говоря трудовые и нетрудовые доходы.

Получение рабочим средств существованія является неустраним условіем производства; по отношенію к трудовым доходам не может возникать и вопроса об их источниках.Совершенно ясно,что безоплатный труда хозяйственный процесс невозможен.Другое нужно сказать о нетрудовых доходах.Источник их далеко не так очевиден. Они не требуются самим существом процесса хозяйства и возникают на соціальной основѣ,как результат исторически переходящих особенностей общественнаго строя.

Правда,может показаться,что доход капиталиста и землевладѣльца также необходим в процессѣ производства,как и доход рабочаго.Для производства земля и средства производства- капитал- столь же необходимы,как и труд.Исходя из этого,Ж.Б. Сэ построил свою знаменитую теорію"производства услуг",долженствующую доказать экономическую необходимость нетрудовых доходов. Доказательство Сэ было чрезвычайно просто,благодаря чему оно казалось еще убѣдительнѣе. Каждый из трех факторов производства,равно необходимых для производства,находится в обладаніи общественнаго класса: рабочим принадлежит труд,капиталистам капитал и землевладѣльцам- земля. Для возможности производства требуется,чтобы из общаго продукта производительных были оплачены производительныя услуги всѣх трех факторов производства-как труда,так и капитала и земли. Оплата этих услуг и составляет доход соотвѣтствующих общественных классов:оплата услуг труда-доход рабочих,капитала- прибыль капиталистов и земли- земельную ренту. Прибыль и земельная рента представляют собой такія же необходимыя оплаты производительных услуг факторов производства,как и заработная плата.

Разсужденіе это представляет собой грубый софизм,основанный на том, что в логикѣ называется quaternio terminorum -употребленіе в посылках и заключеніи одного и того же термина в различных смыслах.А именно в посылках говорится о факторах производства-землѣ и капиталѣ,а в выводѣ об общественных классах- землевладѣльцах и капиталистах: Сэ совершенно правильно,утверждая,что земля и капитал (как средства производства) столь же необходимы для производства,как и труд; но из этого отнюдь не слѣдует,что также необходимы для производства капиталисты и землевладѣльцы.Если бы и согласиться с Сэ,что капитал и земля обладают своей

собственной производительной силой,то отсюда ни малѣйшим образом не слѣдовало бы,что доходы с земли и капитала должны принадлежать не работающим людям. Вѣдь земля и машины,передя в распоряженіе рабочаго,ни малѣйшим образом не утрачивают своих производительных свойств; каким же образом производительныя свойства земли и капитала могут доказывать необходимость нетрудовых доходов? Нетрудовые доходы получают не капитал и земля,а капиталисты и землевладѣльцы в силу того,что они владѣют капиталом и землей; если бы рабочій владѣл средствами производства, то в его пользу шли бы и " производительныя услуги" земли и капитала. Слѣдовательно,вопрос о " производительных услугах" средств производства не имѣет ничего общаго в сопросом о том,почему выгоды от пользованія средствами производства достаются не рабочим,которые непосредственно управляют этими средствами производства,а лицам,никакого непосредственнаго участія в производствѣ не принимающим.

Какими бы причинами на объяснить явленія прибыли и земельной ренты, нельзя не признать эти виды народнаго дохода существенно отличными от трудовых доходов в том отношеніи,что трудовые доходы вытекают из самаго существа процесса производства,а нетрудовые доходы- соціальнаго происхожденія,могут быть или не быть в зависимости от классоваго сложенія общества. Капиталистическая прибыль существует,как особый вид нетрудового дохода,лишь в силу того,что рабочій не владѣет капиталом; земельная рента опять-таки,как особый нетрудовой доход,возможна лишь потому,что рабочій лишен земли.Нетрудовые доходы возможны лишь благодаря тому,что имѣются в наличности особыя соціальныя условія,обезпечивающія нетрудящимся классам долю общественнаго продукта наряду с друдящимися классами.

Наличность в современном обществѣ нетрудовых доходов есть самое осязательное выраженіе соціальнаго неравенства,характеризующаго современный хозяйственный строй. Неравенство это заключается в том,что одна часть общества для своего существованія должна отдавать другой части общества часть своего труда,не получая взамѣн трудового эквивалента. Рабочій отдает капиталисту свою рабочую силу,т.е. свою собственную личность,часть самого себя. Капиталист же отдает рабочему долю своего капитала,т.е. нѣчто,не составляющее его личности. Продавая свою личность, рабочій утверждает свое рабство,капиталист же покупая ее,утверждает свою свободу- свободу от необходимости труда для поддержанія своего существованія.То же относится и к нетрудовому доходу землевладѣльцев- земельной рентѣ.

Несмотря на полную противоположность по своей юридической формѣ,наемнаго труда в пользу капиталиста и рабскаго труда,по своей экономической природѣ эти соціальные факты сходны: и в этом и в другом случаях внѣшняя необходимость,а не внутреннее побужденіе,заставляют одного человѣка трудиться в пользу другого,а другого тѣ же внѣшнія условія избавляют от необходимости труда для поддержанія своего существованія.Доход капиталиста и землевладѣльца точно также как и доход рабовладѣльца или помѣщика времен крѣпостного права,основан на внѣшнем принужденіи на насиліи. Правда,при рабовладѣніи это внѣшнее принужденіе является в видѣ физическаго насилія- плети; а при капиталистическом наймѣ мѣсто физическаго насилія заступает насиліе экономическое- угроза голодной смерти. Но насиліе от этого не перестает быть насиліем.

Признав,что нетрудовые доходы являются выраженіем соціальнаго неравенства,мы тѣм самым признали,что классы,получающіе трудовые доходы, эксплоатируются нетрудящимися классами.

Понятіе эксплоатаціи представляет собой характерный образчик тѣх свойственных экономической наукѣ понятій,в которых элементы сущаго и должнаго так тѣсно связаны друг с другом,что образуют собой одно нераздѣльное цѣлое. С одной стороны,понятіе эксплоатаціи труда заключает в себѣ чисто объективное признаніе экономическаго неравенства трудящихся и нетрудящихся классов,с другой же стороны, в него привходят и этическіе элементы и не могут не привходить,так как характеризуя отношеніе одного человѣка к другому,как отношеніе эксплоатаціи,мы всегда соединя-

ем с этим моральное сужденіе этого отношенія. Даже болѣе- именно в моральной оцѣнкѣ и заключается самое существенное понятія эксплоатаціи.

Между тѣм понятіе эксплоатаціи далеко не всегда употребляется нами с этическим значеніем. В широком смыслѣ слова понятіе эксплоатаціи совершенно разнозначущее с понятіем использованія чего либо в опредѣленных внѣшних цѣлях. В этом смыслѣ мы говорим об эксплоатаціи желѣзной дороги,рудников и т.п. Перенося понятіе эксплоатаціи на человѣка мы понимаем под эксплоатаціей человѣка человѣком точно также использованіе одним человѣком личности другого человѣка,но с нарушеніем принципа равенства. При обмѣнѣ трудовых эквивалентов эксплоатаціи нѣт. Но если один дает другому меньше своего труда,чѣм получает от него взамѣн,то этим нарушается принцип равноцѣнности человѣческой личности и мы говорим об эксплоатаціи человѣка человѣком,как о чем то морально недопустимом.

Идея равноцѣнности человѣческой личности составляет,слѣдовательно, неустранимый этическій элемент ученія об эксплоатаціи труда. Античному міру в лицѣ его крупнѣйших представителей идея эта была чужда; и потому самые возвышенные философы древности не усматривали в институтѣ рабства ничего позорнаго и морально непріемлемаго.

Однако,наличность этическаго элемента в ученіи об эксплоатаціи труда отнюдь не уменьшает силы и значенія этого ученія для политической экономіи. Ибо политическая экономія не только объясняет сущее, но и постулирует должное, не только анализирует существующую систему народнаго хозяйства,но и призывает к соціальному творчеству,является не только сѣрой теоріей,но и живой практикой. Этот двойственный характер неизбѣжен во всяком общественном ученіи,которое преслѣдует практическія, а,слѣдовательно,и этическія цѣли и не замыкается в круг безстрастной объективной науки.Важно только то,чтобы этическія идеи,привносимыя нами в соціальную науку,во первых,ясно сознавались нами,как таковыя (т.е: чтобы мы не приписывали им несвойственнаго им значенія выраженія объективной дѣйствительности) и, во-вторых были бы общеобязательны,т.е. представляли собой не наши субъективныя и производныя потсроенія,но неизбѣжный вывод нормальнаго нравственнаго сознанія,обязательнаго для каждаго нормальнаго человѣка. И этим требованіям вполнѣ удовлетворяет основная этическая идея ученія об эксплоатаціи труда ибо идея равноцѣнности человѣческой личности представляет собой общеобязательный постулат нашего практическаго разума.

Современная политическая экономія даже и не сознает того методологическаго вопроса, который заключается в проблемѣ распредѣленія.Отдѣл распредѣленія фигурирует во всѣх трактатах по политической экономіи,но что такое распредѣленіе,над этим экономисты обычно не задумываются.Поскольку же этот вопрос ставится,он получает совершенно неправильное рѣшеніе. Огромное большинство экономистов склонно трактовать явленія распредѣленія,как явленія цѣнности. На этой точкѣ зрѣнія стоят теоретики предѣльной полезности (кромѣ Визера). "Теорія цѣнности и теорія распредѣленія между общественными группами,-говорит,напр.,один из наиболѣе выдающихся представителей школы,американскій экономист Кларк,- одно и то же".Дѣйствительно,в этой точкѣ зрѣнія есть нѣчто чрезвычайно подкупающее своей кажущейся естественностью и простотой. Развѣ не является заработная плата цѣной рабочей силы,прибыль-цѣной пользованія капиталом и земельная рента- цѣной пользованія землей?и не представляют ли собой, в таком случаѣ,явленія распредѣленія не что иное,как явленія обмѣна извѣстных категорій хозяйственных предметов?

Неправильность этой послѣдней точки зрѣнія на явленія распредѣленія выяснится в полном объемѣ из той теоріи распредѣленія,которая будет дана в слѣдующих главах. Пока же достаточно указать на слѣдующее отличіе явленій распредѣленія от явленій обмѣна: из вышесказаннаго видно,что три названных вида народнаго ~~хозяйства~~ дохода связаны между собой в процессѣ капиталистическаго хозяйства и потому каждый из них в отдѣль-

ности не может быть понят сам по себѣ,независимо от остальных: между тѣм метод разсмотрѣнія заработной платы,как цѣны рабочей силы,процента,как цѣны пользованія капиталом,и ренты,как цѣны пользованія землей, именно и сводится к игнорированію связи между этими видами народнаго дохода.

Кромѣ того с точки зрѣнія общей теоріи цѣны (теоріи предѣльной полезности) совершенно невозможно понять прибыль. Теорія эта утверждает,что цѣнность средств производства определяется цѣнностью изготовляемых с их помощью предметов потребленія. Но прибыль как раз и заключается в том, что цѣнность изготовляемых продуктов не равна,а превышает цѣнность затраченных средств производства. Откуда же берется этот избыток цѣнности?Теорія предѣльной полезности совершенно запуталась в попытках разрѣшить этот неразрѣшимый с ея точки зрѣнія вопрос; неразрѣшимый потому, что теорія предѣльной полезности принципіально игнорирует неравенство обмѣнивающихся сторон. Явленіе же прибыли именно и основывается на соціальном неравенствѣ.

Но школа Маркса разсматривает проблему распредѣленія,как общую проблему цѣнности- и наталкивается на столь же неразрѣшимыя трудности,но иного рода. А именно, с точки зрѣнія трудовой теоріи цѣнности,на которой стоит Маркс,нельзя объяснить явленія заработной платы. Почему,если труд создает цѣнность,рабочій получает не весь создаваемый им продукт,а только его часть? Для объясненія этого необходимо выйти за предѣлы общей теоріи цѣнности и ввести соціальные элементы,которым трудовая теорія цѣнности принципіально также чужда,как и теорія предѣльной полезности. Попытку Маркса дать теорію заработной платы на основѣ трудовой цѣнности нужно признать,как будет показано ниже, совершенно неудавшейся.

Таким образом,ни теорія предѣльной полезности,ни трудовая теорія не в силах объяснить явленій распредѣленія во всем их объемѣ. Это вызвало появленіе в политической экономіи новаго теченія,представленнаго пока едва-ли не одним экономистом, Штольцманом, который стремится свести проблему цѣнности к проблемѣ распредѣленія. Для Штольцмана цѣна продукта есть не что иное,как выраженіе отношеній распредѣленія общественнаго продукта между различными общественными классами. Таким образом и для Штольцмана проблема распредѣленія сливается с проблемой цѣны и в обратном смыслѣ.

Но именно в этом и заключается коренной грѣх теоріи Штольцмана.Штольман не видит,что отношенія распредѣленія имѣют всецѣло историческій,переходящій характер?а цѣнность присуща всякому хозяйству,каков бы ни был его внутренній строй. В соціалистическом хозяйствѣ не было бы отношеній распредѣленія в современном смыслѣ слова,но цѣнность не утратила бы своего значенія. Продукт не поступал бы в обмѣн,но всецѣло сохранил бы свою цѣнность для общества.

Если же явленія распредѣленія суть историческая категорія хозяйства, а цѣнность- логическая категорія, то совершенно ясно,что теорія распредѣленія принципіально должна быть строго различаема от общей теоріи цѣнности. Перед нами двѣ различных научных проблемы и смѣшивать их в одно- значит не понимать их гносеологической природы.

В настоящем курсѣ сдѣлана попытка дать теорію распредѣленія,принципіально отличную от общей теоріи цѣнности. Конечно,доходы различных общественных классов реализуются в капиталистическом хозяйствѣ при посредствѣ цѣн; но цѣны этого послѣдняго рода суть лишь выраженіе болѣе глубоких соціальных отношеній власти и зависимости,которыя,в концѣ концов,и управляют распредѣленіем общественнаго дохода.

Теорія распредѣленія,излагаемая в этом курсѣ,не имѣет ничего общаго с теоріями распредѣленія школы предѣльной полезности,лишенными,на мой взгляд,какого бы то ни было научнаго значенія. Что же касается до Максизма,то тут мое разногласіе далеко не так значительно,как кажется. Я считаю свою теорію распредѣленія только преобразованной и очищенной от всѣх ненаучных элементов теорій Маркса. Правда,послѣдняя подвергну-

та такому глубокому преобразованію,что уже не может уложиться в систему Маркса,но связь новой теоріи со старой для меня очевидна. А именно эта связь заключается в том, что и моя теорія,как и теорія Маркса, разсматривает доходы общественных классов,как результат дѣлежа между нѣсколькими общественными классами продукта,создаваемаго трудом одного класса рабочих. И с моей точки зрѣнія,нетрудовые доходы являются результатом эксплоатаціи имущими классами рабочаго класса,лишеннаго средств производства. Но Маркс пытается доказать наличность такой эксплоатаціи крайне искусственным путем,исходя из своей совершенно несостоятельной теоріи абсолютной трудовой цѣнности. Затѣм он приходит, исходя из той же теоріи, к совершенно ложному ученію о тяготѣніи заработной платы к минимому средств существованія. Я доказываю наличность эксплоатаціи иначе и даю совершенно иную теорію заработной платы и в этом уже заключается (не говоря о других) существенное различіе новой теоріи от старой.

Разсматривая проблему распредѣленія,как особую проблему,рядом с общей проблемой цѣнности, я поступаю в согласіи с методологическим требованіем,формулированным Рикардо в одном из его писем к Мак-Куллоху. "В концѣ концов,писал Рикардо,-всѣ великіе вопросы относительно земельной ренты,заработной платы и прибыли должны объясняться пропорціями, в которых продукт распредѣляется между землевладѣльцами,капиталистами и рабочими, и которые не могут быть объяснены никаким ученіем о цѣнности. Но сам Рикардо в своей теоріи распредѣленія не строго слѣдовал этому методологическому требованію.

ГЛАВА III.

ЗАРАБОТНАЯ ПЛАТА.

Принципіальныя основы теоріи заработной платы. З а р а б о т н о й п л а т о й называется плата, получаемая рабочим от предпринимателя за предоставляемое послѣднему право пользоваться в его предпріятіи рабочей силой рабочаго. Под номинальной заработной платой понимают денежное выраженіе ея,под р е а л ь н о й же заработной платой- количество предметов потребленія, которое может быть пріобрѣтено рабочим на данную номинальную плату.

Будучи одним из трех видов доходов,предполагаемых капиталистическим производством,заработная плата занимает среди них особое мѣсто,принципіально отличаясь от прибыли и ренты. Основным вопросом в теоріи прибыли и ренты является вопрос о том, почему вообще существуют эти виды общественнаго дохода: наличность прибыли и ренты,как доходов особых общественных классов?не есть необходимое условіе общественнаго хозяйства,-общественный процесс производства может совершаться и при отсутствіи особых классов капиталистов и землевладѣльцев. Напротив,содержаніе рабочих, полученіе ими достаточнаго количества предметов потребленія,есть необходимое условіе самаго хозяйственнаго процесса.

Поэтому по отношенію к заработной платѣ не может быть поставлено вопроса,почему, вообще, рабочіе получают содержаніе. Основной вопрос теоріи заработной платы должен быть формулирован в обратной формѣ: почему содержаніе рабочих не поглощает всего общественнаго продукта (за вычетом израсходованных в процессѣ производства средств производства). Общественный процесс производства, чтобы не пріостанавливаться, требует лишь одного,- чтобы всѣ необходимыя для него затраты своевременно возстановлялись. Содержаніе рабочих есть одна из таких необходимых затрат; напротив,прибыль и рента отнюдь не представляют собой элемент та общественной затраты. Отсюда непонятность,с точки зрѣнія абстрактнаго процесса производства,прибыли и ренты и совершенная непонятность содержанія рабочих,которое,казалось бы, должно было охватывать собой весь общественный продукт за вычетом израсходованных средств производства.

Иными словами, прибыль и рента суть исторические категоріи общественнаго хозяйства, а содержаніе рабочих- логическая категорія хозяйства. Что касается до заработной платы, то она, подобно прибыли и ренть, составляет историческую категорію хозяйства, ибо, если нельзя себѣ представить хозяйства без полученія рабочим необходимых предметов потребленія, то вполнѣ мыслимо хозяйство без заработной платы: если бы рабочим поступал весь общественный продукт, то не было бы заработной платы, так как трудящіеся люди не работали бы по найму в пользу капиталиста.

Итак, полученіе рабочими их содержанія является логической категорієй хозяйства; то же обстоятельство, что это содержаніе облекается в форму заработной платы- иначе говоря, не достигает полнаго трудового продукта- есть историческая хозяйственная категорія.

В формальном отношеніи договор о наймѣ рабочаго не отличается принципіально от всякаго другого договора о наймѣ и является таким же мѣновым актом, как и купля продажа любого товара. Этому нисколько не мѣшает то обстоятельство, что в рабочем договорѣ предметом купли-продажи является рабочая сила человѣка. Поэтому заработную плату можно, повидимому, разсматривать, как цѣну извѣстнаго товара- рабочей силы человѣка.

Однако, если и признавать рабочую силу товаром, то ясно, что это товар чрезвычайно своеобразный, принципіально отличный от всѣх без исключенія других товаров.

Всѣ остальные товары представляют внѣшніе продукты или средства хозяйственной дѣятельности человѣка, хозяйственные объекты. Рабочая сила человѣка-это сам человѣк, т.е. не объект, а субъект хозяйства.

На эту особенность товара- рабочая сила часто указывалось, но при этом смысл указанія заключался в оправданіи особых соціально- политических мѣропріятій, которым слѣдует подчинить договор между рабочим и предпринимателем. Так как договор этого рода касается самых условій существованія человѣка, то в данном случаѣ слѣдует ограничить свободу договора в интересах рабочаго.

Этот договор, основанный на признаніи особых свойств рабочей силы, совершенно правилен в области соціальной политики; но для теоріи заработной платы он не имѣет значенія.

Для нас значеніе вышеупомянутаго положенія совершенно иное. Свойство, в силу котораго рабочая сила не отдѣлима от лица самого рабочаго, оказывает огромное вліяніе на объективныя условія образованія заработной платы. Первым слѣдствіем этого свойства является невозможность производства рабочей силы, вторым- совершенно своеобразное общественное положеніе продавцов и покупателей рабочей силы.

Как бы ни был принижен рабочій, все же он - не рабочій скот капиталиста: он свободен за предѣлами рынка и у себя дома живет не для того, чтобы создавать рабочую силу капиталисту, а для себя, для удовлетворенія своих потребностей.

Гдѣ же этого нѣт, гдѣ рабочій превращается в простое средство производства и за предѣлами рынка, там рабочая сила человѣка принципіально ничѣм не отличается от остальных товаров. Это имѣет мѣсто в рабском хозяйствѣ. Рабовладѣлец разводит и воспитывает своих рабов, как и домашних животных, по чисто хозяйственным соображеніям. В рабском хозяйствѣ рабочая сила человѣка производится в процессѣ хозяйства, а не возникает в процессѣ жизни рабочаго человѣка: рабовладѣлец разводит рабов в нужном для него количествѣ, а капиталист должен ждать, когда явятся нужныя ему рабочія руки в процессѣ размноженія населенія.

Размноженіе населенія далеко не представляет собой хозяйственнаго процесса, регулируемаго спросом со стороны капиталиста на рабочія руки. Увеличеніе спроса на рабочія руки и повышеніе заработной платы далеко не всегда сопровождается увеличением числа рожд[illegible], и наоборот, пониженіе заработной платы далеко не всегда вызывает уменьшеніе числа рожденій. И это нисколько неудивительно. Рабочіе- люди, живущіе всѣми сложными мотивами человѣческой жизни. Рост населенія управляется весьма сложными законами и находится в зависимости далеко не от одной высоты заработной платы. Достаточно указать, что в странах с приблизительно одинаковым уровнем заработной платы размноженіе населенія может представлять совершенно различную картину.

Другим существенным отличіем рабочей силы от всѣх других товаров является принадлежность продавцов и покупателей этого товара, по самому существу рабочей сдѣлки, к различным общественным классам неодинаковой экономической силы. В развитом капиталистическом хозяйствѣ товарьи продаются капиталистами; покупателями этих товаров являются в свою очередь, капиталисты, а также и другіе классы общества. Таким образом, покупатели и продавцы, при продажѣ всякаго другого товара, кромѣ рабочей силы, не должны, по необходимости, принадлежать к различным общественным классам. Напротив, продавцы рабочей силы составляют особый общественный класс-пролетаріат, а покупатели рабочей силы-опять таки особый класс капиталистов.

Продавцы рабочей силы продают свою рабочую силу потому, что им больше нечего продавать. Не обладая средствами к существованію и средствами производства, они умерли бы с голоду, если бы их рабочая сила не нашла себѣ примѣненія в чужом хозяйствѣ. С другой стороны самая продажа ими своей рабочей силы предполагает их юридическую свободу, - и в этом существенное различіе современных рабочих от их предшественников в древнее время-рабов. Обладая юридической свободой, они обычно не имѣют экономической свободы выбирать себѣ занятіе по вкусу и принуждены продавать свою рабочую силу, чтобы существовать.

Напротив, покупатели рабочей силы для этой самой покупки должны обладать средствами содержанія рабочаго и средствами производства, при помощи которых они могли бы производительно использовать купленную рабочую силу. Покупая рабочую силу других людей, капиталисты избавляются от необходимости принимать личное участіе в трудѣ производства и, таким образом, покупают личную свободу от труда. Владѣя средствами существованія и средствами производства, они имѣют возможность держать в своей экономической зависимости рабочій класс.

Не составляя особых общественных классов, продавцы и покупатели любого другого товара могут свободно мѣняться ролями, если это по каким либо соображеніям оказывается им нужно. Машиностроительный фабрикант, покупающій чугун у владѣльца чугуннаго завода, может сам пріобрѣсти чугунный завод и продавать чугун, а владѣлец чугуннаго завода может стать машиностроительным фабрикантом и покупать чугун у перваго. Напротив, при продажѣ рабочей силы продавца и покупателя роли прочно закрѣплены. Рабочій не может, по желанію, стать капиталистом, а капиталист не может пожелать стать рабочим: рабочій принужден всегда продавать свой единственный товар-рабочую силу, а капиталист не может имѣть мотивов отказаться от покупки этого товара.

Все это создает глубокое и принципіальное различіе между рабочей силой и другими товарами. Будучи формально цѣной, рабочая плата оказывается несводимой к общим законам цѣны. Соціальное неравенство, от котораго отвлекается общая теорія цѣны, лежит в основѣ цѣны рабочей силы.

II. Различныя теоріи заработной платы, как товарной цѣны. Между тѣм различныя теоріи заработной платы обычно трактуют рабочую силу, как обыкновенный товар. Наибольшаго вниманія из них заслуживают три: I) теорія обычнаго уровня жизни рабочаго, 2) теорія фонда заработной платы и 3) производительная теорія.

Согласно теоріи обычнаго уровня жизни рабочаго (Standard of life) цѣнность рабочей силы опредѣляется общественной трудовой стоимостью производства рабочей силы, иначе говоря цѣнностью тѣх предметов, которые необходимы для поддержанія жизни, работоспособности и продолженія рода рабочаго. Первоначально эта теорія имѣла пессимистическій характер и считала обычный уровень жизни рабочаго, опредѣляющій его заработную плату, стоящим на границѣ возможнаго существованія. Так, уже Тюрго

утверждал,что заработная плата не может превысить минимума средств существованія,необходимаго для того,чтобы рабочій существовал,работал и содержал свою семью. Затѣм эта доктрина была вновь развита и обоснована Мальтусом,принята с нѣкоторыми существенными ограниченіями Рикардо и в теченіе первой половины XIX вѣка пользовалась общим признаніем экономистов.В Германіи она была провозглашена Лассалем"жолѣзным законом заработной платы."

Несмотря за свою популярность вплоть до нашего времени,теорія тяготѣнія заработной платы к минимому средств существованія страдает,прежде всего, уже тѣм чрезвычайно важным недостатком, что содержаніе ея весьма неясно и неопредѣленно. Дѣйствительно,что слѣдует понимать в данном случаѣ под "минимумом средств существованія?" Имѣется ли при этом в виду физіологическій минимум средств существованія,т.е. то,без чего человѣк физіологически не может существовать,работать и размножаться, и что представляет собой болѣе или менѣе неизмѣнную величину у различных народов и в разное время,или же имѣется в виду культурный минимум существованія,т.е. извѣстний минимум культурных постебностей, в высшей степени различный у различных народов и измѣняющійся во времени?

Если принять первое,то доктрина минимуума средств существованія получает совершенно опредѣленний смысл,но зато и совершенно расходи ся со всѣми извѣстными фактами.С этой точки зрѣнія слѣдовало-бы ожидать, что заработная плата не только останется неизмѣнной во времени, но в данний моментъ будет болѣе или менѣе одна и та же для всѣх рабочих того же рода у всѣх народов (поскольку разумѣется,физіологическій минимум не измѣняется в зависимости от климатическех и т.п. различій). На самом же дѣлѣ, заработная плата существенно измѣняется во времени и, в особенности,обнаруживает чрезвычайно большія и вполнѣ устойчивыя различія у разних народов. Уровень жизни американскаго рабочаго (так.назыв. standard of life) выше,чѣм англійскаго,а уровень жизни англійскаго рабочаго,в свою очередь,гораздо выше, чѣм рабочаго континентальной Европы.Эти несомнѣнные факты дѣлают совершенно непріемлемой доктрину физіологическаго минимума.

Ввиду этого сторонники названной теоріи обычно толкуют ее в смыслѣ культурнаго минимума. По их мнѣнію,заработная плата всегда тяготѣет к минимуму средств существованія,но не к тому минимому, за которым наступает вымираніе от неудовлетворенія необходимых потребностей жизни,а к наименьшему уровню средств существованія,требующихся для того, чтобы рабочій мог существовать согласно господствующим в данном обществѣ культурным привычкам и обычаям. В такой формѣ названная теорія принимает характер утвержденія,что обычный уровень жизни рабочаго(его standard of life) опредѣляет его заработную плату.

Принимаемая таким образом,разсамтриваемая доктрина избѣгает противорѣчія с фактами,но путем отказа от опредѣленности содержанія. Она признает,что уровень жизни рабочаго,опредѣляющій заработную плату,представляет собой измѣнчивую величину,измѣняющуюся как во времени,так и в пространствѣ. Отчего же зависят эти измѣненія? Отчего уровень жизни рабочаго в Америкѣ,выше, чѣм в Англіи, и т.д.? Именно в этом и заключается и весь вопрос,оставляемый названной доктриной совершенно без отвѣта.

В сущности,она представляет собой совершенное извращеніе истинных причинных соотношеній. На вопрос о том,почему англійскій рабочій получает высшую плату,чѣм русскій,она отвѣчает ссылкой на болѣе высокій культурный уровень жизни англійскаго рабочаго,чѣм русскаго- англійскій рабочій питается мясом,живет в квартирѣ в нѣсколько комнат и т.д. в то время как русскій рабочій довольствуется щами с кашей и спит на нарах ф фабричной казармѣ; поэтому и заработная плата англійскаго рабочаго, которая должна оплатить всѣ эти удобства жизни,превышает плату русскаго рабочаго. Но не ясно ли,что истинное причинное соотношеніе- как раз обратное? Не потому англійскій рабочій получает высокую плату,что он ѣст бифштекс,а потому он ѣст бифштекс,что он получает высокую плату.Бе-

ло время,когда англійскій рабочій жил не лучше русскаго рабочаго и питался картофелем; если теперь его уровень жизни повысился,то лишь благодаря повышенію его заработной платы. Повышеніе уровня жизни англійскаго рабочаго было слѣдствіем повышенія его заработной платы,а не наоборот- не повышеніе платы явилось результатом повышенія его уровня жизни. Точно также причина,почему культурныя потребности русскаго рабочаго так ничтожны,почему он довольствуется таким нищенским существованіем,вполнѣ ясна: получая ничтожную заработную плату,он не может питаться бифштексом и жить в квартирѣ в нѣсколько комнт,хотя преимущества бифштекса перед щами и кашей он может оцѣнить не хуже своего англійскаго собрата.

Понимая под минимумом средств существованія измѣнчивый культурный минимум,разсматриваемая доктрина избѣгает,правда, противорѣчія с несомнѣнным фактом измѣнчивости заработной платы во времени и пространствѣ,но зато лишается всякаго внутренняго содержанія.Сказать,что размѣр заработной платы опредѣляется необходимыми издержками производства рабочей силы, это значит- ровно ничего не сказать, так как издержки эти могут быть в высшей степени различны в зависимости от уровня жизни рабочих,опредѣляемаго,в свою очередь, заработной платой. Объясненіе вращается,слѣдовательно, в кругу и ни на шаг не подвигает вперед нашего пониманія истинных факторов заработной платы.

Итак не цѣна рабочей силы опредѣляется стоимостью ея производства, а,наоборот,стоимость производства рабочей силы опредѣляется ея цѣной. И это нисколько не удивительно,ибо рабочая сила,как было указано, в сущности,и не производится,а возникает в процессе жизни человѣка; поэтому категорія стоимости производства к рабочей силѣ совершенно не примѣнима,а попытки такого примѣненія приводят лишь к внутренне безсодержательным теоретическим построеніям.

Теорія уровня жизни имѣет,тѣм не менѣе,извѣстное практическое значеніе. Конечно не обычный уровень жизни опредѣляет обычную заработную плату,а,наоборот,обычная заработная плата опредѣляет обычный уровень жизни. Но послѣдній является важным препятствіем ко всякому измѣненію заработной платы вверх и вниз.Обычный уровень жизни мѣшает повышенію заработной платы,если таковое возможно по условіям рабочаго рынка,так как рабочій,довольствуясь обычной платой,не стремится использовать в своих интересах благопріятное положеніе рынка. С другой стороны, если неблагопріятное положеніе рынка создает тенденцію к пониженію заработной платы ниже обычнаго уровня жизни,рабочіе особенно упорно сопротивляются такому пониженію. Обычный уровень жизни есть, таким образом,как бы сила соціальной энерціи,поддерживающая устойчивость заработной платы.

Второй группой теоріи заработной платы являются, тѣ теоріи заработной платы, которыя выдвигают на первый план спрос и предложеніе,как факторы цѣны рабочей силы. Самой разработанной и распространенной (даже в настоящее время) из теорій этой группы является знаменитая в свое время теорія фонда заработной платы,сложившаяся в Англіи в 30-40 годах прошлаго вѣка. На почвѣ этой теоріи стояла вся школа Рикардо,в том числѣ и вліятельнѣйшій представитель школы- Милль.

Сущность этой теоріи очень проста. Рабочая сила есть товар, цѣна котораго опредѣляется тѣми же факторами,как и всякаго другого товара, т.е. спросом и предложеніем. Вполнѣ ясно,чѣм опредѣляется предложеніе рабочей силы: оно опредѣляется числом рабочих рук на рабочем рынкѣ. Спрос же на рабочую силу опредѣляется капиталом,которий затрачивается капиталистами на покупку рабочей силы. Отсюда слѣдует,что средняя заработная плата в странѣ равняется частному от дѣленія всего національнаго капитала,предназначаемаго на покупку рабочей силы,на число рабочих в странѣ.

Доктрина фонда заработной платы сыграла крупную роль не только в исторіи науки,но и в соціальной исторіи Англіи,благодаря тому,что она явилась духовным оружіем англійской буржуазіи в ея борьбѣ с рабочими союзами: из этой доктрины естественно получался вывод,что рабочіе союзы не могут улучшить положенія рабочих классов,так как рабочіе сою-

зы безсильны увеличить національный капитал или уменьшить предложеніе рабочих рук в странѣ. Благодаря этому названная доктрина пользовалась чрезвычайной популярностью среди экономистов, пока от нея не отрркся в 1869 г. Д.С.Миллъ, послѣ чего она быстро утратила свой прежній авторитет.

Основной грѣх этой теоріи заключается в ея представленіи о неизмѣнном національном фондѣ, предназначенном для содержанія рабочих. На самом дѣлѣ, ни в каком смыслѣ такого фонда не существует. Сумма, затрачиваемая на заработную плату в странѣ, может быть увеличена из двойного источника: с одной стороны за счет сокращенія той части имущества капиталиста, которая предназначается для его собственнаго потребленія; с другой стороны, за счет помѣщенія в производство свободнаго, незанятаго капитала, который всегда имѣется на рынкѣ. Если рабочіе требуют повышенія заработной платы, то послѣднее может быть достигнуто за счет указанным источников. Вообще, спрос на рабочіе руки опредѣляется не размѣром общественнаго капитала, а положеніем товарнаго рынка; капиталистическая промышленность періодически переходит от оживленія к застою, и соотвѣтственно измѣняется спрос на рабочія руки совершенно независимо от размѣров общественнаго капитала.

Затѣм теорія фонда разсматривает труд и капитал, как двѣ независимыя друг от друга величины. На самом же дѣлѣ из этих двух величин одна-капитал- есть продукт другой- труда. Чѣм больше рабочих занято производством, тѣм большую сумму средств производства и предметов своего потребленія они создают. А так как производство капитала никогда не прекращается, то и величина общественнаго капитала не может считаться в каждый момент опредѣленно данной величиной,- величина эта измѣняется в зависимости от хода общественнаго производства. Рабочій сам создает фонд для своего содержанія и этим фондом является его собственный трудовой продукт.

Мы видѣли, что высота заработной платы не может быть выведена, исходя из закона издержек производства. Теперь мы видим, что и закон спроса и предложенія не дает объясненія уровню заработной платы. Таким образом, мы приходим к заключенію, что, вообще заработная плата не может быть объяснена общей теоріей- эта теорія ни в каком случаѣ не объясняет почему заработная плата составляет лишь нѣкоторую часть трудового продукта рабочаго, а не весь продукт.

Третья группа теорій заработной платы пытается подойти к вопросу с другой стороны. Рабочая сила есть средство производства, но цѣнность средств производства опредѣляется создаваемыми при помощи этих средств производства продуктами. Точно также и цѣнность рабочей силы, согласно производительной теоріи заработной платы, должна опредѣляться трудовым продуктом. Визер указывает очень остроумные пріемы, при помощи которых возможно разграничить в общем продуктѣ производства долю того или иного агента производства: так как возможно разнообразным образом комбинировать в процессѣ производства труд, землю и капитал, но таким образом можно и установить, какая доля продукта должна быть отнесена на счет труда, какая на счет капитала и какая на счет земли. Цѣнность труда непосредственно опредѣляется тѣм, какая доля продукта производства должна быть признаваема в техническом смыслѣ продуктом труда.

Таково простое, и, повидимому, радикальное разрѣшеніе Визером трудной проблемы цѣнности рабочей силы. Однако, какое бы значеніе ни придавать теоріи отнесенія различных долей продукта на счет различных агентов производства, теорія эта не только не составляет требуемой теоріи заработной платы, но, в сущности, не имѣет, ничего общаго с послѣдней. Дѣло в том, что вопрос о цѣнности рабочей силы, в смыслѣ Визера, не имѣет ничего общаго с вопросом о заработной платѣ, получаемой рабочим. Не существует ровно никаких экономических основаній для того, чтобы заработная плата хотя бы тяготѣла к производительной цѣнности рабочей силы, как ее понимает Визер. Так, совершенно ясно, что предприниматель предпочел бы заплатить за рабочую силу возможно меньше: почему в силу каких законов рынка предприниматель должен оплатить рабочим полностью всю ту долю продукта производства, которая должна быть технически разсматриваема,

124

как продукт труда? С другой стороны рабочій стремится возможно увеличить свою плату, и непонятно, какіе экономическіе законы ограждают от захватов рабочаго то, что технически является продуктом средств производства - капитала.

Впрочем, это понимает, повидимому, и сам Визер. Он признает, что его теорія отнесенія не имѣет ничего общаго в вопросом о распредѣленіи общественнаго дохода, и что реальная заработная плата отнюдь не имѣет тенденціи совпадать с производительной цѣнностью рабочей силы. Но если так, то именно с точки зрѣнія теоріи Визера особенно очевидно, что заработная плата не может быть понята на основѣ общей теоріи цѣны.

Другіе теоретики предѣльной полезности оказались смѣлѣе и попытались дать законченную теорію заработной платы с точки зрѣнія своего ученія о цѣнности. В этом отношеніи особенно заслуживает вниманія теорія распредѣленія американскаго экономиста Кларка, пользующаяся большим авторитетом в американских ученых кругах. Ученіе Кларка представляет собой развитіе взглядов Визера с тѣм, однако, существенным различіем, что Кларк в противность Визеру, усматривает в теоріи отнесенія продукта на счет различных агентов производства теорію распредѣленія общественнаго дохода.

Ученіе Кларка имѣет в виду, не только чисто научныя, но и соціально-политическія цѣли. " На современном обществѣ,- говорит он, тяготѣет обвиненіе, что в нем эксплоатируется труд. И если это обвиненіе справедливо, то каждый справедливо мыслящій человѣк должен стать спеціалистом."

Своей теоріей распредѣленія он хочет снять с современнаго общества это обвиненіе и доказать, что никакой эксплоатаціи труда при капиталистическом способѣ производства не происходит.

По мнѣнію Кларка " распредѣленіе дохода в обществѣ управляется естественным законом, и этот закон, если бы он дѣйствовал без всякаго тренія, доставлял бы каждому агенту производства то количество богатства, которое агент создает." К этому выводу автор приходит слѣдующим образом.

Производительность каждаго отдѣльнаго агента производства падает, если количество этого агента возрастает, при неизмѣнном количествѣ других агентов. Так, если к данному количеству земли прилагать все больше труда, то производительность послѣдующих единиц труда, по извѣстному закону, сокращается. Но то же самое вѣрно и относительно других агентов производства. Если при данном количествѣ средств производства, капитала, увеличивать количество рабочих, то производительность послѣдующих рабочих будет падать. Точно также, если при неизмѣнном числѣ рабочих увеличивать количество средств производства, которое они приводят в движеніе, то производительность послѣдующих единиц средств производства, капитала должна падать. Таким образом, паденіе производительности послѣдующих единиц производительных агентов есть всеобщій закон хозяйства.

Если мы предположим, что общество располагает опредѣленным капиталом, и будем послѣдовательно увеличивать количество рабочих работающих при помощи этого капитала, то производительность каждаго послѣдующаго рабочаго должна, согласно сказанному, падать. Послѣдняя единица труда будет всего менѣе производительна. И вот производительность этой послѣдней единицы труда, предѣльнаго рабочаго, при предположеніи статистическаго состоянія общества, при полной свободѣ передвиженія труда и капитала, полной свободѣ конкуренціи, должна опредѣлять высоту средней заработной платы в данном обществѣ. Рабочій должен получить в видѣ заработной платы весь продукт предѣльнаго рабочаго, потому что, если бы заработная плата упала ниже предѣльнаго продукта, то конкуренція предпринимателей должна была бы поднять ее до этого уровня.

Но как же опредѣлить при данном размѣрѣ общественнаго производства, предѣльный трудовой продукт? Очень просто. Этим продуктом является то количество продукта, на которое сокращается общественный продукт, если количество занятаго в производствѣ труда сокращается на единицу. Производительность предѣльнаго рабочаго опредѣляет собой производительность труда вообще, потому что весь продукт предѣльнаго рабочаго должен

быть отнесен на счет труда, а продукт создаваемый при болѣе выгодной комбинаціи труда и капитала (при большем количествѣ средств производства, которыми располагаетъ рабочій), есть в большей или меньшей степни продукт такъ и капитала.

Таким образом, получая полностью продукт предѣльнаго рабочаго в видѣ заработной платы, рабочій получает как раз свой полный трудовой продукт. Тезис, подлежащій доказательству, доказан: рабочій получает откапиталиста свой полный трудовой продукт, и ни о какой эксплоатаціи труда капиталом не может быть и рѣчи.

Такова теорія Кларка. Нельзя не согласиться с Кларком, что продукт предѣльнаго рабочаго (если вообще принять конструируемое им понятіе предѣльнаго рабочаго, вызывающее серьезныя возраженія) должен, при предположеніи полной свободы конкуренціи между рабочими, регулировать заработную плату и всѣх других рабочих, - всякій рабочій может быть признан предѣльным рабочим и, значит, ничто из них не может получить больше того, что получает этот всего менѣе производящій рабочій. Вмѣстѣ с тѣм ясно, что заработная плата предѣльнаго рабочаго (а, значит, и рабочих вообще) не может (опять-таки, предполагая отсутствіе каких бы то ни было соглашеній между рабочими, предполагая вполнѣ индивидуальный характер рабочей сдѣлки) превысить продукта предѣльнаго рабочаго, если бы это произошло, то капиталист не имѣл бы никакого основанія нанимать предѣльнаго рабочаго. Но совершенно в другом видѣ представляется вопрос, почему заработная плата не может упасть ниже продукта предѣльнаго рабочаго, почему она должна достигать всего этого продукта. Здѣсь и заключается самое слабое мѣсто всей теоріи распредѣленія Кларка. Вмѣсто всякаго доказательства невозможности паденія платы ниже предѣльнаго продукта, Кларк ссылается на конкуренцію предпринимателей, как на достаточное основаніе для того, чтобы заработная плата не падала ниже уровня, признаваемаго им нормальным. Но ссылка на конкуренцію предпринимателей основывается на совершенном недоразумѣніи.

Дѣло в том, что Кларк, подобно многим другим, признает капиталом только средства производства, но отнюдь не заработную плату, уплачиваемую капиталистом рабочему. Но это пониманіе, против котораго ничего нельзя было бы возразить (поскольку дѣло идет о терминологіи), привело американскаго экономиста к грубому заблужденію. А именно, исходя из своей терминологіи, Кларк пришел и к тому совершенно нелѣпому заключенію, что расход на заработную плату менѣе чувствителен для кармана капиталиста, чѣм расход на средства производства, и что капиталист будет дѣлать этот расход, даже и не получая никакой прибыли; отсюда подѣлилось его поразительное утвержденіе, что конкуренція между предпринимателями должна повысить заработную плату до уровня полнаго трудового продукта предѣльнаго рабочаго. По мнѣнію Кларка, предприниматель будет расширять наем рабочих, пока он будет получать хотя бы ничтожный избыток цѣнности сравнительно с расходуемой им заработной платой, и даже тогда, когда он не получает никакого избытка, и остановится в этом странном помѣщеніи своих средств лишь, когда наем рабочаго станет приносить ему положительный убыток. Правда, если бы средства для найма труда в распоряженіи капиталистическаго предпринимателя превышали предложеніе рабочих рук, имѣющихся на рынкѣ благодаря чему извѣстная доля этих средств должна была бы остаться праздной и не найти себѣ никакого примѣненія, то прибыль капиталистов от найма рабочаго могла бы спуститься до минимума и конкуренція предпринимателей могла бы повысить заработную плату до такого уровня, что послѣдняя достигла бы всего трудового продукта предѣльнаго рабочаго. Но так, как такое предположеніе не соотвѣтствует ни малѣйшим образом капиталистической дѣйствительности, то не соотвѣтствует этой дѣйствительности и вся теорія Кларка.

На самом дѣлѣ, капиталистическій рынок не страдает недостатком рабочих рук, и капитал не остается праздным по невозможности найти рабочих. Капиталист стремится получить наивысшую прибыль не только на ту долю своих средств, которая превращается в средства производства, то и на ту, которая превращается в заработную плату рабочим. Никакого различія в этом отношеніи между различными составными частями своего ка-

питала он не дѣлает. И потому, если бы конкуренція предпринимателей срѣзывала до нуля прибыль, получаемую от предѣльнаго рабочаго, то та конкуренція должна была бы срѣзывать до нуля и прибыль, получаемую от предѣльнаго капитала, иначе говоря, прибыль совершенно исчезла бы из капиталистическаго мірa. Но в этом случаѣ это не был бы капиталистическій мір.

В реальном капиталистическом мірѣ капиталист вовсе не вынужден жертвовать рабочему весь предѣльный трудовой продукт. Большую или меньшую долю этого продукта он удерживает в свою пользу, и попытка Кларка доказать противное есть поистинѣ покушеніе с негодными средствами.

III. **Соціальная теорія заработной платы.** Как было указано в предыдущей главѣ, распредѣленіе общественнаго продукта между различными классами, связанными между собой в процессѣ капиталистическаго производства, не есть простой мѣновой акт, но сложный результат борьбы общественных классов за наибольшую долю общественнаго продукта, борьбы совершающейся в условіях неравенства сил борющихся классов. Без этого неравенства сил была бы невозможна заработная плата, ибо только экономическая слабость принуждает рабочаго выносить на рынок свою рабочую силу. Слабость всѣх разсмотрѣнных теорій заработной платы заключается в том, что онѣ пытаются вывести категорію заработной платы из общей теоріи цѣнности, в основѣ которой лежит предположеніе соціальнаго равенства контрагентов. Между тѣм явленія распредѣленія именно и вытекают из соціальнаго неравенства.

Из разсмотрѣнных теорій заслуживает особаго вниманія производительная теорія заработной платы.

Она совершенно вѣрно настаивает на том, что заработная плата не может вовсе не быть в извѣстной связи с производительностью труда рабочаго. Однако, источником слабости этой теоріи является ея стремленіе выдѣлить из общаго продукта производства специфическій продукт рабочаго. Такое выдѣленіе, могущее имѣть значеніе в других отношеніях, не имеет ровно никакого значенія в других отношеніях, не имѣет ровно никакого значенія для теоріи заработной платы. Для возможности процесса производства требуется оплатить как самый труд, так и средства производства. Производительность рабочаго без помощи средств производства, приближается к нулю. Точно также производительность средства производства, без помощи трудѣ, равна нулю. Рабочій также безсилен, при помощи капитала, как и капитал без помощи рабочаго. При таком положеніи дѣла вопрос о специфическом продуктѣ рабочаго не играет никакой роли в опредѣленіи заработной платы, так как заработная плата, в реальных условіях современнаго хозяйства при наличности соглашеній между рабочими, может быть, как ниже, так и выше специфическаго продукта рабочаго.

Высота заработной платы находится в зависимости не от специфическаго продукта рабочаго, в смыслѣ производительной теоріи, а от чистаго общественнаго продукта, т.е. (оставляя в сторонѣ земельную ренту) от всего общественнаго продукта за вычетом израсходованных в процессѣ производствѣ. Из за этого чистаго продукта, переходящаго в общественное потребленіе, идет борьба между общественными классами, каждый из которых старается захватить в свою пользу возможно большую его часть. Весь этот чистый продукт, с точки зрѣнія трудовой теоріи богатства, создается общественным трудом, а отнюдь не средствами производства, которыя, вообще ничего не создают, а являются лишь орудіями в руках человѣка. Производит только человѣк, хотя и при помощи средств производства. Но произведенный общественным трудом общественный продукт только в нѣкоторой части достается рабочему, - другая же его часть захватывается неработающими классами, опирающимися на свою экономическую силу. Владѣя средствами производства и средствами существованія рабочаго, эти классы являются руководителями общественнаго процесса производства и господами положенія.

Таким образом, с точки зрѣнія соціальной теоріи распредѣленія, высота заработной платы в данном обществѣ опредѣляется двумя факторами - производительностью общественнаго труда, опредѣляющей, как велик общественный продукт, подлежащій раздѣлу об-

щественными классами, и соціальной силой рабочаго класса, от которой зависит доля общественнаго продукта, поступающая в распоряженіе рабочаго.

Высота заработной платы регулируется, слѣдовательно, двумя независимыми факторами. Всякое измѣненіе производительности общественнаго труда должно, припрочих равных условіях, отражаться на высотѣ реальной заработной платы. Чѣм ди производительность труда выше, тѣм выше должна быть, при прочих равных условіях, реальная заработная плата, т.е. количество продметов потребленія, поступающих в распоряженіе рабочих. Именно этот фактор и являются наиболѣе могущественным при установленіи средняго уровня заработной платы в разных странах. Заработная плата гораздо выше в Америкѣ, чѣм в Европѣ, и в Европѣ она выше в Англіи, чѣм на континентѣ. В такой же послѣдовательности измѣняется и производительность общественнаго труда в тѣх же странах. Точно также и исторически рост производительности труда сопровождается ростом заработной платы.

Вот, напр., американскія данныя за послѣднія 50 лѣт:

	Средній годичный заработок фабричнаго рабочаго.- (В р у б л я х).-	Цѣнность годового продукта на I рабочаго.
I850.	480	2.065
I870.	733	4.000
I900.	850	4.754

За 50 лѣт в Америкѣ значительно возросла как заработная плата, так и производительность труда, причем, однако, производительность труда возросла больше.

Зависимость между производительностью труда и высокой заработной платы наблюдается даже в деталях. Так, напр., в Англіи вообще заработная плата ниже, чѣм в Америкѣ, но имѣются в Англіи страсли производства, в которчх заработная плата выше. К числу их принадложит, напр., бумагопрядильное производство. И в то же время мы видим, что бумагопрядильщик в Англіи вырабатывает большее количество пряжи, чѣм в Америкѣ.

	Стоимость оплаты труда прядильщика на I ф. пряжи.	Недѣльная заработная плата бумагопрядильщика.
Америка (Новая Англія). . . .	0,66 пенса	33-35 шил.
Англія (Ланкашир).	0,47 "	35-40 "

В бумажном же ткачествѣ Англія стоит по производительности труда позади Америки,- в Англіи бумаготкач вырабатывает менѣе ткани, чѣм в Америкѣ. И соотвѣтственно этому, заработная плата бумаготкача в Англіи ниже, чѣм в Америкѣ.

	Стоимость оплаты труда ткача.	Недѣльная заработная плата ткача
Америка (Новая Англія). . .	I,60 пенса	25-37½ шил.
Англія (Ланкашир).	2,03 "	20-24 "

В Россіи крайне низкая заработная плата объясняется, в числѣ прочаго и низкой производительностью труда. Выше уже было указываемо, что число бумагопрядильных рабочих на одно веретено в Россіи болѣе, чѣм в 5 раз превышает таковое же число в Англіи. При такой низкой производительности труда заработная плата в Россіи не может быть высока.

Усли производительность труда вліяет на высоту заработной платы, то и, наоборот, высота заработной платы вліяет на производительность труда: Повышеніе заработной платы, улучшая условія существованія рабочаго, увеличивают его трудоспособность и успѣшность его труда. На этой почвѣ возникает извѣстная солидарность интересов рабочих и капиталистов. Зависимость производительности труда от высоты заработной платы особенно отстаивали и отстаивают тѣ экономисты, которые вѣрят в гармонію интересов, якобы существующую в капиталистическом обществѣ. Сюда относятся: во Франціи Леруа Больє, в Германіи Брентано и Шульце-Геверниц, в Англіи Бресси и Бельз, в Америкѣ Шенгоф и др. Однако, эти экономисты чрезвычайно преувеличивают зависимость производительности труда от высоты

заработной платы. Зависимость эта наблюдается лишь в извѣстных узких предѣлах, - в противном случаѣ вся борьба труда и капитала из-за высоты заработной платы не имѣла бы смысла. Капиталисты были бы совершенными дураками, противясь повышенію заработной платы, если бы от такого повышенія нисколько не страдал бы капитал.

Производительность общественнаго труда опредѣляет высшій предѣл заработной платы. Но, очевидно, что заработная плата не может достигнуть этого предѣла, ибо достиженіе его было бы равносильно уничтоженію прибыли, иначе говоря, капиталистической системы хозяйства, причем доход рабочаго перестал бы уже быть заработной платой, так как исчез бы наемный труд. Низшим предѣлом заработной платы является физіологически необходимый минимум средств существованія, без котораго рабочій физіологически не может существовать и поддерживать свою семью. И этого низшаго предѣла заработная плата почти никогда не достигает, ибо рабочій, все же не раб и может отстоять себѣ лучшія условія существованія, чѣм условія существованія раба, простого средства производства. Однако, при особо неблагопріятном для рабочих соотношеніи общественных сил, заработная плата может понижаться и до этого уровня, хотя и в видѣ рѣдкаго случая. На каком же именно уровнѣ обычно устанавливается заработная плата, это опредѣляется борьбой рабочих с предпринимателями, соціальной силой рабочаго класса. Капитал безплоден при помощи труда, но и труд ничего не может создать без помощи капитала. Из этой взаимной зависимости вытекает своеобразний метод борьбы труда и капитала, опредѣляющей из относительную экономическую силу- метод стачек, коллективнаго оставленія работы. Стачка является для обѣих сторон рабочаго договора чрезвычайно грозным, но обоюдоострым оружіем. Отказываясь от работы, рабочіе приводят в бездѣйствіе капитал, но вмѣстѣ и свою рабочую силу, от продажи которой зависит их собственное существованіе. Стачка для рабочих всегда голоданіе, а для капиталиста часто разореніе. Потому обѣ стороны боятся стачки, но и прибѣгают к этому средству борьбы, как к послѣднему способу заставить уступить противника. Кто дольше выдерживает стачку, тот побѣждает, измѣняет в свою пользу условія рабочаго договора.

Увеличеніе предложенія рабочих рук облегчает предпринимателю замѣну бастующих рабочих другими. Поэтому увеличеніе предложенія труда благопріятствует пониженію цѣны рабочей силы- обратно дѣйствует увеличеніе спроса на рабочую силу. Чѣм лучше организован рабочій класс, чѣм болѣе развиты в его средѣ профессіональные союзы, чѣм большими средствами они располагают, тѣм страшнѣе угроза стачкой предпринимателю и тѣм большую долю общественнаго дохода рабочій класс может удержать за собой.

Все это увеличивает независимость рабочаго от капиталиста, увеличивает и его силу в борьбѣ с капиталом, а, значит, и его долю в общественном доходѣ. Так, напр., вмѣшательство государства в рабочій договор в интересах труда- так назыв. законодательство по охранѣ труда- есть один из факторов, благопріятствующих повышенію заработной платы; так же благопріятно вліяют на заработную плату и мѣры государства для обезпеченія участи рабочаго при его болѣзни, потерѣ трудоспособности, старости и т.п. Возможность для рабочаго зарабатывать себѣ средства к жизни не продажей своей рабочей силы, а путем самостоятельнаго производства, точно также усиливает позицію рабочаго в борьбѣ с капиталом. Наличность в Америкѣ свободной государственной земли, доступной каждому для обработки за ничтожную плату, долгое время играла в Америкѣ роль предохранительнаго клапана капитализма- отвлекала от капиталистической промышленности избыточное рабочее населеніе и поддерживала, таким образом, на высоком уровнѣ заработную плату.

Наоборот, все то, что усиливает соціальную мощь капиталистическаго класса, относительно ослабляет рабочаго и имѣет тенденцію понижать его долю в общественном доходѣ, Так, напр., союзы капиталистов, картели и тресты, несомнѣнно значительно усилили за послѣднее время капиталистическій класс; организованный капитал противостоит в настоящее время организованному рабочему, и, так как рабочіе располагают лишь незначительными

средствами для поддержанія своего существованія в случаѣ прекращенія работы,то организованный капитал на чисто экономической почвѣ сильнѣе организованнаго рабочаго. Но не нужно упускать из виду,что всякая борьба труда и капитала,если только она принимает широкіе размѣры,выходит за чисто экономическіе предѣлы,и дѣло рѣшается факторами не только экономическаго порядка. Мы знаем примѣры стачек,в которых рабочіе вышли побѣдителями при огромном перевѣсѣ чисто экономических сил капиталистов: дѣло рѣшалось в этом случаѣ такими же экономическими факторами, как поддержка рабочих общественным мнѣніем страны, вмѣшательством государственной власти под опасеніем политическаго движенія рабочаго класса и т.д.

Колебанѣ спроса на рабочія руки,сопровождающее фазисы капиталистическаго цикла,очень сильно отражается на заработной платѣ. Объясняется это тѣм,что при оживленіи промышленности, когда прибыль капиталиста велика,стачка приносит капиталисту крупные убытки,и капиталист,чтобы избѣгнуть стачки,легко идет на уступки рабочим. Напротив,при промышленном застоѣ капиталист не боится стачки,так как условія рынка требуют сокращенія производства,и рабочіе теряют возможность препятствовать пониженію заработной платы. Слѣдовательно,и в этом случаѣ высота заработной платы опредѣляется относительной экономической силой капиталиста и рабочаго.

Технический прогресс,сопровождающійся замѣщеніем рабочаго машиной, оказывает весьма сложное вліяніе на заработную плату. С одной стороны, всякое повышеніе производительности труда увеличивает продукт,подлежащій раздѣленію между рабочими и капиталистами. Вмѣстѣ с тѣм,повышеніе уровня техники,водя к концентраціи производства,облегчает организацію рабочаго класса. Особенное же значеніе имѣет то обстоятельство, что рост основного капитала, приводимаго в движеніе данным числом рабочих, увеличивает убытки,причиняемые капиталисту стачкой,почему угроза стачкой оказывает на капиталиста большое дѣйствіе. Все это вмѣстѣ благопріятствует повышенію заработной платы. Но, с другой стороны,машина выступает конкурентом рабочаго и уменьшает завтсимость капиталиста от рабочаго. Безработица возрастает. Это обстоятельство усиливает позицію капиталиста в его борьбѣ с рабочими. В общем итогѣ, поднятіе техники производства обычно повышает реальную заработную плату,но не в таком размѣрѣ,в каком повысилась производительность труда.

IУ. Р а з л и ч і е т р у д о в ы х доходов в раздичных отраслях труда. Все сказанное относится к среднему уровню заработной платы; но заработная плата за различные роды труда в высшей степени различна.Некоторые трудовые доходы,не являющіеся в строгом смыслѣ слова заработной платой,как напр., жалованье и гонорары представителей высшаго умственнаго труда,могут во много раз превосходить среднюю заработную плату обычных наемных рабочих,труд которых имѣет преимущественно мускульний характер и не требует особо продолжительнаго предварительнаго обученія. Трудовые доходы этих лиц управляются совершенно иными законами, чѣм заработная плата наемных рабочих,работающих своими руками,а не головой; умственные рабочіе не являются объектом капиталистической эксплоатаціи и рабочіе этого рода,как по своему общественному положенію, так и по условіям полученія своего дохода, стоят гораздо ближе к капиталистам-предпринимателям,чѣм к рабочим в собственном смыслѣ.Для того,чтобы имѣть возможность существовать умственным трудом нужно,как общее правило,принадлежать к имущим классам,ибо подготовка к умственному труду требует продолжительнаго обученія, в теченіе котораго обучающійся не может зарабатывать собѣ средства к жизни,да и самое обученіе стоит,сравнительно,очень дорого. Поэтому умственный труд представляет собой,в общем, монополію имущих классов. Умственные рабочіе по являются,таким образом, принципіально слабѣйшей стороной по отношенію к покупателям их труда- и этим существенно отличаются от физических рабочих.

Доходы умственных рабочих получаются ими двояким путем: или путем продажи продуктов своего труда,или путем продажи самого труда.В первом случаѣ умственный рабочій выступает в роли предпринимателя,продающаго

на рынкѣ готовый товар; покупателями этого товара являются потребители в широком смыслѣ этого слова. Так,живописцы продают свои картины, писатели-книги. Цѣна этих товаров управляется тѣ же законом спроса и предложенія, который управляет и цѣнами всех других товаров.Что же касается до закона издержек производства,то он имѣет к цѣнам товаров этого рода лишь самое ограниченное примѣненіе,так как товары эти обычно не воспроизводимы свободно,будучи продуктами индивидуальнаго творчества и потому незамѣнимыми.

Другим способом полученія дохода умственными рабочими является продажа ими своего труда. При этом их труда может продаваться или непосредственно потребителям,или предпринимателям-капиталистам. Непосредственно потребителям продают свой труд,напр., врачи,адвокаты,домашніе учителя. Оплата их труда регулируется тѣм же законом спроса и предложенія,как и доходы умственных рабочих, продающих товары своего производства. Лица, состоящія на государственной и общественной службѣ, точно также получают доход из продажи своего труда; но плата их гораздо меньше регулируется спросом и предложеніем, чѣм обычаем и господствующим в данном обществѣ представленіем об уровнѣ жизни,приличествующем представителю той или иной должности.

Так,напр., министр получает столь значительное содержаніе не потому,что не находится лиц,которыя желали бы и могли за меньшее вознагражденіе с успѣхом выполнить его обязанности,а потому,что меньшее вознагражденіе признается государством несогласным с достоинством лица,занимающаго такую важную должность.

Другая часть умственных рабочих продает свой труд предпринимателям. Инженер на службѣ желѣзной дороги, директор фабрики,управляющій имѣніем служат по найму предпринимателям,покупающим их труд для полученія прибыли из своего предпріятія. С формальной стороны эти умственные рабочіе представляются такими же рабочими,как и представители физическаго труда. Однако,сходство между тѣми и другими чисто внѣшнее. По существу же доход умственных рабочих и в этом случаѣ строится на основаніи совершенно иных условій, чѣм заработная плата простого труда.

Представители умственнаго труда занимают в предпріятіи крайне отвѣтственное положеніе,и от их доброй воли зависит весьма существенно повліять на прибыль предпріятія. Хозяин предпріятія непосредственно заинтересован в том,чтобы его управляющій,по возможности,соединил его интересы со своими собственными,ибо это существенно нужно для успѣха самого дѣла. Поэтому наиболѣе отвѣтственные посты нерѣдко вознаграждаются в частных капиталистических предпріятіях чрезвычайно высоко и руководящія лица крупных предпріятій вознаграждаются иногда лучше министров,-прямой расчет заставляет капиталиста не жалѣть десятков тысяч для вознагражденія лица, от ловкости и энергіи котораго может зависѣть увеличеніе на сотни тысяч его барышей. Жалованье такого лица является, в сущности,не чѣм иным,как частью предпринимательской прибыли,которую предприниматель принужден уступать своим ближайшим помощникам по руководительству предпріятіем; такіе высшіе служащіе непосредственно сливаются с предпринимательским классом и тѣсно связаны с ним всѣми своими интересами. Нерѣдко даже формально они не могут быть отдѣлены от предпринимателей,когда это,напр., обычно практикуется в акціонерных компаніях,высшіе служащіе которых являются и акціонерами предпріятія.

Но и менѣе отвѣтственныя должностныя лица находятся в совершенно ином положеніи, чѣм представители простого физическаго труда,благодаря тому,что вообще,умственный труд,как сказано,является монополіей имущих классов. Пользуясь этой монополіей,умственные рабочіе во всех отраслях своей дѣятельности обычно имѣют возможность отстоять собѣ такія условія оплаты своего труда,при которых их доход оказывается достаточным,чтобы они вели обычную жизнь лиз тѣх классов, к которым они принадлежат по своему рожденію и воспитанію,т.е. имущих классов.Их заработок регулируется спросом и предложеніем,а еще болѣе обычаем. При наймѣ умственных рабочих участники сдѣлки могут считаться соціально равными,

принадлежащтми к тому же общественному классу,и вот почему общіе законы цѣны имѣют к трудовым доходам этого рода болѣе непосредственное примѣненіе,чѣм по отношенію к соціально- неравным капиталистам и физическим рабочим.

Однако,и в предѣлах рабочаго класса в собственном смыслѣ слова заработная плата в высшей степени различна. Как общее правило заработная плата фабричных рабочих значительно выше заработной платы кустарей и земледѣльческих рабочих,а среди фабричных рабочих плата представителей искуснаго труда,труд которых требует особаго предварительнаго обученія или особой ловкости,выше, чѣм простих рядовых рабочих, чернорабочих. Затѣм заработная плата обычно выше на больших фабриках,чѣм на малых,выше в крупных центрах промышленности,чѣм в мѣстностях с малоразвитой промышленностью,в городѣ,чѣм в деревнѣ,в густо-населенных мѣстностях,чѣм в слабо- населенных. Различія эти относятся отчасти только к номинальной платѣ: естественно,что чѣм выше в данной мѣстности стоимость жизни рабочаго,тѣм болѣе высокую денежную плату он должен получать, чтобы обеспечить себѣ одинаковый уровень жизни. Но и реальная заработная плата очень различна в зависимости от очень сложных условій. Болѣе высокая реальная заработная плата на больших фабриках, чѣм на малых- особенно,чѣм у кустарей- объясняется отчасти большой производительностью труда в крупных фабриках,отчасти же тѣм,что на крупных фабриках,рабочіе лучше организованы и потому могут обеспечить себѣ лучшія условія рабочаго договора. Домашніе рабочіе являются наиболѣе беззащитными жертвами капиталистической эксплоатаціи, так как домашнія условія работы чрезвычайно затрудняют всякія соглашенія между рабочими.

В мало населенных мѣстностях реальная заработная плата нерѣдко значительно повышается потому,что в этих мѣстностях не хватает мѣстных рабочих рук для нужд мѣстной капиталистической промышленности и капиталистическаго же земледѣлія и недостающіе рабочіе привлекаются из других мѣст путем соотвѣтствующаго повышенія платы. Вообще,чѣм больше в данном пунктѣ предложеніе рабочих рук,чѣм легче предприниматель может замѣнить одного рабочаго другим, тѣм относительно слабѣе рабочій и тѣм ниже заработная плата.

Так,напр., в Россіи земледѣльческіе рабочіе в центральных губерніях получают низшую плату,чѣм в слабо-населенных окрайнах. В петроградском районѣ заработная плата значительно выше, чѣм в московском,отчасти вслѣдствіе большой дороговизны жизни в Петроградѣ,отчасти потому, что Москва находится в центрѣ густо- населеннаго промышленнаго района, а Петроград помѣщается на окрайнѣ и должен привлекать к себѣ рабочих из значительно удаленных центральных промышленных губерній.

Всего ниже заработная плата в тѣх промыслах и профессіях, в которых производительность труда всего меньше, в которых требуется от рабочаго всего менѣе ловкости,искусства и времени для предварительнаго обученія и в которых рабочіе всего слабѣе по отношенію к капиталу. В этих промыслах наблюдается одновременно и наинизшая заработная плата и наивысшій рабочій день- рабочій всего менѣе получает за свой труд наибольшей продолжительности.

Так,напр., на московских фабриках самую меньшую плату получали в 80-х годах закончившагося вѣка рабочіе мелких рогожных фабрик; на этих рогожных фабриках господствовал и чрезвычайно продолжительный рабочій день,доходившій до 16 и 18 часов в сутки. За зиму (лѣтом работа на этих фабриках прекращалась) рогожники так ослабѣвали от непосильной работы при нищенской оплатѣ труда, что их,по выраженію одного хозяина рогожной фабрики, "вѣтром качало".Столь неблагопріятныя условія труда на рогожных фабриках объяснялись тѣм,что фабрики эти были мелкими заведеніями,на которых работа производилась исключительно руками,при самой ничтожной производительности труда; для работы не требовалось никакого предварительнаго обученія,благодаря чему она была доступна каждому деревенскому рабочему, и рабочіе набирались из окрестных деревень,не будучи ничѣм связаны с фабрикой; благодаря этому фабрикант мог понижать до минимума заработную плату и повышать до максимума рабочій

день,- рабочіе не могли оказать ему никакого сопротивленія.

У. Ф о р м ы з а р а б о т н о й п л а т ы. По характеру получаемых цѣнностей различают денежную (т.е. выдаваемую деньгами) и натуральную (т.е. выдаваемую продуктами- промышленными,продуктами потребленія рабочаго) заработную плату (это дѣленіе не слѣдует смѣшивать с вышеуказанным раздѣленіем заработной платы на номинальную и реальную). Натуральная заработная плата является естественным спутником натуральнаго хозяйства. В настоящее время преобладает денежная плата,а натуральная сохранилась лишь в небольшой мѣрѣ, преимущественно в земледѣліи- отчасти потому,что продукты земледѣлія непосредственно пригодны для потребленія,отчасти же благодаря меньшому развитію денежнаго хозяйства в деревнѣ, чѣм в городѣ.

В промышленности плата натурой является нерѣдко средством добавочной эксплоатаціи рабочаго. Еще не очень давно во всех странах (особенно в Россіи) процвѣтала так наз. "truck system" -система "фабричных лавок": плата за работу фабричному рабочему выдавалась не деньгами,а товарами из принадлежащей фабриканту фабричной лавки,в которой всѣ цѣны были значительно выше рыночных. Таким образом,система "фабричных лавок" давала возможность фабриканту понижать реальную плату рабочих; иногда бывало,что прибыль фабриканта заключалась не столько в доходах с фабрики,сколько с такой лавки. В настоящее время уплата рабочим товарами,а не деньгами,повсѣмѣстно запрещается фабричным законодательством. В мелкой промышленности она,однако, держится очень упорно, и расплата товарами является одним из средств эксплоатаціи кустарей скупщиками.

По основаніям расцѣнки труда заработная плата бывает срочная (или повремонная),сдѣльная (или поштучная), поурочная,прогрессивная и система скользящей скали. По участникам договора- единичная,коллективная,подрядная и кооперативная.

При с р о ч н о й заработной платѣ плата пріурочивается ко времени, в теченіе котораго рабочій работал в пользу предпринимателя. При с д ѣ л ь н о й же заработной платѣ плата пріурочивается к трудовому продукту рабочаго. Однако, при срочной заработной платѣ предприниматель отнюдь не относится безразлично к тому,какое количество продукта будет выработано рабочим,и, имѣя возможность не возобновить рабочій договор,если рабочій вырабатывает слишком мало,легко может настоять на том,чтобы послѣдній вырабатывал требуемое количество трудового продукта. Что же касается сдѣльной,поштучной заработной платы,то она фактически также всегда имѣет повременное основаніе и устанавливается на основѣ подсчета,какое количество продукта может в опредѣленное время вырабатывать рабочій,и назначается в таком размѣрѣ,чтобы рабочій в день мог выработать опредѣленную плату. Вообще говоря,различіе между срочной и сдѣльной оплатой труда далеко не так глубоко и не так принципіально,как это может казаться. И лишь непониманіем этого обстоятельства объясняется то,что в прежное время экономисты признавали срочную плату соотвѣтствующей,как общее правило,интересам рабочаго,а сдѣльную интересам предпринимателя.

На самом же дѣлѣ, и та и другая форма оплаты труда могут быть в одних случаях выгодны рабочим, в других- предпринимателям. Выгоды срочной заработной платы, с точки зрѣнія рабочаго,заключаются в том,что при ней рабочій получит назначенную плату даже и в том случаѣ,если его работа будет менѣе интенсивна: срочная плата не вынуждает рабочаго к крайнему напряженію его сил. Поэтому рабочіе нерѣдко предпочитают срочную плату сдѣльной,опасаясь,что эта послѣдняя,при которой заработок рабочаго пропорціонален его трудовому продукту,поведет к общему увеличенію интенсивности труда. Сплошь и рядом наблюдается,что хозяева вводят сдѣльную плату,чтобы соблазном добавочнаго заработка побудить рабочих работать болѣе усердно,а потому понижают сдѣльную расцѣнку,и рабочій,в концѣ концов,исполняя большее количество труда и вырабатывая больше продукта,получает в день столько же,сколько и раньше.Но в дру-

гих случаях рабочіе предпочитают именно сдѣльную плату, находя ее для себя болѣе выгодной. Это имѣет мѣсто особенно тогда, когда интенсивность труда опредѣляется не доброй волей рабочаго, а ходом самаго механизма, быстротой движенія центральнаго двигателя. Сообщая болѣе быстрое движеніе машинам, хозяин может принудить рабочих увеличить энергію труда, результатом чего является выработка большаго количества продукта, выгода чего при срочной платѣ всецѣло доставалась бы хозяину, при сдѣльной же в ней могут принять участіе и рабочіе. Поэтому в нѣкоторых очень важных отраслях производства рабочіе настаивают на сдѣльной платѣ.

Так, в хлопчатобумажном производствѣ Ланкашира господствует сдѣльная плата, которую энергично поддерживают рабочіе союзы. Мотивы рабочих заключаются в том, что в хлопчатобумажном производствѣ интенсивность труда рабочаго опредѣляется скоростью движенія машин, причем, благодаря техническим усовершенствованіям, наблюдается тенденція к постоянному увеличенію этой скорости и, слѣдовательно к увеличенію напряженности труда рабочаго. Сдѣльная плата является, с одной стороны, препятствіем к чрезмѣрному увеличенію напряженности труда, а, с другой– даст возможность рабочим извлекать пользу из усовершенствованій машин.

Слабая сторона сдѣльной платы заключается в том, что, обычно увеличивая напряженность труда рабочаго и количество вырабатываемаго им продукта, она неблагопріятно отражается на качествѣ продукта: рабочій, стремясь сдѣлать возможно больше, работает менѣе тщательно.

Вообще же сдѣльная плата примѣнима лишь в том случаѣ, когда трудовой продукт отдѣльнаго рабочаго допускает точный количественный учет, что возможно далеко не во всѣх родах труда. Поэтому болѣе распространенной являются срочная плата– даже в тѣх странах, гдѣ преобладает машинное производство.

Поурочная заработная плата представляет собой комбинацію срочной и сдѣльной заработной платы. От сдѣльной платы она отличается тѣм, что при этой формѣ оплаты труда назначается опредѣленный урок, который должен быть исполнен в опредѣленное время (причем выработка рабочаго сверх урока не оплачивается предпринимателем.) От срочной же заработной платы поурочная отличается тѣм, что если рабочій вырабатывает меньше положеннаго урока, то он получает соответственно меньше. Таким образом, поурочная заработная плата заключает в себѣ, с точки зрѣнія рабочаго, отрицательныя черты как срочной, так и сдѣльной заработной платы, почему рабочіе союзы энергично борются с этой формой заработной платы.

П р о г р е с с и в н а я заработная плата также есть комбинація срочной и сдѣльной. В этом случаѣ рабочій получает плату срочно, но если он сдѣлает больше опредѣленнаго урока, то получает соответственно большое вознагражденіе– премію. Премія эта может принимать различныя формы.

Нап., рабочій получает премію пропорціонально добавочному количеству произведеннаго продукта, или премія фиксируется, так что рабочій, сдѣлавшій болѣе назначеннаго урока, получает одну и ту же премію, независимо от количества произведеннаго добавочнаго продукта; или же, наконец, премію получает рабочій, сдѣлавшій больше, чѣм всѣ остальные, независимо от того, сколько именно он сдѣлал. Послѣдняя форма прогрессивной платы очень невыгодна для рабочих, так как заставляет каждаго рабочаго стремиться обогнать своих товарищей, что вызывает общее повышеніе интенсивности труда.

С и с т е м а с к о л ь з я щ е й с к а л ы заключается в том, что плата рабочаго измѣняется в зависимости от цѣны продукта: повышеніе цѣны продукта повышает плату рабочаго и обратно. Эта система невыгодна для рабочих в том отношеніи, что она переносит на них всѣ колебанія рыночной цѣны товара; не при ней может обозначиваться и минимальная плата рабочаго, которую он получает даже при наибольшем паденіи цѣны товара, и тогда эта система вызывает меньше возраженій с точки зрѣнія интересов рабочаго.

По отношенію к числу участников рабочаго договора заработная плата может быть, как сказано, о д и н и ч н о й, если предприниматель расплачивается с каждым рабочим порознь, к о л л е к т и в н о й, если заработную плату получает извѣстная группа рабочих, затѣм подрядной и, наконец, к о о п е р а т и в н о й.

Необходимость в коллективной формѣ платы возникает в тѣх случаях, когда при сдѣльной формѣ платы принимает участіе в извѣстном производствѣ, как нѣчто цѣлое, опредѣленная группа разнородных рабочих.

Так, напр., в Англіи при производствѣ бутылок сдѣльную плату получает группа рабочих из 4-х человѣк, которые сообща участвуют в производствѣ; полученная плата разверстывается между участниками группы в пропорціях, устанавливаемых рабочим договором.

Коллективная плата сама по себѣ ничего невыгоднаго для рабочих не представляет; вызывается она чисто техническими условіями, так как часто бывает невозможно индивидуализировать продукт каждаго отдѣльнаго рабочаго.

Эту форму оплаты нужно, однако, отличать от подрядной платы, которая характеризуется тѣм, что плата отдѣльных рабочих, входящих в составь данной рабочей группы, регулируется различным образом. Вся группа в совокупности оплачивается сдѣльно, но второстепенные рабочіе получают плату срочно, в пользу же руководителя группы– подрядчика– остается разница между сдѣльной платой всей группы и суммой срочных плат ея второстепенных членов. В этом случаѣ рабочая группа раскалывается на двѣ части с совершенно различными интересами: с одной стороны низшіе рабочіе, с другой главный рабочій, который заинтересован в том, чтобы было произведено возможно большее количество работы, так как его заработок опредѣляется именно этим. При этом иногда второстепенные рабочіе получают в добавленіе к своей срочной платѣ, извѣстную премію, пропорціональную количеству выработаннаго продукта. Благодаря разобщенности интересов рабочих при этой формѣ оплаты, она легко превращается в то, что англичане называют "sweating system"– систему выжиманія пота", причем "выжимателем пота" становится главный рабочій.

Подрядная плата выгодна для предпринимателя, который избавляется, благодаря ей, от обязанности слѣдить за работой, так как эта обязанность переносится на подрядчика. Рабочіе союзы относятся к ней рѣзко отрицательно.

Кооперативной платой называется такая, при которой плату получает группа рабочих, разверстывающих ее между собой по своему собственному усмотрѣнію. Рабочіе в этом случаѣ образуют трудовую артель, продающую свои трудовыя услуги; о ней было сказано в главѣ о кооперативных предпріятіях.

Нѣсколько десятилѣтій тому назад экономисты придавали чрезвычайное значеніе одной формѣ оплаты труда, с которой они не были знакомы– участію рабочих в прибылѣ предпріятія. Многим экономистам казалось, что такая оплата труда дастъ возможность примирить интересы рабочих и капиталистов. Особенно обратил на себя вниманіе опыт привлеченія рабочих к участію в прибылях, сдѣланный Леклером, собственником малярнаго завода в Парижѣ. Расчитывая, благодаря увеличенію производительности труда, увеличить, как свою собственную прибыль, так и доход рабочих, он ввел в 1842 г. в своем предпріятіи эту форму оплаты труда и получил хорошіе результаты.

Однако, послѣдующій опыт не оправдал ожиданій, вызванных попыткой Леклера примирить интересы труда и капитала. Участіе рабочих в прибылях не получило ни в одной странѣ сколько-нибудь значительнаго распространенія. Иногда хозяева прибѣгали к этой формѣ оплаты труда, чтобы отвлечь рабочих от участія в профессіональных союзах, и даже ставили такое условіем получения доли ххххххх в барышах предпріятія. Рабочим приходилось сравнивать выгоды, которыя они получают от своих союзов, с выгодами от участія в прибылях предпріятія– и почти всегда выгоды перваго рода оказывались значительно большими.

В тѣх немногих предпріятіях, в которых рабочіе участвуют в прибылях, они получают, благодаря этому участію, весьма незначительную прибавку к своей заработной платѣ. Возможно даже, что эта прибавка фиктивна, так как, если бы ея не было, то рабочіе могли бы настоять на соответствующем повышеніи своей основной платы. Вообще с точки зрѣнія рабочаго

класса, эта система не представляет никаких существенных выгод сравнительно с другими формами заработной платы. Неблагоприятной же стороной ея является то, что она стремится тѣсно связать рабочаго с данным предпріятіем и тѣм ослабить его энергію в борьбѣ с капиталистом. Затѣм, она разобщает рабочій класс и стремится обособить рабочих, занятых в данном предпріятіи, от их товарищей в других предпріятіях.

Выгоды этой формы оплаты труда– тѣ же, что и прогрессивной платы, выгоды, главным образом, для капиталиста. С точки зрѣнія рабочих, прогрессивная плата является даже болѣе предпочтительной, так как в этом случаѣ, при особой напряженности и производительности труда, за рабочими обезпечено добавочное вознагражденіе, между тѣм как при участіи рабочих в прибылях предпріятія рабочій может утратить плоды своих усилій вслѣдствіе плохого веденія дѣла предпринимателем. Поэтому участіе в прибылях предпріятія, как добавочное вознагражденіе, получило значительное распространеніе только по отношенію к высшим служащим. В этом послѣднем случаѣ оно вполнѣ цѣлесообразно и соотвѣтствует интересам как хозяев, так и самих служащих: успѣх предпріятія и величина его барышей весьма существенно зависят от образа дѣйствій служащих, и лучшим средством заинтересовать их в дѣлѣ является предоставленіе им доли прибыли. Высшіе служащіе и без того тѣсно связаны с предпріятіем, а предоставленіе им участія в прибыли еще болѣе приближает их к предпринимателям, к очевидной выгодѣ этих послѣдних.

VI. И с т о р і я заработной платы в Англіи. Исторія заработной платы до сих пор статистически разработана очень мало, вслѣдствіе огромных трудностей такой разработки. Даже относительно номинальной платы очень трудно собрать за длинный ряд лѣт вполнѣ надежныя и сравнимыя статистическія данныя. Вполнѣ сравнимы были бы данныя, относящіяся к тѣм же родам труда в одном и том же предпріятіи, но это, обыкновенно, невозможно, и приходится сравнивать данныя о заработной платѣ за разные годы в различных предпріятіях, причем можно принять за измѣненіе заработной платы во времени то, что составляет на самом дѣлѣ только различіе платы в разных предпріятіях. Что же касается реальной заработной платы, то здѣсь сравненіе данных за разные годы еще труднѣе, так как приходится принимать в соображеніе цѣны предметов потребленія рабочаго класса.

Точная исторія заработной платы требует огромнаго матеріала, которым современная наука не располагает. Всего лучше изучена исторія заработной платы в Англіи. Денежная заработная плата в Англіи повышалась с XVI вѣка вплоть до XIX вѣка, но реальная заработная плата измѣнялась совершенно иначе и к первой половинѣ XVII вѣка значительно понизилась, благодаря, главным образом, аграрной революціи, обезземелившей значительную часть англійскаго крестьянства. Во второй полрвины XVII вѣка послѣдовало повышеніе реальной заработной платы: аграрная революція пріостановилась, и в то же время в Англіи стали развиваться промышленность и торговля. Стало расти капиталистическое производство, но пока всецѣло на основѣ ручного домашняго труда. В теченіе первых трех четвертей XVIII вѣка продолжалось движеніе в том же направленіи: реальная заработная плата не падала, а медленно росла. В это время сложилось мнѣніе (нашедшее себѣ выраженіе и у Смидта), что рост національнаго богатства неизбѣжно приведет к улучшенію положенія рабочаго.

Дальнѣйшая исторія заработной платы не подтвердила, однако, этого мнѣнія. Конец XVIII и начало XIX вѣков были временем самых тяжелых страданій ан англійскаго рабочаго класса. Существует огромная литература по данному вопросу, показывающая, что в экономическом положеніи массы англійскаго народа в это время произошла рѣзкая перемѣна к худшему. Чрезвычайно увеличилось число пауперов– лиц, получавших по бѣдности, пособія от приходов, заработная плата в важнѣйших отраслях труда понизилась, и, в общем, послѣдовало обѣдненіе рабочаго класса одновременно с чрезвычайным ростом народнаго богатства.

Все это было послѣдствіем промышленной и аграрной революціи, ознаменовавшей собой наступленіе новой эпохи всемірной исторіи– полнаго расцвѣта капиталистической системы. Крестьянин был окончательно лишен своей земли, а мелкій производитель в промышленности чрезвычайно пострадал от конкурренціи фабрики. На первой ступени своего развитія фабричное производство неизбѣжно приводит к пониженію экономическаго уровня всего того населенія, которое не вовлечено еще в фабричное производство. На этой стадіи фабрика дает занятіе еще только ничтожной части населенія; но так как фабричные продукты конкурируют с продуктами мелкаго производства, то паденіе цѣн фабричных продуктов вызывает паденіе цѣн и продуктов мелкаго производства, а, значит, и сокращеніе заработков мелких производителей. Поэтому, первые шаги развитія фабрики всегда сопровождаются ухудшеніем положенія массы населенія, состоящей в этой стадіи хозяйства из мелких производителей. А так как фабричные рабочіе не представляют собой замкнутаго класса, изолированнаго от остальной массы трудящихся, то пониженіе заработков в мелкой промышленности ведет за собой нѣкоторое пониженіе платы и в фабричной промышленности.

Все это испытали рабочіе классы Англіи в теченіе первой половины XIX вѣка. Особенно тяжело было положеніе ручных ткачей, которых считалось в Англіи в началѣ XIX вѣка болѣе I милліона. Если в области бумагопряденія борьба ручного труда с машиной закончилась очень скоро, то в области ткачества борьба эта растянулась на много десятилѣтій; ручное ткачество упорно боролось за существованіе, конкурируя с фабрикой пониженіем заработков ручных ткачей. Только с 50-х годов закончившагося вѣка фабрика в Англіи окончательно побѣждает, и ручные ткачи в важнѣйшей отрасли текстильной промышленности–хлопчатобумажной–сходят со сцены.

Вмѣстѣ с тѣм, с этого времени наблюдается общій подъем экономическаго положенія англійскаго рабочаго класса. Усовершенствованіе техники фабричнаго производства перестало вызывать паденіе заработков обширных масс мелких производителей, так как численность послѣдних относительно сократилась, и фабричный пролетаріат стал доминирующим элементом промышленнаго населенія. Вмѣстѣ с тѣм рост профессіональных организацій среди рабочих (рабочих союзов), а также мѣры государственной охраны интересов труда (фабричное законодательство) увеличили относительную силу рабочаго в его борьбѣ с предпринимателем за лучшія условія труда. Очень существенно содѣйствовало общему подъему благосостоянія рабочей массы и кооперативное движеніе. Таким образом, этот подъем был вызван как ростом производительности общественнаго труда, так и ростом соціальной силы рабочаго класса.

Наиболѣе точныя данныя относительно измѣненія заработной платы в Англіи собраны Боули. Согласно Боули, средняя номинальная зарботная плата в Англіи измѣнялась с тридцатых годов прошлаго вѣка слѣдующим образом (принимая за 100 плату 1890–99):

1830–40.	1840–50.	1850–60.	1860–70.	1870–80.	1880–90.	1890–99.
60	60	65	75	95	90	100

Что касается до реальной платы, то она повысилась гораздо меньше, так как стоимость жизни (преимущественно, вслѣдствіе повышенія квартирной платы) за это время значительно возросла. Главной же причиной значительнаго повышенія благосостоянія масен англійскаго населенія было не столько поднятіе реальной заработной платы в различных отраслях труда, сколько значительное увеличеніе в составѣ рабочаго класса тѣх групп рабочих, которыя оплачиваются лучше: процент худо оплачиваемых рабочих, несомнѣнно очень упал. Можно согласиться с слѣдующей характеристикой измѣненія положенія англійскаго рабочаго класса, принадлежащей Сидню Веббу. "Если мы возьмем различныя условія жизни и работы и установим уровень, ниже котораго невозможно сносное существованіе, то мы увидим, что по отношенію к заработной платѣ, рабочему времени, жилищу и общей культурѣ, для живущих ниже этого уровня теперь меньше чѣмъ было в 1837 году. Но мы также найдем, что самый низшій уровень так же низок как и раньше, и что общее число тѣх, кто живет ниже установленнаго нами уровня, в настоящее время, вѣроятно выше по своей абсолютной величинѣ, чѣм в 1887 г.

Тщательное изслѣдованіе условій жизни Лондонскаго населенія в концѣ XIX вѣка, произведенное Чарльзом Бутсом, раскрыло, в общем, весьма мрачную картину. По подсчетам Бутса в Лондонѣ около 10% населенія должно быть отнесено к группѣ крайной бѣдности, часть этой группы состоит из нищих, воров, преступников и, вообще, того, что называют "подонками общества", часть -из хронически безработных, живущих случайными доходами. Затѣм идет группа бѣдности, которая охватывает около 22% лондонскаго населенія. Эта группа имѣет непостоянный доход и сильно страдает от безработицы при сокращеніи промышленности и торговли. И только остальныя 2/3 лондонскаго населенія стоят выше линіи бѣдности.

Бутсу принадлежит также другое любопытное изслѣдованіе, проливающее новый свѣт на англійскій пауперизм. Процент лиц, получающих в качествѣ паупоров, пособіе от государства, в Англіи невелик и обнаруживает наклонность к паденію. Но Бутс изслѣдовал распредѣленіе паупоров по возрастам и сравнил их с соотвѣтствующими возрастными группами всего населенія. Оказалось, что процент паупоров среди стариков очень значителен, и в 1897 г. достигал для лиц старше 65 лѣт почти 30.

ГЛАВА IУ.

РАБОЧІЕ СОЮЗЫ.

I. **Рабочіе союзы и их функціи.** Рабочим союзом называется такая организація рабочих, которая ставит собѣ цѣлью защиту интересов рабочих, как продавцов своей рабочей силы. Поэтому рабочіе союзы по необходимости являются боевыми организаціями, -они ведут борьбу с нанимателями труда, предпринимателями. Кромѣ этой главной цѣли, рабочіе союзы обыкновенно преслѣдуют и цѣли взаимопомощи при разнаго рода несчастіях, угрожающих рабочему, напр., пособія при болѣзни, на случай смерти, неспособности к труду и т.п. Но существенными для рабочаго союза, как такового являются лишь цѣли перваго рода, и этим он отличается от взаимопомощи: та борьба с нанимателями труда преслѣдует лишь цѣли. Что касается исторіи рабочих союзов, то она распадается, прежде всего, на два періода. Первыя рабочія организаціи выросли в своеобразной экономической и соціальной обстановкѣ средневѣковой городской промышленности в період ея начинавшагося упадка. С XIУ и XУ вѣков наблюдается медленное перерожденіе цехового ремесла в домашнюю систему крупной промышленности. В связи с этим возникает антагонизм между цеховыми мастерами и подмастерьями; послѣдніе обособляются в особый класс и объединяются в общества подмастерьев для защиты своих профессіональных интересов, как наемных рабочих. Общества подмастерьев достигли в XУ и XУI вѣках значительнаго развитія; борьба их с мастерами была настолько успѣшна, что общественная власть, бывшая, в значительной мѣрѣ, в рукахъ мастеров, принимала самыя суровыя мѣры к тому, чтобы воспрепятствовать развитію этих организацій. Апогеом развитія обществ подмастерьев был XУI вѣк; затѣм они начинают клониться к упадку под вліяніем все болѣе быстраго разложенія цехового строя, на основѣ котораго они возникли. В падавших промыслах рабочій не мог с успѣхом развивать свою профессіональную организацію.

Новая эпоха развитія рабочих союзов начинается с XУIII вѣка и начинается во многих случаях, совершенно заново; так, напр., в Англіи никакой связи между новыми союзами рабочих и старыми обществами подмастерьев замѣтить нельзя. Отличіе старых и новых союзов заключалось в том, что старые союзы возникли в падавшей формѣ промышленности, - цеховом ремеслѣ, а новые в развивающемся капиталистическом производствѣ. В теченіе всего XУIII вѣка, по мѣрѣ роста капиталистическаго производства (которое в эту эпоху имѣло характер домашней системы крупной промышленности), в Англіи растут и рабочіе союзы. Гдѣ продолжала господствовать мелкая промышленность, там рабочих союзов не замѣчалось.

Исторію англійскаго трэд-юніонизма в XIX вѣкѣ (трэд-юніон-рабочій со-

юз) можно раздѣлить на 4 періода. Первый період, охватывавшій первыя десятилѣтія закончившагося вѣка, характеризовался тѣм, что рабочіе стремились бороться не только с капиталистами, но и с новыми формами промышленности, с самим капиталистическим способом производства, с машинами. Рабочіе стремятся возстановить уже отжившее законодательство, регулировавшее условія труда, и, вообще, не понимают смысла происходящей экономической революціи. Еще в 1826 г. произошло движеніе ручных ткачей против ткацких фабрик, причем цѣлый ряд фабрик был разрушен. Но это движеніе уже было послѣдним в своем родѣ.

Второй період охватывает собой революціонное время 30-х и 40-х годов. В 1824 г. были отмѣнены законы 1799 г., запрещавшіе по политическим соображеніям, рабочіе союзы. Хотя это запрещеніе и не могло остановить роста рабочих союзов, тѣм не мѣнѣе оно было очень тягостно для рабочих и тормозило рост этих организацій. Свобода устройства союзов повела к быстрому увеличенію числа их членов, причем рабочее движеніе двух послѣдующих десятилѣтій приняло весьма своеобразный характер. Это было время революціонных движеній в Англіи, причем рабочій класс был под вліяніем, с одной стороны, политическаго радикализма (чартизм), с другой - соціализма (оуэнизм).

Среди рабочих распространяется взгляд, что конечной цѣлью профессіональных организацій должно быть созданіе такого порядка, при котором данная организація могла бы руководить хозяйственными предпріятіями соотвѣтствующаго рода, иначе говоря, стать собственником средств производства: союзы бумагопрядильщиков должны стать хозяевами бумагопрядильных фабрик, союзы ткачей-ткацких фабрик, союзы рудокопов- рудников и т.д. Это станет возможным, когда вся масса рабочаго класса объединится в один національный союз, подраздѣляющійся на отдѣлы соотвѣтственно родам общественнаго труда. Оуэну удалось достигнуть образованія Великаго Національнаго Объединительнаго Союза", который насчитывал около полумилліона членов. Но организація эта оказалась крайне непрочной и рухнула в том же 1834 г., когда и возникла. Однако, несмотря на это крушеніе, идеи Оуэна наложили глубокій отпечаток на все рабочее движеніе в Англіи 30-х и 40-х годов.

С начала 50-х годов в исторіи англійскаго рабочаго движенія начинается новая эпоха, продолжавшаяся, приблизительно, до половины 80-х годов. Рабочіе союзы развивались; однако, они не захватывали широких масс рабочих и были дѣлом исключительно внешних слоев рабочаго населенія, представителей так называемаго искуснаго труда (skilled labour). В сопротивлѣніях, безработицѣ, на случай смерти и т.д. Но именно в силу этого, что союзы скопили в своих руках очень значительные капиталы, они утратили свою прежнюю революціонную энергію, стали менѣе склонны к наступательным дѣйствіям против капиталистическаго класса. Прежнія увлеченія соціализмом Оуэна прошли, и англійскіе трэд-юніоны прониклись совершенно другим отношеніем к капиталистическому обществу- усвоили в большей или меньшей степени идеалы буржуазнаго либерализма. Фабричное законодательство встрѣчало поддержку с их стороны лишь постольку, поскольку оно распространялось на дѣтей, несовершеннолѣтних и женщин; но союзы были рѣшительно враждебны регулированію государством продолжительности труда взрослых мужчин.

В 80-е годы в исторіи англійскаго трэд-юніонизма слѣдует новый поворот. 50-е и 60-е годы были временем наибольшаго расцвѣта англійской промышленности. Фабрика окончательно побѣдила и Англія становится страной крупнаго капитала, который в других странах еще не достиг такого же развитія, благодаря чему Англія быстро завоевывает мировой рынок, пользуясь наступившем в большей части важнѣйших государств ослабленіем протекціонизма. Ко времени 80-х годов положеніе, однако, рѣзко измѣняется; капитализм во всем мірѣ дѣлает огромные успѣхи, у Англіи появляются все болѣе опасные конкуренты в лицѣ Америки и Германіи, и даже на Востокѣ, в Индіи и Японіи, растет фабричное производство. Новый поворот к протекціонизму закрывает для англійской промышленности многіе рынки, и

английская промышленность начинает развиваться значительно замедленным темпом. Чтобы удержаться на прежнем уровнѣ и даже подвигаться впередъ, рабочій классъ Англіи долженъ былъ значительно усилить энергію своей классовой борьбы. Оптимистическій либерализмъ смѣняется возвратомъ къ соціалистическимъ идеаламъ, такъ глубоко захватывавшимъ англійскаго рабочаго въ 30-е и 40-е годы. Наступаетъ новая революціонная эпоха англійскаго рабочаго движенія и возникаетъ такъ называемый новый трэд-юніонизмъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминающій трэд-юніонизмъ 30-хъ и 40-хъ годовъ.

Эпохой появленія въ англійскомъ рабочемъ движеніи новаго трэд-юніонизма можно считать знаменитую стачку докеровъ (рабочихъ на докахъ) 1889 г. Стачка эта впервые показала рабочему классу Англіи, что возможны новыя формы организаціи труда, выгодами которыхъ могутъ пользоваться не только лучше оплачиваемые рабочіе, но и чернорабочіе. Старые трэд-юніоны твердо усвоили убѣжденіе, что сила рабочаго союза всецѣло основывается на денежныхъ средствахъ, которыми онъ располагаетъ. Стачка докеровъ опровергла это мнѣніе, такъ какъ докеры- простые чернорабочіе, представлявшіе собой самый низшій слой англійскаго пролетаріата- безъ наличности какого бы то ни было денежнаго фонда сумѣли одержать блестящую побѣду надъ капиталистами. Докеры побѣдили всеобщимъ сочувствіемъ рабочаго класса къ своей борьбѣ, которое они сумѣли вызвать. Оказалось, что сила общественнаго мнѣнія можетъ побѣдить силу капитала.

Старые трэд-юніоны, надѣявшіеся только на свои капиталы, требовали значительныхъ взносовъ отъ своихъ членовъ. Этими взносами они пользовались для разнообразнѣйшихъ операцій взаимопомощи и лишь въ незначительной мѣрѣ для стачечной борьбы. Напротивъ новые трэд-юніоны, охватывающіе бѣднѣйшую часть рабочаго класса, не могутъ требовать значительныхъ взносовъ отъ своихъ членовъ. Ихъ денежныя средства незначительны, и потому союзы не могутъ тратить эти средства на операціи взаимопомощи, -главнымъ же значеніемъ ихъ средствъ является поддержка рабочихъ во время стачекъ. Денежныя средства союза образуютъ собой, такимъ образомъ, стачечный фондъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ силу своей денежной слабости, новые трэд-юніоны не только не враждебны принципу государственнаго вмѣшательства въ условія рабочаго договора, но горячо отстаиваютъ этотъ принципъ. Они на сторонѣ законодательнаго установленія 8-ми часового рабочаго дня и болѣе или менѣе склоняются къ соціализму.

Однако, успѣхи новаго трэд-юніонизма оказались довольно эфемерными. Факты показали, что трэд-юніоны новаго типа также легко распадаются, как и возникаютъ. И теперь какъ и раньше въ англійскомъ рабочемъ движеніи руководящую роль играютъ трэд-юніоны стараго типа, начинающіе, правда, проникаться на послѣднее время новымъ духомъ, какъ свидѣтельствуютъ соціалистическія резолюціи на конгрессахъ трэд-юніоновъ и образованіе особой политической рабочей партіи ("Independent Labor Party "), являющейся партіей умѣреннаго соціализма.

Трэд-юніоны (стараго типа) преслѣдуютъ двѣ основныхъ задачи: во первыхъ, защиту рабочаго, какъ продавца своей рабочей силы, и, во-вторыхъ, различныя операціи взаимопомощи- страхованіе рабочихъ на случай смерти, болѣзни, неспособности къ труду. Отъ общества взаимопомощи рабочихъ (того, что англичане назвываютъ "friendly society ") трэд-юніонъ, какъ сказано отличается тѣмъ, что онъ всегда преслѣдуетъ и задачи перваго рода.

Можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ, трэд-юніонъ, организація, нерѣдко охватывающая очень небольшое число лицъ- можетъ удовлетворительно справляться со своими операціями взаимнаго страхованія. Какъ было указано въ главѣ о страхованіи, страхованіе можетъ устранить элементъ случайности изъ своихъ операцій лишь тогда, когда оно охватываетъ очень обширный кругъ лицъ. Только тогда становится возможнымъ точный учетъ вѣроятности наступленія въ будущемъ тѣхъ случайныхъ событій, с послѣдствіями которыхъ борется страхованіе. Трэд-юніонъ, казалось-бы, слишкомъ небольшая организація, чтобы брать на себя страховыя [illegible] операцій. Дѣйствительно страховыя операціи трэд-юніоновъ ведутся совершенно несогласно съ правильной техникой страхового дѣла. Трэд-юніонъ не производитъ точныхъ расчетовъ для опредѣленія размѣра страховыхъ премій и, вообще, мало забо-

тится о томъ, чтобы всегда имѣть въ наличности денежныя средства для выполненія своихъ обязательствъ по отношенію къ своимъ членамъ. И, тѣмъ не менѣе, трэд-юніоны, какъ общее правило, удачно справляются со своими страховыми операціями. Дѣло въ томъ, что въ отличіе отъ другихъ страховыхъ учрежденій, трэд-юніонъ является вполнѣ товарищеской организаціей, членовъ которой тѣсно связаны между собой солидарностью интересовъ; въ силу этого трэд-юніонъ можетъ въ случаѣ надобности, облагать своихъ членовъ добавочными взносами, если это необходимо для выполненія его обязательствъ, и такимъ образомъ, мало доступнымъ для учрежденія, стоящаго на чисто коммерческой почвѣ, справляться со своими задачами. Соединеніе же страховыхъ операцій с главными задачами трэд-юніона-борьбой с предпринимателями- объясняется тѣмъ, что для этой борьбы нужны денежныя средства, которыя и привлекаются къ трэд-юніонамъ его операціями взаимнаго страхованія. Вотъ почему трэд-юніонъ стремится развивать свои операціонныя взаимопомощи, - собранныя такимъ образомъ денежныя средства могутъ, с согласія членовъ, быть обращены въ стачечный фондъ.

Помощь рабочимъ въ случаѣ болѣзни, семьѣ рабочаго въ случаѣ его смерти и т.п. не составляетъ специфической функціи трэд-юніона, какъ такового. Но среди его страховыхъ операцій есть одна, которая является, имѣетъ с тѣмъ, и средствомъ борьбы с предпринимателями- помощь безработнымъ. Когда трэд-юніоны оказываютъ помощь своимъ больнымъ членамъ, они помогаютъ только потерпѣвшимъ; при помощи же безработнымъ они оказываютъ поддержку не только потерпѣвшимъ, но и тѣмъ, кто имѣетъ работу, ибо избавляя рабочаго отъ опасности очутиться на улицѣ безъ всякихъ средствъ къ существованію, они этимъ самымъ усиливаютъ позицію рабочаго въ борьбѣ с предпринимателемъ за лучшія условія труда. Иногда помощь отдѣльнымъ безработнымъ по своимъ результатамъ для рабочихъ равняется коллективной стачкѣ.

Такъ, С.и Б. Вебб указываютъ на примѣръ одного небольшого, но прекрасно организованнаго трэд-юніона, который въ теченіе 50-ти лѣтъ не устраивалъ ни одной стачки и, тѣмъ не менѣе, держалъ въ своихъ рукахъ предпринимателей при помощи слѣдующей политики: Если только предприниматель не уступалъ требованіямъ союза, то рабочіе по одиночкѣ бросали у хозяина работу (пользуясь при этомъ пособіемъ отъ союза въ качествѣ безработныхъ), и эта постоянная смѣна рабочихъ такъ разстраивала производство, что хозяева неизмѣнно должны были уступать. Такая стачка въ разницу оказывалась, такимъ образомъ столь дѣйствительной, какъ и обычная стачка.

Основная задача всякаго рабочаго союза- противопоставить капиталисту организованнаго рабочаго. Союза стремится къ тому, чтобы отдѣльнаго рабочаго, какъ договаривающейся стороны, при рабочемъ договорѣ совсѣмъ не было, - его мѣсто заступаетъ группа рабочихъ той же профессіи, имѣющая возможность отстоять болѣе выгодныя условія договора. Такимъ образомъ, благодаря рабочимъ союзамъ индивидуальный рабочій договоръ замѣняется коллективнымъ рабочимъ договоромъ. Интересы отдѣльнаго рабочаго защищаются общими силами болѣе или менѣе обширной рабочей группы.

Крайней угрозой рабочаго союза является угроза с т а ч к о й- коллективнымъ отказомъ рабочихъ отъ работъ. Для успѣха въ стачкѣ рабочіе должны имѣть возможность существовать во время стачки, не продавая своей рабочей силы. Такъ какъ сбереженія рабочихъ очень ограничены, то безъ помощи со стороны они не могутъ бастовать сколько-нибудь продолжительное время. Значеніе рабочихъ союзовъ въ томъ, главнымъ образомъ, и заключается, что рабочій союзъ доставляетъ рабочимъ средства къ существованію во время забастовки.

Для рабочаго стачка-время тяжелыхъ лишеній, такъ какъ помощь рабочаго союза не можетъ быть значительной. Но и фабриканту стачка приноситъ крупные убытки. Дѣятельность предпріятія пріостанавливается, значитъ, прекращается и поступленіе доходовъ, но очень многіе расходы (по содержанію и ремонту зданій и машинъ, уплаты процентовъ на занятый капиталъ, платежъ арендной платы, уплата налоговъ, жалованье разнымъ должностнымъ лицамъ и пр.) остаются прежними. Кромѣ того разстраивается весь планъ хозяйственнаго предпріятія, не выполняются своевременно взятыя на себя поставки, упускаютъ-

ся новые заказы. Замѣна одних рабочих другими, даже, если она возможна, всегда приводит к извѣстному разстройству производства. Поэтому даже непродолжительная стачка легко может поглотить всю годовую прибыль предпринимателя.

Особенно убыточна стачка для капиталиста в період промышленнаго подъема, когда предприниматель стремится расширить производство и воспользоваться выгодными цѣнами, стоящими на рынкѣ обычно очень недолго. Прекращеніе производства в этот момент может повести к передачи заказов конкурирующим предпріятіям и совершенно разорить предпринимателя. В період застоя промышленности стачка менѣе страшна предпринимателю, но все же может приносить ему крупные убытки, если прекращеніе производства происходит не в то время, которое он признает для этого наиболѣе удобным.

В період промышленнаго подъема стачки обыкновенно имѣют наступательный характер, - рабочіе требуют измѣненія в своих интересах прежних условій рабочаго договора. Если бы не стачки или угроза ими, то капиталист не имѣл бы никакого мотива повышать заработную плату при промышленном подъемѣ и всѣ выгоды подъема доставались бы всецѣло капиталисту. Но стачка или угроза ею заставляет капиталиста дѣлиться частью своих барышей с рабочими. Стачки в этом періодѣ обычно имѣют успѣх, и капиталист нерѣдко уступает требованіям рабочих без всякой серьезной борьбы.

Напротив, в період промышленнаго застоя преобладают оборонительныя стачки, - капиталист стремится понизить заработную плату, и рабочіе устраивают стачку, чтобы помѣшать этому пониженію. Оборонительныя стачки обыкновенно проигрываются рабочими. Однако, даже неудавшаяся стачка может имѣть то значеніе, что она составляет угрозу предпринимателю и является препятствіем для пониженія заработной платы. Если бы не опасеніе пород стачками, то предприниматель понижал бы заработную плату при всяком паденіи цѣны продукта.

Стачки представляют собой срезвычайно убыточную форму соціальной борьбы, от которой тяжело страдают обѣ борющіяся стороны. Убытки от продолжительных стачек, охватывающих сотни тысяч рабочих, считаются в сотни милліонов рублей. Однако, стачки коронятся в самом существѣ условій капиталистическаго найма рабочих. Стачка, как уже было указано, представляет собой самое дѣйствительное оружіе в борьбѣ труда с капиталом, а так как условія рабочаго договора устанавливаются, в концѣ концов относительной соціальной силой борющихся сторон, то стачки не могут прекратиться, пока общество не возьмет в свои руки установленіе условій найма рабочих (как это имѣет мѣсто в нѣкоторых австралійских колоніях).

Но как все общество, так и сами борющіяся стороны, заинтересованы в том, чтобы стачка примѣнялась как можно рѣже. И дѣйствительно мы видим, что, по мѣрѣ роста организованности рабочаго класса и его большей сознательности, стачки становятся относительно рѣже, хотя в случаѣ своего возникновенія отличаются большим упорством и продолжительностью. Угроза стачкой замѣняет дѣйствительную стачку, - и рабочіе и капиталисты одинаково заинтересованы в том, чтобы заранѣе учесть силы противника и не доводить дѣло до стачки, не имѣя увѣренности в побѣдѣ. Хорошо организованный союз рабочих всегда старается не доводить дѣло до стачки и побудить хозяевъ к уступкам без этого крайняго средства экономической борьбы. Факты западно-европейской жизни показывают, что развитіе рабочих союзов ведет не к умноженію, а к уменьшенію числа стачек, союз не станет легкомысленно вызывать стачек, которыя тяжело ложаться на его кассу, ибо содержаніе стачечников черпается из нея.

Стачкѣ рабочих хозяева могут противопоставить л о к а у т - прекращеніе работы в цѣлом рядѣ предпріятій, принадлежащих хозяевам, заключившим соглашеніе. Если, напримѣр, происходит стачка на одной фабрикѣ и рабочіе других фабрик поддерживаю стачечников, то путем локаута фабриканты могут лишить возможности рабочих, имѣющих занятіе, поддерживать своих товарищей, прекративших работу. За послѣднее время, благодаря быстро растущим организаціям капиталистическаго класса, локауты становятся обычным орудіем борьбы капиталистов в рабочими.

Цѣлям мирнаго удаживанія конфликтов труда и капитала служат различным образом организуемые т р о т е й с к і е с у д ы, состоящіе из представителей хозяев и рабочих. Слабая сторона, однако, таких третейских судов заключается в том, что для всякаго третейскаго суда требуется извѣстное правовое основаніе. Такого правового основанія для рѣшенія спора между хозяевами и рабочими нѣт, так как обѣ стороны одинаково защищают свои противоположные экономическіе интересы и чей интерес побѣдит, - это рѣшается в концѣ концов силой.

Однако, кромѣ разрѣшенія споров о новых условіях рабочаго договора, между рабочими и хозяевами нерѣдко возникают споры об истолкованіи уже принятых, старых условій рабочаго договора. В таком случаѣ правовое основаніе для третейскаго разбирательства суть, и третейскій судъ оказывается осуществимым. Практика англійских трэд-юніонов выработала очень совершенныя организаціи таких третейских судов, состоящих из экспертов, выкрасимых обѣими спорящими сторонами - как рабочими так и капиталистами; эти эксперты имѣют полную возможность наилучшим образом разрѣшить спор об истолкованіи уже состоявшагося соглашенія рабочих с хозяевами. Но, конечно, если одна из сторон желает это соглашеніе нарушить, то, в таком случаѣ, третейскій суд теряет свое значеніе, и споръ рѣшается силой.

Таковы пріемы и средства борьбы рабочих союзов. Цѣли рабочих союзов заключаются в поднятіи экономическаго уровня рабочаго класса-сокращеніе рабочаго дня, повышеніи заработной платы, вообще улучшеніи условій труда. Одно время экономисты, опираясь на теорію фонда заработной платы, отрицали, что рабочіе союзы могли достигать цѣлей. Но теперь никто в этом не сомнѣвается. Чѣм болѣе сплочены рабочіе, чѣм болѣе они объединены в одно цѣлое, тѣм они экономически сильнѣе по отношенію к капиталистам и тѣм большую долю своего трудового продукта они могут отстоять в борьбѣ с послѣдними. Улучшеніе экономическаго положенія рабочаго класса в Англіи во второй половинѣ XIX вѣка, несомнѣнно, вызвано, в весьма значительной степени, трэд-юніонами, которые, хотя и охватывают сравнительно, незначительную часть рабочаго класса всей страны (около 4 взрослых рабочих мужчин), но регулируют условія труда и остальной, неорганизованной части рабочих и, таким образом, могущественным образом содѣйствуют общему подъему рабочаго класса. К концу 1911 г. в Англіи считалось 3.010.346 членов рабочих союзов.

В Германіи рабочее движеніе шло обратным путем, сравнительно с Англіей. В Англіи политическая партія рабочих возникла недавно и на основѣ мощнаго развитія рабочих союзов. В Германіи же политическая партія рабочих- соціал-демократическая партія рабочих- существует уже более 40 лѣт, а профессіональные рабочіе союзы пріобрѣли большое значеніе лишь в послѣднее десятилѣтіе. Соціал-демократія долгое время относилась к рабочим союзам вполнѣ равнодушно. Лассаль, стоя на почвѣ своего "желѣзнаго закона заработной платы", совсѣм отрицал возможность для рабочих союзов поднять заработную плату в предѣлах капиталистическаго строя. Маркисты больше понимали значеніе профессіональнаго движенія, но и они нѣкоторое время относились к союзам преимущественно, как средство соціалистической пропаганды. Германскіе законы также очень затрудняли рост рабочих союзов, - до сих пор Германія не знает полной* свободы рабочих союзов. Все это тормозило рост союзов, число членов которых в началѣ 90-х годов не превышало 300 тыс. Затѣм начинается быстрый рост союзов, и в 1911 г. число членов достигло 3.961.002.

Германскіе рабочіе союзы слагаются в нѣсколько особых организацій. Самой старой организаціей является организація Гирш-Дункеровских союзов, основанных либеральными дѣятелями Гиршем и Дункером с цѣлью создать противовѣс в рабочем классѣ соціал-демократіи. Союзы эти и до настоящаго времени относятся враждебно к соціал-демократической партіи. Число членов их почти стаціонарно и никогда не превышало 100 тыс. В 90-х годах закончившагося вѣка возникли различнаго рода христіанскіе (католическіе и протестантскіе) рабочіе союзы, число членов которых в 1912 г. достигло 350.939. Но главная масса рабочих принадлежит к соціал-демократи-

ческим рабочим союзам (число членов которых в 1912 году достигло 2.559.76
Союзы эти, хотя члены их частью принадлежат к социал-демократической партіи, частью сочувствуют ей, представляют собой организаціи, формально совершенно независимыя от партіи. Германская социал-демократія тверде стоит на том принципѣ, что рабочіе союзы должны быть политически нейтральны, так как политическій нейтралитет даст возможность объединенія в союзах рабочих различных политических партій. Однако, на практикѣ германскіе рабочіе союзы далеко не соблюдают такого нейтралитета, - всѣ они имѣют ту или иную партійную окраску.

В германских рабочих союзах операціи взаимопомощи развиты, вообще, гораздо болѣе, чѣм в англійских, - отчасти потому, что в Германіи нѣкоторыя из этих операцій исполняются органами государства (принудительное страхованіе от болѣзней, несчастных случаев, инвалидности и старости). Но за послѣднее время, по мѣрѣ роста союзов, стали развиваться и операціи взаимопомощи. Социал-демократическіе союзы, охватывающіе собой значительное большинство организованных рабочих Германіи, пріобрѣтают все больше и больше вліянія на рабочій класс Германіи. Представляя собой организацію, независимую от социал-демократической партіи, они проводят болѣе оппортунистическую политику и, вообще, стоят по своей тактикѣ правѣе партіи. На этой почвѣ между ними и партіей возникало за послѣднее время не мало конфликтов, разрѣшавшихся путем взаимных уступок и компромиссов.

II. Р е в о л ю ц і о н н ы й с и н д и к а л и з м. Весьма любопытныя и своеобразныя формы имѣет рабочее движеніе Франціи, идущее под флагом, так наз. революціоннаго синдикализма.

Французское рабочее движеніе развивалось в совершенно иных условіях, чѣм германское и англійское. Крушеніе Коммуны в 1871 г. нанесло тяжелый удар французскому социализму: социалистическое движеніе должно было во Франціи начаться заново, причем единственно социалистическими рабочими организаціями, пережившими во Франціи кризис Коммуны, были нѣкоторые профессіональные рабочіе союзы. Геду, вождю французских социалистов марксистскаго направленія, и его друзьям удалось в 1879 г. организовать на основѣ объединившихся рабочих союзов (синдикатов) политическую социалистическую партію. Партія эта пыталась стать во главѣ французских синдикатов и с этой цѣлью в 1886 г. основала " Національную федерацію синдикатов." Однако, синдикаты очень скоро разошлись с партіей, благодаря тому, что она усматривала в них лишь орудіе для своих политических цѣлей.

В том же 1886 г. в Парижѣ возникло новое рабочее учрежденіе, которому было суждено явиться образцом для учрежденій подобнаго рода во всей Франціи сыграть очень крупную роль во французском рабочем движеніи- "Биржа труда". Французскія биржи труда являются весьма интересными и своеобразными учрежденіями. Их основной задачей является посредничество между спросом и предложеніем труда, содѣйствіе тому, чтобы рабочіе могли находить на наиболѣе выгодных условіях покупателей своей рабочей силы. Для этого биржи труда ведут детальную статистику спроса на трудъ и предложенія его, оказывают разнообразную помощь ищущим работы, выдают рабочим пособія на путевыя издержки, вообще принимают всевозможныя мѣры к облегченію нахожденія рабочими занятія. Но, понятно, все это выполнимо лишь в том случаѣ? если биржа находится в живой связи с рабочими союзами, объединяющим центром которых она и стремится стать. Вмѣстѣ с тѣм, биржа выполняет цѣлый ряд других, второстепенных функцій- организовывает профессіональное обученіе рабочих, промышленные музеи, библіотеки, спеціальные курсы и лекціи для рабочих и т.п. Поддерживая связи и с кооперативными организаціями, биржа труда стремится стать связующим звеном всѣх разнообразных учрежденій, преслѣдующих цѣль улучшенія положенія рабочаго класса.

Биржи труда им*ли во Франціи большой успѣх, и теперь их считается во всей странѣ 135. К ним примыкают множество рабочих союзов, число членов которых доходит до 350 тыс. (т.е. около трети всего числа членов

рабочих союзов Франціи, достигавшаго в 1911 г. 1.929.283 чел.). Успѣх этот объясняется, главным образом, тѣм, что во французских рабочих союзах очень слабо развиты операціи взаимопомощи. Исключеніе нѣкоторых из этих операцій и взяли на себя биржи труда, которыя и явились поэтому необходимым дополненіем рабочих союзов. В Англіи почти всѣ эти операціи исполняются трэд-юніонами.

В 1892 г. на конгрессѣ бирж труда в Сен-Этьенѣ была основана" Національная федерація бирж труда", стоящая на вполнѣ социалистической почвѣ, но отнесившаяся с рѣзким отрицаніем к стремленію Геда и его партіи подчинить экономическую борьбу рабочих с предпринимателями политической борьбѣ и превратить экономическія организаціи рабочих в простой придаток к социалистической партіи. На этой почвѣ возникла ожесточенная борьба гедистской " Національной федераціи синдикатов" и "Національной федераціи бирж труда". Главным предметом разногласія был вопрос о всеобщей стачкѣ, которую гедисты отвергли, но в которой представители бирж труда (выражавшіе то теченіе, которое называют " революціонным синдикализмом") усматривали могущественнѣйшее орудіе борьбы пролетаріата. На Нантском конгрессѣ 1894 г., в котором приняли участіе обѣ соперничавшія рабочія организаціи, рѣшительно побѣдило второе теченіе: огромным большинством голосов была принята резолюція, благопріятная всеобщей забастовкѣ. Послѣ Нантскаго конгресса " Національная федерація синдикатов" приходит в упадок и лишается своих членов. Вмѣсто этой федераціи сошедшей со сцены, возникла в 1895 г., по иниціативѣ руководителей бирж труда, новая организація- "Всеобщая конфедерація труда", включившая в себя в 1902 г. и " Національную федерацію бирж труда." В настоящее время она является центром, объединяющим все французское профессіональное рабочее движеніе социалистическаго направленія.

Таким образом, французское социалистическое движеніе имѣет в настоящее время два центра: с одной стороны, объединенную социалистическую партію, для которой политическая борьба стоит на первом планѣ, а с другой стороны, экономическую организацію рабочаго класса- "Всеобщую конфедерацію труда," которая на первый план выдвигает экономическую борьбу.

Французскій революціонный синдикализм сложился в цѣлое своеобразное идейное теченіе, глубоко отличающееся от обычнаго марксистскаго социализма, соотвѣтственно иному характеру французскаго рабочаго движенія. В Англіи руководящую роль в рабочем движеніи продолжают охранять трэд-юніоны прежняго типа, соединяющіе с функціями рабочих союзов также и операціи обществ взаимопомощи; именно этим соединеніем и опредѣляется миролюбивый характер англійских трэд-юніонов, не желающих подвергать риску свои операціи взаимопомощи и крупные капиталы, которые были скоплены ими для этой цѣли. В Германіи рабочіе союзы б ли первоначально преимущественно боевыми организаціями; но мало по малу они стали расширять свои операціи взаимопомощи и в настоящее время приближаются к типу англійских трэд-юніонов. Соотвѣтственно этому, и общее настроеніе германских рабочих союзов стало менѣе боевым и в настоящее время они стоят значительно правѣе социал-демократической партіи, как это обнаруживается на всѣх конгрессах партіи и союзов за послѣдніе годы. Напротив, французскіе синдикаты, входящіе в состав "Всеобщей конфедераціи труда", стоят по своей готовности в боевым выступленіям лѣвѣе социалистической партіи. Они относятся с полным отрицаніем к парламентской борьбѣ и стремятся поднять революціонное настроеніе рабочаго класса путем непосредственной борьбы рабочих с капиталистами.

Французскій синдикализм представляет собой не только своеобразное направленіе рабочаго движенія, но и своеобразную теорію, которая выросла непосредственно из жизни. В центрѣ этой теоріи мы находим весьма любопытное представленіе о роли парламентаризма в общественной жизни. Марксистскій социализм сводся на практикѣ преимущественно к парламентской борьбѣ за интересы рабочаго класса. По мнѣнію же теоретиков революціоннаго синдикализма, парламентская борьба по своему существу дѣла не может ничего дать рабочему классу. Стремясь, по созданію чисто классо-

вой политической партіи,которая защищала бы его интересы в парламентѣ, пролетаріат обманываетъ себя иллюзіей, будто политическія партіи могутъ имѣть чисто классовой характеръ. Но чисто классовыхъ партій никогда не было и не будетъ, по очень простой причинѣ: классъ— это общность интересовъ,партія же -общность мнѣній. Принадложность къ тому или иному классу опредѣляется всѣми условіями жизни человѣка,а принадложность его къ той или иной партіи - только его мнѣніями.Но люди с разными экономическими интересами могутъ имѣть сходныя мнѣнія по цѣлому ряду вопросовъ: поэтому партія неизбѣжно переливается за предѣлы класса. И это не можетъ не происходить,такъ какъ партія не можетъ не включать в себя всѣхъ лицъ,ей сочувствующихъ,к какому бы классу они не принадлежали.

Итакъ,чисто классовая партія есть внутренняя невозможность. Но этого мало и в другихъ отношеніяхъ политическая партія не пригодна для защиты пролетарскихъ интересовъ. Всякая партія предполагаетъ управляющихъ и управляемыхъ вождей и толпу; парламентское представительство стоитъ слишкомъ далеко отъ массы рабочаго класса, чтобы непосредственно подчинятьсяся его контролю. Парламентская дѣятельность требуетъ такого уровня образованія, которій недоступенъ обыкновенному рабочему. Поэтому управленіе партіей естественно сосредоточивается в рукахъ людей или совсѣмъ не имѣющихъ ничего общаго с пролетаріатомъ и принадложащихъ по своимъ экономическимъ интересамъ к буржуазіи,или же выходцевъ изъ пролетаріата,совершенно порвавшихъ с условіями жизни пролетаріата. Крупный капиталистическій дѣятель всегда стоитъ по своимъ условіямъ жизни далеко отъ пролетаріата,даже,если онъ в молодые годы и принадлежалъ к его составу.

Далѣе,парламентъ по самому своему существу не есть борьба, а сотрудничество классовъ. Какъ бы революціонно не была настроена та или иная парламентская фракція,парламентская машина не можетъ не притушить ея революціонный пылъ. Парламентская дѣятельность слагается изъ мелочей повседневной парламентской работы; работа эта не только не отрицаетъ существующаго общественнаго строя,но,напротивъ,укрѣпляетъ его. Принимая участіе в этой повседневной парламентской работѣ,партія отказывается отъ революціоннаго отношенія к существующему обществу,и никакія революціонныя фразы не могутъ затушевать этого несомнѣннаго факта. Всякая парламентская партія должна стремиться увеличить свое вліяніе в парламентѣ; это ведетъ к тому,что партія вступаетъ в соглашенія для тѣхъ или иныхъ парламентскихъ цѣлей с другими парламентскими партіями- и,значитъ,вмѣсто борьбы с буржуазными партіями,сотрудничаетъ с ними.

Поэтому всякой парламентской партіи присущъ оппортунистическій характеръ,какъ бы она ни стремилась этого избѣгнуть. Вотъ основная причина, почему,несмотря на все стремленіе марксистской соціал-демократической партіи сохранить вѣрность своему революціонному знамени,несмотря на многократныя сужденія реформистскаго соціализма (т.е. такого соціализма,которій расчитываетъ не на революцію,а на соціальныя реформы, в предѣлахъ существующаго буржуазнаго общества),реформистскій соціализмъ не только не уступаетъ своихъ позицій,а фактически безусловно господствуетъ во всѣхъ соціалистическихъ партіяхъ міра. С практической точки зрѣнія нѣтъ никакого различія между революціоннымъ и реформистскимъ соціализмомъ: и Бебель и Бернштейнъ,и Гедъ, и Жоресъ- в равной мѣрѣ реформисты.

Вотъ почему,несмотря на то,что соціалистическія партіи принимаютъ участіе в парламентской дѣятельности уже многіе десятки лѣтъ,трудно указать какіе бы то ни было положительные результаты этой дѣятельности для рабочаго класса. Парламентскій соціализмъ оказался не в силахъ провести ни одной серьезной мѣры в интересахъ пролетаріата,и,такимъ образомъ, невозможность использовать парламентъ для цѣлей рабочаго класса можетъ считаться доказанной на опытѣ.

Но этого мало не только парламентскій соціализмъ безплоденъ,какъ сухая смоковница,но онъ и положительно вреденъ: онъ питаетъ в рабочемъ классѣ совершенно несбыточную иллюзію, какъ будто бы возможно достигнуть цѣлей соціализма, безъ всякихъ усилій и борьбы,просто путемъ парламентскаго вота.Парламентскій соціализмъ привелъ к тому, что массы перестали вѣрить в

революцію и совершенно утратили революціонное настроеніе. Особенно это замѣтно в той странѣ,гдѣ парламентскій соціализмъ получилъ наибольшее развитіе- в Германіи; Германская соціал-демократія совершенно неспособна к революціоннымъ выступленіямъ при какомъ бы то ни было случаѣ. Это очень ярко обнаружилось,когда в "Красномъ королевствѣ", Саксоніи, в которомъ соціалистическая партія всего сильнѣе, былъ проведенъ новый избирательный законъ,лишившій рабочія массы участія в выборахъ в ландтагъ; соціал-демократы подчинились этому нарушенію народныхъ правъ безъ малѣйшей попытки борьбы.

При господствѣ парламентскаго соціализма соціалистическая дѣятельность рядового соціалиста сводится только к тому,что онъ отъ времени до времени подаетъ голосъ за соціалистическаго депутата. Этотъ тайный вотъ ни к чему не обязываетъ и не требуетъ никакого самопожертвованія.Рабочій привыкаетъ к мысли,что борьба за соціалистическій идеалъ лежитъ не на немъ,а на его вождяхъ,и становится равнодушенъ к соціализму.

Ни какая политическая организація,по мнѣнію синдикалистовъ,не пригодна для революціоннаго соціализма. Единственно чисто классовой пролетарской организаціей в современномъ обществѣ являются рабочіе союзы,синдикаты. В противоположность политической партіи,никогда не имѣющей чисто классоваго характера,рабочій союзъ, по самой своей сущности,не можетъ включать ничего, кромѣ рабочихъ. Опасность буржуазнаго перерожденія нисколько не грозитъ рабочему союзу. Рабочій союзъ не оторванъ отъ рабочаго класса,какъ партія,а составляетъ с нимъ одно цѣлое. В рабочемъ союзѣ нѣтъ вождей и толпы,такъ какъ дѣла рабочаго союза непосредственно интересуютъ рядового рабочаго и ему совершенно доступны и понятны; жизнь рабочаго союза протекаетъ в непосредственномъ взаимодѣйствіи с массой рабочаго класса. Наконецъ, что самое главное, рабочій союзъ занятъ не сотрудничествомъ с буржуазіей,а непосредственной борьбой с ней. Поэтому не только рабочій союзъ есть единственная чисто классовая организаціи рабочаго класса,но это и единственная организація, ведущая классовую борьбу с капиталистами.

Итакъ,дѣйствительно классовый соціализмъ не можетъ быть почтиъ инымъ, какъ синдикальнымъ соціализмомъ. В противоположность парламентарному соціализму,онъ долженъ опираться не на партію,а на рабочіе союзы. Соотвѣтственно этому,и методы его борьбы,его тактика должны быть совершенно иными.

Парламентарный соціализмъ расчитываетъ на законодательныя мѣры в интересахъ рабочихъ. Синдикальный соціализмъ не вѣритъ помощь парламента. Поэтому онъ можетъ расчитывать только на самопомощь рабочаго класса;рабочему нечего расчитывать на кого-либо,кромѣ самого себя,-онъ имѣетъ лишь то,что в состояніи захватить или отстоять собственной силой. Отсюда тактика "прямого дѣйствія" action directe),провозглашаемая революціоннымъ синдикализмомъ. Путемъ непосредственной классовой борьбы с капиталистами и рабочіе должны завоевать себѣ лучшія условія существованія. Чѣмъ лучше будетъ ихъ организація,чѣмъ значительнѣе ихъ экономическая и соціальная мощь, тѣмъ большаго рабочіе будутъ в силахъ достигнуть уже в предѣлахъ существующаго строя.

Средства борьбы с капиталистами могутъ быть весьма разнообразными. Не только классическая стачка,которая признается и самыми миролюбивыми трэд-юніонами,но и другіе менѣе распространенные методы борьбы могутъ пускаться в ходъ,напримѣръ бойкотъ (борьба с тѣмъ или иной формой путемъ отказа отъ покупки товаровъ этой фирмы), лэбэлъ (покупка,по возможности, только тѣхъ товаровъ,на которыхъ имѣется клеймо соотвѣтствующаго рабочаго союза,удостовѣряющаго,что при производствѣ этого товара соблюдаются требованія союза), саботажъ (умышленно небрежная работа или даже прямая порча товара той фирмы, с которой ведется борьба).Впрочемъ саботажъ защищаетъ далеко не всѣми сторонниками революціоннаго синдикализма.

Все это- методы борьбы за улучшеніе положенія рабочаго класса в предѣлахъ существующаго строя. Но они имѣютъ лишь подготовительное значеніе

по отношенію к окончательной борьбѣ,имѣющей разрушить капиталистическій строй и создать новый. Эта окончательная борьба возможна лишь в формѣ всеобщей стачки всей массы рабочих,всеобщаго прекращенія производительной дѣятельности рабочих,что должно сдѣлать невозможным существованіе капиталистическаго общества. Эта всеобщая стачка должна сыграть роль соціальнаго катаклизма, который поглотит старый мір и приводит к переходу средств производства в руки рабочих синдикатов.

Но надѣясь ни в каком отношеніи на современное государство,синдикалисты являются его наиболѣе непримиримыми врагами. Но на чем основана сила государства? Прежде всего на арміи. Поэтому одно из характернѣйших особенностей синдикализма является вражда к арміи и милитаризму.

Такова теорія и практика синдикализма. В своей критикѣ марксистскаго соціализма синдикалисты во многих случаях совершенно правы. Так, нельзя не согласиться с их центральным положеніем, что всякая политическая партія,по самой своей природѣ не может быть только классовой организаціей, и что чисто классовый пролетарскій характер имѣет лишь рабочій союз. Но практическія заключенія, которыя синдикалисты дѣлают из этого вполнѣ вѣрнаго положенія,несостоятельны. Доводя до крайних выводов тезис Маркса, что освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣлом его самого, синдикалисты приходят к отрицанію партіи. На самом жо дѣлѣ слѣдовало бы придти к выводу, что тезис Маркса, в своей категорической формѣ несостоятелен,- что, кромѣ классовых интересов пролетаріата, соціализм не может не опираться и на интересы другого порядка.В своем отрицаніи партіи и исключительном признаніи рабочаго союза синдикалисты оказываются наиболѣе послѣдовательными марксистами; но эта послѣдовательность есть не что иное,как reducto ad absurdum означеннаго тезиса марксизма.

Совершенно ясно,что рабочій союз внѣ партіи не может с успѣхом бороться за соціалистическую идею: рабочій союз охватывает рабочих лишь опредѣленной профессіи и ведет борьбу за/ближайшіе и очень узкіе интересы рабочих этой профессіи. Поэтому рабочіе союзы,выдвигая на первый план ближайшія нужды отдѣльных рабочих групп в ущерб болѣе отдаленным цѣлям всего рабочаго класса,не могут не вносить извѣстнаго разъединенія в рабочій класс. Только партія объединяет широкія массы рабочих и ведет борьбу за конечныя цѣли соціализма. И если французскіе синдикаты,обѣдиненные во " Всеобщей конфедераціи труда", оказались лѣвѣе партіи, то это объясняется лишь незрѣлостью всего рабочаго движенія Франціи. Профессіональное движеніе во Франціи развито гораздо слабѣе, чѣм в Англіи и Германіи,а революціонные синдикаты составляют лишь меньшинство французских рабочих синдикатов. Революціонность их объясняется тѣм,что они мало функціонируют в качествѣ синдикатов; они почти не практикуют операцій взаимопомощи,располагают лишь совершенно ничтожными денежными средствами,и, вообще, по своему типу приближаются к так называемым новым трэд-юніонам Англіи, которые оказались весьма неустойчивыми организаціями. Не выполняя существенных функцій, с которыми связаны жизненные интересы рабочих,и не имѣя, что терять, они легко склоняются к боевым выступленіям. Но, будучи очень слабы на экономической почвѣ, они рѣдко достигают успѣха в своих выступленіях и легко распадаются при неуспѣхѣ. Совсѣм другое положеніе превосходно организованных и богатых денежными средствами трэд-юніонов стараго типа,продолжающих играть руководящую роль в профессіональном движеніи Англіи. Эти трэд-юніоны не легко рѣшаются на боевыя выступленія, грозящія в случаѣ неудачи опустошеніем кассы союза,на которѣ лежат чрезвычайно серьезныя обязательства по отношенію к операціям взаимопомощи среди членов союза. С другой стороны,располагая капиталами в десятки и сотни тысяч ф.с., такой трэд-юніон представляет собой грозную экономическую силу в борьбѣ с предпринимателем, может вполнѣ реально защищать интересы своих членов. К этому же типу направляется развитіе и германских рабочих союзов и,без сомнѣнія,направится развитіе и французских союзов,когда эти союзы достигнут большой силы.

Тактика французскаго синдикализма сводится к так называемому "прямому дѣйствію"- непосредственному захвату пролетаріатом нужных ему прав в борьбѣ с капиталистами, оставляя в сторонѣ воздѣйствіе на законодательство. Но эта борьба может имѣть успѣх лишь при извѣстном положеніи рынка. При массовой безработицѣ рабочіе не могут путем стачки серьезно угрожать предпринимателям. Что же касается других пріемов борьбы, то бойкот и лобель рѣдко могут имѣть существенное значеніе,а саботаж есть слишком опасное орудіе борьбы с точки зрѣнія интересов самих рабочих и отвергается многими из представителей синдикализма. Саботаж не только убыточен для предпринимателя, но в корнѣ разрушает самую возможность производства и приводит к уничтоженію предпріятія, что отнюдь не в интересах рабочих.

Поэтому презрѣніе синдикалистов к законодательным мѣрам по охранѣ интересов труда всего менѣе обосновано. Как ни мало сдѣлано в этой области современным государством,- и это немного чрезвычайно цѣнно для рабочаго класса. Если бы рабочій был предоставлен своим собственным силам в борьбѣ с предпринимателями, то его положеніе в настоящее время было бы несравненно хуже, чѣм оно есть в дѣйствительности. Государственная охрана интересов рабочаго представляет собой настолько существенное дополненіе к его самоохранѣ, что отказываться от помощи государства,значит совершенно не понимать дѣйствительнаго положенія дѣл.

Наконец,всеобщая стачка,проповѣдуемая синдикалистами,отнюдь не может быть выдвигаема в противовѣс политической борьбѣ рабочаго класса. Всеобщая стачка могла бы имѣть успѣх лишь при наличности цѣлаго ряда условій и,прежде всего, при наличности политической организаціи рабочих.

В общем, теорія синдикализма представляет собой любопытное соединеніе идей марксизма и анархизма. От марксистов синдикалисты заимствовали свою классовую точку зрѣнія; доведя ее до крайняго развитія, они тѣм самым вскрыли и ея недостаточность. От анархистов синдикалисты заимствовали свое презрѣніе к парламентаризму и свою непримиримую вражду к государству; их антимилитаризм и антипатріотизм точно также внушены духом анархизма.

По своим конечным цѣлям, которыя сводятся, по представленію теоретиков синдикализма,к передачѣ в распоряженіе рабочих синдикатов средств производства, синдикализм воскрешает сузнитский трэд-юніонизм 30-х годов. Эта форма соціализма, которую можно назвать корпоративным соціализмом является самым несовершенным видом соціализма. Корпоративний соціализм имѣет в виду раздѣлить общество на отдѣльныя рабочія группы, между которыми должна начаться такая же борьба,какая теперь идет между отдѣльными капиталистическими предпріятіями; только переход средств производства в руки всего общества,как цѣлаго (а не отдѣльных частей его), может установить гармонію интересов всѣх общественных групп,к чему стремится соціализм. Таким образом, идеал синдикализма не есть старинный соціалистическій идеал,а тактика синдикализма, заключая в себѣ извѣстныя сильныя стороны,как противовѣс чрезмѣрному увлеченію политикой, в цѣлом грѣшить непониманіем необходимости для рабочаго класса политической и, в частности, парламентской борьбы.

ГЛАВА У.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОХРАНѢ ТРУДА.

I. Фабричное законодательство. Рабочіе союзы являются средством охраны интересов рабочаго класса. Той же цѣли служит законодательство по охранѣ труда, среди котораго наибольшую роль играет так. назыв. фабричное законодательство. Родиной фабричнаго законодательства является Англія.

Затрудняясь находить рабочих, первые англійскіе и шотландскіе фабриканты широко пользовались трудом приходских учеников- дѣтей, бывших на

попеченіи учрежденій для призрѣнія бѣдных. Учрежденія эти предоставляли фабрикантам во самое ничтожное вознагражденіе право пользованія трудом приходских учеников, и фабриканты доволи до крайней степени эксплоатацік дѣтскаго труда. Законом 1802 г. ночной труд этой категоріи малолѣтних рабочих на бумагопрядильных и шерстопрядильных фабриках был запрещен, а дневной ограничен 12-ю часами в сутки. В 1819 г. дѣйствіе закона 1802 г. было распространено на всѣх несовершеннолѣтних в бумагопрядильной промышленности, причем был впервые определен возраст, с котораго дѣти могут работать на фабриках- с 9 лѣт. Но эти законы фактически почти не соблюдались по отсутствію надзора за их исполненіем, который был создан только в 1833г. учрежденіем фабричной инспекціи. Закон этого рода раздѣлил на двѣ возрастныя группы охраняемых рабочих- малолѣтних (9-13лѣт) и подростков (13-18 лѣт), причем продолжительность рабочаго дня малолѣтних была ограничена 8 часами, а подростков-12 часами в сутки. Ночная работа тѣм и другим была запрещена. Дѣйствію этого закона подчинялись всѣ прядильныя и ткацкія фабрики.

Первые фабричные законы были изданы помимо участія рабочаго класса. Только с конца 20-х годов прошлаго вѣка среди рабочаго класса Англіи начинается движеніе, ставящее себѣ цѣлью дальнѣйшее развитіе фабричнаго законодательства, причем выдвигается требованіе 10-ти часового рабочаго дня для женщин и подростков. Движеніе это увѣнчалось успѣхом, благодаря тому, что требованія рабочих были поддержаны земловладѣльческим классом, заинтересованным экономически в условіях фабричнаго труда и желавших отомстить фабрикантам за отмѣну в 1846 г. хлѣбных законов (пошлин на ввозный хлѣб). Благодаря этой поддержкѣ, в 1847 г. в парламентѣ прошел биль, ограничившій 10-ю часами в сутки работу подростков и женщин на текстильных фабриках.

Закон 1847 г. вызвал пониженіе рабочаго дня до 10 час. в сутки не только подростков и женщин, но и взрослых мужчин в тѣх случаях, когда на фабрикѣ работали, наряду с мужчинами, женщины и дѣти, так как фабриканту было невыгодно исполнять работу только при помощи взрослых мужчин.

Большинство экономистов того времени полагало, что сокращеніе рабочаго дня на текстильных фабриках с 12 часов (как это было до 1847 года) до 10 должно было нанести тяжелый удар интересам фабрикантов; нѣкоторые экономисты- напр., Сеніор- утверждали даже, что при таком сокращеніи, рабочаго времени станет невозможно продолженіе фабричнаго производства, в виду полнаго исчезновенія прибыли фабриканта. Однако, именно десятилѣтія, слѣдующія за законом 1847 г., отмѣчены чрезвычайным подъемом англійской промышленности; процент прибыли не только не понизился, но, по общему мнѣнію, в 50-е и 60-е годы стоял в Англіи выше, чѣм в 30-е и 40-е годы.

Сокращеніе рабочаго дня не оказало неблагопріятнаго вліянія на прибыль фабриканта, благодаря возрастанію производительности и напряженности труда рабочих. Техника производства сдѣлала большіе успѣхи, были поставлены новыя, болѣе совершенныя машины, и, в результатѣ, в болѣе короткій рабочій день, рабочій стал вырабатывать не меньше, а больше продукта.

Для рабочих выгоды сокращенія рабочаго дня были громадны. Уже само по себѣ сокращеніе времени работы равносильно увеличенію досуга рабочаго, и, значит, и увеличенію для него возможности участвовать в культурной жизни современнаго человѣчества, подняться на болѣе высокій интеллектуальный уровень. Но, кромѣ этого, сокращеніе рабочаго дня имѣет весьма важное косвенное вліяніе на заработную плату. Увеличеніе производительности труда является фактором, благопріятствующим повышенію заработной платы. Если же производительность труда не повышается пропорціонально сокращенію времени работы, то для исполненія данной работы требуется большее количество рабочих; спрос на рабочія руки, слѣдовательно, возрастает, сокращается резервная безработная армія капитализма, наличность которой чрезвычайно затрудняет борьбу рабочаго класса за повышеніе заработной платы. В результатѣ сокращеніе рабочаго дня вызвало всесторонній подъем рабочаго класса.

Дальнѣйшая исторія англійскаго законодательства выражалась, главным образом, в распространеніи его на все новыя отрасли труда. В 1867 г. оно было распространено на мелкое производство и в настоящее время охватывает не только фабричное производство, но и ремесленное производства также с извѣстными ограниченіями, и домашнюю систему крупной промышленности. Но до послѣдняго времени англійское законодательство отмыкало на своей первоначальной точкѣ зрѣнія, что закон должен регулировать рабочій день только малолѣтних, подростков и женщин, а отнюдь не взрослых мужчин. Малолѣтними дѣйствующее англійское законодательство признает дѣтей в возрастѣ 12-14 лѣт; подростками несовершеннолѣтних в возрастѣ от 14-18 лѣт. Работа дѣтей до 12 лѣт воспрещается, работа малолѣтних ограничивается, по общему правилу, 6½ часами в сутки, работа подростков на текстильных фабриках и нѣкоторых других- 56 часами в недѣлю, на прочих- 60 часами в недѣлю. Ночная работа, равно как и работа в воскресенье и особо указанные праздничные дни) воспрещается, по общему правилу для всѣх категорій охраняемых рабочих. Труд женщин приравнивается, по общему правилу, к труду подростков.

Для горнорабочих дѣйствуют особыя правила. Женщины не могут работать под землей (в угольных копях и мальчики до 13-лѣтняго возраста) На поверхности земли запрещается работа дѣтей до 12-лѣтняго возраста. Закон регулирует в различных горных производствах различно продолжительность труда малолѣтних, подростков и женщин (не свыше 54 часов в недѣлю). В 1908 г. законом установлена максимальная продолжительность рабочаго дня в 8½ часов (включая время на спускание и поднятіе) для взрослых рабочих в шахтах и рудниках. Таким образом англійское законодательство отступило от своего стараго принципа- не регулировать продолжительности дня взрослых мужчин,-почему этот закон пріобрѣтает особо важное принципіальное значеніе.

Помимо продолжительности рабочаго дня, англійское законодательство по охранѣ труда регулирует и много других условій наемнаго труда-санитарныя и гигіеническія условія рабочих помѣщеній, мѣры для продупрежденія несчастных случаев и пр. Еще в 1881 г. была запрещена выдача заработной платы не деньгами, а товарами (так. назыв. truck-system).

В Германіи воспрещается фабричная работа дѣтей до 13-ти лѣтняго возраста, работа малолѣтних (13-14 лѣт) ограничена 6 часами в сутки, работа женщин и подростков (14-16 лѣт)-10 часами в сутки. Ночная, воскресная и праздничная работа всѣх категорій охраняемых рабочих запрещена. Во Франціи начало защитнаго возраста -13 или 12 (для кончивших школу). Работа малолѣтних и подростков (до 18 лѣт) ограничена 10 часами в сутки, также ограничена работа женщин. Ночная, воскресная и праздничная работа всѣх этих категорій рабочих воспрещена. Что касается работы взрослых мужчин, то она также регулируется во Франціи законом. В тѣх случаях, когда мужчины работают вмѣстѣ с несовершеннолѣтними и женщинами продолжительность их рабочаго дня ограничена 10 часами в сутки; если же совмѣстной работы с женщинами и несовершеннолѣтними нѣт, то работа взрослых мужчин ограничивается 12-ю часами (в каменноугольных копях 8-ю часами). Кромѣ Франціи рабочій день взрослых мужчин регулируется в европейских странах: в Швейцаріи (11 ч. в сутки, 10 час. в субботу и канун праздн.), в Австріи (11 час. в сутки, 10 час. в горн. пром. и 9 час. в каменноугольн. копях) и в Россіи.

Дальше всего проведена законодательная охрана труда в австралійских колоніях. В большинствѣ колоній уже давно установлен 8-ми часовой рабочій день для женщин и подростков. Труд взрослых и мужчин в большинствѣ колоній не ограничивается законом, но фактически и для них господствует 8-ми часовой рабочій день. В Новой Зеландіи труд взрослых мужчин ограничен 48-ю часами в недѣлю, а труд женщин и подростков- 45 часами.

Одной из важнѣйших цѣлей современнаго рабочаго движенія в Европѣ является достиженіе 8-ми часового рабочаго дня. Противники 8-ми часового рабочаго дня выдвигают против этой мѣры тѣ же соображенія, которыя выдвигались при всяком сокращеніи рабочаго времени- опасность уменьшенія количества продукта, вырабатываемаго рабочим, что может неблагопріятно

повліять на общее положеніе промышленности. Однако, многочисленные опыты примѣненія 8-ми часового рабочаго дня не оправдывают на практикѣ этих опасеній; кромѣ того, не нужно забывать,что именно в періоды пониженія прибыли и вводятся техническія усовершенствованія. Пониженіе процента прибыли представляет собой самый могущественный стимул промышленнаго прогресса,так как пока процент прибыли высок, предпринима" тель не думает о нововведеніях. Исторія англійской промышленности показывает,что всѣ существенныя техническія улучшенія вводились в періоды пониженія прибыли. Поэтому введеніе 8-ми часового рабочаго дня, если и понизит процент прибыли,то такое пониженіе,само по себѣ,должно явиться стимулом промышленнаго прогресса,и рост производительности труда может вполнѣ возмѣстить сокращеніе времени работы.

В концѣ XX вѣка уже около полмилліона англійских рабочих работало не болѣе 8-ми часов. В Австраліи 8-ми часовой рабочій день достигнут уже болѣе полустолѣтія тому назад. Результаты короткаго рабочаго дня в Австраліи оказались вполнѣ благопріятными,-австралійскій рабочій класс стоит по своему умственному уровню во главѣ рабочаго класса всего міра. И нѣт никаких оснований думать, что для остальнаго капиталистическаго міра 8-ми часовой рабочій день не оказался таким благодѣяніем с точки зрѣнія интересов рабочаго класса, каким он оказался для Австраліи. Вообще,сокращеніе рабочаго дня требуется далеко не одними хозяйственными интересами. Необходимо дать возможность рабочему пользоваться благами современной цивилизаціи,не быть только рабочим животным,- а для этого его жизнь не должна заполняться только трудом для заработка. Но,конечно, не всѣ страны одинаково доросли до значительнаго сокращенія рабочаго времени, которое может осуществиться,без ущерба для національной промышленности,только постепенно.

Законодательная охрана труда рабочих в высшей степени важна, но было бы большой ошибкой думать,что законодательная охрана рабочих может замѣнить их самоохрану. Только опираясь на организаціи самих рабочих, закон может быть дѣйствителен и не превращаться в мертвую букву. Поэтому развитіе фабричнаго законодательства предполагает,как свое естественное основаніе и дополненіе,развитіе рабочих союзов.

II. Страхованіе рабочих. Фабричное законодательство регулирует условія труда в промышленных заведеніях, но не регулирует непосредственно заработка рабочаго. Между тѣм заработок наемнаго рабочаго при существующих условіях хозяйства не только недостаточен,но и подвержен всевозможным случайностям. Всякая потеря работоспособности рабочаго лишает его заработка и обрекает его, при отсутствіи у него сбереженій на нужду. Продолжительность рабочаго дня обычно регулируется в настоящее время,в большей или меньшей степени законом. Напротив, высота заработной платы обычно предоставляется свободному соглашенію рабочих с предпринимателями. И только для ослабленія гибельнаго вліянія на заработок рабочаго разнаго рода случайностей в нѣкоторых государствах принимаются опредѣленныя законодательныя мѣры.

Эти цѣли преслѣдуют различныя системы принужительнаго страхованія рабочих, классической страной котораго являются Германія.

Соціальное законодательство Германіи явилось, как результат борьбы германскаго правительства с соціал-демократіей. Бисмарк понимал,что одних мѣр репрессіи недостаточно и что что-либо положительное нужно дать рабочему классу. Таким положительным дѣлом в области соціальнаго законодательства и явилось в руках Бисмарка принудительное страхованіе рабочих,идея котораго была внушена Бисмарку Шеффле.

В Германіи существует три вида принудительнаго страхованія рабочих: в 1883 г. было введено страхованіе от болѣзней, в 1884 году- от несчастных случаев и в 1889 г.- от инвалидности и старости. Страхованіе от болѣзней организовано слѣдующим образом. Рабочим предоставляется свобода выбора учрежденія, в котором они желают себѣ застраховать. К таким учрежденіям относятся различнаго рода больничныя кассы, нѣкоторыя из которых организованы на публично-правовых основах,а другія пред-

ставляют собой свободныя организаціи самих рабочих. Закон предоставляет рабочим дѣлать выбор любой из этих касс, но оказывают извѣстное предпочтеніе кассам перваго рода,в которых 1/3 взносов падает на предпринимателей,и лишь остальныя 2/3 рабочих,между тѣм как в вольных кассах рабочій должен за свой счет дѣлать весь страховой взнос. Поэтому в вольных кассах принимает участіе лишь меньшинство рабочих.

Обязанности касс по отношенію к застрахованным в них рабочим выражаются в даровой медицинской помощи и даровой же выдачѣ лекарств, а также в денежном пособіи больному рабочему в теченіе извѣстнаго времени до 75- 50% его заработка.

Страхованіе от несчастных случаев при работѣ в том или ином предпріятіи тѣм существенно отличается от предыдущаго вида страхованія,что в этом случаѣ рабочему не предоставлено выбора учрежденія,гдѣ он мог бы себя застраховать. Вся сумма страхового взноса падает в этом случаѣ на предпринимателей.

Страхованіе этого рода стремится вознаградить рабочаго за утрату им работоспособности,вызываемую несчастными случаями при работѣ по найму в том или ином предпріятіи. Естественно,что отвѣтственность за эти несчастные случаи должен носить не рабочій,а предприниматель,в пользу котораго совершается работа. До извѣстной степени,тѣ же цѣли могут достигаться,вмѣсто государственнаго страхованія рабочих,признаніем принципа отвѣтственности предпринимателей перед рабочими,принципа,принятаго многими государствами,и с 1898 г. и Англіей. Принцип этот заключается в том,что отвѣтственность за послѣдствія от несчастных случаев с рабочими в данном предпріятіи признается падающей на предпринимателей на которых и ложится onus probandi - обязанность доказать,что несчастный случай произошел по винѣ рабочаго,в каковом только случаѣ предприниматель освобождается от своей отвѣтственности. Если же предприниматель этого не докажет,то он обязан вознаградить рабочаго за утрату послѣдним работоспособности. Этот принцип даст извѣстное обезпеченіе рабочему,но значительно менѣе полное,чѣм при государственном страхованіи, ибо, как бы ни были строги законы об отвѣтственности предпринимателей, они дѣйствительны лишь постольку,поскольку предприниматель платежеспособен. Банкротство предпринимателя лишает рабочаго возможности получить вознагражденіе,на которое он имѣет право,между тѣм,как при государственном страхованіи вопрос о состоятельности или несостоятельности предпринимателя теряет всякое значеніе.

Согласно германскому закону, рабочій получает при утратѣ от несчастнаго случая работоспособности до 60% своего прежняго заработка. Рабочій лишается права на вознагражденіе только в том случаѣ, если будет доказано,что несчастный случай произошел по его винѣ.

Третій вид германскаго принудительнаго страхованія- страхованіе от инвалидности (неспособности к труду) и старости. В этом случаѣ рабочіе получают опредѣленную пенсію,если они утратили работоспособность внѣ связи с работой в том или ином предпріятіи. При страхованіи на случай старости рабочій получает пенсію при достиженіи 70 лѣт.Пенсія эта колеблется в размѣрѣ от 110-230 марок в год. Расходы по этому страхованію падают в равной мѣрѣ на рабочих и предпринимателей. Кромѣ того государство прибавляет от себя по 50 марок на каждую пенсію,что составляет в среднем почти столько же,как взнос рабочих или предпринимателей-страховые взносы почти поровну распредѣляются между государством,рабочими и предпринимателями.

До войны в Германіи вырабатывался новый закон о принудительном страхованіи,причем предполагалось ввести страхованіе на случай смерти-пенсіи для вдов и сирот.

Германскія учрежденія принудительнаго страхованія понимают свою задачу очень широко- не только как помощь при утратѣ трудоспособности рабочаго,но и как борьбу со всѣм тѣм,что вызывает потерю рабочим трудоспособности. С этой цѣлью располагая огромными денежными средствами (резервы их превышают 1 милліард марок)они широко поддерживают разныя пред-

пріятія, способствующія оздоровленію рабочаго населенія, как, напр., устройство водопроводов, дренированіе почвы, устройство гигіеническихъ квартир, санаторій, больниц и т.п. С чисто экономической точки зрѣнія выгоднѣе поддерживать здоровье населенія, чѣм лѣчить людей тогда, когда они уже заболѣли. Германскія страховыя учрежденія твердо усвоили эту истину. Они организовали, напр. в широкихъ размѣрах борьбу с нахоткой, затратив на это многіе десятки милліонов марок; еще большія суммы они тратят на устройство жилищ для рабочих, санаторій, пріютов и т.п.

В Англіи страхованіе рабочих от случайностей их заработка выполняется трэд-юніонами. Однако, операціи трэд-юніонов далеко не могут замѣнить принудительнаго страхованія, организуемаго государством, хотя бы уже потому, что только небольшая часть рабочаго класса входит в состав трэд-юніонов. Кромѣ того с точки зрѣнія страховой техники, только широкая постановка дѣла может поставить его на правильную почву.

С I января 1909 г. в Англіи вступил в дѣйствіе закон, имѣющій огромное принципіальное значеніе- закон о пенсіях для престарѣлых. Согласно этому закону, каждый англійскій подданный, по достиженіи 70-ти лѣтняго возраста, получает право на пенсію в размѣрѣ 5 шил. в недѣлю, если только его еженедѣльный доход не превышает 10 шил. в недѣлю. Полученіе этой пенсіи не требует каких бы то ни было предварительных взносов со стороны пенсіонера: это - не страхованіе от старости, как в Германіи, а признаніе государством своей обязанности оказывать поддержку своим сочленам, неспособным по своему возрасту к самостоятельному заработыванію средств к жизни. Ограничительныя условія для полученія пенсіи, имѣющіяся в законѣ (как напр., неполученіе пенсіонером пособій в качествѣ паупера), направлены к тому, чтобы пенсію получали только достойныя лица, т.е. добросовѣстные работники.

Закон этот знаменуст собой совершенно новый принцип в сотрояннном хозяйственном строѣ: государство признает (хотя и частично), что всякій гражданин имѣет право требовать от государства обезпеченія ему существованія, если он не по своей винѣ, не может сам зарабатывать свои средства к жизни. Государство разрывает с прежними правовыми воззрѣніями, провозглашавшими, что каждый сам отвѣчает за себя, и признает новый правовой принцип- право каждаго гражданина на существованіе и вытекающую отсюда обязанность государства обезпечить своим подданным осуществленіе этого права.

Англійский закон о пенсіях для престарѣлых возник по образцу, гораздо дальше идущаго австралійскаго соціальнаго законодательства С I января 1909 г. для всѣх государств австралійскаго союза дѣйствуют слѣдующія нормы. Право на полученіе пенсіи для престарѣлых начинается с достиженія мужчинами 65-лѣтняго возраста, а женщинами -60-лѣтняго возраста. Но в случаѣ неспособности к труду и мужчины и женщины с 60-ти лѣтняго возраста начинают получать старческую пенсію. Размѣр старческой пенсіи опредѣляется в 10 шил. в недѣлю. Никаких предварительных взносов со стороны пенсіонера не требуется. Лица, имѣющія имущества не менѣе как на 300 ф.с. не могут получать пенсію.

С 1912 г. в Англіи введено государственное страхованіе от болѣзней, причем этому страхованію обязательно подпадают всѣ работающіе по найму, получающіе менѣе 160 ф. с. в год. Взносы по этому страхованію падают на рабочих (3-4 пенса) в недѣлю), хозяев (3 пенса) и казну (2п.).

Страхованіе на случай безработицы представляет особую трудность в том, что безработица может быть добровольная- в случаѣ нежеланія работать. Страхованіем от безработицы в настоящее время занимаются рабочіе союзы, оказывающіе помощь своим безработным членам. Но средства рабочих союзов очень ограничены и в случаѣ массовой и продолдительной безработицы рабочій союз оказывается нерѣдко не в силах справиться с ложащейся на него задачей- поддерживать своих безработных членов при помощи взносов рабочих, имѣющих работу, так как рабочих послѣдней категоріи остается очень мало. Главное же дѣло в том, что рабочіе союзы охватывают даже в тѣх странах, в которых они достигли наибольшаго развитія, только незначительное меньшинство рабочаго класса-представителей

искуснаго труда, а от безработицы страдает в очень сильной степени вся масса рабочаго класса.

Отсюда слѣдует, что раціональная организація страхованія от безработицы невозможна без вмѣшательства общественной власти. В девяностых годах прошлаго вѣка в нѣкоторых швейцарских кантонах дѣлаются попытки организовать на публично-правовых основах страхованіе от безработицы. В С.-Галленѣ организуется даже принудительное страхованіе от безработицы; но этот опыт оказался совершенно неудачным, и через нѣсколько лѣт городская касса обязательнаго страхованія на случай безработицы была закрыта.

В 1901 г. городской совѣт Гента (Бельгія) организовал дѣло общественной помощи страхованію от безработицы на новых началах. А именно, городской совѣт признал, что общественная власть не имѣет никакой возможности непосредственно руководить распредѣленіем пособій безработным, такв как общественная власть не может отличить дѣйствительно безработных от лиц, уклоняющихся от работы. И поэтому город учредил фонд из котораго должны получать опредѣленныя пособія рабочіе союзы, оказывающіе из своих средств поддержку безработным, а также и неорганизованные рабочіе, поскольку они дѣлают сбереженія для поддержанія себя в случаѣ безработицы. Впослѣдствіи было предоставлено право пользоваться пособіями из городского фонда также и всѣм другим организаціям, помогающим безработным.

Таким образом основной принцип гентской системы помощи безработным заключается в передачѣ дѣла помощи безработным в руки самих рабочих, при денежной поддержкѣ соотвѣтствующих учрежденій со стороны общественной власти. Гентская система страхованія от безработицы оказалась настолько практичной и удобной, что явилась предметом многочисленных подражаній. В 1904 году во Франціи был издан закон о ежегодном ассигнованіи 100 тыс. фр., как субсидіи на помощь безработным. Право на полученіе субсидіи из этого фонда имѣют, на извѣстных условіях, всѣ профессіональныя кассы, практикующія помощь безработным. В 1906 г. и Норвегія приступила к государственной помощи страхованію от безработицы. По закону этого года всѣ существующія в Норвегіи кассы помощи безработным получают, при соблюденіи извѣстных требованій, пособія из средств государственнаго казначейства в размѣрѣ ¼ части расходов, произведенных ими на помощь безработным, 2/3 этих пособій государство раскладывает на извѣстных основаніях между мѣстными общинами. Наконец, в Даніи, согласно закону 1907 г., государство оказывает поддержку соціальным кассам для помощи безработным в размѣрѣ 1/3 страховых взносов; кромѣ того органам мѣстнаго самоуправленія разрѣшается принимать на себя еще 1/6 взносов.

Особенно интересна совершенно новая постановка страхованія от безработицы в Англіи, которая вообще идет впереди других стран не смѣлости своего соціальнаго законодательства. Государственному страхованію от безработицы подлежат в Англіи с 1912 г. рабочіе особо поименованных отраслей промышленности, на которых особенно сильно отражается колебаніе промышленной конъюнктуры и которыя особенно страдают от періодическаго наступленія безработицы. Взносы по этому роду національнаго страхованія падают на рабочих (2½ пенса в недѣлю), хозяев (2½ пенса) и государство (1 2/3) пенса).

III. Государственное регулированіе заработной платы. Современное государство регулирует многія условія рабочаго договора, но высота заработной платы, как общее правило, предоставляется свободному соглашенію предпринимателя и рабочих. Однако, дѣло было не всегда так. Регулированіе заработной платы общественной властью в прежнее время было правилом. В средніе вѣка- особенно в XIУ и XУ вѣках- заработная плата обычно регулировалась городскими властями. Но при этом имѣлись в виду интересы не рабочаго, а потребителя, заказчика, пользующагося трудом рабочаго, и назначался не минимум, а максимум заработной платы.

Классической страной государственнаго регулированія заработной платы была в прежнее время Англія. Свое окончательное завершеніе система эта получила в Англіи в знаменитом законѣ Елизаветы, предоставившем назначеніе заработной платы мировым судьям, назначавшим, спять-таки, не минимум, а максимум заработной платы, за нарушеніе котораго полагалось опредѣленное наказаніе. Законъ этот соблюдался в XVI и XVII вѣках, в XVIII вѣкѣ стал постепенно выходить из употребленія, но был окончательно отмѣнен только в 1814 г.

Однако, в концѣ XIX вѣка возникает новый вид регулированія заработной платы- уже в интересах не потребителей и работодателей, но рабочих. Назначается не максимум, а минимум заработной платы. Этот вид регулированія заработной платы возник на наших глазах в Австраліи. Австралійскія колоніи выработали два различных типа государственнаго регулированія заработной платы- тип Новой Зеландіи и Виктоpіи. В Новой Зеландіи еще с 1894 г. заработная плата регулируется третейскими судами, в составъ которых входят представители государства, рабочих и хозяев. В случаѣ возникновенія спора между хозяевами и рабочими, по требованію одной из спорящих сторон, заработная плата назначается третейским судом и являются обязательной как для хозяев, так и для рабочих. Напротив, в Виктоpіи с 1896 г. , заработная плата в особо указанных в законѣ отраслях труда непосредственно назначается правительственными комиссіями, устанавливающими минимум заработной платы, обязательной для предпринимателей.

Результаты австралійскаго законодательства по регулированію заработной платы могут быть, в общем, признаны благопріятными. Несмотря на практическую трудность такого новаго дѣла, оно выполняется до сих пор настолько успѣшно, что общественное мнѣніе в этих колоніях относится сочувственно к дальнѣйшему развитію принципа государственнаго регулированія заработной платы.

За послѣдніе годы на тот же путь- государственнаго регулированія заработной платы- вступила и Англія. В 1909 г. был издан законъ, признавшій принцип установленія минимума заработной платы в нѣкоторых отраслях домашней промышленности, а в 1912 г. послѣ продолжительной всеобщей стачки углекопов, законъ о минимальной платѣ для углекопов. Этот великій законъ, изъемлющій установленіе заработной платы из сферы борьбы предпринимателей и рабочих, и передавшій установленіе заработной платы в столь важной отрасли труда, как добыча угля, общественной власти, знаменует собой новую эпоху в жизни человѣчества и далеко оставляет за собой по своему историческому значенію знаменитый билль 1847 г. о 10-ти часовом рабочем днѣ, в котором Маркс в свое время видѣл побѣду новаго принципа. Согласно этому закону, минимальная заработная плата углекопов устанавливается особыми комиссіями, состоящими из представителей хозяев и рабочих в равном числѣ, выбирающих безпартійнаго председателя; если же соглашеніе обѣих партій относительно председателя не состоится, то председатель назначается министерством торговли.

ГЛАВА VI.

РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНІЕ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ПО ОХРАНѢ ТРУДА В РОССІИ.

Рабочее движеніе в Россіи возникает одновременно с возникновеніем фабрики. Волненія посессіональных рабочих заполняют собой как XVIII в., так и первую половину XIX вѣка. Волненія эти отличались чрезвычайным упорством, - рабочіе не соглашались признавать себя несвободными и настойчиво домогались свободы, несмотря на самыя строгія мѣры репрессіи, которыя принимались по отношенію к ним.

Именно эти волненія, богатыя самыми драматическими эпизодами и были одной из причин разложенія посессіонной фабрики и освобожденія посессіонных фабричных рабочих. Эти-то посессіонные, а также и крѣпостные

фабричные рабочіе, и явились зерном нашего фабричнаго безземельнаго пролетаріата. Хотя численность посессіональных и крѣпостных рабочих на фабриках не была велика (не болѣе 130 тысяч), но, так как посессіонныя и вотчинныя фабрики были собраны преимущественно в наиболѣе промышленных губерніях, то вліяніе этого первоначальнаго контингента наших фабричных рабочих было очень замѣтно на дальнѣйшем ходѣ развитія нашей фабричной промышленности.

По мѣрѣ развитія фабричной промышленности, росла и численность нашего фабричнаго пролетаріата. Однако, нашъ фабричный рабочій до сих пор не представляет собой такого обособленнаго общественнаго класса, как фабричный пролетаріат запада. Огромное большинство наших фабричных рабочих еще не порвало окончательно связи с землей.

Шульце-Геверниц дал слѣдующую схему постепеннаго ослабленія связи фабричнаго рабочаго с деревней. На первой ступени рабочіе-крестьяне скрестных деревень, которые приносят на фабрику свою пищу, на фабрикѣ не ночуют, а возвращаются к себѣ в деревню. Это еще в полном смыслѣ слова мужики, для которых фабрика является подсобным занятіем, всѣ интересы которых сосредоточены в деревнѣ. На лѣто такіе рабочіе покидают фабрику для полевых работ и в теченіе всего года они находятся в тѣсном соприкосновеніи со своим домашним хозяйством в деревнѣ. Вторая ступень характеризуется тѣм, что рабочій уже ночует на фабрикѣ и столуется в артельных фабричных столовых. На этой ступени связь рабочаго с деревней не порывается окончательно, а лишь ослабляется; такіе рабочіе лѣтом покидают фабрику, но это уже не рабочіе скрестных деревень, - домашнее хозяйство их далеко, и они не могут находиться в постоянной связи с своей деревней. Третья ступень- рабочій не только сам живет на фабрикѣ, но уже на фабрикѣ и его жена, он старается жить в особой камеркѣ и столоваться отдѣльно от артели. Но с деревней связь еще не порвана окончательно, - в деревню отсылаются дѣти, в деревнѣ еще есть общее хозяйство с другими членами семьи. Наконец, послѣдняя ступень, когда связь с деревней окончательно порвана: вся семья рабочаго живет с ним вособой квартирѣ при фабрикѣ, рабочій превращается в совершенна пролетарія.

Главная масса русских фабричных рабочих находится на второй ступени, когда связь с землей уже очень ослабѣла, но далеко не исчезла окончательно. На полевыя работы уходят лишь немногіе, но большинство имѣет в деревнѣ экономическіе интересы, - в деревню посылаются деньги, в деревнѣ живет большая или меньшая часть семьи, в деревню возвращаются в случаѣ безработицы.

Таким образом огромное большинство рабочих так или иначе связано с деревней. С теченіем времени эта связь неизбѣжно должна порваться, и наш фабричный рабочій превратится в такого же пролетаріата, как и его собрат на Западѣ.

Заработная плата нашего фабричнаго рабочаго в первыя десятилѣтія послѣ освобожденія крестьян понизилась под вліяніем упадка крестьянскаго хозяйства и наплыва дешеваго труда из деревни в город.

Понизилась, разумѣется только реальная плата, денежная же значительно возросла. Так, напр., в Шуйском уѣздѣ за время 1856-83 г. г. средняя денежная заработная плата повысилась на 50%, но так как цѣна хлѣба за то же время возросла на 95% то реальная заработная плата упала на 20-30%.

В половинѣ 80-х годов заработная плата упала еще больше под вліяніем тяжелаго промышленнаго кризиса этого времени. Обнаружилась даже обратная тяга из города в деревню, - многіе фабричные рабочіе стали возвращаться на свои надѣлы и пытались вернуться к земледѣлію. Но это продолжалось недолго, и в 90-х годах наступил новый подъем промышленности. Вмѣстѣ с тѣм обнаружился поворот в сторону повышенія заработной платы.

По цѣлому ряду фабрик Московской и Владимірской губерній можно констатировать за время 1883-96 г.г. повышеніе денежной платы на 10-15% а так как стоимость жизни за это время мало измѣнилась, то повышеніе денежной заработной платы являлось повышеніем и реальной заработной платы.

ты. В тѣх районах,гдѣ в 90-е годы промышленность развилась особенно быстро (как ,напр., Екатеринославская губернія,Харьковская ,Донецкая область), денежная заработная плата возросла гораздо больше- что сопровождалось значительным повышеніем и реальной заработной платы.

Затѣм наступил новый и уже очень затяжной кризис. Однако,кризис этот несмотря на порожденную им безработицу,не привел к тому,что заработная плата спустилась на низшій уровень сравнительно с 90-ми годами. Объясняется это тѣм,что за послѣднее десятилѣтіе весьма значительно возросла экономическая сила нашего пролетаріата- от было время чрезвычайно энергичнаго стачечнаго движенія,что и помѣшало паденію заработной платы.

Стачки были среди наших рабочих еще до крестьянской реформы,но первое стачечное движеніе начинается лишь в годы прошлаго вѣка. В 1872 г. была очень крупная стачка на Кренгольмской мануфактурѣ, в которой приняло участіе нѣсколько тысяч рабочих,прекращенная только вооруженной силой. Поводом к стачкѣ было требованіе рабочих сократить рабочее время. Затѣм послѣдовал ряд других стачек,слѣдствіем чего явилось усиленіе строгости законов,карающих за стачку. В теченіе послѣдующих годов стачечное движеніе нѣсколько ослабѣло,чтобы вспыхнуть в половинѣ 80-х годов с новой силой. В 1885 г. произошла историческая стачка в Орѣховѣ-Зуевѣ на Никольской мануфактурѣ,замѣчательная своей стройной организаціей и упорством рабочих. Стачка эта оказала очень значительное вліяніе на наше законодательство в двух различных направленіях: с одной стороны, послѣдовало новое усиленіе уголовной репрессіи за участіе рабочих в стачках,а,с другой стороны, был издан в 1885 г. очень важный фабричный закон, имѣвшій в виду дать удовлетвореніе нѣкоторым требованіям рабочих (одним из главных поводов к стачкѣ было неудовольствіе рабочих на вычети из их платы под видом штрафов; закон 1886г. подчинил весь внутренній распорядок на фабрикѣ,а также и штрафы контролю фабричной инспекціи. В 1885 г. в Ивановѣ-Вознесенскѣ произошли солидарныя забастовки рабочих в цѣлом рядѣ фабрик. Подобныя же солидарныя забастовки произошли и в Шуѣ в 1888 г.

Слѣдующим фазисом нашего стачечнаго движенія была солидарная забастовка рабочих петроградских бумагопрядильных в 1896 году. Рабочіе выставили требованіе сокращенія рабочаго дня до 10½ час. В стачкѣ участвовало 19 фабрик и до 30 тыс. рабочих. В январѣ 1897 г. она повторилась. Наконец, с 1903 года наступил період массовых,всеобщих забастовок,причем первой такой забастовкой явилась забастовка в Баку,гдѣ бросило работу около 45 тыс. рабочих. Массовыя забастовки (преимущественно на политической почвѣ) прокатились широкой волной по всей Россіи и заполнили собой 1903 и 1905 г.г. В них принимали участіе сотни тысяч,напослѣдок даже милліоны рабочих. Это мощное стачечное движеніе, в концѣ концов привело к принципіальному признанію правительством свободы стачек.

Стачки были важнѣйшим проявленіем нашего рабочаго движенія.Для рабочих союзов у нас долгое время почвы не было. И только в концѣ прошлаго вѣка у нас начинают появляться зачатки рабочих союзов.

С одной стороны, в сѣверо-западном краѣ,в непосредственной связи с соціал-демократической агитаціей, возникают и быстро получают широкое распространеніе стачечныя кассы среди еврейских ремесленников. Кассы эти,по необходимости были тайными организаціями; не ограничивая свои дѣйствія узким мѣстным районом,они очень существенно вліяли на условія рабочаго договора и помогали еврейским рабочим добиться значительнаго сокращенія рабочаго дня. С другой стороны в разных городах Россіи в 90-х годах возникают среди фабричных рабочих легальныя общества взаимопомощи,которыя стремились исполнять нѣкоторыя функціи рабочих союзов.

Особенно широко развило свои операціи харьковское общество взаимопомощи,членами котораго явились преимущественно рабочіе Сормовскаго машиностроительнаго завода Гельферих-Садо. Общество это возникло в 1898 и в 1902г. учредило особое бюро для пріисканія работы; оно организовало также и правильную в дачу пособій безработным.

В началѣ XX вѣка организаціонное движеніе рабочаго класса получает у нас значительный толчек,благодаря новому направленію нашей правительственной политики. А именно,наши полицейскія власти дѣлают попытку направить рабочее движеніе по желательному для них руслу путем созданія среди рабочих экономических организаций под непосредственным руководительством органов полиціи.

Таким образом возникает в 1902 г. в Москвѣ,по иниціативѣ начальника московскаго охраннаго отдѣленія Зубатова, "Общество взаимопомощи рабочих механических мастерских."Во главѣ этого общества стояли рабочіе,бывшіе одновременно агентами охраннаго отдѣленія.Тѣм не мнѣе,общество развило очень энергичную дѣятельность и вызвало нѣсколько стачек,из которых особенно нашумѣла стачка на фабрикѣ Гужона,организованная руководителями общества. Вообще ,результаты начинанія московской полиціи далеко не соотвѣтствовали ея ожиданіям,- вмѣсто отвлеченія рабочих от противоправительственной агитаціи получалось возбужденіе рабочих против фабрикантов и широкое организаціонное движеніе в рабочей средѣ.

Между тѣм дѣятельность органов полиціи пріобрѣтала все большій и большій размах. В Минскѣ жандармскій офицер Васильев организует "Еврейскую независимую рабочую партію". В Одессѣ Шаевич приступает с помощью мѣстной администраціи к организаціи мѣстных рабочих,что заканчивается всеобщей забастовкой,вспыхнувшей в Одессѣ в 1903 г. Наконец в Петербургѣ Гапон в 1904 г. становится во главѣ " Собранія русских фабрично-заводских рабочих г. С.Петербурга." Общество это быстро пріобрѣтает широкую популярность среди петербургских рабочих. Оно устраивает лекціи и бесѣды на общественныя темы. Хотя руководители его находились в непосредственных сношеніях с охранным отдѣленіем,но,чтобы не утратить популярности среди рабочих,они должны были приспособляться ко вкусам и требованіям рабочих. Собранія принимают все болѣе агитаціонный характер, число членов общества растет и достигает 9 тысяч; все заканчивается грандіозным движеніем петербургских рабочих 9 января 1905 года.

Эти опыты полицейскаго соціализма сыграли видную роль в развитіи нашего рабочаго движенія. 4 марта 1906 г.издается закон относительно рабочих союзов. Закон этот далеко не дает свободы устройства рабочих союзов,но все же допускает их при извѣстных условіях. Правда,закон,по своей буквѣ,относится лишь к профессіональным обществам взаимопомощи; но так как невозможно на практикѣ строго разграничить функціи общества взаимопомощи и рабочаго союза,то,допустивши общества взаимопомощи рабочих,закон допустил и рабочіе союзы. Как ни стѣснительны рамки,в которыя закон ставил союзы,все союзы могли бы в них существовать и развиваться. Гораздо гибельнѣе для дальнѣйшей судьбы наших рабочих союзов оказалось то обстоятельство, что административной власти было предоставлено законом право закрытія союзов,"если дѣятельность общества угрожает общественной безопасности и спокойствію."

Как справедливо замѣчает изслѣдователь нашего рабочаго движенія г. В.Гриневич, "в сравненіи с практикой в жизнь примѣненія закона 4 марта,послѣдній может показаться идеально гарантирующим свободу союзов." Администрація без всякаго серьезнаго основанія отказывала в регистраціи союзов и без всякаго повода их закрывала. Каждый шаг наших союзов наталкивался на противодѣйствіе мѣстной власти. И,тѣм не мнѣе,это не погубило в самом зародышѣ нашего профессіональнаго движенія,ведущаго свое начало с 1905 года.

Рабочіе союзы начинают у нас быстро развиваться еще до закона 1906г Митинги в высших учебных заведеніях осенью 1905 г. всего болѣе содѣйствовали громадному увеличенію интереса рабочих к профессіональным организаціям. Среди самых разнообразных профессій союзы стали быстро расти,в особенности в крупных центрах нашей политической жизни,в Петербургѣ,Москвѣ,Харьковѣ,Одессѣ и других значительных городов. Затѣм послѣдовали репрессіи и закрытія администраціей множества союзов.

Тѣм не менѣе, по данным отчета центральнаго бюро профессіональных союзов, число членов союзов достигло в 1907г. 246 т.. При этом, среди рабочих печатнаго дѣла 43% были организованы в союзы, среди рабочих по металлу организовано было 8,6%, среди рабочих по обработкѣ питательных веществ- 7,2% и т.д. Слабѣе всего были организованы рабочіе в горной промышленности- всего 1,1% их принадлежало к союзам.

Дальнѣйшія репрессіи, а также и общій упадок нѣсколько общественнаго движенія, повели к сокращенію числа союзов и их членов. Во всяком случаѣ и до февральской революціи 1917 г. было ясно, что с наступленіем болѣе благопріятных политических условій организаціонное движеніе среди наших рабочих пойдет очень быстро.

II. З а к о н о д а т е л ь с т в о п о о х р а н ѣ т р у д а. Первый русскій фабричный законъ, регулировавшій условія труда на фабриках, относится к 1845 г. Этим з коном была воспрещена ночная работа на фабриках малолѣтним до 12-ти лѣтняго возраста. Закон этот был издан в связи с волненіями в 1844 г. на Вознесенской бумагопрядильнѣ в Дмитровском уѣздѣ, Московской губ.. Однако закон 1845 г. практическаго значенія не получил и очень скоро был совершенно забыт.

С конца 50-х годов начинаются попытки создать у нас нѣчто аналогичное западно-европе скому фабричному законодательству. Цѣлый ряд правительственных комиссій проектирует фабричные законы, но вплоть до 80-х годов безуспѣшно.

Главной или даже единственной причиной неудачи этих законодательных предположеній было упорное сопротивленіе им со стороны фабрикантов центральнаго, особенно московскаго раіона. Напротив, петербургскіе фабриканты поддерживали эти проекты. Таким образом уже с 50-х годов в средѣ наших фабрикантов намѣчаются по отношенію к фабричному законодательству двѣ группы: фабриканты центральнаго раіона относятся враждебно к вмѣшательству государства в условія фабричнаго труда, а фабриканты Западной окрайны, напротив, сочувствуют таковому.

Сопротивленіе московских фабрикантов оказывалось достаточно сильным, что долгое время/ разрушать всѣ попытки создать у нас фабричное законодательство. В концѣ 70-х годов положеніе мѣняется. Рост стачечнаго движенія рабочих побуждал правительство настойчиво стремиться к уменьшенію причин недовольства рабочих, и в 1878 н. при министерствѣ внутренних дѣл учреждается комиссія для урегулированія отношеній между фабрикантами и рабочими. В начала 80-х годов в Россіи наступает промышленный кризис; этот кризис, ослабившій сопротивленіе фабрикантов законодательному сокращенію рабочаго времени, так как и без того приходилось, по условіям рынка, сокращать работу, дал рѣшительный толчок к развитію нашего фабричнаго законодательства. Законом 1882 г. была воспрещена фабричная работа дѣтей до 12-лѣтняго возраста; продолжительность фабричной работы малолѣтних в возрастѣ от 12 до 15 лѣт была ограничена 8 ч. в сутки; ночная, а также праздничная и вескресная работа малолѣтних была воспрещена. Вмѣстѣ с тѣм была учреждена фабричная инспекція. В 1885 г. на хлопчато-бумажных, полотняных и шерстяных фабриках была запрещена ночная работа женщин и подростков (до 17 лѣт). В 1886 году вышел закон о наймѣ рабочих на фабрики и заводи, подчинивший весь внутренній распорядок фабрики контролю фабричных инспекторов и опредѣлившій порядок заключенія и растерженія рабочаго договора.

Факторы, вызвавшіе к жизни это законодательство, были весьма разнообразны. С одной стороны, большую роль в этом отношеніи сыграл, как сказано, промышленный кризис. Затѣм, петербургскіе фабриканты были, как и раньше на сторонѣ законодательнаго регулированія фабричнаго труда.

По поводу закона 1882 г. представители петербургских бумагопрядилен подали далее особое заявленіе министру финансов, в котором шли гораздо дальше закона. Так, по их мнѣнію, работа дѣтей, в возрастѣ 12-14 лѣт должна была бы ограничиться 6 часами в сутки, ночная работа женщин и подростков до 18-ти лѣтняго возраста должна была бы быть на всѣх фабриках воспрещена, а также должна была бы быть нормирована фабричная работа взрослых мужчин.

Совершенно иначе отнеслись к закону 1882 г. московскіе фабриканты.

они противились его введенію и были очень далеки от того, чтобы требовать, вмѣстѣ с петербургскими фабрикантами, дальнѣйшаго развитія принципов закона. И только благодаря кризису противодѣйствіе московских фабрикантов новому фабричному закону нѣсколько ослабѣло, хотя далеко не исчезло.

Петербургскіе фабриканты были даже непосредственными иниціаторами закона 1885 г. В 1884 г. они подали прошеніе петербургскому градоначальнику Грессеру, ходатайствуя об изданіи закона, запрещающаго ночныя работы несовершеннолѣтних и женщин. И опять-таки московскіе фабриканты были против этого закона и признавали его для себя крайне стѣснительным.

Основная причина столь различнаго отношенія к фабричному законодательству разных представителей одного и того же класса фабрикантов коренилась в различіи заработной платы в Москвѣ и Петербургѣ. Заработная плата в Петербургѣ значительно выше чѣм в Москвѣ; в связи с этим в Петербургѣ машинный труд гораздо болѣе распространен чѣм в Москвѣ. Вмѣстѣ с тѣм рабочій день в Петербургѣ был короче, чѣм в Москвѣ, и была гораздо менѣе распространена ночная работа (которая в Петербургѣ была исключеніем, а в Москвѣ- правилом). А так как московскія фабрики конкурируют с петербургскими, то, понятно, для петербургских фабрикантов новые фабричные законы (тяжести которых они почти не чувствовали) были тѣм выгоднѣе, чѣм разорительнѣе они были для Москвы.

Не самым могущественным фактором развитія нашего фабричнаго законодательства были возненія рабочих. Поэтому неудивительно, что иниціатива нѣкоторых важнѣйших законов этого рода принадлежала министерству внутренних дѣл, руководившемуся при этом чисто политическими и полицейскими соображеніями. Изданіе закона 1886 г. было вызвано, главным образом, стачкой на Никольской мануфактурѣ, в 1885 г. Председателем Комиссіи, которая выработала этот закон, был товарищ министра внутренних дѣл Плеве. Точно также и закон 1885 г. был издан по соображеніям сходнаго рода.

Со второй половины 80-хъ годов положеніе нашей промышленности измѣнилось- начался промышленный подъем; вмѣстѣ с тѣм ослабѣло на время стачечное движеніе. Это отразилось и на ходѣ нашего фабричнаго законодательства, которое стало дѣлать попятные шаги. При оживленіи промышленности сокращеніе времени труда стало стѣснительным для московских фабрикантов, и они начали агитацію против фабричных законов. Результатом этой агитаціи явился уход болѣе энергичных фабричных инспекторов и изданіе закона 1890 г. измѣнившаго предшествовавшіе фабричные законы в том смыслѣ, что административным органам было предоставлено право разрѣшать фабрикантам очень важныя изъятія изъ этих законов: с разрѣшенія администраціи могла быть допускаема ночная работа (и также праздничная и воскресная) женщин, подростков и малолѣтних. Законом 1893 года власть администраціи была еще болѣе расширена.

Можно было думать, что всѣ завоеванія 80-х годов в области фабричнаго законодательства будут взяты обратно. Однако, этого не произошло. Напротив, в 1897 г. законодательство сдѣлало очень важный шаг вперед, ограничив продолжительность рабочаго дня и взрослых мужчин (11½ часами в сутки при дневной работѣ в обычные дни, 10 часами в субботу и накануне праздников, и 10 часами в ночное время; работа в воскресенье и праздничные дни была воспрещена.)

Изданіе этого закона было опять вызвано борьбой между фабрикантами западнаго и центральнаго раіонов, а также волненіями рабочих. В 1894 г. лодзинскіе фабриканты выработали проект законодательной нормировки рабочаго дня на фабриках, заводах и ремесленных заведеніях Россіи.

Иниціатива Лодзинских фабрикантов встрѣтила горячую поддержку со стороны петербургских, которые предлагали установить на всѣх фабриках 11-ти часовой рабочій день. Московскіе фабриканты требовали болѣе высоких норм рабочаго дня- 12-часового рабочаго дня. Изданіе новаго закона могло бы затянуться, если бы не послѣдовало давленія со стороны рабочих. Стачки петербургских бумагопрядильщиков 1896 и 1897 годов бы-

стро двинули д°ло впередъ,и новый законъ былъ изданъ с необычайной у насъ быстротой.

Законъ 1897 года только до нѣкоторой степени удовлетворилъ требованія рабочихъ. Онъ является компромиссомъ между пожеланіями петербургскихъ и московскихъ фабрикантовъ. Допущеніемъ сверхурочныхъ работъ дѣйствіе этого закона на практикѣ было очень ослаблено.

На горнозаводскихъ рабочихъ распространяется фабричное законодательство с нѣкоторыми дополненіями.Такъ,женщинамъ воспрещается ночная работа и работа подъ землей. Работа подъ землей воспрещается и всѣмъ малолѣтнимъ до 15 лѣт. В ремеслѣ продолжительность рабочаго дня ограничена 10 часами дѣйствительной работы. В торговыхъ предпріятіяхъ рабочій день не можетъ превышать, какъ общее правило 12 час. в сутки (включая сюда 2 часа для принятія пищи); но нѣкоторымъ,особо поименованнымъ,торговымъ предпріятіямъ разрѣшается удлинять продолжительность времени,в теченіе котораго они открыты,до 15 часовъ в сутки. От этихъ общихъ нормъ для торговыхъ предпріятій законъ допускаетъ в извѣстныхъ случаяхъ отступленія.

В 1912 г. у насъ изданъ законъ о государственномъ страхованіи рабочихъ в крупныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Закону этому подлежатъ два с половиной милліона рабочихъ.

Предметомъ страхованія являются-болѣзнь,смертные и несчастные случаи.Страхованіе отъ болѣзней и на случай смерти возлагается на больничныя кассы, которыя устраиваются при предпріятіяхъ. Средства кассъ слагаются изъ :1) взносовъ рабочихъ; 2) приплатъ предпринимателей (в размѣрѣ 2/3 взноса рабочихъ.).

Дѣятельность кассъ выражается в томъ,что онѣ выдаютъ участникамъ денежныя пособія: 1) во время болѣзни,если больной не работаетъ (семейнымъ до 2/3 заработка,одинокимъ- до половины); 2) родившимъ и беременнымъ;3) на погребеніе; 4) увѣчнымъ до того времени,когда эта обязанность переходитъ страховымъ товариществамъ.

Членами этихъ послѣднихъ являются только предприниматели,на которыхъ всецѣло ложатся и взносы в эти товарищества. При полной утратѣ работоспособности рабочій получаетъ до двухъ третей своего заработка в видѣ пожизненной пенсіи. Если увѣчье повлекло смерть,то пенсія выдается семьѣ.

Законъ этотъ,хотя и обладаетъ значительными недостатками (о нихъ см., напр.,интересную работу М.Л.Хейсина: "Что такое и какъ организовано государственное страхованіе рабочихъ в Россіи"),все же несомнѣнно,является крупнымъ шагомъ впередъ в области соціальнаго законодательства Россіи.

ГЛАВА VII.

ПРИБЫЛЬ.

I. Различныя теоріи прибыли. Проблема прибыли имѣетъ существенно иной характеръ,чѣмъ проблема заработной платы.Фактъ оплаты содержанія рабочаго,занятаго в процессѣ производства не представляетъ собой никакой научной проблемы: вполнѣ очевидно,что содержаніе рабочаго есть необходимое условіе самой возможности производства. Проблема заработной платы заключается,преимущественно,в выясненіи того,какія соціальныя условія препятствуютъ рабочимъ получать свой полный трудовой продуктъ- почему заработная плата никогда не достигаетъ всего того вырабатываетъ рабочій. Напротивъ,проблема прибыли требуетъ объясненія самаго факта существованія прибыли. Почему послѣ оплаты труда остается нѣкоторый избытокъ в пользу капиталиста? Это не только не ясно само собой,но представляетъ собой одинъ изъ тѣхъ вопросовъ экономической науки,которые вызываютъ среди экономистовъ до настоящаго времени всего болѣе споровъ.

Правда,если смѣшивать капиталъ с капиталистомъ,то необходимость прибыли можетъ казаться такой же очевидной,какъ и необходимость заработной платы,ибо производство невозможно безъ средствъ производства совершенно

143

такъ же,какъ и безъ участія труда. Но, какъ выше было показано,такое смѣшеніе капитала и капиталиста представляетъ собой грубѣйшую ошибку логическую: необходимость средствъ производства доказываетъ необходимость затратъ на поддержаніе и воспроизведеніе средствъ производства,но отнюдь не необходимость класса капиталистовъ и ихъ нетрудового дохода. Наоборотъ, изъ самаго понятія прибыли слѣдуетъ,что она не представляетъ собой необходимаго условія производства. Что такое прибыль? Излишекъ,остающійся в распоряженіи капиталиста за покрытіемъ всѣхъ расходовъ его предпріятія. Слѣдовательно,прибыль не можетъ быть однимъ изъ элементовъ расхода предпріятія,такъ какъ в такомъ случаѣ это не была бы прибыль.

Прибыль есть н е т р у д о в о й д о х о д, вытекающій изъ обладанія хозяйственными предметами,созданными трудомъ человѣка. Прибыль составляетъ нѣчто постороннее самому процессу производства фактъ соціальнаго происхожденія,связанный с опредѣленнымъ распредѣленіемъ в обществѣ имущества. Производство можетъ не давать никакой прибыли,даже при самой высокой степени производительности труда- в томъ имянно,случаѣ,когда средства производства принадлежатъ рабочему.

Проблема прибыли- какъ и всякаго нетрудового дохода- слагается изъ трехъ болѣе частныхъ проблемъ; во-первыхъ,должно быть разъяснено самое происхожденіе прибыли, должны быть выяснены ея соціальныя предпосылки,ея соціально-экономическая природа; во-вторыхъ, нужно дать оцѣнку прибыли с нормативной точки зрѣнія, с точки зрѣнія правосознанія; и, в-третьихъ, должны быть выяснены объективные факторы,опредѣляющіе высоту прибыли. Всякая законченная теорія прибыли должна разъяснить проблему прибыли с этихъ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія.

Фактически,однако,эти три различныя точки зрѣнія тѣсно переплетаются между собой и только логически могутъ быть отдѣлены другъ отъ друга. Всего болѣе споровъ среди экономистовъ возбуждаютъ два первыхъ вопроса,имѣющихъ совершенно исключительную важность в смыслѣ оцѣнки всего существующаго общественнаго строя.

Извѣстная,принадлежащая Бэм-Баверку, классификація разныхъ теорій прибыли (теоріи производительности,пользованія,воздержанія,эксплоатаціи и его собственная теорія лажа) связана исключительно с вопросомъ о соціально-экономической природѣ прибыли.

Классификація эта носитъ совершенно эмпирическій характеръ; она лишена логическаго единства и вообще хромаетъ в логическомъ отношеніи.С точки зрѣнія вопроса о соціально-экономической основѣ прибыли,мы можемъ раздѣлить всѣ теоріи прибыли на два основныхъ класса: во-первыхъ,теоріи, которыя видятъ в прибыли естественное и неизбѣжное слѣдствіе всякаго общественнаго хозяйства,считаютъ ее явленіемъ,коренящимся не в отношеніяхъ господства и зависимости внутри исторически сложившагося общества,но в природѣ самого хозяйства (прибыль,какъ логическая категорія хозяйства); во-вторыхъ,теоріи,отрицающія необходимую связь явленій прибыли с природой хозяйства и ищущія ея основъ в отношеніяхъ господства и зависимости,свойственныхъ опредѣленнымъ историческимъ формаціямъ.

Первый классъ снова подраздѣляется на два подкласса: теоріи,разсматривающія прибыль,какъ своего рода трудовой доходъ,и теоріи, которыя видятъ в прибыли,хотя и не трудовой доходъ,но необходимое условіе хозяйства. Такимъ образомъ мы приходимъ с слѣдующей классификаціи теоріи прибыли:

А. Прибыль,какъ л о г и ч е с к а я категорія хозяйства.
I. Прибыль, какъ т р у д о в о й доходъ.
II. Прибыль,какъ доходъ,не основанный на трудѣ.
Б. Прибыль,какъ и с т о р и ч е с к а я категорія хозяйства.

Теоріи,составляющія первый подклассъ А, утверждаютъ,что природа дохода капиталиста и рабочаго одинакова.

Предприниматель только работаетъ иначе,чѣмъ простой рабочій; работа предпринимателя есть в высшей степени важная дѣятельность,которая требуетъ высшихъ способностей и вмѣстѣ с тѣмъ утомительная. Поэтому доходъ предпринимателя точно также основанъ на трудѣ,какъ заработная плата.

Эта теорія,которую Бэм-Баверкъ называетъ т р у д о в о й теоріей прибыли,можетъ имѣть значеніе с соціально-политической точки зрѣнія,какъ

аргумент в защиту дохода предпринимателя, но он, очевидно недостаточно для объяснения социально-экономической природы прибыли. Если в доходе предпринимателя заключаются элементы труда, то в прибыли имеются и элементы, которые ни в коем случае нельзя рассматривать, как трудовой доход. Во-первых, выше указанное соображение касается лишь прибыли предпринимателей, но отнюдь не процента на капитал: чтобы получить процент на капитал, капиталист не должен самостоятельно вести предприятие. Процент на капитал ни в коем случае нельзя рассматривать, как рабочий доход. Однако, и в вопросе о прибыли предпринимателя эта теория несостоятельна: величина прибыли предпринимателя очевидно, зависит от размера капитала предпринимателя; это проявляется уже в том обстоятельстве, что высота прибыли выражается в процентах к затраченному капиталу. Если это так, то невозможно не признавать в прибыли предпринимателей нетрудовые элементы: возможность располагать определенным капиталом сам по себе ведь не является трудом.

И, наконец, прибыль предпринимателя может принимать такие формы, при которых она не связана с какими бы то ни было трудовыми элементами. Так, например, в акционерных обществах дивиденд акционеров, не предполагает активного участия акционеров в ведении предприятия. Форма акционерного общества дает возможность провести резкую границу между доходами, основанными на труде и доходами, основанными на обладании капиталом. Управляющие предприятием акционерного общества (директор, члены правления и т.д.) всё получают определенное жалованье (обыкновенно очень большое), но после вычета жалованья этих лиц остается дивиденд акционеров, который последние получают помимо какого бы то ни было труда. Точно также и кредитор не должен трудиться, чтобы обеспечить себе процент. Как раз этот доход, не основанный на труде, образует прибыль на капитал, для объяснения которого трудовая теория ничего дать не может.

Вторая группа теорий прибыли (к которой можно причислить теории, обозначенные Бем-Баверком, как теории производительности, пользования, воздержания и лага) не отрицает, что прибыль не основана на труде. И все же она рассматривает прибыль, как логическую категорию хозяйства, так как прибыль- необходимый результат неизбежных условий хозяйства.

Так, прибыль, с точки зрения теории производительности и пользования не что иное, как продукт, созданный капиталом, занятым в производстве. Теории воздержания и лага подчеркивают, что для образования капитала надо до известного момента отсрочить потребление, и считают этот момент основой происхождения прибыли.

Но в одном пункте сходятся все эти теории: прибыль они рассматривают, как доход, который возникает на основе владения капиталом. Прибыль с точки зрения этих теорий получают только владельцы средств производства, ни в коем случае не те, у кого их нет.

И тем не менее эти теории рассматривают прибыль как явление, стоящее вне социальных отношений господства и зависимости в современном обществе.

Внутренняя противоречивость такого понимания ясна. Отношения собственности представляют собой крайне сложный результат внутренней структуры современного общества, покоящегося на насилии и распадающегося на различные общественные классы с различиями во власти и противоположностью экономических интересов. Между этими классами имеются классы, владеющие и не владеющие собственностью ; и владение единичного индивидуума, зависит прежде всего, от его принадлежности к тому или другому классу. Так как имущество переходит по наследству, то распределение собственности между различными индивидуумами не находится в необходимой связи с их индивидуальными качествами, а определяется рождением индивидуумов в том или другом слое общества.

Если прибыль является доходом от владения, этот род дохода должен зависеть от социальных отношений господства, так как они соответствуют отношениям владения. Если крупное владение само по себе уже представляет

экономическую и социальную силу, то теории прибыли данного направления вынуждены признать в ней социальное явление, в котором получают свое выражение социальные отношения господства и зависимости.

Остановимся более подробно на некоторых теориях этой группы.

Основная идея теории производительности заключается в следующем:

Каждый фактор производства обладает своей специфической производительностью. Средства производства также обладают такой производительностью, что обнаруживается особенно ясно в том случае, когда к производству применяются новые машины или, вообще, улучшенные средства производства; продукт производства в этом случае возрастает и этот возросший продукт не может не рассматриваться, как продукт новых средств производства. Этот прибавочный продукт улучшенных средств производства и есть источник капиталистической прибыли. Капиталист, владелец улучшенных средств производства, получая в виде прибыли продукт последних, получает лишь то, что создано его капиталом, и ничего не отнимает ни у кого другого. Следовательно, прибыль вовсе не есть результат эксплоатации рабочего, а такая же правомерная и вытекающая из технических условий процесса производства форма общественного дохода, как и заработная плата. Не исторически преходящия социальныя отношения, а неустранимыя свойства самого хозяйственного процесса ведут к возникновению прибыли.

Теория производительности была подвергнута критике Бем-Баверком, отвергнувшим ее на основании следующих соображений. Не подлежит сомнению, что при помощи улучшенных средств производства может быть произведено большее количество продуктов, чем без их помощи; но, по мнению Бем-Баверка, это еще ни малейшим образом не делает ясным, откуда возникает прибыль. Прибыль есть некоторый избыток доходов данного предприятия над расходами производства- иначе говоря, избыток ценности. Чтобы такий избыток мог возникнуть для этого нужно, чтобы ценность полученного продукта превышала ценность израсходованных средств производства. Из умножения продукта, вызываемого введением улучшенных средств производства, еще ни малейшим образом не вытекает, что умноженное количество продукта должно иметь и высшую ценность, чем новыя средства производства, иначе говоря не вытекает необходимость прибыли: умножение продукта может и даже должно сопровождаться падением цены единицы продукта, и в таком случае, умноженное количество продукта не будет иметь высшей ценности, чем меньшее количество продукта до введения улучшенных средств производства.

Вообще "проблема прибыли,- говорит Бем-Баверк,- есть проблема ценности", а теория производительности совершенно обходит вопрос о ценности и считает возможным разрешить проблему прибыли, исходя из соображений техники, а не экономии.

Этот критический анализ имел большой успех среди современных экономистов, даже многие из тех, кто решительно отвергает как собственную теорию прибыли Бем-Баверка, так и его теорию ценности, признают его критику теории производительности непоразимой. Однако, очень легко показать, что, вопреки утверждению Бем-Баверка, теория производительности может совершенно удовлетворительно объяснять, почему ценность продукта превышает ценность средств производства. Предположим, что вводится какое-либо усовершенствованное орудие производства- хотя бы бумаго-прядильная машина. В результате этого получается следующее изменение условий общественного хозяйства. С одной стороны увеличивается количество производимой пряжи,- только для этого и вводится машина. Обозначим это добавочное количество пряжи, как а. Но с другой стороны, для того, чтобы машина имела применение к производству, сама она должна воспроизводиться в процессе общественного хозяйства,- машина есть не только средство производства, но и продукт производства. Обозначим эти новыя машины, как б. Таким образом, все увеличение общественного продукта, при новых технических условиях общественного производства выразится, как а (добавочное количество пряжи) ÷ б (новыя орудия труда). Общественный продукт увеличился на а÷ б, а общественные расходы производства увеличились на б;

благодаря введенію новыхъсредств производства,при увеличеніи общественныхъ расходовъ производства на б, общественный продуктъ увеличился на а÷б. Но сумма всегда болѣе одного изъ слагаемыхъ; слѣдовательно,и цѣнность увеличенія общественнаго продукта,вызваннаго введеніемъ новыхъ средствъ производства,не можетъ не превышать цѣнности этихъ средствъ производства.

Такимъ образомъ,вопреки утвержденію Бем-Баверка,теорія производительности можетъ указать изъ какого источника оплачивается прибыль капиталиста послѣ введенія улучшенныхъ пріемовъ и средствъ производства. Очевидно,что прядильная машина плюсъ добавочное количество пряжи(производимое при помощи этой машины) представляетъ собой по своей цѣнности нѣчто большее,чѣмъ сама эта машина- ибо добавочное количество пряжи во всякомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторую цѣнность.

Ошибочная критика Бем-Баверка вытекаетъ изъ того,что онъ разсматриваетъ проблему прибыли с точки зрѣнія единичнаго хозяйства. Въ современномъ хозяйствѣ,основанномъ на раздѣленіи труда,продуктъ производства каждаго единичнаго хозяйства отличается,какъ общее правило,по своей природѣ отъ средствъ производства,затрачиваемыхъ въ этомъ хозяйствѣ; затрата и получка становятся,поэтому, сравнимыми лишь при посредствѣ цѣнности. Поэтому Бем-Баверкъ и приходитъ къ выводу,что проблема прибыли есть проблема цѣнности. Но если взять все общественное хозяйство въ совокупности,то затрата и получка выразятся не въ продуктахъ,различныхъ по своей природѣ,а въ тѣхъ же самыхъ продуктахъ,только различнаго качества. Средства производства постоянно воспроизводятся въ общественномъ хозяйствѣ и составляютъ такую же необходимую часть общественнаго продукта,какъ и предметы потребленія. Введеніе новыхъ,болѣе производительныхъ средствъ производства имѣетъ своимъ послѣдствіемъ,что эти самыя средства производства воспроизводятся с нѣкоторымъ избыткомъ общественнаго продукта,откуда общество и получаетъ средства для оплаты добавочной прибыли капиталистовъ. Никакой теоріи цѣнности для объясненія всего этого процесса не требуется.

Теорія производительности содержитъ въ себѣ правильную мысль,что для возникновенія прибыли необходимо извѣстное умноженіе продукта,достигаемое подъемомъ техники производства. Правда, при поверхностномъ пониманіи процессовъ производства можетъ показаться,что умноженіе продукта происходитъ лишь при использованіи біологическихъ силъ природы,въ земледѣліи и скотоводствѣ. Дѣйствительно,въ сельскомъ хозяйствѣ такое умноженіе вполнѣ очевидно,и неудивительно,что не только болѣе ранніе теоретики-физіократы,но и нѣкоторые болѣе поздніе экономисты пытались объяснить прибыль,исходя изъ умноженія продукта въ сельскомъ хозяйствѣ. В настоящее время теоріи эти встрѣчаютъ сторонниковъ по понятной причинѣ: сельское хозяйство въ наиболѣе передовыхъ капиталистическихъ странахъ далеко уступаетъ по своему значенію промышленности,и,соотвѣтственно этому,теорія прибыли,выдвигающая на первый планъ условія сельско-хозяйственнаго производства,является очевиднымъ образомъ недостаточной. Однако, теоретическое преодолѣваніе физіократическихъ ученій о прибыли (къ числу которыхъ принадлежитъ и теорія прибыли знаменитаго американскаго проповѣдника націонализація земли Генри Джорджа) далеко не такъ просто,какъ это кажется многимъ.

Интересная работа Гайница сдѣлала вѣроятнымъ,что процентъ на капиталъ исторически возникаетъ именно на основѣ естественной производительной силы организмовъ. Процентъ на ссудный капиталъ хорошо знакомъ скотоводческимъ народамъ,стоящимъ на очень низкомъ уровнѣ культурнаго развитія и работающимъ при помощи самыхъ примитивныхъ орудій производства,остающихся неизмѣнными въ теченіе многихъ поколѣній. Объ умноженіи продукта,вызываемомъ введеніемъ улучшенныхъ орудій производства,в средѣ этихъ народовъ не можетъ быть и рѣчи.

Однако,всякій скотоводъ хорошо знаетъ,что если сосѣду отдать въ пользованіе корову, то чрезъ нѣкоторое время у сосѣда,кромѣ коровы,будетъ еще и теленокъ; отсюда совершенно естественно возникаетъ убѣжденіе,что тотъ, кто получилъ во временное пользованіе корову,при возвра-

щеніи ея владѣльцу возвращаетъ и ея естественный приплодъ. Это и явилось, по мнѣнію Гайница, источникомъ,изъ котораго развился ссудный процентъ.Теорія Гайница далеко не можетъ считаться исторически доказанной,но она правдоподобна.

Слабость физіократическаго ученія о прибыли заключается не въ томъ, что умноженіе продукта (в чемъ эта теорія усматриваетъ источникъ прибыли) ужеб ограничено лишь областью сельскаго хозяйства и не наблюдается в промышленности. Наоборотъ,именно тѣмъ и не правы физіократы,что они проводили глубокое различіе по отношенію к умноженію продукта между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью. Они думали,что умноженіе продукта происходитъ лишь в случаѣ размноженія организмовъ. На самомъ же дѣлѣ всякій безъ исключенія процессъ производства есть не что иное,какъ умноженіе продукта,и в этомъ отношеніи никакого различія между сельскимъ хозяйствомъ и промышленностью не существуетъ.

При производствѣ,напр., сукна происходитъ умноженіе количества сукна точно также,какъ при разведеніи рогатаго скота происходитъ умноженіе рогатаго скота. Правда,сукно для своего производства требуетъ затраты шерсти и другихъ средствъ производства- сукно есть та же шерсть,лишь принявшая иную форму,и количество шерсти отнюдь не увеличилось,благодаря тому,что оно превратилось в сукно. Но вѣдь и корова экономически не что иное,какъ сѣно,солома и прочія средства производства, которыя превратились в корову. Для возможности размноженія рогатаго скота требуется опредѣленная затрата средствъ производства,какъ и для производства любого другого хозяйственнаго продукта. Вообще,в силу закона вѣчности матеріи,в процессѣ производства не можетъ происходить ни умноженія,ни уничтоженія матеріи,-матерія принимаетъ лишь новыя формы,иными словами,происходитъ уничтоженіе старыхъ формъ матеріи и созданіе новыхъ. Никакого принципіальнаго экономическаго различія в этомъ отношеніи между различными родами производства не существуетъ, всѣмъ имъ присущи тѣ же основныя черты,будетъ ли процессъ производства направленъ на живые организмы или на мертвую природу.

Всякое производство есть одновременно уничтоженіе одныхъ предметовъ и созданіе новыхъ. Если мы возьмемъ весь процессъ общественнаго производства в цѣломъ,то мы увидимъ,что уничтожаемые и вновь создаваемые продукты мало различаются по своему роду,но существенно различаются по своему количеству. Изъ года в годъ производятся приблизительно одни и тѣ же продукты- средства производства и предметы потребленія, и точно также общественная затрата слагается изъ года в годъ изъ тѣхъ же приблизительно, средствъ производства и предметовъ потребленія (рабочихъ классовъ).Что же требуется для того,чтобы в данномъ обществѣ было экономически возможно возникновеніе нетрудовыхъ доходовъ? Для этого количество продуктовъ, создаваемыхъ в предѣлахъ даннаго общества, должно превышать количество продуктовъ,уничтожаемыхъ в самомъ процессѣ производства. Это превышеніе общей массы получаемаго общественнаго продукта,сравнительно с общей массой затрачиваемаго общественнаго продукта,и образуетъ собой тотъ прибавочный общественный продуктъ,безъ котораго невозможно возникновеніе нетрудовыхъ доходовъ.

Первичной основой прибыли и,вообще,нетрудовыхъ доходовъ является именно прибавочный продуктъ,а отнюдь не прибавочная цѣнность,ибо самая возможность существованія экономической цѣнности предполагаетъ наличность продукта, который имѣетъ эту цѣнность. Чтобы съѣсть зайца нужно раньше его поймать- и чтобы получить прибавочную цѣнность ,нужно раньше произвести прибавочный продуктъ. Поэтому необходимой натуральной основой всѣхъ формъ нетрудовыхъ доходовъ является наличность прибавочнаго продукта,что,в свою очередь,зависитъ отъ условій общественной техники. Однако, необходимо строго различить понятіе прибавочнаго общественнаго продукта отъ продукта,потребляемаго неработающими классами. Прибавочный общественный продуктъ превышаетъ,какъ общее правило,продуктъ второго рода.Подъ прибавочнымъ продуктомъ общественнымъ слѣдуетъ понимать всю ту долю общественнаго продукта, которая останется за вычетомъ продукта,необходимаго для поддержанія общественнаго производства в несокращающемся видѣ.Что-

бы получить прибавочный продукт, нужно вычесть из общественного продукта, во-первых, израсходованныя в процессѣ производства средства производства и, во-вторых, ту долю продметов потребленія рабочаго класса, без которых рабочій не мог бы выполнить своей работы и поддерживать свою семью. Если бы заработная плата рабочих ограничивалась минимумом средств существованія, в таком случаѣ весь прибавочный продукт поступал бы в доход лиц, не занятых хозяйственным трудом. В числѣ этих лиц часть занята чрезвычайно важным умственным трудом, не имѣющим, однако, хозяйственнаго характера; часть же получает доход, не от личнаго труда, а от владѣнія имущество (неработающіе классы). Но, так как заработная плата, как общее правило, превышает этот минимум, то значит, изв стная доля прибавочнаго продукта поступает в распоряженіе рабочаго класса.

Однако, несмотря на содержащуюся в ней долю истины, теорія производительности, в общем, отнюдь не дает удовлетворительнаго разрѣшенія проблемѣ прибыли. Наоборот, как теорія прибыли, она должна быть рѣшительно отвергнута и по слѣдующим соображеніям.

Прежде всего, теорія эта грѣшит тѣм, что отождествляет капитал с орудіями труда. На самом же дѣлѣ, первичным капиталом являются не орудія труда, а средства существованія рабочаго. Рабочій есть болѣе основной и первичный дѣятель производства, чѣм созданныя его трудом средства производства; слѣдовательно и капитал в формѣ средств существованія рабочаго имѣет болѣе первичный характер, чѣм капитал в формѣ средств производства . Всякая теорія, желающая дать научное объясненіе доходу капиталистов, должна объяснить его в самой основной и чистой формѣ- в формѣ дохода, вытекающаго из обладанія средствами существованія рабочих.

Если рабочій лишен средств существованія, то он попадает в экономическую зависимость от лица, владѣющаго средствами существованія, и это послѣднее лицо получает возможность принудить рабочаго уступить ему большую или меньшую часть произведеннаго продукта. В этом случаѣ прибыль возникает помимо каких-бы то ни было усовершенствованных орудій труда. Итак, теорія производительности, прежде всего, совершенно недостаточна,-она не объясняет многих явленій прибыли и, притом ,явленій, имѣющих наиболѣе основной характер.

Во вторых, она прямо противорѣчит многим явленіям прибыли. Совершенно невѣрно, что прибыль от пользованія усовершенствованным орудіем труда опредѣляется всецѣло производительностью послѣдняго. Один и тот же ткацкій станок дает, напр., в Россіи гораздо большую прибыль, чѣм в Англіи. Машины, употребляемыя в различных странах, могут быть совершенно тождественными, а процент прибыли совершенно различен. Это доказывает, что прибыль далеко не совпадает с прибавочным продуктом, создаваемым употребленіем усовершенствованнаго орудія труда.-

Наконец, в -третьих, теорія производительности неправильно классифицирует экономическія явленія, неправильно истолковывает экономическіе факты, приписывая капиталу (орудіям труда) самостоятельную производительную силу. Орудія труда- не первичный, а вторичный агент производства: их создает человѣк, который является единственным активным дѣятелем производства. Стоя на точкѣ зрѣнія трудящагося человѣка, слѣдует относить весь продукт на счет труда человѣка, а не на счет средств производства, которыя суть простыя условія производства, создаваемыя и измѣняемыя человѣком. Только с точки зрѣнія капиталиста, для котораго машина есть такое же средство производства, как и рабочій капитал обладает самостоятельной производительной силой.

Итак, теорія производительности капитала, во-первых, не достаточна, во-вторых, противорѣчит многим фактам, и, в третьих, окрашена интересами капиталистическаго класса. Она одинаково несостоятельна со всѣх трех точек зрѣнія, из которых слагается теорія прибыли: она невѣрно освѣщает соціальную природу прибыли (игнорируя соціальную основу прибыли и разсматривая прибыль, как простой продукт средств производства); она дает неправильную оцѣнку прибыли с нормативной точки зрѣнія (отрицая эксплоатацію рабочаго капиталистом); и, наконец, она не дает полнаго объясне-

нія объективным факторов, опредѣляющим высоту прибыли (игнорируя зависимость высоты прибыли от высоты заработной платы), и потому, в цѣлом, теорія эта должна быть признана совершенно не разрѣшающей проблему прибыли.

Не меньшее распространеніе среди экономистов имѣет и теорія воздержанія капиталистов. Теорія эта возникла в Англіи в тридцатых годах XIX вѣка. В это время среди англійских экономистов пользовалась рѣшительным преобладаніем школа Рикардо, которая разсматривала явленія распредѣленія под углом зрѣнія трудовой теорій цѣнности. Цѣны товаров, по совершенно вѣрному представленію школы Рикардо, должны соотвѣтствовать издержкам производства; однако, онѣ как общее правило, превосходят издержки производства на большую или меньшую величину, образующую собой прибыль капиталиста. Чтобы справиться с этим затрудненіем, нѣкоторые экономисты (Мальтус) стали разсматривать прибыль, как составную часть издержек производства. Однако, это было слишком неудачным способом разрѣшенія трудной экономической проблемы, так как противоположность прибыли и издержек производства вполнѣ очевидна. Теоретическая мысль не могла примириться с таким рѣшеніем и в лицѣ Сеніора выдвинула новую теорію прибыли, в которой на тот же вопрос дается отвѣт болѣе остроумный и продуманный.

Сеніор нашел в условіях производства элемент, который не мог быть сведен к трудовым затратам и, тѣм не менѣе, составлял, повидимому, такую же реальную затрату, как и затрата труда. Всякій владѣлец имущества может дать послѣднему употребленіе двоякаго рода: или употребить его на свои собственныя чужды, превратить его в продметы своего собственнаго потребленія, или же употребить это имущество, как капитал для полученія прибыли. В этом послѣднем случаѣ, лицо, пользующееся таким образом, своим имуществом, приносит извѣстную жертву-оно воздерживается от немедленнаго потребленія. Слѣдовательно, реальная затрата в процессѣ производства слагается из элементов двоякаго рода: во-первых из затраты труда производства и, во-вторых, из воздержанія тѣх лиц, которыя скопили капитал и, путем отсрочки своего личнаго потребленія, сдѣлали возможным производство. Прибыль капиталиста и есть ни что иное, как вознагражденіе капиталиста за приносимую им жертву воздержанія. Если бы прибыль исчезла, то исчез бы и стимул для накопленія капитала; а так как накопленіе капитала необходимо для того, чтобы производство имѣло мѣсто, то, слѣдовательно, и прибыль капиталиста является необходимым условіем производства.

С точки зрѣнія этой теоріи, высота процента прибыли опредѣляется платой, которую лица, накопляющія капитал, требуют себѣ за то, чтобы отсрочивать свое потребленіе. Чѣм выше процент прибыли, тѣм больше и вознагражденіе за накопленіе капитала и, значит, тѣм сильнѣе и стимул к накопленію капитала. Пониженіе процента прибыли уменьшает энергію накопленія капитала. Это и регулирует среднюю высоту прибыли на капитал.

Если, напр., вознагражденіе, требуемое лицами, накопляющими капитал, за воздержаніе от медленнаго потребленія равняется 5% капитала, то и средній уровень прибыли должен установиться на этом уровнѣ. Ибо, если и прибыль упадет нижѣ этого уровня, накопленіе капитала уменьшится и соотвѣтственно уменьшится прирост всего общественнаго капитала. Но относительное уменьшеніе предложенія общественнаго капитала не может не вызвать уменьшенія спроса на рабочія руки, а, слѣдовательно, и пониженія заработной платы, что должно привести к повышенію прибыли. Обратное произойдет при повышеніи прибыли выше уровня вознагражденія, требуемаго за накопленіе капитала; в этом случаѣ, увеличеніе энергіи накопленія капитала должно повести к увеличенію предположенія капитала, увеличенію спроса на рабочія руки и паденію прибыли. Таким образом средній уровень прибыли устанавливается платой за накопленіе капитала, необходимой для побужденія соотвѣтствующих лиц к накопленію капитала.

Теорія воздержанія освѣщает проблему прибыли со всѣх трех сторон этой проблемы. Что касается до источника прибыли, ея соціальной природы, то теорія воздержанія признает источником прибыли воздержаніе лиц,

накапливающих капитал, которое является самостоятельным элементом затраты производства наряду с затратой труда. Фактором определяющим высоту процента прибыли, является, с этой точки зрѣнія, размѣр вознагражденія, необходимаго для побужденія соотвѣтствующих лиц накапливать капитал. Что касается до соціально политической оцѣнки прибыли, то теорія воздержанія усматривает в прибыли такую же правомѣрную и справедливую форму общественнаго дохода, как и заработная плата, ибо лице, накапливающее капитал, получает в видѣ прибыли вознагражденіе за очень важную услугу, оказываемую им обществу.

Теорія воздержанія много раз подвергалась критикѣ, но в большинствѣ случаев, такой, которая не задѣвала самаго существа разсматриваемой доктрины. Так, против центральнаго положенія теоріи, что прибыль создается воздержаніем лиц, скапливающих капитал, легко возразить, что воздержаніе, как акт, совершенно пассивний, по самой своей природѣ неспособно создавать что бы то ни было, а, значит, и прибыль капиталистов. Однако, это возраженіе, далеко не так убѣдительно, как кажется. Конечно, воздержаніе, само собой никакой цѣнности не имѣет. Но косвенно воздержаніе лиц накапливающих капитал, самым существенным образом вліяет на количество продуктов общественнаго производства. От доброй воли этих лиц зависит дать то или иное употребленіе своему имуществу- употребить его на свои нужды или превратить в капитал. В этом послѣднем случаѣ данное имущество становится производительным фондом общества и сумма общественнаго продукта соотвѣтственно увеличивается. Значит, такой чисто пассивний акт, как воздержаніе, содѣйствовал вполнѣ реальному приращенію общественнаго богатства.

Пойдем далѣе. Пусть перед нами два капиталистических предпріятія с одинаковой суммой годового оборота, но в одном из них капитал оборачивается раз в год, а в другом два раза в год. В таком случаѣ, в первом предпріятіи для веденія дѣла требуется затрата из средств капиталиста всего годового капитала, во втором же предпріятіи капитала в два раза меньшаго. Капиталист расчитывает процент своей прибыли не на весь оборнувшійся капитал, а лишь на капитал, затраченний им из своих собственных средств, - только эта затрата и представляет для него то, с чѣм он должен считаться. Если сумма средств производства- сырого матеріала, инструментов, машин и рабочих сил, - затрачиваемих в теченіе года, в первом же и во втором случаѣ одна и та же, то с точки зрѣнія всего общества, сумма расходов в первом и во втором предпріятіи дол на быть признана равной. В совершенно другом видѣ дѣло представляется с точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста. Расход производства капиталист опредѣляет не суммой израсходованних в теченіе года средств производства и рабочих сил, представляющей собой единственний реальный расход с общественной точки зрѣнія, но размѣром капитала, затраченнаго им из своих средств. Поэтому, с точки зрѣнія капиталиста, расходы производства в первом предпріятіи, в котором капитал оборачивается раз в год, должни быть признаны в два раза вышими, чѣм во втором предпріятіи, в котором капитал оборачивается два раза в год.

Таким образом, в капиталистическом хозяйствѣ расходы производства с точки зрѣнія интересов капиталистов, оказываются находящимися в самой непосредственной связи с продолжительностью того срока, который проходит между затратой капитала и моментом реализаціи прибыли: чѣм этот срок больше, тѣм больше и вполнѣ реальная затрата средств капиталиста, хотя бы это и не выражалось в увеличеніи затраты за тот же срок общей суммы средств производства. В данном случаѣ мы видим весьма любопытное рѣзкое расхожденіе оцѣнки одного и того же явленія с точки зрѣнія частнаго и общественнаго хозяйства: частное хозяйство проводит очень глубокое различіе между двумя видами затраты, которые существенно не различаются общественным хозяйством.

Капиталистическое хозяйство, по самой своей природѣ, должно расчитывать стоимость производства не по дѣйствительно израсходованним в теченіе извѣстнаго производительнаго періода средствам производства, а по

размѣрам капитала, затрачиваемаго капиталистом из своих средств. А так как капитал этого послѣдняго рода должен быть тѣм больше, чѣм значительнѣе період оборота капитала, то отсрочка получения результатов хозяйственной дѣятельности превращается в капиталистическом хозяйствѣ в добавочный расход производства.

Однако, теорія воздержанія, как теорія прибыли, должна быть, в цѣлом, признана столь же несостоятельной, как и теорія производительности. Разсматривая прибыль, как продукт воздержанія капиталистов, теорія эта стремится представить прибыль, как созданіе самих капиталистов. Но если и согласиться с тѣм, что превращеніе имущества в капитал или фонд потребленія зависит от усмотрѣнія капиталистов, то отсюда еще не слѣдует, что мы имѣем право игнорировать участіе рабочаго в созданіи прибыли. Для возможности прибыли требуется не только пассивное "воздержаніе" капиталиста, но и положительная работа рабочаго. "Теорія воздержанія игнорирует это послѣднее условіе и этим самим дает неправильное освѣщеніе соціальной природѣ прибыли. С нормативной точки зрѣнія оправданіе прибыли теоріей воздержанія совершенно не выдерживает критики.

"Капиталистическая прибыль- говорит Лассаль- есть плата за воздержаніе. Счастливое слово, несчѣтимое слово. Европейскіе милліонеры-аскеты, индійскіе кающіеся столпники, стоящіе на столпѣ на одной ногѣ и протягивающіе народу с согнутой спиной и блѣдним лицом тарелку, чтоли собирать плату за воздержаніе. И посреди них высоко возвышаясь над своими кающимися товарищами, как самий главний кающійся и наиболѣе воздерживающійся, дом Ротшильда. Таково состояніе общества." Рабочіе же являются с этой точки зрѣнія, эпикурейцами, которне не желают воздерживаться от потребленія и ведут роскошную жизнь.

В современном строѣ воздерживаться приходится не капиталистам, а рабочим. Но сколько бы ни воздерживался, по необходимости, рабочій, это ни в малѣйшей степени не даст ему возможности получать прибыль, источником которой, таким образом, является не воздержаніе, а владѣніе достаточно значительним имуществом, которое могло бы быть превращено в капитал.

Так же неудачно и даваемое теоріей воздержанія объясненіе объективних факторов, регулирующих процент прибыли.

С точки зрѣнія этой теоріи, пониженіе процента прибыли понижает энергію накопленія, а повышеніе процента усиливает эту энергію. На самом же дѣлѣ, пониженіе процента процента имѣет тенденцію не ослаблять, а усиливать энергію накопленія капитала, а повышеніе процента ослабляет эту энергію.

В развитом капиталистическом обществѣ почти вся масса населенія (в том числѣ и большая часть рабочаго класса) сберегает часть своего дохода и превращает ее в капитал. Цѣлью этих сбереженій является увеличеніе дохода. Какой-нибудь мелкій французскій чиновник десятки лѣт откладивает свои сбереженія, чтобы на склонѣ лѣт достигнуть положенія рантьера- имѣть возможность жить на накопленний капитал. Высота процента прибыли опредѣляет величину необходимаго для этого капитала. Если, напр., для существованія рантьера необходимо 5.000 фр. в год, а средній процент прибыли в странѣ равняется 5, то, чтобы обезпечить себѣ этот доход, необходимо скопить 100.000 фр. капитала; если процент прибыли достигает лишь 4, то 125.000 фр. и т.д. Допустим теперь, что процент прибыли понижается с 5 до 4. Теорія воздержанія предполагает, что это понизит энергію накопленія: если раньше данное лице накапливало, за извѣстний період времени, капитал в 100.000 фр., то с пониженіем процента прибыли, накопленіе капитала утратит для этого лица свою прежнюю привлекательность, оно станет большую часть своего дохода затрачивать на свои личния нужды, и скопит, положим не 100.000 фр., а 80.000 фр. На самом же дѣлѣ пониженіе процента прибыли должно подѣйствовать на энергію накопленія капитала обратно: чтобы обезпечить себѣ доход в 5.000 фр. при 4% прибыли требуется больший капитал, чѣм при 5% прибыли-не 100.000, а 125 тысяч франков; и наш чиновник станет больше сберегать чтоб обезпечить себѣ тот же доход. Иными словами произойдет совершенно обратное сравнительно с тѣм, что предполагает теорія воздержанія.

И, дѣйствительно, мы видим, что энергія накопленія всего больше именно в тѣх странах, гдѣ процент прибыли всего ниже. Капитал приносит, напр., во Франціи гораздо меньшій процент прибыли чѣм в Россіи. Но энергія накопленія капитала в Россіи гораздо слабѣе, чѣм во Франціи. Из этого ясно, что причина той или иной высоты процента на капитал не находится ни в каком опредѣленном соотношеніи с платой, которую капиталисты яко-бы требуют за воздержаніе от непроизводительнаго потребленія.

Процент на капитал находится в соотношеніи с размѣром капитала, а отнюдь не с размѣрами воздержанія капиталиста. Если милліонер получает в десятки раз высшіе доходы, чѣм мелкій капиталист, то, очевидно, не потому, что милліонеру приходится во много раз больше воздерживаться, чѣм мелкому капиталисту. Попытка справданія прибыли при помощи теоріи воздержанія должна быть признана рѣшительно неудавшейся.

Среди различных теорій прибыли, теоріи Бем- Баверка (теорія лажа) интересна в том отношеніи, что она представляет собой, в наиболѣе чистом видѣ, попытку объяснить прибыль, как явленіе цѣнности. Для Бем-Баверка проблема прибыли заключается в слѣдующем. Согласно общей теоріи цѣнности, цѣнность средств производства управляется цѣнностью продукта. Между тѣм, в дѣйствительной жизни мы видим, что цѣнность изготовленнаго продукта превышает цѣнность общей суммы затраченных средств производства (включая сюда, конечно, и рабочую силу). Этот избыток цѣнности продукта и составляют прибыль капиталиста. Почему же готовый продукт расцѣнивается на рынкѣ выше израсходованных средств производства?

Дѣйствительный источник этого различія коренится, по мнѣнію Бем-Баверка, ни в чем ином, как в различіи цѣнности продуктов в настоящем и будущем времени, в силу слѣдующих трех оснований. Во-первых соотношеніе спроса и предложенія, опредѣляющее цѣнность всякаго предмета хозяйства, может быть очень различно в настоящем и будущем. Хозяин, пострадавшій от пожара, не может не цѣнить в данный момент нужные ему хозяйственные предметы гораздо выше, чѣм он будет цѣнить их впослѣдствіи, когда справится от постигшаго его несчастія. Точно также послѣ неурожая земледѣлец должен цѣнить хлѣб выше, чѣм он будет цѣнить тот же хлѣб впослѣдствіи. Молодой человѣк в началѣ своей карьеры, когда он еще скудно снабжен средствами к существованію, должен цѣнить их выше, чѣм в будущем. Во всѣх этих случаях болѣе высокая оцѣнка хозяйственных предметов в настоящем, чѣм в будущем, основывается на менѣе благопріятном, в настоящем, соотношеніи спроса и предложенія этих предметов.

Вторым и гораздо болѣе общим основаніем для более высокой расцѣнки хозяйственных предметов в настоящем является нами общая психологическая наклонность выше цѣнить настоящее, чѣм будущее, частью вслѣдствіе сравнительной слабости нашего представленія о будущем, частью вслѣдствіе слабости нашей воли, побуждающей нас жертвовать будущим ради настоящаго, частью же вслѣдствіе нашего сознанія возможности нашей смерти до наступленія этого будущаго. По всѣм этим причинам тот же предмет цѣнится нами выше, когда мы им располагаем в настоящем, чѣм когда мы можем получить его только в будущем.

Наконец, третьим основаніем для болѣе высокой расцѣнки настоящаго являются возможность использовать имѣющееся время для цѣлей производства и таким образом получить в будущем большее количество продуктов. Средства производства в настоящем превратятся, по истеченіи извѣстнаго времени, в умноженное количество продукта. Поэтому совершенно независимо от более высокой расцѣнки немедленнаго удовлетворенія своих потребностей сравнительно с таковым же в будущем, мы цѣним великое имущество в настоящем выше, чѣм в будущем, ибо имущество в настоящем равносильно умноженному имуществу в будущем.

Капиталистическая прибыль есть непосредственный результат того, что капиталист немедленно расходует свой капитал в видах получения извѣстнаго эквивалента своей затраты в будущем. Между моментом капиталистической затраты и получки проходит извѣстное время; отсюда и вытекает неизбѣжность процента на капитал. Уплачивая рабочим меньше того, что он сам получает впослѣдствіи, капиталист не эксплоатирует рабочаго, так как рабочій получает полностью создаваемую им цѣнность, - ему поступает плата немедленно, а капиталист реализирует в свою пользу продукт рабо-

чаго лишь по истеченіи извѣстнаго времени; будущій же продукт, согласно сказанному, имѣет меньшую цѣнность, чѣм тот же продукт в настоящем. Поэтому капиталист не совершает никакой несправедливости по отношенію к рабочему, отдавая ему, в видѣ заработной платы, лишь часть той будущей цѣнности, которая впослѣдствіи поступит капиталисту.

Поэтому процент на капитал не составляет историческаго, преходящаго явленія. Процент всегда останется, даже, если бы перестал существовать капиталистическій строй. И при соціалистическом строѣ продукты в настоящем будут расцѣниваться выше, чѣм продукты в будущем; благодаря этому, рабочіе, занятые в тѣх отраслях производства, в которых процесс производства продолжается большее время, будут получать, при предположеніи равенства оплаты во всѣх видах общественнаго труда, только часть цѣнности своего продукта и, наоборот, рабочіе, занятые в производствах с болѣе коротким періодом производства, будут получать болѣе цѣнности созданнаго ими продукта. Процент на капитал и будет выражаться в болѣе высокой расцѣнкѣ продуктов болѣе медленнаго производства. Если признавать эксплоатацію рабочаго невыдачу ему в настоящем полной цѣнности его будущаго продукта, то такая эксплоатація останется, как видно из сказаннаго, и при соціалистическом строѣ.

Таким образом, в основѣ теоріи Бем-Баверка лежит тезис, что предметы настоящіе должны имѣть болѣе высокую, чѣм предметы будущаго цѣнность. Из соображеній, приводимых Бем-Баверком в пользу этого тезиса, первое совершенно лишено какого бы то ни было принципіальнаго значенія, так как если соотношеніе спроса и предложенія может быть в настоящем менѣе благопріятно, чѣм в будущем, то столь же возможно и обратное. При неурожаѣ хлѣб в настоящем имѣет болѣе высокую цѣнность, чѣм в будущем; но при урожаѣ хлѣб в будущем имѣет болѣе высокую цѣнность, чѣм в настоящем. При началѣ карьеры человѣк в данный момент бѣднѣе, чѣм он будет впослѣдствіи; но при концѣ карьеры человѣк в данный момент богаче, чѣм он будет впослѣдствіи. Что касается до третьяго аргумента Бем-Баверка в пользу болѣе высокой расцѣнки настоящаго, то этот аргумент всецѣло заимствован из теоріи производительности капитала и, таким образом, не требует спеціальной критики. Остается второй аргумент Бем-Баверка, на котором и покоится вся его теорія прибыли. Аргумент этот заключается в указаніи на неизбѣжность болѣе высокой расцѣнки настоящаго в силу, с одной стороны, слабости наших представленій о будущих удовольствіях и лишеніях, а, с другой стороны, в силу нашего сознанія возможности, в будущем, нашей личной смерти. Эти соображенія правильны, поскольку дѣло идет о продолжительных сроках. Конечно, если предположить на выбор получить извѣстный предмет потребленія немедленно или через двадцать лѣт, то каждый предпочтет получить его немедленно и этим докажет, что он цѣнит свое потребленіе в настоящем выше. Но это вѣрно лишь по отношенію к продолжительным срокам и совершенно невѣрно по отношенію к срокам менѣе продолжительным, с которыми приходится имѣть дѣло в обычном хозяйствѣ. Хорошій хозяин думает о близком будущем нисколько не менѣе, чѣм о настоящем, именно в заботѣ о будущем и состоит характерная черта культурнаго человѣка сравнительно с психологіей дикаря. Если психологія культурнаго хозяина была бы такова, как ее предполагает Бем-Баверк, то было бы невозможно равномѣрное удовлетвореніе общественных потребностей, - доходы всегда получаются через большіе или меньшіе промежутки времени, и слѣдовало бы ожидать, что эти доходы будут расходоваться менѣе экономно немедленно по их полученіи, в ущерб будущему удовлетворенію потребностей. Ничего подобнаго не наблюдается в дѣйствительности: современный культурный человѣк отнюдь не прокучивает своих доходов немедленно по их полученіи, а умѣет ограничивать ради будущаго свои потребности в настоящем.

Второй аргумент Бем-Баверка есть не что иное, как отрицаніе силы хозяйственнаго принципа в современном хозяйствѣ. Однако, вопреки Бем-Баверку, современный хозяин-капиталист, прибыль котораго Бем-Баверк хочет объяснить, отнюдь не забывает о будущем и скорѣе страдает обратным пол-

хологическим дефектом- склонностью ради будущаго увеличенія своего имущества жертвовать удовольствіями настоящаго; именно такова психологія скупости, которая гораздо ближе современному капиталисту,чѣм неразумная расточительность.

Итак,психологическая теорія прибыли Бом-Баверка основывается на полномъ извращеніи психологіи обычнаго капиталиста. Она имѣет извѣстное значеніе для объясненія одной области явленій прибыли- именно прибыли ростовщика при потребительномъ кредитѣ. Ростовщику очень часто приходится имѣть дѣло с людьми, временно находящимися в нуждѣ,людьми расточительными,не думающими о будущем,и тому подобными лицами,о которых говорит Бом-Баверк, и которыя отнюдь не типичны для капиталистическаго строя. Для пониманія же капиталистической прибыли,как основной хозяйственной категоріи всего современнаго хозяйственнаго строя,разсматриваемая теорія не дает ровно ничего.

Столь же неудачна попытка Бом-Баверка доказать,что процент на капитал останется в соціалистическом строѣ и что,если может быть рѣчь об эксплоатаціи рабочих в капиталистическом строѣ,то с таким же правом можно говорить об эксплоатаціи рабочих при господствѣ соціализма. Болѣе высокая расцѣнка продуктов очень продолжительных производственных процессов,если бы она и осталась,не имѣет ничего общаго с капиталистическим процентом,ибо послѣдній составляет собою форму распредѣленія общественнаго дохода,захват общественнаго продукта неработающим классом,капиталистами; при соціалистическом же строѣ капиталистов не будет и,значит,они ничего не будут захватывать. Точно такжо не может быть рѣчи об эксплоатаціи рабочих в том строѣ,гдѣ кккхх,кромѣ рабочих никого нѣт и гдѣ всѣ получают поровну.

Неудача Бом-Баверка характерна в том отношеніи,что она свидѣтельствует о невозможности разрѣшить проблему прибыли,исходя из общей теоріи цѣнности. И это неудивительно: теорія цѣнности,исходящая из посылки соціальнаго равенства,не может объяснить явленій соціальнаго неравенства,к каковым должна быть безспорно причислена прибыль.И потому нельзя не видѣть совершенно правильнаго логическаго вывода из основных посылок теоріи предѣльной полезности,когда новѣйшій представитель школы-Шумпетер- в результатѣ своего тщательнаго анализа явленій распредѣленія,приходит к тому неожиданному выводу,что " процент не есть отрасль общественнаго дохода в статическом смыслѣ", что "статическая система не объясняет процента",что "при статическом состояніи народнаго хозяйства не было бы других форм общественнаго дохода, кромѣ заработной платы и ренты." Этот вывод Шумпетер признает "имѣющим большое значеніе." С послѣдним можно согласиться,поскольку он свидѣтельствует о том,что сознаніе полнаго банкротства теоріи предѣльной полезности в сферѣ явленій распределенія проникло и в ряды выдающихся представителей школы.

II. Соціальная теорія прибыли. Прибыль не логическая категорія хозяйства (в противоположность доходам, поддерживающим существованіе рабочих), а характерное явленіе особой системы хозяйства- капитализма. Историческим основаніем прибыли является переход средств производства из рук рабочих масс в руки господствующих классов,обстоятельство,которое дало возможность послѣдним получать доход, не основанный на трудѣ. Прибыль,слѣдовательно,есть явленіе соціальное, в котором получают свое выраженіе отношенія господства и зависимости в современном классовом обществѣ. Доходы,не основанные на трудѣ,возможны только в том обществѣ,характерной особенностью, котораго является принадлежность одной части общества всѣх средств производства.

Загадочность прибыли является прямым слѣдствіем методологически неправильной постановки вопроса: если мы станем на точку зрѣнія отдѣльнаго капиталиста,прирост цѣнности его капитала в дѣйствительности должен представляться нам чѣм-то не легко доступным пониманію. С точки зрѣнія цѣлаго общества прибыль объяснить очень легко. Владѣльцы средств производства, которых либо непосредственно производители послѣдних, обладают экономической властью,дающей им возможность присвоивать часть общественнаго продукта,как доход, не основанный на трудѣ. Так как эта

часть не причисляется капиталистами к издержкам производства,то,очевидно,что издержки производства должны быть меньше,чѣм произведенный продукт.

Прирост цѣнности капитала является,таким образом,слѣдствіем того обстоятельства,что капиталисты не присчитывают свою прибыль к издержкам расходуемаго капитала. Если бы они вели свои расчеты иначе,если бы их собственный расход на жизнь разсматривался ими,как расход капитала,то было бы и прироста цѣнности,как постояннаго явленія капиталистическаго хозяйства. Прирост цѣнности капитала, с соціальной точки зрѣнія,- нѣкоторая иллюзія,за которой скрывается присвоеніе капиталистами части общественнаго дохода.

Таков отвѣт соціальной теоріи распредѣленія на первый вопрос в теоріи прибыли- вопрос о соціально-экономической природѣ прибыли.Отсюда естественно вытекает и опредѣленная оцѣнка прибыли с нормативной точки зрѣнія.Как и всякій нетрудовой доход,прибыль есть результат эксплоатаціи трудящихся классов нетрудящимися и в качествѣ такового осуждается нашим моральным сознаніем.

Однако,признаніе прибыли результатом эксплоатаціи рабочаго капиталистом,возникающей на почвѣ отсутствія у рабочаго средств производства и средств существованія,далеко не исчерпывает собой теоретической проблемы прибыли.Оно лишь устанавливает соціальную природу прибыли и приводит к опредѣленной оцѣнкѣ прибыли с нормативной точки зрѣнія; если прибыль есть выраженіе соціальной эксплоатаціи,то она не может не осуждаться нашим нравственным сознаніем.

Поскольку современное правосознаніе протестует против эксплоатаціи человѣка человѣком,постольку оно должно протестовать и против нетрудовых доходов.

Но проблема прибыли требует еще выясненія объективных факторов,регулирующих высоту прибыли. Поскольку дѣло идет о капиталистическом производствѣ,прибыль представляет собой доход,соотносительный заработной платѣ. Заработная плата предполагает прибыль,-и обратно. Поэтому тѣ же объективные факторы,которые устанавливают высоту заработной платы, должны устанавливать и сумму прибыли,поступающей в распоряженіе капиталистов. Если заработная плата опредѣляется производительностью общественнаго труда и соотношеніем соціальной силы рабочих и капиталистов,то и прибыль по своей абсолютной величинѣ,должна опредѣляться тѣми же двумя моментами.

Как и заработная плата,доход капиталистов,прибыль,зависит,прежде всего, от производительности общественнаго труда. Чѣм эта производительность больше,тѣм больше,при прочих равных условіях и доход капиталистическаго класса. Поэтому все то,что увеличивает производительность общественнаго труда,имѣет тенденцію повышать и прибыль.

Введеніе новых улучшенных орудій труда имѣет тенденцію повышать прибыль. В этом заключается та немаловажная доля истины, которая содержится в теоріи производительности капитала. Рикардо отрицал,чтобы производительность общественнаго труда могла оказывать какое либо непосредственное вліяніе на прибыль; высота прибыли, по его мнѣнію,опредѣляется только высотой заработной платы и больше ничѣм. Он думал, что повышеніе прибыли возможно лишь в том случаѣ,если понижается заработная плата. Благодаря этому ученію Рикардо о прибыли (хотя сам он отнюдь не был сторонником идеи классовой борьбы) с особенной рѣзкостью выдвигало неустранимую противоположность интересов рабочих и капиталистов. Для солидарности интересов тѣх и других в этой концепціи мѣста совершенно не оставалось.

На самом же дѣлѣ повышеніе прибыли вовсе не предполагает неизбѣжнаго понижения заработной платы. Если, благодаря, напр., введенію улучшенных орудій труда, производительность общественнаго труда повышается,то увеличивается сумма общественнаго продукта,подлежащаго раздѣленію между рабочими и капиталистами,и заработная плата и прибыль могут подняться одновременно; повышеніе прибыли будет достигнуто в этом случаѣ не счет паденія заработной платы,а насчет повышенія производительности общественнаго труда.

И при этом прибыль и заработная плата могут одновременно повыситься не только по своим абсолютным размѣрам, как сумма продуктов, поступающих в распоряженіе капиталистическаго и рабочаго классов, но и как доли общественнаго продукта. Д о л я капиталистов в общественном продуктѣ может возрасти при повышеніи производительности общественнаго труда, и в то же время может возрасти и д о л я в общественном продуктѣ рабочаго класса, как ни кажется это страннымъ.

Для современной политической экономіи, которая не пошла в этом отношеніи дальше Рикардо, одновременное повышеніе долей в общественном продуктѣ капиталистов и рабочих (и, притом, на счет пониженія долей в общественном продуктѣ каких-либо других общественных классов) должно казаться совершенной невозможностью. Но эта кажущаяся невозможность возникает лишь вслѣдствіе того, что современная наука разсматривается весь общественный продукт, как состоящій лишь из предметов потребленія. Современная наука все еще не может постичь той несложной истины, что в состав общественнаго продукта входят не только предметы потребленія, но и средства производства.

В общественном продуктѣ нужно строго различать двѣ части. Одна часть распредѣляется между общественными классами и составляет доход этих классов. Другая же часть идет на возстановленіе израсходованных в процессѣ производства средств производства и не составляет ничьего дохода, не переходит ни в чье потребленіе. Только нѣкоторая часть общественнаго продукта составляет общественный доход – вот простая истина, до сих пор не усвоенная наукой. Непониманіе же этой истины мѣшает понять и законы распредѣленія общественнаго продукта.

Если же мы будем помнить, что цѣнность всего совокупнаго общественнаго дохода никогда не достигает цѣнности всего общественнаго продукта, то нам будет понятна возможность одновременнаго возрастанія и прибыли и заработной платы, как долей общественнаго продукта. Рост производительности общественнаго труда приводит к тому, что общая сумма общественнаго продукта возрастает. Этот избыточный продукт соотвѣтственно увеличивает общую сумму общественнаго дохода, и, благодаря этому, всѣ общественные доходы могут одновременно возрасти на счет сокращенія доли средств производства.

Возьмем конкретный примѣр. Вводятся улучшенные пріемы производства стали, благодаря чему сокращается общественная трудовая затрата производства пуда стали; благодаря этому, освобождается извѣстная доля общественнаго труда, которая пойдет на увеличеніе общественнаго дохода. Чѣм меньше доля общественнаго труда, которая идет на возстановленіе единицы израсходованных средств, тѣм больше труда тратится на непосредственное удовлетвореніе потребностей общества.

Этот процесс роста общественнаго дохода за счет сокращенія доли израсходованных в процессѣ производства средств производства может быть графически изображен слѣдующим образом:

Эти круги должны изображать собой продукты одинаковой затраты общественнаго труда при различных условіях общественнаго производства. Бѣлая часть кругов изображает собой долю общественнаго дохода, зачерненная долю общественных средств производства. Рост производительности общественнаго труда приводит к сокращенію общественных расходов на возстановленіе израсходованных средств производства– зачерненная часть круга уменьшается– и доля общественнаго дохода в продуктѣ той же трудовой затраты возрастает– увеличивается бѣлая часть круга. При этом заработная плата и прибыль, как доли общественнаго продукта, могут повышаться одновременно.

Отсюда слѣдует, что прибыль может измѣняться как параллельно, так и в обратном отношеніи сравнительно с заработной платой. Возможны слѣдующія

комбинаціи прибыли и заработной платы (как долей продукта): высокая заработная плата и низкая прибыль, высокая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и высокая прибыль, низкая заработная плата и низкая прибыль. Эти комбинаціи мы и наблюдаем в дѣйствительности: высокая прибыль идет, напр., в Америкѣ рядом с высокой, в Россіи– с низкой заработной платой. Благодаря высокой производительности труда, трудовая стоимость единицы средств производства в Америкѣ низка, и самих средств производства на единицу продукта требуется меньше: поэтому доля капиталистов и рабочих в общественном продуктѣ высока. Иное мы видим в Россіи, гдѣ при низкой производительности труда высокая прибыль достигается путем крайняго угнетенія труда капиталом.

Теперь нам не трудно установить, в чем заключается истина и ложь двух столь противоположных теорій, как теорія производительности, отрицающая или игнорирующая зависимость высоты прибыли от высоты заработной платы, и теорія Рикардо, настаивающая, что высота прибыли опредѣляется исключительно высотой заработной платы. Обѣ онѣ заключают зерно истины, но, признавая значеніе лишь одного из двух факторов, регулирующих высоту прибыли, в равной мѣрѣ односторонни. Что касается до теоріи производительности, то совершенно вѣрно, что, кромѣ пониженія заработной платы, имѣется и другой источник для повышенія прибыли– именно повышеніе производительности общественнаго труда. Технический прогресс создает естественную тенденцію к повышенію прибыли.

Но, с другой стороны, вѣрно и то, что прибыль может повышаться и помимо роста производительности труда– насчет сокращенія заработной платы. Всякое измѣненіе заработной платы, предполагая производительность общественнаго труда неизмѣнной, неизбѣжно должно вызывать обратныя измѣненія прибыли. Истинная же теорія прибыли должна признать вліяніе на прибыль обоих моментов– как чисто-экономическаго (высоты производительности общественнаго труда), так и соціальнаго (распредѣленія продукта между различными общественными классами).

Итак, вот какими факторами опредѣляется прибыль: как опредѣленная сумма цѣнностей, получаемых капиталистом. Но прибыль обычно выражается не абсолютно, а относительно, в процентах к капиталу, который авансируется капиталистом. Чѣм же опредѣляется общественный процент прибыли?

Процент прибыли есть частное от дѣленія прибыли на затраченный капиталистом капитал. Как сказано, общественная прибыль, по своей абсолютной величинѣ, опредѣляется производительностью общественнаго труда и соотношеніем соціальной силы капиталистическаго и рабочаго классов. Что же касается капитала, в процентах к которому выражается прибыль, то размѣры затрачиваемаго капиталистом капитала опредѣляются скоростью оборотов послѣдняго. Чѣм быстрѣе оборачивается капитал, тѣм меньше капитал затрачиваемый на устройство предпріятія, и тѣм выше процент прибыли. Таким образом, скорость оборотов общественнаго капитала является третьим фактором, вліяющим на общественный процент прибыли, который опредѣляется, слѣдовательно, тремя факторами: производительностью общественнаго труда, соотношеніем соціальной силы капиталистов и рабочих и скоростью оборотов общественнаго капитала.

Прибыль на капитал распадается на двѣ составныя части– ссудный процент и предпринимательскую прибыль. Ссудный процент есть плата за пользованіе ссужаемым капиталом. Если предпріятіе ведется при помощи капитала, полученнаго в кредит, то обѣ составныя части капиталистической прибыли рѣзко обособляются: кредитор получает ссудный процент, а остальная часть капиталистической прибыли, за вычетом ссуднаго процента, образует собой барыш предпринимателя– предпринимательскую прибыль.

Величина ссуднаго процента опредѣляется условіями спроса и предложенія ссуднаго капитала. Чѣм больше капитал, предназначающійся на отдачи в ссуду, тѣм ниже должен быть для прочих равных условіях, ссудный процент.

Ссудный капитал (наряду с торговым) является одной из древнѣйших форм капитала. Ростовщичество составляет одну из язв возникающаго денежнаго хозяйства; когда денежные капиталы имѣются в странѣ в ничтожном количествѣ, а, в то же время, благодаря разложенію натуральнаго хо-

зяйства, возникает сильный спрос на деньги. Таким образом создается почва для ростовщичества- отдачи в ссуду денежных капиталов (преимущественно, для потребительных цѣлей или же мелким производителям) по непомѣрно высоким процентам. В развитом капиталистическом хозяйствѣ кредит служит цѣлям не потребленія, а главным образом производства, и должник является, как общее правило, таким же капиталистом, как и кредитор. Происходит дѣленіе капиталистической прибыли между предпринимателем и кредитором, причем ссудный процент спускается до значительно болѣе низкаго уровня, как часть общей прибыли капиталистическаго предпріятія.

Капиталистическое развитіе приводит к тому, что основной капитал растет насчет оборотнаго, почему обороты общественнаго капитала имѣют тенденцію дѣлаться болѣе медленными. С другой стороны, то же развитіе сопровождается быстрым ростом производительности общественнаго труда. Таким образом капиталистическое развитіе заключает в себѣ тенденціи как к повышенію, так и к пониженію процента прибыли, и какая тенденція перевѣшивает, -сказать в общей формѣ нельзя. Все зависит от конкретной обстановки капиталистическаго развитія. Во всякомъ случаѣ, не существует общаго закона тенденціи процента прибыли к паденію, который предполагался Марксом.

Факты рѣшительно говорят против существованія такого закона. Уже в XVIII вѣкѣ ссудный процент в Англіи падал, по словам Ад. Смита, до 3, а в Голландіи даже до 2; средняя прибыль в это время, по словам того же автора превышавшая вдвое ссудный процент, считалась нормальной. Можно думать, что в первыя десятилѣтія XIX вѣка средняя прибыль в Англіи была болѣе значительной. Послѣдующее измѣненіе процента прибыли точно также вовсе не характеризовалось постоянной тенденціей к пониженію. По мнѣнію Шмоллера "для большинства средне- и западно-европейских стран можно утверждать, что предпринимательская прибыль за 1895-1900 годы была также высока или даже выше, чѣм за 1860-73 г.г. или 1820-40 г.г."

Изложенная теорія прибыли относится к прибыли в развитом капиталистическом хозяйствѣ; она исходит из предположенія, что общественный продукт создается в процессѣ капиталистическаго производства и распредѣляется (за вычетом доли средств производства) между тремя общественными классами, предполагаемыми самой природой капиталистическаго производства, -рабочими, капиталистами и землевладѣльцами. Прибыль является в этом случаѣ ~~xxxxxxxxxxxx~~ вычетом в пользу капиталистов из продукта, создаваемаго рабочими. Но если мы предположим (что соотвѣтствует дѣйствительности), что капиталистическое производство охватывает лишь часть общественнаго производства, и что извѣстная часть общества находится внѣ отношеній капиталистическаго производства, образуя особый класс мелких некапиталистических производителей, что для возникновенія прибыли явится и другой источник. Капиталист, стоящій во главѣ капиталистическаго предпріятія, имѣет возможность в этом случаѣ извлекать прибыль путем эксплоатаціи не только рабочих, занятых в его предпріятіи, но и не принадлежащих к рабочему классу потребителей, пріобрѣтающих его продукты. Если капиталистическое производство охватывает собой все общественное производство, то капиталисты, как класс, не могут извлекать прибыль из обмѣна, а только из производства, так как совокупность покупателей совпадает в этом случаѣ в совокупностью классов, связанных между собой процессом капиталистическаго производства. Напротив, если извѣстная часть общества стоит внѣ капиталистическаго производства, то капиталист может извлекать свою прибыль путем продажи этой части общества продуктов капиталистическаго производства по болѣе высокой цѣнѣ и, таким образом, извлекать свою прибыль из эксплоатаціи покупателя.

В странах лишь начинающих свое капиталистическое развитіе, капиталистическія предпріятія обычно пользуются в большей или меньшей степени монопольным положеніем; они не встрѣчают конкуренціи других капиталистических предпріятій и, пользуясь этим, могут держать цѣны своих издѣлій, на очень высоком уровнѣ. Поэтому процент прибыли, выручаемый ими, может быть очень высок и обычно стоит на значительно высшем уровнѣ, чѣм

в странах с развитым капиталистическим хозяйством. Но этот высокій уровень прибыли возникает на совершенно другой основѣ, чѣм прибыль при полном развитіи капиталистическаго производства. При развитом капиталистическом производствѣ капиталисты, как класс, извлекают прибыль лишь из эксплоатаціи рабочих; при неразвитом кромѣ того и из эксплоатаціи покупателей. Этот послѣдній источник прибыли, по необходимости исчезает, когда капиталистическое производство становится господствующим.

Вот почему процент прибыли в странах с малоразвитым капиталистическим хозяйством обычно значительно выше, чѣм в странах развитого капитализма.

Так, напр., высокій процент прибыли в Россіи зависит не только от низкаго уровня заработной платы, но еще от того, что русскіе фабриканты, помимо эксплоатаціи своих рабочих, эксплоатируют еще и своих покупателей. Продавая свои издѣлія (в силу слабости конкуренціи) по непомѣрно высокой цѣнѣ, они облагают данью в свою пользу все населеніе, пользующееся их товарами.

В этом двойном источникѣ прибыли в молодых капиталистических странах и лежит причина столь часто замѣчающагося паденія процента прибыли при распространеніи в странѣ капиталистическаго производства, что подало повод к мнѣнію, будто процент прибыли вообще имѣет тенденцію понижаться по мѣрѣ развитія капитализма; на самом же дѣлѣ, паденіе процента прибыли замѣчается лишь при переходѣ страны к развитому капитализму и может совершенно прекращаться или даже замѣняться противоположным движеніем процента при дальнѣйшем развитіи капиталистической системы хозяйства.

Теорія прибыли Маркса представляет собой логическое завершеніе его теоріи цѣнности. Исходя из теоріи абсолютной трудовой цѣнности, Маркс совершенно послѣдовательно приходит к заключенію, что прибыль капиталистов, как и вообще всякій доход, не основанный на трудѣ, вытекает из присвоенія капиталистами и другими имущими классами неоплаченнаго труда рабочих. Рабочую силу Маркс называет перемѣнным капиталом (так как цѣнность этой части капитала в процессѣ производства возрастает), а средства производства- постояннымъ капиталом. Распаденіе капитала на постоянную и перемѣнную части Маркс называет сложеніем капитала; тѣ капиталы, в которых постоянный капитал играет большую роль, являются капиталами высшаго сложенія, капиталы с преобладаніем перемѣнной части- капиталами низшаго сложенія. Сущность теоріи прибыли Маркса заключается в утвержденіи, что только перемѣнный капитал есть источник прибыли, а постоянный капитал играет при этом пассивную роль; именно этим утвержденіем теорія Маркса отличается самым рѣзким образом от всѣх тѣх теорій прибыли, которыя не приводят по отношенію к прибыли никакого различія между заработной платой и средствами производства.

Между тѣм, не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію, что на поверхности капиталистическаго міра нельзя замѣтить, по отношенію к образованію прибыли никакого разлинія между постояннымъ и перемѣнным капиталом. Прибыль отнюдь не выше в тѣх предпріятіях, в которых перемѣнный капитал играет относительно большую роль, чѣм в тѣх, гдѣ преобладает постоянный капитал. Маркс не оспаривает этого факта, но старается, при помощи слѣдующаго разсужденія, согласовать его со своей теоріей. " В различных отраслях производства- говорит он, - производятся весьма различныя массы прибавочной цѣнности, благодаря различіям сложенія капитала. Поэтому и проценти прибыли первоначально весьма различны в различных отраслях производства. Но эти различные проценты прибыли выравниваются конкуренціей в один общій процент прибыли, являющійся среднім процентом из всѣх их." Отдѣльные капиталисты " не получают в свою пользу всей прибавочной цѣнности, а, слѣдовательно, и прибыли, возникающей в их собственной отрасли производства, но лишь только прибавочной цѣнности и прибыли, сколько приходится при равном распредѣленіи на всѣ капиталы той цѣнности или прибыли, которая создается всѣм общественным капиталом в совокупности, во всѣх отраслях производства. Поскольку дѣло идет о прибыли, различные капиталисты являются как бы простыми акціонерами акціернаго обще-

ства,между которыми прибыль распредѣляется пропорціонально вносимымъ паямъ."

Противъ этихъ соображеній, нужно прежде всего указать,что предполагаемый Марксомъ процессъ выравниванія первоначально различныхъ процентовъ прибыли, вслѣдствіе различія сложенія капитала, измышленъ Марксомъ ad hoc и ни малѣйшимъ образомъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. В капиталистическомъ хозяйствѣ,какъ оно есть въ дѣйствительности, не существуетъ никакихъ основаній ко всему этому процессу, ибо и " первоначальные" проценты прибыли въ различныхъ отрасляхъ производства не зависятъ отъ сложенія капитала. Товарныя цѣны,а,слѣдовательно и процентъ прибыли, складываются на основѣ не абсолютной трудовой стоимости, но капиталистическихъ издержекъ производства: а вѣдь съ этой послѣдней точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы между затратой капитала въ формѣ заработной платы или средствъ производства.

Не подлежитъ сомнѣнію, что,поскольку дѣло идетъ объ отдѣльныхъ предпріятіяхъ,нельзя замѣтить никакой связи между сложеніемъ капитала и процентомъ прибыли. Но, по мнѣнію Маркса, хотя прибыль отдѣльныхъ капиталистовъ столько же зависитъ отъ постояннаго,какъ и перемѣннаго капитала,прибыль всего класса капиталистовъ создается исключительно перемѣннымъ капиталомъ. Законъ прибавочной цѣнности,говоритъ онъ, господствуетъ въ основной области общественнаго распредѣленія,именно въ области распредѣленія общественнаго дохода между отдѣльными общественными классами. Что же касается до распредѣленія общественнаго дохода въ предѣлахъ того же класса,то оно подчиняется инымъ законамъ.

Если взять совокупность всѣхъ отраслей производства, то сумма товарныхъ цѣнъ,- говоритъ Марксъ,-сравняется съ суммой ихъ трудовыхъ цѣнностей: прибыли въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ,не совпадающія съ соотвѣтствующими суммами прибавочной цѣнности, не въ силахъ поколебать общій законъ прибавочной цѣнности,такъ какъ все разрѣшается тѣмъ, что если въ цѣнѣ одного товара прибавочная цѣнность поступаетъ капиталисту не полностью,зато въ цѣнѣ другого товара она поступаетъ съ избыткомъ,почему и всѣ уклоненія цѣнъ производства отъ цѣнностей взаимно уничтожаютъ другъ друга.

Итакъ,общественный процентъ прибыли всецѣло опредѣляется,по мнѣнію Маркса,трудовой цѣнностью,поступающей въ распоряженіе капиталистическаго класса. Однако,не трудно показать,что теорія прибыли Маркса находится въ противорѣчіи съ его собственнымъ ученіемъ о ц е н а х производства. Реальныя цѣны товаровъ, согласно ученію о цѣнѣ, развитому въ III томѣ "Капитала",не совпадаютъ съ трудовыми цѣнностями,а опредѣляются издержками производства. Если на производство двухъ товаровъ затрачены равные капиталы, сложеніе которыхъ различно, то трудовыя цѣнности обоихъ товаровъ будутъ различны(такъ какъ при затратѣ капитала высшаго сложенія количество занятыхъ рабочихъ меньше,чѣмъ при затратѣ капитала такой же величины,но низшаго сложенія). Но,несмотря на различіе трудовыхъ цѣнностей, цѣны этихъ товаровъ будутъ равны,-цѣна каждаго товара опредѣляется,какъ сумма затраты производства даннаго товара плюсъ средняя прибыль. Эту цѣну Марксъ называетъ ц ѣ н о й производства. Реальныя цѣны товаровъ и суть цѣны производства.

Но отсюда слѣдуетъ не только то, что прибыль каждаго отдѣльнаго капиталиста отклоняется отъ соотвѣтствія съ трудовой добавочной цѣнностью, но и то,что вся общественная прибыль отклоняется отъ соотвѣтствія съ трудовой прибавочной цѣнностью.

Обозначивъ трудовую цѣнность всего общественнаго продукта буквой A, а трудовую цѣнность всего общественнаго капитала буквой K; цѣну производства общественнаго продукта обозначимъ буквой A_i, а цѣну производства общественнаго капитала буквой K_i. В такомъ случаѣ общественный процентъ прибыли въ трудовыхъ единицахъ выразится такъ $\frac{A-K}{K}$, а тотъ же общественный процентъ прибыли въ цѣнахъ производства какъ $\frac{A_i-K_i}{K_i}$. По мнѣнію Маркса $\frac{A-K}{K} = \frac{A_i-K_i}{K_i}$. Это равенство предполагаетъ въ свою очередь, что $A:K = A_i:K_i$.

Только при наличности этого послѣдняго равенства первое равенство можетъ имѣть мѣсто.Но,согласно теоріи цѣны производства, для соотвѣтствія трудовой цѣнности съ цѣной производства требуется отсутствіе различій въ сложеніи капитала; только въ томъ случаѣ трудовая цѣнность всего общественнаго продукта можетъ также относиться къ трудовой цѣнности общественнаго капитала,какъ цѣна производства всего общественнаго продукта относится къ цѣнѣ производства общественнаго капитала,если сложеніе капитала въ производствѣ всего общественнаго продукта ничѣмъ не отличается отъ сложенія капитала въ производствѣ общественнаго капитала.Но такъ какъ для такого совпаденія никакихъ экономическихъ основаній нѣтъ,то нѣтъ основаній и для того,чтобы общественный процентъ прибыли,выраженный въ трудовыхъ цѣнностяхъ,совпадалъ съ общественнымъ процентомъ прибыли,выраженнымъ въ цѣнахъ производства.

Реальное значеніе имѣетъ только процентъ прибыли, вычисленный въ цѣнахъ производства,- и если процентъ вычисленный въ трудовыхъ цѣнностяхъ,не совпадаетъ съ процентомъ,вычисленнымъ въ цѣнахъ производства,то процентъ прибыли въ трудовыхъ цѣнностяхъ теряетъ какое бы то ни было реальное значеніе. Такимъ образомъ доказано,что, благодаря отклоненію цѣнъ производства отъ трудовыхъ цѣнностей тѣхъ же товаровъ,не только прибыль отдѣльнаго капиталиста,но и общественный процентъ прибыли долженъ отклоняться отъ отношенія прибавочной цѣнности къ трудовой цѣнности общественнаго капитала.

При такомъ положеніи дѣла теорія прибыли Маркса,поскольку она имѣетъ въ виду выясненіе реальныхъ фактовъ,опредѣляющихъ высоту процента прибыли,теряетъ всякое значеніе. Она также недѣйствительна по отношенію къ прибыли отдѣльнаго капиталиста,какъ и по отношенію ко всей общественной прибыли. Установленное Марксомъ различіе постояннаго и перемѣннаго капитала не имѣетъ, слѣдовательно, опредѣленнаго смысла,не служитъ ни для какихъ познавательныхъ цѣлей, поскольку дѣло идетъ объ объясненіи феномена прибыли и должно быть рѣшительно отброшено.

Научная цѣнность различныхъ составныхъ частей теоріи прибыли Маркса оказывается,такимъ образомъ,далеко не одинаковой.Какъ теорія соціальной природы прибыли,теорія Маркса оказывается совершенно правильной и является одной изъ главныхъ заслугъ М а р к с а въ теоріи экономической науки; какъ теорія эксплоатаціи рабочаго капиталистомъ она также должна быть принята; но какъ теорія факторовъ, опредѣляющихъ высоту процента прибыли,какъ теорія распаденія капитала на постоянную и перемѣнную часть, она не имѣетъ никакой научной цѣнности и должна пасть. Причиной неудачи Маркса явилось его стремленіе разсматривать прибыль,какъ феноменъ цѣнности и, въ частности, трудовой цѣнности.

Г Л А В А VIII.

З Е М Е Л Ь Н А Я Р Е Н Т А.

I. Теорія капиталистической з е м е л ь н о й р е н т ы. Земельная рента есть нетрудовой доходъ,вытекающій изъ пользованія устойчивыми полезными свойствами земли. Земельная рента является,наряду съ прибылью, вторымъ основнымъ видомъ неутрудоваго дохода. Но между капиталомъ и землей существуетъ глубочайшее различіе въ томъ отношеніи,что капиталъ- продуктъ человѣческаго труда,между тѣмъ,какъ земля не создана человѣкомъ. Отсюда вытекаетъ соотвѣтствующее различіе и между прибылью и рентой. В то время какъ прибыль опредѣляется соціальной борьбой класса рабочихъ и капиталистовъ, повышается и понижается въ зависимости отъ этой борьбы, земельная рента подчиняется своимъ законамъ, стоящимъ, въ извѣстномъ смыслѣ,внѣ и выше соціальной борьбы. Нѣтъ особаго закона прибыли,опредѣляющаго какъ высока должна быть прибыль при данномъ состояніи производства,но такой законъ существуетъ по отношенію къ земельной рентѣ. Объясняется это тѣмъ, что въ области земельныхъ отношеній въ соціальныя отношенія вторгается внѣшняя несоціальная сила- внѣшняя природа, земля.

Поскольку человѣкъ сталкивается въ своей хозяйственной дѣятельности с

внѣшней природой, неизмѣнной его трудом, он подчиняется в своей дѣятельности естественным условіям его труда. Но естественныя условія хозяйственнаго труда в различных пунктах производства чрезвычайно различны. Эти различія естественных условій производства не могут не приводить к различіям производительности труда: гдѣ естественныя условія благопріятнѣе, там труд производительнѣе и -обратно. Различія же производительности труда приводят, в свою очередь, к различіям доходов: в пунктах большей производительности труда создаст добавочные, избыточные продукты, а, слѣдовательно, и добавочные, избыточные доходы, сравнительно с пунктами меньшей производительности. Кому же достанутся эти доходы?

Доходы эти находятся в непосредственной связи с естественными различіями условій производства. Но земля, при существующем строѣ общества, является частной собственностью тѣх или иных лиц. Владѣя землей эти лица имѣют возможность присваивать себѣ и тѣ доходы, которые вытекают из естественных преимуществ даннаго земельнаго участка. Если земля сдается в аренду, то избыточные доходы, связанные с большей производительностью труда на данном земельном участкѣ, не могут достаться арендатору; в противном случаѣ доходы арендаторов различных земельных участков, при одинаковой затратѣ труда и капитала, были бы различны, а это, естественно привело бы к тому, что со стороны арендаторов явился бы усиленный спрос на участки лучшаго качества, и земельные собственники получили бы возможность повысить арендную плату до того уровня, при котором весь избыточный доход с даннаго участка перешло бы в руки землевладѣльца. Таким образом, в силу владѣнія землей, землевладѣльческій класс получает возможность присваивать себѣ и все избыточные доходы, связанные с естественными различіями производительности труда в различных пунктах производства. Эти доходы и образуют собой земельную ренту.

Естественныя различія производительности труда находятся в связи, прежде всего, с различіями земельных участков по их положенію в пространствѣ. Каждый земельный участок занимает опредѣленное положеніе в пространствѣ, которое не может быть измѣнено никакими усиліями человѣка. Различія мѣстоположенія земельных участков и являются первым источником земельной ренты. В самом чистом видѣ такая земельная рента пространственнаго происхожденія обнаруживается в так называемой городской рентѣ с участков городской земли. Чѣм ближе данный участок к центру города, тѣм выше его преимущества в хозяйственном отношеніи, и, значит, тѣм выше плата, которую может потребовать за пользованіе участком его собственник. На окраинах города (т.е. там, гдѣ прекращаются городскія постройки) специфически городская рента спускается до нуля, в центрѣ же города достигает своего максимума. Эта рента всецѣло обусловливается различіями мѣстоположенія земельных участков.

Тѣ же различія мѣстоположенія являются чрезвычайно важным источником земельной ренты и в области сельскаго хозяйства. Сельско-хозяйственные продукты в мѣновом хозяйствѣ изготовляются для сбыта, продаются; чѣм дальше данный участок земли от мѣста сбыта сельско-хозяйственных продуктов, тѣм больше приходится затрачивать труда на перевозку продуктов от мѣста [illegible] их производства к мѣсту их сбыта. Если мы предположим, что сельскохозяйственные продукты сбываются лишь в извѣстном центральном пунктѣ, то чѣм дальше расположены участки земли от этого пункта, тѣм тяжелѣе ложатся на них расходы перевозки продуктов. Но цѣна всѣх продуктов того же рода в том же мѣстѣ сбыта должна быть одна и та же, независимо от того, насколько удалены от мѣста сбыта участки, на которых добыты эти продукты. Отсюда слѣдует, что цѣна сельскохозяйственных продуктов на мѣстѣ производства должна [illegible] быть тѣм ниже, чѣм болѣе удален от мѣста сбыта данный участок. На наиболѣе отдаленных участках цѣна будет только покрывать с обычной прибылью издержки производства продукта, - ниже она спуститься не может, так как в противном случаѣ, прекратилось бы производство продукта. Но чѣм ближе будет участок от мѣста сбыта продукта, тѣм выше будет цѣна послѣдняго на всю сумму сберегаемых расходов по перевозкѣ и тѣм

выше будут доходы с даннаго участка.

Таким образом, в силу различной отдаленности различных участков от мѣста сбыта, цѣна продукта в различных пунктах его производства будет различна, и столь же различны будут денежные доходы с участков. На границѣ того района, с котораго сельскохозяйственный продукт подвозится к данному мѣсту сбыта, денежный доход с земельнаго участка будет, как сказано, только покрывать, с обычной прибылью расходы производства продукта; на всѣх ближе лежащих участках денежные доходы превысят эту норму, возникнут добавочные денежные доходы с земельных участков, тѣм болѣе значительные, чѣм ближе данный участок к мѣсту сбыта. Доходы эти составляют земельную ренту землевладѣльцев, которая будет равняться в каждом отдѣльном случаѣ разницѣ между денежным доходом с даннаго участка и денежным доходам с участка, наиболѣе отдаленнаго изо всѣх, с которых продукты доставляются к данному мѣсту сбыта.

И в этом случаѣ причиной возникновенія земельной ренты являются естественныя различія земельных участков по их положенію в пространствѣ, - участки, ближе лежащіе к мѣсту сбыта, дают соотвѣтственно большую ренту. По этой причинѣ пригородныя земли дают очень высокую ренту, а земля, очень отдаленная от мѣста сбыта (напр., наш Уссурійскій край), не дает никакой ренты, даже, если она чрезвычайно плодородна.

Таким образом первым источником возникновенія земельной ренты является различія земельных участков по их положенію в пространствѣ. Вторым источником земельной ренты в области земледѣлія является обусловленная естественными причинами падающая производительность земледѣльческаго труда.

Сущность закона падающей производительности земледѣльческаго труда заключается в том, что если увеличивать приложеніе труда к земледѣлію, то, за извѣстным предѣлом, каждая послѣдующая затрата будет все менѣе производительной, будет давать все меньше продукта.

Пусть, напр., первая единица труда, приложеннаго к обработкѣ даннаго участка земли, дает 6 единиц продукта; вторая единица труда, приложеннаго к обработкѣ того же участка, может дать, допустим, не 6, а 8 единиц продукта; третья единица труда может дать, положим, 10 единиц продукта. Но рано или поздно будет достигнут предѣл, за которым каждая послѣдующая затрата будет давать все меньшее увеличеніе продукта. Если этот предѣл, достигается, допустим, на 3-й единицѣ труда, то 4-я единица труда даст, допустим, не 10, а 8 единиц продукта, 5-я единица - 6 единиц продукта, 6-я - 4 единицы и т.д. пока, наконец, не будет достигнут абсолютный предѣл, за которым никакое увеличеніе приложенія труда не будет в силах вызвать увеличеніе продукта.

Допустим теперь, что, по условіям рынка, требуется с даннаго участка 42 единицы продукта. Для производства этого количества продуктов требуется затрата шести единиц труда, производительность которых выразится цифрами 6÷8÷10÷8÷6÷4. Цѣна продукта должна быть такова, чтобы окупалась послѣдняя, наименѣе производительная затрата труда, ибо только в этом случаѣ будет выгодно производить эту затрату. Значит, цѣна единицы продукта должна соотвѣтствовать трудовой стоимости в ¼ (так как в послѣднюю единицу труда произведено 4 единицы продукта). Если всѣ 42 единицы продукта будут проданы по этой цѣнѣ, то их общая цѣна будет соотвѣтствовать трудовым единицам 42×¼=10½. Между тѣм дѣйствительная затрата труда производства этих 42 единиц продукта равна, по предположенію, только 6 единицам труда. Продукт будет продан, слѣдовательно, по цѣнѣ значительно высшей сравнительно с той, которая соотвѣтствовала бы сдѣланной трудовой затратѣ. Это превышеніе цѣны продукта образует избыточный доход, поступающій в распоряженіе землевладѣльца, образует его земельную ренту. Очевидно, земельная рента в этом случаѣ будет тѣм выше, чѣм больше единиц труда прилагается к землѣ, чѣм интенсивнѣе обработка земли.

Источником возникновенія ренты являются в этом случаѣ различія производительности послѣдовательных затрат земледѣльческаго труда - то обстоятельство, что производительность труда в области земледѣлія, за извѣст-

ным продѣлом, падает по мѣрѣ увеличенія приложенія труда к одному и тому же участку почвы.

Наконец третьим источником возникновенія земельной ренты являются различій плодородія различных земельных участков. Менѣе плодородные земельные участки дают большой доход, чѣм моньѣе плодородные- и этот добавочный доход более плодородных участков образует собой земельную ренту собственников этих участков.

Итак, существуют три основных источника земельной ренты: естественныя различія земельных участков по их положенію в пространствѣ, естественныя различія производительности послѣдовательных затрат земледѣльческаго труда и различія естественнаго плодородія земельных участков. В силу всѣх этих естественных, неустранимых и устойчивых различій производительности труда в различных пунктах производства возникает особый вид общественнаго дохода- земельная рента, поступающая собственнику земли. Нетрудовой характер этого дохода выступает еще с большой ясностью, чѣм нетрудовой характер прибыли, ибо капитал все же продукт труда, а земли не создана человѣком, и, слѣдовательно, собственник ея, извлекающій из обладанія землей доход (уплачиваемый другими членами общества), никаких трудовых основаній для оправданія своего дохода привести не может. Земельная рента есть долг, платимая обществом землевладѣльцу, который, как таковой, никакого участія в созданіи своего дохода не принимает..

Земельная рента тѣм существенно отличается, по своим размѣрам, от арендной платы, что в состав арендной платы входит, обыкновенно, не только рента, но и плата за пользованіе капиталами, принадлежащими землевладѣльцу,-напр., плата за пользованіе постройками, инвентарем живым или мертвым инвентарем землевладѣльца и т.п. Земельная же рента есть плата только за устойчивыя, полезныя свойства земли. Высота земельной ренты опредѣляется, как видно из сказаннаго, разницей между производительностью труда в данном пунктѣ производства и производительностью труда в предѣльном пунктѣ производства, гдѣ производство не дает никакого избыточнаго дохода и только возстановляет, с обычной прибылью, затраченный капитал. Эта разница и составляет земельную ренту, которую можно назвать дифференціальною рентою, так как рента в этом случаѣ опредѣляется различіями производительности труда в разных пунктах производства, в зависимости от естественных различій, и в предѣльном пунктѣ производства, опускается до нуля.

Земельная рента должна быть тѣм выше, чѣм больше разница между производительностью труда в данном пунктѣ и в предѣльном пунктѣ производства. Чѣм менѣе плодородные участки земли поступают в обработку, чѣм интенсивнѣе обработка земли (чѣм больше труда прилагается к ея обработкѣ), чѣм с болѣе далеких разстояній приходится подвозить хлѣб для нужд даннаго потребительнаго центра, тѣм выше земельная рента и тѣм большую часть всего общественнаго дохода (при прочих равных условіях) она составляет.

Теорія дифференціальной ренты, автором которой можно считать Рикардо, болѣе или менѣе общепринята в современной наукѣ. Очень немногіе экономисты послѣ Рикардо, пытались противопоставить этой теоріи другую, и из таких попыток всего болѣе заслуживает вниманія попытка Родбертуса. Попытка эта интересна тѣм, что она показывает, к каким выводам приводит абсолютная трудовая теорія цѣнности, усматривающая в трудѣ не важнѣйшій объективный фактор цѣнности (что совершенно вѣрно), а самую субстанцію цѣнности. Теорія ренты Родбертуса является необходимым логическим выводом этой теоріи цѣнности. Сущность ея заключается в слѣдующем.

В общественном производствѣ земледѣліе представляет собой болѣе раннюю ступень производства, чѣм обрабатывающая промышленность. Продукт сначала добывается земледѣліем, а затѣм обрабатывается промышленником. Но так как в промышленности обрабатывается продукт земледѣлія, то затрата капитала в промышленности должна быть относительно больше, чѣм в земледѣліи: в земледѣліи отсутствует затрата на сырой матеріал, какая затрата неизбѣжна в обрабатывающей промышленности, а это, в свою очередь, приводит к тому, что процент прибыли в земледѣліи выше, чѣм в промышленности; эта избыточная прибыль в земледѣліи и образует собой ренту землевладѣльца.

Пусть, напр., половина общественнаго труда тратится на земледѣліе и половина на промышленность. В такем случаѣ, новая цѣнность продукта (предполагая, что цѣнность продукта опредѣляется всецѣло трудовой затратой), создаваемая в промышленности, должна равняться цѣнности, создаваемой в промышленности. Владѣлец средств производства получить на свою долю такую же часть трудовой цѣнности, как и в земледѣліи. Но в промышленности та же трудовая цѣнность, образующая собой долю владѣльца средств производства, должна быть отнесена к большему каниталу, чѣм в земледѣліи, ибо промышленник должен был затрачивать свой капитал не только на заработную плату и орудія труда (как земледѣльческій капитал), но и на пріобрѣтеніе сырья- продукта земледѣлія. Поэтому процент прибыли в промышленности должен быть ниже, чѣм в земледѣліи.

Однако, основным законом капиталистическаго хозяйства является закон равенства прибылей. Процент прибыли в земледѣліи не может быть выше, чѣм в промышленности; значит, избыточный доход в земледѣліи не может достаться земледѣльческому предпринимателю. Кому же он достанется, очевидно, землевладѣльцу,- он составит земельную ренту.

Все это разсужденіе вполнѣ логично и совершенно неопровержимо, поскольку вѣрно его исходное положеніе, что цѣнность пропорціональна трудовым затратам. Между тѣм легко показать, что разсужденіе это, в своем дальнѣйшем развитіи, приводит к экономическим нелѣпостям. Вѣдь с этой точки зрѣнія, добавочный доход должен возникать не только в земледѣліи сравнительно с промышленность, но и на каждой послѣдующей ступени промышленности. Вѣдь ступеней производства не двѣ- земледѣліе и промышленность,- а гораздо больше. Если бы теорія Родбертуса была вѣрна, то рента возникала бы на каждой ступени производства,- прядильщик имѣл бы добавочный доход по сравненію с ткачем, а послѣдній сравнительно с ситце-набивным фабрикантом и т.д., Словом, на каждой послѣдующей ступени производства получился бы относительно все меньшій и меньшій процент прибыли. Ничего подобнаго в дѣйствительности не наблюдается- и по очень простой причинѣ: потому, что цѣны пропорціональны не затратам труда, а затратам капитала,- при увеличеніи затраты капитала пропорціонально возрастают и цѣны, а, значит, никакого добавочнаго дохода в силу меньшей затраты капитала на болѣе ранних ступенях производства не возникает. Товары, на которые затрачен одинаковый капитал, должны имѣть и одинаковую цѣну потому, что для капиталиста нѣт разницы между затратой на заработную плату и затратой на средства производства.

Таким образом теорія ренты Родбертуса безусловно несостоятельна; своими разсужденіями Родбертус опроверг не теорію ренты Рикардо, а абсолютную трудовую теорію цѣнности приведеніем к абсурду которой является его теорія ренты.

Рикардо представлял себѣ, что при первоначальном заселеніи страны сначала поступают в обработку болѣе плодородные участки, затѣм вводятся в обработку все менѣе и менѣе плодородные участки. Этого может и не быть. Как указали Кери и Родбертус, нерѣдко болѣе плодородныя земли всего позже поступают в обработку вслѣдствіе того, что эти земли представляют большія трудности для земледѣльческой культуры (напр., тяжелая земля долин); дренированіе почвы превратило в превосходныя поля заболоченные участки земли, которые раньше совсѣм не обрабатывались. Поэтому не существует той неизмѣнной тенденціи к повышенію земельной ренты, по мѣрѣ роста населенія, которую предполагает Рикардо.

В общем производительность труда в области земледѣлія за послѣднее столѣтіе не уменьшилась, а возросла. Улучшеніе агрономической техники привело к тому, что, несмотря на увеличеніе интенсивности обработки почвы (что, в силу закона падающей производительности земледѣльческаго труда, имѣет тенденцію повышать трудовую стоимость земледѣльческаго продукта), трудовая стоимость производства хлѣба в Европѣ понизилась.

Это нисколько не противорѣчить закону падающей производительности земледѣльческаго труда, смыслъ котораго заключается въ томъ, что при каждомъ уровнѣ техники производительности земледѣльческаго труда, за извѣстнымъ предѣломъ интенсивности обработки, падаетъ. Повышеніе уровня техники увеличиваетъ абсолютную производительность земледѣльческаго труда, но не уничтожаетъ различій производительности послѣдовательныхъ затратъ земледѣльческаго труда. И именно благодаря дѣйствію названнаго закона, повышеніе производительности труда въ земледѣліи, достигнувъ къ XIX вѣкѣ, совершенно ничтожно, несмотря на весь прогрессъ агрономіи, сравнительно съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ промышленности.

Рикардо полагалъ, что естественное движеніе земельной ренты заключается въ ея непрерывномъ повышеніи по мѣрѣ роста населенія. И дѣйствительно, за три первыя четверти XIX вѣка въ Западной Европѣ произошло огромное повышеніе земельной ренты.

Такъ, напр., въ Англіи, по приблизительному подсчету, сельскохозяйственная рента измѣнялась слѣдующимъ образомъ:

	Общая сумма сельскохоз. ренты.
Въ 1798 г.	6½ милл. фунтовъ стерл.
" 1860 г.	42,9 " " "
" 1872 г.	48,9 " " "

Но затѣмъ послѣдовало въ Англіи и, вообще, въ Западной Европѣ значительное паденіе сельскохозяйственной ренты на 15-20 и болѣе процентовъ. Причиной этого паденія было пониженіе цѣны хлѣба, подъ вліяніемъ удешевленія транспорта и наплыва въ центральную Европу дешеваго хлѣба изъ Америки, Россіи, Индіи и другихъ странъ экстенсивнаго земледѣлія. Два десятилѣтія отъ половины 70-хъ и до половины 90-хъ годовъ, были временемъ значительнаго пониженія сельскохозяйственной ренты. Затѣмъ паденіе цѣны хлѣба и сельско-хозяйственной ренты пріостановилось и, такъ какъ запасъ дѣвственныхъ земель, пригодныхъ для культуры пшеницы и другихъ хлѣбовъ, быстро истощается, а населеніе повсемѣстно быстро растетъ, то послѣдовало новое значительное повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и земледѣльческой ренты.

Что касается ренты городскихъ земель, то она непрерывно и быстро растетъ въ теченіе всего XIX вѣка. В городахъ, населеніе которыхъ быстро увеличивается, ростъ городской ренты прямо колоссаленъ, - за десятки лѣтъ она выросла въ десятки раз.

Ростъ земельной (преимущественно, городской) ренты является главнымъ стимуломъ въ Западной Европѣ и Америкѣ, движенія въ пользу націонализаціи земли, требующаго уничтоженія частной собственности на землю и передачи земли въ собственность всего общества. Самымъ выдающимся теоретикомъ этого движенія былъ американецъ Генри Джорджъ. Сущность его теоріи сводится къ тому, что корень соціальнаго зла заключается въ повышательномъ движеніи земельной ренты, благодаря чему плоды общественнаго прогресса достаются одному общественному классу, ничѣмъ не участвующему въ производствѣ- земловладѣльцамъ. Какъ средство борьбы съ этимъ Джорджъ выдвигаетъ націонализацію земли путемъ конфискаціи земельной ренты (обложеніемъ земли налогомъ, равнымъ земельной рентѣ).

Большихъ практическихъ результатовъ движеніе въ пользу націонализаціи земли пока не достигло. В Европѣ оно имѣетъ преимущественно городской характеръ. Только въ австралійскихъ колоніяхъ идеи Джорджа существенно повліяли на законодательство- такъ, напр., въ Новой Зеландіи и другихъ колоніяхъ введено прогрессивное обложеніе земельной собственности, причемъ болѣе мелкіе земельные участки совсѣмъ освобождаются отъ налога, а обложеніе болѣе крупныхъ участковъ прогрессивно возрастаетъ по мѣрѣ увеличенія размѣра участка.

II. **Продовольственная аренда.** Теорія дифференціальной ренты Рикардо имѣетъ въ виду капиталистическую ренту, т.е. ренту, получаемую землевладѣльцемъ при капиталистической обработкѣ земли. Земельная рента, какъ ее понимаетъ Рикардо, есть изыточный доходъ землевладѣльца, остающійся за покрытіемъ, с обычной прибылью въ пользу капиталистическаго предпринимателя, всѣхъ издержекъ земледѣльческаго производства. В наиболѣе чистомъ видѣ такая капиталистическая земельная рента

155

та выступаетъ при отдачѣ земли въ аренду капиталисту-фермеру, какъ это, напр., практикуется въ Англіи. Земельная рента есть та часть арендной платы такого фермера, которая уплачивается за самую землю, а не за постройки и другой капиталъ землевладѣльца.

Однако, аренда далеко не всегда имѣетъ капиталистическій характеръ. Если арендаторомъ является трудовой земледѣлецъ, арендующій землю не для прибыли, а для собственнаго пропитанія, то высота его арендной платы регулируется существенно иными моментами. А именно, арендная плата при не капиталистической, продовольственной арендѣ можетъ подниматься значительно выше капиталистической ренты. Такъ какъ арендаторъ въ этомъ случаѣ арендуетъ отнюдь не ради полученія прибыли, то естественно, что арендная плата можетъ поглощать прибыль на земледѣльческій капиталъ. Но этого мало. Если нужда мелкаго арендатора въ землѣ очень велика, то арендная плата за землю можетъ поглотить значительную часть его заработной платы. Арендаторъ можетъ урѣзывать оплату своего труда, лишь бы получить въ аренду участокъ земли, безъ котораго онъ не можетъ обойтись. Особенно тяжелы условія продовольственной аренды въ томъ случаѣ, когда арендатор лишенъ своей земли или имѣетъ ея недостаточно для своего пропитанія, и в то же время лишенъ возможности найти другой заработокъ, кромѣ аренды земли. Классическими странами продовольственной аренды являются Россія и Ирландія.

В Россіи арендный вопросъ является однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ крестьянскаго хозяйства. По подсчетамъ А.А.Мануилова, около 37% крестьянскихъ дворовъ арендуютъ въ Россіи землю на сторонѣ, причемъ арендуемыми ими площадь земли равняется приблизительно 20% всей площади надѣльной крестьянской земли.

Малоземелье приводитъ къ необходимости для русскаго крестьянина арендовать помѣщичью землю; а такъ какъ наше земледѣльческое населеніе быстро растетъ и отливать ему изъ деревни некуда, то естественно, что нужда въ землѣ чувствуется все острѣе и острѣе. Предпринимательская аренда является у насъ исключеніемъ; преобладающій типъ аренда крестьянина для продовольственныхъ цѣлей, такъ называемая продовольственная аренда. Высота арендныхъ цѣнъ при продовольственной арендѣ опредѣляется, какъ сказано, не чистой доходностью сельскохозяйственнаго предпріятія на данномъ участкѣ земли, а степенью нужды въ землѣ со стороны арендатора-земледѣльца. Чѣмъ гуще земледѣльческое населеніе, тѣмъ больше и спросъ на землю со стороны земледѣльца, а, слѣдовательно, тѣмъ выше можетъ быть поднята и арендная плата. Повышеніе арендной платы называется въ этомъ случаѣ не увеличеніемъ интенсивности земледѣльческаго хозяйства и не улучшеніемъ условій сбыта земледѣльческихъ продуктовъ, а ухудшеніемъ положенія арендатора-земледѣльца, принужденнаго довольствоваться меньшей долей вырабатываемаго имъ продукта.

Для новѣйшей исторіи русскихъ аграрныхъ отношеній крайне характеренъ ростъ цѣнъ именно продовольственной аренды. Такъ, напр., в Полтавской губ., по свѣдѣніямъ текущей земской статистики, арендныя цѣны измѣнялись в 90-хъ годахъ закончившагося вѣка слѣдующимъ образомъ:

Годы:	При продовольственной арендѣ.	При предпринимательской арендѣ.		Разница между ними. В % к платѣ при предпринимат. арендѣ.
	в рублях за десятину:		Въ рубл.	
1890	8,61	6,56	2,05	31
1895	7,93	5,96	1,97	33
1900	12,60	8,68	3,92	45

Рѣзкое повышеніе платы за арендуемую крестьянами землю лишь в небольшой мѣрѣ обусловливалось увеличеніемъ производительности земледѣльческаго хозяйства; главнымъ же образомъ повышеніе это было вызвано ростомъ нужды крестьянина въ землѣ, соглашавшагося платить за землю какую угодно цѣну, лишь бы не ликвидировать своего собственнаго хозяйства.

Эта тѣсная связь высокой арендной платы с крестьянской нуждой замѣчается повсемѣстно в Россіи. Чѣмъ менѣе обезпоченъ крестьянинъ землей, чѣмъ

ниже его надѣл, чѣм он бѣднѣе, тѣм больше он принуждон платить за землю. В Рязанском уѣздѣ крестьяне,имѣющіе надѣльной пашни I,5-3 десятин платили в среднем за десятину арендуемой земли II р.2Iк.,имѣющіе 3-6 дес. платили 6 р.49 к.,а имѣющіе свыше 5 дес. платили за десятину в среднем лишь 5 р. 77 к. В Орловском уѣздѣ арендная плата за десятину под озимое в районѣ худших почв,производительность которых равнялась 50-75 (принимая за I00 производительность наилучших почв уѣздѣ), достигала 20р. 7С к.,а арендная плата под озимое в районѣ лучших почв, с производительностью в 75-I0С спускалась до I9 р.70к. Такой странный факт- болѣе высокая плата за худшія земли-находит себѣ объясненіе в том, что в Орловском уѣздѣ, в районах худших почв крестьянскій надѣл меньше и,слѣдовательно, крестьянская нужда в землѣ острѣе,чѣм в районѣ лучших почв.

Подобное же факты наблюдаются и в других губерніях. Неудивительно, что при таком положеніи дѣла продовольственная аренда по сообщеніям земских статистиков из различнѣйших мѣст Россіи, сплошь и рядом не только не дает арендатору никакой прибыли, но нерѣдко далеко не обезпечивает и нормальной оплаты его труда. Так,в Херсонской губерніи крестьяне" снимают землю не только ради чистой выгоды с нея, сколько для того, чтобы имѣть возможность примѣнить куда-нибудь свой труд." В Орловском уѣздѣ " крестьяне говорят, что от аренды им остается одна солома. Они не ведут бухгалтерских счетов, а если бы вели их,то, может быть, замѣтили бы, что при арендных цѣнах, регулируемых не производительностью почвы и доходностью земли, а все возрастающей нуждой самих крестьян в землѣ, и при той высотѣ арендной платы, которую застало мѣстное изслѣдованіе, даже не вся солома остается в их распоряженіи." В Саратовской губерніи доход со снимаемой крестьянами земли не достигает в нѣкоторых уѣздах нормальной стоимости обработки этой земли. В Симбирской губерніи " труд крестьян по обработкѣ (снимаемой) земли и уборкѣ хлѣба окупается лишь в урожайные годы и только при достаточно высоких цѣнах на хлѣб." В различных уѣздах Полтавской и Херсонской губерній съемная плата за хороших земли, по расчетам земских статистиков, значительно превышает чистую доходность земли. Вмѣстѣ с тѣм повсемѣстно констатируется, что плата за землю при продовольственной арендѣ значительно превышает таковую же плату при арендѣ предпринимателей.

Таков общій характер наших крестьянских аренд. Но во многих случаях они обставляются для крестьянина еще болѣе тягостными условіями.

При освобожденіи крестьян, крестьянскій надѣл, вообще, был урѣзан, но особенно были урѣзаны выгоны и сѣнокосы. Между тѣм эти угодья безусловно необходимы крестьянину для того,чтобы он мог вести свое земледѣльческое хозяйство; онъ принуждон,поэтому, во что бы то ни стало арендовать названныя угодья,если он их лишен, то у своего бывшаго помѣщика. Зависимость крестьянина от помѣщика еще нерѣдко увеличивается тѣм, что крестьянскіе надѣлы сплошь и рядом расположены очень неудобно относительно частновладѣльческих земель. Помѣщичья земля,напр.,врѣзывается клином в крестьянскую, дѣлит ее на части, помѣщается в центрѣ крестьянских надѣлов, отрѣзывает их от рѣки или дороги. В подобных случаях крестьяне волей-неволей должны арендовать"отрѣзки" помѣщичьей земли, мѣшающіе им вести хозяйство.

На ростѣ крестьянскаго малоземелья, крестьянской бѣдности и нищеты, основывается рост арендной платы при продовольственной арендѣ. Соціальный смысл и значеніе роста дифференціальной ренты и продовольственной арендной платы не только различен,но даже противоположен. Рост дифференціальной ренты указывает на прогресс земледѣлія,на переход к болѣе интенсивному и производительному хозяйству,иначе говоря,на рост народнаго богатства. Напротив, рост продовольственной арендной платы свидѣтельствует лишь о растущей нуждѣ крестьянина в землѣ, об отсутствіи у него посторонних заработков, о слабом развитіи промышленности, о народном обѣдненіи.- ----------

156

ГЛАВА IX.

ДВИЖЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО ДОХОДА В ЦѢЛОМ.

Родбертус и Маркс думали, что развитіе капиталистическаго хозяйства сопровождается одновременным ростом богатства и нищеты. " Общество,- писал,напр., Родбертус,- все болѣе и болѣе развивается в противоположных направленіях. Все возрастающая неимущая масса внизу. Все болѣе накопляющая огромныя богатства относительно сокращающаяся небольшая группа наверху. Соединяющіе эти противоположности, промежуточные, примирительныс классы в быстром паденіи и по своей численности, и по своему доходу" Пользуясь данными англійскаго статистика Бакстера, относящимися к I867 г., Родбертус дал слѣдующій рисунок соціальнаго сложенія англійскаго общества. Внизу,на самых низах, залегает,как бы придавленный тяжестью соціальнаго зданія толстый пласт пауперов- нищих, безполезных элементов для общества, содержимых на его счет в состояніи крайней скудности и нужды. На них приходилось в I867 г. около I0 проц. населенія Соединеннаго Королевства. Затѣм возвышается мощный фундамент, в котором сосредоточивается истинная сила націи- класс рабочих, которых Родбертус изображает трудолюбивыми муравьями, питающими остальные классы общества и возвдигающими своим трудом національное зданіе. Этот класс составлял,вмѣстѣ с пауперами, около 77 проц. всего населенія, но на его долю приходилось только 4⓪ проц. національнаго дохода. На долю имущих классов с небольшим доходом (от 6⓪ до 300 ф.с. в год) приходилось 22 проц. населенія с 24 проц.дохода имущіе классы со среднім доходом (от 3⓪⓪ до I000 ф.с.) охватывали немногим болѣе I проц. населенія с доходом свыше I0 проц. національнаго дохода. Эти столь слабо развитые средніе классы современнаго общества Родбертус изображает в видѣ узкой поставки, поддерживающей золотой мѣшок- богатые классы, составляющіе по своей численности совершенно ничтожную группу в нѣсколько десятков тысяч семейств, но сосредоточивающіе в своих руках около 26% національнаго дохода.

Капиталистическое развитіе неизбѣжно приводит,- думал Родбертус,-к тому, что общество все больше и больше удаляется, по своему сложенію, от типа пирамиды, в которо" размѣры послѣдовательных пластов равномѣрно убывают по мѣрѣ восхожденія кверху, и все больше и больше приближается к фигурѣ оси, с тонким стебельком средних классов, соединяющих собой соціальныя противоположности пролетаріата и богатых классов.

Совершенно такова была точка зрѣнія и Маркса. "Вмѣстѣ с постоянным уменьшеніем числа капиталистов-магнатов,-писал он,- увеличивается масса нищеты, угнетенія,рабства, вырожденія,эксплоатаціи, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивленіе постоянно возрастающаго рабочаго класса, вышколеннаго объединеннаго и организованнаго механизмом самого капиталистическаго способа производства." Численное сокращеніе капиталистическаго класса должно, по мнѣнію Маркса, облегчить побѣду пролетаріата в грядущей соціальной революціи,- дѣло будет идти лишь об экспропріаціи немногих узурпаторов народными массами."

Каков же дѣйствительный ход капиталистическаго развитія? Наблюдается ли сокращеніе средних доходов, увеличеніе числа лиц с малым доходом и уменьшеніе численности капиталистическаго класса? Правда,развитіе капиталистическаго хозяйства приводит к аккумуляціи капитала и концентраціи промышленности. Но концентрація производства- совершенно иное,чѣм концентрація дохода. Промышленныя предпріятія могут становиться крупнѣе и крупнѣе, число их относительно сокращается, благодаря сліянію нѣскольких предпріятій водно; и в то же время число лиц, получающих крупные доходы, может абсолютно и относительно увеличиваться. Рост акціонерных предпріятій дѣлает возможным увеличеніе числа капиталистов при одновременно сокращеніи числа капиталистических предпріятій. Вытѣсненіе мелкой промышленности и торговли крупною знаменует собой пролетаризацію населенія. Но пролетаризація населенія не равносильна его обнищанію: доход наемнаго рабочаго может не уступать или даже превышать

доход мелкаго самостоятельнаго хозяина.

Единственным спорным пунктом для р шенія столь же важнаго, сколько и труднаго вопроса относительно перемѣны в распред ленія общественнаго дохода, являются статистическія данныя подоходнаго налога. К сожалѣнію данныя подоходнаго налога в Англіи не дают возможности установить численность лиц, получающих доход опредѣленной величины. Для Германіи такія данныя имѣются.

Эти данныя показывают, прежде всего, что число богатых не только не уменьшается, как думал Маркс, а быстро растет. "Гдѣ бы ни проводить границу, -справедливо говорит Зомбарт, - на 10.000, 20.000, 50.000, 100.000 марок дохода, всѣдѣ мы приходим к результату, что лица с таким доходом увеличиваются в своей численности быстрѣе, чѣм какая-либо другая группа получающих доход". Число милліонеров не сокращается, а во всѣх капиталистических странах увеличивается с удивительной быстротой.

Высшія группы доходов растут значительно быстрѣе, чѣм среднія, и, притом, тѣм быстрѣе, чѣм выше доход. Вот, напримѣр, данныя для Пруссіи.

Доходы (в марках).				свыше.
3.000-6.000	6.000-9.600	9.600-28.800	28.800-100.000	100.000
Увеличеніе за 1876-1902 г.г. в % числа лиц, получающих соотвѣтствующій доход.				
284	345	487	591	1.288

Точно также совершенно невѣрно мнѣніе Родбертуса и Маркса, что среднія классы населенія уменьшаются по своей численности. Наоборот в новѣйшее время и эти классы растут значительно быстрѣе населенія, хотя и не столь быстро, как богатые классы. Вот, напр., как увеличивалось в Пруссіи число лиц с доходом в 3.000 марок и выше.

1873г.	1894г.	1902г.
123.284	319,317	449:741

Наконец, что касается бѣднѣйших классов общества, то по отношенію ко всему населенію они по своей численности падают. Так, напр., в Саксоніи лица с доходом ниже 800 мар. составляли в процентах ко всему населенію:

1879	1894	1904
76,9	65,3	54,8

В Пруссіи число получающих ниже 900 марок составляло в 1896 г. 70,7% а в 1906г. - только 61,7% всего населенія.

В общем распредѣленіе дохода измѣнилось в Пруссіи за 1853-82г.г. слѣдующим образом:

	Число лиц, получающих соотвѣтствующій доход, в% ко всему числу лиц, получающих доходы:		
	До 900 мар.	900-3.000	свыше 3.000
1853.	83	16,1	0,9
1882.	71,6	24,9	3,5

За новѣйшее время о характерѣ происшедших измѣненій в распредѣленіи дохода в Пруссіи можно судить по слѣдующим данным.

		Число лиц (в тысячах), получающих соотвѣтствующій доход.		Прирост в %
		1893г.	1902г.	
Доходы	900- 3.000 марок	2.118	3.310	56
"	3.000- 6.000 "	204	291	43
"	6.000- 9.500 "	55	77	40
"	9.500- 30.500 "	46	64	39
"	30.500-100.000 "	9	13	44
свыше	100.000 "	1,6	2,7	69

Больше всего возросло число милліонеров. Среднія классы возросли по своей численности больше населенія, но менѣе, чѣм группа лиц, имѣющих дохода 900-3.000 марок, и соотвѣтствующая среднім и высшим слоям рабочих классов и служащих. Относительно понизилось число лиц, получающих менѣе 900 марок дохода - наиболѣе бѣдных слоев населенія.

Правда, не нужно упускать из виду, что общее повышеніе денежнаго дохода, которое, несомнѣнно, наблюдается по отношенію почти ко всѣм слоям населенія, отчасти зависит от вздорожанія жизни. Во всяком случаѣ, реальная картина измѣненія дохода различных групп населенія совершенно не подходит к той, которую рисовали Родбертус и Маркс.

Но если среднія группы доходов далеко не сокращаются по своей численности и суммѣ дохода, а, напротив, быстро растут, то по своему социальному составу среднія группы испытывают глубокое измѣненіе. Мѣсто прежних самостоятельных производителей и торговцев заступают высшіе слои пролетаріата. Таким образом рост средних классов идет одновременно с растущей пролетаризацій населенія.

Доходы пролетаріата растут, но это не обозначает собой уменьшенія эксплоатаціи рабочаго капиталистом. Напротив, можно думать, что степень капиталистической эксплоатаціи рабочаго не только не падает, а скорѣе увеличивается. Получая все болѣе значительный денежный доход, рабочій сохраняет за собой все меньшую долю создаваемаго им продукта. Вот; напр. результаты, к которым приходит такой тщательный изслѣдователь, как Боули:

	Общая сумма заработной платы в Соединенном Королевствѣ. (в милліонах ф. с.).	Доход остальных классов населенія.	Доходы нерабочих классов в % по отношенію к доходам рабочих классов.
1860.	392	440	112
1866.	464	566	120
1870.	486	606	125
1874.	609	735	121
1877.	591	782	132
1880.	567	778	137
1883.	609	818	134
1886.	605	840	138
1891.	699	912	130

Доход рабочаго класса, правда, растет, но растет слабѣе доходов других общественных классов. Пропасть между рабочим и капиталистом не исчезает, а становится все глубже, - разстояніе между рабочим и капиталистом увеличивается.

ОТДѢЛ У.

КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО В ЦѢЛОМ.

ГЛАВА I.

КРУГОВОРОТ ОБЩЕСТВЕННАГО КАПИТАЛА И ТЕОРІЯ РЫНКА.

I. Круговорот общественнаго капитала. Продукты производятся в капиталистическом хозяйствѣ не для собственнаго потребленія, а для сбыта. Если продукт не находит себѣ сбыта, то капиталист не только не получает себѣ прибыли, но теряет и свой капитал. Для возможности возстановленія послѣдняго требуется безостановочный сбыт продуктов капиталистическаго производства; если этот сбыт по какой либо причинѣ пріостанавливается на болѣе или менѣе продолжительное время, то, по необходимости, пріостанавливается и капиталистическое производство.

Таким образом, процесс капиталистическаго производства предполагает

постоянную смѣну форм общественнаго капитала. Эта смѣна форм общественнаго капитала образует собой круговорот общественнаго капитала. Если мы начнем этот круговорот с того момента, когда товары поступают в продажу, то первым актом названнаго круговорота будет превращеніе товаров в деньги; товарный капитал превращается в денежный. Затѣм слѣдует второй акт- превращеніе денег в предметы, необходимые для возобновленія производства: на деньги, вырученныя от продажи изготовленных продуктов, капиталист закупает средства производства и рабочую силу. Но, так как в цѣнности товаров, создаваемых в процессѣ капиталистическаго производства, содержится и прибавочная цѣнность, то извѣстная доля их цѣнности превращается не в средства дальнѣйшаго капиталистическаго производства, а в предметы потребленія капиталистическаго класса. Эта часть цѣнности произведенных товаров заканчивает свое обращеніе обратным превращеніем в товары, переходящіе в потребленіе капиталистическаго класса. Напротив, та часть цѣнности, которая превратилась в средства производства и рабочую силу, продолжает свой круговорот; в процессѣ производства она превращается в новые товары, причем создается прибавочная цѣнность, и этим заканчивается круговорот капитала, чтобы опять возобноситься в том же видѣ.

Весь этот процесс может быть схематически изображен слѣдующим образом:

```
          С
Т - Д -...П ... Т
÷       Р    .
÷   ÷        .  ÷
т - д - т    .  т
```

Т выражает собой цѣнность той части товаров, которая возстановляет собой израсходованный в процессѣ производства капитал, т-ту часть цѣнности товаров, которая соотвѣтствует прибавочной цѣнности; тѣ же самыя части цѣнности, превращенныя в деньги, выражаются буквами Д и д. Буквы С и Р выражают собой цѣнность средств производства и рабочей силы. Буква П и ряды точек выражают собой процесс производства.

Верхній ряд букв схематизирует круговорот самаго капитала, нижній- круговорот создаваемый в процессѣ капиталистическаго производства прибавочной цѣнности. Верхній ряд букв показывает, как товарный капитал превращается в денежный, затѣм в средства производства и рабочую силу, послѣ чего слѣдует процесс производства, в результатѣ котораго возстановляется в товарном видѣ затраченный капитал и создается прибавочная цѣнность. Нижній ряд букв показывает круговращеніе прибавочной цѣнности. Возникши в товарном видѣ, прибавочная цѣнность принимает денежную форму и затѣм опять превращается в товары, потребляемые капиталистами.

Таким образом в процессѣ своего круговорота общественный капитал появляется послѣдовательно в трех различных формах- в формѣ т о в а р н а г о, д е н е ж н а г о и п р о и з в о д с т в е н н а г о капитала. В процессѣ производства капитал измѣняет свою матеріальную форму, но не мѣняет своего владѣльца; тот же самый капиталист, который пріобрѣл в свое распоряженіе рабочую силу и средства производства, руководит и процессом превращенія средств производства в новые продукты, долженствующіе затѣм перейти в обмѣн. Но в процессѣ превращенія товарнаго капитала в денежный и денежнаго в производственный происходит перемѣщеніе капитала из рук одного владѣльца в руки другого.

Из этих двух актов продажи и покупки- покупка не представляет по условіям капиталистическаго хозяйства никаких трудностей. Лишь были бы деньги, а купить товары легко.

Иное слѣдует сказать о другом актѣ круговращенія капитала-продажѣ. Продать в капиталистическом хозяйствѣ гораздо труднѣе, чѣм купить. Совокупность пунктов сбыта даннаго товара называется его рынком. Характернѣйшей особенностью капиталистическаго хозяйства является то, что рынок для каждаго товара, как общее правило заполнен и даже переполнен предложеніем. Только временно предложеніе товаров может, при современных условіях хозяйства, отстать от спроса. Напротив, избыток предложенія товаров, сравнительно со спросом на них, не только не представляет собой

рѣдкаго явленія современнаго хозяйственнаго строя, а является общим правилом. Обычное, нормальное состояніе товарнаго рынка характеризуется в наше время трудностью сбыта товаров вслѣдствіе крайняго переполненія рынка товарами.

Отсюда возникает борьба за рынок, составляющаяся столь в дающуюся особенность хозяйственной жизни нашего времени.

При условіях капиталистическаго хозяйства трудность заключается не в том, чтобы произвести товар, а в том, чтобы его сбыть, найти для него рынок. Эта вторая задача по своей важности совершенно оттѣснила на задній план первую. Извѣстно, как сложна организація сбыта в наше время, какія усилія должен дѣлать каждый предприниматель, чтобы втолкнуть свой товар в густую толпу всевозможных товаров, переполняющих рынок. Предложеніе, как общее правило, всегда идет впереди спроса, обгоняет его и товаропроизводитель готов пойти на что угодно, лишь бы стимулировать спрос.

Рынок- это узел, гдѣ сплетаются нити современной хозяйственной жизни. Рынок управляет производством, а не производство управляет рынком, таково непосредственное впечатлѣніе, производимое строем капиталистическаго хозяйства. Капиталистическое хозяйство располагает огромным запасом производительных сил, только часть которых находит себѣ примѣненіе. Всякая капиталистическая сторона во всякое время могла бы значительно расширить свое производство, если бы нашли себѣ примѣненіе всѣ ея производительныя силы. Что же мѣшает такому примѣненію, что задерживает рост общественнаго производства в капиталистическом хозяйствѣ? Не что иное, как трудность найти сбыт для производимых товаров-иначе говоря, недостаток рынка. Рынок является, таким образом, центральной силой, управляющей всѣм капиталистическим хозяйством, а недостаток его, постоянно чувствуемый капиталистическим производством, эластичной повязкой, задерживающей развитіе послѣдняго.

На какой же почвѣ возникает этот недостаток рынка, эта трудность сбыта товаров, благодаря чему капиталистическое производство всегда напирает на рынок, всегда стремится произвести болѣе, чѣм допускает рынок? В этом и заключается важная и трудная п р о б л е м а рынка, разрѣшеніе которой долгое время было не под силу экономической наукѣ.

II. Т е о р і я р ы н к а к л а с с и ч е с к о й ш к о л ы. Проблема рынка была впервые поставлена в наукѣ одним из самых слабых теоретиков политической экономіи, Ж.Б.Сэ, совершенно лишенным способности теоретическаго углубленія, всегда скользившим лишь по поверхности явленій. Объясняется это тѣм, что центральная идея теоріи рынка крайне проста и элементарна, и вся трудность заключается в пониманіи логических выводов из этой идеи, в объясненіи с ея точки зрѣнія крикретных фактов капиталистическаго развитія. Обыкновенно думают, что роскошь богатых классов, так назыв. непроизводительное потребленіе, исполняет необходимую функцію в народном хозяйствѣ, поддерживая общественный спрос на продукты, создавая рынок. Это мнѣніе Сэ признает ошибочным и противопоставляет ему свой собственный тезис, что "каждый продукт находит тѣм болѣе покупателей, чѣм болѣе растет количество остальных продуктов" ибо, чтобы купить продукт, нужно какой либо другой продукт продать. Товары, в концѣ концов, обмѣниваются на товары, а деньги- простой посредник мѣнового акта. Обычная точка зрѣнія предполагает, что без непроизводительнаго потребленія извѣстная часть товаров не найдет рынка за отсутствіем покупателей, товары окажутся произведенными в избыткѣ, общественное предложеніе превысит спрос. Но развѣ возможно нѣчто подобное? Уже один тот факт, что данное лицо производит товар свидѣтельствует, что у него имѣются какія-то неудовлетворенныя потребности: иначе зачѣм бы оно стало заниматься производством? Каждый производит только для того, чтобы удовлетворить ту или иную свою потребность. Значит, каждый товар несет с собой спрос на другіе товары; рынок для каждаго товара создается не чѣм иным, как другими товарами же. Могут производиться не тѣ товары, которые требуются рынком (и в таком случаѣ требуется измѣнить распредѣленіе общественнаго производства), но таково положенія вещей, при котором совокупное предложеніе всѣх товаров превысило бы совокупный общественный спрос на товары, быть не может. Если предложе-

ніе одного товара прерышает общественный спрос, это значит, что предложеніе другого товара не достигает общественнаго спроса.

В этом и заключалась сущность теоріи Сэ. Вся аргументація Сэ покоится, как видно, из вышеизложеннаго, на предположеніи простого товарнаго хозяйства, хозяйства мелких товаропроизводителей, каждый из которых потребляет товаров на ту же сумму, на которую производит. Но она, была, очевидно, недостаточна по отношенію к капиталистическому производству, ибо капиталист производит больше товаров, чѣм потребляет в своем личном потребленіи. Накопляя капитал, капиталист воздерживается от потребленія. Не должно ли поэтому накопленіе капитала приводить в превышенію предложенія товаров сравнительно со спросом на них?

Вопрос о накопленіи капитала был разсмотрѣн Рикардо и его школой и рѣшен ею в том смыслѣ, что накопленіе капитала не приводит к превышенію общаго предложенія товаров сравнительно со спросом на них по той причинѣ, что, накопляя капитал, капиталист превращает его в заработную плату.

Накопленіе капитала является, слѣдовательно, не чѣм иным, как потребленіем капитала рабочими, занятыми в процессѣ производства. С этой точки зрѣнія совершенно понятно, почему накопленіе капитала, как быстро бы оно ни шло, никогда не может вызвать превышенія общественнаго производства сравнительно с общественным потребленіем, превышенія предложенія сравнительно со спросом: при накопленіи капитала размѣры общественнаго потребленія нисколько не сокращаются, и только потребленіе рабочих расширяется за счет сокращенія потребленія капиталистов.

В таком же видѣ рисовался процесс накопленія капитала и Д. С. Миллю. Теорія рынка Сэ, утверждавшая невозможность общаго перепроизводства, получила, таким образом, теоретическое обоснованіе в ученіи о накопленіи капитала и оказывалась вѣрной не только по отношенію к простому товарному, но и к капиталистическому хозяйству.

Такова была аргументація сторонников теоріи рынка Сэ, - аргументація, сводившаяся к утвержденію, что накопленіе капитала есть умноженіе доходов рабочаго класса. Но с точки зрѣнія этой теоріи был непонятен цѣлый ряд фактов капиталистическаго хозяйства - и, прежде всего, обнищаніе в XIX вѣкѣ народных масс одновременно с ростом народнаго богатства.

Если накопленіе капитала равнозначуще превращенію имущества капиталиста в заработную плату, то чѣм быстрѣе идет накопленіе капитала, тѣм большая доля національнаго богатства должна переходить в распоряженіе рабочаго класса. Но никто не мог отрицать, что в XIX вѣкѣ накопленіе капитала шло гораздо энергичнѣе, чѣм когда либо раньше. Согласно теоріи школы Рикардо, это должно было вызвать превращеніе в заработную плату соотвѣтственно болѣе значительной доли національнаго богатства. Нужно было ожидать, таким образом, чрезвычайнаго подъема благосостоянія рабочаго класса. Однако, первая половина XIX вѣка характеризовалась не подъемом, а паденіем уровня жизни рабочаго класса - и именно в той странѣ, в которой капитал накоплялся всего быстрѣе, в Англіи. Это очевиднѣйшим образом противорѣчило ученію школы Рикардо.

Не менѣе непонятна была, с точки зрѣнія этого ученія, другая характерная особенность развивающагося капиталистическаго хозяйства - періодичность промышленных кризисов. В первыя десятилѣтія XIX вѣка, когда промышленные кризисы почтялись без большой правильности, можно было думать, что они объясняются случайными разстройствами товарнаго обращенія, напр., войнами, но когда обнаружилось, что каждое десятилѣтіе Англія переживает тяжелый промышленный кризис, и всѣ способы борьбы с ними оказались безуспѣшными, тогда потребовалась уже теорія кризисов, объясненіе их закономѣрности в современном хозяйственном строѣ. Теорія же рынка классической школы, отрицавшая возможность общаго перепроизводства товаров - отличительной чертой всякаго промышленнаго кризиса, - не только не могла дать объясненія необходимости и періодичности промышленных кризисов, но даже была склонна отрицать наличность послѣдней. Именно эта бросавшаяся в глаза слабость данной теоріи - ея неспособность объяснить реальные факты капиталистическаго хозяйства - и повела к то-

му, что в экономической наукѣ водворилась противоположная теорія рынка, господствующая и в настоящее время. Эта послѣдняя теорія всего полнѣе была развита Сисмонди.

III. Т е о р і я р ы н к а С и с м о н д и. Подобно тому, как спрос отдѣльнаго лица опредѣляется его доходом, - говорит Сисмонди, - так и весь общественный спрос опредѣляется общей суммой общественнаго дохода, ибо общество есть агрегат индивидов. Но развитіе капиталистическаго хозяйства ведет к тому, что общественный доход растет гораздо слабѣе роста производства. Заработная плата не возрастает, а даже падает. Падают доходы и мелких самостоятельных производителей. Что касается доходов капиталистическаго класса, то и эти доходы не растут пропорціонально росту производства, так как с ростом последняго капиталисту все труднѣе найти сбыт для своих товаров, и поэтому ему приходится понижать цѣны товаров и тѣм самым умеьшать предпринимательскую прибыль. Поэтому процент прибыли понижается по мѣрѣ расширенія оборотов капиталиста. В результатѣ, капиталистическое развитіе неизбѣжно ведет к тому, что рост народнаго дохода отстает от роста національнаго производства. А так как общественный спрос опредѣляется общественным доходом, то значит національное производство обгоняет рост общественнаго спроса, рынка. На рынкѣ образуется избыточный продукт, который не может найти сбыта по недостаточности народнаго дохода. Возникает перепроизводство товаров, имѣющее не частичный, но всеобщій характер: как бы не измѣнялось распредѣленіе общественнаго производства, все равно на рынкѣ будет избыточный продукт, ибо общественный доход слишком мал сравнительно с общественным производством.

Средством борьбы с этим положеніем дѣла для капитализма является внѣшній рынок. Избыточный продукт, для котораго нѣт мѣста на внутреннем рынкѣ, вывозится за границу. Всѣ капиталистическія страны стремятся захватить себѣ внѣшній рынок для помѣщенія на нем своего избыточнаго продукта. Но, очевидно, ранѣе или позднѣе внѣшній рынок будет исчерпан капиталистической промышленностью и тогда ей будет негдѣ помѣщать свой избыточный продукт.

Теорія Сисмонди есть очень стройная логическая конструкція, дающая, что самое главное, вполнѣ правдоподобное объясненіе фактам капиталистическаго развитія. С точки зрѣнія этой теоріи становится вполнѣ понятной борьба капиталистических стран за внѣшній рынок, становятся непонятными промышленные кризисы, обнищаніе народа наряду с ростом національнаго богатства. Поэтому нисколько не удивительно, что теорія эта произвела глубокое впечатлѣніе на умы, и вплоть до настоящаго времени остается господствующей. В своих основах она была воспринята и марксизмом. Маркс и Энгельс также, как и Сисмонди думали, что размѣр капиталистическаго рынка опредѣляется размѣром общественнаго дохода, и что сокращеніе потребительных доходов приводит к созданію избыточнаго продукта. На той же точкѣ зрѣнія марксисты стоят и теперь в лицѣ, хотя бы Каутскаго.

Вмѣстѣ с тѣм, несмотря на различіе во многих существенных пунктах, собѣ изложенныя теоріи рынка сходятся между собой в том отношеніи, что в равной мѣрѣ признают потребительный спрос границей рынка. Рикардо стоит на этом также твердо, как и Сисмонди, и если Рикардо отвергает возможность болѣе быстраго роста общественнаго производства, чѣм растет общественный спрос на товары, то лишь потому, что, с точки зрѣнія Рикардо, общественное потребленіе всегда растет параллельно спросу и отстать от него никогда не может. Накопленіе капитала является, вѣдь, не чѣм иным, как замѣной потребленія капиталиста потребленіем рабочаго: значит, как быстро бы ни шло накопленіе капитала, сокращенія общественнаго потребленія получиться не может. Точно также и Сисмонди видит границу общественнаго спроса в общественном потребленіи, но, в противность Рикардо, полагает, что накопленіе капитала сопровождается сокращеніем общественнаго потребленія, так как общественный доход при этом относительно падает, а возможность потребленія ограничивается величиной дохода.

В этом послѣднем пунктѣ и был сосредоточен весь их книжн. спор.

И,без сомнѣнія, в этом пунктѣ был прав Сисмонди,а не Рикардо. Школѣ Рикардо было нечего возразить на доводы Сисмонди и нисколько неудивительно,что в общественном мнѣніи побѣдителем остался Сисмонди,теорія котораго на долгое время стала господствующей.Спровергнуть эту послѣднюю теорію можно только одним способом,-доказав,что ея исходный пункт-тезис относительно необходимой связи между размѣром рынка и размѣром потребительнаго спроса- невѣрен.Но,конечно,нѣчто подобное было не под силу школѣ Сэ-Рикардо,как не под силу и господствующей политической экономіи,так как вся она стояла и стоит на этом самом тезисѣ.

И,однако, этот тезис не только не составляет собой очевидной истины,а является несомнѣнным заблужденіем,чрезвычайно укоренившимся и имѣющим всю видимость истины. Тезис этот вытекает из неправильнаго представленія относительно процесса накопленія капитала. Накопленіе капитала, учила школа,есть не что иное,как превращеніе прибыли капиталиста в заработную плату новых рабочих. На самом же дѣлѣ это совсѣм невѣрно: накопленіе капитала вовсе не является простой замѣной потребленія капиталиста потребленіем рабочаго- по той причинѣ, что накопляющійся капитал превращается не только в заработную плату,но и в средства производства, которыя не составляют элемента потребленія какого бы то ни было класса населенія.

IX. Разрѣшеніе проблемы рынка. Чтобы удовлетворительно разрѣшить трудную проблему рынка, необходимо,прежде всего, дать научный анализ процесса накопленія капитала и,притом, не единичнаго частнаго капитала, а всего общественнаго капитала в цѣлом. Если проблема рынка оказалась не под силу экономистам,то лишь потому,что они никогда не пытались охватить в одной картинѣ все общественное хозяйство в совокупности.

Такую задачу поставил себѣ на самой зарѣ исторіи экономической науки Кенэ. Его знаменитая " Экономическая таблица" именно потому и произвела такое огромное впечатлѣніе на современников, что Кенэ посмотрѣл на общественное хозяйство,как на нѣчто цѣлое, в предѣлах котораго совершаются перемѣщенія товаров и возстановляются части общественнаго продукта, уничтоженныя в процессѣ потребленія и производства. Послѣ Кенэ никто из экономистов в теченіе болѣе столѣтія не дѣлал ни малѣйшей попытки пойти по его пути и примѣнить к изслѣдованію народнохозяйственных явленій его метод. Именно этим и объясняется неудовлетворительное состояніе экономической теоріи во всѣх отдѣлах,соприкасавшихся с явленіями,захватывающми цѣлое народнаго хозяйства,как,напр.,ученіе о распредѣленіи, накопленія общественнаго капитала и реализаціи продуктов общественнаго производства. И только Марко спять поднял нить, оборванную послѣ Кенэ, и дал во втором томѣ своего"капитала" схемы капиталистическаго производства в цѣлом общественнаго хозяйства. Только на основѣ этого метода Кенэ и Маркса- метода разсмотрѣнія цѣлаго общественнаго хозяйства- возможен научный анализ процесса накопленія капитала и установленіе законов реализаціи общественнаго предукта.

Капиталистическое производство предполагает превращеніе денежнаго капитала в средства производства и затѣм обратное превращеніе товарнаго капитала в деньги. Не при абстрактном анализѣ общественнаго воспроизводства капитала можно игнорировать порturбаціи круговорота капитала, вызываемыя трудностями превращенія товара в деньги. Общественное воспроизводство капитала состоит в воспроизведеніи различных элементов капитала и замѣщеніи путем обмѣна одних из них другими. В результатѣ этого воспроизведенія и обмѣнов получается реализація как прибыли капиталиста (точнѣе говоря, всѣх доходов,не основанных на трудѣ- ренты,по терминологіи Родбертуса), так и составных частей самаго капитала.

Нижеслѣдующая схема ихображает воспроизводство общественнаго капитала в одних и тѣх же размѣрах.

I- производство средств производства
720с÷360р÷360п=1440.

II-производство предметов потребленія рабочих
360с÷180р÷180п=720.

III-производство предметов потребленія капиталистов
360с÷180р÷180п= 720.

Эта схема иллюстрирует,каким образом распредѣляется капиталистическое производство в цѣлом общественнаго хозяйства в том случаѣ,когда потребляется весь прибавочный продукт. Первый член каждаго трехчлена выражает собой в каких либо единицах цѣнности (миллионах рублей,марок,франков и т.д.) цѣнность средств производства,занятых в данном производствѣ, второй - цѣнность рабочей силы (рабочую плату); третій-цѣнность прибавочнаго продукта, которая в данном случаѣ отождествляется с прибылью капиталистов. Отношеніе средств производства к заработной платѣ и прибыли принято во всѣх трехчленах одним и тѣм же. Первый трехчлен выражает собой производство средств производства,второй-производство предметов потребленія рабочих, и третій - производство предметов потребленія капиталистов (точнѣе всѣх классов, потребляющих прибавочный продукт). Абсолютныя числа взяты произвольно. Различіе основного и оборотнаго капитала, для простоты,игнорированнаго в схемѣ: в то время,как в дѣйствительности только часть средств производства уничтожается в теченіе года и требует замѣщенія, в схемѣ предполагается,что средства производства за год кничтожаются цѣликом и цѣликом замѣщаются,-иными словами, что основной капитал обращается так же,как оборотный.

В третьем отдѣлѣ производства, согласно схемѣ, изготовляются предметы потребленія капиталистов. Каким образом могут быть реализованы на рынкѣ товары этого рода (цѣнностью в 720)? Схема даст на это ясный ответ. Четверть этих товаров будет потреблена капиталистами этого же отдѣла (180); такая же часть требуется капиталистами второго отдѣла (прибыль которых равна также 180); остальная часть будет пріобрѣтена капиталистами I отдѣла(их прибыль -360). В обмѣн на отчуждаемые продукты, рабочіе III отдѣла получат на 180 предметов своего потребленія- продуктов II отдѣла,а капиталисты III отдѣла на 360 средств производства-продуктов I отдѣла. Таким образом совершится реализація всѣх товаров III отдѣла.

Товары II отдѣла (предметы потребленія рабочих, цѣнностью также в 720) будут реализованы слѣдующим образом: четверть этих товаров (180) будет потреблена в предѣлах этого же отдѣла рабочими,занятыми в нем; другая четверть (180)-рабочими III отдѣла; и половины (360)-рабочими I отдѣла. В обмѣн на это капиталисты II отдѣла получат из III отдѣла на 180 предметов своего потребленія и из I отдѣла на 360 средств производства.

Из товаров I отдѣла (средства производства цѣнностью в 1440) половина (720) потребляется в том же отдѣлѣ; четверть (360) требуется производством второго отдѣла и четверть (360) производством III отдѣла. В обмѣн на это капиталисты I отдѣла получают из III отдѣла на 360 предметов своего потребленія,а рабочіе- из II отдѣла на такую же сумму предметов удовлетворяющих их потребностям.

Спрос на всѣ товары равен предложенію. Цѣнность изготовленных средств производства- 1440- равна цѣнности средств производства, требуемых общественным производством (720÷360÷360).Цѣнность предметов потребленія рабочаго - 720- равна суммѣ заработной платы (360÷180÷180),а цѣнность предметов потребленія капиталистов- также 720- равна прибыли (360÷180÷180).Товары каждаго отдѣла частью потребляются и обмѣниваются в предѣлах этого же отдѣла, частью же вступают в обмѣн с товарами двух других отдѣлов.

В этой схемѣ нужно обратить вниманіе на то, что средства производства изготовляются и обращаются на рынкѣ рядом и одновременно с предметами потребленія рабочих и капиталистов.Это кажется впрочем очевидным; однако,именно это и не понималось как школой Смита-Рикардо,так и шко-

лей Сисмонди, для которых весь общественный продукт распадался на элементы общественнаго дохода. Между тѣм, в приведенной схемѣ общественный продукт равен по своей цѣнности 2880, а общественный доход только 1440-половинѣ цѣнности общественнаго продукта. Общественный продукт вдвое превосходит сумму всего общественнаго дохода и, тѣм не менѣе, закупается на рынкѣ без остатка; никакого превышенія общественнаго предложенія сравнительно с общественным спросом не возникает.

Но для такого равновѣсія спроса и предложенія требуется, чтобы общественное производство было распредѣлено пропорціонально в соотвѣтствіи со спросом. При непропорціональном же распредѣленіи производства нѣкоторые продукты окажутся произведенными в избыткѣ, а спрос на другіе будет превышать предложеніе.

В разсмотрѣнной схемѣ накопленія капитала не происходит- весь прибавочный продукт потребляется капиталистами.

Нижеслѣдующая схема изображает собой накопленіе общественнаго капитала при предположеніи, что половина прибавочнаго продукта капитализируется капиталистами.

Воспроизводство общественнаго капитала вѣ расширяющихся размѣрах (накопленіе капитала).

1-й год.

I-производство средств производства
840с÷420р ÷ 420п = 1680.

II-производство предметов потребленія рабочих
420с ÷ 210р ÷ 210п =840.

III-производство предметов потребленія капиталистов
180с ÷ 90р ÷ 90п = 360

2-й год.

I-производство средств производства
980с ÷ 490р÷ 490п= 1960.

2) III-производство предм.потреблен.капиталистов
210с ÷ 105р ÷ 105п=-420.

I) II- производство предметов потребленія рабочих
490с ÷ 245р ÷ 245п= 980.

3-й год.

I-производство средств производсива
1143 1/3с ÷ 571 2/3р ÷ 571 2/3п= 2286 2/3.

II-производство предметов потребл.рабочих.
571 2/3с ÷ 235 5/6р ÷ 285 5/6п = 1143 1/3.

III-производство предметов потребленія капиталистов.
245 с ÷ 122½р ÷ 122½п= 490.

Общая сумма общественнаго производства за I-й год принята такой же, как и въ первой схемѣ- точно также всѣ отношенія между цѣнностью средств производства, заработной платой и прибылью приняты прежнія (т.е. как 2 : I : I). Но распредѣленіе общественнаго производства принято иным, так как отказ капиталистов от потребленія половины своего дохода и превращенія ея в капитал измѣняет характер общественнаго спроса. Спрос на предметы потребленія капиталистов сокращается вдвое, а спрос на средства производства и предметы потребленія рабочих соотвѣтственно возрастает. Проводимая схема изображает такое распредѣленіе общественнаго производства, при котором спрос на всѣ продукты общественнаго производства равнѣ предложенію, хотя прибавочный продукт только наполовину потребляется капиталистами, наполовину же капитализируется.

Получена эта схема слѣдующим образом. Прибыль капиталистов в первой схемѣ (на стр. 500) принята равной 720. Мы предположили, что половину этой прибыли (т.е. 360) капиталисты потребляют сами, а половину накопляют. Так как потребленіе капиталистов за первый год при накопленіи капитала выражается цифрой 360, то мы получаем для перваго года III отдѣл производства (производство предметов потребленія капиталистов) равным 360. Эта сумма должна распасться на средства производства, заработную плату и прибыль в пропорціи 2:I:I (ибо эта пропорція принята нами и в первой схемѣ). Слѣдовательно III отдѣл производства выразится трехчленом 180 ÷ 90 ÷ 90.

Таким образом мы получили III отдѣл общественнаго производства для перваго года в разсматриваемой схемѣ. Два первые отдѣла вычисляются слѣдующим образом.

По предположенію капиталисты накопляют половину своей прибыли, т.е. 360. Эта накопляемая прибыль распадается без остатка на продукты двоякаго рода- средства производства и заработную плату. Согласно нашему предположенію, средства производства относятся к заработной платѣ как 2:I. Значит, накопляемая прибыль в 360 единиц должна распасться на 240 средства производства

$\left(\frac{360 \times 2}{3}\right)$ и 120 заработная плата $\left(\frac{360 \times 1}{3}\right)$.

Итак, для возможности накопленія капитала требуется, чтобы производство средств производства возрасло на 240, а производство предметов потребленія рабочих на 120. Иными словами, производство средств производства в I год накопленія должно выразиться цифрой 1680 (т.е. 1440 в первой схемѣ ÷ 240), а производство предметов потребленія цифрой 840 (720 в первой схемѣ ÷ 120).

Таким образом мы получили суммы производства всѣх трех отдѣлов. Не трудно получить и самые трехчлены. Третій трехчлен нами получен. Первый трехчлен мы получаем, раздѣляя 1680 (сумма производства I отдѣла) пропорціонально 2 : I : I. Это будет, слѣдовательно, 840÷420÷420.

Второй трехчлен мы получим, раздѣляя в пропорціи 2 : I : I сумму производства II отдѣла - 840. Второй трехчлен будет 420÷210÷210. Таким образом, получена схема накопленія капитала за первый года.

Схема второго рода накопленія получена слѣдующим образом. Прибыль перваго рода равна 720. За первый год капиталисты капитализировали 360. Согласно предположенію, средства производства, заработная плата и прибыль относятся, как 2 : I : I. Слѣдовательно, если средства производства и заработная плата =360, то новая прибыль =120. Иными словами, общая прибыль капиталистов во втором году =720÷120=840.

Во втором году капиталисты опять потребляют только половину своей прибыли: 840 : 2=420. Таким образом мы получам III отдѣл общественнаго производства во втором году, и, пропорціонально раздѣляя 420 на средства производства, заработную плату и прибыль, получаем третій трехчлен для второго года (210 ÷ 105 ÷ 105).

I Отдѣл общественнаго производства во втором году мы получаем слѣдующим образом. Капиталисты во втором году капитализируют половину своей прибыли, т.е. 420. Из этих 420 на средства производства приходится 280 и 140 на заработную плату (в пропорціи 2 : I). Таким образом, I отдѣл второго года равен 1680 ÷ 280 ÷ 1960.

И отдѣл общественнаго производства второго года получается суммированіем 840 и 140 = 980.

Пропорціонально раздѣляя I и II отдѣл на средства производства, заработную плату и прибыль, мы получаем первый трехчлен 2-го года (980÷490÷490) и второй трехчлен (490÷245÷245).

Реализація продуктов, изготовленных в теченіе перваго года, будет произведена слѣдующим образом. Предметов потребленія капиталистов (отдѣл III) изготовлено 360. Согласно нашему предположенію, капиталисты потребляют только половину своей прибыли. Так как прибыль капиталистов I отдѣла за первый год равняется 420, то, слѣдовательно, их спрос на предметы потребленія выразится цифрой 210; спрос на предметы потребленія

капиталистов II отд'ла будет равен I05, а III отд'ла - 45. Общая сумма спроса равна 360,т.е. вполнѣ покрывает предположеніе этих продуктов. Предметов потребленія рабочих изготовлено в первом году 840. Для расширеннаго производства второго года требуется товаров этого рода: для перваго отд'ла- 490, для второго - 245 и для третьяго - I05,т.е. опять столько же, сколько изготовлено. Точно также спрос на средства производства для производства второго года (980- производство перваго отдѣла, 490- второго и 2I0 -третьяго) равен цѣнности средств производства, изготовленных в первом году (I680).Таким образом все продукты перваго года нашли себѣ сбыт в теченіе второго года.

Но для чего служит расширенное производство второго года? Какое право мы им'ли принимать, что спрос на средства производства и предметы потребленія рабочих во втором году больше,чѣм в первом? Мы исходили по прежнему из предположенія, что капиталисты половину своей прибыли (во втором году,как и в первом) не потребляют лично,а превращают ее в капитал. Распред'леніе производства во втором году таково,что половина прибыли продолжает накопляться. Спрос на продукты второго года создается расширенным производством третьяго года.

В конц' второго года произведено на I960 средств производства,на 980 предметов потребленія рабочих и на 420- предметов потребленія капиталистов. Разсмотрим же,каким образом могут сбыть реализованы эти продукты.

Общая прибыль за второ' год равна 840 (490÷245÷I05).Согласно нашему предположенію,капиталисты половину этой прибыли затрачивают на свое потребленіе. Таким образом рынок для 420 предметов потребленія капиталистов,произведенных в теченіе второго года,найден. Средства производства третьяго года (II43 I/3 ÷ 57I 2/3 ÷ 245) равны I960-цѣнности средств производства,изготовленных во втором году; рабочая плата третьяго года (57I 2/3 ÷ 285 5/6 ÷ I22 ½) равна 980- предметам потребленія рабочих,произведенных во втором году. Таким образом всѣ продукты второго года реализуются в третьем году,-рынок для них создается расширенным производством третьяго года. Схема третьяго года получена путем таких же вычисленій,как и схемы перваго и второго годов.Общественное производство третьяго года реализуется в общественном спросѣ-четвертаго года, схема котораго не дана, но легко может быть вычислена.

Н't необходимости продолжать анализ распред'леніе производства в четвертом,пятом и сл'дующих годах. Приведенныя схемы должны были с очевидностью доказать мысль, которая сама по себ' очень проста,но легко вызывает возраженія при недостаточном пониманіи процесса воспроизведенія общественнаго капитала,а именно, что капиталистическое производство само для себя создает рынок. Если только можно расширить производство,если хватит для этого производительных сил,то,при пропорціональном распред'леніи общественнаго производства, можно соотвѣтственно расширить и спрос,ибо,при этом условіи, каждый вновь произведенный товар есть вновь появившаяся покупательная сила для пріобрѣтенія других товаров.

Уже первая схема показала всю несостоятельность обычнаго представленія, что общественный продукт разлагается без остатка на элементы народнаго дохода. Вторая схема дѣлает ясной ошибочность всего ученія классической школы о процессѣ накопленія капитала. Накопленіе капитала вовсе не равносильно замѣщенію одного вида общественнаго потребленія другим. Накопляющ'ся капитал превращается,правда, в заработную плату,но также и в средства производства. Только часть капитала,соотвѣтствующая заработной платѣ, превращается,таким образом, в элементы общественнаго потребленія,а другая часть совсѣм изъемлется из общественнаго потребленія и представляет собой такую долю общественнаго расхода, которая не становится ничьим доходом.

Всякое ускореніе темпа накопленія капитала при одном размѣрѣ производства равносильно абсолютному сокращенію общественнаго потребленія. Когда капиталист затрачивает свой доход для своих личных цѣлей,доход

превращается цѣликом в предметы общественнаго потребленія; когда же доход капитализируется, то только часть его превращается в предметы общественнаго потребленія,а другая часть совсѣм изъемлется из фонда общественнаго потребленія и переходит в фонд общественнаго производства.Спрос на средства производства замѣщает в этом случаѣ спрос на предметы потребленія.

Это обнаруживается в приведенных схемах. В перв' схем' капитал совершенно не накопляется: спрос на всѣ товары выражается при этом 2880 единицами цѣнности,а спрос на предметы потребленія - I440 единицами. Во втор' схемѣ половина дохода капиталистов капитализируется; благодаря этому в теченіе перваго года изготовлено предметов потребленія значительно меньше- только на I200 (840- предметов потребленія рабочих ÷360- предметов потребленія рабочих); в теченіе второго года изготовлено предметов потребленія на I400 (980 ÷420), между тѣм как общая сумма изготовленных продуктов достигает в этом году 3360 единиц. Всѣ продукты второго года,как предметы потребленія,так и средства производства, поглощаются,как видно из схемы потребленіем и производством третьяго года. Таким образом,сравнивая первую и вторую схемы,мы наблюдаем расширеніе общественнаго производства при одновременно сокращеніи общественнаго потребленія, без всякаго нарушенія равновѣсія между общественным предложеніем и общественным спросом.

В приведенной' схемѣ накопленія капитала спрос на рабочія руки предполагается растущим параллельно росту, общественнаго производства.На самом же д'л' по мѣр' прогресса техники, рабочій все болѣе и болѣе зам'щается в процессѣ производства средствами производства- машиной. В данной' затратѣ капитала затрата на заработную плату составляет все меньшую часть, а затрата на средства производства - все большую. Рабочій отступает на задній план сравнительно с машиной - и,соотвѣтственно этому, отступает на задн' план рынок, создаваемый потребленіем рабочаго,сравнительно с рынком, создаваемым производительным потребленіем средств производства. Рынок от этого нисколько не сокращается, и только характер общественнаго спроса изм'няется,- спрос на предметы потребленія зам'щается спросом на средства производства.

Заработная плата есть один из видов общественнаго дохода, между тѣм как машина никакого дохода не получает. Поэтому замѣщеніе рабочаго машиной равносильно относительному сокращенію общественнаго дохода; чѣм большую долю капитала представляют средства производства, тѣм меньшая доля капитала превращается в элементы общественнаго дохода. Сумма общественнаго производства и,слѣдовательно, общественнаго богатства при этом растет,а сумма общественнаго дохода относительно (а, при извѣстной быстротѣ процесса зам'щенія рабочаго машиной,и абсолютно) падает. Но никакого изборочнаго продукта при этом не возникает,так как спрос на средства производства вполн' замѣщает, в этом случаѣ,спрос на предметы потребленія; вѣдь машина требует для своей работы извѣстных хозяйственных затрат,как и рабочій. Если,напр., в производствѣ известнаго продукта машина зам'стила рабочаго,то общественный спрос на предметы потребленія рабочаго класса соотв'тственно сокращается,но зато соотвѣтственно возрастает спрос на самыя машины и все необходимое для того, чтобы машина могла работать- топливо, смазочныя масла и т.п. В общем итогѣ рынок для товаров нисколько не сокращается, и только изм'няется род товаров, спрашиваемых рынком. Таким образом, становится возможным увеличеніе общественнаго богатства (выражающагося в количествѣ продуктов, которым располагает общество) при одновременно паденіи общественнаго дохода.

Как ни парадоксально звучат эти выводы, к ним естественно приводит анализ круговорота капитала в цѣлом капиталистическаго хозяйства. И только потому,что экономисты никогда не пользуются методом разсмотрѣнія цѣлаго капиталистическаго хозяйства,в наукѣ мог утвердиться взгляд, что размѣр рынка в капиталистическом хозяйствѣ опред'ляется размѣром общественнаго потребленія.

Однако,именно от этого тезиса отправлялась как школа Смита-Рикардо,

так и школа Сисмонди во всѣх своих разсужденіях относительно проблемы рынка. И потому ни тот ни другой школѣ не удалось разрѣшить этой проблемы.

Из схематическаго разсмотрѣнія капиталистическаго хозяйства в его общественном цѣлом неизбѣжно вытекает вывод, что размѣр рынка в капиталистическом хозяйствѣ отнюдь не опредѣляется размѣром общественнаго потребленія. Общественный продукт состоит не только из предметов потребленія, но и из средств производства. При накопленіи капитала происходит несомнѣнное сокращеніе спроса на предметы потребленія, ибо только часть накопляемаго капитала превращается в предметы потребленія рабочаго, другая же часть превращается в средства производства. Но общая сумма общественнаго спроса на предметы потребленія компенсируется увеличеніем спроса на средства производства. В общем, при пропорціональном распредѣленіи общественнаго производства никакое сокращеніе потребительнаго спроса не в силах вызвать превышенія общаго предложенія продуктов на рынкѣ сравнительно со спросом на послѣдніе.

Но развѣ потребленіе не представляет собой естественной цѣли производства? Развѣ производить не значит изготовлять предметы человѣческаго потребленія? На это нужно отвѣтить, что хозяйственныя системы бывают различныя типов, и что цѣли общественнаго производства в антагонистических хозяйственных системах иныя, чѣм в хозяйствах гармоническаго типа.

Относительно гармоническаго типа хозяйства не может быть сомнѣнія, что цѣлью такого хозяйства является потребленіе. Гармоническое хозяйство характеризуется тѣм, что владѣльцами средств производства являются сами рабочіе, которые производят предметы, нужные для их собственнаго потребленія. В антагонистических же хозяйствах (рабовладѣльческом, феодальном капиталистическом) руководителем хозяйственнаго предпріятія является не рабочій, а посторонее лицо, владѣлец средств производства. Рабочіе же являются в роли средств производства. Для капиталиста предпринимателя нѣт разницы между затратами на рабочих и затратами на средства производства. Хлѣб, потребляемый рабочим, и овес, потребляемый лошадью, в его глазах ничѣм не отличаются друг от друга. Правда, могут сказать, что предметы потребленія рабочих покупаются самими рабочими, тогда как предметы потребленія скота покупаются капиталистом. Но с точки зрѣнія размѣщенія продуктов на рынкѣ совершенно не важно, кто является покупателем; важно лишь то, откуда берутся покупательныя средства, - а рабочій покупает свои предметы потребленія на тѣ средства, которыя ему дает капиталист, подобно тому как каменный уголь для машины покупается на средства капиталиста. И потому спрос на предметы потребленія рабочаго точно также регулируется потребностями капиталистическаго производства, как и спрос на каменный уголь.

Хотя рабочій видит в себѣ человѣка, самоцѣль, а не средство производства, все же, для капиталиста он является только средством производства. На этой почвѣ возникает соціальная борьба рабочаго с капиталистом, но борьба эта ведется за предѣлами товарнаго рынка, для котораго предметы потребленія рабочаго ничѣм не отличаются от предметов потребленія рабочаго скота и, вообще, средств производства.

Маркс указал, что в товарном хозяйствѣ товар, вещь как бы одухотворяется и становится повелителем создавшаго его человѣка. В этом заключается то, что Маркс называет фетишизмом товарнаго хозяйства. Фетишизм капиталистическаго хозяйства, природа котораго Марксу была не вполнѣ ясна, идет дальше. Если в товарном хозяйствѣ вещь превращается как бы в человѣка, то капиталистическое хозяйство дѣлает человѣка вещью. В капиталистическом хозяйствѣ человѣк низводится на ступень орудія труда, становится эквивалентом машины.

На этой почвѣ и создается непонятный для современной политической экономіи парадокс капиталистическаго хозяйства - то, что не общественное потребленіе управляет в нем общественным производством, является его цѣлью, а, наоборот, общественное производство управляет общественным потребленіем, является для послѣдняго цѣлью. Не капитал для человѣка, а человѣк для капитала - таков девиз капиталистическаго хозяйства. И если школа Маркса приняла теорію рынка Сисмонди, то лишь по непослѣдовательности, невѣрности основным принципам самого марксизма. Стимулом капиталистическаго хозяйства является не человѣческое потребленіе, а накопленіе капитала. Накопленіе капитала есть круговорот, - товарный капитал превращается в деньги, затѣм в средства производства и рабочую силу, затѣм опять в товар. В этом круговорот каждый отдѣльный момент его может разсматриваться, как средство (по отношенію к послѣдующему) и как цѣль (по отношенію к предыдущему). Что, напримѣр, является цѣлью капиталистическаго производства - созданіе хлѣба (предмета потребленія рабочаго) или чугуна (предмета производительнаго потребленія)? все зависит от того пункта, с котораго мы будем разсматривать процесс круговорота капитала.

Если мы будем разсматривать, напримѣр, земледѣльческое производство, то цѣлью его является созданіе хлѣба, а созданіе чугуна (плуга) есть лишь средство к этой цѣли. На чугунно-плавильном заводѣ цѣлью производства является, наоборот, чугун, а созданіе хлѣба для рабочих, занятых производством чугуна, есть лишь средство к этой цѣли. Значит, и хлѣб и чугун совершенно в одинаковой мѣрѣ могут разсматриваться и как цѣль и как средство. Обычное же противопоставленіе хлѣба чугуну (как цѣли средству) доказывает лишь непониманіе законов капиталистическаго хозяйства.

Такіе парадоксы капиталистическаго хозяйства, как одновременный рост общественнаго богатства и сокращеніе общественнаго дохода, без всякаго нарушенія равновѣсія общественнаго спроса и предложенія, объясняются тѣм, что среди общественных доходов капиталистическаго хозяйства имѣются доходы различной экономической природы: доходы нетрудовых классов, управляющих общественным производством и доходы рабочаго класса, фигурирующаго в роли средства производства. Доход рабочаго есть расход с точки зрѣнія капиталиста. Эта двусторонность дохода рабочаго объясняется двусторонностью экономической роли рабочаго, особенностью послѣдняго, как - одновременно - и средства производства и потребленія. Как средство производства, рабочій может быть, в большей или меньшей мѣрѣ, замѣнен машиной. От такого замѣщенія общественное богатство не сокращается, а увеличивается, ибо увеличивается общая сумма производимых продуктов. Общественный же доход сокращается, ибо сокращается доход рабочаго класса. Сумма общественнаго производства при этом возрастает, а сумма общественнаго потребленія падает. Всѣ эти парадоксы капитализма возникают на почвѣ антагонистическаго хозяйства. Понятное дѣло, что если бы рабочіе располагали средствами производства, то ничто подобное не могло бы имѣть мѣста. Но руководителями капиталистическаго хозяйства являются не рабочіе, а тѣ, для кого рабочіе - простое средство производства.

Итак, при пропорціональном распредѣленіи общественнаго производства общественный спрос и общественное предложеніе остаются в равновѣсіи, как бы ни сокращался потребительный спрос общества. Отсюда можно было бы повидимому, сдѣлать вывод, что капиталистическое хозяйство никогда не может страдать от недостатка рынка. Становится непонятным, почему капиталистическим предпріятіям приходится испытывать такія трудности в нахожденіи покупателей для изготовляемых продуктов, почему борьба за рынок составляет такую характерную черту капиталистическаго хозяйства.

Объясняется это слѣдующим образом. Капиталистическое производство располагает громадными производительными средствами и всегда стремится к расширенію количества производимых продуктов. Но сбыт этих продуктов возможен лишь при условіи пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства. Капитализм же не обладает никакой организаціей для такого распредѣленія производства. На этой основѣ возникают кризисы капиталистической промышленности, природа которых будет выяснена в слѣдующей главѣ. Пока же достаточно указать, что отсутствіе какой бы то ни было организаціи для пропорціональнаго распредѣленія производства играет в капиталистическом хозяйствѣ роль эластичной повязки, которая

постоянно давит на капиталистическое производство и препятствует ему развернуть всѣ свои производительныя силы. Именно в этом и основана трудность реализаціи продуктов в системѣ капиталистическаго хозяйства. Рынок всегда недостаточен для капитализма не потому, чтобы потребителей для капиталистическаго продукта было слишком мало, а потому, что пропорціональное распредѣленіе производства совершенно не осуществимо при условіи капиталистическаго хозяйства, а приближеніе к такой пропорціональности достигается капитализмом с величайшим трудом, путем кризисов и уничтоженія чрезмѣрно разросшихся отдѣльных предпріятій.

У. Фактическая повѣрка теоріи рынка.

Всякая экономическая теорія лишь тогда может считаться вполнѣ доказанной, когда она провѣрена на фактах. тѣм болѣе требуется фактическая повѣрка для доктрины, до такой степени расходящейся с обычными взглядами и имѣющей такой парадоксальный вид, как изложенная теорія рынка. Сущность этой теоріи, как видно из вышеизложеннаго, сводится к тому, что спрос на средства производства создает такой же рынок для товаров, как и спрос на предметы потребленія, благодаря чему никакое сокращеніе доли предметов потребленія не может вызвать никаких новых трудностей по отношенію к реализаціи продуктов капиталистическаго производства.

И, дѣйствительно, факты показывают, что характерной чертой капиталистическаго развитія является сравнительно медленный рост производства предметов потребленія и быстрый рост производства средств производства. Еще нѣсколько десятилѣтій тому назад руководящую роль в капиталистической промышленности играла хлопчатобумажная промышленность, теперь же такую роль играет желѣзодѣлательная промышленность. По размѣрам производства земледѣліе уже нѣсколько десятилѣтій находится во многих странах Западной Европы в состояніи застоя. В таком же почти положеніи находится и текстильная промышленность. Напротив, чрезвычайно быстро растет производство чугуна, химических продуктов, машин, каменнаго угля, вообще средств производства. Соотвѣтственно этому, доля населенія занятаго производством предметов потребленія, уменьшается, а доля населенія, занятаго производством средств производства, возрастает.

Данныя послѣдней германской промышленной переписи 1907 г. показывают огромный рост населенія, занятаго производством средств производства. Нижеслѣдующія данныя относятся к Пруссіи:

	Число занятых лиц. (в тысячах). 1895.	1907.	Увеличеніе в %.
Текстильная промышленность.	441,9	445,9	0,8
Приготовленіе предметов одежды. . .	800,5	901,8	12,7
Обработка пищевых веществ	586,4	706,7	20,5
Трактирный промысел.	326,0	446,7	37,0
Обработка камня и глины.	314,3	447,5	42,4
" металлов.	383,9	573,4	49,3
Строительная промышленность	596,7	919,7	54,1
Химическая промышленность	66,7	106,0	59,0
Горное дѣло.	458,5	736,4	60,6
Приготовленіе машин и инструментов.	329,4	655,8	99,1

Текстильная промышленность (не говоря уже о земледѣліи) почти перестала увеличивать число рабочих, – доход рабочих классов возрастает слишком медленно, чтобы спрос народных масс на предметы одежды мог бы быстро расти. Доля населенія, занятаго в текстильной промышленности, за 1895-1907г.г. значительно сократилось. Напротив, производство средств производства увеличивается с удивительной быстротой. Всего болѣе возросло производство машин и инструментов – почти вдвое по числу занятаго персонала. Еще в 1895 году текстильная промышленность занимала в Пруссіи большее число рук, чѣм производство машин и инструментов; в 1907 г. –уже значительно меньшее.

Рынок для предметов потребленія расширяется очень медленно, что объясняется бѣдностью народных масс; но относительная стаціонарность производства предметов потребленія вовсе не приводит к стаціонарности всего общественнаго производства. Напротив, оно растет гораздо быстрѣе, чѣм когда либо, растет, направляясь, однако, все в большей или меньшей мѣрѣ на созданіе средств производства. Что же дѣлают, однако эти машины? количество которых так сильно увеличилось в Пруссіи за 1895-1907г.? Отчасти они служат производству предметов потребленія по все в возрастающей степени производству новых машин и иных средств производства капиталистической промышленности, которая все больше и больше направляется на созданіе своих собственных средств производства, на накопленіе капитала.

Накопленіе капитала все больше становится самоцѣлью, которой подчиняется весь строй общественнаго производства. Рынком для капиталистическаго производства все больше становится само капиталистическое производство– и этот рынок расширяется с достаточной быстротой, чтобы поддерживать побѣдоносное шествіе капитала по лицу всего міра.

Процесс этот происходит во всѣх капиталистических странах міра. Тѣм не менѣе, капиталистическое хозяйство не наталкивается ни на какія новыя трудности по отношенію к реализаціи изготовляемых продуктов. В концѣ сороковых годов истекшаго столѣтія Энгельс, исходя из доктрины, признающей, что рынок для продуктов капиталистической промышленности опредѣляется потребительным спросом со стороны населенія, предсказывал неизбѣжность замедленія в будущем роста капиталистической промышленности и хронический промышленный застой. С тѣх пор прошло болѣе полустолѣтія, капиталистическое производство получило гигантское развитіе, особенно производство средств производства, между тѣм как производство предметов потребленія увеличилось гораздо менѣе. Оправдалось ли, однако, предсказаніе Энгельса? Ни малѣйшим образом. Ничего похожаго на хронический промышленный застой мы наблюдаем, и капитализм продолжает находить рынок для возрастающаго количества средств производства, несмотря на относительно сокращающійся общественный спрос на предметы потребленія. Таковы факты– и легко видѣть, до какой степени они подтверждают изложенную теорію.

Но, быть может, рынок для продуктов капиталистической промышленности находится лишь потому, что капиталистической хозяйство выбрасывает свой избыточный продукт за свои предѣлы, на внѣшній рынок? Дѣйствительно всякая капиталистическая страна вывозит свои продукты в большем или меньшем количествѣ на внѣшній рынок. Для многих отраслей англійской промышленности внѣшній рынок имѣет большее значеніе, чѣм внутренній. И, конечно, без внѣшняго рынка англійская промышленность существовать не могла бы.

Доказывает ли это, однако, что капиталистическое производство создает в Англіи избыточный продукт, что покупательныя силы англійскаго капитализма слишком ограничены, чтобы внутри страны находилось мѣсто для всего количества создаваемаго ею продукта? Несостоятельность этого мнѣнія явствует уже из того, что Англія, как извѣстно, ввозит из-за границы товаров на значительно большую сумму, чѣм вывозит.

Цѣнность англійскаго ввоза превосходила за послѣдніе годы (до войны) цѣнность вывоза на 100-150 и болѣе милліонов ф.с. в год. Иными словами англійскій внутренній рынок потреблял товаров на 100-150 милліонов ф.с. болѣе, чѣм их производится внутри страны, – покупательная сила англійскаго капиталистическаго хозяйства не только не отстает от его производительных сил, но значительно превосходит послѣднія. Можно ли говорить об избыточном продуктѣ капиталистическаго хозяйства, когда англійскій капитализм покупает товаров на значительно большую сумму, чѣм продает?

Многіе думают, что капиталистическая промышленность, по мѣрѣ своего развитія, все больше и больше нуждается во внѣшних рынках. И, дѣйствительно, по своему абсолютному размѣру вывоз на внѣшній рынок продуктов капиталистическаго производства быстро увеличивается. Однако, это еще отнюдь не доказывает, что внутренній рынок в капиталистических странах по своему относительному значенію для реализаціи общественнаго продук-

та падает. Наоборот Зомбарт доказал, что в Германіи все меньшая доля чрезвычайно быстро растущей германской промышленности вывозится на внѣшній рынок и все большая доля находит себѣ выгодное помѣщеніе внутри страны.

Нужно, однако, объяснить, с точки зрѣнія изложенной теоріи, почему внѣшній рынок так необходим для промышленности большинства капиталистических стран. Объясненіе это никакой трудности не представляет. Если страна вывозит товары из-за границы, то она должна и вывозить их для оплаты своего вывоза. Для Англіи внѣшній рынок потому так важен, что ея внутренній рынок [illegible] в значительной части заполнен иностранными товарами. Ничего нѣт страннаго в том, что капиталистическая промышленность работает, в большей или меньшей мѣрѣ, на внѣшній рынок. Почему внутренній рынок, с точки зрѣнія капиталиста, должен заслужить предпочтенія перед внѣшним? Для капиталиста нужен покупатель, а будет ли этим покупателем соотечественник или иностранец- это ему безразлично.

Исторически капитализм развился на основѣ именно внѣшняго рынка-и по слѣдующей причинѣ. Первоначально капиталистическая промышленность изготовляла, преимущественно предметы роскоши- шелковыя ткани, тонкія сукна, фарфор, стекло, дорогое оружіе и т.п. Потребителей предметов роскоши в родной странѣ было мало,-нужно было их искать по всему свѣту, так как везде богатые люди составляли ничтожную долю населенія. Вообще, капитал-космополит, он международен. Он стремится к неограниченному расширенію производства и потому ищет своего покупателя вездѣ; в результатѣ страны всего капиталистическаго міра тѣсно сплетаются между собой торговыми узами. Каждая страна является рынком для других,а другія страны являются ея рынком-каждая ввозит т вывозит товары и каждая не может обойтись без рынка, которым являются для нея другія страны,по той причинѣ, что ея собственный рынок в большей или меньшей степени заполнен товарами других стран.

Вывоз продуктов капиталистической промышленности одной страны в другую капиталистическую страну не есть вывоз за предѣлы капиталистическаго хозяйства и не может дать мѣсто для избыточнаго продукта капиталистическаго производства, если бы такой избыточный продукт существовал. Поэтому сторонники теоріи избыточнаго продукта, говоря о внѣшнем рынкѣ для капитализма, должны были бы подразумѣвать рынок не капиталистических стран. С точки зрѣнія этой теоріи слѣдовало бы думать, что развивающійся капитализм все болѣе и болѣе нуждается для реализаціи своих продуктов в рынкѣ тѣх стран, в которых система хозяйства не имѣет капиталистическаго характера. А так как капиталистическая систома быстро развивается во всем мірѣ,то рынок для избыточнаго продукта капитализма должен бы с каждым шагом капитализма вперед сокращаться, и капитализм должен бы давно прекратить свое развитіе за отсутствіем рынков.

Между тѣм развитіе капитализма не только не прекращается, а уже много десятилѣтій идет все ускоряющимся темпом. Рынок для продуктов капиталистической промышленности, очевидно,не только не сокращается, а быстро растет. Куда же сбывают капиталистическія страны ту часть своего продукта, которая не находит себѣ помѣщенія на внутреннем рынкѣ? Преимущественно, в другія капиталистическія страны.

Вывоз в некапиталистическія страны имѣет особое значеніе, среди всѣх стран міра, для Англіи. Именно поэтому Англія и должна так дорожить своими колоніями. Однако, было бы большой ошибкой думать, что большая часть англійскаго экспорта направляется в колоніи.

Колоніи давали мѣсто до войны приблизительно одной трети британскаго экспорта; почти на такую же сумму Англія вывозила продуктов в Центральную Европу и Соединенные Штаты, т.е. в страны капиталистическаго хозяйства.

Среди предметов англійскаго вывоза огромную и,притом все возрастающую роль играет вывоз средств производства капиталистической промышленности- жел за,машин,инструментов,каменнаго угля. Англійскій экспорт все болѣе и болѣе начинает направляться на удовлетвореніе потребностей в средствах производства развивающейся капиталистической промышленности других стран; вывоз же предметов потребленія относительно падает.

УІ. Международное передвиженіе капитала и рынок в молодых капиталистических странах. Однако, с точки зрѣнія изложенной теоріи рынка, представляет,повидимому, большія трудности объясненіе факта отлива капитала из стран старой капиталистической культуры в страны молодой капиталистической культуры. Отлив этот совершается в огромных размѣрах.

Так, напр., считают,что из Англіи уходило ежегодно (до войны) для помѣщенія за-границей до 50 милліонов ф.с. капитала, причем,еще в началѣ 90-х годов прошлаго вѣка за-границей было помѣщено около 2,5 милліардов ф.с. англійскаго капитала; Франція помѣщала ежегодно до 1,5 милліарда фр. своих сбереженій за-границей,причем в настоящее время заномѣстила за-границей до 26 милліардов фр. французскаго капитала; Германія помѣстила за-границей до 26 милліардов мар. своего капитала и т.д.

Эта постоянная и все возрастающая эмиграція капитала из стран старой капиталистической культуры представляет собой фактор огромной важности в дѣлѣ распространенія капиталистической системы хозяйства по всему міру. Именно благодаря приливу капитала в молодыя страны, капитал так быстро завоевывает в новѣйшее время одну страну за другой; эмигрируя за границу, капитал остается капиталом и всюду разносит новую систему хозяйства.

Чѣм же вызывается эмиграція капитала? Но доказывает ли она,что в старых капиталистических странах наблюдается перепроизводство капитала,что в них нѣт мѣста для помѣщенія новаго капитала? Но если так,то как можно утверждать, что капитал сам создает для себя рынок?

Однако,факт отлива капитала может быть вполнѣ удовлетворительно объяснен и не прибѣгая к совершенно несостоятельной теоріи избыточнаго продукта. Капитал притекает в молодыя страны под вліяніем,прежде всего, болѣе высокаго уровня прибыли, господствующаго в этих странах, причины чего были выяснены выше, в главѣ о прибыли, Капитал,по самому своему существу,международен; смысл и цѣль всего круговорота капитала заключается в реализаціи возможно болѣе высокаго процента прибыли. Если процент прибыли в одной странѣ выше, чѣм в другой, то это не может не приводить к тому, что капитал уходит, из той страны, гдѣ капитал оплачивается ниже, в ту страну, гдѣ капитал даст большую прибыль. Процесс этот также закономѣрен и неизбѣжен, как и передвиженіе воды в двух сообщающихся сосудах с различным уровнем воды.

Кромѣ тог на мужднародное перемѣщеніе капитала вліяют и факторы другого порядка. В старых капиталистических странах расширеніе общественнаго производства возможно лишь при пропорціональном распредѣленіи добавочнаго капитала, помѣщаемаго в промышленности. Эта необходимость пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства составляет,как выше было указано, эластичную повязку капитализма- постоянно дѣйствующій тормаз, задерживающій рост капиталистическаго производства. Напротив, в молодых странах, в которых капиталистическія предпріятія вкраплены в систему хозяйств иного типа, рост капиталистических предпріятій возможен за счет вытѣсняемых ими форм некапиталистическаго хозяйства.

Поясним это на конкретном примѣрѣ. Для того,чтобы на внутреннем рынкѣ Англіи нашлось мѣсто для добавочнаго количества сукна, для этого необходимо,чтобы соотвѣтственно увеличилось производство каких либо других товаров, которые могли бы быть обмѣнены на добавочное сукно. Это и затрудняет расширеніе в Англіи суконнаго производства. Напротив, в Россіи расширеніе капиталистическаго суконнаго производства может вполне сопровождаться расширеніем производства каких либо других продуктов.

Добавочное сукно, производимое на суконной фабрикѣ, может просто замѣщать сукно, производившееся раньше некапиталистическим образом- напр., крестьянином для своих собственных нужд. В этом случаѣ капиталистическое производство может быстро расти насчет капиталистических форм производства,не испытывая на себѣ дѣйствія тормоза, задерживающаго рост капиталистическаго хозяйства в странах старой капиталистической культуры. Ры-

нок для возрастающаго количества продуктов данной отрасли капиталистической промышленности, создается, в этом случаѣ, не пропорціональным расширеніем других отраслей капиталистической промышленности, что представляет собой очень сложный и трудный процесс, а разрушеніем натуральнаго хозяйства и упадком мелкаго некапиталистическаго производства, с которым конкурирует капиталистическое хозяйство.

Так, напр., г. Николай-он высчитывал, что за время 1886-1891 г.г. общее количество льняного волокна и хлопка, перерабатываемаго в Ромміи, сократилось с 18,5 мил. пуд., до 13,8 мил. пуд.; количество пеньки, собираемой в Россіи сократилось за то же время с 9,4 мил. пуд. до 6 мил. пуд. Это доказывало сильное сокращеніе нашего внутренняго рынка по отношенію к продуктам текстильной промышленности. Но рынок для продуктов капиталистической текстильной промышленности в Россіи не только не сократился, а значительно расширился: в 1886 г. в Россіи было переработано хлопка 8,3 мил. пуд., а в 1892 г.- уже 9,9 мил. пуд. Объяснялось это тѣм, что бумажная ткань, изготовлявшаяся капиталистическим производителем, вытѣсняла крестьянскую льняную и пеньковую ткань,-рынок для капиталистическаго хлопчато-бумажнаго производства создавался разрушеніем крестьянскаго производства льняных и пеньковых тканей.

Поэтому в молодых странах рынок для продуктов капиталистической промышленности расширяется с большей легкостью, чѣм в старых. И в этом заключается важное условіе, благопріятствующее приливу капитала из старых стран в молодыя.

Однако, отсюда не слѣдует, что в старых странах капиталистическое производство не может развиваться и расти. Эластичная повязка только тормозит, а не прекращает рост капитализма. На наших глазах происходит поразительно быстрое развитіе капиталистическаго хозяйства Германіи на основѣ, преимущественно, внутренняго рынка. Вообще, никаких границ для развитія капиталистическаго хозяйства, кромѣ производительных сил общества, не существует, так как капитал сам себѣ создает рынок; но процесс этого созданія в виду необходимости пропорціональнаго распредѣленія общественнаго труда, не может не прерываться задержками и остановками развитія- хозяйственными кризисами, разсмотрѣнію которых посвящена слѣдующая глава.

В такой странѣ как Россія, в которой еще сохранилось натуральное хозяйство и капиталистическое производство охватывает лишь меньшинство населенія, размѣр рынка для продуктов капиталистической промышленности очень существенно зависит от благосостоянія массы населенія, стоящаго внѣ капиталистическаго производства. Хорошій урожай увеличивает покупательныя силы массы крестьянства, и это увеличивает спрос на продукты капиталистическаго производства. Напротив, разореніе крестьянства сокращает рынок для фабричных продуктов. Все это совершенно безспорно ~~xxxxxxx~~ и не находится ни в каком противорѣчіи с изложенной в текстѣ теоріей рынка. Эта теорія должна была разъяснить процесс реализаціи продукта в предѣлах капиталистическаго хозяйства; поэтому она должна была исходить из предположенія, так сказать, замкнутаго капитализма- капиталистической системы, реализующей общественный продукт в своих собственных предѣлах. Оказалось, что единственным препятствіем для такой реализаціи является не пропорціональность распредѣленія общественнаго производства, но отнюдь не недостаток общественнаго спроса на предметы потребленія. Но препятствіе это, все же, остается препятствіем дающим себя чувствовать вполнѣ реальными задержками капиталистическаго развитія. В молодых странах это препятствіе чувствуется гораздо слабѣе, благодаря наличности некапиталистическаго рынка. Разореніе массы некапиталистических слоев населенія сокращает этот некапиталистическій рынок и приближает молодыя капиталистическія страны по отношенію к условіям развитія капиталистическаго хозяйства к старым странам. Но как в старых странах развитіе капиталистическаго производства, несмотря на огромное треніе, создаваемое непропорціональностью общественнаго производства, не прекращается, так и разореніе некапиталистическаго населенія в молодых странах не может воспрепятствовать в них росту капиталистическаго производства.

Разореніе русскаго крестьянскаго является, конечно, обстоятельством, замедляющим развитіе капиталистической промышленности в Россіи (поскольку, впрочем, это разореніе не составляет, само по себѣ, одного из проявленій роста капитализма,- в вытѣсненіи пеньковой и льняной ткани бумажною выражается упадок крестьянскаго хозяйства, но вмѣстѣ, и рост хлопчатобумажной фабрики). Но, несмотря на это, наш капитализм развивается уже многіе годы и будет, конечно, развиваться и вперед. И если развитіе это идет не столь быстро, как этого можно было ожидать, то не по причинѣ недостатка рынка,-рынка для продуктов капиталистической промышленности у нас, все же, гораздо больше, чѣм в странах старой капиталистической культуры,- а, как это было указано раньше, по причинѣ низкой производительности у нас общественнаго труда, недостатка капиталов и свободы общественной предпріимчивости.

Проблема капиталистическаго рынка имѣет для Россіи совершенной особый интерес, так как в связи с нею рѣшается вопрос о будущности русскаго капитализма. Наши народники, поэтому, давно обратили вниманіе на эту проблему и в лицѣ г.г. В.В., Николая-она и др. пришли к построенію теоріи рынков, почти вполнѣ воспроизводившей теорію Сисмонди. А так как воззрѣнія Маркса на теорію рынка не были вполнѣ ясны, повидимому, ему самому и он нерѣдко высказывался по данному вопросу вполнѣ в духѣ Сисмонди, то нисколько неудивительно, что отстаивая доктрину избыточнаго продукта, наши народники были обѣждены в своем согласіи с ученіем Маркса. И дѣйствительно, если не сам Маркс, то Энгельс высказывался именно в этом смыслѣ в своих ранних статьях, с которыми широкая публика познакомилась значительно позже, послѣ изданія Мерингом в 1902 г. собранія болѣе ранних работ Маркса и Энгельса. Если сравнить, напр., рѣчь Энгельса в Эльберфельдѣ (Gesammelte Schriften von Marx u. Engels.----T.II) или его статью "Der englische Zehnstundenbill (Там же, T.III) со статьей В.П.Воронцова. "Излишек снабженія рынка товарами" в "Отечественных записках", то сходство всей аргументаціи прямо поражает. Энгельс в сороковых годах доказывал невозможность значительнаго развитія в Германіи капиталистической промышленности и неизбѣжность застоя англійской промышленности совершенно тѣми же аргументами, которыми В.П.Воронцов доказывал сорок лѣт спустя невозможность развитія русской капиталистической промышленности.

Изложенная в текстѣ теорія рынка, впервые развитая в моей книгѣ "Промышленные кризисы в современной Англіи", естественно встрѣтила возраженія со стороны народников. Что же касается русских марксистов, то для них эта теорія явилась аргументом в пользу возможности дальнѣйшаго роста в Россіи капиталистическаго производства на основѣ внутренняго рынка. И потому изложенная теорія была вначалѣ признана большинством из них теоріей Маркса, для чего имѣлись извѣстныя объективныя основанія, так как она, дѣйствительно, является логическим завершеніем анализа круговорота общественнаго капитала, даннаго Марксом во втором томѣ "Капитала".

Затѣм, послѣ выхода в свѣт моей нѣмецкой книги о кризисах, с этой теоріей познакомилась западно-европейская публика. Нѣмецкіе марксисты самым рѣшительным образом отвергли, чтобы моя теорія имѣла что было общее с теоріей Маркса; ревизіонисты, как Бернштейн или Конрад Шмидт, в этом совершенно сошлись с ортодоксами, как Каутскій или Роза Люксембург. Каутскій посвятил ея опроверженію ряд статей, в которых отвергал ее на основаніи почти тѣх же доводов, которые в Россіи выдвигал против нея В.П.Воронцов. То же нужно сказать и о Конрадѣ Шмидтѣ.

В новѣйшее время и русскіе марксисты стали склоняться к точкѣ зрѣнія своих германских собратьев. Все это убѣдило меня, что, если изложенная теорія рынка и соотвѣтствует духу марксизма, то она, несомнѣнно, противорѣчит его буквѣ. Во всяком случаѣ, если даже такіе знатоки марксизма, как Каутскій, не в силах найти ее у Маркса, она не может быть приписываема автору "Капитала". Лескюр прав, упрекая меня в том, что я напрасно отказываюсь от авторских прав на свою теорію и приписываю ее Марксу. Правы и на-

редники, настаивая на том, что моя теорія не укладывается в рамки правомѣрнаго марксизма. Но от этого она нисколько не становится хуже.

Г Л А В А II.

КРИЗИСЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

I. К а п и т а л и с т и ч е с к і й ц и к л . Самой загадочной и поражающей особенностью капиталистическаго развитія является свойственная ему цикличность. Рост капиталистическаго производства идет не по прямой, а по волнообразной линіи, причем послѣдовательные подъемы и паденія этих волн совершаются с такой правильностью, которая напоминает явленія не соціальнаго, а біологическаго, даже неорганическаго порядка. Были даже попытки привести в связь эту періодичность с періодичностью астрономических явленій (теорія кризисов Джевонса). И хотя эти попытки былт неудачны, самая возможность их краѣне характерна, доказывая особую закономѣрность капиталистическаго цикла.

В наиболѣе ярко и опредѣленно формѣ капиталистическій цикл выражен в капиталистическом развитіи Англіи. Начиная с 20-х годов закончившагося вѣка и вплоть до нашего времени, Англія каждое десятилѣтіе непреживает фазисы подъема и упадка промышленности. Эти правильно чередующіеся періоды промышленнаго подъема и упадка своей совокупностью образуют то, что можно назвать капиталистическим циклом.

Капиталистическій цикл законом рно проходит нѣсколько неизмѣнно смѣняющих друг друга фазисов. Фазис промышленнаго подъема характеризуется общим расширеніем хозяйственной дѣятельности, расширеніем производства, основаніем новых капиталистических предпріятій, ростом торговли, подъемом духа торговой спекуляціи и цѣлым рядом закономѣрных измѣненій в области кредита и денежнаго обращенія. В области кредита замѣчается расширеніе ссудных операцій, -банки обильно кредитуют своих кліентов хранящимися у них капиталами, благодаря чему уменьшается кассовая наличность банков; под вліяніем этого послѣдняго обстоятельства учетный процент повышается.

Чрезвычайно характернымъ промышленнаго подъема является повышательное движеніе товарных цѣн. Общій уровень цѣн значительно поднимается, что указывает на значительное повышеніе общественнаго спроса. Повышательное движеніе цѣн повышает предпринимательскую прибыль и является непосредственным стимулом расширенія производства и спекулятивной горячки.

В то же время в области денежнаго обращенія наблюдаются свои закономѣрныя измѣненія. В странѣ, которая охвачена промышленной горячкой, обычно наблюдается продолжительный отлив звонкой монеты за-границу. Вексельный курс становится упорно неблагопріятным. Этот отлив звонкой монеты отражается на кассах банков, которые с тревогой видят сокращеніе золотых запасов в их руках.

И вот, когда кассы банков очень ослаблены, с одной стороны, расширеніем ссудной операціи, а с другой - уходом золота за-границу, когда учетный процент стоит значительно выше обычнаго уровня, и кредит краѣне напряжен, слѣдует внезапное крушеніе кредита, крах, паника и кризис. Как общее правило, промышленному кризису предшествует биржевой кризис. Еще задолго до общей паники на биржѣ происходит паденіе курсов биржевых бумаг, и прежнее повышательное движеніе биржевых курсов смѣняется понижательным движеніем. Однако, биржевой кризис первое время обычно оказывается локализированным на биржѣ и не препятствует повышательному ходу промышленности.

Черезъ нѣкоторое время за биржевым крахом слѣдует и крах на товарном рынкѣ, приводящій к общему параличу всей хозяйственной жизни страны. Этот общій кризис выражается, прежде всего, стремительным паденіем товарных цѣн и вытекающими отсюда массовыми банкротствами промышленных торговых и кредитных предпріятій. Одновременно дѣлает огромный скачок вверх дисконтный процент, что указывает на краѣнее сокращеніе кредита; каждый предприниматель, чтобы избѣгнуть разоренія, стремится до послѣдней степени использовать свой кредит, -всѣм нужны наличныя деньги, реальный, а не фиктивный капитал, и дисконтный процент достигает огромной высоты. Слѣдствіем всего этого является сокращеніе промышленной и торговой дѣятельности страны. Фабрики и заводы не работают, и массовня безработица довершает картину общаго хозяйственнаго застоя. Паника проходит, но в теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени промышленность остается в застоѣ. Товарныя цѣны остаются низкими; производство не расширяется, в банках скопляется много капитала, не находящаго себѣ примѣненія, спрос на ссудный капитал не достигает предложенія, почему дисконтный процент держится на низком уровнѣ.

В области денежнаго обращенія наступленіе промышленнаго кризиса и паники выражаются тѣм, что деньги перестают уходить из страны, вексельный курс становится благопріятным и мало-по-малу золото начинает возвращаться в страну обратно. Подобно тому, как для фазиса промышленнаго подъема характерен отлив золота за границу и неблагопріятный вексельный курс, так для фазиса промышленнаго застоя характерен прилив золота из-за границы и благопріятный вексельный курс.

Таким образом капиталистическій цикл слагается из 2 фазисов: промышленнаго подъема, кризиса и промышленнаго застоя. Однако, кризис не есть неизбѣжный фазис капиталистическаго цикла, -подъем может переходить в застой и постепенно, без острага кризиса. В таком случаѣ капиталистическій цикл слагается из двух фазисов- подъема и застоя промышленности.

II. К а п и т а л и с т и ч е с к і й ц и к л в А н г л і и. Наилучшим примѣром капиталистическаго цикла может служить, как сказано, промышленная исторія Англіи со времени двадцатых годов закончившагося вѣка. Начиная с того времени Англія каждое десятилѣтіе переживает промышленный кризис или промышленный застой. Особенно типичны были англійскіе кризисы второй четверти закончившагося вѣка, над исторіей которых слѣдует остановиться.

В началѣ 20-х годов англійская промышленность вступает в фазис подъема, выражавшагося в возрастаніи товарных цѣн, (особенно цѣн желѣза), расширеніи производства и вывоза товаров за-границу. Особенно значительный подъем товарныя цѣны испытали в 1825 г.

Но чѣм выше уровень товарных цѣн на том или инем опредѣленном рынкѣ, тѣм больше привлекает данный рынок иностранных товаров. Высокій кровень цѣн в Англіи в 1825 г. привел к тому, что ввоз в Англію иностранных товаров увеличился гораздо значительнѣе, чѣм вовсе вывоз англійских товаров за-границу. За этот добавочный ввоз Англія должна была заплатить звонкой монетой- и поэтому с половины 1824 г. золото начинает непрерывно отливать из Англіи за-границу.

Этот отлив продолжается до конца сентября 1825 г. Затѣм отлив золота из Англіи за-границу совершенно прекратился; но, однако, золото не возвращалось в кассу банка. Наоборот, банк стал терять свое золото с еще большей быстротой. Зависѣло это от того, что в октябрѣ разражается общій промышленный кризис- слѣдуют массовня банкротства банков и торговопромышленных фирм. Наступившая паника и всеобщее сокращеніе кредита вызвали внутри страны чрезвычайный спрос на наличныя деньги- и деньги стали отливать из касс Англійскаго банка для удовлетворенія внутренняго спроса. Но это самое обстоятельство вызвало и прекращеніе отлива золота за-границу: появившійся внутри страны усиленный спрос на золото препятствовал вывозу его заграницу и даже создал обратный прилив золота из-за границы.

За кризисом послѣдовал продолжительный застой промышленности и торговли. Сокращеніе в странѣ торговых оборотов уменьшило спрос внутри страны на наличныя деньги- и вот почему деньги, по миновании паники, быстро, вернулись в кассу Англійскаго банка, дѣлать им внутри страны было нечего. Непосредственной причиной массовых банкротств и паники был паденіе курсов биржевых бумаг и товарных цѣн, начавшееся еще в половинѣ 1825 г. Это разорило всѣх спекулянтов, игравших на повышеніе, а также и множество вполнѣ солидных кредитных и торговопромышленных учрежденій, которыя не могли выдержать удара, нанесеннаго паденіем курсов и цѣн.

Таким образом, за фазисом промышленнаго подъема послѣдовал фазис кри-

зиса, а за фазисом кризиса- фазис промышленнаго застоя, охватившаго собой конец 20-х годов. Этим капиталистическій цикл 20-х годов закончился,- за подъемом послѣдовал застой, раздѣленный между собой нѣсколькими мѣсяцами острой паники и кризиса.

Новый промышленный подъем начинается в Англіи в 1833-34 годах. Опять послѣдовало огромное повышеніе товарных цѣн, особенно желѣза и рост производства. Одновременно с этим стал наблюдаться и отлив англійскаго золота за-границу- и по той же причинѣ: повышеніе общаго уровня товарных цѣн, благодаря непропорціональне быстрому повышенію ввоза, сдѣлало платежный баланс неблагопріятным для Англіи. С 1836 г. отлив англійскаго зо та за-границу прекращается, но слѣдуют кризис, паника и золото начинают отливать из Англійскаго банка внутрь страни для удовлетворенія острой потребности в наличных деньгах, чтобы затѣм, по миновании паники, опять вернуться в кассы банка. Паника произошла в ноябрѣ (в 1825 г. в октябрѣ) Непосредственной причиной вызвавшей крушеніе торгово-промышленных фирм было паденіе товарных цѣн, начавшееся, как и в 1825 г. за нѣсколько мѣсяцев до паники. Паденіе курса биржевых бумаг началось еще раньше: уже в 1825 г. Англія пережила биржевой кризис- крушеніе курса биржевых цѣнностей, явившееся сигналом приближавшагося общаго промышленнаго кризиса.

Конец придцатых годов характеризуется таким же общим промышленным застоем, как и конец 20-х годов. Однако, в концѣ 30-х годов в доножном образеніи Англіи происходят явленія, не имѣвшія ничего аналогичнаго в 20-х годах. В 1839 г. возникает чрезвычайно сильный отлив золота из касс Англійскаго банка- болѣе сильный, чѣм перед 1825 и 1836 г.г. При этом золото отливает при совершенно иной экономической обстановкѣ, чѣм в годы перед кризисами: отливу не предшествует повышеніе цѣн желѣза и расширеніе вывоза товаров за-границу. В 1838 г. промышленность Англіи вовсе не находилась в том состояніи общаго возбужденія, которое неизбѣжно заканчивается кризисом. Наоборот, промышленность была в застоѣ, так как еще не была закончена ликвидація предшествовавшаго кризиса. И, тѣм не менѣе отлив золота из касс банка был сильнѣе, чѣм когда-либо раньше.

Отлив этот был вызван не законом ритм движенія капиталистическаго цикла, и причиной совершенно случайной по отношенію к этому циклу: Англія испытала в 1838 и 1839 г.г. сильнѣе неурожай, слѣдствіем чего явился необычайно значительный подвоз хлѣба в Англію из-за-границы. Необходимость оплатить звонкой монетой этот экстраординарный ввоз и привела к опустошенію кассы Англійскаго банка.

Итак, отлив золота в 1839 г. возник на совершенно иной почвѣ, чѣм отливы 1825 и 1836 г.г. И потому за ним не послѣдовало тѣх явленій, которыя слѣдовали за предшествовавшими отливами- паники и сжатія кредита. В 1839 г. не было ничего похожаго на промышленный кризис: был только доножный кризис, явившійся фактическим доказательством того, что отлив золота за-границу есть симптом приближающагося промышленнаго кризиса, но не причина послѣдняго.

Послѣ кризисов 1825 и 1836 г.г. касса Англійскаго банка очень быстро пополнялась деньгами; напротив, послѣ доножнаго кризиса 1839 г. металлическая наличность банка болѣе года стоит на том же низком уровнѣ. Объясняется это все тѣм же: так как промышленнаго кризиса в 1839 г. не было, то небыло и основанія для того рѣзкаго сокращенія торгово-промышленной дѣятельности, которое неизмѣнно слѣдует за промышленным кризисом и которое приводит к сокращенію потребности страны в звонкой монетѣ, скопляющейся в этих случаях в своих запасных резервуарах- кассах банков. В 1840 г. торговля и промышленность не испытали значительнаго сокращенія, и потому для обратнаго прилива звонкой монеты в кассы основаній не было.

Слѣдующая волна промышленнаго оживленія начинается с 1843-44 г.г. и доходит до сурого апогея в 1847 г. В этом году разражается обычный періодическій кризис, происшедшій, однако, в значительно иной обстановкѣ, чѣм кризисы предшествовавших десятилѣтій. Кризисы 1825 и 1836 г.г. происходили в годы максимальнаго поднятія цѣн желѣза и наибольшаго расширенія экспорта. Напротив, кризис 1847 г. произошел послѣ того, как цѣны желѣза в теченіе нѣсколькихъ лѣт стояли на высоком уровнѣ- непосредственно перед кризисом; онѣ, однако, не повысились. Точно также и экспорт не обнаружил расширенія в год кризиса. Все это объясняется следующим образом. В

1846-47 г.г. англійская промышленность находилась под вліяніем двух факторов, дѣйствовавших в противоположных направленіях. С одной стороны, в это время происходило усиленное желѣзнодорожное строительство- Англія строила большую часть своей желѣзнодорожной сѣти. С другой же стороны в 1845-46 г.г. Англія и Ирландія пострадали от сильнаго неурожая,- в Ирландіи был даже сильный голод, потребовавшій общественной помощи. Первый фактор-желѣзнодорожное строительство- благопріятствовал расширенію общественнаго спроса на товары, так как постройка желѣзных дорог требовала огромной затраты средств производства; напротив, неурожай и голод сокращали покупательныя силы населенія и размѣр общественнаго спроса. Именно благодаря дѣйствію этого второго фактора промышленный подъем не получил нарастающим темпом перед кризисом 1847 г. Но во всяком случаѣ, желѣзнодорожное строительство в Англіи повело к тому, что, несмотря на неурожай, 1846-47 г.г. были годами промышленнаго подъема.

Отлив золота из касс Англійскаго банка в 1847 г. был вызван, главным образом, усиленным подвозом хлѣба из за-границы по крайне высокой цѣнѣ. Осенью этого года цѣна хлѣба сильно упала под вліяніем хорошаго урожая. Это паденіе хлѣбных цѣн и явилось толчком, непосредственно вызвавшим кризис.

Такови были наиболѣе типичные періодическіе кризисы второй четверти истекшаго вѣка. Затѣм кризисы происходили в 1857 и 1866 г.г. Начиная с 70-х годов прошлаго вѣка, в Англіи типичные кризисы прежняго времени стушевались,- их замѣнили періодическія промышленныя депрессіи. Каждое десятилѣтіе наблюдается подъем промышленной волны, выражающійся в расширеніи производства и торговли и подъемѣ цѣн (особенно желѣза) и затѣм паденіе. Но переход от подъема к паденію не сопровождается кризисом, как раньше.

III. Теоріи кризисов. Капиталистическій цикл выражен в Англіи с наибольшей опредѣленностью, но и во всѣх других капиталистических странах наблюдаются періодическія колебанія промышленности. Со времени 70-х годов закончившагося вѣка фазисы подъема и застоя охватывают собой одновременно или почти одновременно, весь капиталистическій мір. Промышленные застои конца 70-х годов, половины 80-х и начала 90-х прошлаго вѣка, начала текущаго столѣтія и в 1908 г. имѣли вполнѣ міровой характер; разница была лишь в том, что в различных странах промышленный застой имѣл различную степень интенсивности. То же нужно сказать и о промышленных подъемах, причем, как общее правило, сила потрясенія народнаго хозяйства той или иной страны при переходѣ от подъема к упадку была прямо пропорціональна интенсивности подъема. В тѣх странах, в которых промышленные подъемы были выражены не рѣзко, не наблюдалось и рѣзкаго потрясенія кредита при переход к застою; наоборот, в странах с большой энергіей подъема упадок промышленной волны сопровождался острыми кризисами и паниками: Так, Англія за это время не испытала ни одного типичнаго промышленаго кризиса: их мѣсто заступили періоды промышленнаго застоя, не сопровождавшіеся паниками и рѣзкими разстройствами кредита. Напротив, Германія и Соединенные Штаты испытали за это время ряд періодических промышленных кризисов, нисколько не менѣе интенсивных, чѣм англійскіе кризисы прежняго времени.

Чѣм же объясняется это загадочное явленіе капиталистическаго развитія- его цикличность, періодическая смѣна фазисов подъема и упадка? Экономическая наука долгое время была не в силах удовлетворительно отвѣтить на этот трудный вопрос.

Различныя теоріи, которыя в прежнее время предлагались в наукѣ для объясненія проблемы кризисов, могут быть подраздѣлены на три группы. К первой группѣ можно отнести теоріи, искавшія причин кризисов в сферѣ общественнаго производства, ко второй - в сферѣ общественнаго обмѣна, к третьей- в сферѣ общественнаго распредѣленія.

Особенностью промышленных кризисов новѣйшаго времени являются их періодичность. Если причина кризисов коренится всецѣло в сферѣ производства то періодичность промышленных кризисов может зависѣть лишь от того, что в той или иной сферѣ общественнаго производства происходят под вліяніем своих особых причин, свойственных именно данной сферѣ производства, періо-

дическія колебанія.Какая же сфера общественнаго производства подвержена своим самостоятельным колебаніям? Прежде всего, вся область хозяйственнаго труда, связаннаго с состояніем погоды, земледѣліе. Урожаи земледѣльческих продуктов сильно колеблются,и соотвѣтственно колеблются цѣны земледѣльческихъ продуктов. В связи с этим колеблется спрос,предъявляемый со стороны земледѣльческаго населенія на продукты промышленности. Но могут ли поэтому порядическіе промышленные кризисы находиться в связи с періодическими колебаніями урожаев?

И,дѣйствительно, многіе экономисты пытались найти такую связь,но совершенно безуспѣшно. Волны капиталистическаго цикла движутся по своим собственным законам,не считаясь с движеніем урожаев и хлѣбных цѣн.Так, напр., в Англіи волна промышленнаго подъема 20-х годов приходится как раз на годы плохого урожая, а промышленный застой- на годы хорошаго урожая. Промышленный подъем 40-х годов совпадает с сильными неурожаями, а застой 1848 г. – с прекрасным урожаем. Міровой кризис 1857 года приходится на год превосходнаго урожая. Промышленному подъему начала 70-х годов не помѣшали высокія цѣны на хлѣб, вызванныя плохими урожаями,точно так же как послѣдующаго застоя промышленности не предотвратили прекрасные урожаи середины 70-х годов. Промышленный застой половины 80-х годов приходится на годы низких хлѣбных цѣн. Вообще, сличеніе измѣненія хлѣбных цѣн из- года в год с движеніем фазисов капиталистическаго цикла доказывает с полной очевидностью, что ни с какой причинной зависимости между явленіями того и другого порядка не может быть и рѣчи.

Однако, нельзя не упомянуть об одной попыткѣ объяснить періодичность промышленных кризисов именно условіями земледѣльческаго производства.Попытка эта принадлежит Джевонсу.

Джевонс не отрицает того, что періодическіе промышленные кризисы не могут находиться в связи с колебаніями урожая в Англіи и других европейских странах. Но не может ли эта періодичность вызываться періодическими неурожаями в не-европейских странах, куда Англія вывозит продукты? В частности, Индія очень страдает от періодических неурожаев,повторяющихся каждое десятилѣтіе и вызываемых засухами. Эти періодическія засухи в Индіи, по мнѣнію нѣкоторых изслѣдователей, могут находиться в связи с періодическими колебаніями тепла, получаемаго землей от солнца.Эти же послѣднія колебанія объясняются, в свою очередь, періодическими колебаніями числа пятен на солнцѣ. Таким образом, Джевонс приходит к своему смѣлому выводу,что порядичность промышленных кризисов обусловливается періодичностью появленія наибольшаго числа пятен на солнцѣ.

Доказательством этого являются, по мнѣнію Джевонса, почти полное совпаденіе продолжительности періода появленія наибольшаго числа пятен на солнцѣ и періода наступленія кризисов. Изучая за два столѣтія колебанія англійской промышленности, Джевонс пришел к тому выводу, что капиталистическій цикл охватывает собой в среднем 10.466 л*т; этот період удивительным образом совпадает с періодом наибольшаго появленія пятен на солнцѣ, выражающагося также цифрой 10,45 л*т. Такое близкое совпаденіе не может быть случайным,-полагает Джевонс, - періодичность колебаній англійской промышленности должна опредѣляться періодичностью появленія солнечных пятен.

Такова теорія Джевонса. Она очень остроумна и оригинальна, но совершенно не выдерживает повѣрки фактами. Прежде всего, совершенно невѣрно, что капиталистическій цикл охватывает собой строго опредѣленное число лѣт. Чтобы получить свою цифру періодичности кризисов, Джевонс должен был сдѣлать ряд натяжек. Нѣкоторые кризисы он совершенно отбрасывает,как непоріодичные; в других случаях он утверждает,что кризисы происходили в годы,требуемые его теоріей, хотя на самом дѣлѣ никаких кризисов в эти годы не было. В XVIII вѣкѣ не наблюдалось ничего похожаго на періодичность промышленных кризисов, так как и вообще не было типичных промышленных кризисов. В теченіе двух первых десятилѣтій XIX вѣка было три промышленных кризиса, но по періодичным - в 1812,1815 и 1818 годах.Періодичность кризисов еще не успѣла к этому времени установиться. Во второй четверти XIX вѣка слѣдуют в Англіи три совершенно періодических кризиса в 1825,

1836 и 1847 годах,отдѣляющіеся друг от друга одним и тѣм же періодом в 11 лѣт; слѣдующіе кризисы происходят в 1857 - через 10 л*т,и в 1866 г.- через девять л*т. Затѣм в Англіи промышленные кризисы прежняго типа прекращаются, и капиталистическій цикл начинает выражаться в чередованіи фазисов подъема и застоя промышленности. Промышленный подъем достигает наивысшаго уровня в 1873,1882,1890,1900,1907и 1913 г.г. В общем капиталистическій цикл не представляет собой неизмѣнной математической велічины,но растягивается и сокращается в предѣлах от 6 до 11 л*т. Отсюда слѣдует, что капиталистическій цикл не может возникать на основѣ каких бы то ни было явленій, подчиняющихся в своем наступленіи строгой математической періодичности,как астрономическія явленія.

Вообще періодичность колебаній промышленности коренится в соціальных условіях современнаго строя хозяйства и потому принципіально не сводима к каким бы то ни было условіям внѣшней природы. Что касается, в частности теоріи Джевонса, то она совершенно не согласуется с дѣйствительностью с конкретными условіями происхожденія отдѣльных кризисов. Вывоз англійских товаров в Индію колеблется гораздо меньше, чѣм вывоз тѣх же товаров в различныя страны развитого капитализма. Нерѣдко даже наблюдалось,что англійскій вывоз в Индію в періоды, непосредственно слѣдующіе за кризисами,не только не падал, а возрастал,что наблюдалось,напр., в 1826 и 1857 г.г. Объяснялось это тѣм,что именно индійскій рынок менѣе всего связан с циклическими колебаніями англійской промышленности, возникающими на совершенно иной основѣ,почему в періоды кризисов англійскій экспорт, для котораго не находилось мѣста на рынках других стран,устремлялся именно в Индію.

Итак,попытки объяснить капиталистическій цикл періодическими колебаніями хозяйственных условій внѣшней природы совершенно неудачны.Другая группа теорій ищет причины промышленных кризисов в области условій обмѣна, кредита и денежнаго обращенія. Из этих теорій можно остановиться на теоріях Лаверле и Жюглара.

Лаверле обращает вниманіе на то,что кризисам неизмѣнно предшествует отлив золота за-границу. Как бы ни были разнообразны причинныя обстоятельства в этом отношеніи все кризисы походят друг на друга.Поэтому, вполнѣ естественно и признать отлив золота за-границу истинной причиной кризисов.

Против этого можно возразить, что в такой странѣ, как Англія, уменьшеніе запасов золота на нѣсколько милліонов ф.с. не может имѣть большого значенія, ввиду громадности ея капиталов и колоссальных размѣров ея внутренней и внѣшней торговли. Но не надо забывать,что вся эта торговля построена в Англіи на самом широком развитіи кредита. Кредит же, в свою очередь, основывается на извѣстном запасѣ наличной звонкой монеты. Чѣм совершеннѣе организація кредита, чѣм в меньшем количествѣ звонкой монеты страна нуждается, тѣм большее значеніе имѣет то наличное количество денег, которым страна располагает. Все сложное зданіе англійской торговли и англійскаго кредита покоится на звонком фундаментѣ нѣсколько десятков милліонов,а иногда и нѣсколько милліонов ф.с. золота, которые хранятся в Англійском банкѣ. Эти немногіе милліоны существенно необходимы для того, чтобы сотни милліонов англійскаго капитала могли правильно циркулировать. Если только запас золота в кассах Англійскаго банка уменьшается, тревога распространяется по всей странѣ, кредит сокращается,товарныя цѣны падают,- по той причинѣ, что все прекрасно сознают необходимость для торговли и промышленности всей страны достаточнаго запаса звонкой монеты,хранящейся в Англійском банкѣ.

Чѣм меньше металлическіе резервы страны, тѣм сильнѣе на нее дѣйствует отлив золота за-границу. Поэтому, от промышленных кризисов болѣе страдает Англія, чѣм Франція.

Дальнѣйшим подтвержденіем существованія связи промышленных кризисов с денежным обращеніем служит замѣчательный факт, что кризисы обыкновенно происходят осенью. Именно осенью спрос на наличныя деньги бывает особенно великъ; в это время продается главная масса земледѣльческих продуктов, уплачивается арендная плата, совершаются закупки на зиму и т.д. Металли-

ческіе запасы банков осенью сильно уменьшаются,и потому вполнѣ естествен
но, что в это время обыкновенно происходят промышленные кризисы.

Таково предлагаемое Лаveле объясненіе причины кризисов. С перваго взгляда оно может показаться довольно остроумным; в дѣйствительности же оно ничего не объясняет. Отлив золота за-границу есть обычный симптом промышленних кризисов, но никаким образом не важнѣйшая причина их .В 1839 г. металлическіе запасы Англі*скаго банка уменьшились гораздо больше чѣм в 1836 или 1847 г.г.,а между тѣм, в 1839 г. не было промышленнаго кризиса.

Далѣе, если бы даже уменьшеніе кассовой наличности Англі*скаго банка было непосредственной причиной промышленнаго кризиса, то нужно показать, от чего же зависит періодическое повтореніе отливов золота за-граница. Измѣненіе торговаго баланса есть производное явленіе, которое само требует объясненія. Кромѣ того, новѣйшим колебаніям англі*ской промышленности ни предшествуют отливы золота за-границу. Отливы эти,дѣйствительно,обычно предшествуют острым кризисам, но не продолжительным промышленним застоям, характеризующим собой новѣйшую эпоху развитія англі*ской промышленности.

Точно также не объяснил скритаго механизма, вызывающаго капиталистический цикль и Жюглар. Его заслугой является то,что он впервые доказал періодичность промышленних колебаній в Англіи, Франціи и Соединенних Штатах. Изучивши отчеты Англі*скаго и Французскаго банков, Жюглар пришел к слѣдующему заключенію: " Не исходя не из какой теоріи,ни из какой гипотезы,а основываясь только на наблюденіи дѣйствительных фактов, можно установить закон періодичности кризисов. Существуют эпохи оживленія, благополучія и повышенія цѣн, заканчивающіяся всегда кризисом; за ними слѣдуют годи замедленія торговли и понижения цѣн, приводящіе промышленность в бол е или мен*е угнетенное состояніе."

Войни,неурожаи, злоупотребленія кредитом, чрезмѣрные выпуски банковых билетов- всѣ эти причины не могут вызвать промышленнаго кризиса,если общее положеніе народнаго хозяйства не благопріятствует этому. Как послѣдняя капля,переполняющая чашу они могут ускорить наступленіе промышленнаго кризиса, но только в том случа*,когда состояніе денежнаго и товарнаго рынка дѣлало промышленний кризис неизбѣжним. Промышленний кризис никогда не наступает внезапно: ему всегда предшествует особое возбужденное состояніе промышленности и торговли, симптоми котораго настолько характерни, что промышленний кризис может быть предсказан заранѣе.

От чего же зависит эта правильная смѣна періодов возбужденія и упадка? Жюглар указивает одну основную причину- періодическое колебаніе товарних цѣн. Благополучная эпоха,предшествующая кризису, всегда характеризуется повышеніем цѣн. Это повышеніе цѣн вызывается ростом сбереженій в хозяйствѣ развивающихся капиталистических стран. Оно является естественним состояніем рынка. "Кризис приближается,когда повышательное движеніе замедляется, кризис разражается,когда оно прекращается. Одним словом, главная,можно сказать, единственная причина кризисов есть пріостановка повышенія цѣн."

Весь механизм развитія кризиса Жюглар представляет слѣдующим образом: Повышеніе товарних цѣн имѣет естественную тенденцію затруднять продажу товаров. Поэтому по мѣрѣ того,как цѣны растут, торговий баланс дѣлается менѣе и менѣе благопріятен для страни. Золото начинает отливать за-границу в уплату за товари, вывоз которих перестает покривать ввоз. Сначала этот отлив очень незначителен и не обращает ничьего вниманія. Наконец, товарния цѣни достигают такой высоти, что сбыт товаров за-границу становится крайне затруднителен. Товарнич цѣни сразу падают, затѣм слѣдуют банкротства банков и торговцев и наступает промышленний кризис.

Дѣйствительно,нельзя отрицать, что непосредственной причиной кризисов является паденіе товарних цѣн. Причина отлива звонкой монеты за-границу в період непосредственно предшествующій кризису,также прекрасно объяснена Жюгларом: повышеніе товарних цѣн внутри страны одновременно задержи от вывоз тузомних товаров за-границу и поощряет ввоз иностранних товаров;

вполн* понятно, что недостаток вывоза товаров покривается вывозом золота.

Т*м не мен*е,теорія Жюглара не рѣшает проблемы кризисов. Сравнительно с Лаволе, Жюглар сдѣлал один шаг дальше- он показал, что нарушенія в области денежнаго обращенія, характеризующія приближеніе и наступленіе кризиса суть производния явленія, вызиваемыя измѣненіем относительнаго уровня товарныхцѣн внутри страни и за границей. Но отчего цѣни товаров испытивают такія періодическія повышенія, заканчивающіяся промышленними кризисами? Этого Жюглар не объяснил,и его ссилка на сбереженія страны крайне неудачна. Если возрастает спрос на товары, то вѣдь возрастает и их предложеніе. В капиталистическо* странѣ не спрос идет впереди предложенія,а предложеніе всегда идет впереди спроса. Обычно имѣет много избыточнаго капитала и избыточных товаров,не находящих сбыта помѣщенія на рынк*. Естественным состояніем рынка является тенденція не к повышенію,как это утверждал Жюглар, а к понижению цѣн. Таким образом,теорія Жюглара оставляет без удовлетворительнаго отвѣта центральный вопрос проблемы кризисов- колебательное движеніе цѣн.

Послѣдняя группа теорій кризисов ищет причин их в области распредѣленія общественнаго дохода. Теорія рынка Сисмонди является вмѣстѣ с тѣм и теоріей кризисов. Кризисы возникают с точки зрѣнія этой теоріи, потому, что капиталистическое хозяйство производит избыточний продукт,который не может быть потреблен обществом в виду бѣдности народних масс.Рынок для продуктов капиталистической промышленности, согласно этой теоріи, слишком узок для вс*х производительних сил, которими располагает капитализм.

Теоретическое опровержение этой теоріи уже дано в предыдущей главѣ. Но теорія Сисмонди находится в явном противорѣчіи и с исторіей кризисов. С точки зрѣнія этой теоріи совершенно непонятен промышленний подъем, непосредственно следующій за кризисом. Вѣдь кризис и промышленний застой дѣлают народную массу не богаче,а бѣднѣе; каким же образом, послѣ нѣскольких лет промышленнаго застоя, наступает промышленний подъем,и рынок оказывается в силах дать мѣсто гораздо большему количеству товаров, чѣм до кризиса. Если бы названная теорія была вѣрна, то слѣдовало-бы ожидать, что капиталистическая промышленность совсѣм не будет идти впередъ. Всякая попытка расширить производство наталкивалась бы на стѣну народной бѣдности,и,в общем, капиталистическая промышленность пребивала бы в состояніи хроническаго застоя. Но капиталистическі* мір представляет иную картину- чрезвычайно быстраго роста производства,несмотря на временние перерывы этого роста в періоди промышленнаго застоя.

Это простое соображеніе показивает всю несостоятельность теоріи недостаточности народнаго потребленія, как причини промышленних кризисов.Повторяющееся повтореніе кризисов совершенно противоречит этой теоріи,ибо, исходя из нея, слѣдовало бы ожидать хроническаго застоя капиталистическаго производства.

К этой же группѣ теорій относится и теорія кризисов Ротбертуса,построенная на так называемом "желѣзном законѣ заработной платы", безусловным сторонником котораго был Ротбертус. Согласно этому "закону",заработная плата всегда ограничивается минимумом средств существованія. Между тѣм, говорит Ротбертус",- производительность труда по мѣрѣ прогресса промышленности растет. Новия техническія усовершенствованія увеличивают количество продукта, производимаго рабочим, но из этого увеличеннаго количества самому рабочему остается прежнее абсолютное количество. Таким образом, долѣ рабочаго в трудовом продуктѣ, по мѣрѣ успѣхов техники, должна падать другими словами, рабочіе оказиваются в состояніи потребить все меньшую долю общественнаго продукта. Отсюда слѣдует,что,при успѣхах техники, извѣстная доля общественнаго капитала, занятаго в производствѣ предметов потребленія рабочаго класса, освобождается и должна переходить в другія отрасли производства.Но такой переход не может совершиться быстро и безболѣзненно.При наличности же препятствій к отливу капитала от отраслей промышленности, изготовляющих предметы потребленія рабочаго класса,эти отрасли промышленности не будут в силах сбыть весь произведенний продукт.

Таким образом возникает частичное товарное перепроизводство, которое, в силу зависимости, существующей между всѣми отраслями промышленности, превращается в общее перепроизводство; произойдет то,что называют про-

мышленным кризисом.

Теорія Ротбертуса построена логически совершенно правильно. Ротбертусъ стоитъ на почвѣ теоріи рынка Сисмонди и отнюдь не думаетъ, что бѣдность рабочаго класса дѣлаетъ невозможной реализацію общественнаго продукта. С его точки зрѣнія кризисы вызываются не тѣм, что доля рабочих классов абсолютно мала, а тѣм, что она падаетъ при всякомъ прогрессѣ техники. Вообще теорія Ротбертуса признаетъ причиной кризисовъ не избытокъ общественнаго производства, а непропорціональное распредѣленіе его.

Недостаткомъ этой теоріи являются несогласованность ея основныхъ посылокъ с фактами. Прежде всего, невѣрно " холѣзный законъ заработной платы" изъ котораго исходитъ Ротбертусъ. В эпохи промышленнаго подъема повышается реальная плата рабочаго, а не остается понижённой, какъ предполагаетъ Ротбертусъ. Эпохи промышленнаго подъема отнюдь не являются эпохами техническаго прогресса: наоборотъ, техническія усовершенствованія обыкновенно вводятся в періоды промышленнаго застоя, когда паденіе прибыли принуждаетъ предпринимателей изыскивать всякіе способы понизить издержки производства. От кризисовъ всего болѣе страдаютъ отрасли промышленности, производящія средства производства, а не тѣ, которыя производятъ предметы потребленія рабочаго класса. Вообще, теорія Ротбертуса, при всей своей логической стройности построена совершенно апріорно, и не находитъ себѣ ни малѣйшей опоры в фактах.

В концѣ концовъ, ни одна изъ разсмотрѣнныхъ теорій не в силахъ объяснить механизм капиталистическаго цикла, сохраняющаго всю свою загадочность и непонятность.

IV. О б ъ я с н е н і е к а п и т а л и с т и ч е с к а г о ц и к л а и п е р і о д и ч н о с т и к р и з и с о в. Проблема кризисовъ можетъ быть удовлетворительно разрѣшена лишь на основѣ правильной теоріи рынка. А так как современная экономическая наука, в лицѣ огромнаго большинства своих представителей, стоитъ на почвѣ ложной теоріи рынка, то насколько неудивительно, что и проблема кризисовъ оказалась ей не подъ силу.

Теорія рынка доказала, что предположеніе объ избыточномъ общественномъ продуктѣ, возникающемъ в капиталистическом обществѣ вслѣдствіе невозможности потребить весь произведенный продуктъ, совершенно ложно. Однако, наличность общаго перепроизводства в эпохи промышленнаго застоя не можетъ быть отрицаема. Из изложенной теоріи рынка какъ бы вытекаетъ, что перепроизводство можетъ быть лишь частичнымъ; в дѣйствительности же, перепроизводство в эпоху кризисовъ имѣетъ всеобщій характеръ- и это, прежде всего, требуетъ объясненія. На какой почвѣ можетъ возникать общее товарное перепроизводство, если спросъ на товары опредѣляется товарами же, и предложеніе каждаго новаго товара есть появляющійся на рынкѣ новый спросъ?

Чтобы понять природу общаго товарнаго перепроизводства, нужно сравнить капиталистическое хозяйство с условіями болѣе примитивныхъ хозяйственныхъ системъ. Предположимъ, напр., натуральный обмѣнъ- обмѣнъ продукта на продуктъ безъ посредства денегъ. Пусть, напр., сукно непосредственно обмѣнивается на хлѣбъ. В этомъ случаѣ, если хлѣбъ произведенъ в избыткѣ сравнительно с сукном, то его цѣна по отношенію к сукну понизится, но цѣна сукна по отношенію к хлѣбу повысится: избыточное производство хлѣба будетъ равнозначуще недостаточному производству сукна; пониженіе цѣны одного продукта будетъ компенсировано повышеніемъ цѣны другого. Общее перепроизводство обоих продуктовъ, очевидно, быть не можетъ, ибо не можетъ единовременно упасть цѣна как (хлѣба по отношенію к сукну, так и сукна по отношенію к хлѣбу. Перепроизводство, как и паденіе цѣнъ, можетъ быть в этомъ случаѣ только частичнымъ.

Предположимъ теперь денежный обмѣнъ. Пусть цѣна хлѣба и сукна выражается в третьемъ товарѣ - деньгах. Допустимъ, что хлѣба произведено больше, чѣм нужно производителю сукна; денежная цѣна хлѣба в этомъ случаѣ понизится. Сокращеніе это можетъ быть такимъ значительнымъ, что общая денежная сумма, вручаемая производителем хлѣба, уменьшится: за большое количество хлѣба производитель его получитъ меньше денегъ. Такимъ образомъ покупательныя средства производителя хлѣба уменьшатся. А так как на эти средства производитель хлѣба покупаетъ сукно, то, значитъ, уменьшится денежный спросъ и на сук-

но, что вызоветъ пониженіе цѣны и сукна. И сукно понизится в своей денежной цѣнѣ вслѣдъ за пониженіемъ денежной цѣны хлѣба.

Произойдетъ, иными словами, общее превышеніе предложенія товаровъ, сравнительно с денежнымъ спросомъ на нихъ, общее пониженіе цѣнъ; а общее пониженіе цѣнъ чувствуется рынкомъ, какъ выраженіе общаго товарнаго перепроизводства.

Но в основѣ общаго товарнаго перепроизводства лежитъ в этомъ случаѣ, частичное перепроизводство, непропорціональное распредѣленіе народнаго труда. Одного товара произведено больше чѣм нужно,- это вызываетъ паденіе его денежной цѣны; так как между денежными цѣнами товаровъ существуетъ извѣстная связь, то пониженіе цѣнъ охватываетъ и другіе товары. Такимъ образомъ общее перепроизводство в данномъ случаѣ не что иное как своеобразное выраженіе, в условіяхъ денежнаго обмѣна, частичнаго перепроизводства, непропорціональнаго распредѣленія общественнаго труда.

Итак, при простомъ товарномъ хозяйствѣ общее товарное перепроизводство возможно,- но отнюдь не необходимо. Наоборотъ, так как, при простомъ товарномъ хозяйствѣ потребительныя нужды населенія регулируютъ общественное производство (накопленіе капитала не являются самоцѣлью), то общественное производство при системѣ простого товарнаго хозяйства так же консервативно и мало измѣнчиво, как консервативно общественное потребленіе. Общественное производство при устойчивомъ характерѣ спроса, легко достигаетъ пропорціональнаго распредѣленія- распредѣленія в соотвѣтствіи со спросомъ. Нарушеніе этой пропорціональности вызывается не столько социальными, сколько внѣшними, матеріальными причинами- напр., неурожаями в зависимости от атмосферныхъ вліяній и т.п. Итак, в простомъ товарномъ хозяйствѣ мелкихъ товаропроизводителей, относящемуся к типу гармоническаго хозяйства, общее товарное перепроизводство есть случайное нарушеніе нормальнаго хода хозяйственной жизни.

Другое наблюдается в антагонистическом капиталистическом хозяйствѣ, гдѣ не нужда населенія, а накопленіе капитала опредѣляетъ размѣры общественнаго производства. В капиталистическом хозяйствѣ накопленіе капитала создаетъ постоянную тенденцію к расширенію производства. Капиталъ, так сказать, постоянно даетъ на производствъ, стремится двигать его впередъ. Но для возможности сбыта товаровъ требуется пропорціональное распредѣленіе общественнаго производства. Капиталистическое же хозяйство в цѣломъ хаотично и неорганизованно. При такой неорганизованности общественнаго производства расширеніе его, подъ вліяніемъ накопленія капитала создаетъ постоянную тенденцію к перепроизводству, выраженіемъ которой и являются постоянная трудность найти рынокъ для товаровъ, то постоянное превышеніе производительныхъ силъ капитализма сравнительно с возможностью их примѣненія, которое так характерно для капитализма даже в нормальное время. Эта трудность сбыта есть выраженіе, слѣдовательно, не чего другого, как трудности достигнуть пропорціональнаго распредѣленія общественнаго производства при условіяхъ капиталистическаго хозяйства. В Нормальное время эта трудность не препятствуетъ расширенію производства при условіяхъ капиталистическаго хозяйства. Но отъ времени до времени она обостряется, и тогда капиталистическое производство неизбѣжно приходитъ как бы в состояніе общаго паралича- происходитъ то, что называютъ промышленнымъ кризисомъ.

Обстоятельствомъ, усиливающимъ эти кризисы, является своеобразное орудіе обращенія капиталистическаго хозяйства- кредитъ. Если деньги устанавливаютъ связь между цѣнами товаровъ, то кредитъ дѣлаетъ эту связь несравненно болѣе тѣсной. Кредитъ также легко растетъ как и падаетъ, во много разъ увеличиваетъ покупательную силу общества в благопріятное время и моментально разрушается в трудную минуту. Благодаря кредиту, всѣ колебанія хозяйства пріобрѣтаютъ гораздо большій размахъ, и общественное хозяйство подвигается болѣе быстро, чтобы затѣм с тѣм большей силой упасть.

Но кредитъ есть только условіе, усиливающее кризисъ, а отнюдь не его основная причина. Кризисъ капитализма заложенъ глубоко, в самой природѣ капиталистическаго хозяйства. Необходимость их вытекаетъ из трехъ особенностей этой хозяйственной системы- из того, что: I) Капиталистическое хозяйство есть хозяйство антагонистическое, в которомъ рабочій является простымъ средствомъ производства для руководителя капиталистическаго произ-

пріятія; 2) что капиталистическое хозяйство в отличіе от других антагонистических хозяйств, имѣет тенденцію к неограниченному расширенію производства (как средству накопленія капитала), и 3) что капиталистическое хозяйство в цѣлом есть хозяйство неорганизованное, в котором отсутствуют планомѣрное распредѣленіе общественнаго производства между различными отраслями труда. На основѣ этих трех характерных особенностей хозяйственной системы капитализма неизбѣжно возникают хозяйственные кризисы.

Однако, это еще не объясняет периодичности промышленных кризисов капиталистическаго цикла. Почему фазисы подъема и упадка промышленности с такой удивительной правильностью сменяют другъ друга? Отвѣт на это можно найти в фактической исторіи кризисов.

Одной из самых характерных особенностей промышленных колебаній является удивительно закономѣрное и совпадающее с фазисами капиталистическаго цикла движеніе цѣн желѣза: в фазисе промышленнаго подъема цѣна желѣза неизмѣнно высока, в фазисе промышленнаго застоя неизмѣнно низка. Цѣны других товаров колеблются далеко не так закономѣрно. Это указывает, что условія спроса на желѣзо находятся в особенно тѣсной связи с фазисами капиталистическаго цикла. Фазис промышленнаго подъема есть, вмѣстѣ с тѣм, період усиленнаго спроса на желѣзо, фазис застоя- ослабленія спроса на желѣзо. Но желѣзо есть матеріал орудій труда. По состоянію спроса на желѣзо можно судить о спросѣ, вообще, на средства производства. Значит восходящій фазис капиталистическаго цикла характеризуется усиленіем спроса на средства производства, нисходящій-ослабленіем спроса на таковыя.

Но средства производства (желѣзо, уголь, дерево и пр.) находятся в усиленном спросѣ тогда, когда создается новый основной капитал страны: строятся новыя желѣзныя дороги, фабрики, заводы, дома и т.д. Фазис подъема- это період усиленнаго строительства и устройства новых промышленных предпріятій. В новѣйшее время фазисы подъема обычно сопровождаются усиленным желѣзнодорожным строительством. Желѣзнодорожная сѣть по всем міру расширялась толчками, причем періоды усиленнаго строительства во всем капиталистическом мірѣ совпадают с фазисами промышленнаго подъема, в фазисы же застоя желѣзнодорожное строительство почти прекращается.

Созданіе новаго основного капитла страны- строительство и торговое разнаго рода- не может не сопровождаться общим оживленіем промышленности. Всякое крупное расходованіе капитала (напр., постройка желѣзной дороги) создаст усиленный спрос не только на элементы основного капитала (желѣзо, машины, дерево и пр), но и на предметы общественнаго потребленія, так как рабочіе, занятые на постройкѣ, предъявляют усиленный спрос на предметы потребленія, равно как и капиталисты, барыши которых во время промышленнаго подъема особенно велики. Поэтому строительство вызывает усиленный спрос на всю совокупность товаров, производимых обществом.

С другой стороны, прекращеніе строительства сокращает спрос, прежде всего, на средства производства, а затѣм и на предметы потребленія рабочаго класса (так как число рабочих и их плата сокращаются) и на предметы потребленія капиталистов (в виду паденія прибыли). Поэтому прекращеніе расширенія основного капитала страны не может не вызвать смѣны подъема и упадка всей промышленности страны, не может не вызвать смѣны фазисов капиталистическаго цикла.

Но почему же основной капитал общества создается не непрерывно, а толчками? Объясняется это общими условіями капиталистическаго хозяйства. Капиталистическое хозяйство в цѣлом анархично и неорганизованно. Между тѣм расширеніе производства в разных отраслях труда возможно без нарушенія равновѣсія общественнаго спроса и предложенія лишь в том случаѣ, если производство расширяется пропорціонально. Поэтому расширеніе общественнаго производства при условіи капиталистическаго хозяйства встрѣчает значительныя препятствія. В особенности затруднительно пропорціональное расширеніе производства в том случаѣ, когда капитал притекает к промышленности извнѣ: помѣщается в той же отрасли промышленности, гдѣ возникает, а появляется сначала на рынкѣ в видѣ свободнаго капитала и затѣм уже находит себѣ помѣщеніе в той или иной отрасли промышленности.

Между тѣм, капиталистическое хозяйство неизбѣжно ведет к образованію таких свободных капиталов. Капитал накопляется в тысячах различных пу-

стоянно и непрерывно, как в годы промышленнаго подъема, так и упадка. В фазисе промышленнаго застоя накопленіе капитала не прекращается уже по одному тому, что доходы многих общественных классов почти не зависят для своѣм не зависят от фазисов капиталистическаго цикла. Так, рента землевладѣльцев, доходы владѣльцев государственных бумаг, чиновников, и пенсіонеров и т.д. и т.д., как общее правило, поступают также исправно в годы застоя, как и подъема промышленности. В Англіи такіе поколеблющіеся доходы составляют около пятой части всех доходов, обложенных подоходным налогом. Сооруженія всех классов, получающих неколеблющіеся доходы, продолжают в годы промышленнаго застоя итти обычным темпом. Но весь этот огромный накопляющійся капитал в фазисе промышленнаго застоя не находит себѣ помѣщенія в промышленности, ибо промышленность его, так сказать, не принимает,- для помѣщенія капитала в промышленности нужно его пропорціонально разместить между различными отраслями труда, а это при неорганизованности общественнаго производства крайне трудно осуществимо.

Таким образом, на рынкѣ скопляется свободный, незанятый капитал, который помѣщается на время в банки. Именно поэтому фазис промышленнаго застоя характеризуется огромным приливом в банки свободнаго капитала и низким уровнем дисконтнаго процента, указывающим на то, что капитал ищет и не находит себѣ помѣщенія.

Но чѣм больше скопляется в банках такого свободнаго капитала, тѣм сильнѣе стремленіе найти ему помѣщеніе в промышленности. Низкій дисконтный процент поощряет спекуляцію, легкая возможность получить в ссуду капитал, поощряет устройство новых предпріятій. И вот мало-по-малу капитал начинает проникать в промышленность. Фазис промышленнаго застоя переходит и начинается промышленный подъем.

Раз начавшись, промышленное возбужденіе быстро охватывает всѣ отрасли труда. Проникающій в промышленность капитал ведет к созданію новых предпріятій, начинается горячка, гриндерство и строительство. Промышленный подъем продолжался до тѣх пор, пока в странѣ имѣется большое количество свободнаго, незанятаго капитала.

Итак, чѣм же вызывается промышленный подъем? Тѣм что для промышленности открывается новый рынок в видѣ расходованія огромных капиталов, накопленных в годы застоя.

О размѣрѣ накопленія капиталов в разных странах капиталистическаго міра можно судить по капиталам, ежегодно помѣщаемым на биржах в разнаго рода цѣнныя бумаги (акціи, облигаціи, займы государства и общественных учрежденій и т.д.) За десятилѣтіе 1903-912 считают, что общая сумма мировых эмиссій составила 175 милліардов франков, из которых 104 милліарда было выпущено во второй половинѣ названнаго десятилѣтія.

Почему же, однако, промышленный подъем всегда заканчивается новым кризисом? Потому, что свободный капитал в теченіе фазиса подъема мало-по-малу исчерпывается. Показателем уменьшенія свободнаго ссуднаго капитала является повышеніе дисконтнаго процента обычно наблюдающееся в послѣдніе стадіи промышленнаго подъема. На рынкѣ и, прежде всего, на биржѣ начинает все сильнѣе чувствоваться недостаток свободнаго капитала. Это приводит к том, что прежнее повышательное движеніе биржевых курсов пріостанавливается и начинается обратное движеніе. В это время нерѣдко разражается биржевой кризис- иногда задолго до настоящаго промышленнаго кризиса.

Недостаток свободных капиталов дѣлает невозможным возникновеніе новых предпріятій и получение новаго капитала старыми предпріятіями. Становится все затруднительнѣе поддерживать непомѣрно напряженный кредит, и кредит начинает давать первыя трещины, за которыми иногда следуют паника и общее крушеніе. Иногда же до общей паники дѣло не доходит, но во всяком случаѣ, волна промышленнаго подъема спадает, и наступает фазис промышленнаго застоя. Застой этот вызывается тѣм, что пріостанавливается помѣщеніе новаго капитала в промышленности. Распространеніе общественнаго производства становится непропорціональным: в годы промышленнаго подъема быстро возрастало производство средств производства, сокращеніе же учредительства сокращает спрос на средства производства и, прежде всего, на же-

дѣзо. Средства производства оказываются произведенными в избыткѣ и, в результатѣ, возникает общее товарное перепроизводство. Больше всего и непосредственнѣе всего страдают от перепроизводства отрасли промышленности, изготовляющія средства производства; но кризис захватывает и отрасли промышленности, изготовляющія предметы потребленія.

Весь этот механизм можно сравнить с работой паровой машины. Роль пара играет капитал. Роль сопротивленія поршня- трудность пропорціональнаго распредѣленія производства при неорганизованности капиталистическаго хозяйства. Чѣм больше накопляется капитала, тѣм сильнѣе он давит на промышленность, подобно тому как, чѣм больше пара в цилиндрѣ, тѣм сильнѣе пар давит на поршень. Наконец, сопротивленіе поршня преодолѣвается накопляющимся паром- и, совершенно также, давленіе капитала преодолѣвает сопротивленіе неорганизованнаго состоянія промышленности, капитал приводит ее в движеніе, вызывает промышленный подъем, расходуется при этом- и промышленность опять приходит в состояніе застоя. Точно также, когда давленіе пара в цилиндрѣ достигает извѣстнаго предѣла, поршень приходит в движеніе, пар исполняет работу, теряет свою силу, и поршень возвращается на прежнее мѣсто. Понятно, что весь этот процесс, пока накопляется капитал, должен происходить періодически.

Причин періодическаго характера промышленных колебаній в Англіи заключаются, главным образом, в том, что Англія утратила свою прежнюю промышленную гегемонію в капиталистическом мірѣ; фазис промышленнаго подъема выражается в ней в настоящее время не так рѣзко, как раньше, и потому последующее паденіе происходит болѣе постепенно. Страны с быстро развивающейся промышленностью, как напр., Соединенные Штаты и Германія, испытывают теперь такіе же острые промышленные кризисы, какіе Англія переживала в прежнее время. Так, Германія перенесла очень тяжелый кризис в 1900 г., а Соединенные Штаты - в 1907 г.

Разрѣшеніе проблемы кризисов долгое время не удавалось экономической наукѣ потому, что экономисты искали причин кризисов в той или иной отдѣльной сферѣ общественнаго хозяйства- в области производства, обмѣна или распредѣленія; на самом же дѣлѣ кризисы возникают на основѣ всей совокупности явленій общественнаго хозяйства и потому не могут быть приурочены ни к одной отдѣльной сферѣ его. Круговорот общественнаго капитала неизбѣжно приводящій к капиталистическому циклу и кризисам, включает в себя как производство, так и обмѣн и распредѣленіе. Капитал последовательно превращается из одной формы в другую, преодолѣвая при этом специфическія трудности, свойственныя имению данной системѣ хозяйства- капитализму. На почвѣ преодолѣванія этих трудностей возникают кризисы и капиталистическій цикл, благодаря процессам, природа которых только что была разъяснена.

В частности должна отрицать, что извѣстная доля истины заключается и в распространенном мнѣніи, что основная причина кризисов коренится в бѣдности народных масс. Кризисы являются, как разъяснено, неизбѣжным спутником накопленія общественнаго капитала в условіях капиталистическаго хозяйства. Но быстрое накопленіе капитала, столь характерное для нашего времени, вызывается тѣм, что в распоряженіе капиталистическаго класса переходит огромная доля общественнаго продукта- иначе говоря, тѣм, что рабочій класс получает лишь небольшую часть своего трудового продукта. Такимобразом неполная оплата труда, бѣдность рабочих масс и есть основная причина стремительнаго накопленія общественнаго капитала, приводящаго к кризисам.

Последній американскій промышленный кризис 1907 г. ознаменовавшій собой переломъ в движеніи промышленной волны во всем капиталистическом мірѣ находит себе полное объясненіе с точки зрѣнія теорія кризисов, изложенной в текстѣ. Уже к концѣ 1906 г. запас свободнаго капитала в Америкѣ сократился так значительно, что нѣкоторыя крупныя железнодорожныя линіи оказались совершенно не в силах помѣстить на биржѣ свои займы. Подъ вліяніем этого недостатка свободнаго капитала, курсы биржевых цѣнностей с марта 1907 г. начали падать и на биржѣ водворилась, вмѣсто прежней повышательной, понижательная тенденція. Недостаток капитала чувствовался все интенсивнѣе и интенсивнѣе, и в августѣ того же года города Бостон и Нью-Іорк оказались в невозможности помѣстить на биржѣ свои четырех-процентные займы, хотя никакого сомнѣнія в финансовой солидности этих займов возникать не могло.

173

Уже с лѣта цѣны товаров и, особенно, металлов стали падать. К сентябрю цѣна жел'зе упала болѣе, чѣм на 2[illegible] проц. Еще болѣе понизилась цѣна мѣди, вслѣдствіе неудачи обширных спекуляцій с этим металлом, имѣвших международный характер и направленных к монополизаціи мірового производства мѣди. В октябрѣ совершенно неожиданно для огромнаго большинства дѣловых людей (хотя состояніе американскаго рынка уже в началѣ 1907г. доказывало неизбѣжность кризиса) разражается прежде всего в Нью-Іоркѣ паника, вызванная крушеніем одной крупной фирмы, принимавшей самое дѣятельное участіе в спекуляціях с мѣдью; затѣм послѣдовала пріостановка платежей цѣлаго ряда банков как в Нью-Іоркѣ, так и в других американских городах. По размѣрам паники можно судить по тому, что в концѣ октября процент за личныя деньги достигал в Нью-Іоркѣ 125 и болѣе, но и по этим чудовищным процентам не находится желающих открывать кредит. Этот необычайно интенсивный спрос на наличныя деньги был вызван почти полным исчезновеніем кредита. Правительство прибѣгло к экстраординарным мѣрам, для того, чтобы снабдить кредитныя учрежденія страны средствами для удовлетворенія потребности в кредитѣ. Чѣрез м'сяц довѣріе стало возстанавливаться, и многіе банки, пріостановившіе свои операціи в момент паники, опять возстановили платежи. Но промышленность Соединенных Штатов жестоко пострадала от этого кризиса, и весь послѣдующій год был отмѣчен крайним промышленным застоем и массовой безработицей.

Каковы же были внутреннія причины американскаго кризиса? По этому вопросу разногласій почти не существует. "Промышленный" подъем (Америки), -читаем мы, напр., в "народнохозяйственной хроникѣ" руководящаго нѣмецкаго экономическаго журнала, -был слишком быстр, чтобы образованіе капиталов могло итти тѣм же темпом. Другіе факторы не могли вызвать такого могучаго потрясенія хозяйственнаго организма Сѣв. Америки, как это произошло весной 1907г., вслѣдствіе несоотвѣтствія между образованіем и потребленіем капитала. "Поворот, который начался до паники, был вызван тѣм, -говорит автор книги об американском кризисѣ Газенкампф, -что в последнее десятилѣтіе хозяйственное развитіе обгоняло образованіе капитала. Слишком многіе оборотнаго капитала были превращены в основной... Долго, слишком значительная масса капитала была фактически уничтожена." Вообще, почти во всѣх многочисленных статьях и спеціальных періодическом прессѣ Англіи, Америки, Германіи и Франціи, посвященных американскому кризису, указывается с удивительным единодушіем, что наиболѣе глубокой причиной кризиса был недостаток свободнаго капитала.

Итак, избыток капитала, не находящаго себѣ помѣщенія, а недостаток капитала- вот что вызвало послѣдній мірово[illegible] кризис (равно как и предшествовавшіе кризисы). Отсюда видно, как несостоятельна теорія избыточнаго продукта капиталистическаго производства. Даже Америка, которая привлекает к себѣ капиталы сторых капиталистических стран, имѣет капитала не слишком много, а слишком мало, чтобы питать свою промышленность в восходящем фазисѣ капиталистическаго цикла.

Изложенная в текстѣ теорія кризисов находится в органической связи с развитой в предыдущей главѣ теоріей рынков--обѣ теоріи стоят и падают вмѣстѣ. Между тѣм успѣх их в научных кругах был весьма различен. Теорія рынка не встрѣтила сочувствія и была принята очень немногими; напротив, теорія кризисов очень быстро пріобрѣла сторонников и легла в основаніе изслѣдованій Шпитгофа, Поле, Эйленбурга, Лескюре и др., воспринявших ее цѣликом или в значительной части. И даже несогласный с ней Зомбарт в своем рефератѣ о германском кризисѣ 1900 г., прочитанном на собраніи Союза социальной политики" в 1903 г., признал ее "чрезвычайным шагом, впередъ и, большинства, высшей формой теоріи кризисов". Между тѣм, как сказано, одна теорія предполагает другую: если принимать излоэюенную теорію кризисов, то следует принять и ея логическую основу, теорію рынков, как ни кажется парадоксальна, при недостаточном проникновеніи в законы капиталистическаго хозяйства, эта послѣдняя теорія.